ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 1980

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Масленников А. А. (Москва). О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э. 5
Дашевская О. Д. (Москва). О скифских курильницах 18
Мирошина Т. В. (Москва). Скифские калафы 30
Засецкая И. П. (Ленинград). Изображение «пантеры» в сарматском искусстве 46
Андреева Е. Г. (Москва). Остеологические материалы из Гнёздова 56
Сокульский А. Л. (Запорожье). К локализации летописного Олешья . . 64
Егоров В. Л. (Москва). Мавзолей Водянского городища 74
Яблонский Л. Т. (Москва). Мусульманский некрополь Водянского городища 90

Публикации

Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. (Москва, Ленинград). Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке . . . 106
Титов В. С., Эрдели И. (Москва, Будапешт). Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР 130
Чернов Г. А. (Москва). Новые мезолитические стоянки на реках Сандибейю и Колве (Большеземельская тундра) 147
Кирчо Л. Б. (Ленинград). Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе 158
Мамонтов В. И. (Волгоград). О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье 175
Козенкова В. И., Найденко А. В. (Москва, Ставрополь). Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) 195
Брашинский И. Б., Марченко К. К. (Ленинград). Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа 211
Исмагилов Р. Б. (Стерлитамак). Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного 219
Котигорошко В. Г. (Ужгород). Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье 229

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1980 г.

Заметки

Телегин Д. Я. (Киев). Палеолитическая стоянка Збраньки на Житомирщине 248
Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. (Ленинград). Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении 251
Лисицын И. П. (Волгоград). Раннесарматские погребения в урочище Сазды Гурьевской обл. 258
Гришин Ю. С. (Москва). О некоторых случайных находках из Забайкалья 264
Розенфельдт И. Г. (Москва). Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ 267
Кривицкий В. В. (Ленинград). Бронзовый предмет со скульптурным изображением быка 272
Скрипкин А. С. (Волгоград). К датировке некоторых типов сарматского оружия 273
Петренко В. А. (Грозный). Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке 275
Корепанов К. И. (Липецк). О находке зеркала на Селитренном городище . . 283
Рубан В. В. (Николаев). Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья 287
Романовская М. А. (Москва). Керамический штамп из окрестностей с. Рудь 290
Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г. (Киев, Калуга). Импостная капитель из киевских находок 293
Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. (Уральск). Позднекочевнические погребения у поселка Рубёжка и Алебастрово Уральской обл. 300
Гмыря Л. Б. (Махачкала). Кухонные горшки Андрейаульского городища 306
Буров В. А. (Москва). Новгородские актовые печати XIV—XV вв. и социальный состав владельцев усадеб 313

Критика и библиография

Марковин В. И. (Москва). Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, вып. В 2—5. М., 1977 318
Амброз А. К. (Москва). Bierbrauer V. Die ostgottischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975 321
Петренко В. П. (Ленинград). Urtans V. Senākie deposīti Latvijā (līdz 1200 g) Rīga, 1977 327
Белецкий С. В., Пронин Г. Н. (Москва). Проблемы этнической истории Северной Руси (в сборниках кафедры археологии ЛГУ) 330

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1980

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Maslennikov A. A. (Moscow). On the population of the Eastern Crimea in the VIth — Ist centuries B. C. 5
Dashevskaya O. D. (Moscow). On Scythian censers 18
Miroshina T. V. (Moscow). Scythian calafs 30
Zasetskaya I. P. (Leningrad). The image of a «panther» in the Sarmatian art 46
Andreeva E. G. (Moscow). Osteological materials from Gnezdovo 56
Sokulsky A. L. (Zaporozhye). On the localization of the town Oleshye . . . 64
Egorov V. L. (Moscow). The mausoleums of the fortified settlement Vodyanskoe 74
Yablonski L. T. (Moscow). The moslem nekropolis of the fortified settlement Vodyanskoe 90

Publications

Bashilov V. A., Bolshakov O. G., Kouza A. V. (Moscow, Leningrad). The earliest strata of Yarim tepe I 106
Titov V. S., Erdélyi I. (Moscow, Budapest). The first results of the Hungarian-Soviet expedition in Hungary 130
Chernov G. A. (Moscow). New mesolithic sites at the rivers Sandibeiyu and Kolva (Bolshezemelskaya tundra) 147
Kircho L. B. (Leningrad). Aeneolithic and Bronze Age metal artifacts from Altyn-Depe 158
Mamontov V. I. (Volgograd). On the late burials of the srubnaya culture of the Volga region and the Volga-Don interflew 175
Kozenkova V. I., Naydenko A. V. (Moscow, Stavropol). A cemetery of the Koban culture near village Ispravnaya 195
Brashinsky I. B., Marchenko K. K. (Leningrad). The fortified settlement Elizavetinskoye at the Don — the urban type settlement 211
Ismagilov R. B. (Sterlitamak). The akinaks with the top in the shape of a big-eared gryphon and a beast of prey from the Urals region 219
Kotigoroshko V. G. (Uzhgorod). Results of investigations of the cemetery Iza I in the Trans-Karpathian region 229

Notes

Telegin D. Ya. (Kiev). A palaeolithic site Zbranki in the Zhitomir region . . . 248
Khlopin I. N., Khlopina L. I. (Leningrad). An early Bronze Age cemetery Parkhai II in Turkmenia 251
Lisitsin I. P. (Volgograd). The early Sarmathian burials in the locality Sazdi in the Guryev region 258
Grishin Yu. S. (Moscow). On some accidental finds from the Trans-Baikalian region 264
Rozenfeldt I. G. (Moscow). Details of the ritual belts from the late sites of the Dyakovo culture 267
Krivitsky V. V. (Leningrad). A bronze artifact with a sculpture of a bull . . 272

Skripkin A. S. (Volgograd). On the dating of some type of Sarmathian weapons 273
Petrenko V. A. (Grozny). On one variant of Sarmathian cult pottery at the Middle Terek 275
Korepanov K. I. (Lipetsk). On the find of a mirror at the fortified settlement Selitrennoye 283
Ruban V. V. (Nikolaev). The early Hellenistic hand-made craters from the Lower Bug region 287
Romanovskaya M. A. (Moscow). A ceramic punch from the neighbourhood of the village Rud 290
Ivakin G. Yu., Putsko V. G. (Kiev, Kaluga). An impostal capital from the finds from Kiev 293
Kriger V. A., Zhelezchikov B. F. (Uralsk). The late nomadic burials near the village Rubjozhka and Alebastrovo in the Uralsk region 300
Gmirya L. B. (Marhachkala). Kitchen pots from the Andreyaul fortified settlement 306
Burov V. A. (Moscow). Act stamps of the XIVth — XVth centuries from Novgorod and the social composition of the house-owners 313

Reviews and bibliography

Markovin V. I. (Moscow). Kozenkova V. I. The Coban culture. The Eastern variant. SAI, B 2—5. M., 1977 318
Ambroz A. K. (Moscow). Bierbrauer V. Die ostgottishen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975 321
Petrenko V. P. (Leningrad). Urtans V. Senākie depositi Latvijā (Līdz 1200 g) Rīga, 1977 327
Beletsky S. V., Pronin G. N. (Moscow). Problems of the ethnical history of the Northern Russia (in the collections of the Chair of Archaeology of the Leningrad university) 330

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.10.79 Подписано к печати 21.12.79 Т-17881 Формат бумаги 70×108 1/16
Высокая печать Усл. печ. л. 29,4 Уч.-изд. л. 32,9 Бум. л. 10,5 Тираж 3515 экз. Зак. 2382

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

А. А. МАСЛЕННИКОВ

О НАСЕЛЕНИИ ПРИБРЕЖНЫХ РАЙОНОВ ВОСТОЧНОГО КРЫМА В VI—I ВВ. ДО Н. Э.

Общеизвестно, что в некоторых местах на побережье нынешнего Керченского полуострова с VI—V вв. до н. э. жили греки. Главным образом это относилось к району, омываемому водами Боспора Киммерийского — Керченского пролива. Долгое время оставалось невыясненным, обитало ли по соседству с эллинами варварское население и кто именно или же в основном берега Черного и Азовского морей в то время были безлюдны. Сама постановка этого вопроса еще полтора десятилетия тому назад была бы преждевременной ввиду почти полного отсутствия источниковедческой базы. Действительно, свидетельства письменных источников о населении Восточного Крыма в античную эпоху крайне скупы, а об обитателях побережья они и вовсе умалчивают. Между тем своеобразие этой территории, определявшееся спецификой климатических условий, рыбные богатства Азовского моря, изрезанность береговой линии и ряд других факторов неизбежно должны были сказаться на хозяйстве и быте жившего здесь населения. Современное же состояние археологических знаний позволяет нам, хотя и не во всех случаях, не только определять этнический состав и уровень социально-экономического развития древних обществ какой-либо крупной территории, но и ставить и решать эти задачи для отдельных, локальных районов внутри данных территорий.

Благодаря широким разведкам и раскопкам последних двух десятилетий в Восточном Крыму удалось выделить целую группу своеобразных и многочисленных памятников VI—I вв. до н. э.— гробниц в виде грубых каменных ящиков с кольцевыми обкладками. Они встречаются почти повсеместно на скалистых возвышенностях недалеко от моря на всем побережье от современной паромной переправы до мыса Казантип и в некоторых местах у берега Черного моря. Наиболее крупные скопления этих гробниц известны к юго-востоку от с. Золотое, западнее и восточнее мыса Зюк, на мысе Казантип, у сел Рыбное и Семеновка, на северо-восточных склонах горы Опук (рис. 1).

Раскопки этих захоронений начал еще в конце XIX в. местный помещик, любитель древностей А. А. Дирин. На могильнике близ татарской деревни Куль-Тепе и в различных местах на побережье им было обследовано около 30 гробниц [1]. Он же сообщал, что возле дер. Чигепе (нынешнее Золотое) местные помещики Ильины в поисках золота разрушили немало таких же могил.

В середине 20-х годов гробницы с кольцевыми выкладками из камней обследовал у горы Опук Ю. Ю. Марти [2]. Аналогичные погребения,

---

[1] *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.— ЗООИД, т. XIX, 1896, с. 128.

[2] *Марти Ю. Ю.* Городища Боспора к югу от Керчи.— ИТОИАЭ, т. II, 1928, с. 103—113.

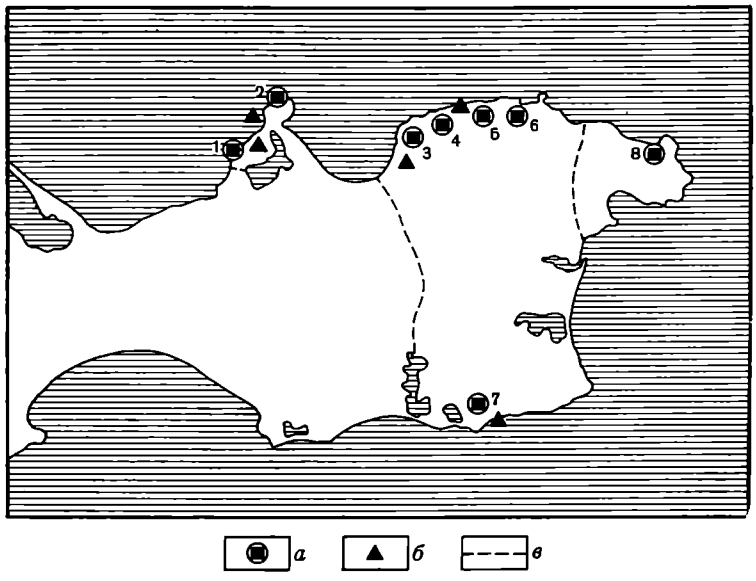


Рис. 1. Варварские могильники и поселения VI—I вв. до н. э. в некоторых прибрежных районах Восточного Крыма
а — могильники, *б* — поселения, *в* — оборонительные валы; *1* — Семеновка, *2* — Рыбное-Мысовая, *3* — Золотое, *4* — Сююрташ, *5* — Куль-Тепе, *6* — Таш-Аллак, *7* — Опук, *8* — г. Хрони

датированные V—IV вв. до н. э., раскопал в 1957 г. у дер. Рыбное А. М. Лесков [3]. Там же экспедицией И. Т. Кругликовой в 1958 г. было исследовано еще три гробницы [4].

В 1973 г. вблизи с. Золотое, в урочище «Стоячий камень», было зачищено девять грубых каменных ящиков [5], а в 1975—1977 гг. экспедицией автора раскопана еще 21 гробница. Таким образом, всего в настоящее время исследовано около 70 интересующих нас погребений. Их можно разделить на три хронологические группы, каждая из которых характеризуется особенностями в конструкции каменных ящиков и погребальном обряде, набором инвентаря и числом костяков в одной могиле (рис. 2). Естественно, границы между группами расплывчаты.

Погребений середины VI—IV вв. до н. э. известно немного — всего девять. Они представляют грубые каменные ящики средним размером 2,6×1,6×0,65 *м*, без перекрытий, окруженные кольцевыми обкладками (диаметр 4—5,6 *м*), сложенными из дикарных камней. Пространство между границами «кольца» и собственно гробницей часто заполнено более мелкими камнями. Иногда внутри одного «кольца» было два ящика разных размеров или ящик с поперечной перегородкой. Стены гробниц сложены из нескольких больших известняковых плит, слегка заглубленных в материк и подчас значительно выступавших над поверхностью земли. Все ящики ориентированы по оси восток — запад с небольшими отклонениями. Для гробниц этой группы в целом характерны захоронения одного — трех вытянутых костяков с западной ориентацией, на небольшой глубине (рис. 3) с небогатым инвентарем. Оружие представлено акинаками и многочисленными наконечниками стрел [6].

---

[3]. *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.– СА, 1961, № 1, с. 263, 264.

[4] *Кругликова И. Т.* Каменные ящики у деревни Рыбное.– В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 162.

[5] *Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П.* Работы у с. Золотое.– АО–1973. М., 1974, с. 293.

[6] Описание оружия и его датировки см.: *Корпусова В. Н., Орлов Р. С.* Могильник VI—IV ст. до н. э. на Керченському півострові.— Археологія, 1978, 28, с. 73. Стрелы, обнаруженные при последующих раскопках в могилах VI–V вв. до н. э., относятся к тем же типам.

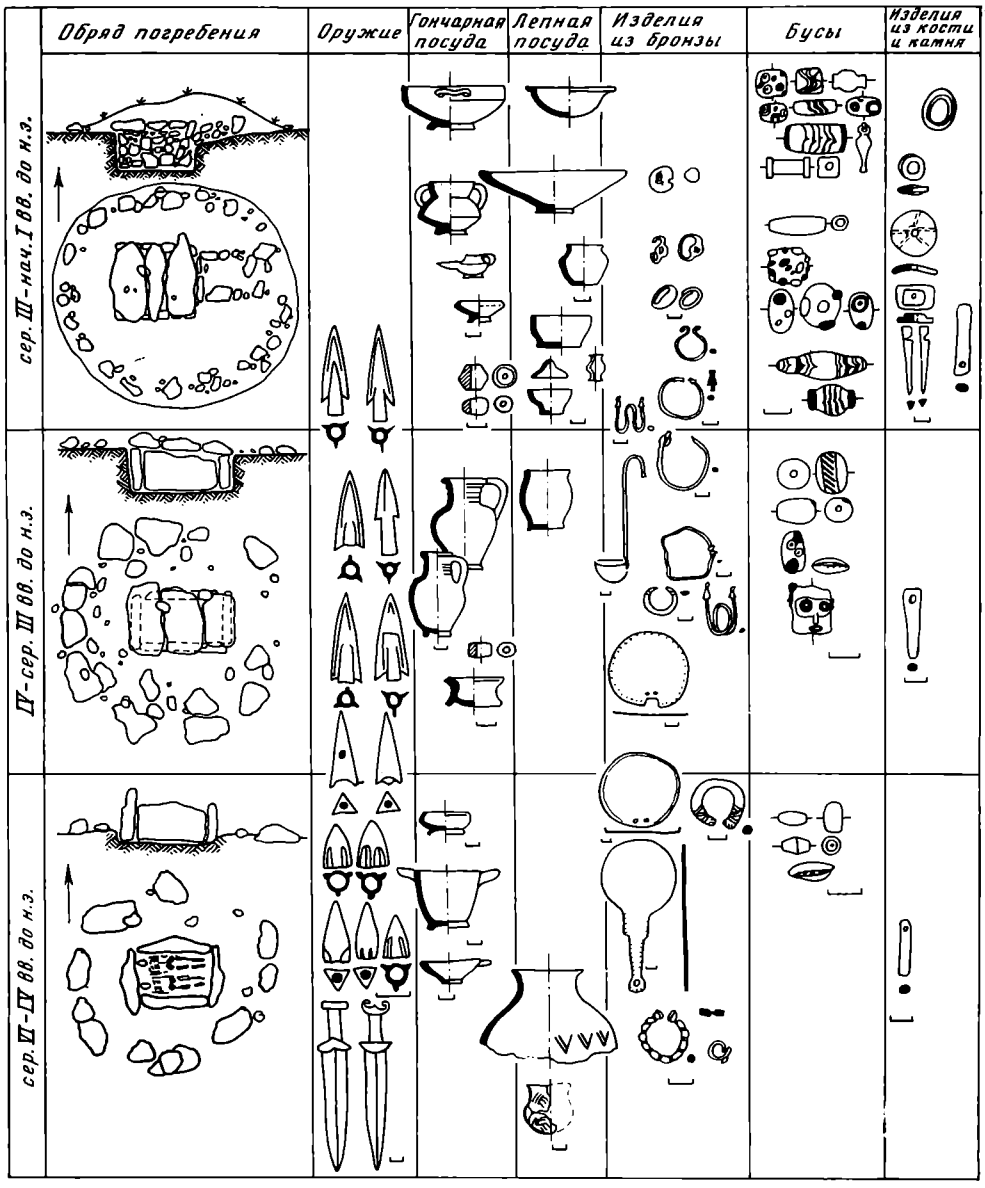


Рис. 2. Погребения в каменных ящиках Восточного Крыма

Стрелы, от 5 до 32 экз., встречаются во всех гробницах этой группы обычно у костей ног. Все стрелы бронзовые, главным образом трехгранные. Типы их весьма разнообразны, но аналогичны присутствующим в скифских наборах этого времени.

Посуда лепная, серо- и буроглиняная, с залощенной поверхностью, пока известна в очень ограниченном числе. Это — небольшой горшок с округлым дном, слегка отогнутым венчиком и нарезным орнаментом в виде полос, подобный сосуду, обнаруженному в гробнице V в. до н. э. могильника у с. Фронтовое [7]. Второй горшок, или маленькая корчажка с сильно отогнутым венчиком, плавно переходящим в тулово, на котором нанесен орнамент из косых насечек, образующих острые углы, близок некоторым типам лепной посуды предскифского времени [8].

---

[7] *Корпусова В. Н.* Про население хори античні Феодосії.— Археологія, 1972, 6, с. 43, рис. 2, 7.

[8] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 26, рис. 2, *4*; с. 54, рис. 24, *4*; с. 57, рис. 27, *5*.

Рис. 3. Гробница V—IV вв. до н. э. Могильник у с. Золотое

Греческая керамика обнаружена в семи могилах. Наиболее ранний экземпляр представлен одноручной ионийской чашечкой второй половины VI в. до н. э.[9] с двумя полосами красноватого лака на внутренней поверхности. К третьей четверти V в. до н. э. относится чернолаковый скифос[10]. Наконец, концом V — началом IV в. до н. э. датируются чернолаковые чашечки-солонки[11]. Кроме того, в могилах встречаются фрагменты чернолаковой посуды V—IV вв. до н. э. В погребениях посуда, как правило, ставилась в изголовье, реже в ногах покойника.

Женские погребения сопровождались бронзовыми зеркалами, браслетами, мелкими украшениями. Среди зеркал самым ранним является довольно редкое зеркало с длинной ручкой, составляющей с плоским диском одно целое. Ширина ручки, имеющей на конце круглое отверстие, у основания диска увеличивается вдвое резким переходом. Диаметр зеркала 18 *см*, длина ручки, по краям которой заметен орнамент из коротких и частых насечек,— 18 *см*. Форма зеркала близка к так называемым коринфским зеркалам середины VI в. до н. э.[12] Второй, более поздний тип зеркал — это круглый (диаметром 14,8 *см*) диск со слегка отогнутым бортиком, крепившийся к деревянной ручке.

Браслеты из круглой в сечении проволоки довольно массивны. Все они с незамкнутыми, слегка утолщенными концами. Поверхность самых ранних из них, обнаруженных в могиле VI в. до н. э., кольцевыми перехватами делится как бы на отдельные звенья. Прочие изделия — это кольца из тонкой проволоки с заходящими друг за друга концами и мелкие поделки в виде коротких стержней с перехватом посередине и лунниц. Следует отметить также перстень V—IV вв. до н. э. греческой работы с изображением на щитке фантастического животного[13].

---

[9] *Lambrino M. F.* Les vases archaiques d'Histria. Bucuresti, 1938, c. 180, fig. 134.

[10] *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. London, 1950, v. XIII, pl. 193, 196, 197, № 599–563; Аполлония. София, 1963, табл. 109, № 490; The Athenian Agora. Princeton, 1970, v. XII, pl. 16, № 343.

[11] *Robinson D. M.* Op. cit., pl. 219, № 759.

[12] *Белимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания.– Тр. ГЭ, т. XVII, с. 36, рис. 2, с. 39, 59.

[13] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 263.

Крайне редко встречаются в гробницах первой группы стеклянные бусы овальной и биконической формы. Попадаются также и железные ножи с прямой спинкой, без следов крепления ручек заклепками. Следует отметить, что одиночные, предположительно женские погребения отсутствуют.

Ко второй хронологической группе относятся гробницы IV — первой половины III в. до н. э. Всего их раскопано 38. Каменные ящики попрежнему сложены из нескольких больших, часто подтесанных плит. Они полностью заглублены в материковый грунт и иногда перекрыты двумя-тремя известняковыми глыбами. Средние размеры гробниц 2,3×1,4×0,9 *м*. Диаметр кольцевой обкладки достигает 6 *м*. Количество костяков в одной могиле возрастает до пяти-шести. Сохраняется устойчивая западная ориентация и вытянутое трупоположение (рис. 4). Вместе с тем встречаются погребения этого времени в гробницах, облик которых характерен для могил первой группы. Естественно, изменения в погребальном обряде одноэтничного населения, как правило, не носили резкого характера. То же можно сказать и о погребениях, переходных от второй к третьей группе.

В большинстве погребений встречаются отдельные наконечники стрел. В основном они бронзовые трехлопастные, но попадаются и железные с длинными втулками.

Лепная посуда представлена лишь одним небольшим сероглиняным горшком. Сосуды подобной формы обычны для керамики этого времени, в частности встречаются в скифских захоронениях IV—III вв. до н. э. в курганах Керченского полуострова [14].

Более разнообразна античная керамика. Это чернолаковые чашечки-солонки [15] середины — третьей четверти IV в. до н. э.[16] Среди вещей, добытых А. А. Дириным, был также чернолаковый килик первой половины IV в. до н. э. с тонкими, изящно изогнутыми и поднятыми кверху ручками [17]. Как и прежде, в большинстве могил посуда лежала в изголовье.

Второй половиной IV в. до н. э. датируются красно- и сероглиняные кувшины [18]. Для женских погребений обычной находкой являются цилиндрические глиняные пряслица и железные ножи с прямой или слегка изогнутой спинкой без заклепок, бронзовые зеркала, браслеты, подвески. Круглые зеркала диаметром 14—15 см с выемками на месте крепления деревянных ручек по краю диска украшены несложным орнаментом из заходящих друг на друга кругов. Такие типы зеркал присутствуют во многих (как греческих, так и варварских) захоронениях IV—III вв. до н. э.[19]

Для этого времени характерны постоянно встречающиеся в гробницах и чрезвычайно распространенные по всему Северному Причерноморью и некоторым другим районам античного мира подвески в полтора оборота с пирамидальными утолщениями и шариками на концах. Большим разнообразием форм отличаются браслеты. Есть экземпляры, изготовленные из тонкой проволоки с закрученными концами, из уплощенной овальной в сечении проволоки с закругленными, украшенными насечками незамкнутыми концами. Особенно примечательны тоненькие

---

[14] *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.– В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 126, рис. 15, *10*.

[15] *Онайко Н. О.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э.– САИ, Д 1-27, М., 1970, с. 17, 60, табл. IX, № 346, 348, 710, 720.

[16] Аполлония. София, 1963, табл. 117, № 594, с. 226.

[17] *Дирин А. А.* Ук. соч.. с. 129, табл. V, рис. 1.

[18] Подобные кувшины часто встречаются в некрополях греческих городов в могилах второй половины IV–III в. до н. э. См. *Капошина С. И.* Некрополь в поселке им. Войкова.– МИА, № 69, 1959, с. 137, рис. 43; с. 140.

[19] *Коровина А. К.* Тирамба (городище, некрополь).– Сообщ. ГМИИ, 4, 1968, с. 72, рис. 20.

Рис. 4. Гробница IV—III вв. до н. э. Могильник у с. Золотое

браслеты с зооморфными изображениями на концах. Среди сохранившихся зарисовок вещей, раскопанных А. А. Дириным, есть и бронзовый черпак для вина [20]. Стеклянные овальные бусы по-прежнему попадаются в очень незначительном числе. Изредка встречаются раковины каури, а также небольшие каменные оселки с отверстиями.

Каждый каменный ящик использовался неоднократно. Об этом свидетельствуют сдвинутые в кучу, в угол гробниц, кости захороненных ранее покойников.

К третьей группе относятся погребения второй половины III — первой четверти I в. до н. э. Гробницы этой группы увеличились в размерах. Они сооружались из большого числа средних и мелких камней и имели солидные перекрытия из огромных глыб. Щели между камнями часто заделаны зеленоватой глиной. Дно гробниц — материковый грунт. Средние размеры гробниц 2,9×1,8×1,3 *м*. Диаметр колец вокруг них 7—9 *м*. Появились примитивные склепы с пристроенными к ним с востока дромосами и невысокими (0,5—1,5 *м*) курганными насыпями. Ориентация и склепов, и ящиков осталась прежней: восток — запад с незначительными отклонениями. Все подкурганные гробницы основные. Количество костяков резко увеличивается, в некоторых склепах их более 40. Доминирует вытянутое трупоположение с западной ориентацией. Однако встречаются скорченные погребения и восточная ориентация. В отме-

[20] *Дирин А. А.* Ук. соч., табл. V, рис. 9.

ченных особенностях отчетливо ощущается влияние традиций и строительных приемов населения, оставившего подкурганные, обычно считаемые скифскими[21] погребения V—III вв. до н. э. в степной части Керченского полуострова.

Особо следует отметить наличие в некоторых могилах следов ритуальной окраски костяков, золы и подстилки из камки. Инвентарь хотя и несколько более многочисленен, но довольно беден. Совершенно нет оружия. Увеличилось количество лепной посуды. Вся она без орнамента, сероглиняная. Тесто грубое, с включениями толченой ракушки и песка. Наиболее распространенные типы посуды — чашки и миски различной формы. Встречаются также небольшие горшки, крышки для чашек и крохотные флакончики.

Греческая гончарная посуда представлена буролаковыми и простыми красноглиняными чашечками, буролаковой тарелкой с ручками-налепами и высоким прямым бортиком, а также сероглиняным двуручным горшочком. Примечательна и находка в двух гробницах буроглиняных, сильно закопченных закрытых светильников II—I вв. до н. э.[22] Строгой закономерности в расположении посуды в могиле выявить не удалось.

При женских захоронениях часто попадаются овальные, цилиндрические и биконические глиняные и костяные пряслица. Среди изделий из бронзы можно отметить немногочисленные браслеты с незамкнутыми загнутыми в кольцо или просто заостренными концами из тонкой круглой в сечении проволоки. Подвески в полтора оборота редки. Довольно многочисленны перстни со щитками и простые кольца из тонкой проволоки, закрученной в спираль или в полтора оборота. Встречаются бронзовые иголки и железные ножи с горбатыми спинками, крепившиеся к деревянным и костяным ручкам заклепками. В одной из гробниц найдена подвеска из медной боспорской монеты IV в. до н. э., а также маленькая медная монетка конца II — начала I в. до н. э.[23]

Особенностью захоронений III—I вв. до н. э. является присутствие в них большого количества бус (до 300), главным образом стеклянных, а также фаянсовых, сердоликовых, каменных и гешировых. Формы их самые разнообразные. Попадаются стеклянные и гешировые подвески в виде амфорок, алтариков и пронизи из раковин каури. Все они относятся к типам и формам бус второй половины III — первой половины I в. до н. э.[24]

Из костяных изделий следует отметить находку в одной из гробниц 11 иголок для вязания сетей и пряслица из человеческой черепной кости с несложным орнаментом из полос, нанесенных черной краской. Изредка в могилах встречаются каменные оселки с отверстиями, чаще круглые или овальные в сечении.

Иногда среди камней кольцевых обкладок попадаются отдельные фрагменты амфор, чаще всего синопских или гераклейских. Более или менее отчетливых следов тризны (зола, кости животных, значительное число обломков керамики) не зафиксировано ни разу.

Раскопки гробниц позволяют, таким образом, представить погребальный обряд местного населения на протяжении почти шести веков: со второй половины VI в. до н. э. и по крайней мере до I в. до н. э.

Заканчивая рассмотрение могильников, остановимся еще на одной группе памятников, которые, возможно, как-то связаны с погребальным обрядом. На относительно ровных участках в долинах восточнее с. Золотое, вблизи исследованного некрополя, выложены из камней большие круги. Диаметр их различен и колеблется от 20 до 37 *м*. Контрольные

[21] *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 115–119.

[22] *Bernhard M. L.* Lampki starozytne. Warszawa, 1955, tabl. XXV, *134*.

[23] *Зограф А. Н.* Античные монеты.– МИА, № 16, 1951, т. XLIII, № 4.

[24] Все бусы определены Е. М. Алексеевой, которой автор выражает глубокую признательность.

траншеи (шириной 1—1,5 *м*), прорытые через центр двух таких колец, не выявили каких-либо гробниц или иных сооружений. Однако приблизительно по центру их в обоих случаях были найдены плоские камни со сквозными отверстиями в середине. Размеры одного из них, самого крупного,— 1,16×1×0,23 *м*. диаметр отверстия 0,19 *м*. Следов золы или костей вблизи них не обнаружено. Назначение этих камней, как и всех сооружений, осталось невыясненным [25]. Очень заманчиво было бы видеть в них культовые постройки, алтари или нечто подобное. Поскольку все камни фактически находились на поверхности земли, то неудивительно, что никаких следов золы или костей не сохранилось. Находки среди камней кольца фрагментов гераклейских амфор, в том числе с клеймом Ἡροδωρ[ου] второй четверти — конца IV в. до н. э.[26], позволяют надеяться, что эти загадочные постройки весьма древние.

В целом анализ погребального обряда и инвентаря свидетельствует об определенной скромности достатка обитателей прибрежных районов. Нам не удалось проследить заметной имущественной дифференциации.

Помимо могильников в прибрежных районах обнаружены и поселения, к сожалению, раскопанные еще далеко не достаточно. Непосредственно вблизи некрополя у с. Золотое находятся развалины весьма обширной неукрепленной «деревни», где вскрыты остатки домов. Один из них состоял из двух помещений. Размеры домов, вытянутых с востока на запад, соответственно 5,3×7,5 *м* и 5,5×11 *м*. Цоколь стен был сложен из двух рядов больших камней. Толщина стен у основания 1,5 *м*. Выше цоколя стены не сохранились. Вероятно, они возводились из мелких камней и сырца. Пол помещений сплошь выложен мелкими камнями. Перед входом в один из домов с северной стороны находилась небольшая прямоугольная площадка (5,5—2 *м*) и крохотный дворик. Возможно, нечто подобное было и возле другого дома, но эта его часть не сохранилась. Уровень поверхности этой площадки несколько выше пола в помещениях. В обоих домах в юго-восточном углу имелись небольшие квадратные очаги. Жилища были возведены на сплошной зольной «подушке» толщиной 0,25—0,35 *м*. Это делалось для утепления помещений, что в условиях достаточно суровых зим в Восточном Крыму совсем не лишнее.

Находки в домах состоят главным образом из фрагментов гераклейских и синопских амфор IV—III вв. до н. э., небольшого числа обломков простой сероглиняной и лепной (горшки, миски) посуды. Найдены также закрытый светильник эллинистического времени из коричневой глины, дно чернолакового канфара второй половины IV—III вв. до н. э., каменный терочник возле одного из очагов, три синопских клейма конца IV и середины II в. до н. э.[27] В 15 *м* к югу от этих построек находился небольшой зольник (1,2 *м* высотой). В нем обнаружено много битой посуды, в том числе лепной, с орнаментом в виде вдавлин по венчику, два гераклейских клейма (одно — первой четверти IV в. до н. э.), а также створки мидий, куски печины, обломок каменного грузила для сетей. Любопытно, что при раскопке домов и зольника найдено ничтожное количество костей животных и рыб. Впрочем, это, вполне возможно,

[25] Аналогичные круг и камень с отверстием упоминает при описании района у мыса Такиль М. М. Кубланов (см. *Кубланов М. М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля.– КСИА АН СССР, № 83, 1961, с. 92). Сооружения из концентрических кругов, служившие местами захоронений в течение длительного периода времени, вплоть до I в. до н. э., были раскопаны в Абхазии. См. *Шамба Г.* Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

[26] *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э.– НЭ, XI, 1974, с. 6, 10, 17.

[27] К III группе (по Б. Н. Гракову), т. е. к 220–180 гг. до н. э., относится клеймо: Ἀυ[νόμου] Αισ]χίνου Πε]ιστου ; к V группе, т. е. около 150–120 гг. до н. э.,– клеймо Ἀστ]υνόμου Πυ]θόχρεστου τ]ου Ἀπολλωνίδ[ου Δῶρος (см. *Граков Б. Н.* Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1929, с. 138, 144–146).

объясняется их употреблением в качестве дополнительного топлива, что в здешних местах, небогатых деревом, вполне допустимо.

Приведенный материал позволяет считать, что это большое поселение было обитаемо по крайней мере в IV—II вв. до н. э.

Остатки аналогичного поселения, но только хуже сохранившегося, состоявшего из расположенных в 30—50 *м* друг от друга небольших домов, были обследованы И. Т. Кругликовой в 1954 г. к западу от с. Золотое, в 1 *км* от берега Азовского моря [28].

К этой же группе «деревень» относилось и поселение V—II вв. до н. э. у с. Мысовка в юго-западной части п-ова Казантип. На нем прослеживается три слоя: по-видимому, V—IV, IV—III и второй половины III—II вв. до н. э.[29] Следы селища такого же типа обнаружены в 1 *км* к юго-западу от раскопанного И. Т. Кругликовой поселения Семеновка у Романовой бухты. Хорошо укрепленное поселение Золотое Восточное датируется также III — началом I в. до н. э.[30] Разоренные гробницы, расположенные вблизи него, сильно напоминают погребения третьей хронологической группы. Возможно, в прибрежных районах есть и другие, пока еще не найденные селища и «деревни».

Заканчивая обзор поселений, необходимо отметить, что и в строительных приемах, и в облике жилищ, и в характере находок у них очень много общего. Все они соседствуют с описанными выше могильниками. Наконец, примечательно и то, что все они перестали существовать или были разрушены в конце II — начале I в. до н. э.[31] Единство форм и состава теста и примесей лепной посуды, находимой при раскопках погребений и «деревень», некоторая общность строительных приемов (использование зеленоватой глины для замазки щелей между камнями, подтесы скал), одновременность и территориальная их близость позволяют считать что и те и другие памятники оставлены одним населением. Наконец, кроме описанных могил, вблизи поселений иных захоронений не обнаружено.

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность сделать некоторые, хотя и весьма предварительные, выводы и о хозяйстве жителей побережья Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э. Значительное место в нем, видимо, занимало земледелие. В этой связи весьма показательна находка на поселении Мысовое обломка железного серпа [32]. Да и сами поселения вовсе не напоминают временные коши скотоводов, хотя, возможно, они и были в здешних местах, а скотоводство в хозяйстве местных жителей играло немаловажную роль. Вместе с тем надо оговориться, что раскопки поселений, к тому же плохо сохранившихся, осуществлены в масштабах, еще далеко не достаточных для полного подтверждения выдвинутых предположений.

Для посевов, во всяком случае в ранний период, скорее всего использовались не обширные пространства степей, примыкавших к прибрежным районам, а более плодородные, мягкие почвы подчас значительных по площади долин, расположенных между спускающимися к морю скалистыми кряжами. Укрытые от степных ветров, менее каменистые эти поля получали больше влаги вследствие того, что сюда стекала со склонов окружавших их скал и холмов дождевая и талая вода. Естественные преимущества этих участков были искусственно усилены. Во многих долинах отчетливо заметны невысокие валы, перегораживающие их в направлении, параллельном береговой линии. Расстояние между валами колеблется от 30 до 50 *м*. Раскопки нескольких из них показали, что в

---

[28] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 77, 78.

[29] Там же, с. 76, 77.

[30] *Кругликова И. Т.* Поселение Золотое Восточное – КСИИМК, вып. 70, 1957, с. 130 сл.

[31] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 99–101.

[32] Там же, с. 76.

основе их лежит невысокая стена или вернее загородка, сложенная из одного ряда больших камней. Валы, вероятно, служили своеобразными конденсаторами влаги. Никаких находок, свидетельствующих о времени их сооружения, сделано не было. Впрочем, иного результата и не приходится ожидать, ибо обломки керамики могли попасть в каменную изгородь лишь случайно, а фрагменты посуды разного времени, подобранные в долинах, были намыты сюда потоками воды. Примечательно, что многие из этих долин и сейчас считаются у местных жителей самыми удобными и плодородными.

Вряд ли можно допустить, что рыбные богатства Азовского моря, в особенности Казантипского залива, совсем не использовались обитателями прибрежных районов. Море, видимо, не было им враждебно. Во всяком случае, все известные поселения и могильники находятся хотя и на разном, но довольно незначительном расстоянии от берега. Чешуя рыб и обломки грузил встречаются в зольнике на поселении у с. Золотое, а в одной из могил III—I вв. до н. э., как уже говорилось, найден набор костяных игл для вязания сетей.

Самым сложным, но, естественно, самым важным и интересным является вопрос об этнической принадлежности населения некоторых прибрежных районов Восточного Крыма в рассматриваемое время. Основанное на чисто внешнем сходстве исследуемых гробниц и таврских ящиков горного Крыма утверждение А. М. Лескова о таврском населении этих мест [33] было полностью поддержано Э. В. Яковенко [34]. К тому же мнению склонялась и И. Т. Кругликова [35]. В настоящее время принято археологические памятники предгорий и южного берега Крыма в эпоху раннего железа делить на собственно таврские и кизил-кобинские [36]. При этом носителей кизил-кобинской культуры некоторые исследователи считают поздними киммерийцами [37]. Утверждение о принадлежности рассматриваемых гробниц таврам неправомерно. На всех этапах развития таврской культуры покойников хоронили в скорченном положении с самой различной ориентацией [38]. Погребальный же обряд кизил-кобинцев изучен еще недостаточно.

Нам уже приходилось говорить об известном сходстве исследуемых гробниц VI—IV вв. до н. э. с некоторыми типами, вероятно, синдских могил этого же времени, открытых в окрестностях Анапы [39]. Эта общность проявляется в конструкции каменных ящиков, кольцевых обкладках, господстве коллективных (два-три костяка) вытянутых захоронений. Однако синдам была присуща устойчивая восточная и северо-восточная ориентация и большее разнообразие типов гробниц. Не совсем ясно их соотношение с многочисленными захоронениями V—III вв. до н. э. в степной части Керченского полуострова, которые принято считать скифскими. Строго говоря, все авторы, занимавшиеся их исследованием, непременно отмечали значительное своеобразие этих погребений в сравнении с обычными, собственно скифскими захоронениями в курганах степного Причерноморья и даже Центрального Крыма [40].

[33] *Лесков А. М.*. Об остатках таврской культуры..., с. 263, 264.

[34] *Яковенко Э. В.* Скифские погребения на Керченском полуострове.– ПСА, М., 1971, с. 164.

[35] *Кругликова И. Т.* Каменные ящики у деревни Рыбное.– Сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 165.

[36] *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре.– ВДИ, 1971, № 4, с. 156 сл.; *Щепинский А. А.* Население южного берега Крыма в эпоху раннего железа.– Археологія, 1977, № 21, с. 30–38.

[37] *Щепинский А. А.* Ук. соч., с. 38.

[38] *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 89.

[39] *Масленников А. А.* Об этнической принадлежности погребений в каменных ящиках Восточного Крыма.– КСИА АН СССР, № 145, 1976, с. 19, 22; см. также *Корпусова В. Н., Орлов Р. С.* Могильник VI—IV ст. до н. э. на Керченському півострові, с. 75, 76.

[40] *Троицкая Т. Н.* К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове.– Известия Крымского отделения

Следует учитывать и то, что античные авторы хотя и помещают скифов по соседству с Боспором, но не всегда ясно, где именно: в Центральном Крыму или также на Керченском полуострове. К тому же они часто пользовались (как это уже многими и неоднократно отмечалось) этим названием как собирательным именем для различных, в том числе и нескифских, местных племен. Вероятно, вопрос о том, являются ли памятники степной части Восточного Крыма (могилы и поселения) локальным вариантом собственно скифской культуры или одной из особых культур «скифского» типа, еще нельзя считать окончательно решенным.

Вернемся, однако, к сопоставлению гробниц степных и прибрежных районов Керченского полуострова. Нельзя не отметить, что между ними немало общего. Идентичны формы оружия, лепной керамики IV—III вв. до н. э., такие черты погребального обряда, как поза покойного, ориентация. Однако в VI—V вв. до н. э. можно выделить и черты различия. Более «архаичными», своеобразными выглядят сами каменные ящики прибрежных могильников, которым для этого времени чужды курганные насыпи. Кольцевые обкладки вокруг них, вероятно, связаны с определенными религиозными представлениями — культом предков и являются своего рода магическими оградками. Наконец, не вся лепная керамика находит, как говорилось выше, аналогии среди скифской посуды.

Как уже отмечалось, в гробницах III—I вв. до н. э. эти различия практически стираются. Если учесть, что погребения позднее конца III в. до н. э. в курганах глубинных районов полуострова отсутствуют, то захоронения III—I вв. до н. э. вблизи побережья представляют значительный интерес. Вторая половина III в. до н. э.— весьма примечательный рубеж в истории Боспорского государства, время значительных изменений во многих сторонах его жизни [41].

Так, в силу экономических, политических, а возможно, и климатических причин жители глубинных районов полуострова переселились (или были переселены) в прибрежные области. Сельские поселения степной части Восточного Крыма пустеют. Вместо незащищенных деревень на новых местах возникают укрепленные усадьбы (у Мирмекия, Ново-Отрадного), а также компактные поселения в удобных для обороны местах (например, Золотое, Золотое Восточное) [42].

Пришлое население смешалось с жителями побережья, что, как отмечалось, отразилось на погребальном обряде обитателей этой зоны. Отдельные его элементы (присутствие в гробницах монет, светильников [43]) свидетельствуют и об известной эллинизации всего негреческого населения. Вопрос о взаимосвязи двух рассмотренных групп варварских погребений в V—III вв. до н. э. в Восточном Крыму еще не вполне ясен. Однако нам кажется, что ранние погребения VI—IV вв. до н.э. в прибрежных районах достаточно своеобразны, чтобы рассматривать их как остатки какой-то местной самобытной культуры. А если это так, то какой же именно?

Античная традиция единодушно связывает Восточный Крым с территорией легендарных киммерийцев. Геродот, повествуя о борьбе киммерийцев и скифов, называет «киммерийские укрепления», «киммерийскую переправу», впервые употребляет название всей страны — «Боспор Киммерийский» [44]. У некоторых более поздних авторов имеются и дру-

---

географического общества СССР, IV. Симферополь, 1957; *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 130, 131.

[41] *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье.– Сб. ПИСПАЭ. М., 1959, с. 24–26.

[42] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 20, 96–99, 102.

[43] Светильник в представлении греков классической эпохи – символ очищения (*Новосадский Н. И.* Элевсинские мистерии. СПб., 1887, с. 178).

[44] Herod., IV, 11–12.

гие связанные с киммерийцами названия мест и селений на Боспоре. Страбон прямо говорит, что «...киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор назван Киммерийским» [45].

Принято считать, что даже первые греческие поселенцы уже не застали в Восточном Крыму киммерийцев. Между тем целый ряд названий боспорских городов имеет весьма древнее и явно негреческое происхождение. Не исключено, что эти города возникли на месте туземных поселений или непосредственно выросли из них. Поскольку господствовавшие в Крыму царские скифы в VII—V вв. до н. э. были кочевниками, можно предположить, что жителями этих селений первоначально были остатки какого-то доскифского, хотя бы частично оседлого населения, которыми на рассматриваемой территории вполне могли быть киммерийцы. Не противоречит этому и ираноязычный или даже индоарийский характер названий. Мнение об ираноязычности основной части киммерийцев сейчас разделяется многими исследователями. В этой связи примечательно наименование боспорской столицы — Пантикапей, переводимое В. И. Абаевым как «рыбный путь» [46]. В. Д. Блаватский [47] обратил внимание на то, что подобное название могло возникнуть лишь в среде более или менее оседлого населения, связанного с рыболовством, каковым никак нельзя признать ранних скифов.

Очень заманчиво поэтому рассматривать описанные выше гробницы, во всяком случае ранней группы, как памятники уцелевшего автохтонного условно киммерийского населения. И быть может, не столь уж нереальны, как это кажется с первого взгляда, слова писателя II в. н. э. Дионисия о том, что киммерийцы живут по берегам Боспора Киммерийского, по соседству с синдами и керкетами [48]. Как знать, не восходит ли это описание к еще более древнему, чем считал М. И. Ростовцев [49], источнику и не отражает ли оно реальную картину населения этого района.

Однако необходимо признать, что для полного доказательства киммерийского происхождения обитателей некоторых прибрежных районов Восточного Крыма в наших построениях не хватает «начального звена». Пока у нас нет комплексов (погребений или слоев поселений), относящихся к VII — началу VI в. до н. э. и убедительно показавших бы связь и генетическую преемственность рассматриваемых памятников и местных культур предскифского времени. Возможно, такие находки будут сделаны.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном интересном моменте. Возвращение скифов из Малой Азии в конце VII — начале VI в. до н. э.— событие реальное, и, возможно, какие-то столкновения их с местным населением действительно происходили. Не исключено, что скифы даже были вынуждены утверждать свое господство над ним заново. Часть местного населения под давлением скифов отступила на Керченский полуостров, где пыталась организовать отпор. Быть может, к этому времени относится сооружение здесь целой системы валов и рвов, известных грекам по крайней мере с V в. до н. э. Все это только гипотеза. Но предполагаемое время возвращения скифов как будто бы согласуется с датировкой наиболее ранних погребений в каменных ящиках прибрежных районов Восточного Крыма.

Таким образом, обитателями этой территории в VI—I вв. до н. э. были потомки уцелевшего местного населения, в значительной степени «оскифившиеся», растерявшие многие элементы своей самобытной куль-

---

[45] Strab., XI, 2, 5.
[46] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, т. I. М., 1949, с. 17, 173, 193.
[47] *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 18, 19.
[48] Dion. Per., 67, 652–710.
[49] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 81.

туры и даже этникон за время господства над Восточным Крымом сначала скифов, а затем боспорских правителей. Окончательно следы этого загадочного населения теряются где-то в бурную, богатую событиями Митридатову эпоху. Во всяком случае, характерных захоронений в каменных ящиках с кольцевыми обкладками позднее начала I в. до н. э. в этих районах уже нет.

A. A. Maslennikov

ON THE POPULATION OF THE COASTAL REGIONS OF THE EASTERN CRIMEA IN THE VIth—Ist CENTURIES B. C.

Summary

Archaeological materials are the most significant for the studies of the history of the population of the coastal regions of the Kerch peninsula. Especially interesting are the burials in stone boxes with ring-shaped facing. These tombs are met at rocky platoes near the sea, sometimes in a rather great number. At the present moment there are materials from more than 70 burials. They are divided at three chronological groups: the VIth – early IVth centuries B. C.; the IVth – middle of the IIIrd century B. C.; and the middle of the IIId – the Ist century B. C. Each group is characterized by peculiarities in construction of the stone boxes, in funeral rites, the number of skeletons in a grave, and in grave furniture. Remains of settlements of the Vth – Ist centuries B. C. are found near the cemeteries. The funeral rites differ from the Scythian, Tavrian and Sindian rites, but at the same time have common features, especially with the Scythian. Excavations of tombs and settlements show, that it was a settled population, the main its occupation was farming, then cattle-breeding and fishing. In the Ist century B. C. as a result of some economic and political disasters the coastal population reduced in number or had to abandon this territory. The ethnic characteristic of this population is rather complicated. It might be the remains of the autochtonous pre-scythian population.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

О СКИФСКИХ КУРИЛЬНИЦАХ

В числе скифских ритуальных предметов внимание исследователей не раз привлекали лепные курильницы, особенно имеющие уникальный символический орнамент. За последние годы, главным образом благодаря раскопкам в Северо-Западном Крыму, появился новый материал, который заслуживает специальной публикации и вместе с тем позволяет подойти к некоторым общим вопросам, касающимся этого рода вещей.

Несколькими экземплярами пополнилась характерная для Крыма серия толстостенных подвесных курильниц с шаровидным туловом на высоком поддоне. Как было замечено Т. Н. Троицкой, а затем подтверждено находками Э. В. Яковенко, наиболее ранние сосуды этого типа не имеют орнамента[1]. Такой сосуд (рис. 1, *1*) был найден в 1972 г. в г. Евпатории при строительных работах на территории некрополя Керкинитиды[2]. Высота курильницы 17 *см*. В венчике, как обычно, с противоположных сторон — два наклонных отверстия-канала для подвешивания. Поверхность серая, лощеная, без желобков. Комплекс, из которого происходит этот сосуд, остался неизвестным. Поскольку неорнаментированные курильницы датируются не позже II в. до н. э., а скифы захватили греческий город Керкинитиду вряд ли намного ранее этого времени[3], то евпаторийскую курильницу можно предположительно отнести к концу III—II в. до н. э. Ближайшие аналогии ей известны из кургана 2 на бывшей земле Черкеса близ Симферополя[4] и из кургана с каменным склепом у с. Ленино (Восточный Крым)[5].

Орнаментированная курильница того же типа обнаружена в Беляусском могильнике, в земляном склепе 31 (рис. 2 и 3)[6]. Высота сосуда 12,8 *см*. Поверхность лощеная, темно-серая, местами черная. Глина плотная, хорошего обжига. Два отверстия для подвешивания сделаны в шейке под венчиком. Там же проходит опоясывающая шейку вдавленная линия; вторая, под которой бахромой расположены глубокие овальные ямки, опоясывает основание горла; третья — основание тулова и четвертая — поддон. Их дополняют семь вертикальных линий, и все вместе они создают характерную для таких курильниц имитацию обвязки сосуда ве-

---

[1] *Троицкая Т. Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в Областном краеведческом музее.– ИАДК, с. 182; *Яковенко Э. В.* Про кулясті курильниці IV–I ст. до н. э.– Археологія, № 2, 1971, с. 88 сл.

[2] Взята у находчика А. С. Голенцовым, которому я благодарна за сообщение. Хранится в ЕКМ.

[3] *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.– В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 153.

[4] *Троицкая Т. Н.* Ук. соч., рис. 8, *а*.

[5] *Яковенко Э. В.* Ук. соч., рис. 4, *3*; *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 160, рис. 15, *2*.

[6] ЕКМ, инв. БелМ-74, мог. 31-5. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Раскопки городища Беляус и его некрополя.– АО – 1974. М., 1975, с. 273, 274. Рисунки всех курильниц выполнены В. А. Прохоровым.

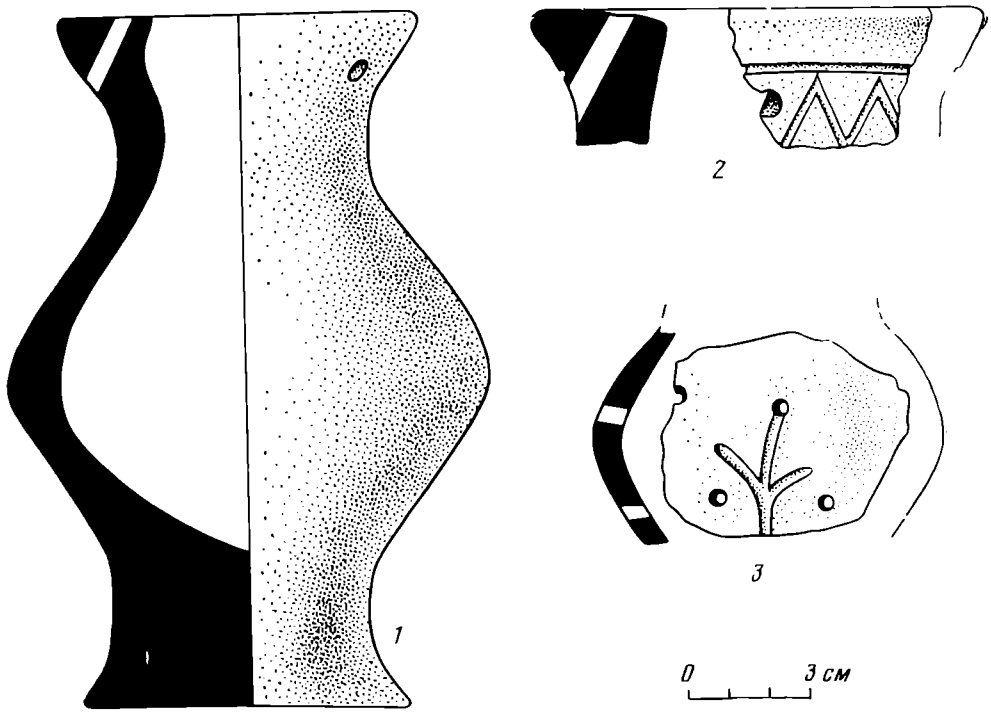


Рис. 1. Курильницы из Северо-Западного Крыма: *1* — некрополь Керкинтиды; *2* — городище Беляус; *3* — городище Калос Лимен

ревкой. При этом поверхность тулова разделяется на семь вертикальных секций, каждая из которых имеет свой орнамент. Две вертикальные противоположные линии окаймлены с обеих сторон глубокими наклонными штрихами, образующими «елочку». В двух, также противоположных, секциях — одинаковые, различающиеся лишь размерами и глубиной линий, рисунки в виде угла, от вершины которого спускается вертикальная черта. В четырех секциях, по обе стороны «елочек», вырезаны солярные знаки, по одному в каждой. Два из них, симметрично расположенные, представляют собой круг со вписанным в него крестом. Два других симметричных знака отличаются тем, что у одного из них в круг вписан косой крест, а у другого прямой, дополненный в промежутках четырьмя ямками. Изображение в седьмой секции состоит из трех неправильных ромбов. Два из них одинакового размера, по ним прочерчена горизонтальная линия. Третий ромб вдвое меньшего размера. Вся фигура вытянута по горизонтали. Можно предположить, что перед нами — схематическое изображение животного наподобие коней в росписи скальных склепов 1 и 8 скифского Неаполя[7]. Близкие символические рисунки есть на лепной курильнице из Ольвии IV—III вв. до н. э.[8]

Изображения на беляусской курильнице размещены по наиболее выпуклой ее части. Над ними и под ними врезаны маленькие (такие же, как в круге с крестом) круглые ямки, от одной до трех в верхней и нижней части каждой секции. Многие из этих ямок (в верхней части сосуда — почти все) просверлены насквозь, образуя 11 отверстий.

Солярные знаки в орнаментации крымских курильниц данного типа постоянны: они имеются на обеих курильницах из мавзолея Неаполя[9]

[7] *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945–1950 гг.).– ИАДК, с. 89, рис. 15, *а*; *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского.– Там же, с. 107, 108, рис. 10.

[8] *Марченко К. К.* Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н. э.– КСИА АН СССР, вып. 143, 1975, с. 73, 74, рис. 1, *22*.

[9] *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 32, 34, 60–62; рис. 16, табл. XXI; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ

Рис. 2. Курильница из Беляусского могильника (мог. 31)

и на курильнице из кургана у с. Кринички близ Старого Крыма [10]. Последняя, кстати сказать, по сложности символического орнамента стоит ближе всех к беляусской.

Как по приведенным аналогиям, так и по комплексу, в котором она найдена (сдвинутое погребение с краснолаковым блюдом, фибулой, браслетами), курильница из беляусской могилы 31 датируется II—I вв. до н. э., скорее — началом I в. до н. э.[11]

Солярные знаки на перечисленных выше аналогичных сосудах оформлены как концентрические круги. Мотив же круга со вписанным крестом на керамике поздних скифов встречен впервые. Но он известен у них в виде «колесиков» наборного пояса (мавзолей Неаполя) или одиночных предметов из бронзы, очевидно, служивших амулетами (Неаполь, курган 1949 г. и Тавельский курган) [12]. Нет необходимости искать истоки этого мотива на Западе [13], поскольку он засвидетельствован в Крыму еще в эпоху бронзы и в предскифское время [14]. Видимо, на беляусской курильнице культ солнца связывается с изображением коня, что свойственно религии скифов [15].

Очевидно, «елочки», спускающиеся в двух местах по тулову беляусской курильницы, являются не просто орнаментом, а имеют определен-

Крыма.– МИА, № 64, 1958, с. 253, рис. 2, *1, 2*; *Погребова Н. Н.* Находки в мавзолее Неаполя скифского.– МИА, № 96, 1961, с. 110, 111, рис. 13, *1*; 27, *16*.

[10] *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 90, ,91, рис. 3, *1*.

[11] *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ за 1974 г.– Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5824, с. 23.

[12] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 124, 125, рис. 11; *Бабенчиков В. П.* Ук. соч., с. 134, табл. X. *1*; *Троицкая Т. Н.* Ук. соч., с. 186, 187, рис. 11, *г*.

[13] Ср. *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 124–126.

[14] *Щепинский А. А.* Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма.– СА, 1961, № 2; *его же*. Погребение начала железного века у Симферополя.– КСИА АН УССР, № 12, 1962, рис. 2, *6*; 6; 8, *5*. О широком распространении и длительном бытовании этого символа см. *Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.– СА, 1960, № 4, с. 57, 60 сл.

[15] *Городцов В. А.* Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве.– Тр. ГИМ, вып. 1, 1926; *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 125, 126; *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.– Археологія, т. XV, 1963, 55, 56; *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени.– В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 209, 211; *Высотская Т. Н.* Культы и обряды поздних скифов.– ВДИ, 1976, № 3, с. 65, 66.

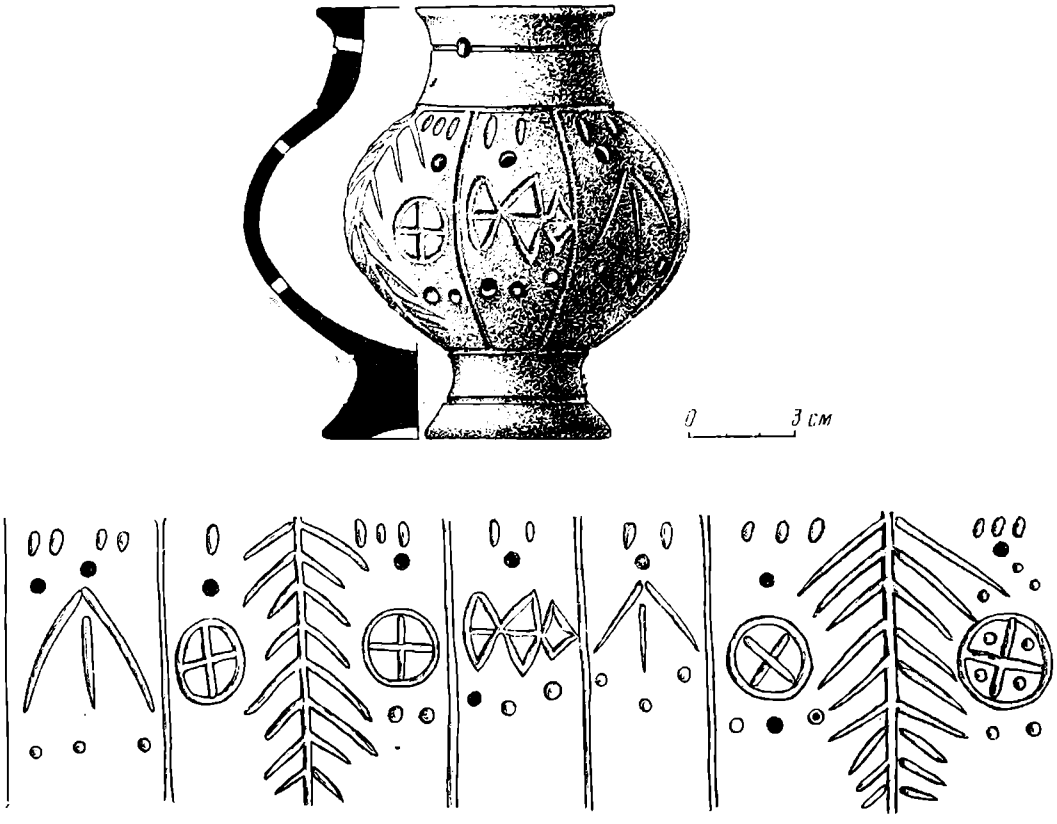


Рис. 3. Прорисовка и развертка орнамента курильницы из Беляусского могильника (мог. 31)

ный смысл. Не случайно подобный рисунок мы встречаем и на курильнице с городища Золотая Балка в Нижнем Приднепровье [16], и на курильнице, хранящейся в Одесском музее без сведений о месте находки (рис. 4, *1*) [17]. Можно предположить, что это — священное дерево [18]. Но «ветви» везде опущены вниз, лишь верхняя пара их на одесской курильнице обращена кверху, как и на фрагменте с городища Калос Лимен, где остальная часть изображения неизвестна (рис. 1, *3*). Возможно, это изображение рыбы.

Примечательно, что курильница из Одесского музея (высота ее 14,5 *см*), подвесная, с оригинальными налепами (рис. 4, *1*), по своей форме сходна с крымскими и отличается от тех единичных курильниц, которые Э. В. Яковенко недостаточно обоснованно выделяет как днепро-бугский вариант [19]. С курильницей из Золотой Балки (тоже подвесной) одесскую сближают четыре крупных отверстия в тулове. Среди крымских находок подобные крупные отверстия имеются у курильницы из скаль-

---

[16] *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Київ, 1962, с. 216, рис. 44, *1*; 86, *2*.

[17] ОГАМ, каталог Э. Р. Штерна, инв. № А-48068 (за фотографии одесских курильниц и возможность опубликовать их благодарю бывшего директора ОГАМ А. Г. Сальникова).

[18] Ср. *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре (дополнение).— ИАК, вып. 49, 1913, табл. XI, *1*.

[19] *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 88, 89, рис. 2 (фрагмент со Знаменского городища, который Э. В. Яковенко включает туда же, принадлежит курильнице типа дырчатых горшочков).

Рис. 4. Курильницы из Одесского музея и Неаполя скифского: *1, 3* – ОГАМ (происхождение неизвестно); *2* – Неаполь, склеп 1926 г.

ного склепа 1926 г. Неапольского могильника (рис. 4, *2*) [20]. На первый взгляд кажется, что в орнаментации этих трех сосудов отсутствуют солярные знаки. Однако большие круглые отверстия в средней части курильниц, к тому же еще как бы увеличенные окаймляющими их желобками, совмещали, очевидно, чисто утилитарное назначение с изобразительным, символическим.

Фрагмент венчика массивной подвесной курильницы (рис. 1, *2*) найден в 1973 г. при раскопках городища Беляус [21] в слое II в. до н. э.

[20] *Троицкая Т. Н.* Ук. соч., с. 182, рис. 8, *б*; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя..., с. 253, рис. 2, *4*. Венчик сосуда на три четверти реставрирован, так что неизвестно, были ли в нем отверстия для подвешивания.

[21] ЕКМ, инв. № Бел-73-123.

вместе с ручкой родосской амфоры, обломками эллинистических рельефных кубков и «мегарской» чаши. Диаметр венчика 11 *см*, толщина стенки 1,7 *см*. Внешняя поверхность серая, лощеная. Через венчик проходит наклонный канал для подвешивания. По шейке глубоко врезан орнамент в виде зоны с зигзагами, как и на упоминавшемся выше сосуде из Криничек. Курильница, которой принадлежал публикуемый фрагмент, должна была достигать высоты не менее 20 *см*, являясь одним из самых крупных экземпляров данного типа.

Фрагмент шаровидного тулова курильницы найден в 1949 г. на городище Калос Лимен (рис. 1, *3*) [22]. Диаметр его 8,5 *см*, толщина стенки 0,6 *см*. Наружная поверхность желтовато-серая, лощеная. На фрагменте сохранилась верхняя часть орнамента в виде «елочки», а также четыре редко расположенных маленьких отверстия. Наличием мелких отверстий наряду с орнаментом эта курильница приближается к беляусской из могилы 31 (рис. 2 и 3), а также к фрагментированной курильнице из так называемого большого погребения в кургане 1949 г. Неаполя, датирующейся по комплексу находок I в. до н. э.[23] Отметим, что последняя отличается отсутствием высокого поддона: тулово ее непосредственно посажено на плоскую дисковидную подставку.

Аналогичную подставку имеет еще одна курильница неизвестного происхождения, хранящаяся в Одесском музее (рис. 4, *3*) [24]. Венчик ее отбит, под ним — опоясывающий желобок, на плече — следы отбитого налепа или ушка. По тулову проходят семь вертикальных желобков, разделяющих его на секции, в каждой из которых — три крупных отверстия. Они составляют три ряда, причем отверстия среднего ряда окаймлены врезанными кругами, образуя солярные символы. Подобный прием мы видели выше. Эта курильница любопытна сочетанием элементов, свойственных различным типам: своим яйцевидным туловом она отличается от большинства крымских, но имеет такие же, как у них, желобки; при этом почти совсем исчезает орнамент и появляется сплошная перфорация.

Необычна курильница из Беляусского могильника, найденная в земляном склепе 1 (рис. 5, *1* и 6, *1*) [25]. Высота ее 8,5 *см*. Она имеет форму открытого кубка с немного отогнутым венчиком, низкой шейкой и выпуклым, суженным книзу туловом на высоком полом поддоне. Поверхность желтовато-серая, без лощения; обжиг чрезвычайно слабый. Под венчиком — два отверстия для подвешивания. Шейка опоясана вдавленным желобком, как и основание тулова. Два вертикальных желобка проходят между ними с противоположных сторон сосуда. По всему тулову проткнуты маленькие отверстия.

В северной камере склепа, где найдена курильница, было захоронено 30 человек в течение II—I вв. до н. э. (датирующие предметы — керамика, поясные кольца, фибулы, бусы). Курильница, видимо, стояла в изголовье одного из покойников, затем сдвинутых в кучу к задней стенке камеры, и осталась на своем месте, после чего в камере еще неоднократно хоронили. Таким образом, интересующий нас сосуд датируется не позже первой половины I в. до н. э. Данная форма интересна тем, что служит связующим звеном между подвесными курильницами вышеописанного типа и пришедшими им на смену дырчатыми горшочками.

Два неопубликованных сосуда из Неаполя помогают еще подробнее проследить переход между, казалось бы, несопоставимыми [26] типами

---

[22] ЕКМ, инв. № ТСЭ-1949, Черп. гор. 49.

[23] *Троицкая Т. Н.* Ук. соч., с. 182.

[24] ОГАМ, каталог Э. Р. Штерна, инв. № А-48067.

[25] ЕКМ, инв. № БелМ-68, мог. 1, СК-14, *Дашевская О. Д.* Исследования в Северо-Западном Крыму.– АО – 1968, М., 1969, с. 298, 299.

[26] *Раевский Д. С.* Этнический и социальный состав населения Неаполя скифского (по материалам некрополя). Канд. дис. М., 1971, с. 97.

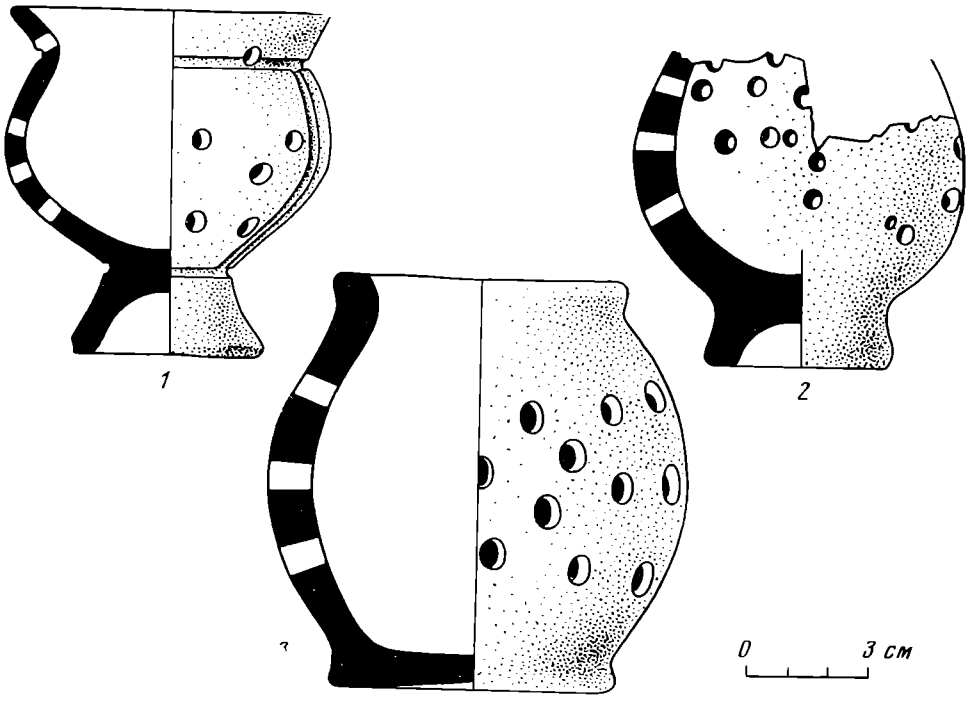


Рис. 5. Курильницы из Северо-Западного и Центрального Крыма: *1* — Беляусский могильник (мог. 1); *2* — городище Неаполь; *3* — Неапольский могильник (мог. 34)

крымских курильниц. Первый дырчатый горшочек (рис. 5, *2*) найден при охранных раскопках 1957 г. на городище в слое I в. до н. э.— I в. н. э.[27] Как и у всех сосудов этого типа, поверхность его серая, без лощения. Венчик не сохранился. Тулово шаровидное, на довольно высоком полом поддоне. Перфорация неравномерная, преимущественно в верхней части. Вторая курильница (рис. 5, *3*) того же времени найдена в одном из земляных склепов (34) Неапольского могильника[28]. Высота ее 10,3 *см*. Сосуд имеет прямой край, почти без шейки, шаровидное тулово и плоское выделенное дно с незначительной выемкой.

Две дырчатые курильницы в форме небольших горшочков обнаружены в Беляусском могильнике. Первая стояла у черепа одного из ранних скелетов в земляном склепе 17 (рис. 6, *3*)[29]. Высота сосуда 9,7 *см*. Он имеет узкое горло с прямым краем и почти шаровидное тулово. По комплексу инвентаря (веретенообразный флакон, бронзовые поясные кольца, фибулы) курильница датируется I в. до н. э. Вторая курильница была в изголовье последнего из 20 погребенных в земляном склепе 53 (рис. 6, *4*)[30]. Высота сосуда 9 *см*. Он имеет немного отогнутый венчик, низкую шейку и слегка выпуклые стенки с наибольшим диаметром ниже середины высоты. Судя по краснолаковой миске с изогнутыми ручками рубежа нашей эры при одном из предшествующих погребений, курильница датируется I в. н. э.

В синхронных погребениях Юго-Западного Крыма (Севастопольский курган, Заветнинский могильник), а также в Золотобалковском могиль-

[27] Отдел археологии Крыма ИА АН УССР, инв. № ТСЭ-57, НС-ОР, Е-287.

[28] *Сымонович Э. А.* Отчет о работах на восточном участке некрополя Неаполя скифского в 1957 г.– Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1545, с. 10, табл. III, *2*. Пользуюсь случаем выразить благодарность Э. А. Сымоновичу за любезное разрешение опубликовать его находку.

[29] ЕКМ, инв. № БелМ-72, мог. 17-3. *Дашевская О. Д.* Раскопки городища и могильника Беляус.– АО – 1972, М., 1973, с. 278.

[30] ЕКМ, инв. № БелМ-74, мог. 53-12. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Ук. соч., с. 273, 274.

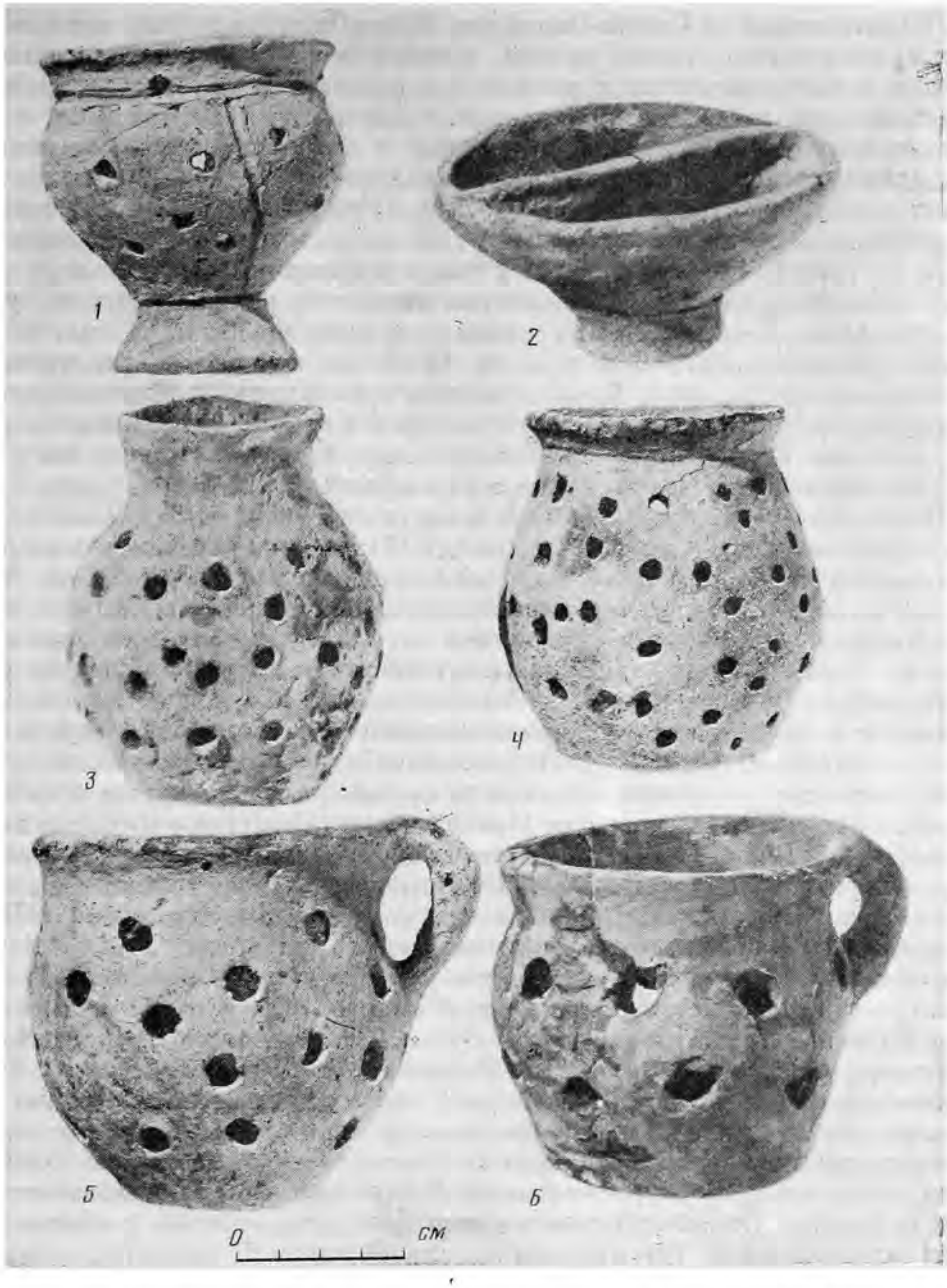


Рис. 6. Курильницы из Беляусского могильника: *1*, *5* — мог. 1; *2* — мог. 38; *3* — мог. 17; *4* — мог. 53; *6* — мог. 10

нике дырчатые курильницы-горшочки отличаются от беляусских и неапольских маленькими размерами и баночной формой [31]. Несхожи как с вышеописанными, так и между собой ольвийские дырчатые курильницы, представляющие, впрочем, интерес для нашей темы как дополнительный факт применения курильниц с мелкими отверстиями, иногда в сочетании с орнаментом, во II—I вв. до н. э.[32]

[31] *Висотська Т. М.* Питання етнічного складу населення південно-західного Криму початку нашої ери.– Археологія, т. XXIII, 1970, с. 93, рис. 2, *10*; *Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. е. – III – ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайського району.– Археологія, т. XV, 1963, с. 101, рис. 4, *20*; *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник, Киев, 1972, с. 53, 54, 155, 156, рис. 24, *2*, и 71, *15*.

[32] *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 121–123, рис. 99.

В Центральном и Северо-Западном Крыму для дырчатых курильниц были приспособлены также сосуды, широко использовавшиеся поздними скифами в быту: горшочки с ручкой, или кружки. В Беляусском могильнике встречены две такие курильницы. Одна из них, высотой 9 *см*, с немного приподнятой над венчиком ручкой и выпуклым туловом (рис. 6, *5*) [33], происходит из той же камеры земляного склепа 1, что и вышеописанная дырчатая подвесная (рис. 5, *1* и 6, *1*) и следует за ней по порядку захоронения, не выходя за пределы I в. до н. э. Вторая, из земляного склепа 10 (рис. 6, *6*) [34], имеет высоту 8,3 *см* и отличается грубостью исполнения и большим (до 1,2 *см*) диаметром отверстий, размещенных по тулову в два ряда. Датирующий материал в камере, где было восемь погребений,— главным образом I в. н. э. (фибулы, краснолаковый кувшин, ладьевидный светильник, бусы), но для курильницы, найденной среди сдвинутых костей, не исключен и рубеж нашей эры. Две подобные «кружки», наиболее близкие первой из беляусских и относящиеся к тому же времени, оказались в Неапольском могильнике [35].

Новым для Крыма и вообще редким типом является курильница из беляусского земляного склепа 38 (рис. 6, *2*) [36]. Это конусовидная мисочка с перегородкой посредине, на полом поддоне. Высота ее 4,3 *см*, диаметр 10 *см*. По условиям находки (с античной керамикой) сосуд датируется I в. до н. э. Подобная курильница есть в Золотобалковском могильнике, и М. И. Вязьмитина указывает ей аналогию на Роксоланском городище [37].

Вопрос о происхождении первоначального типа крымских курильниц является спорным. П. Н. Шульц связывает их с кизил-кобинской культурой, поскольку солярный знак в виде концентрических кругов с лучами на одной из курильниц мавзолея Неаполя имеет сходство с изображением на сосуде из Кизил-Кобы [38], причем в обоих случаях резной орнамент инкрустирован белой пастой [39]. Н. Н. Погребова, основываясь на распространенности близких по форме, но каннелированных курильниц в Поднестровье, склонна искать их исходные формы на Западе [40]. А. И. Мелюкова считает вероятным возникновение данного типа в одной из областей нашего юга, где известны такие курильницы, т. е. в Крыму, Нижнем Приднепровье, Поднестровье или Побужье [41] (эта точка зрения наиболее плодотворна как исходная). Э. В. Яковенко усматривает прототип этих сосудов в курильницах Кармир-Блура [42], хотя сходство не настолько абсолютно, чтобы ожидать здесь преодоления территориального и хронологического разрыва. Для частичного заполнения этих пробелов Э. В. Яковенко привлекает две курильницы из Восточного Крыма, относимые ею к IV в. до н. э. Однако учитывая разграбленность склепов с многократными захоронениями, где найдены эти курильницы [43], пожалуй, правильнее было бы опираться в датировках последних на уже известные центральнокрымские, чем удревнять весь тип на целое столетие. Но в любом

---

[33] ЕКМ, инв. № БелМ-68, мог. 1, СК-13.

[34] ЕКМ, инв. № БелМ-71, мог. 10—28. *Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю., Голенцов А. С.* Экспедиция Евпаторийского музея.– АО – 1971, М., 1972, с. 352.

[35] *Сымонович Э. А.* Ук. отчет за 1957 г., с. 28, 48, табл. III, *1*, *3*.

[36] ЕКМ, инв. № БелМ-74, мог. 38-5. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Ук. соч., с. 273, 274.

[37] *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник, с. 77, 156, рис. 36, 13, и 71, *12*; ср. *Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа.– КСИИМК, № 58, 1955.

[38] *Щепинский А. А.* Солярные изображения..., с. 230, 231, рис. 3.

[39] *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 62.

[40] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 111.

[41] *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины.– МИА, № 115, 1962, с. 159.

[42] *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 92, рис. 5.

[43] *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.*, Ук. соч., с. 144, рис. 4, *13*, с. 160, рис. 15, *2*.

случае интервал не менее чем в три столетия между крымскими и кавказскими материалами остается.

Курильницы самых различных форм широко применялись в древнем мире[44]. Подвесные курильницы появились уже в Трое и Тиринфе, но не получили распространения. Античные фимиатерии обычно делались на высоких подставках, иногда на треножниках, изолировавших раскаленное дно сосуда и в то же время приближавших ароматные испарения к тем, кто совершал обряд в честь богов[45]. Курильницы играли заметную роль и в культах северопричерноморских греков. На Боспоре и в Херсонесе известны курильницы с вогнутыми стенками, на высокой ножке[46]. На одной из таких херсонесских курильниц (Г. Д. Белов называет их жертвенниками) вырезана надпись — посвящение Гераклу[47]. Ольвийские гончарные курильницы К. И. Зайцева разделила на три группы, из которых вторая (III в. до н. э.) характеризуется формами, довольно близкими к интересующим нас позднескифским[48].

Исследователями установлены культовые функции шаровидных сосудов у скифов IV в. до н. э.[49], причем сама эта форма могла быть связана с представлениями о солнце. Таковы знаменитые воронежский серебряный, кульобские серебряные и электровый кубки[50]. Лепные курильницы III—I вв. до н. э. отличаются от них по форме лишь добавлением высокого поддона, делающего нижнюю половину сосуда как бы равной верхней. Можно думать, что на сложение типа курильниц у поздних скифов повлияли, с одной стороны, ольвийские античные курильницы, а с другой — скифские культовые шаровидные кубки. Подвесной же характер курильниц самобытен и вызван особенностями скифского обряда.

Выше упоминалась лепная орнаментированная курильница из Ольвии, найденная в слое IV—III вв. до н. э. (по нашим аналогиям, ее следует датировать не ранее конца III в. до н. э.). В инвентаре некрополя Ольвии имеется лепная курильница с типичным шаровидным туловом на поддоне (не подвесная, с налепными ребрами и отверстиями) II в. до н. э.[51] Публикуемые две курильницы Одесского музея происходят, очевидно, если не из самой Ольвии, то из соседней с нею местности. Приведенные факты повышают удельный вес Ольвии среди мест распространения шаровидных курильниц.

По новым материалам из Северо-Западного Крыма и Неаполя, на основании надежно датированных комплексов[52] и выявления переходных форм, мы проследили тенденцию развития типов скифских курильниц от подвесных с шаровидным туловом на высоком поддоне, без отверстий к дырчатым горшочкам. При этом символические изображения сначала отсутствуют (к III—II вв. до н. э. относятся курильницы с гладкой поверх-

---

[44] *Besnier M.* Turibulum.— DAGR, vol. V, p. 542–544; *Wigand K.* Thymiateria.— Bonner Jahrbücher, № 122, 1912; *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968, с. 74–76, рис. 64.

[45] *Fritze H.* Die Rauchopfer bei den Griechen. Berlin. 1894.

[46] *Худяк М. М.* Два святилища на акрополе Нимфея.– Тр. ГЭ, т. II, 1958, с. 90, рис. 9; *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе.– Тр. ГЭ, т. VII, 1962, с. 159, рис. 33.

[47] *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.).– МИА, № 34, 1953, с. 168, рис. 2, *а*.

[48] *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры).– Тр. ГЭ, т. IV, 1962, с. 188–194, рис. 6–9.

[49] *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд.– МАР, № 34, 1914, с. 83; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л., Прага, 1966, с. 61; *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея.– СА, 1970, № 3, с. 90 сл.; *его же.* О семантике одного из образов скифского искусства.– В сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 65 сл.

[50] *Артамонов М. И.* Ук. соч. табл. 198, 226–229, 239–246.

[51] *Парович-Пешикан М.,* Ук. соч., с. 121, рис. 99, 3; *Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 90, рис. 3.

[52] Мною учтены и датировки фибул в комплексах Беляусского могильника, разработанные Б. Ю. Михлиным.

ностью, а в Неаполе встречены и каннелированные экземпляры)[53], потом появляются в разных вариантах, далее сочетаются с отверстиями и, наконец, исчезают совсем, уступая место перфорации. Очевидно, эта эволюция соответствует каким-то изменениям в культах поздних скифов.

М. И. Вязьмитина привлекает микенские параллели в пользу применения курильниц, наполнявшихся тлеющими углями и душистой смолой, для очищения могил при повторных захоронениях. Она считает, что известный с эпохи бронзы и распространившийся на рубеже нашей эры у населения Северного Причерноморья обычай класть в могилу курильницы имел целью очищение огнем[54]. Эту точку зрения повторяет Т. Н. Высотская, но тут же, ссылаясь на К. Ф. Смирнова, относит курильницы к культу предков[55]. Все же больше данных за то, что у скифов воскурения, во всяком случае в курильницах с символическими изображениями, посвящались божествам. В греческих курильницах, как правило, встречались зола и угли[56]. Э. А. Сымонович зафиксировал угли в одной из курильниц Неапольского могильника[57]. Нам, однако, при раскопках Беляусского некрополя ни угли, ни следы копоти не попались ни разу, причем наблюдалось положение курильниц в изголовье покойников. Таким образом, здесь курильницы выглядят предназначенными как бы для использования в загробном мире, а не для совершения ритуальных действий во время похорон.

Позднескифские курильницы принадлежат к числу редких находок. На поселениях они единичны, в некрополях их тоже немного. Так, почти на 500 погребенных в земляных склепах Беляусского могильника приходится не более 10 курильниц (считая фрагментированные в разграбленных могилах). Примерно такое же соотношение дает Неаполь. Возникает вопрос, не являлись ли курильницы атрибутами какой-то небольшой части населения, занимавшейся отправлением культа? По инвентарю погребений, в которых они найдены, данных для отнесения курильниц к какой-либо выделяющейся среди других социальной категории у нас нет, хотя существование жречества в позднескифском обществе допустимо[58]. К. Ф. Смирнов, например, считает, что сарматские погребения с курильницами принадлежали жрицам[59]. Если все это так, то можно говорить о достаточно скромном положении жрецов у поздних скифов.

Специфические формы рассмотренных сосудов, связывающие между собою в первую очередь скифов Центрального и Северо-Западного Крыма, указывают на общность не только их материальной культуры, но и религиозных представлений во II в. до н. э.— I в. н. э., т. е. в течение всего того периода, когда северо-западное побережье полуострова было включено в позднескифское государство. Сходство лепных курильниц уже привлекалось как иллюстрация известного положения о подчинении Ольвии скифскому царю Скилуру во II в. до н. э.[60] Не решая сейчас вопроса о направлении пути, по которому распространился обычай применения данных курильниц, надо подчеркнуть, что новый материал, происходящий из северо-западной части Крыма, позволяет проследить более близкие контакты между Крымом и Нижним Приднепровьем, чем это было известно до сих пор.

---

[53] *Бабенчиков В. П.* Ук. соч., с. 134, табл. IV, *1–3*; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя..., с. 253. Исключение для рубежа нашей эры представляет фрагмент шаровидной курильницы (на полом поддоне) без орнамента и отверстий с городища Альма-Кермен (см. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, с. 104, рис. 25, *11*).

[54] *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник, с. 156.

[55] *Высотская Т. Н.* Культы и обряды..., с. 68, 69.

[56] *Зайцева К. И.* Ук. соч., с. 186, 196.

[57] *Сымонович Э. А.* Ук. отчет за 1957 г., с. 28.

[58] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 149 сл.

[59] *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 172.

[60] *Парович-Пешикан М.* Ук. соч., с. 122, 123.

O. D. Dashevskaya

ON SCYTHIAN CENSERS

Summary

Interesting censers of different types were found, mainly, in the North-Western Crimea during last years. The earliest is the censer with spherical body without ornamentation from the nekropolis of Kerkinitis (fig. 1, 1) (late III—I century B. C.). Especially interesting is a censer (dated to early I century B. C.) from the Belyaus cemetery (fig. 2 and 3) with unique symbolic pictures. Some pictures are similar to those on the censer from the Odessa museum (fig. 4, 1). Fragment of censers of the same time were found at the fortified settlements Kalos Limen and Belyaus (fig. 1, 2, 3). Perforated censers of different forms from the Odessa museum (fig. 4, 3), Belyaus cemetery (fig. 5,1 and 6,1) and Scythian Neapolis (fig. 5, 2.3) show the evolution from the round-shaped pendulous censers of the III—I centuries B. C. to the perforated pot-shaped and bowl-shaped censers of the I century B. C.— I century A. D. The latter were found at the nekropolises of Neapolis and Belyaus (fig. 6,3—6). A peculiar basin-shaped censer with a partitition find analogies among the material of the cemetery Zolotaya Balka at the Lower Dnieper. The form of hand-made censers with a spherical body probably established under the influence of the Greek censers from Olbia and the Scythian ritual spherical bowls. The specific form of these vessels indicate the common features of the material culture and religion of the Scyths of the North-Western and Central Crimea in the II century B. C.— the I century A. D., when the North-Western coast of the peninsula was a part of the late Scythian kingdom, and also the links of the Crimea with the Lower Dnieper region.

Т. В. МИРОШИНА

СКИФСКИЕ КАЛАФЫ

При раскопках богатых скифских курганов в женских погребениях часто находят золотые украшения головных уборов. Однако женские головные уборы до сих пор остаются недостаточно изученными. В основном это объясняется тем, что органическая основа их не сохранилась, и поэтому восстановление форм уборов требует специальных исследований. Первый наиболее полный анализ археологических данных для воспроизведения формы женских головных уборов был произведен М. И. Ростовцевым и П. К. Степановым [1]. Авторы предположили существование у скифов только одного типа головного убора — эллино-скифского: высокая шапка, передняя часть которой заломлена углом, а боковые плоскости сходятся.

Г. И. Боровка, посвятивший статью специально женским головным уборам из Чертомлыцкого кургана [2], выделил два их типа — клобук с острой верхушкой и калаф типа греческого, дополнив таким образом реконструкцию М. И. Ростовцева. Представления М. И. Ростовцева и Г. И. Боровки до недавнего времени были общепринятыми в научной литературе [3].

Раскопки богатых скифских курганов на Украине в последнее десятилетие существенно пополнили наши сведения об этой детали костюма богатых скифянок. Проведенные на высоком методическом уровне, они позволили тщательно зафиксировать расположение золотых пластин и блях в женских погребениях, что чрезвычайно важно для обоснованных реконструкций уборов. Хорошо сохранилось положение остатков убора «царицы» из Толстой могилы [4] (рис. 1, *1*,), что дало возможность Б. Н. Мозолевскому создать убедительное его восстановление. Полученные им данные ценны для уточнения и сопоставления с реконструкциями женских уборов, произведенными раньше.

В предлагаемой статье будет рассмотрен наиболее распространенный тип женских головных уборов IV—III вв. до н. э.— калафы, остатки которых найдены в погребениях по всей территории скифской культуры. При этом, используя имеющиеся реконструкции, мы попытаемся восстановить скифские калафы с золотыми украшениями, существовавшие в

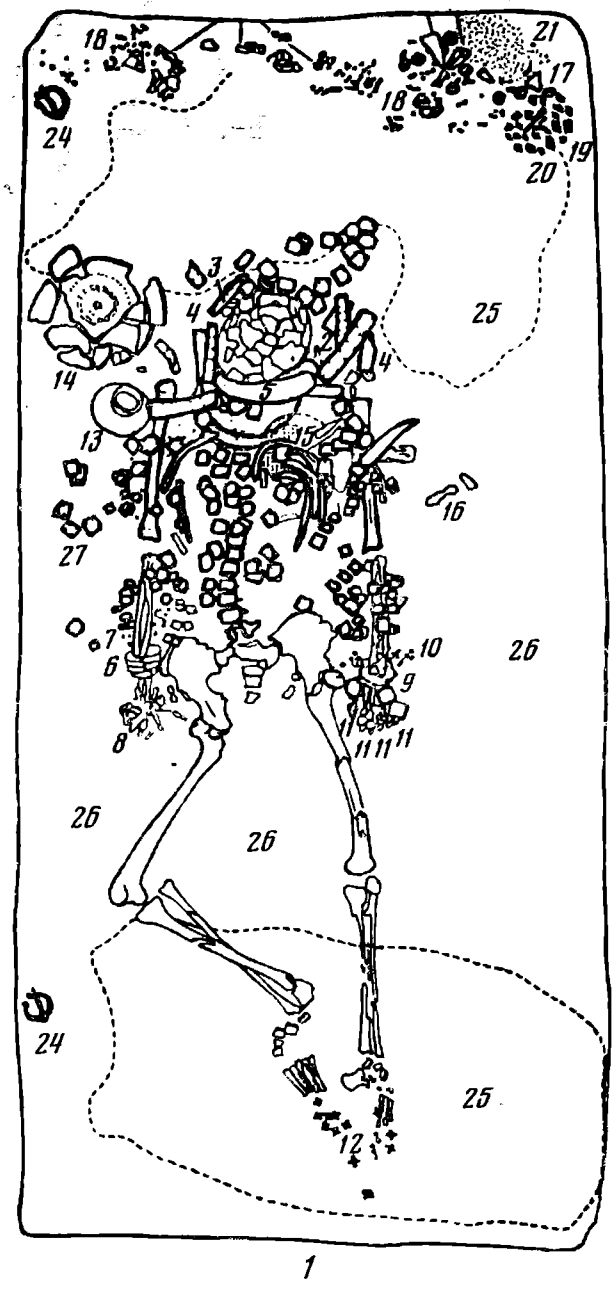
---

[1] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор.– ИАК, № 63, 1917, 69–101; П. К. Степанов был привлечен в качестве художника.

[2] *Боровка Г. И.* Женские уборы Чертомлыцкого кургана.– ИРАИМК, I, 1921, с. 169–192.

[3] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э.– САИ, вып. Д 1–4, М., 1967, с. 28; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1—27, М., 1970, с. 39, рис. 7; *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Скифський період.– В сб.: Археологія УРСР, Київ, т. II, 1971, с. 145, 146.

[4] *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине.– СА, 1972, № 3, с. 299, 300; с. 300, рис. 35; 301, рис. 36; *Мозолевский Б. Н.* Женский головной убор из Толстой могилы.– ЛИУ – 1976–1977. Ужгород, 1978, с. 68, 69.



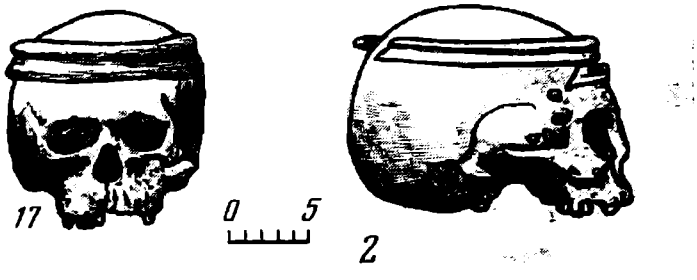


Рис. 1. *1* — погребение «царицы» из Толстой могилы (по Б. Н. Мозолевскому); *2* – деревянный обруч на черепе погребенной из кург. 13 мог. 2 группы БОФ (по А. И. Тереножкину и др.)

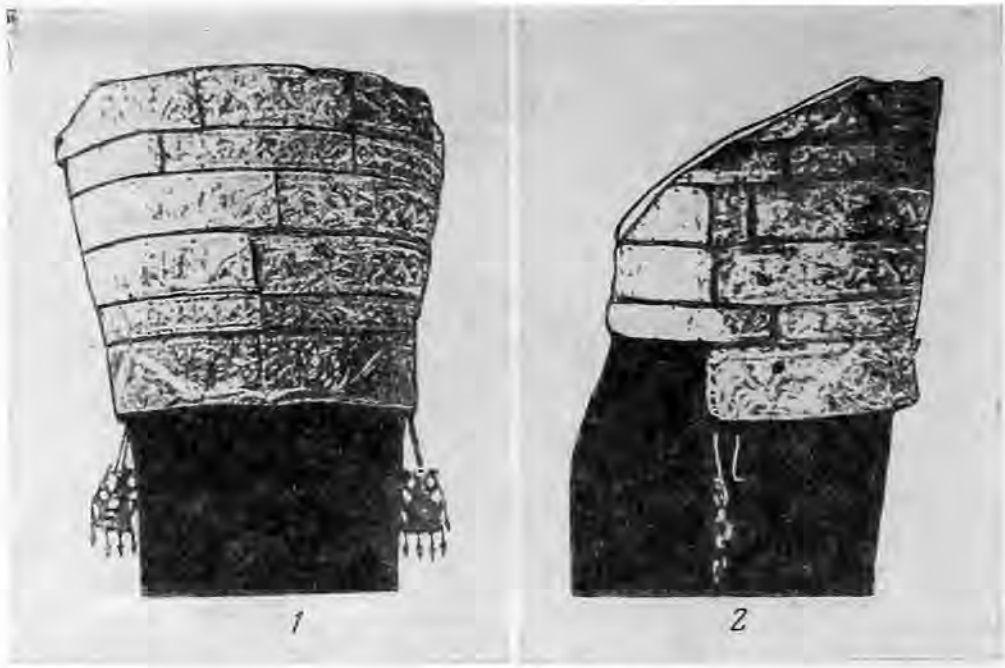


Рис. 2. Реконструкция скифского калафа Б. Н. Мозолевского

IV—III вв. до н. э. Наиболее надежным основанием для реконструкций мы считаем размеры золотых пластин — украшений уборов [5], но привлекаем и изображения женских уборов на предметах скифского обихода.

К типу калафов относится убор «царицы» из Толстой могилы (рис. 2). Название «калаф» для скифских уборов, о которых пойдет речь, чисто условное — только дань традиции, так как греческий калаф существенно отличается от скифского. Греческий калаф, который известен по головному убору из Большой Близницы (рис. 3, *1*), представляет собой круглую шапку в виде расширяющейся кверху корзинки. Разница между верхним и нижним его диаметрами — 6 *см* [6]. Скифский калаф, как об этом позволяет судить реконструкция Б. Н. Мозолевского,— это род кокошника, в котором затылок не был закрыт убором, а передняя часть огибала голову и частично закрывала бока (рис. 2). Сбоку край убора дугообразный. Передняя часть и бока сплошь покрывались золотыми пластинками с орнаментом. Сзади было покрывало, украшенное по краю бляшками. Дно крепилось с тыльной стороны передней части скифского калафа и закрывало заднюю часть убора и частично его бока. Расположение пластин при раскопках было четко зафиксировано [7], поэтому реконструкция представляется вполне убедительной, к тому же реставраторы Эрмитажа использовали совпадения дырочек и изображений на соседних пластинках, а так-

---

[5] Размеры пластин известны нам по литературе и по инвентарным описям Золотых кладовых Киева и Ленинграда. Часть размеров нам сообщены М. Кузнецовой, Л. К. Галаниной и Е. Старченко.

[6] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л., 1966, табл. 284, 285, 307. Длина нижней окружности греческого калафа из Большой Близницы 63 *см*, верхней 82 *см*. Изображения греческих калафов часты в терракотах (Терракоты Северного Причерноморья.– САИ, вып. Г1–11, М., 1970, табл. 17, 18, 20), скульптуре (*Farnell L. R.* The cults of Greek States. Oxford, 1907, v. III, p. 227, fig. XXX) и на предметах торевтики (изображения змееногой богини). В калафах представлены только богини. Греческий калаф происходит от круглой плетеной из ивовых ветвей корзины, в которой лежали атрибуты культа элевсинских мистерий (ОАК за 1865 г. Спб., 1866, с. 26). Отсюда его форма. Интересно, что греческие калафы, украшенные золотом, известны только в Северном Причерноморье, в Греции их нет. Видимо, они появились под влиянием скифской культуры.

[7] *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила..., с. 288, рис. 33.

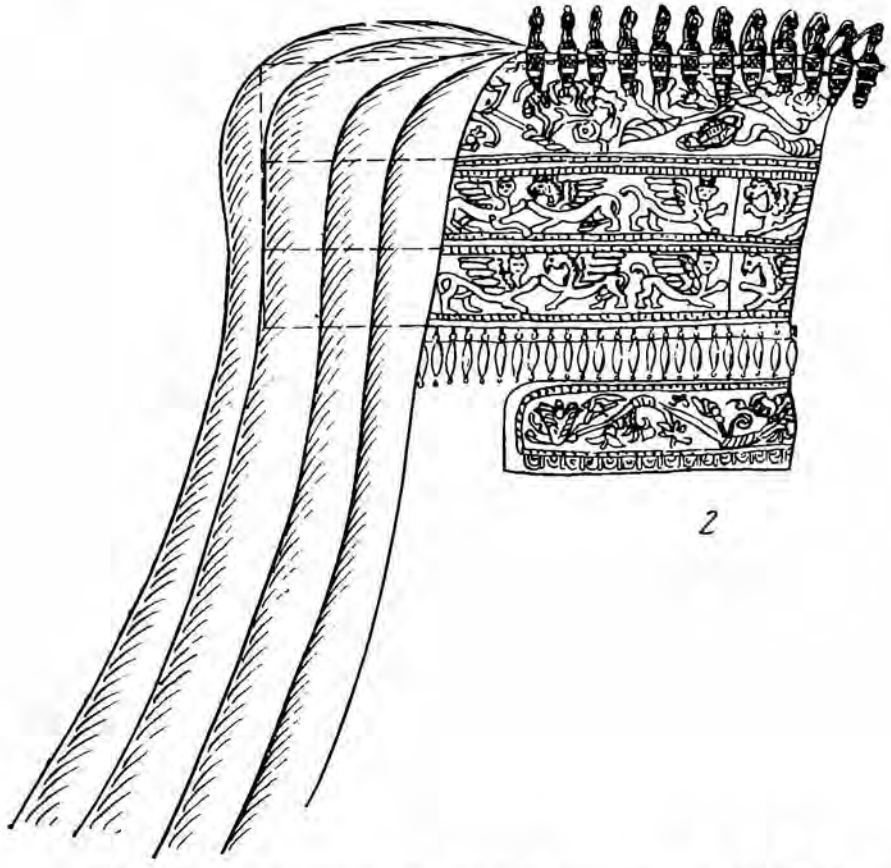


Рис. 3. *1* — греческий калаф из Большой Близницы (по М. И. Ростовцеву); *2* — реконструкция калафа Г. И. Боровки

же наличие перегнутых пополам пластин и пластин с загнутым верхним краем [8].

Еще М. И. Ростовцевым было предложено название двух составляющих частей скифских женских головных уборов, которыми в настоящее

[8] Приношу благодарность Б. Н. Мозолевскому за это сообщение. Наличие загнутых и перегнутых пластин — один из характерных признаков калафа. М. В. Горелик восстанавливает этот убор в виде цилиндрической тиары с закрытым затылком и верхом с покрывалом (Історія Української РСР, т. I, кн. 1. Київ, 1977, с. 143), но он не учитывает наличие пластинок, перегнутых и с загнутым краем. Правда, М. В. Горелик не считает свою реконструкцию единственно возможной.

№ п.п.	Название кургана	Метопида (1)		Стленгида				Полоски с середины убора					
		длина	ширина	количество	длина	ширина	длина ряда	количество	длина	ширина	количество	длина рядов	ширина рядов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Толстая могила	33	4	2 1	16,2 8,8	3,1 3,1	41,2	4(3) 1 2 3 5фр	16 6,3 5 13	3,1 3,1 3,1 2,2 2,2	2 2	40 40	3,1 2,2
2	Чертомлык, I убор	36,3	4,5	2(4) 1 1	18 5,9 7	4 4 5	49	7 3 5фр	16 вм 16	3,2 3,2 3,2	3	48	3,2
3	Чертомлык, II убор	31	3,6	1 1 2	10,2 10,5 15	3 3 3	50,7	2(7) 7	16,5 6—11	3 3	2	45	3
4	Чертомлык, III убор	36	4,9	2 2	14,7 6,8	3 1,7—3	43	2 2 1 1 1 1	19,7 14,7 14,7 15,2 19,7 20,3	3 3 3,5 3,5 3,5 3,5	2 2	35 35	3 3,5
5	Чертомлык, IV убор	32,9	3,6	2(12)	24,5	3,8	49	2(13) 10	16,8 5—11	2,3 2,3	3	40	2,3
6	Деев курган	38	3				≈45	24 менады	3,5	4,5	2 1	42 45	4,5 3,5
7	Рыжановка	40	4	1(16)	21	4		1(17)	17,5	5			
8	Мелитополь, погр. 1	35,4	2,2	4фр									
9	Денисова могила							2 менады					
10	Гайманова могила, мог. 4, погр. 3							3 менады					
11	Куль-Оба	39	4										

калафов и самих уборов (в *см*)

Полоски с подвесками			Полоски со стойками			Высота убора (2)	Серьги		Височные подвески		Покрывало (бляшки)				
количество	длина	длина ряда	количество	длина	длина ряда		количество	описание	количество	описание	количество	описание	длина	ширина	длина покрывала
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
						13,7	2	Кольцевидные	2	Богиня в калафе на троне	70	Грифон терзает коня (?)	3,5	3	105
(5)		≈40	1 1	17,5(6) 17	34,5	13,6									
2(8) 2фр	16	≈40	2(9)	17,5	35	9									
1(10) 5фр	22,5 —	≈40	1(11) 6	19 1,1—3	31	16									
5(14)	3,3— —18,3	≈40	2(15)	17	34	10,7					24	Какое-то животное	1,5	2	24
4 3фр	13— —13,5	52	1 1	10,5 14,5 }	25	16			2	Сфинкс на базе с подвесками-уточками					
1	6		1	20					2	Крылатый лев на базе с подвесками-шариками					
							1	Кольцевидная							
							1	Розетка с подвеской—Эротом с лентой							
1	14		1	39	39		3	Розетка с подвеской калачиком и бутонами на цепочках	2	Голова статуи Афины Фидия с бутонами на цепочках					

№ п.п.	Название кургана	Метопида (1)		Стленгида				Полоски с середины убора					
		длина	ширина	количество	длина	ширина	длина ряда	количество	длина	ширина	количество	длина рядов	ширина рядов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
12	Керчь, гробница 1840 г.												
13	Курган 13, мог. 2, группа БОФ						Деревянный обруч		40	5			
14	Сахновка								40	10			
15	Старший Трехбратний курган								51	4			

Примечания к таблице

(номера в примечании соответствуют цифрам таблицы, данным в скобках)
1 — все составные части калафов изготовлены из золота; 2 — высота уборов дается без учета полосок с зерновидными подвесками и полосок со стойками; 3 — имеются также перегнутые обрезки, которые не учитываются при подсчете длины рядов (2 по 7,5 *см*, 3,6 и 3,4 *см*); 4 — в таблице Г. И. Боровки (Ук. соч., стр. 180) — 70 *см*. Одна стленгида переносится в IV убор; 5 — в этот убор переносится половина пластинок с подвесками из IV убора Чертомлыка; 6 — у Г. И. Боровки — 17,5 *см*; 7 — там же три пластинки по 16 *см* и 10 фрагментов. Эти пластинки из IV убора; 8 — в описи Эрмитажа: 3; 3,5; 3,9; 6,3; 14,4; 16,1 *см*, но не ясно, те ли это полоски (Дн 1863 1/290); 9 — в таблице Г. И. Боровки — 23 *см*; 10 — там же 4 фр.— от 4,8 до 14,8 *см*; 11 — там же 19 и 12,2 *см*; 12 — эти пластинки из I убора (из III «кучи»); 13 — в описи Эрмитажа — 2 по 16,8 *см*; 11 фр. от 3,1 до 16,8 *см* (Дн 1863 1/348); 14 — половина этих пластинок переносится в I убор. В ДГС, II — 31,3 *см* и 3 фр. (стр. 94); 15 — в таблице Г. И. Боровки — 19 *см*, в описи Эрмитажа — 3,2 и 18,9 *см* (Дн 1863 1/349); 16 — длина рядов здесь не дается, так как сохранились только фрагменты; 17 — это часть ленты с пятью менадами.

время пользуются исследователи,— метопида и стленгида[9]. Метопида — прямоугольная пластина, чаще всего с полосой ов внизу, которую пришивали на кожаный ремень, завязывающийся сзади, и носили на лбу[10]. Дырочки для пришивания на метопиде были только сверху и с боков. Стленгида состоит из нескольких пластин, причем крайние пластины су-

[9] Метопида и стленгида встречаются и в других типах скифских головных уборов: стленгида — в тиарах, метопида — в тиарах, конусовидных уборах и в мужских уборах.

[10] In situ метопида сохранилась в погребении «царицы» из Чертомлыка (*Степанов П. К.* История русской одежды. Пг., 1916, с. 24, 25, табл. IX) и в погр. 2 кург. 2 у с. Вольная Украина (*Лєсков О.* Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974, с. 76, рис. 64; с. 77, рис. 65). К метопиде прикреплялись на висках височные подвески при помощи колечек или просто в дырочки, как это сохранилось в погребении «царицы» из Чертомлыка.

Полоски с подвесками			Полоски со стойками			Высота убора (2)	Серьги		Височные подвески		Покрывало (бляшки)				
количество	длина	длина ряда	количество	длина	длина ряда		количество	описание	количество	описание	количество	описание	длина	ширина	длина покрывала
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
1	14		2	17	34		2	Розетка с подвеской — Сиреной со свирелью или арфой							
												Бляшки круглые с петелькой			
						10									
									2	Сфинкс на базе с розеткой	8	Пальметка	2,5	2,5	12
											1	Крылатая богиня	2,5	2,5	

живаются к концам или имеют срезанный верхний угол. В скифском калафе из Толстой могилы стленгида составляет верхний ряд [11]. Ее длина в расправленном виде — 41 *см*, а с загнутыми краями — 34 *см*, т. е. разница из-за сгиба — 7 *см* [12] (таблица). Изображения на стленгиде, как и на метопиде, преимущественно растительные, но в уборе из Толстой могилы стленгиду составляют пластинки с борьбой грифонов с оленем, льва и крылатого кабана.

В состав украшений убора из Толстой могилы входили также пластинки, размещавшиеся на середине убора, ниже стленгиды. Таких рядов четыре, длиной по 40 *см*, с изображениями двух сюжетов: борьба грифонов с оленем, лев и кабан; геральдические сфинкс и грифон. Длина рядов несколько меньше стленгиды (развернутой).

Предложенная Б. Н. Мозолевским чуть расширяющаяся кверху форма получилась из-за того, что при восстановлении брался за основу греческий калаф из Большой Близницы (рис. 3, *1*).

Нам кажется, что скифский калаф из Толстой могилы имел спереди вид прямоугольника, а не расширяющейся кверху трапеции, так как длина рядов пластинок с середины убора одинакова и близка длине стленгиды. Высота убора 13,7 *см*. Около ушей погребенной найдены золотые проволочные серьги, к метопиде были прикреплены височные подвески, изображавшие скифскую богиню на троне, вероятно, в скифском кокошнике — калафе. В районе головы и верхней части тела «царицы» было

[11] Под стленгидой М. И. Ростовцев имел в виду пластинки, обрамлявшие лицо (*Ростовцев М. И.*, Ук. соч., с. 96). Г. И. Боровка поместил стленгиду в верхний ряд калафа (*Боровка Г. И.* Ук. соч., с. 181). Нам кажется возможным сохранить это условное название для верхнего ряда скифского калафа, который имеет некоторые особенности – сильный загиб краев.

[12] Размеры всех стленгид в таблице даются в расправленном виде, так как величину отгиба без непосредственной реставрации определить нельзя.

найдено 93 бляшки с грифоном, терзающим лань, очевидно, нашитых на покрывало. Часть из них образовывала треугольник с прямым основанием за головой. Б. Н. Мозолевский считает, что к покрывалу можно отнести 70 бляшек (40 — край нижней части, 16 — ободок вокруг головы, и 14 — стороны треугольника над головой). Треугольник над калафом он объясняет либо наличием еще одного убора — островерхого, либо возвышением, к которому прикреплялось покрывало [13]. Нам кажется, что бляшки скорее обшивали покрывало калафа сзади, образуя какие-то узоры, так как бляшки лежат произвольно (рис. 1, *1*). Длина этого покрывала 105 *см*, приблизительно до бедер, что близко к длине покрывал тиар и конусовидных уборов.

Скифскими калафами Г. И. Боровка считает четыре женских головных убора, остатки которых были найдены в кучах вещей в I—II камерах Чертомлыка [14]. Исследователь хорошо обосновал состав комплексов золотых украшений, входивший в каждый из четырех головных уборов [15]. При реконструкции он взял за основу круглый греческий калаф и на нем разместил пластинки уборов. В верхнем ряду Г. И. Боровка поместил стленгиду, под ней — еще один ряд таких же пластинок, над ней — полоски со стойками. Под двумя рядами стленгиды — один ряд пластинок с середины убора, а под ним — полоски с зерновидными подвесками. Метопида была на лбу. При этом он полагал, что все пластинки, кроме полосок с подвесками и со стойками, расположены по всей окружности калафа [16] (рис. 3, *2*). Соглашаясь с расположением пластин сверху вниз, мы не можем принять в целом реконструкцию Г. И. Боровки.

Такой реконструкции противоречат, на наш взгляд, размеры пластин, составляющих стленгиду. В Чертомлыцких уборах число их недостаточно для того, чтобы два раза охватить голову, или слишком велико для одного ряда (таблица). В таблице Г. И. Боровки ошибочно указано две пластинки стленгиды убора I по 35 *см* [17], что и дало ее длину в 70 *см*. В отчете же говорится о двух пластинках по 17,5 *см* и двух по 6,5 *см* [18], что составляет длину стленгиды в 48 *см*. Ясно, что такая стленгида слишком мала для того, чтобы обрамлять весь верх круглого калафа, так как она меньше среднего размера головы — 57 *см* [19] (а ведь нижний ряд калафа должен быть еще меньше). Поэтому более вероятно, что это стленгида скифского калафа типа Толстой могилы. Она украшала только переднюю и боковые части убора.

К этому же убору относятся семь полосок с середины убора по 16 *см* длины каждая, три фрагмента, вместе составляющие 16 *см*, и пять мелких обломков [20]. Из всех этих пластинок можно составить три ряда убора, каждый длиной ≈48 *см*, т. е. равных стленгиде [21]. Таким образом, здесь соблюдается принцип, прослеженный в уборе из Толстой могилы: каждый ряд украшений калафа, включая стленгиду, имеет примерно одина-

[13] Устное сообщение Б. Н. Мозолевского. *Его же*. Женский головной убор..., с. 69.

[14] ДГС, II, СПб., 1872, с. 94–99. Здесь «кучи» с уборами описаны в таком порядке: III, IV, II, I. Рисунки — рис. XXXV, *3—5*; XXXVI; XL, *1. 23*.

[15] Данные об уборах приводятся в таблице на с. 180. С перемещением стленгиды из убора I в убор IV, полосок с середины убора из убора IV в убор II, половины полосок с подвесками из IV убора в I убор мы вполне согласны. Опечатки в таблице: убор I – метопида рис. XXXV (а не XXX), стленгида рис. XL (а не XI), убор II – стленгида – 2 по 10 *см* (а не по 20 *см*), убор III – полоски с подвесками – рис. XXXIX, *1* (а не *5*). Размеры пластинок мы берем из описей Эрмитажа, учитывая данные «Древностей Геродотовой Скифии».

[16] Эта пластинка использована в экспозиции Эрмитажа (*Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 56, рис. 109).

[17]. *Боровка Г. И.* Ук. соч., с. 180.

[18] ДГС, II, стр. 100. В описи ГЭ – два фрагмента по 18 *см*, один – 6 и один – 7 *см* (с. 145, ДН 1863 1/217–219).

[19] *Манцевич А. П.* Золотой венец из кургана на р. Калитве.– ИБАИ, XXII. София, 1959, с. 62.

[20] *Боровка Г. И.* Ук. соч., с. 181.

[21] В описи Эрмитажа общая их длина ≈132 *см* (с. 147).

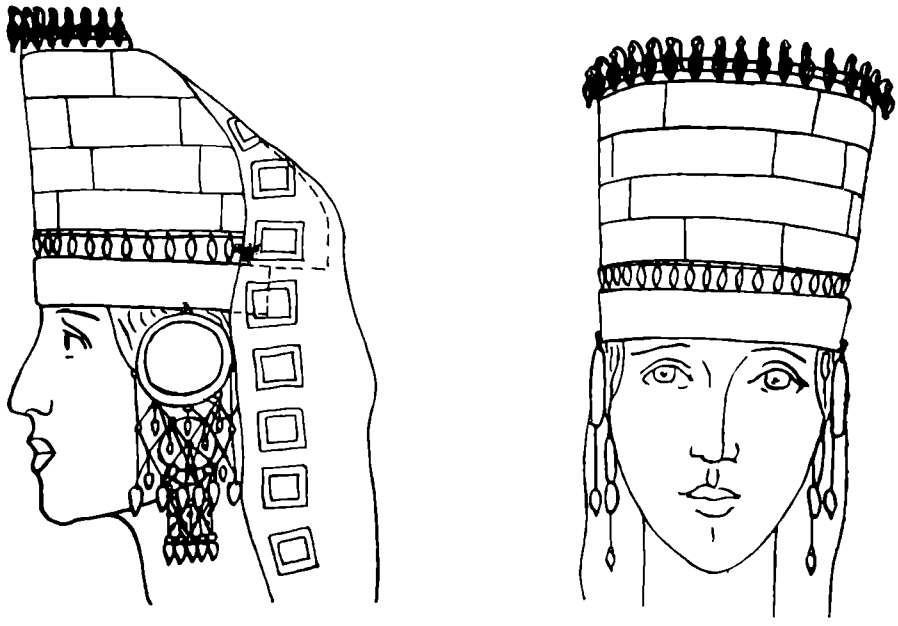


Рис. 4. Скифский калаф (реконструкция автора)

ковую длину. Интересно, что высота убора при таком расположении пластин совпадает с высотой скифского калафа из Толстой могилы — 13,6 *см*. Убор I из Чертомлыка отличается от последнего присутствием полосок с зерновидными подвесками и полосок со стойками. Полоски с зерновидными подвесками скорее всего пришивались под последним рядом убора, над метопидой, так как их длина (≈40 *см*) примерно совпадает с длиной нижнего ряда уборов из Чертомлыка (таблица). Полоски со стойками и бутонами-подвесками, видимо, пришивались над верхним рядом убора, их длина в Чертомлыкских уборах около 35 *см* (таблица).

Слабо изогнутая форма полосок со стойками хорошо согласуется с почти прямым верхом скифского калафа. Несколько меньшую, чем стленгида, длину этих полосок (особенно в уборах Чертомлыка) можно объяснить сильной загнутостью крайних пластин стленгиды, огибающих край скифского калафа (как в Толстой могиле). Дырочки в таких полосках есть только сверху. Наличие обоих видов полосок в одном уборе является одним из признаков калафа и отличает его от тиары.

Уборы II—IV из Чертомлыка также могут быть реконструированы как скифские калафы типа Толстой могилы (длину получившихся рядов и все размеры см. в таблице). Видимо, они были идентичны убору I, так как в их состав входят такие же типы пластинок — метопида, стленгида и полоски с середины убора, а также полоски с подвесками и со стойками (рис. 4).

Длина стленгиды обычно лишь немного больше длины рядов полосок с середины убора (таблица). Вероятно, выравнивание их длины достигалось за счет загиба краев стленгиды. Этот принцип как будто нарушен в III уборе Чертомлыка. Длина пластинок стленгиды с растительным орнаментом, которые Г. И. Боровка относит к ней, применительно к скифскому калафу — 35 *см*[22], что короче нижних рядов. Пластинки в этой стленгиде целые и прямые[23], хотя обычно в стленгидах срезаны верхние углы (например, в Толстой могиле[24] и в IV уборе Чертомлыка)[25].

[22] *Боровка Г. И.* Ук. соч., с. 180.
[23] Фотография из фотоархива ГЭ – ДН 1863 1/321.
[24] Сообщение Е. Старченко.
[25] ДГС, II, рис. XXXV, *1*; XXXVI, *2*; фотографии из фотоархива ГЭ – ДН 1863 1/289; 1/227.

Нам кажется, что скорее к стленгиде относится часть пластинок с рогатыми сфинксами и грифонами [26] (длина 43 *см*), поскольку, судя по описи Эрмитажа, среди них были пластинки со срезанным верхним краем (ширина от 3 до 1,7 *см*), При таком варианте соблюдается принцип более длинной стленгиды по сравнению с длиной рядов пластинок с середины убора (длина их 35 *см*). Убор III самый узкий и самый высокий из Чертомлыкских уборов (высота 16 *см*), состоит он из пяти рядов пластин, включая стленгиду, как и калаф из Толстой могилы.

Стленгиды скифских калафов обычно прямые. Не составляет исключения и стленгида убора IV из Чертомлыка, что хорошо видно на фотографии из фотоархива Эрмитажа (ДН 1863 1/321), хотя в «Древностях Геродотовой Скифии» [27] она изображена сильно изогнутой.

М. И. Ростовцев в своей реконструкции соединил вместе остроконечный колпак типа Карагадеуашха (спереди) и греческий калаф (сбоку) [28]. Получилась высокая шапка, передняя сторона которой заломлена углом. Таким образом, спереди убор имел треугольную форму, заостренную кверху, а сбоку — широкие плоскости, слегка наклоненные вперед. Стленгида обрамляла лицо (причем в реконструкции использована только половина пластин стленгиды). На середине убора — три ряда менад. Сверху были прикреплены полоски со стойками, снизу — полоски с зерновидными подвесками, повторявшими полукруглую форму стленгиды. Реконструкция проводилась на основе материалов из Деевского и Рыжановского курганов. Такая реконструкция несостоятельна — наличие угла спереди М. И. Ростовцев объясняет тем, что полоски со стойками были прямые и ломались, вероятно, посередине [29]. Но длина этих полосок очень различна (таблица), они могут быть нашиты и на круглую поверхность [30], о чем говорил еще Г. И. Боровка [31].

П. К. Степанов восстановил две дугообразные стленгиды из пластинок с побегами аканфа из Деева кургана, причем одна из них особенно сильно сужается к концам [32]. Еще Г. И. Боровка показал, что П. К. Степанов использовал в реконструкции только одну стленгиду, а вторую безосновательно отбросил. Использованная стленгида восстановлена неправильно — завитки аканфа на ней идут в разные стороны, а не подряд [33]. Эти обстоятельства еще раз подтверждают неправильность реконструкции М. И. Ростовцева и П. К. Степанова. К сожалению, оба кургана были раскопаны крестьянами, поэтому нельзя точно установить расположение пластинок в погребении и их число.

Полнее сохранился убор из Деева кургана. Правда, и он поступал в музеи по частям, в основном в Эрмитаж, но часть в Исторический и Британский музеи [34]. Скорее, убор из Деева кургана был скифским калафом типа Толстой могилы. В нем есть все главные признаки калафов — наличие полосок и с подвесками и со стойками, а также пластинок со срезанным верхним краем [35], которые могли составлять верхний ряд — стленгиду (таблица). Снизу вверх убор должен был выглядеть так: полоски с зерновидными подвесками; два ряда менад (по 12 фигурок, длина ряда 42 *см*), которые в этом уборе заменяли пластинки с середины убора; два ряда пластинок с аканфом (длина ряда ≈40 *см*), наверху — полоски

---

[26] Опись ГЭ, с. 160, ДН 1863 1/322.

[27] ДГС, II, рис. XXXVI, *5*.

[28] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор, табл. IX.

[29] Там же, с. 88.

[30] Особенно хорошо видна округлая изогнутость на пластинках из Куль-Обы (*Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 199).

[31] *Боровка Г. И.* Женские уборы..., с. 182.

[32] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Ук. соч., табл. VIII. Стленгида должна была обрамлять лицо.

[33] *Боровка Г. И.* Ук. соч., с. 183, 184.

[34] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Ук. соч., с. 78.

[35] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 63, рис. 121; с. 64, рис. 122.

со стойками; высота всего убора — 16 *см*. Длина рядов менад и стленгиды близка к обычной для калафов (около 40 *см*) (таблица). Два ряда из одинаковых пластинок сверху были в уборе из Толстой могилы и в III уборе Чертомлыка (таблица). Высота Деевского убора совпадает с высотой III убора Чертомлыка (таблица).

Части женского убора происходят и из Рыжановского кургана[36] (таблица). Входящие в него пластинки с растительным узором и менады аналогичны Деевским, возможно, головной убор был таким же[37]. Из Мелитопольского кургана происходят метопида и фрагменты пластин с аканфом, аналогичные стленгиде Деева кургана[38] (таблица). Видимо, с некоторой долей вероятности этот убор также можно отнести к скифским калафам.

В двух курганах были найдены менады: в Денисовой могиле (2 экз.)[39] и в Гайматовой могиле, могиле № 4, погр. 3 (3 экз.)[40]. Может быть, они имели отношение к головному убору (скифскому калафу?), но погребения ограблены и утверждать этого нельзя.

Можно предположить, что к скифским калафам типа Толстой могилы принадлежит головной убор «царицы» из Куль-Обы, от которого сохранились метопида и два вида узких полосок с подвесками и со стойками[41]. Последние в одном уборе являются характерным признаком калафа. Они не встречаются в уборах других форм. Возможно, к скифским калафам относился также убор из гробницы 1840 г. в Керчи — там были найдены те же два вида узких полосок — с подвесками и со стойками[42].

Вероятно, калаф держался на голове за счет деревянного обруча, охватывающего голову. Такой обруч с полосками кожи и золотые «пуговки» найдены на голове погребенной в кург. 13 мог. 2 группы БОФ (рис. 1, *2*)[43]. Точно определить тип убора в этом погребении трудно, так как он плохо сохранился[44]. Однако можно предположить, что основа скифских головных уборов (в том числе скифского калафа) была деревянной, а сверху ее обтягивали кожей (за исключением башлыка). На кожу нашивали золотые пластинки при помощи сухожильных ниток, так как гвоздики известны в основном в сочетании с пластинками от деревянных сосудов[45].

Может быть, к калафам относится пластинка из кургана у Сахновки[46] (таблица). Есть мнение, что она похожа на убор типа Большой

---

[36] *Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 18, рис. 2, *4–11*.

[37] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Ук. соч., с. 101.

[38] *Тереножкин А. И.* Скифский курган в г. Мелитополе.– КСИА АН УССР, 1955, № 5, с. 26, рис. 3.

[39] Устное сообщение Б. Н. Мозолевского. Автор относит менад и каплевидные подвески с Медузой к головному убору.

[40] Киевский музей исторических драгоценностей (Альбом). Киев, 1974, рис. 55. Эти менады больше предыдущих – высота 7 *см*. К убору относится, видимо, и полоска с овами (там же, рис. 54). Л. Клочко в личной беседе относила к головному убору в этом погребении бляшки двух типов, лежавшие в пять рядов, образуя прямоугольник (10×20 *см*). Однако доказать это предположение точно невозможно, так как погребение ограблено.

[41] *Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 199.

[42] ДБК, табл. VI, рис. 1. Интересно, что скифский убор найден в сильно эллинизированной гробнице.

[43] *Тереножкин А. И. и др.* Скифские курганы Никопольщины.– В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 161, 164, рис. 43, *17*.

[44] А. И. Тереножкин считает этот убор калафом типа Большой Близницы, обшитым по краю золотыми пуговками (*Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Ук. соч., с. 146); Л. Клочко называла в личной беседе этот убор башлыком-митрой, что кажется маловероятным, так как мягкому башлыку был не нужен деревянный обруч-основа. Может быть, этот убор следует отнести к тиарам.

[45] *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи.– АСб. ГЭ, № 8, 1966, с. 31. Об использовании сухожильных ниток в хозяйстве племен скифского времени пишет Б. А. Шрамко (*Шрамко Б. А.* Хозяйство лесных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореф. докт. дис., Киев, 1965, с. 26).

[46] Киевский музей..., рис. 6.

Близницы[47], но это мало вероятно — длина пластинки мала, чтобы охватить голову,— 40 *см* (длина калафа из Большой Близницы — 62 *см*)[48]. Скорее пластинка из Сахновки относится к скифским калафам, длина рядов которых ≈40 *см*, а высота — 10 *см* (таблица). Если это так, то подтверждается цилиндрическая форма калафов. Интересно, что в скифском калафе (видимо, типа Толстой могилы) изображена богиня на самой пластинке. Видимо, возможна обшивка скифских калафов целой пластиной, а не только рядами отдельных пластинок.

Может быть, нечто промежуточное между скифским и греческим калафом из Большой Близницы представляет собой диадема из Старшего Трехбратнего кургана[49] (таблица). Для скифской метопиды она слишком длинна — 51 *см*, кроме того, внизу у нее есть дырочки, к которым прикреплены сложные подвески. Может быть, диадема покрывала «низкий калаф из тонких ивовых прутьев»[50] спереди и с боков, так как ее длина недостаточна, чтобы охватить всю голову. Неукрашенный кусок могло закрывать покрывало.

Рассмотрение золотых украшений, свойственных женским головным уборам типа калафа, приводит к некоторым выводам. Размеры частей скифских калафов таковы: длина метопид 31—40 *см*, ширина 2,2—5 *см*; длина стленгид 41—50 *см*; ширина — 3—4 *см*; длина 2—4 рядов пластинок с середины убора 35—48 *см*, ширина 2,2—4,5 *см*; длина полосок с подвесками 39—52 *см*, а полосок со стойками 25—34 *см*; высота уборов 9—16 *см*. Кроме того, с одним убором найдены серьги[51]; височные кольца — с тремя уборами[52]; покрывала прослеживаются в двух уборах[53]. Покрывала, видимо, имели разную длину. Они могли опускаться ниже пояса (в уборе из Толстой могилы — 105 *см*). В IV уборе Чертомлыка и в калафе из Старшего Трехбратнего кургана покрывала, судя по бляшкам, небольшие — 20 *см* (до плеч). Но может быть, бляшки были пришиты на некотором расстоянии, тогда эти покрывала могли доходить до пояса.

Из известных нам уборов семь можно отнести к скифским калафам в какой-то степени достоверно (из Толстой могилы, Чертомлыка, Деева и Рыжановского курганов) и пять — предположительно. В основном они встречаются в Нижнем Приднепровье (8 экз.), а также в районе Керчи (3 экз.) и на Правобережье Днепра (1 экз.)[54].

Изображения скифского кокошника — калафа можно видеть на памятниках торевтики из скифских курганов. Это бляшки из Куль-Обы, Черто-

---

[47] *Бессонова С. С., Раєвський Д. С.* Золота пластина із Сахнівки.— Археологія, № 21, 1977, с. 42.

[48] ОАК за 1865 г., Атлас, табл. I, рис. 1, *2*. По оформлению пластинка из Сахновки близка скифской метопиде: внизу у нее овы, а дырочки внизу (в отличие от убора из Большой Близницы) у нее отсутствуют. Однако размеры ее совершенно отличны от размеров метопид. Например, в кург. 2 погр. 2 у с. Вольная Украина на лбу погребенной бежала метопида размером 32,5×4 *см* (*Лесков О.* Ук. соч., с. 77, 83; с. 76, рис. 64). Ее можно отнести как к скифским калафам, так и к цилиндрическим тиарам.

[49] *Кирилин Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.– В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 182, рис. 4.

[50] Там же, 181. Автор считает эту диадему ампиком, т. е. стленгидой, но у нее нет формы ампика – полумесяца, сужающегося к концам (*Ростовцев М. И., Степанов П. К.*, Ук. соч. 74, 75). Интересно, что она нашита на тонкий «лубок» (кожа?), как и скифские калафы.

[51] Или с семью скифскими калафами, если учитывать предположительные.

[52] Или с пятью (с предположительными уборами).

[53] Возможно, покрывала были во всех скифских калафах, так как во всех погребениях с уборами найдены золотые бляшки. Но часто не указывается, найдены ли они у головы и относятся ли к покрывалу. Например, только в описании IV убора Чертомлыка есть указание, что 24 бляшки относятся к «кайме»-покрывалу (ДГС, II, с. 95).

[54] Сюжеты отдельных частей скифских калафов и их классификацию мы предполагаем дать в нашей следующей работе о скифских головных уборах.

Рис. 5. Изображения скифского калафа: *1* — по А. М. Лескову, *2*, *3* — по Б. Н. Гракову, *4* — по С. С. Бессоновой и Д. С. Раевскому; *5* — по Д. С. Кирилину и С. С. Бессоновой

млыка, Мордвиновского и Мелитопольского курганов[55] и из кург. 4 в уроч. Носаки[56]. На них передана в профиль сидящая богиня с зеркалом (Табити[57] или Аргимпаса[58]), перед которой стоит скиф с ритоном (рис. 5, *3*). На богине надет высокий убор с покрывалом, явно не круглый, похожий на скифский калаф. Впрямь этот убор известен на нескольких изображениях. Его носит, видимо, крылатая змееногая богиня (Апи[59]?) на навершии из Александропольского кургана[60] (рис. 5, *2*). Убор богини разделен на горизонтальные полоски, по-видимому, передающие ряды пластинок. В скифском калафе, вероятно, изображена богиня на пластине из Сахновки[61] (рис. 5, *4*).

Известны височные привески из золота в виде скульптурной фигурки Великой богини, сидящей впрямь на троне с зооморфными ручками. Обе руки она подняла к голове и как будто держит в них плоды. Головной убор этой богини представляет собой что-то вроде кокошника, который охватывает спереди всю голову. Такие подвески известны в Мастюгинском могильнике (кург. 5), в кург. 2 у с. Любимовка, в Толстой могиле[62]. Особенно близок реконструированному калафу головной убор богини с подвесками из кург. 2 у Любимовки (рис. 5, *1*). На нем прослеживаются три горизонтальных ряда, расположенные один над другим, при этом сами ряды разделяются на отдельные части вертикальными черточками, что очень напоминает отдельные пластинки калафов. Особенно интересно, что подвески этого типа сочетались в Толстой могиле с самим калафом. Это указывает на ритуальное значение самого убора. Богиню на троне можно, видимо, связывать с Кибелой[63] или, в скифском варианте, с Аргимпасой.

Возможно, в скифском калафе изображены женщины на рельефе из Старшего Трехбратнего кургана[64] (рис. 5, *5*) и на стеле Апфы из некрополя Пантикапея[65]. Авторы считают убор на Трехбратнем рельефе стефаной[66], но по греческим изображениям не известны стефаны с накинутым покрывалом[67]. Кроме того, сами авторы видят сходство этого убора с убором богини в профиль[68] на перечисленных выше золотых бляшках. Поэтому вероятнее, что скифянка изображена не в чисто греческой стефане, а в калафе типа Толстой могилы. Возможно, греческие калафы повлияли не столько на форму, сколько на семантику скифского калафа. В Греции особенно часто изображались в калафе Деметра и Кора. Священный калаф был средоточием священной процессии в элевсинских мистериях[69]. Его носили жрицы и девушки, выполнявшие священные

---

[55] *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике.– В сб.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 174, рис. 9.

[56] *Бидзиля В. И.* Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1971 г.– Архив ИА УССР, 1971/24.

[57] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 98–99.

[58] *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.– АСб. ГЭ № 2, 1961, с. 64.

[59] Там же, с. 69.

[60] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, табл. XII, слева.

[61] Киевский музей..., рис. 6.

[62] *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения..., с. 168, рис. 2.

[63] Там же, с. 166.

[64] *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.– В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 131, рис. 3.

[65] *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1971, рис. 51.

[66] *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Ук. соч., с. 130, 131.

[67] *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Ук. соч., табл. V, рис. 5, справа; *Farnell L. R.* Op. cit., v. I, p. 213, fig. VI; p. 240, fig. XII; p. 347, fig XIX; *Abrahams E.* Greek Dress. London, 1908, p. 112, fig. 45.

[68] *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Ук. соч., с. 130. Показательно, что рельеф найден в насыпи кургана, в склепе 1 которого, в женском погребении, найден калафообразный убор (см. выше).

[69] ОАК за 1865 г., с. 26.

пляски в честь Деметры, Коры, Артемиды. Скифская змееногая богиня (Апи?) почти всегда изображалась в греческом калафе [70]. Хотя форма его не схожа, может быть, скифский калаф мог служить символом Аргимпасы в функции богини-матери.

T. V. Miroshina

SCYTHIAN CALAFS

Summary

The article is devoted to one of the most widespread type of Scythian woman's head-dress of the IV–III centuries B. C.– the calaf. The calaf is something like kokoshnik (woman's head-dress in old Russia), decorated with golden plates. The head-dress is supplemented by earrings, temporal pendants and a shawl. Reconstructions of all head-dresses are carried out on the basis of the first reconstruction made by B. N. Mozolevski of the head-dress of the «queen» from Tolstaya Mogila. The article gives the medium dimentions of the parts of the calaf. Seven head-dresses are surely calafs, and eight more are supposed so. They are commonly met at the Lower Dnieper region. Some pictures of calafs on the Scythian objects of everyday life confirm the reconstruction. The Greek calafs, evidently, influenced not on the form, but on the semantics of the Scythian head-dress, which could have served as a symbol of Argimpasa.

---

[70] *Граков Б. Н.* Ук. соч., табл. XIV; ДБК, табл. II, рис. 3.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

ИЗОБРАЖЕНИЕ «ПАНТЕРЫ» В САРМАТСКОМ ИСКУССТВЕ

В среднесарматский период (I в. до н. э.— II в. н. э.) в степях Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья получают распространение золотые украшения «сарматского звериного стиля», характерными признаками которого являются своеобразная стилизация и орнаментальность разделки тела и головы животных. Одним из главных стилистических приемов, определяющим «сарматский звериный стиль», является широкое использование цветных вставок для передачи мышц бедра и плеча, глаз, ушей, копыт и лап, а иногда ребер, которые обычно трактуются неглубокими тремя или четырьмя бороздками. Шерсть и оперение передаются косыми или прямыми линиями, валиками с короткими глубокими нарезками или наколотыми точками. Для сарматского искусства типичны сложные композиции, выраженные в сценах борьбы зверей или терзании. Изображения в этом случае динамичны, что передается, однако, в условной манере. Животное изображается или с резко повернутой назад головой, или с перевернутым туловищем. Для большей выразительности образа художник прибегает к гиперболическим средствам, непомерно увеличивая когтистые лапы хищника или клюв грифона.

Стилизизация фигур, которая несет в себе изобразительные традиции определенного культурного круга, обусловлена также и прикладным характером сарматского искусства, благодаря чему достигается гармония изображения с формой предмета. Все эти стилистические и композиционные особенности определяют «сарматский звериный стиль», отмеченный яркостью колорита и орнаментальностью декора.

Среди многообразия сюжетов — изображений оленя, лося, горного козла, барана, хищников, а также фантастических чудовищ — выделяется образ кошачьего хищника, так называемой «пантеры». Воспроизведение этого образа встречается как в сценах борьбы зверей, так и в одиночных изображениях.

Наиболее выразительно изображение «пантеры» на двух золотых флаконах из случайной находки в кургане «Хохлач» близ г. Новочеркасска, более известной под названием «Новочеркасского клада»[1] (рис. 1, *1*). На золотых флаконах представлены повторяющиеся сцены терзания лося хищником кошачьей породы и грифоном. Хищник — «пантера» изображен как бы вгрызающимся в спину животного, одновременно вцепившись когтистой лапой в бедро жертвы. Однако сцена терзания в значительной степени передана условно, «вцепившаяся» в бедро лося лапа кажется просто лежащей на крупе животного так же, как и голова хищника представляется покоящейся на спине жертвы (рис. 2).

Выразительность и индивидуальность образа достигается определенными стилистическими приемами. У «пантеры» мощные лапы с рельефно

[1] *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, с. 132–140, рис. 156–158; *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XI.

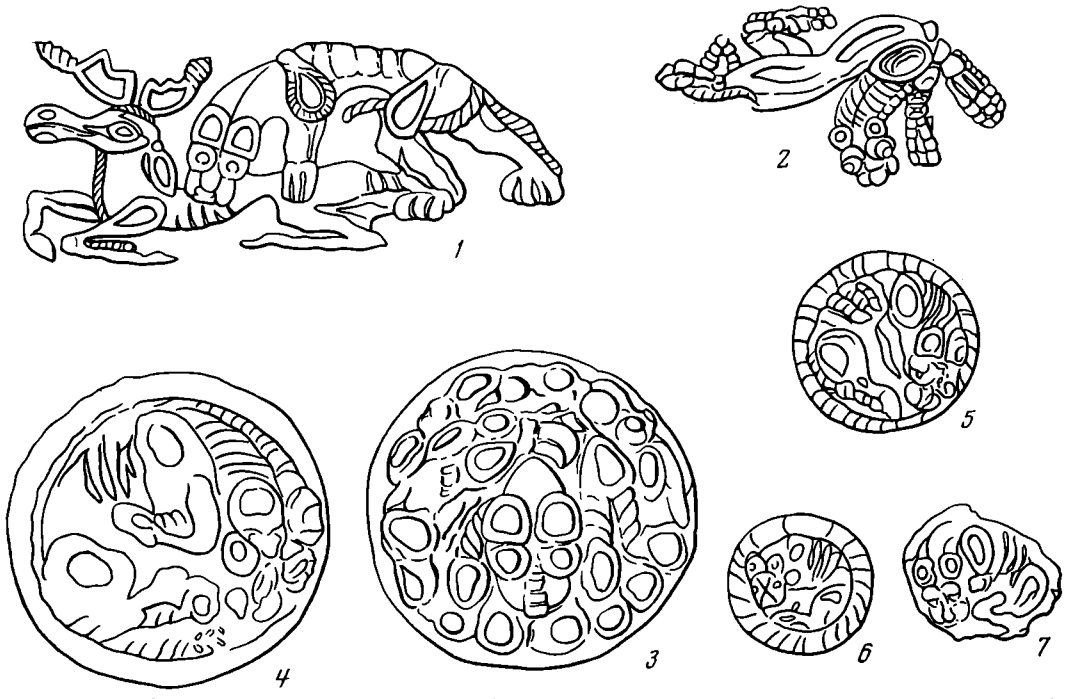


Рис. 1. Изображения хищника кошачьей породы. *1* — курган «Хохлач»; *2*, *4* — кург. 28 у ст. Жутово; *3* — кург. Садовый; *5* — кург. 10 у станицы Тифлисской; *6* — Курджипский курган; *7* — погребение у с. Золотое

переданными пальцами с длинными когтями, жгутообразный сильный хвост, пропущенный между задними ногами под живот. Хвост передан рельефом с глубокими косыми нарезками. Мышцы выпуклого плеча и бедра подчеркнуты вставками бирюзы в миндалевидных гнездах-углублениях, обрамленных с одной стороны полукруглыми валиками с косыми нарезками — рубчиками. Узкой рельефной полоской с короткими косыми насечками обозначена шерсть с внутренней стороны ног. Шерсть на спине и на бедрах передана поперечными, редко расположенными резными линиями, расчленяющими тело «пантеры» на широкие выпуклые плоскости.

Примечательна трактовка головы с вытянутой вперед подпрямоугольной тупой мордой с рельефно выделенными деталями. Глаза переданы округлыми выпуклостями и подчеркнуты вставками бирюзы в круглых гнездах-углублениях, широкий крупный нос рельефно выделяется между выпуклостями щек. Маленькими круглыми выемками показаны ноздри. Но более всего бросаются в глаза большие выпуклые сегментовидной формы уши со вставками бирюзы в гнездах-углублениях. Изображения на флаконах исполнены в технике чекана с вторичной проработкой резцом и пунсоном. Мастерство исполнения отразилось на художественных достоинствах изображений, которые характеризуются сравнительно высоким рельефом и четкостью контуров фигур, несмотря на замысловатость композиции в целом.

Аналогичный образ кошачьего хищника украшает фалары от конского убора, найденного в тайнике разграбленной могилы в кургане у станицы Жутово Октябрьского р-на Волгоградской обл.[2] На двух больших фаларах от нагрудных ремней изображена сцена борьбы животных. Фигуры на жутовских бляхах необычайно динамичны. Хищник припал на передние лапы, тело его вытянуто, длинная шея изогнута, мощный хвост пропущен между задними как бы упирающимися в «землю» нога-

[2] *Шилов В. П.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1964 г.— Архив ИА АН СССР, Р—1, № 3156. Вещи хранятся в Астраханском краеведческом музее.

Рис. 2. Изображение сцены нападения хищника на лося, золотой флакон из кургана «Хохлач»

Рис. 3. Изображение свернувшегося хищника на золотой бляхе из кург. 28 у станицы Жутово

ми. Кроме того, напряженность позы подчеркнута своеобразным стилистическим приемом — вырезанной вдоль тела щелевидной фигурой. Голова хищника, хотя и не кажется покоящейся, как на новочеркасском изображении, передана в фас с вытянутой вперед мордой. Уши, промежуток между ними, глаза, нос, щеки выделены округлыми выпуклостями. Кроме того, уши, глаза и нос подчеркнуты вставками голубого цвета, мышцы плеча — миндалевидной вставкой. Шерсть на шее трактована двумя рядами поперечных врезных линий, разделенных вертикальной бороздкой, образующих как бы остролистник или «елочку». У хищника мощные когтистые лапы и жгутообразный хвост, исполненные теми же стилистическими приемами, что и на новочеркасских изображениях (рис. 1, *2*).

На малых фаларах (12 экз.) от уздечных ремней хищник кошачьей породы представлен в позе свернувшегося в круг животного (рис. 1, *4*). Он изображен лежащим на левом боку, голова — в фас с вытянутой вперед мордой. У животного обозначены только две ноги — передняя, согнутая в предплечье и поджатая к животу, и задняя — вытянутая и почти касающаяся морды. Длинный жгутообразный хвост, раздвоенный на конце, уложен вдоль задней ноги. Трактовка морды, хвоста, шерсти на спине и под лапами, а также плеча и бедра аналогична изображениям на больших жутовских фаларах. Однако на малых фаларах отсутствует вставка на носу хищника, а форма ушей ближе к новочеркасским изображениям. Иначе переданы и лапы хищника, вместо когтей они заканчиваются округлыми выпуклостями со вставкой в гнезде-углублении. Кроме того, отличительным признаком является передача ребер тремя параллельными бороздками (рис. 3).

Фигуры на жутовских фаларах исполнены в технике тиснения, т. е. изображения оттиснуты на золотом листе, который покрывает бронзовую пластинчатую основу. Между золотым покрытием и основанием помещается зеленоватая «масса» с рельефом, идентичным изображению на золотой обкладке. В отличие от четких чеканных изображений Новочеркасского клада фигуры на жутовских фаларах менее выпуклы и контуры их расплывчаты. Например, в сцене борьбы зверей на больших фаларах с трудом можно различить как сам сюжет, так и положение отдельных фигур.

Образ кошачьего хищника имеется и на предметах другого богатого конского убора, также состоящего из двух больших фаларов, украшавших нагрудные ремни, и 12 малых фаларов от уздечных ремней. Этот набор

был обнаружен в разграбленном погребении кургана Садовый близ г. Новочеркасска Ростовской обл.[3] (рис. 1, *3*).

В центре больших фаларов и на малых представлена одна и та же сцена терзания: орлиный грифон и другое фантастическое существо нападают на хищника кошачьей породы — «пантеру». Кроме того, на больших фаларах фигуры той же «пантеры» расположены вокруг центральной сцены, композицию замыкает бордюр из 20 орлиных голов. Фигуры зверей сильно искажены, контуры тел улавливаются с трудом. Создается впечатление деградации образа. Однако стилистические приемы в передаче тела и головы животных сохраняются прежними. «Пантера» представлена распластанной на поверхности с вытянутыми передними ногами, трактованными рельефами с поперечными нарезками, создающими впечатление короткого жгута, с лапами листовидной формы, подчеркнутыми вставкой в гнезде-углублении. Хвост отсутствует, не ясно положение, а в ряде случаев и наличие задних лап. Однако по-прежнему выразительна как бы покоящаяся на плоскости морда животного, переданная обычными для этого образа приемами. Фалары исполнены в технике тиснения (рис. 4).

Подобный образ «пантеры» можно видеть на небольших одиночных бляшках диаметром 2,4—2,6 *см*, служивших пуговицами или фибулами-застежками, обнаруженными в кург. 10 у станицы Тифлисской[4] и в Курджипском кургане[5] Прикубанья, а также в некрополе у с. Золотое в Крыму[6]. Во всех трех случаях хищник изображен свернувшимся по кругу. По сюжету, композиции, некоторым стилистическим и техническим приемам бляшки близки жутовским малым фаларам. Как и последние, они исполнены в технике тиснения, имеют (или имели) бронзовую основу, золотое покрытие и промежуточное вещество в виде смолистой или иной массы.

На тифлисской бляшке-пуговице хищник изображен на левом боку, с головой в фас с вытянутой тупой мордой (рис. 1, *5*). Воспроизведенные только две ноги, передняя и задняя, вытянуты, лапы как бы спрятаны, одна под мордой, другая под расширенным концом хвоста. Морда, бедро, плечо, хвост трактованы отмеченными выше стилистическими приемами. Шерсть на теле и на носу обозначена слабо выраженными рельефными полосками с прямыми короткими насечками.

«Пантера» на курджипской бляшке изображена лежащей на правом боку (рис. 1, *6*). Голова — в том же положении, которое неоднократно подчеркивалось при описании образа «пантеры» на других изделиях. Передняя нога не прослеживается, задняя вытянута и почти касается морды, на лапе обозначены длинные пальцы-когти. Плечо и бедро подчеркнуты миндалевидными вставками в вырезанных в золотом покрытии гнездах, ребра — четырьмя бороздками. Уши переданы сегментовидными вставками, глаза — округлыми выпуклостями с рельефными надглазными дугами и мелкой выемкой в центре, вероятно, обозначающей зрачок (рис. 5). Трактовка хищника на фибуле из некрополя у с. Золотое наиболее близка курджипскому изображению (рис. 1, *7*).

Таким образом, приведенное выше описание стилистических особенностей изображений выявило целый ряд как сходных, так и отличительных признаков.

---

[3] *Kaposhina S. I.* A Sarmation Royal Burial Grave at Novocherkassk.— Antiquiti; vol. XXXVII, № 148, 1963, p. 256, 257, pl. XXIX, *a – c*; *Клейн Л. С.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 228–234, рис. 1.

[4] ОАК за 1902 г. СПб., 1903, с. 67, рис. 139.

[5] *Галанина Л. К.* Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана.– СА, 1973, № 2, с. 52, 23, рис. 1, *7—8*.

[6] *Корпусова В. М.* Нові матеріали з археології Боспору.– Археологічні дослідження на Україні в 1969 г., вып. IV. Київ, 1972, с. 149.

Рис. 4. Изображение сцены терзания на бляхе из кургана Садовый

Рис. 5. Изображение свернувшегося хищника на бляшке из Курджипского кургана

Основным опознавательным и одновременно общим для всех изображений признаком является положение и трактовка головы хищника. В какой бы позе ни находилась «пантера», голова ее всегда изображена в фас, с вытянутой вперед мордой, как бы покоящейся на плоскости. Морда подпрямоугольной формы передана округлыми и продолговатыми рельефами, обозначающими глаза, уши, нос, щеки. Особенно характерны большие уши, как правило, сегментовидной, реже округлой формы. Изображение «пантеры» дополняют жгутообразный хвост и в некоторых случаях когтистые огромные лапы. Однако два последних признака являются второстепенными, поскольку они встречаются в изображении других хищников и чудовищ.

Если сравнить рассматриваемые изображения с точки зрения полноты передачи образа, то наиболее выразительны изображения «пантер» на флаконах Новочеркасского клада. Они, вероятно, в какой-то мере могут служить эталоном для выделения этого образа. На всех других изображениях заметны отступления от его первоначальной иконографии. Наибольшей трнсформации образ «пантеры» подвергся в изображении на фаларах из кургана «Садовый».

Подмеченные технические и некоторые стилистические различия скорее всего можно объяснить разными центрами производства. В отличие от чеканных изображений Новочеркасского клада, место изготовления которых пока не ясно, жутовские фалары, бляхи из кургана Садового, а также прикубанские бляшки и крымская фибула, исполненные в технике тиснения, скорее всего являются продукцией античных мастеров Северного Причерноморья. Последние еще со скифской эпохи широко применяли технику тиснения с использованием специальной массы, заполняющей внутреннюю сторону рельефа, оттиснутого на золотой тонкой пластине. На это указывает также бордюр из ов — типичный античный орнамент на больших жутовских фаларах, и мягкость, пластичность контуров тела свернувшихся по кругу хищников на прикубанских и крымской находках.

Однако, несмотря на композиционные, технические и стилистические особенности, изображения хищников представляют собой один и тот же повторяющийся в сарматском искусстве художественный образ, имеющий свою иконографию и стилистические традиции для его воплощения. В этой связи возникает вопрос, где сформировался этот образ и каково его происхождение?

Перечисленные выше изделия с изображением хищника кошачьей породы происходят из памятников степной полосы Нижнего Поволжья, Подонья и Прикубанья, где в скифскую эпоху (VI—IV вв. до н. э.) обитали геродотовские савроматы, а затем сарматские племена, оставившие так называемую прохоровскую культуру (конец IV—II вв. до н. э.).

Искусство савроматов характеризуется самобытным звериным стилем, представленным преимущественно условным изображением хищников кошачьей и волчьей породы [7]. В качестве материала чаще всего использовался кабаний клык, широкий конец которого обрабатывался в виде головы хищника с оскаленной пастью. Остальная часть клыка, символизирующая тело животного, сплошь или частично покрывалась гравированным орнаментом в виде рядов точек, кружков, треугольников, зигзагообразных линий, возможно, имитирующих шерсть животных. Иногда своеобразным стилистическим приемом подчеркивалось предполагаемое плечо, оформленное в виде фигуры или головы другого животного. В отдельных случаях узкий конец клыка также моделировался в виде головы животного. Сопоставляя рассматриваемый нами образ «пантеры» «сарматского звериного стиля» с мотивом кошачьего хищника савроматского искусства, нетрудно увидеть, что между ними нет ничего общего ни в композиционном, ни в стилистическом отношении.

Еще менее могут претендовать на роль прообраза «сарматской пантеры» зооморфные изображения прохоровской культуры, представленные в основном серией находок костяных гребней с маловыразительными схематичными головками коньков и уточек [8]. Далеки от «сарматского звериного стиля» и найденные в Нижнем Поволжье и на Маныче две литые бронзовые пряжки в виде прямоугольной рамки с фигурами в одном случае верблюда, в другом — хищника неопределенного вида [9]. Фигуры переданы обобщенно и даже в некоторой степени схематично и лишены какой-либо орнаментальности в разделке тела и головы животных.

Наиболее близкие аналогии «сарматской пантере» среди произведений изобразительного искусства скифской эпохи находим в Сибирской коллекции Петра I. Это — образ тигра, неоднократно повторенный на поясных бляхах IV—III вв. до н. э.[10] Изображение его характеризуется воспроизведением видовых признаков зверя, что особенно ярко проявилось в трактовке шерсти, в передаче ее тигрового окраса. Мощный длинный хвост, тяжелые когтистые лапы и поджарая фигура дополняют образ хищника. Тигр на бляхах изображен в сценах борьбы зверей. Однако поза его статична, тело не напряжено, голова с вытянутой вперед подпрямоугольной мордой производит впечатление покоящейся так же, как и якобы вцепившиеся в жертву лапы. Сила лап подчеркнута их непомерно преувеличенными размерами и огромными когтями, резко выделенными рельефом. Мощный длинный хвост с глубокими косыми бороздками имеет вид жгута. Особенно характерна трактовка ушей, переданных сегментовидными выпуклостями с гнездом для вставки, а также рельефно обозначенный крупный широкий нос с выемками-ноздрями (рис. 6). В иной стилистической манере, но тот же образ воспроизведен на бляхе в виде

---

[7] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, рис. 78; *его же* Савромато-сарматский звериный стиль.– В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии, с. 74–89, рис. 4; *Максимов Е. К.* Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье.– Там же, с. 210.

[8] *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль..., рис. 6, *1–22* (рис. 6, *5*, *6* – золотые браслеты из погребения у с. Саламатина не принадлежат прохоровской культуре. См: *Берхин И. П. (Засецкая).* Сарматское погребение у с. Саламатина.– СГЭ, т. XV. Л., 1959, с. 37–41; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.– САИ, вып. Д1–10. М., 1963.

[9] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., рис. 6, *13–14*.

[10] *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.– САИ, вып. Д3–9. М., 1962, табл. VI, *3*.

Рис. 6. Золотая бляха с изображением борьбы тигра с фантастическим существом из Сибирской коллекции Петра I

Рис. 7. Золотая бляха со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I

прямоугольной рамки, внутри которой заключена сцена борьбы животных — грифон и другое фантастическое существо нападают на тигра. Бляха датируется III—I вв. до н. э.[11] (рис. 7).

Не впервые в поисках аналогий изделиям «сарматского звериного стиля» приходится обращаться к знаменитой коллекции золотых предметов Петра I, сходство с которыми проявляется не только в близости сюжетов, но и в стилистических особенностях, в частности в наличии цветных вставок. В одном из фантастических существ, представленных в сцене борьбы с «пантерой» на фаларах из кургана Садового, Л. С. Клейн видит так называемого сарматского тарандра[12]. В поисках прототипа

[11] *Руденко С. И.* Ук. соч., табл. II, *5*.
[12] *Клейн Л. С.* Ук. соч., с. 228–234.

этому образу в более древнем искусстве автор обращается к изделиям Сибирской коллекции и в качестве аналогий привлекает упомянутые выше поясные бляхи с изображением борьбы зверей, одним из действующих лиц в которой был тигр. Л. С. Клейн убедительно доказал единство сюжетов и одного из образов — фантастического тарандра, изображенного как на фаларах, так и на бляхах. Наиболее близко и по сюжету, и по композиции к сцене на фаларах изображение на прямоугольной бляхе — грифон и тарандр терзают тигра. Только в сцене борьбы зверей на фаларах из кургана Садового на месте «сибирского тигра» оказался рассматриваемый нами образ «сарматской пантеры».

Таким образом, поиски прототипа разным сюжетам сарматского искусства привели Л. С. Клейна и нас, независимо друг от друга, к одним и тем же аналогиям, что бесспорно еще раз подтверждает тесную связь сарматского и сибирского искусства. Однако этот факт еще не является неопровержимым доказательством сибирского происхождения «сарматского звериного стиля», как это пытается доказать Л. С. Клейн. Ведь близость в искусстве можно объяснить и другими причинами, например общими истоками. Вопрос происхождения сарматского искусства, как и скифского, и сибирского, сам по себе достаточно труден и сложен. Кроме того, изделия «сарматского звериного стиля» абсолютно не проработаны ни с точки зрения стилистического анализа, ни семантики изображений. Очевидно, только всестороннее исследование образов сарматского искусства, раскрывающих идеологию и мировоззрение их носителей, позволит подойти к решению проблемы происхождения своеобразного искусства сарматов. Немаловажную роль в этом вопросе играет также датировка комплексов, в которых были обнаружены вещи «сарматского звериного стиля». Однако и с этой стороны богатейшие памятники сарматской культуры исследованы суммарно.

Таким образом, на данном этапе изучения изобразительного творчества сарматских племен следует ограничиться лишь констатацией фактов близости его с искусством того или иного народа. Тем более что изображения «сарматского звериного стиля» связаны не только с сибирским, но и со скифским и переднеазиатским искусством.

Например, мотив свернувшегося в кольцо зверя, характерный для скифо-сибирского круга, но более ярко отраженный в искусстве скифов Северного Причерноморья, как бы вновь возрождается спустя три-четыре столетия в сарматском творчестве. Традиции древневосточного искусства прослеживаются в композиции фигур на золотых браслетах и гривне из кургана «Хохлач» (Новочеркасского клада) (рис. 8). На гривне, украшенной двумя фризами, изображены повторяющиеся сцены нападения одного чудовища на другое. Фигуры в целом скомпанованы так, что создается впечатление непрерывной ритмичной линии шествия фантастических существ. Тот же принцип композиции сохранен и в изображении на золотых браслетах.

Расположение идущих друг за другом фигур в одну линию в плоскости или по кругу характерно для произведений изобразительного творчества Переднего Востока. Подобные композиции «шествия» людей, зверей, фантастических чудовищ нашли свое выражение и в монументальных памятниках, и в предметах торевтики [13].

Близость «сарматского звериного стиля» с передневосточным искусством проявилась и в сложном характере образов, представленных преимущественно монстрами, соединяющими в себе черты разных животных и зверей, а также в стилистическом приеме — использовании цветных вставок в своеобразных формах гнезд-углублений, среди которых наиболее примечательны кружок с двумя расположенными по сторонам криволи-

---

[13] *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту. Л., 1962; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л., 1961.

Рис. 8. Золотая гривна из кургана «Хохлач»

нейными треугольниками или одним треугольником. Таким способом подчеркиваются мышцы бедра и плеча. Следует заметить, что подобный прием встречен как на вещах Амударьинского клада, на бляхе из Сибирской коллекции, так и в искусстве сарматов. То же можно сказать и о ряде других приемов, которые наблюдаются в изображениях переднеазиатского, сибирского и сарматского происхождения.

Все эти факты свидетельствуют пока лишь только о том, что вещи «сарматского звериного стиля» теснейшим образом связаны с иранским миром. А их появление в степях Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в уже готовом сформировавшемся виде указывает на новую волну переселения с востока на запад племен иранского происхождения.

Почти целое тысячелетие степи Северного Причерноморья находились во владении родственных ираноязычных племен, массовые переселения которых неоднократно повторялись в течение этого длительного времени. И каждая новая волна сопровождалась проникновением в северопричерноморские степи предметов культуры и искусства Переднего Востока. Последними известными по письменным источникам ираноязычными племенами, захватившими территорию степей Северного Причерноморья, были аланы. Их появление здесь относится к I в. н. э., т. е. ко времени, когда в южнорусских степях распространяются золотые украшения «сарматского звериного стиля». Аланы, «бывшие массагеты», как сообщают древние авторы, вполне могли быть носителями этого своеобразного искусства, несущего в себе традиции культуры иранского мира.

В этой связи интересна статья Б. А. Раева, посвященная датировке импортной посуды из кургана «Хохлач» [14]. Автор на основании типологического анализа металлических сосудов и письменных источников доказывает, что захоронение в кургане «Хохлач» не могло быть произведено ранее начала II в. н. э. и что в этнокультурном отношении этот памятник связан с аланами. Не противоречат этому, как мы полагаем, и золотые изделия, в которых четко прослеживаются черты переднеазиатской культуры. Однако в настоящее время аланское происхождение «Новочеркасского клада», как и других богатых захоронений, содержащих вещи «сарматского звериного стиля», весьма проблематично и может

[14] *Раев Б. А.* Металлические сосуды «Хохлача» (Материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье).— В сб.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1977.

существовать лишь как гипотеза наравне с другими. Например, Л. С. Клейн в упомянутой выше статье высказал предположение о принадлежности этих же памятников аорсам[15]. Обе точки зрения имеют право на существование. Не исключено и то, что одни из памятников могут принадлежать аорсам, а другие аланам. Однако, как мы уже отмечали, этот вопрос останется дискуссионным, пока не будет проработан основной источник — археологический материал.

I. P. Zasetskaya

THE IMAGE OF A «PANTHER» IN THE SARMATHIAN ART

Summary

In the Middle Sarmathian period (the Ist century B. C.– IInd century A. D.) the golden ornaments of the Sarmathian animalistic style are widespread in the steppes of the Loweh Volga and the Northern coast of the Black sea regions. The characteristic features of this style are the specific stylisation of figures, the work of the body and head of the animals by deepened lines and coloured mountings.

Among numerous subjects the image of a cat-like beast, the so-called «panther» is of specific interest. This image has its own iconography, compositional, stylistic and other peculiarities. Some features indicate different centres of production of artifacts of the «Sarmathian anymalistic style». Attempts to find a prototype of this image in the art of the Scythian epoch led the author to the golden plates from the Siberian collection of the State Hermitage Museum. The semblance of these plates with the artifacts of the «Sarmathian anymalistic style» can be traced in the similarity of subjects and in stylistic peculiarities (coloured mountings). But this fact itself is not an indisputable proof of the Siberian origin of the Sarmathian art. The similarity of the Sarmathian and Siberian anymalistic styles can be explained by their common genesis. In this aspect one should take into consideration some commonnes of the Sarmathian art with the goldsmith's production of Scythia and the Near Asia. All these facts indicate only that the Sarmathian art, as already observed by many investigators, is closely connected with the Iranian substatum, with the circle of the Scythian-Siberian and the Near Asian antiquites.

---

[15] *Клейн Л. С.* Ук. соч.

Е. Г. АНДРЕЕВА

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГНЁЗДОВА

Гнёздовский археологический комплекс, расположенный на берегах Днепра, в 10—14 *км* к западу от Смоленска, широко известен у археологов. Первые раскопки курганов здесь произвел в 1874 г. М. Ф. Куцинский; основными их исследователями затем стали В. И. Сизов, С. И. Сергеев и в наше время — Д. А. Авдусин [1]. Всего в Гнёздове раскопано около 1000 курганов. В. И. Сизов датировал курганы IX—XI вв., Д. А. Авдусин — X в., в основном второй его половиной, допуская существование небольшого количества курганов XI в.

Д. А. Авдусин выделяет семь групп Гнёздовских курганов [2]. Центральная расположена от взгорья выше дер. Гнёздово до Днепра, Лесная — к востоку от нее на левом берегу ручья Свинец; Глущёнковская — к северу от Лесной группы; Днепровская — по берегу Днепра к юго-западу от Центральной группы; Ольшанская (ныне не существующая) — недалеко от впадения речки Ольши в Днепр. На левом берегу Днепра, несколько выше по его течению от дер. Гнёздово находится Левобережная, а западнее устья Ольши, на ее правом берегу — Заольшанская.

На левом берегу ручья Свинец в том месте, где он перерезает край надпойменной террасы, расположено Центральное городище, к западу, востоку, северу от которого находится селище. Экспедицией МГУ здесь изучено более 3000 $м^2$ площади.

Среди находок на могильнике, городище и селищах определенное место занимают кальцинированные кости человека и животных, обычно не изучавшиеся специалистами. Однако мнение о том, что жженые кости неопределимы и бесполезны, основано на недоразумении. Материалы раскопок Тимеревских курганов показали, что и такие мелкие кости являются важным материалом для научных выводов [3].

Необожженные кости из раскопок в Гнёздове в 1949—1952 гг. были крайне малочисленны и в фондах Смоленского областного краеведческого музея не сохранились. Для научной остеологической обработки оказались доступными жженые и нежженные кости из курганов и с поселений из раскопок 1970 г., когда было раскопано наибольшее количество насыпей и вся площадь селища.

Следует заметить, что сохранность костей в культурном слое поселения очень плохая. Кроме того, верхние слои поселения перемешаны,

---

[1] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник.— МАР, № 28, 1902; *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, вып. 15, 1905; *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г. Материалы по изучению Смоленской области. Далее — МИСО, вып. I. Смоленск, 1952; *его же.* Отчет о раскопках Гнёздовских курганов.— МИСО, вып. II, 1957; *его же.* Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957—1960 гг.— МИСО, вып. VII, 1970; *его же.* Гнёздово и Днепровский путь.— В сб. Новое в археологии. М., 1972.

[2] Схему Гнёздова см. в работе Д. А. Авдусина (МИСО, вып. II, 1957).

[3] *Андреева Е. Г.* Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений X–XI вв.— В кн. Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.

поэтому кости брались главным образом из нижних частей слоя, если имелась уверенность в их непотревоженности, и из древних ям, что увеличивает надежность материала, хотя уменьшает его количество.

Многие из исследованных в последние годы Гнёздовских курганов были раскопаны еще дореволюционными исследователями, отчасти поэтому эти повторно раскопанные курганы иногда вовсе не содержали костей. Кроме того, В. И. Сизов, а вслед за ним и другие исследователи отмечают существование в Гнёздове кенотафов, содержащих только следы легкого кострища, но не заключавших в себе ни вещей, ни костей.

Изучение костного материала Гнёздова начато с раскопок 1970 г.[4] Многообразие костного материала: жженые — кальцинированные кости из кострищ и урн, целые скелеты лошадей из некоторых курганов с трупоположением[5] и фрагменты костей разных животных с городищ и селищ требует разного подхода и разной методики, поэтому весь материал рассматривается по трем разделам.

I. Человек и животные из курганов (определение кальцинированных костей). II. Характеристика целых скелетов лошадей из курганов. III. Животные Гнёздовских поселений (городищ и селищ) по фрагментам некальцинированных костей.

I. Человек и животные из курганов. 1. Центральная группа. В настоящее время определены кальцинированные кости из 42 курганов со 114 участков (кострища, урны, бровки и др.) (табл. 1). Мелких жженых фрагментов костей в некоторых пакетах было больше тысячи; в основном это неопределимые осколки, среди которых, однако, попадались кусочки и куски суставов, черепов или зубы, по которым определялись кости человека и животных. Кости из двух курганов оказались неопределимыми.

В 37 курганах найдены кости человека, что составляет 88,1% исследованных мною курганов. Изучение этих фрагментов в некоторых случаях позволило охарактеризовать приблизительный возраст человека в пределах: взрослый, юный, ребенок (табл. 1).

В трех курганах (116, 128, 174) костей человека не найдено, обнаружены только кусочки костей животных. В 10 курганах (26,2%) — 99, 105, 108, 109, 113, 117, 125, 166, 169 и 184 найдены кусочки костей лошади. Кости собаки определены в девяти курганах (105, 108, 113, 117, 143, 153, 175, 184, 185), т. е. в 21,0% случаев. Кости птиц в шести из 42 (99, 106, 113, 148, 169, 181), т. е. в 14,3% случаев. Кости свиньи встречены также в шести курганах (106, 119, 117, 128, 137, 174). Надо отметить, что в курганах 137 и 174 найдены единичные некальцинированные кости свиньи. Только в одном случае (кург. 116) найден кусочек сломанного зуба жвачного животного.

Таблица 1 показывает в каком сочетании друг с другом и с человеком найдены кости разных животных.

2. Курганы Ольшанской группы. Состав кальцинированных костей в этой группе показал, что кости человека обнаружены в четырех курганах, см. табл. 1 (Оль-15, -27, -28 и -29). Кости лошади найдены в двух курганах (Оль-27 и -29), собаки в двух (Оль-15 и -27), овцы в двух (Оль-15 и -27), свиньи в двух (Оль-27), зайца в одном (Оль-15) и птицы в двух (Оль-27 и -29). В кургане Оль-26 были обнаружены только зубы крупного рогатого скота (нежженные).

---

[4] *Авдусин Д. А.* Работы Смоленской экспедиции.– АО – 1970. М., 1971; *Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Смоленская экспедиция.– АО – 1971. М., 1972; *Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Работы Смоленской экспедиции.– АО – 1972. М., 1973; *Белоцерковская И. В., Пушкина Т. А., Петрухин В. Я.* Раскопки в Гнёздове.– АО – 1973. М., 1974; *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., Каменецкая Е. В., Петрухин В. Я.* Раскопки в Гнёздове.– АО – 1974. М., 1975.

[5] *Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнёздове.– Археологические открытия в Гнёздове.– АО – 1975. М., 1976; *Авдусин Д. А., Белоцерковская И. В., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнёздове – АО – 1976. М., 1977.

Таблица 1

Курганы Центральной группы

99 Человек (взр.) Ребенок Лошадь Птица	104 Человек	105 Человек (взр.) Лошадь Собака	106 Человек Лошадь Свинья Птица	108 Человек Лошадь	109 Человек Лошадь Собака
110 Человек	113 Человек Лошадь Собака Птица	116 Кусочек зуба крупного рогатого скота	117 Человек Лошадь Свинья Собака	119 Человек Свинья	125 Человек (юный) В бровке необожженные кости лошади
128 Свинья Мелкий рогатый скот	129 Человек (взр.)	133 Человек	137 Человек (взр.) Свинья	138 Человек	146 Человек (юный)
148 Ребенок Собака Птица	149 Человек	150 Ребенок	151 Человек	152 Человек (взр.)	153 Человек Собака
156 Человек (взр.)	162 Человек (взр.)	163 Человек	164 Человек	165 Человек	166 Человек Лошадь
167 Неопределимые кости	169 Человек (взр.) Лошадь Птица	170 Человек (взр.) Ребенок	173 Человек (взр.)	174 Клык кабана	175 Ребенок Собака
181 Человек Птица	184 Человек (юный) Лошадь Собака	185 Человек Собака	189 Человек (взр.)	194 Неопределимые кости	196 Человек (взр.)

Курганы Ольшанской группы

Оль-15 Человек Собака Овца Заяц	Оль-27 Человек Лошадь Свинья Овца Собака Птица	Оль-28 Человек	Оль-29 Человек Лошадь Птица	Оль-26 Зубы крупного рогатого скота

Анализ кальцинированных костей из Гнёздовских курганов показывает, что вместе с человеком нередко сжигались животные. Наличие фрагментов разных костей скелета позволяет предположить, что большей частью сжигались целые туши животных (например, лошади, собаки); возможно, однако, что в костер попадали и части скелета (свиньи, овцы).

В. И. Сизов[6] большое внимание уделил частям и целым скелетам лошадей. Как отмечал В. И. Сизов, кости собаки найдены в двух курганах: в одном обнаружен целый скелет, в другом — зубы и челюсти. Кости собак были переданы для исследования Д. Н. Анучину, по мнению которого «смоленская курганная собака» была потомком древней торфяной собаки, изменившейся под влиянием одомашнивания. В курганных раскопках последних лет целых костей собак не обнаружено; имеются только, как выше сказано, кальцинированные их фрагменты.

---

[6] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник.— МАР, № 28, 1902.

В книге В. И. Сизова находим также упоминание о костях птиц, которые были обнаружены в урнах вместе с кальцинированными костями человека. Автор считает, что определить вид по этим фрагментам невозможно, но иногда попадались кости с петушиной шпорой, которые указывали на наличие костей кур. С этим нельзя не согласиться — кусочки трубок костей птиц не поддаются определению до вида, попадающиеся цевки со шпорой говорят о куриных костях.

II. Характеристика целых скелетов лошадей из Гнёздовских курганов. Прежде чем дать описание костяков лошадей Гнёздовских курганов из раскопок последних лет, остановлюсь на данных о костях лошадей из более ранних раскопок. В. И. Сизов [7] пишет, что в одном случае слегка обгорелый костяк лошади лежал «на уровне земли среди крупных углей». Автор считает, что лошадь была перенесена из большого богатого кургана, расположенного рядом. Упоминается находка еще одного скелета лошади в кургане на деревянном помосте, под которым было кострище и вещи. Автор указывает, что и в других курганах были обнаружены кости лошади; в одном случае целый череп. Однако конкретно эти находки не описываются. Таким образом, обнаруженные во время исследования курганов последних лет два описываемых мною костяка лошади являются достаточно обычными находками для Гнёздовских курганов.

Остановимся на характеристике относительно целых скелетов лошадей, найденных при раскопках в 1975 г. (курган Ц-142) [8] и в 1976 г. (кург. Ц-191) [9].

Лощадь Ц-142 [10] лежала с подогнутыми передними ногами в отдельном кургане; предполагаемый хозяин — воин лежал в кургане, расположенном рядом.

На черепе лошади лежал тяжелый камень, раздавивший его, что исключало возможность изучения. Зубы лошади сохранились; по зубам — это был взрослый жеребец. Периферический скелет сохранился в удовлетворительном состоянии, что дало возможность сделать основные промеры костей пояса и свободных конечностей (табл. 2).

По таблице В. О. Витта [11], лошадь Ц-142 по ряду костей (пястью, плюсне, плечевой, бедренной и берцовой) относится к группе **средних** и **крупных** лошадей; показатели длины указанных костей лежат на границе этих групп. Очевидно, это была относительно крупная, сильная боевая лошадь, принадлежавшая воину, захороненному в рядом расположенном кургане.

Лошадь Ц-191 захоронена вместе с человеком. Вещей в этом кургане было много. Между костяком лошади и остатками мужского скелета лежали стремена, удила и другие предметы.

Поверхность крупных костей лошади и мелкие кости подверглись разрушению. Основные кости промерены (табл. 2), но, принимая во внимание некоторую поврежденность слоев, промеры костей этой лошади несколько занижены. Лошадь Ц-191 значительно меньше лошади Ц-142. Это молодой жеребец (6—7 лет). По промерам плечевой, лучевой, бедренной и берцовой костей он (по табл. В. О. Витта) относится к группе **малорослых** лошадей. Однако он крупнее лошадей из Гнёздовских поселений и лошадей из древнерусских городов лесной полосы (по данным В. И. Цалкина, табл. 2).

---

[7] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии, Вып. 1. Гнёздовский могильник. СПб., 1902.

[8] *Авдусин Д. А., Каменецкая Е., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнёздове.– АО – 1975. М., 1976, с. 52.

[9] *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнёздове.– АО – 1976. М., 1977, с. 141.

[10] В дальнейшем эти лошади из курганов Ц-142 и Ц-191 будут значиться под номером соответствующих курганов.

[11] *Витт В. О.* Лошади пазырыкских курганов.– СА, XVI, 1952.

Таблица 2

Промеры костей лошади, *мм*

Названия костей	Гнёздово				Новгород		Псков	
	курганы		поселения		По Цалкину			
	№ 142	№ 191						
	один промер		*n*	*M*	*n*	*M*	*n*	*M*
Длина альвеолярного ряда верхней челюсти	–	161,0	–	—	–	–	–	–
Зуб M^3	–	37,5	–	—	–	–	–	–
Длина альвеолярного ряда нижней челюсти	–	159,0	1	157	18	168,5	5	167,5
Зуб M^3	–	30	3	32,3	–	–	–	–
Пястье длина	235	225	1	199	70	216,5	30	214,35
Ширина верхнего конца	56	44	1	44	–	–	–	–
Ширина нижнего конца	50,5	41	3	45	–	–	–	–
Плюсна длина	275	259	1	260	72	256,45	18	253,9
Ширина верхнего конца	53	–	1	52	–	–	–	–
Ширина нижнего конца	50	–	1	51	–	–	–	–
Плечевая	300	280	–	–	17	278,50	–	–
Ширина нижнего сустава	80	–	–	–	40	69,75	16	68,10
Лучевая длина	334,5	323	–	–	64	314,3	6	312,5
Ширина верхнего конца	88,5	–	1	79	–	–	–	–
Ширина нижнего сустава	68,5	–	–	–	121	60,52	11	59,36
Локтевая длина	335	–	–	–	–	–	–	–
Бедренная	410	375	–	–	13	375,30	–	–
Ширина верхнего конца	118	111	–	–	–	–	–	–
Ширина нижнего сустава	97	78	–	–	–	–	–	–
Берцовая	365	344	–	–	51	333,20	–	–
Ширина верхнего конца	100	66	–	–	–	–	–	–
Ширина нижнего сустава	77	60	3	67	55	69,43	18	70,32
Фаланга I (передняя)	86	85	1	77	43	80	22	79,75
Фаланга I (задняя)	83	–	–	–	37	78,6	21	–
Фаланга II (передняя)	51	–	2	48	–	–	–	–
Фаланга II (задняя)	48	–	–	–	–	–	–	–
Лопатка								
Ширина шейки	70	–	–	–	–	–	–	–
Тазовые								
Длина наибольшая	435	365	–	–	–	–	–	–
Ширина от подвздошной до седалищной	375	–	–	–	–	–	–	–
Подвздошная в самом узком месте	42	33	–	–	–	–	–	–
Пяточная								
Высота	115	–	–	–	–	–	–	–
Ширина	61	–	–	–	–	–	–	–
Таранная								
Высота	64	58	–	–	–	–	–	–
Ширина	61	43	–	–	–	–	–	–

Промеры костей лошадей из Гнёздовских погребений пока единичны и все же я сочла возможным поставить полученные показатели рядом с числами одноименных костей из гнездовских поселений и массовыми показателями размеров костей лошади из относительно близко лежащих городов — Новгорода и Пскова (табл. 2), а также со средними показателями костей лошади по разным городам Древней Руси по В. И. Цалкину [12].

III. Животные из раскопок Гнёздовского городища и селищ по костным остаткам. Наряду с раскопками Гнёздовских курганов производи-

[12] *Цалкин В. И.* Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси.— МИА, № 51, 1956.

Таблица 3

Количество костей и особей животных из Гнездовского городища и селищ

Памятник	Крупный рогатый скот		Лошади		Свиньи		Мелкий рогатый скот		Собака		Птицы	Всего костей и особей
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	абс.
Центральное городище	97	50.0	20	10,3	53	27,3	19	9,8	5	2,3	5	194
	37	40,2	11	11,9	30	32,6	13	14,1	1	1,2	?	92
Гнездовское селище	75	62,3	5	4,2	24	20,1	16	13,3	—		9	120
	10	52,6	1	5,2	5	26,4	3	15,8			?	19
Восточное селище	44	47,8	19	20,6	7	7,7	22	23,9	—	—	—	92
	20	51,3	10	25,6	4	10,4	5	12,8				39

Примечание. В числителе — количество костей, в знаменателе — количество особей.

лись раскопки и одновременно существовавших городища и селищ на этой же территории. Костный материал из этих поселений — фрагменты костей животных, не подвергавшихся сожжению; это домашние животные, использованные населением главным образом в пищу.

Всего нами определено 406 костей; основная масса — это костные остатки домашних животных: в Центральном Городище определено 194 кости; в Гнёздовском Западном селище — 120; в Восточном селище — 92.

Таблица 3 иллюстрирует количество костей и особей домашних млекопитающих по видам в абсолютных данных и в процентах. Найденные фрагменты костей птиц были определены как куриные и гусиные.

Особо следует отметить наличие на Гнёздовском селище одной небольшой кости из лапы медведя. Поскольку эта кость не входит в группу домашних, она не включена в таблицу. Данные табл. 3 говорят о том, что около половины костей и особей всех домашних животных (во всех поселениях) принадлежали крупному рогатому скоту. Очевидно, эта группа в основном обеспечивала население мясом, молочными продуктами и шкурами. По всей вероятности, разведению крупного рогатого скота способствовали природные условия (хорошие пастбища, заливные луга).

Количественное распределение остальных видов домашних животных на разных поселениях имеет свою специфику. Так, на Центральном городище разведение свиней занимает значительное место (около 30%) и меньшее — мелкий рогатый скот.

В Гнёздовском селище свиньи и мелкий рогатый скот также занимают 2-е и 3-е место, но количественно резко преобладает крупный рогатый скот.

Пять костей собаки, найденные в Центральном городище, частично обгорели — они принадлежали одной взрослой особи небольших размеров. Этот материал не разрешает говорить о каких-либо морфологических особенностях собаки Гнёздовских поселений.

Следует принять во внимание, что изучаемый костный материал — это в основном пищевые остатки. Судя по характеру разбитых костей, мясо лошадей употреблялось в пищу, но в значительно меньшем количестве, чем мясо других животных. Лошадь, несомненно, имела большое значение в хозяйстве как ездовое, тягловое животное и как боевой спутник воина. О последнем говорят захоронения лошадей в курганах и их сожжение вместе с человеком.

Изучение необожженных костей с поселений показало некоторые закономерности в отношении времени забоя основных видов домашних жи-

Таблица 4

Промеры костей крупного рогатого скота, *мм*

Названия костей	Из Гнёздовских поселений		Древней Руси (по В. И. Цалкину)	
	n	*M*	*n*	*M*
Длина альвеолярного ряда нижней челюсти	3	128,3	274	123,72
Высота пяточной	1	122,3	520	115,70
Высота астрогала	3	57,3	986	58,82
Ширина нижнего конца берцовой	4	56,2	625	52,88
Длина пястья	3	186,6	639	175,25
Длина плюсны	2	201,0	421	199,90
Высота фаланги I	12	55,3	1428	54,93
Высота в холке (по пястью)	3	113,8	1056	100,25

вотных, являющихся базой мясного питания обитателей городища и селищ.

Наиболее высокий процент животных, забиваемых в молодом возрасте, падает на свиней (до 80% — Гнёздовское селище). В среднем во всех поселениях 56,6%. Это показывает, что больше половины свиней забивали в возрасте до года; что вполне понятно, так как прокорм свиней зимой был очень труден и, кроме того, более ценной является молодая свинина.

Процент забоя мелкого рогатого скота в молодом возрасте также довольно высок (в среднем 32,3%). Во всех трех изучаемых поселениях процент забоя мелкого рогатого скота почти одинаковый (от 30,7 до 33,3%). Забой молодого крупного рогатого скота несколько ниже — в среднем около 20%, что вполне понятно, так как население использовало не только мясо, но и молочные продукты.

Наименьший процент костей молодых особей лошадей — 2 из 22. Среди костного материала этого вида найдено значительное количество костей старых животных. Эти данные согласуются с вышесказанным о значении лошади. Забой лошадей ради мяса был, очевидно, второстепенным для жителей изучаемых поселений, поэтому понятно, что молодых лошадей забивали редко; чаще — старых, уже непригодных для работы.

Несколько слов о размерах крупного рогатого скота и лошадей из Гнёздовских поселений. Количество фрагментов костей домашних животных из Гнёздовских селищ и городища, на которых можно было сделать общепризнанные промеры, весьма ограничено. Это не дает возможности произвести биометрическую обработку числовых показателей. Промеры костей единичны, но все же их интересно сопоставить с известными данными В. И. Цалкина [13] по крупному рогатому скоту и лошадям лесной полосы древней Руси. На табл. 4 сопоставлены промеры некоторых костей крупного рогатого скота из раскопок изучаемых поселений с данными В. И. Цалкина.

Несмотря на малочисленность промеров костей крупного рогатого скота из селищ и городищ, не трудно уловить, что все изучаемые кости из Гнёздова несколько крупнее, чем одноименные кости скота из памятников Древней Руси. Конечно, столь малое количество промеров не дает оснований для выводов, но имеющийся материал позволяет говорить, что здесь крупный рогатый скот был несколько крупнее среднего древнерусского.

Количество измеренных костей лошади из Гнёздовских поселений (табл. 2) еще меньше, чем крупного рогатого скота — но все же можно

[13] *Цалкин В. И.* Ук. соч.

констатировать, что большинство ее костей было мельче древнерусских лесной полосы и значительно меньше костей боевых лошадей из гнездовских погребений, описанных выше.

Малое количество промеров крупного рогатого скота и лошадей из раскопок Гнёздовского городища и селищ по сравнению с массовым количеством соответствующих промеров по древнерусскому скоту и лошадям делает различия малоубедительными. Однако все же я считаю необходимым изложить эти данные; может быть, они впоследствии пополнятся показателями других исследователей. Промеры, сделанные на костях свиньи и мелкого рогатого скота, единичны, сравнить их еще труднее, и они в данной статье опускаются.

На основании анализа костных остатков из Гнёздовских курганов и поселений можно подвести следующие предварительные итоги. 1. В курганах вместе с кальцинированными костями человека в кострищах, урнах и пр. чаще других животных найдены фрагменты костей лошади (в 25% случаев). 2. Нередко встречаются костные остатки собаки (в 20,9% случаев). 3. Костные фрагменты птиц и свиней найдены в 13,9% случаев. 4. Только в одном кургане обнаружен кусок зуба жвачного животного. 5. В двух курганах найдены скелеты двух рослых боевых лошадей, лежавших рядом с трупоположением, принадлежавших, очевидно, воинам. Эти лошади были крупнее, чем лошади из поселений, и могут быть отнесены (по табл. В. О. Витта) к группе средних и рослых (Ц-142) и малорослых (Ц-191). 6. Изучение костных остатков из поселений показало, что у жителей городища и селищ было широко развито животноводство; в основном разводили крупный рогатый скот, который, очевидно, обеспечивал население мясом и молочным продуктами; немаловажное значение имели в хозяйстве свиньи и мелкий рогатый скот. Мясо лошадей также употреблялось в пищу, но в значительно меньшем количестве. Лошади использовались в хозяйстве в основном как ездовое, тягловое животное и как боевые кони. Промеры фрагментов костей показывают, что лошади из поселений были небольшого роста (меньше, чем древнерусские лошади лесной полосы), а крупный рогатый скот несколько крупнее, чем эта группа домашних животных Древней Руси. Однако, поскольку количество промеров костей весьма незначительно, к этим выводам следует отнестись с большой осторожностью.

E. G. Andreeva

OSTEOLOGICAL MATERIALS FROM GNEZDOVO

Summary

The site Gnezdovo is situated at the Dnieper to the west from Smolensk. It is dated to the X—XI centuries. Calcinated bone remains from 42 barrows of the central group with cremations were studied by the author. In 11 barrows besides the human remains, the remains of horses were found, in nine the remains of dogs, in six — birds, also in six — pigs. Only one barrow produced a fragment of tooth of a ruminant. Among bone remains of the Olshanka group (five barrows), besides these, remains of sheep and hare were found. In two burials with inhumations the skeletons of two battle horses were studied. By single mesurements of bones one horse can be related to medium-size and the second to small-size horses. The analysis of bone remains from fortified and open settlements of Gnezdovo complex showed big quantity of bone remains of big ruminants, which indicates the important role of these animals in the cattle-breeding of the studied settlements. Bone remains of pigs, small horned cattle and horses are less numerous. It is important to underline the difference in killing young animals: 80% of pigs were killed young, small cattle 32% and big cattle in 20% of all cases. Judging from the character of bone fragments the meat of horses was, evidently, also used in food. The size of these horses was smaller than the size of the described battle horses.

А. Л. СОКУЛЬСКИЙ

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО ОЛЕШЬЯ

В русской историографии вопрос о местоположении летописного Олешья обсуждался неоднократно, однако и до настоящего времени он не решен окончательно. Летописное Олешье часто приурочивается к местности г. Алешки (с 1928 г.— Цюрупинск), расположенного при впадении р. Конки или Конской в Днепр.

Отсутствие бесспорных доказательств — один из главных недостатков в решении вопроса о действительном положении на исторической карте самого южного пункта Руси, важнейшего центра внешних торгово-экономических связей славян в международной торговле.

Топоним Олешье впервые появляется, кроме летописных сведений, на карте арабского географа Идриси под именем города Алески, расположенного против приднепровского города Молзы, т. е. гораздо выше теперешнего Цюрупинска. Другие описания Идриси расходятся с его же картой и утверждают, что Олешье было расположено у самого устья Днепра. Позже Олешье обнаруживается в Книге Большому Чертежу (составленной в 1672 г.) при описании речки: «Малый Ингулец впадает в то же Ингульское, а из Ингульского в Днепр против вчерашних, да и луг там зовемый Олешки-же» [1]. В середине XVIII в. это название, изменившись в произношении на «Алша», встречается в Русском академическом атласе издания 1745 г. Окончательное совмещение топонима Олешье с названием местности Алешки устанавливается в исторической литературе второй половины XVIII в. в связи с временным размещением на Алешкинских песках Алешковской Запорожскй Сечи. Сообщение по этому поводу находим в известиях русского офицера С. И. Мышецкого, прожившего в 40-х годах несколько лет среди запорожцев Новой Сечи [2].

В дальнейшем топоним Алешки как месторазмещение Сечи и былое Олешье закрепляется историком М. Н. Карамзиным [3], а впоследствии широко входит в большинство работ, издаваемых в России и за рубежом [4].

---

[1] Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства. СПб., 1838. с. 100, 101.

[2] *Мышецкий С. И.* Известия о Запорожских казаках.– В сб.: Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, май. СПб., 1760, с. 410.

[3] *Карамзин М. Н.* История Государства Российского. СПб., 1918, с. 290; *его же.* История Государства Российского. СПб., 1897, т. 2, с. 64.

[4] Отождествление Олешья с Алешки приводится в обширнейшей литературе, поэтому укажем лишь несколько работ: *Бантыш-Каменский Н. Н.* История Малой России. М., 1830, т. 3, с. 136; *Татищев В. Н.* История Российская. М.– Л., 1964, т. 4, с. 159, 363; *Регельман А. И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и о казаках вообще. М., 1847, т. 3, с. 96; *Скальковский А. А.* История Новой Сечи. Одесса, 1846, ч. 1, с. 30; *Маркович А. М.* Очерки истории запорожских казаков. СПб. т. 1, 1892, с. 5; *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 81; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916, с. 23; *Макушев В. В.* Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, с. 116; *Соловьев С. М.* История России

Однако Д. И. Иловайский высказывал предположение, будто город Олешье, служивший складочным пунктом для гречников и залозников, был расположен на том месте, где суда, шедшие с юга, приставали, не доходя порогов [5]. Таким образом, Д. И. Иловайский размещал Олешье в районе г. Александровска (с 1928 г.— Запорожье). Отсутствие убедительных фактов, в том числе и археологических, является причиной того, что древнее Олешье до настоящего времени помещают на месте с. Алешки, т. е. г. Цюрупинска, отстоящего от устья Днепра на 60 *км*.

Произвольное изменение топонима Олешье на Алешки не раз подвергалось критике в специальной литературе [6]. В. Г. Фоменко, используя лингвистические розыскания, помещал Олешье на Чертомлыцком острове, где некогда размещалась Старая Сечь и который впоследствии был размыт наводнением в 1845 г. При этом В. Г. Фоменко исходил из того, что название р. Базавлук, омывавшей этот остров, означает «лед»; понятие «лед», «ледяной», «холодный» на многих тюрских языках выражается словом «буз», а «ледник» словом «бузлук». Далее, считая название этой реки измененным тюрским «База-клук», переводимым как «разрушение», «разгром», «поражение», В. Г. Фоменко делает вывод, что гидроним Базавлук есть что-то старинное,— таким объектом могло быть Олешье, заключает автор [7]. Как видно, объяснение этого вопроса основывается на общих историко-географических соображениях, но оно, к сожалению, используется и в новейшей специальной и популярной литературе [8].

Исключение составляет предположение, высказанное акад. Б. А. Рыбаковым о том, что Олешье стояло в самом низовье Днепра как важный стратегический пункт Руси [9], тем самым исключающее его размещение на Алешкинских песках.

Новые фактические данные получены при археологических разведках и раскопках в устье Днепра, проведенных Государственным историко-культурным заповедником на о. Хортица в 1972—1974 гг.[10] Разведка проводилась по обоим берегам Днепра в пределах Херсонской обл.

Возле с. Республиканец Херсонской обл. на мысу, омываемом водами Каховского водохранилища и устьем р. Каменки, обследована уцелевшая часть небольшого славянского поселения XII—XIII вв. Поселение было представлено двумя десятками жилищ земляночного типа размером 3×4 и 4×5 м, ориентированными вдоль надпойменной террасы Днепра.

В жилищах прослежены входы-сени с противоположной от Днепра стороны и печи-каменки; в двух случаях обнаружены глинобитные печи, размещенные по углам построек. Основной инвентарь в заполнении жилищ — славянская и византийская керамика XII—XIII вв.

В р-не г. Цюрупинска и его окрестностях никаких следов славянских памятников не обнаружено. При обследовании группы болотистых островов в устье Днепра, находящихся в 12 *км* ниже г. Херсона, выявлены на Великопотемкинском острове культурные отложения периода Киев-

---

с древних времен. М., 1964, с. 426; Полное географическое описание нашего отечества. (Под ред. Семенова-Тянь-Шанского). СПб., 1910, т. 14, с. 151, 152; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 1, с. 427.

[5] *Иловайский Д. И.* История России. СПб., т. 1, ч. 2, с. 82, 83.

[6] Известия Всесоюзного Географического общества, т. 96. Л., 1964, с. 73.

[7] *Фоменко В. Г.* Южные пути Киевской Руси на Запорожье.– АЕ, 1964, с. 168.

[8] Історія міст і сіл УРСР. Херсонская обл., Київ, 1972, с. 574; Історія Української РСР. Київ, 1977, т. I, карта, Київська Русь в IX — початку XII ст.; *Михельсон Т. Н.* Рассказы русских летописей XII–XIV вв. М., 1973, с. 72; *Успенский Л. В.* Имя дома твоего. Л., 1967, с. 105.

[9] *Рыбаков Б. А.* Уличи.– КСИИМК, № 35, 1950, с. 10.

[10] *Сміленко А. Т.* Слов"яни та їх сусіди в степовому Подніпров"ї (II–XIII ст.). Київ, 1975, с. 178. В работах принимали участие сотрудники Государственного историко-культурного заповедника на о. Хортица: В. Е. Борисов и А. Л. Сокульский, а также сотрудники Института археологии АН УССР Р. А. Юра и А. В. Бодянский.

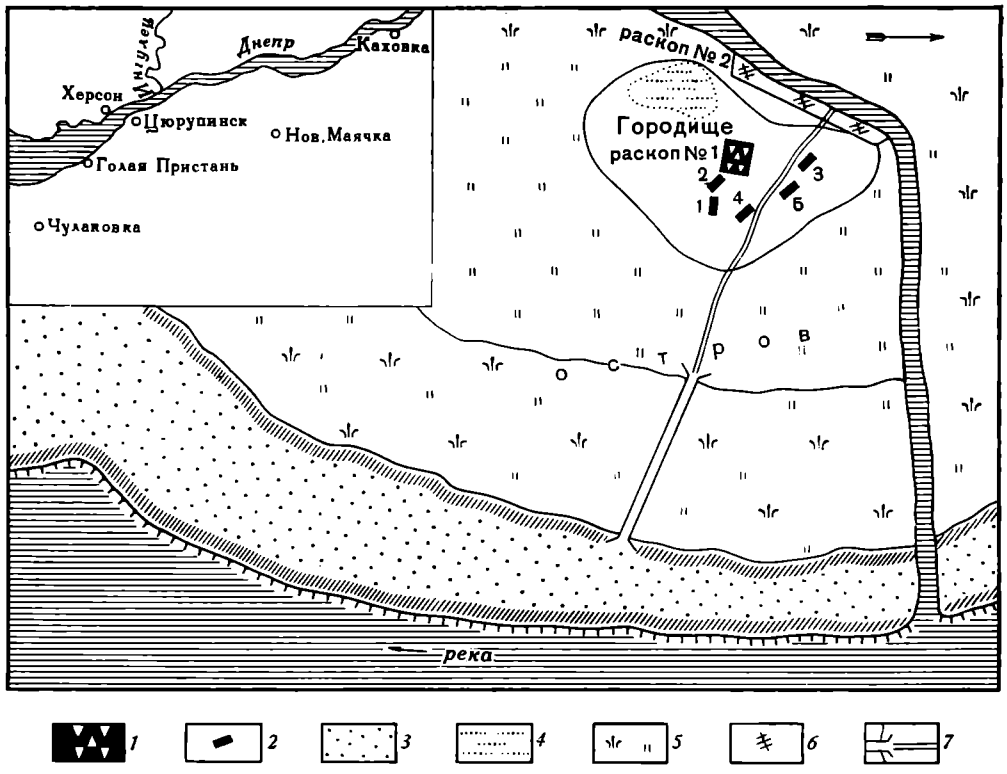


Рис. 1. Схематический план раскопок в центральной части Великопотемкинского острова. *1* — остатки фундамента каменного сооружения XII–XIII вв.; *2* — шурфы; *3* — песчаный берег; *4* — местонахождение скелетов; *5* — кустарник; *6* — зачистка обнажений ерика; *7* — дренажные канавы

ской Руси. Остров площадью более 12 *га* имеет трапециевидную форму с основанием к югу. Значительная часть Великопотемкинского острова (как и окружающие острова) затапливается во время паводков и покрыта кустарниковой растительностью. На глубине от 0,7 до 1,3 *м* появляются почвенные грунтовые воды. Наиболее высокий участок Великопотемкинского острова занимает площадь более 4 *га*. У местного населения он известен как «Городище» или «Казацкие печища» (рис. 1). Неблагоприятные почвенные условия и застройка в известной степени затрудняли раскопки на больших площадях. Раскопки проводились небольшими площадями с устройством пунктирных шурфов и зачисток обнажений вдоль многочисленных осушительных канав и «ериков».

Исследования площади Городища показали, что мощность культурных слоев составляет от 0,55 до 1,3 *м*. В юго-западной части «Городища» культурный слой содержит значительное количество пепла и обугленного дерева (рис. 1). При вспашке этого участка находили сотни человеческих скелетов. При зачистке обнажений осушительного «ерика»-канавы (рис. 1, раскоп № 2) было собрано более 20 черепов и несколько сот человеческих костей, на некоторых обнаружены следы повреждений рубящим оружием.

В центральной части «Городища» было заложено несколько пунктирных шурфов. В шурфе № 1 (1×2 *м*) на глубине 0,25 *м* в слое черной болотистой почвы были найдены два железных лемеха размером 27,5×19 *см* и 18,5×13 *см* (рис. 2, *14*). Оба они датируются XII–XIII вв.[11] На глубине 0,3 *м* в слое серой песчаной почвы со значительной примесью древесных угольков выявлено большое количество обломков красной и глазурованной керамики. На глубине 0,45 *м* обнаружены — железный мо-

[11] *Юра Р. А.* Древній Колодяжин.— АП, т. 12, 1962, с. 94.

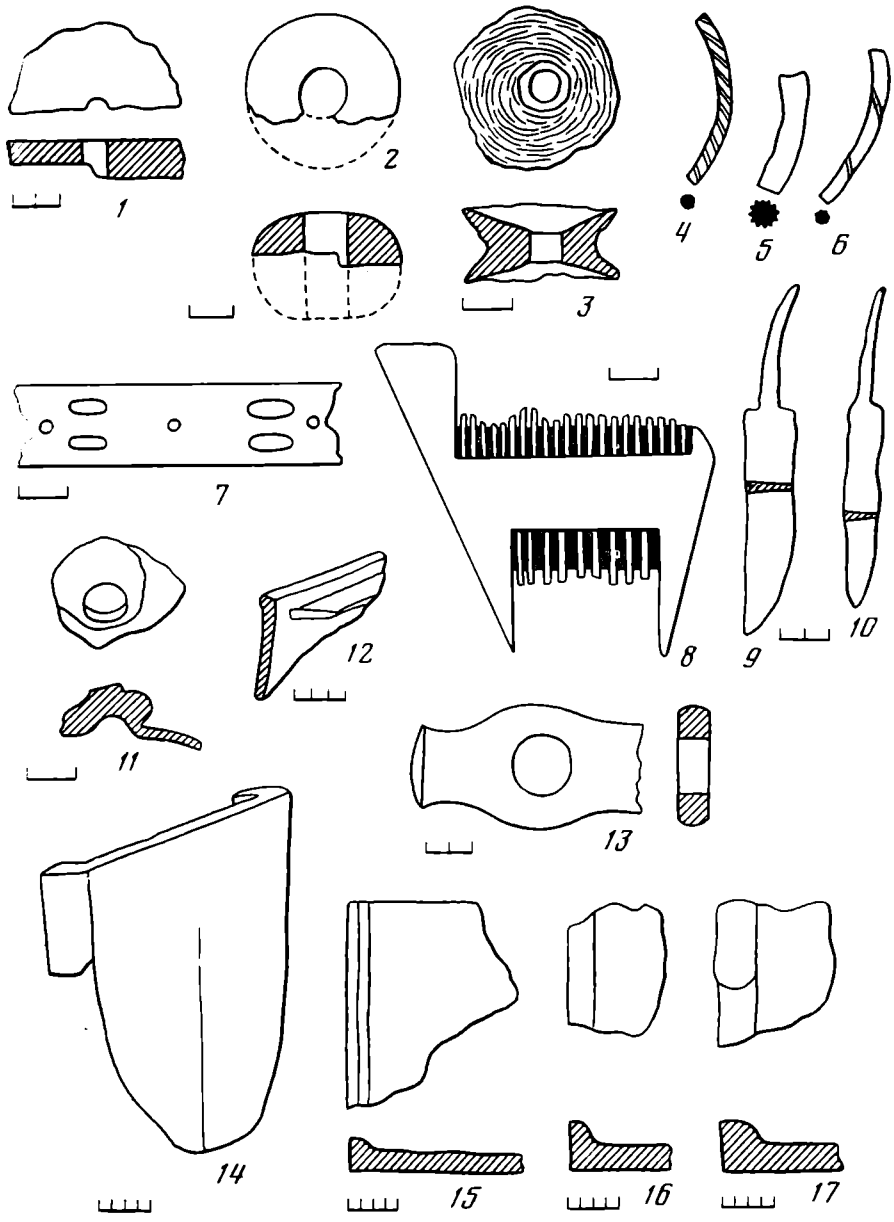


Рис. 2. Вещи из Великопотемкинского острова: *1—2* — керамические прясла, *15—17* — черепица; *7—8* — кость; *4*, *5*, *6* — цветное стекло; *3* — изделие из рога; *9—10*, *13*, *14* — железо; *12* — чугун

лоток (рис. 2, *13*), обломки чугунного котла (на одном из них сохранилась часть ручки), два железных гвоздя. Ниже, на глубине 0,65 *м* найдены: трубчатый замóк XII—XIII вв.[12], подвеска из створки ракушки с отверстием в верхней части; куски железной крицы и шлаки; фрагмент донышка византийской чаши XII—XIII вв. красной глины с графити в виде литеры «Ф» под желтой глазурью[13] (рис. 3, *8*); фрагменты ручек амфоресок красной глины (рис. 4, *4*); венчики сосудов из белой глины с линейным и волнистым орнаментом (рис. 5, *1*, *3*, *4*, *6*) и без орнамента (рис. 5, *13*, *22*); обломки красноглиняных мисок XI—

[12] *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 95, рис. 1, 2.

[13] *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси.— САИ, вып. Е1-38, 1967, с. 28.

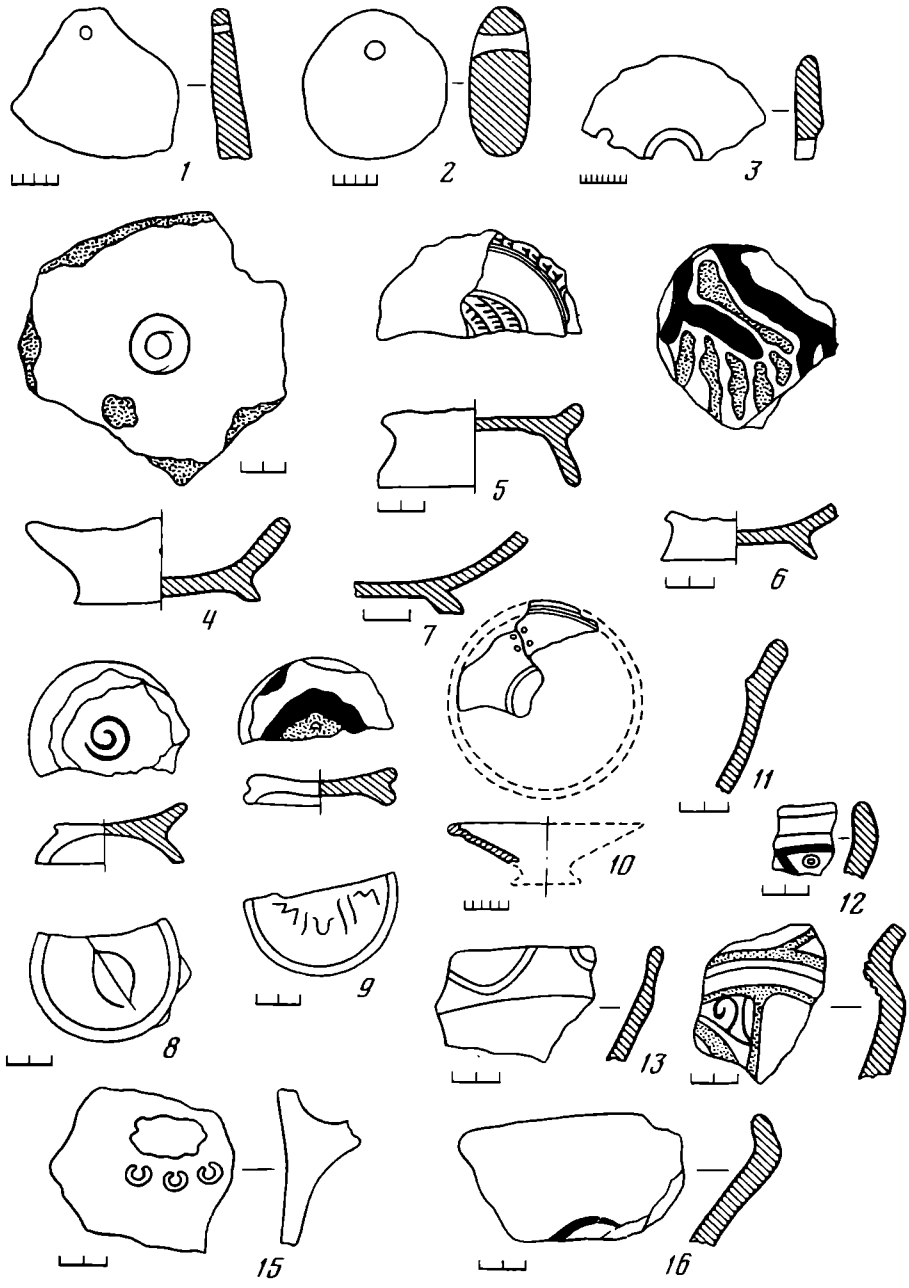


Рис. 3. Великопотемкинский остров: *1—2* — известняк; *3* — песчаник; *4—7*, *10—16* — византийская керамика глазированная; *8—9* — керамика с граффити

XII вв.[14], покрытых зеленой, желтой и коричневой поливой (рис. 3, *10*, *11*, *13*, *16*), изготовляемых в Северном Причерноморье. На глубине 0,8 *м* шурф был затоплен грунтовыми водами.

В шурфе № 2 размером 0,5×3 *м*, заложенном в наивысшей точке «Городища», на глубине 0,25 *м* найдены расколотые кости домашних животных и водоплавающей птицы, обломки тарной керамики византийского происхождения. В слое на глубине 0,8 *м* найдены фрагменты пифоса и черепицы красного обжига (рис. 2, *15*, *16*); фрагмент кирпича

[14] *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья.— СА, 1951 XV, с. 339, рис. 10, *33—36*.

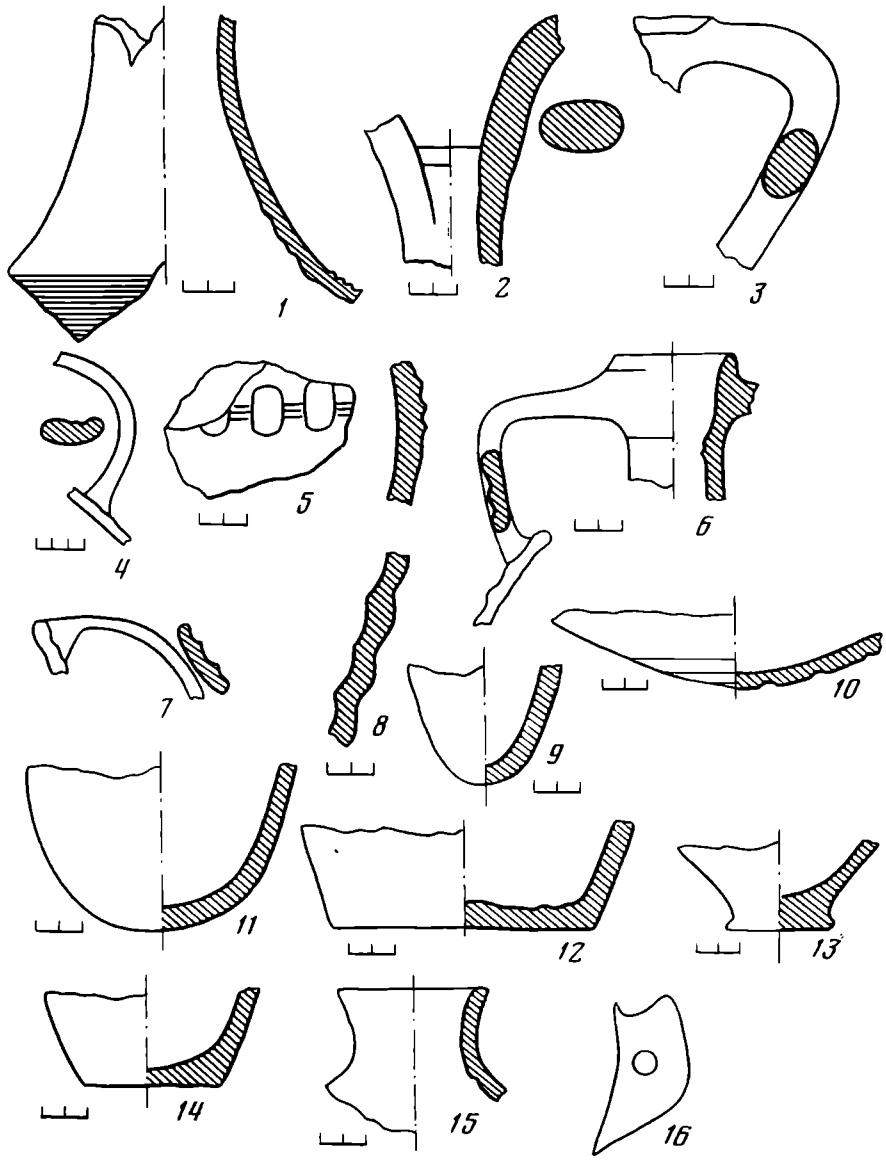


Рис. 4. Тарная керамика из Великопотемкинского острова

15×5 *см*, а также большое количество обломков амфор, корчаг X—XII вв. (рис. 4, *3, 4, 7*).

В верхнем слое шурфа № 3 в черной болотистой почве на глубине 0,45 *м* найдено известняковое грузило треугольной формы с отверстием в верхнем углу (рис. 3, *1*), а также фрагменты черепицы с бортиком (рис. 2, *15*, *16*, *17*), пряслице из стенки амфоры (рис. 2, *11*), обломки кувшинов (рис. 4, *12*), фрагменты горловины ангобированной с мелкими расчесами (рис. 4 *1*), обломки донышек яйцеобразных амфор (рис. 4, *9*).

Западнее шурфа № 2 (рис. 1) выявлен участок размером 10×20 *м*, усеянный известняковыми камнями размером от 10×15 до 25×30 *см*. На отдельных камнях обнаружены следы обработки. Расчистка этого участка показала, что при неоднократной вспашке здесь были разрушены остатки фундамента какой-то постройки XII—XIII вв. На глубине 0,55 *м* найдено пряслице из рыбьего позвонка диаметром 3,2 *см* (рис. 2, *3*), два обломка рога оленя со следами обработки и фрагмент стеклянного витого светло-голубого браслета (рис. 2, *5*). На глубине 0,6 *м* найдены жернова из песчаника (рис. 3, *3*). На глубине 0,7 *м* в центральной части раскопа была выявлена яма размером 0,5×0,7 *м*

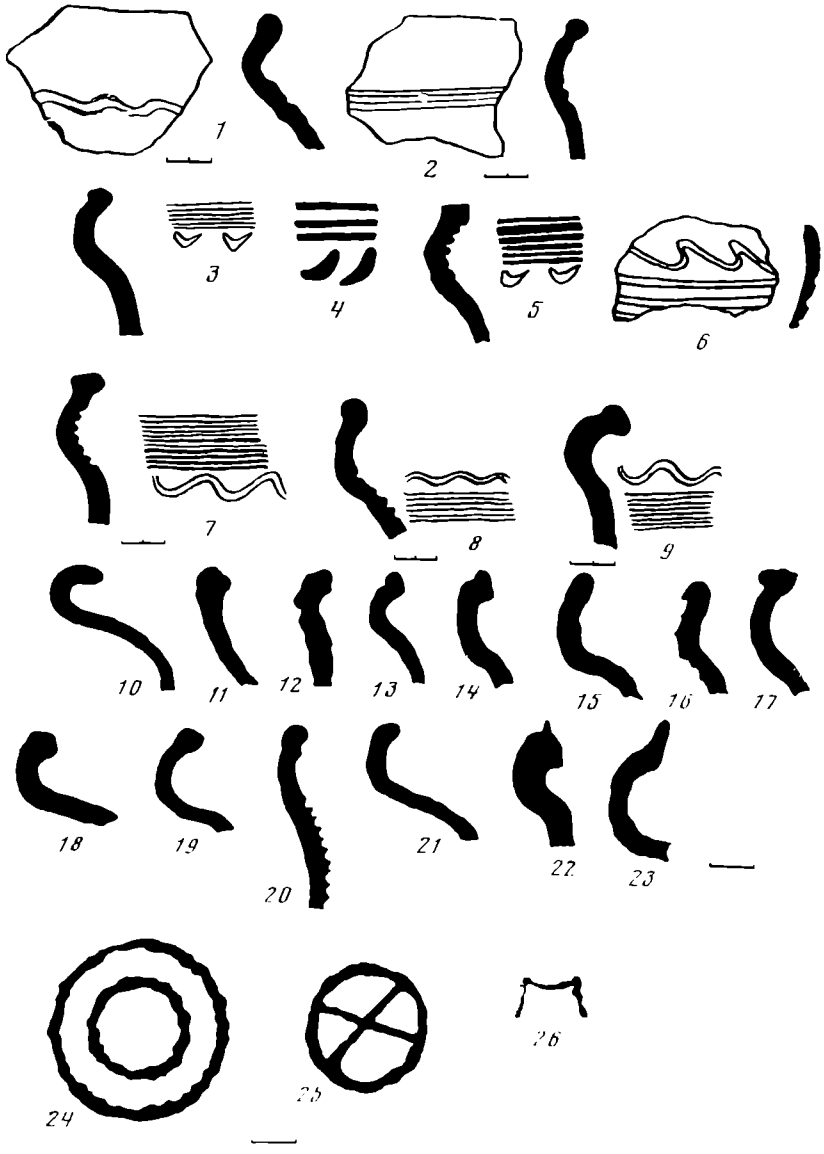


Рис. 5. Великопотемкинская словянская керамика: *1—9*, *16*, *20* — орнаментированная; *10—15*, *17—19*, *21—23* — без орнамента; *24—26* — гончарные клейма

прямоугольной формы, вытянутая в плане с востока на запад. В заполнении ямы найдены три железных ножа длиной 9,5; 12; 14,5 *см* (рис. 2, *9*, *10*) и кусок стеклянного шлака; интересный фрагмент донышка белоглиняной чаши с полихромной (синяя, зеленая) глазурью, вероятно, византийского производства (рис. 3, *6*); фрагменты венчиков XI—XII вв. (рис. 5, *2*, *5*, *7*, *9*, *15—19*), обломки ручек горшков XII—XIII вв. (рис. 4, *16*). На трех фрагментах обнаружены клейма в виде двух концентрических окружностей (рис. 5, *24*), подобные клейма известны на посуде XII—XIII вв. в Воине[15] и Колодяжине[16]. Второе клеймо напоминает крест, вписанный в круг (рис. 5, *25*), подобные клейма также известны на посуде XII—XIII вв. из Воиня, Колодяжина и

[15] *Довженок В. Й.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966, табл. XI, *1*.
[16] *Юра Р. А.* Ук. соч., с. 115, рис. 41, *7*.

Сурского древнерусских поселений[17]. Третье клеймо представлено двузубцем (рис. 5, *26*), подобное известно из городища Верхний Салтов, датируемого X в.[18] В прямоугольном шурфе № 4 размером 4×4 *м*, заложенном в центральной части «Городища» на глубине 0,25 *м*, было обнаружено несколько фрагментов стеклянных сосудов (рис. 2, *11*), обломок пряслица из серого сланца (рис. 2, *2*). Ниже в слое темно-серого песка на глубине 0,45 *м* найден фрагмент темно-синего стеклянного браслета (рис. 2, *4*). Рядом с браслетом обнаружен костяной гребешок двусторонний, трапециеобразный, типичный для XII — первой половины XIII в. (рис. 2, *8*)[19]. В шурфе № 5 прямоугольной формы (2×2 *м*) заложенном на восточной стороне осушительной канавы на глубине 0,7 *м* в черной песчаной болотистой почве, выявлен слой толщиной 10 *см*, содержащий обломки амфор XI—XII вв.[20], амфоресок красной и белой глины (рис. 4, *6*), корчаг (рис. 4, *5*, *10*), глазурованной посуды XI—XII вв. (рис. 4, *15*; 5, *14*, *20—21*, *23*). На глубине 1,3 *м* шурф № 5 был затоплен грунтовыми водами.

На основании полученного материала и особенностей стратиграфии культурный слой Великопотемкинского острова можно датировать второй половиной X — началом XIII в. Наши выводы в значительной мере согласуются с письменными источниками, упоминающими Олешье под 1084, 1153, 1215, 1223 гг.

Константину Багрянородному еще не было известно наименование нижнеднепровского торгового пункта Руси. Это обстоятельство опровергает высказанное в свое время П. П. Семеновым мнение о том, будто бы Олешье было основано греками в X в. и известно генуэзцам под названием de ellexe, ullxe, erexe, erese[21].

Наличие следов культурного слоя X в. на Великопотемкинском острове свидетельствует о том, что древнерусское поселение в устье Днепра существовало задолго до первого упоминания (1084 г.) летописцем. Вероятно, не будет преувеличением предположить, что островная область в устье Днепра — своеобразная гилея — носила попеременно названия Белобережье и Олешье, находясь всецело в сфере влияния Руси.

Усиление влияния Руси в этой зоне вызывало недовольство Византии, укрепляющейся в Тавриде. Договор греков с русскими в 945 г. свидетельствует не только о возрастающем значении этой области и стремлении Византии закрепиться в устье Днепра. Этим договором русская сторона была вынуждена отказаться от всяких притязаний на Корсунскую сторону, но принять обязательства защищать ее от внешних сторонних нападений, выговаривая для корсунян право беспрепятственной рыбной ловли в днепровском устье. Договор с другой стороны запрещал русам зимовать здесь и на Белобережье вообще. Возможно, что это ограничение, как справедливо заключает М. В. Левченко, и было побудительной причиной основания неподалеку от днепровского устья города Олешья в качестве стоянки и зимовки русских караванов и промышленников[22].

Под напором хозяйничавших в нижнем Поднепровьи печенегов, а позже половцев, постоянно тревоживших торговые караваны, Русь вела бесконечные войны с целью укрепить русское влияние в Черноморье и Приазовье и очистить водные торговые пути.

---

[17] *Медведев А. Ф.* Новые материалы к истории Городца на Волге – КСИА АН СССР, № 113, 1968, с. 32, рис. 6, *2*; *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.– СА, 1958, № 2, с. 102, рис. 5, *6*, *9*.

[18] *Макарова Т. И.* Поливная посуда, с. 28, 29.

[19] Там же, с. 22.

[20] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.).– МИА, № 17, 1950, с. 104–107, рис. 56–58.

[21] *Семенов П. П.* Ук. соч., с. 71.

[22] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений, М., 1956, с. 77.

Нижнеднепровский пункт довольно поздно обнаруживается в русских летописях под названием Олешье. Несомненно, что известность закрепляется за ним в то время, когда поселение уже прочно приняло на себя роль посредника и передаточного пункта в торговле Верхнего и Среднего Поднепровья с югом и стало промежуточным узлом торговли Поднепровья с Византией и побережьем Черного и Азовского морей[23]. Мощные культурные слои XI — первой четверти XIII в., преемственно связанные со слоем конца X в., в достаточной степени подтверждают эти выводы.

Под своим собственным именем Олешье встречается в русских летописях впервые под 1084 г.: «В се же лето Давыд зая Грькы в Олешьи и зая у них пменье»[24], когда князь-изгой Давид Игоревич ограбил в Олешье купцов, торговавших с Византией.

Очередное упоминание восходит к 1153 г.: «...на ту же осень посла отець Мьстислава противу мачесе с Володимером Андреичем и с Берендичи и ходиша до Олешья»[25] — речь идет о том, что Мстислав, посланный отцом своим, ездил встречать мачеху, княжну Абазинскую, безуспешно дожидаясь ее в Олешье.

Под 1160 г. встречаем два известия об Олешье. Первое, когда: «Том же лете посла Ростислав пс Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в наседех на Берладники, оже бяхуть Олешье взяли. И постигше е у Дциня избиша е и полон взяша»[26]. Здесь речь идет о набеге разбойничьей ватаги из Берлад на Олешье, разграбившей склады товаров и захвативших много пленников, вслед затем отбитых судовою ратью киевского воеводы Георгия Нестеровича.

Второе упоминание под этим годом связано с сообщением о том, как боярин Юрий Тесемкович встречал в Олешье нового киевского митрополита Иоанна, поставленного в Константинополе без согласия великокняжеского[27].

В статье Ипатьевской летописи под 1215 г. приводится известие: «Божиею же милостию придоша ладья из Олешья и приехаша в них на Днестр и насытишася рыб и вина»[28], свидетельствующее, что во время голода в Приднепровьи на Днестр приходит из Олешья ладья с продовольствием.

В последний раз Олешье упоминается перед битвой на р. Калке в 1223 г.: «...и послы татарьскыя избиша, а сами поидоша противу им. И не дошедше Олешья и сташа на Днепре»[29].

Однако сообщение об остановке русских полков возле Олешья отсутствует в большинстве летописных списков. Тем не менее — по Н. М. Карамзину — русские не переходили Днепр вброд у о. Хортица, а плыли вниз и стали возле Олешья[30]. Эта мысль согласуется с выводом В. Т. Пашуто, который считает, что летописное сообщение «у реки Хортица на броду у Протолче» взято из Воскресенской летописи, где большинство сообщений касается Мстислава Удалого[31]. А это не может означать, что русские воспользовались бродом у о. Хортица для перехода на левый берег Днепра. При этом обнаруживается, что здесь текст летописца Даниила Галицкого неоднородный и имеет ряд вставок из предыдущего источника. И в действительности, отмечает далее В. Т. Пашуто, возле города Олешья половцы присоединились к русским полкам и

---

[23] Там же, с. 37.
[24] ПСРЛ, т. 1. М., 1962, с. 205.
[25] ПСРЛ, т. 2, с. 465, 340.
[26] Там же, с. 505.
[27] ЗООИД. Одесса, 1853, т. 3, с. 410.
[28] ПСРЛ, т. 2, с. 735.
[29] ПСРЛ, т. 1, с. 505.
[30] *Кудряшов К. В.* О местоположении реки Калки.– ВИ, № 9, 1954, с. 118, 119.
[31] *Пашуто В. Т.* Киевская летопись 1238 года.– В сб.: Исторические записки. М., 1948, с. 281.

«Днепр перешедши», а ниже снова встречаем: «Переидоша же вся князи... реку Днепр... и поидоша в поле половецкое...» [32]. Из приведенных примеров следует, что русские полки так и не воспользовались бродом у о. Хортица, а плыли вниз по Днепру до Олешья с целью предотвратить его разгром монголо-татарами.

Сопоставление археологической информации с летописными сводами позволяет уточнить датировку культурных слоев, выявленных на Великопотемкинском острове, и исторически истолковать их преемственность. При этом могут быть выделены два слоя: первый — с конца X по XI в., выраженный в шурфах № 2, 3, 5, и второй — XII — первая четверть XIII в., прослеженный во всех шурфах и обоих раскопах. Выявленные следы каменной постройки в раскопе № 1, фрагменты кирпича и черепицы свидетельствуют о наличии каменных сооружений. Русское Олешье как торгово-ремесленный город со своими мастерскими, ремесленным населением и широкими торговыми связями возникло, вероятно, во второй половине X в. и жило чрезвычайно интенсивной жизнью, прервавшейся вследствие рейдов стратегической разведки Субудея и Джебе [33].

Следуя классификации путей создания русских городов, разработанной акад. Б. А. Рыбаковым, летописное Олешье, часть которого открыта на Великопотемкинском острове, правомерно, как нам кажется, отнести к типу неукрепленных городов. Возник он на главном торговом пути Руси, имевшем мировое значение, в связи с развитием в нем разных производств [34]. Известные случаи попарного расположения — на левом и правом берегу Днепра — славянских поселений в степном Поднепровье позволяют думать, что город Олешье мог также располагаться на обеих сторонах днепровского устья. Выявленный культурный массив на Великопотемкинском острове, вероятно, составляет лишь часть города Олешья. Интересно отметить, что местонахождение летописного Олешья обнаруживает преемственность традиции на Руси основывать в устьях больших рек оплоты для торговли и судоходства. Именно такое значение имел Белгород — в устье Днестра, столь любимый Святославом Переяславец — в устье Дуная. Возникали подобные пункты и на восточном берегу Таврического полуострова — город Сурож (позднее Судак), и в Керченском проливе — Корчев и Тмутаракань, и в устье Дона — город Танаис [35].

Древнее Олешье, имеющее ярко выраженные черты большого транзитного и торгового пункта Руси в домонгольский период, есть основание размещать здесь, в островной зоне днепровского устья, часть которого открыта на Великопотемкинском острове.

A. L. Sokulsky

ON THE LOCALIZATION OF THE TOWN OLESHYE

Summary

In 1972 the author investigated a part of a large Slavic unfortified settlement at the Velikopotemkinsky island in the Dnieper delta. The cultural deposits dated to the late Xth – the first quarter of the XIIIth century produced different finds, indicating the development of different handicrafts and trade links with the Upper and Middle Dnieper. The settlement was also an intermediate post in the trade with Byzantia and the coasts of the Black and Azov seas. The settlement ended its existence, possibly, as a result of the mongol-tartar invasion in the 1223. The author identifies the settlement at the Velikopotemkinsky island with the part of the town Oleshye, mentioned in chronicle, which was wrongly identified with Aleshki (the town Tzuryupinsk), where no traces of similar settlements was found by the author.

---

[32] Там же.
[33] Сборник документов по истории СССР, ч. 1. М., 1970, с. 177.
[34] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 287.
[35] *Левченко М. В.* Ук. соч., с. 311.

В. Л. ЕГОРОВ

МАВЗОЛЕИ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1974 г. на Водянском городище[1] были исследованы три мавзолея. Каждый из них имеет свои планировочные и конструктивные особенности, представляя три различных типа построек подобного рода. Два мавзолея находились посреди обширного кладбища, располагавшегося южнее городской мечети[2]. До появления мавзолеев и кладбища этот район городища был занят жилыми кварталами бедных слоев населения.

Мавзолей № 1 (рис. 1) сильно пострадал в прошлом веке при добыче кирпича из слоя городища. Сверху остатки постройки перекрывались сплошным завалом (мощностью до 0,5 *м*) из обломков и целых обожженных кирпичей. Нижний слой завала лежал на полу мавзолея, выложенном обожженным кирпичом. Кроме того, пол засыпан большим количеством известковой штукатурки, упавшей с разобранных стен. Судя по мощному кирпичному завалу, стены здания были возведены из этого материала. Это можно утверждать с полной уверенностью, хотя от всего сооружения сохранилось лишь три четверти площади пола, кирпичное надгробие и небольшой отрезок цоколя стены. Все кирпичные стены и каменный цоколь разобраны. Постройка ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. Реконструируемые размеры здания по внешнему абрису стен — 6,0×5,9 *м*.

Пол мавзолея (рис. 2) выстлан обожженным кирпичом на глиняном растворе; размеры пола — 5,0×4,9 *м*. Он был уложен на культурном слое средней мощности 20 *см*, представляющем серую рыхлую супесь с включением обломков керамики и камней. В юго-западном углу все кирпичи пола выбраны. По линии север — юг в полу насчитывалось 20 рядов кирпичей, по линии восток — запад — 21,5 ряда. Поверхность пола хотя и была ровной, но постепенно понижалась с юга на север (перепад высот по краям 10 *см*).

У северо-западного угла здания, вдоль его западной стены, сохранился отрезок цоколя (1×1 *м*), сложенный из необработанных камней на глиняном растворе. По внешнему ряду цоколя лежали большие камни с гладкой подтесанной наружной плоскостью. Внутренняя его часть была плотно забутована глиной с мелкими камнями. Сохранившаяся часть цоколя возвышалась над уровнем пола на 7 *см*. Рваные основания камней были утоплены в специально оставленном рыхлом культурном слое толщиной 5—7 *см*.

Кирпичное ступенчатое надгробие (мастаба) (рис. 3) располагалось не в центре пола, а ближе к северной стене. Возможно, это связано с тем, что вход в мавзолей был в южной стене. Надгробие ориентировано

[1] О Водянском городище см.: *Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг.— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.

[2] *Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование мечети на Водянском городище.– В сб.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

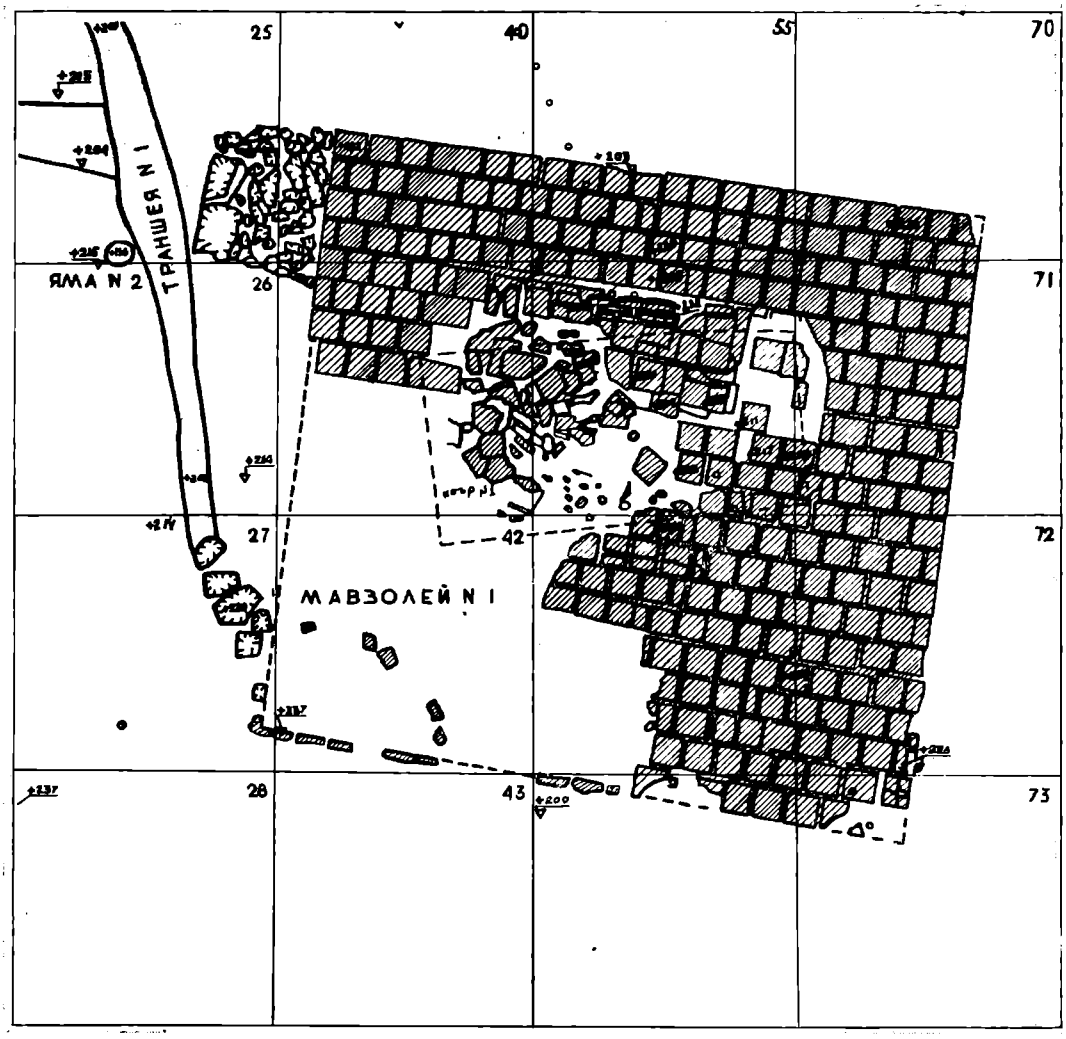


Рис. 1. План мавзолея 1

параллельно стенам мавзолея и вытянуто по линии запад — восток; размеры его 2,4×1 *м*. На нижних кирпичах надгробия сохранились небольшие участки, покрытые белой известковой штукатуркой; видимо, оштукатурено было все надгробие. В разрезе надгробие представляло собой ступенчатую, сужающуюся кверху пирамиду, вершина которой завершалась половинкой кирпича. Кирпичи надгробия провалились внутрь могилы после того как гроб сгнил и земляная засыпка осела. Размеры могильной ямы 2,85×1,5 *м*; глубина ее от поверхности пола 1,3 *м*. Могила ориентирована со значительным отклонением к югу от ориентировки находившегося над ней надгробия. Это указывает на то, что строительство здания началось через некоторое время после совершения захоронения. На дне ямы сооружен прямоугольный склеп из обожженных кирпичей; в высоту кладка насчитывала 10 рядов (66 *см*). Кирпичную камеру сверху перекрывали доски шириной 10 и толщиной 5 *см*. На дне могилы стоял деревянный гроб, доски которого были скреплены железными скобами. В нем вытянуто на спине, головой на запад, лежал скелет без какого-либо сопровождающего инвентаря.

Мавзолей № 2 (рис. 4) находился в нескольких метрах к востоку от первого. Участок, занятый мавзолеем, представлял собой задернованную, усыпанную необработанными камнями площадку с впадиной в

Рис. 2. Мавзолей 1, вид с запада. На первом плане остатки цоколя

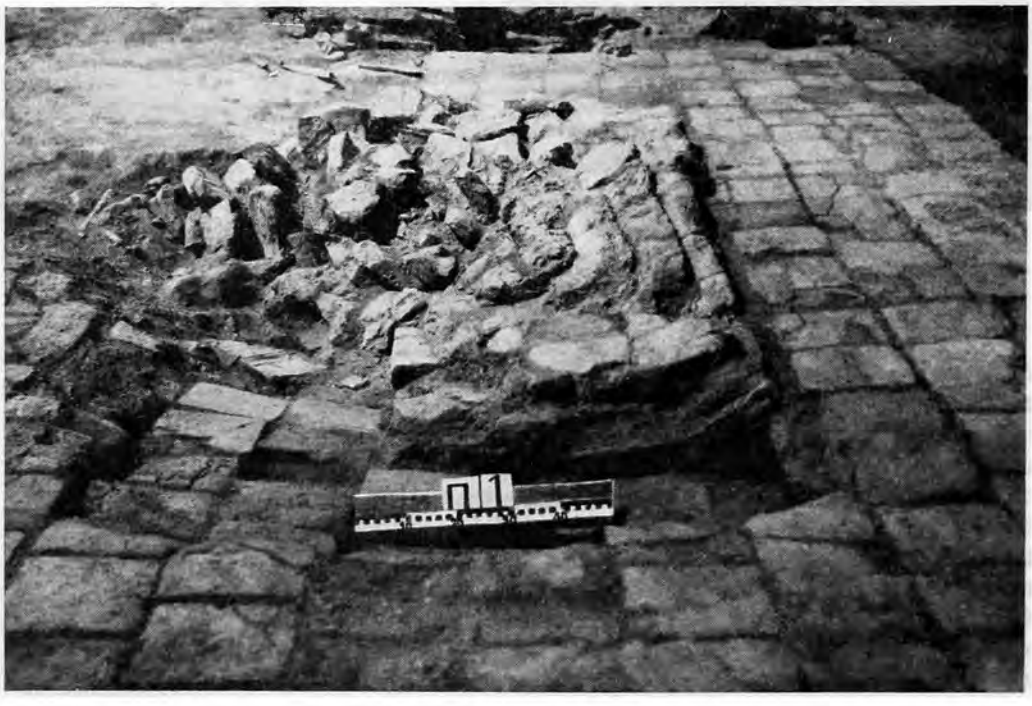


Рис. 3. Мавзолей 1, остатки мастабы

центре. После снятия и зачистки первого штыка пространство, занятое мавзолеем, представляло собой сплошное пятно желтой глины с камнями диаметром 10—15 *см*. На втором штыке четко обозначились внешние контуры стен мавзолея; внутренние их границы выявились только при снятии пола, на материке, так как глинобитный пол сливался со связующим раствором стен, уничтожая грань между ними.

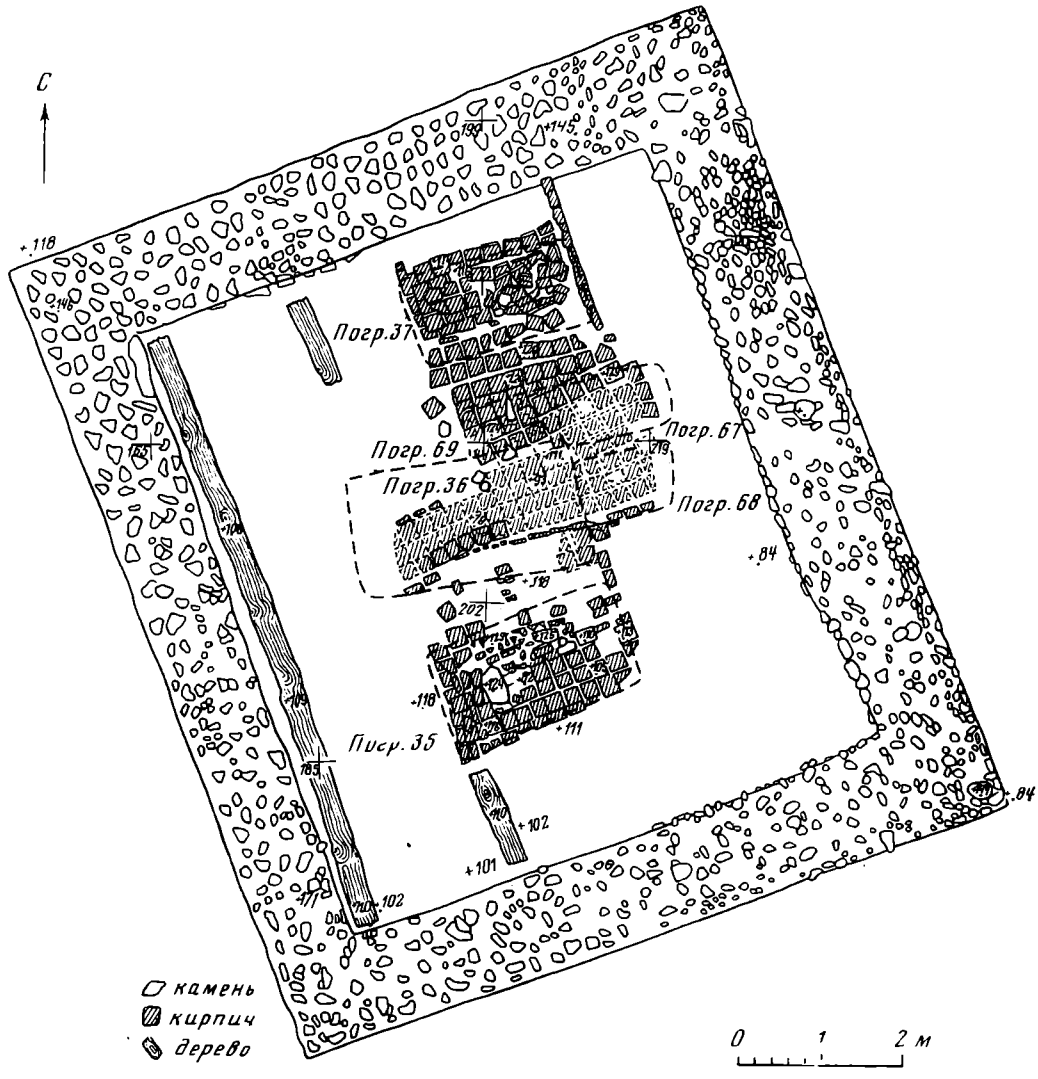


Рис. 4. План мавзолея 2. *1* — камень необработанный, *2* — кирпич обожженный, *3* — дерево

Здание мавзолея несколько вытянутое, ориентировано длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Размеры его 10,4×9,0 *м*. Стены постройки сложены из некрупных необработанных камней (до 15 *см*) на глиняном растворе. Точно такая же техника кладки стен применялась при сооружении располагавшейся несколько севернее мавзолея городской мечети [3].

Основание стен заглублено в материк на 15 *см*. Для этого по периметру стен, точно по их ширине, выкопана траншея. В самом низу кладки часто встречаются подтесанные камни большого размера — до 80 *см* в длину. Однако бóльшая часть кладки нижнего ряда стен состоит из небольших камней. Ширина стен мавзолея 1,1—1,2 *м*. В высоту они сохранились (от уровня материка снаружи) до 70 *см*.

Внутри мавзолея прослежен глинобитный пол толщиной 5 *см*. Стены возвышались над его поверхностью на 20—50 *см*. Под забутовкой поверхности пола залегал слой зеленоватого материкового песка мощностью до 6 *см*, представлявшего собой выброс из сооруженных в мавзолее могил. Ниже слоя песка, на материке, находился слой коричневой глины.

[3] Там же, с. 108.

Рис. 5. Мавзолей 2, склеп погр. 35

Вдоль всей западной стены мавзолея, почти вплотную к ней (в 5—10 *см*), под глинобитным полом, лежал деревянный брус плохой сохранности, длиной 7,7 *м*, шириной 30, толщиной 8 *см*. Восточнее него в 1,68 *м* и параллельно ему находились остатки второго бруса. От него сохранилось два фрагмента — один у южной стены, второй у северной. Длина их 1,2 и 1,1 *м*, ширина 22 *см*. Середина этого бруса разрушена погр. 35, 36. Брусья находились на слое коричневой глины, поверхность которой была ниже слоя глинобитного пола на 17 *см*. Скорее всего, это остатки переводин для настила досок пола. Видимо, в начальный период существования мавзолея, когда в нем была лишь одна центральная могила, пол в здании был деревянный. Впоследствии при сооружении еще пяти могил деревянный пол был уничтожен и заменен глинобитным. Следов от входа в мавзолей не сохранилось. Можно лишь предполагать, что по аналогии с другими сооружениями такого характера он был в южной стене.

В мавзолее находилось шесть могил (три детских и три взрослых), расположенных так близко одна от другой, что их кирпичные надгробия совершенно сливались. Все они вытянуты параллельно северной и южной стенам здания. Причем все детские погребения (№ 67, 68, 69) группировались вокруг центральной могилы (№ 36), у ее северного и восточного бортов.

Погребение 35 (рис. 5) сверху отмечено кирпичным ступенчатым надгробием — мастабой, центр которого сильно просел в могильную яму под тяжестью упавших сверху (с портала?) подтесанных прямоугольных камней весом до 100 *кг*. Размеры могильной ямы: 2,55×1,55 *м*, глубина 1,22 *м*. На глубине 12 *см* от поверхности материка находился склеп, сложенный из квадратных сырцовых кирпичей. Западная и восточная стенки — торцовые. Восточный торец представлял собой стенку из уложенных

плашмя в высоту пяти рядов сырца. Западный торец представлял такую же стенку, но со ступенчатым пирамидальным завершением, увенчанным двумя кирпичами. Торцы соединялись двумя продольными сырцовыми стенками, высотой в 13 рядов кладки, образуя коробку склепа шириной 56 *см*. Сверху коробка перекрывалась сводом из сырца. Для устройства свода вдоль каждого из длинных бортов могилы было уложено на торец по два ряда кирпичей. В результате оставалась узкая щель, проходящая вдоль всей середины склепа. Она была заложена пятым рядом кирпичей (замком), поставленных на ребро, углом вниз. Вся поверхность склепа была облицована положенными плашмя кирпичами. В склепе, на дне могильной ямы, обнаружены остатки деревянного гроба, в котором вытянято на спине лежал скелет головой на запад (лицевая часть черепа повернута к югу), руки согнуты в локтях, кисть правой руки в районе таза, левой — на грудной клетке. Вещей в могиле не было.

Погребение 36 — центральное и, видимо, наиболее раннее из всех захоронений, совершенных в мавзолее. Отличается от остальных наиболее четкой ориентировкой по отношению к линии восток — запад. Над могилой было сооружено надгробие из обожженных кирпичей, середина которого просела. Размеры могилы: 2,7×1,45 *м*, глубина от поверхности материка 1,85 *м*. Стенки ямы несколько расширяются книзу. На дне могилы сооружен склеп из сырцового кирпича, верхняя плоскость которого находилась в 1,2 *м* от поверхности материка. Конструкция его совпадает с конструкцией склепа погр. 35, отличаясь лишь некоторыми деталями. Так, восточная торцовая и обе продольных стенки были выложены в толщину не в один, а в два кирпича. На дне склепа прослежены фрагменты деревянного гроба. Находившийся в нем скелет был очень плохой сохранности, череп раздавлен. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки согнуты в локтях, кисти лежат на груди. Вещей при погребенном не было. Найдены только три очень сильно коррозированных гвоздя от гроба.

Погребение 37 сверху отмечено типовой кирпичной ступенчатой мастабой. На некоторых кирпичах сохранились небольшие (1—3 *см*) куски белой известковой штукатурки. Размеры могильной ямы: 2,15×1,1 *м*, глубина от поверхности материка 1 *м*. На дне ямы — склеп из квадратного сырцового кирпича, по устройству несколько отличавшийся от предыдущих. Восточной и западной торцовыми стенками служат здесь материковые борта могилы. Вдоль продольных бортов ямы были возведены сырцовые стенки толщиной в один кирпич, высотой в шесть рядов. Они стояли не вплотную к бортам могилы, а отделялись от них прослойкой песка толщиной 10 *см*. Сверху это сооружение перекрывалось точно таким же сводом из пяти рядов сырца, как и в предыдущих случаях. Однако кирпичи свода по отношению к стенкам склепа стояли не перпендикулярно, а под углом в 45°. В склепе прослежены остатки деревянного гроба, в котором вытянуто на спине, головой на запад, лежал скелет. Череп, опрокинутый рухнувшими кирпичами свода, лежал на макушке. Левая рука вытянута, правая согнута в локте, кисть лежала в районе таза. Вещей не было.

Погребение 67 было отмечено сверху кирпичным надгробием, слившимся с надгробиями погр. 36, 37. Размеры могилы: 1,35×0,8 *м*, глубина от поверхности материка 0,67 *м*. После снятия первого штыка могильного заполнения выяснилось, что яма заложена тремя рядами сырцовых кирпичей, параллельных длинным бортам могилы. Причем два крайних ряда стояли просто на ребре, а ряд, идущий между ними,— на ребре углом вниз, т. е. являлся замком крышки склепа. Под крышкой находился прямоугольный сырцовый склеп размером 1,0×0,7 *м*. Стенки его в высоту были сложены из трех рядов сырца. На дне склепа лежал без гроба скелет младенца. Сохранились ребра и сильно разрушенный

череп, лежавший на боку, лицевой частью на юг. Находок в погребении не было.

Погребение 68 сверху отмечено сильно разрушенным надгробием из обожженного кирпича, слившимся с надгробием погр. 36. Размеры ямы: 1,4×0,8 *м*, глубина от поверхности материка 0,79 *м*. В яме сооружен склеп из сырца. Западная, торцовая, стенка склепа имела ступенчатое завершение. Остальное пространство могилы было заложено тремя продольными рядами кирпичей, поставленными на ребро углом вниз и образующими свод склепа. Камеру его ограничивали уложенные вдоль длинных сторон могилы стенки из сырца высотой в четыре кирпича. На дне склепа без гроба лежал очень плохо сохранившийся скелет ребенка — вытянуто, на спине, головой на запад, лицевая часть черепа повернута на юг, левая рука согнута в локте, кисть ее на поясе. Кости правой руки не сохранились, находок в погребении не было.

Погребение 69 сверху отмечено надгробием из обожженного кирпича, слившимся с надгробиями могил 36, 37. Размеры ямы: 1,35×0,7 *м*, глубина от поверхности материка 0,65 *м*. В яме сооружен склеп из сырца. Он имел две торцовых стенки: западную — со ступенчатым завершением, восточную — плоскую. Они соединялись двумя продольными стенками, выложенными в высоту на три кирпича. Образованная таким образом камера склепа была закрыта сверху двумя рядами сырцовых кирпичей, стоящих на ребре. Кирпичи имели некоторый наклон внутрь камеры склепа так, что соприкасались лишь их верхние углы, а не вся боковая плоскость. На дне склепа без гроба лежал на боку скелет младенца плохой сохранности, головой на запад, лицевая часть черепа обращена к югу. Руки согнуты в локтях и вытянуты к югу, ноги согнуты в коленях. Вещей в погребении не было.

Мавзолей 3 (рис. 6) находился за пределами городища, к югу от него, в 400 *м* южнее городского вала. До начала раскопок он представлял собой задернованный холм 25×20 *м*, высотой до 0,8 *м*, четко выделяющийся на ровном поле. С первого же штыка и до материка наслоения состояли из битого обожженного кирпича, кирпичных блоков и белой извести, служившей связующим раствором. Среди обломков встречались продолговатые кирпичи (красная глина) с бирюзовой и голубой поливой. По углам раскопа отмечены скопления лекальных скругленных красноглиняных кирпичей и квадратных (6×6 *см*) кирпичиков с голубой поливой. Вдоль южного борта раскопа были собраны сотни фрагментов мозаики (голубой, темно-синей, белой, желтой, темно-красной, черной) на кашине. Большинство из этих осколков составляли растительные орнаменты. Здесь же было встречено несколько известковых обойм с фрагментами растительных и эпиграфических орнаментов.

Под кирпичным завалом расчищены остатки каменной постройки (рис. 7), стены которой фактически полностью выбраны, скорее всего в начале XIX в. (в первом штыке найдена монета 1801 г.). Здание вытянуто по линии север — юг, с некоторым отклонением к северо-западу. Размеры его по внешнему абрису: с запада на восток 10,5 *м*, с севера на юг — 16,6 *м*. Внутри оно разделялось стеной на два помещения. Исследование помещений показало, что постройка является мавзолеем, помещение 1 (южное) представляет собой зиарат-хану, помещение 2 (северное) — гур-хану.

Выбранная для строительства мавзолея площадка была выравнена, и в материке по периметру стен будущей постройки вырыта канава, почти всюду точно совпадавшая с шириной стен здания. Глубина канавы 12—20 *см*, т. е. она служила не для закладки фундамента, а имела чисто вспомогательное назначение в начале строительства, не позволяя сбиться с запроектированного плана постройки. Таким образом, мавзолей не имел фундамента, но стены его опирались на мощные цоколи, сохранившиеся довольно фрагментарно (рис. 7). Ширина цоколя западной стены 1,5 *м*,

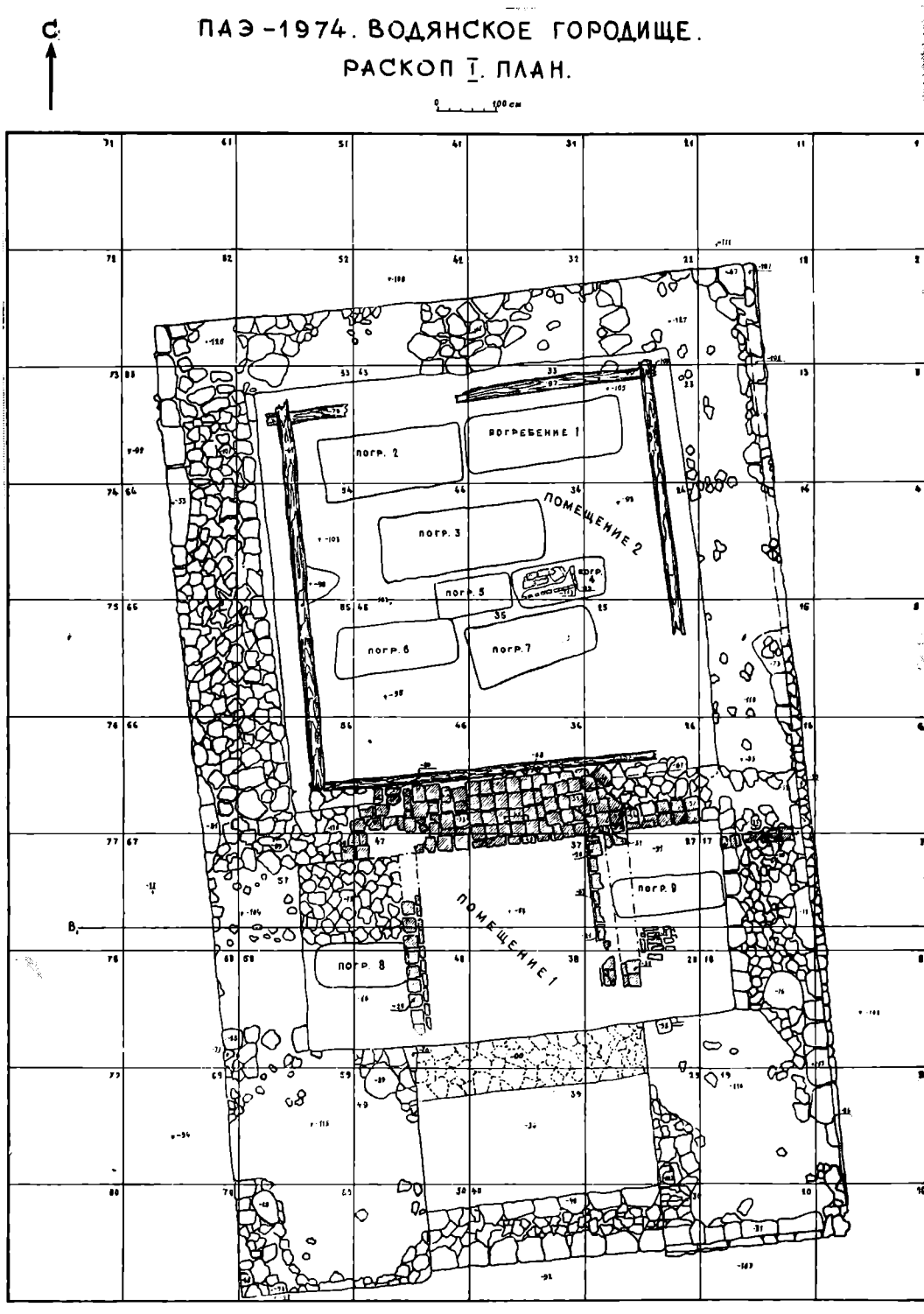


Рис. 6. План мавзолея 3

заглубленность его в материк 0,2 *м*. Почти на всем протяжении цоколя сохранился только самый нижний ряд кладки из необработанных камней 15—20×15—20 *см*. Лишь северный конец цоколя сохранил высокую (до 67 *см*) кладку. Эта кладка представляет собой внешнюю, облицовочную сторону цоколя. Судя по этим остаткам, облицовочный панцирь цоколя шел по периметру стен мавзолея. Он был сделан из плотно пригнанных друг к другу плит серого мергеля высотой до 0,7 *м*. Ширина

Рис. 7. Мавзолей 3, вид с юга

плит различна — от 0,4 до 1,4 *м*. Внешние плоскости их хорошо обработаны и, видимо, были даже отшлифованы. Соединительные вертикальные швы между плитами искусственно углублены и представляют собой тонкие вертикальные полосы, оживляющие гладкую поверхность цоколя.

Цоколь северной стены несколько у́же предыдущего — 1,2 *м*, в материк он заглублен на 0,16 *м*. Бо́льшая часть его кладки выбрана; у западного и восточного концов цоколя сохранилось несколько плит внешней облицовки, точно таких же, как на южном.

Ширина восточного цоколя 1,2—1,4 *м*, он заглублен в материк на 12—15 *см*. В северной части цоколь сильно разрушен, но в южной он сохранился на полную высоту, до первого ряда кирпичной кладки стены. Полная высота цоколя от поверхности материка 0,7 *м*. Конструкция цоколя представляется в следующем виде. С двух сторон — внутренней и внешней — цоколь стен был облицован крупными каменными блоками (панцирем). Полость между панцирями была плотно забутована мелкими камнями (10—15 *см*), залитыми глиняным раствором. Неровная верхняя плоскость цоколя была залита слоем глины толщиной 5—8 *см*, в которой были утоплены тщательно пригнанные друг к другу мелкие обломки обожженных кирпичей. Сверху они также были залиты слоем глиняного раствора, на котором покоилась кладка стен мавзолея, возведенных из обожженного кирпича на известковом растворе. От кладки стен сохранилось лишь несколько кирпичей на восточном цоколе.

Западная и восточная стены мавзолея с юга оканчивались мощными пилонами, располагавшимися на юго-западном и юго-восточном углах постройки. Внешний абрис пилонов полностью совпадает с линиями стен здания, не выступая за них. Массивы обоих пилонов находились внутри прямоугольника постройки, не нарушая ее компактного плана. Цоколи обоих пилонов в техническом отношении повторяли вышеописанную конструкцию цоколей стен. В материке точно по размеру пилонов были сделаны углубления (15—20 *см*). С внешних сторон цоколи пилонов были также облицованы большими плитами мергеля. Внутреннее пространство цоколей было забутовано мелкими камнями, затопленными в глину. Восточный пилон имел размеры 4×3,2 *м*. Облицовка его хорошо сохранилась в высоту с восточной стороны на 85 *см* от материка. Цоколи

пилонов, следовательно, были выше цоколей стен на 15 *см*. Средняя ширина облицовочных блоков пилона 80 *см*, толщина 25 *см*. Фрагментарно сохранились нижние слои кладки цоколя пилона, сооруженные следующим образом: в материковую неглубокую (15 *см*) яму был залит слой глиняного раствора толщиной 10 *см*. В эту глину в качестве твердого наполнителя утоплен слой мелких камней, плотно пригнанных один к другому. Сверху эту подушку перекрывала сплошная кладка из подтесанных прямоугольных камней размером 35×20 *см*. Верхняя плоскость камней находилась на несколько сантиметров ниже поверхности окружавшего здание материка. Плиты облицовочного панциря цоколя были установлены непосредственно на этот слой подтесанных прямоугольных камней.

Западный пилон имел точно такую же конструкцию. Размеры его 4×3,3 *м*. Облицовочные плиты цоколя пилона почти не сохранились, заполнение его середины выбрано.

Пилоны были соединены между собой двумя параллельными каменными стенками. Первая (южная) стенка находилась на одной линии с южными фасадами обоих пилонов, соединяя их в единый фронтальный массив. Ширина стенки 1,4, длина 4 *м*, в высоту она сохранилась на 44 *см* от поверхности материка. Сооружена она так же, как и остальные стены. Вторая стенка (северная) находилась на одной линии с северными фасадами пилонов, также соединяя их в единый фронтальный массив. Ширина стенки 90 *см*, длина 4 *м*. Стенка целиком выбрана, от ее кладки сохранились лишь два небольших камня.

Между обеими стенками образовывалось пространство шириной 1,9 *м*, с запада и востока ограниченное цоколями пилонов. Все это пространство от поверхности материка было заполнено очень плотно утрамбованной землей с различными остатками строительного мусора. Мощность этого массива 54 *см*. На верхней плоскости его сохранились хорошо различимые отпечатки горизонтально лежавших обожженных кирпичей, перекрывавших все пространство между стенами. Кирпичи эти представляли собой вымостку пола входа в мавзолей. Вход перекрывался аркой, распоры которой принимали на себя мощные пилоны, образовывающие вместе с аркой украшенный мозаикой портал (пештак). Глубина арки 3 *м*. Соединявшая оба пилона южная стенка была подпорной и высота ее достигала лишь уровня пола под аркой. Одновременно эта стенка играла роль верхней ступеньки, очевидно, примыкавшего к ней с юга крыльца. Соединявшая пилоны северная стенка была выведена на всю высоту арки, отделяя ее от внутренних помещений мавзолея. В этой стене была дверь, ведшая внутрь здания.

У внешних углов обоих пилонов обнаружены скопления лекальных скругленных кирпичей. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что внешние углы пилонов выше цоколей, начиная с уровня кирпичной кладки стен, были оформлены в виде выступающих на три четверти из массива стены округлых мощных угловых колонн. Скопление таких же кирпичей было отмечено у северо-восточного угла постройки.

Помещение 1 (знарат-хана) представляло собой прямоугольную, вытянутую по линии восток — запад комнату размером 7,3×3,2 *м*. Пол помещения находился ниже уровня пола входной арки на 21 *см*. От него сохранились лишь отпечатки кирпичей на глиняном стилобате толщиной до 35 *см*, лежавшем на материке.

Параллельно западной и восточной стенам помещения были устроены прямоугольные суфы. Ширина западной суфы 2,1 *м*; массив ее ограничен стенкой из обожженных кирпичей, состоявшей из ряда целых кирпичей и ряда половинок. В высоту стенка сохранилась на четыре ряда кладки. Заполнение суфы состояло из различного строительного мусора и глины. Ее прорезала могильная яма, вытянутая по линии восток —

запад (погр. 8). Восточная суфа носит следы перестройки, ее первоначальная ширина составляла 1,9 *м*. Ограничительная стенка суфы также была шириной в один целый кирпич и половинку. В высоту эта кладка сохранилась на четыре ряда. Однако стенка суфы была разрушена при сооружении могилы (погр. 9), и от нее осталось лишь несколько кирпичей. После совершения погребения суфа была увеличена до ширины 2,3 *м*, в связи с чем сооружена новая ограничительная стенка суфы толщиной в один кирпич. В высоту она сохранилась на два ряда кладки. Вертикальная плоскость суфы покрыта известковой обмазкой толщиной в 3 *см*. Северная стенка помещения 1 длиной 7,3 и шириной 0,9 *м* отделяла его от помещения 2. Конструкция ее идентична конструкции остальных стен. Отметим, только, что цоколь этой стены был значительно ниже цоколей внешних стен. Каменная кладка цоколя кончалась не доходя 10 *см* до уровня пола помещения 1, т. е. в интерьере помещения цоколь не был виден, оставаясь ниже уровня пола, выше него шла кирпичная кладка. Остатки ее сохранились в высоту на четыре ряда. Посередине стены был сделан проход шириной 1,3 *м*, ведущий в помещение 2. Со стороны помещения 1 проход начинался узкой ступенькой в половину кирпича. Поверхность кирпичей в самом проходе была на 10 *см* выше пола помещения 1. По обеим сторонам прохода кладка стены сохранилась в высоту лишь на один кирпич.

Помещение 2 (гур-хана) квадратное в плане, размером 7,2×7,2 *м*, с глинобитным полом. Судя по отдельным фрагментам, весь пол был покрыт циновкой, сплетенной из стеблей травы. На полу обнаружены обломки известковых парусов и большие блоки штукатурки, являвшиеся частями арочных конструкций. Квадратное в плане помещение, наличие парусов и арочных дуг с несомненностью свидетельствуют о купольной конструкции потолка. По периметру всех стен помещения, отступя от них на 35 *см*, были положены деревянные, квадратные в плане брусья (25×25 *см*). Они лежали на слое плотно утрамбованной глины, возвышаясь над полом на 35—30 *см*. По углам помещения брусья были соединены в обло. Лучше всех сохранился брус вдоль западной стены. Пространство между брусьями и стенами было заполнено утрамбованной глиной с мелкими камнями. Щель между брусом и южной стеной помещения 2, отделяющей его от помещения 1, забита крупными камнями, покрытыми сверху плоско лежащими кирпичами. Скорее всего это связано с наличием в стене дверного проема. Брусья, шедшие вдоль остальных трех стен, видимо, являлись суфами для сидения.

В полу гур-ханы обнаружено семь могил, ориентированных длинными осями по линии восток — запад. Над погр. 4 сохранились остатки (юго-восточный угол) кирпичного надгробия, облицованного майоликовыми плитками на кашине. Размеры исследованной части надгробия 100×36 *см*. От него сохранилось несколько плиток нижнего пояса, покрытых синей поливой, на фоне которой нанесен белый растительный орнамент (рис. 8). Сверху на эти плитки был положен ряд угловых плиток, покрытых с лицевой и верхней сторон бирюзовой поливой. Вокруг надгробия найдены осколки синих майоликовых плиток с белыми арабскими буквами, а также кашинные резные полуколонки, покрытые бирюзовой поливой, видимо, оформлявшие мастабу по углам. Надгробие относится не к погр. 4, а к центральной могиле мавзолея (№ 3). Бóльшая часть надгробия находилась над погр. 3, но с разрушением мавзолея часть его съехала в осевшую могилу 4 и таким образом сохранилась.

Всего в мавзолее исследовано девять погребений: семь в гур-хане и два в зиарат-хане. Устройство могил в суфах зиарат-ханы вызвано тем, что в гур-хане уже не оставалось места для совершения погребений.

Погребение 1. Могильная яма (2,65×1,15 *м*) прямоугольная, со скругленными углами, глубина ее от поверхности пола 1,36 *м*; заполнение — материковый песок. Вдоль южного борта могилы оставлена мате-

Рис. 8. Мавзолей 3, остатки майоликовой мастабы над погр. 3

риковая ступенька на глубине 79 *см*; ширина ее у восточного борта 30 *см*, к западу она сходит на нет. На глубине от 64 до 98 *см* находились деревянные плахи (шириной 18—40, толщиной 7—8 *см*), положенные поперек. В центре ямы плахи просели вниз. Они опирались концами на доски деревянного склепа, являясь его крышкой. Склеп сделан в виде прямоугольного ящика без дна, из досок толщиной 7—10 *см*. Длина его 2,35 *м*, ширина в головах 60 *см*, к ногам он сужается. Стенки склепа соединены между собой с помощью специальных пазов и выступов (в лапу); крышку гроба покрывала камышовая циновка. В склепе стоял гроб длиной 2 *м*, сделанный из более тонких (2 *см*) досок. В нем вытянуто, на спине, головой на запад, лежал скелет; лицевая часть черепа повернута к югу. Руки согнуты в локтях, кисти лежат в районе таза. На костях грудной клетки, рук и ног обнаружены остатки парчи с пятилепестковыми цветками из тончайшей серебряной проволоки, а также куски ваты. Под черепом найдена круглая сердоликовая плоская бусина.

Погребение 2. Могильная яма (2,45×0,9 *м*) прямоугольная, длинные стенки слегка вогнуты внутрь; глубина от пола 99 *см*. Погребение разграблено, в заполнении ямы на разных уровнях и в полном беспорядке встречены обломки дерева, кирпичей, костей, а череп был найден в первом штыке. На дне ямы сохранились три стенки деревянного склепа (кроме восточной). Толщина досок 10 *см*, высота склепа 38 *см*. Западная стенка склепа представляла собой широкую (сохранилось 50 *см*) доску, поставленную на торец, остальные лежали на боку. Внутри склепа расчищены остатки гроба из более тонких досок, на дне его прослежены остатки светлой ткани и парчи. В юго-западном углу ямы найдены куски резной раскрашенной крышки гроба. Орнамент двух типов: растительный (на золотом фоне синие и красные цветы) и эпиграфический (на красном фоне синие буквы в обрамлении побегов).

Погребение 3 (центральное). Видимо, наиболее раннее из всех, совершенных в мавзолее. Яма прямоугольная (2,9×1 *м*), к востоку несколько сужается; глубина от пола 1,5 *м*. На уровне 96 *см* лежали плахи поперечного перекрытия деревянного склепа; середина их просела. Ширина плах 15—40, толщина 5—6 *см*. Концы их опирались на вертикальные стенки склепа толщиной 6 *см*. Стенки склепа соединялись с помощью

специальных пазов в лапу. В высоту они сохранились на 55 *см*. В склепе стоял гроб, доски которого были скреплены железными гвоздями. Длина гроба 2,1 *м*, ширина 60 *см*, толщина стенок 2—3 *см*; дно устлано корой. Внутри вытянуто на спине лежал скелет головой на запад. Лицевая часть черепа обращена вверх и слегка повернута к югу. Правая рука согнута в локте так, что кисть находится у подбородка. Кисть левой руки, также согнутой в локте, лежит на поясе. Сохранность костей очень плохая. Находок в погребении не было.

Погребение 4. Яма прямоугольная (1,6×0,6 *м*), углы скруглены, глубина от пола 82 *см*. На уровне 33 *см* от поверхности яма была перекрыта продольными досками склепа, просевшими посередине. Ширина досок 15—20, толщина 4—6 *см*. Под плахами стенки могилы с трех сторон были облицованы половинками обожженных кирпичей на четыре ряда в высоту, причем нижний ряд был выложен из сырца. В этом кирпичном футляре находился деревянный склеп из плах толщиной 5 *см*, длиной 1,22 *м*. Внутри склепа стоял гроб длиной 1,15 *м*. В нем лежал скелет ребенка, вытянуто, на спине, головой на запад, лицевая часть черепа повернута к югу. Правая рука вытянута под углом от скелета, левая согнута в локте и лежала поперек пояса. Находок в погребении не было.

Погребение 5. Яма прямоугольная (1,28×0,6 *м*), углы скруглены, глубина от пола 67 *см*. На глубине 31 *см* вдоль южной, восточной и северной стенок могилы сделан материковый уступ шириной 15—17 *см*. На дне ямы стоял деревянный гроб, в котором лежал скелет ребенка, вытянуто, на спине, головой на запад. Погребение разрушено сусликами. В заполнении могилы встречены железные гвозди от гроба, других находок нет.

Погребение 6. Яма прямоугольная (2,23×0,82 *м*), углы скруглены, глубина от пола 89 *см*. На уровне 47 *см* ее перекрывали поперечные плахи крышки деревянного склепа; в высоту его стенки сохранились на 50 *см* (при толщине 4—6 *см*). Внутри склепа стоял гроб плохой сохранности. В нем лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на запад, лицевая часть черепа несколько повернута к северу. Правая рука согнута в локте, кисть лежит на поясе, левая вытянута вдоль скелета. На костях груди, рук и таза прослежены остатки парчи. В заполнении встречены железные гвозди от гроба.

Погребение 7. Яма прямоугольная (2,2×0,85 *м*), глубина от пола 1,34 *м*. На уровне 71 *см* обнаружены поперечные плахи, перекрывавшие всю могилу. Доски перекрытия опирались на вертикальные стенки гроба. Деревянного склепа, как в других могилах, здесь не было. В длину гроб занимал всю могилу, толщина его стенок 5 *см*. Внутри лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на запад, лицевая часть черепа обращена вверх. Правая рука согнута в локте, кисть ее лежит на поясе, левая — вытянута. Находок в погребении не было.

Погребение 8. Совершено в западной суфе зиарат-ханы. Яма прямоугольная (1,55×0,6 *м*) со скругленными углами, глубина от поверхности материка 94 *см*. Вдоль южного борта ямы на уровне 29 *см* оставлена материковая ступенька шириной 20 *см*. Погребение разрушено, обнаружены разбросанные в беспорядке детские кости и обломки досок гроба толщиной 5—6 *см*. Находок не было.

Погребение 9. Совершено в восточной суфе зиарат-ханы. Над могилой, несколько южнее ее, сохранился фрагмент (60×60 *см*) ступенчатой кирпичной кладки. Скорее всего, это остатки надгробия, сооруженного на поверхности суфы над погребением. Могильная яма прямоугольная (1,8×0,65 *м*), глубина ее от поверхности суфы 1,74 *м*, от поверхности материка 1 *м*. Вдоль северной и южной стенок ямы на уровне 0,5 *м* от поверхности материка оставлены выступы шириной 10 *см*. На дне, на подстилке из коры, лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на

запад, лицевая часть черепа обращена вверх. Руки согнуты в локтях, кисти лежали на тазовых костях. Следов гроба обнаружено не было, однако в заполнении могилы найдено шесть железных гвоздей с фрагментами древесных волокон, других находок нет.

Каждый из рассмотренных мавзолеев имеет ярко выраженные конструктивные и планировочные особенности, позволяющие отнести их к трем различным типам.

Мавзолей 1 являет собой хорошо известный тип погребальных квадратных построек, небольших по размерам и, как правило, рассчитанных на одно захоронение. Несмотря на плохую сохранность здания, можно все же с уверенностью отнести его к типу центрических купольных усыпальниц. Их датировка и развитие во времени изучены с достаточной полнотой и обоснованностью[4]. Такие мавзолеи известны с X в. и до позднего средневековья. Однако нужно отметить одну существенную деталь, отличающую мавзолей Водянского городища от подобных построек хорасанской группы — наличие каменного цоколя. Судя по небольшому сохранившемуся фрагменту, лицевая сторона цоколя состояла из гладко подтесанных и плотно пригнанных друг к другу камней, возможно, имевших в высоту два или три ряда кладки. Кладка эта несомненно возвышалась над дневной поверхностью мавзолея, играя значительную роль в архитектуре постройки. Сооружение цоколя из камней имело и чисто технические преимущества. Камень — материал более долговечный, влагоустойчивый и менее гигроскопичный по сравнению с кирпичом. Этот строительный прием неизвестен в соответствующих постройках Средней Азии, однако он широко был распространен в Азербайджане в XII—XV вв.[5]

Техника возведения мавзолея 2 полностью совпадает с техникой строительства располагавшейся рядом с ним мечети[6]. Постройки, целиком выполненные из рваного камня, хорошо известны в Волжской Булгарии, а также на территории Башкирии[7]. Обращает на себя внимание несколько вытянутый план мавзолея, однако очень небольшая сохранность здания в высоту не позволяет связать это с конкретными конструктивно-объемными особенностями. О том, что внешний вид мавзолея был не столь прост, как его план, можно лишь строить предположения, опирающиеся на обнаруженные внутри здания три подтесанных прямоугольных камня весом около 100 *кг* каждый.

Наибольший интерес представляет мавзолей 3, резко выделяющийся из ряда построек подобного назначения некоторыми очень своеобразными чертами. В первую очередь бросается в глаза нарочито вытянутая конфигурация здания. Это обусловлено усложнением его плана и появлением нового архитектурного объема — зиарат-ханы. Она предшествует усыпальнице и предназначалась для совершения молитв и поминальных обрядов. Именно в связи с таким назначением добрую половину этого помещения занимают две широкие суфы, расположенные вдоль восточной и западной стен. Описываемый мавзолей можно было бы отнести к хорошо известной группе портально-купольных, широко распространенных на территории Средней Азии. Два обрамляющих вход пилона с большим количеством найденных здесь мозаичных деталей позволяют с полной уверенностью говорить о наличии здесь мощного, высокого и богато орнаментированного пештака. Находки кусков арок и парусов на полу

---

[4] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 344, 345.

[5] *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре переднего Востока. М., 1966, с. 105, 112, 114, 170, 176.

[6] *Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч.

[7] *Егерев В. В.* Архитектура города Болгара.– МИА, № 61, 1958, с. 360; *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.– МИА, № 58, 1957, с. 88–100.

гур-ханы также с несомненностью свидетельствуют о купольном перекрытии этого помещения. Однако появление зиарат-ханы привело к возникновению погребальной постройки совершенно нового типа, представляющего собой следующую ступень развития портально-купольных мавзолеев. Мавзолеи такой планировки неизвестны в Средней Азии и Иране. Что же касается Золотой Орды, то в XIV в. подобные постройки здесь, видимо, были достаточно распространены.

Рассматриваемый мавзолей в планировочном отношении являет собой уже вполне сформировавшийся и хорошо развитый тип постройки. Среди изученных к настоящему времени золотоордынских мавзолеев известны более ранние образцы этого типа, позволяющие судить о том, что мавзолеи подобной планировки зародились и прошли все этапы своего развития в Золотой Орде. Подобные постройки более ранних этапов отличает планировочная неразвитость и архитектурно-декоративная бедность, хотя они уже имеют вытянутую форму и два расположенных по продольной оси помещения [8]. Если постройки Мохши и Ессентуков отличаются некоторой примитивностью плана, то мавзолей Водянского городища по своим планировочным и конструктивным особенностям представляет вполне закончивший свое развитие тип погребальной постройки. О том, что мавзолей 3 Водянского городища представляет не уникальное для золотоордынской архитектуры явление, можно судить по зарисовкам и запискам П. С. Палласа, сообщающего о вытянутых в плане мавзолеях на Маджарском городище [9].

Интересна еще одна деталь рассматриваемого мавзолея — наличие высокого (70—85 *см*) каменного цоколя. Особенность его состоит в том, что кроме конструктивного он стал играть и чисто декоративное значение. Цоколь постройки одевается специальными облицовочными плитами, поверхность которых прочерчена узкими вертикальными швами, подчеркивающими монументальность кладки. Мощным пештачным пилонам архитектор придал еще бóльшую монументальность, увеличив высоту их цоколя на 15 *см*. Подобное декоративное оформление цоколей неизвестно в Средней Азии [10], где стены зданий делались сплошь кирпичными. И только самаркандская мечеть Биби-ханым (1399—1404 гг.) имела мраморный цоколь [11]. Очень возможно, что в строительстве ее принимали участие и мастера, пригнанные Тимуром из Золотой Орды, плененные во время похода 1395 г. Об этом можно судить и по тому, что в строительстве мечети участвовали азербайджанские мастера [12].

Исследованные на Водянском городище мавзолеи представляют не только очередную иллюстрацию синкретизма в золотоордынской культуре. Они позволяют говорить о возникновении и развитии в Золотой Орде синтетических черт культурной жизни, в результате чего создаются совершенно новые, ранее нигде не известные формы. Живая, творческая мысль согнанных в Орду разноязыких мастеров настойчиво вела поиск в совершенствовании и дальнейшем развитии вековых традиций.

Что же касается даты мавзолеев, то, судя по найденным в раскопах монетам, возведение их относится к 50—60-м годам XIV в. К этому можно добавить, что сам город погиб при нашествии Тимура в 1395 г.

---

[8] *Алихова А. Е.* Мавзолеи города Мохши-Наровчата.— СА, 1973, № 2, с. 228; *Палимпсестова Т. Ю., Рунич А. П.* О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана.— СА, 1974, № 2, с. 230.

[9] *Волкова Н. Г.* Маджары (из истории городов Северного Кавказа).— Кавказский этнограф. сб. т. V. М., 1972, с. 42, рис. 3, с. 57.

[10] *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии.— М.— Л., 1939, с. 112.

[11] *Ратия Ш. Е.* Мечеть Биби-ханым в Самарканде. М., 1950, с. 40, рис. 29.

[12] *Якубовский А. Ю.* Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933, с. 44, 45.

V. L. Egorov

THE MAUSOLEUMS OF THE FORTIFIED SETTLEMENT VODYANSKOE

Summary

In 1974 three mausoleums related to Golden Orda, dated to fifties – sixties of the XIV century were excavared at the fortified settlement Vodyanskoe. The mausoleum N 1 had socle made of stone and walls made of bricks; it contained one burial in a vault, made of bricks. The mausoleum N 2 was made of unworked stone, it contained six burials in vaults, made of unburned bricks. The mausoleum N 3 had unusual prolonged planning, determined by the presence of two rooms – a burial room and a room for funeral repasts. Nine burials in woden vaults were discovered here. The building had a massive stone socle, faced by marl slabs, on which the brick walls were erected. The portal of the building was decorated by coloured mosaic and inscriptions. This mausoleum is a new type of funeral buildings, originated at Golden Orda and not met in other Moslem countries.

Л. Т. ЯБЛОНСКИЙ

МУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

На мусульманском некрополе Водянского городища было раскопано более 100 погребений. Этот памятник является одним из наиболее полно изученных в ряду других городских погребальных комплексов Золотой Орды.

Немаловажный интерес может представлять разнообразное топографическое положение погребений некрополя. Топографически все захоронения можно разделить на три основные группы: 1 — погребения, совершенные на территории мечети (часть из них относится к периоду функционирования этого сооружения, другие — прорезают слой его разрушения); 2 — погребения в мавзолеях (также относительно разновременные); 3 — погребения на рядовом кладбище.

В предлагаемой статье мы попытались решить следующие основные задачи: выявить устойчивые типы погребального обряда и установить, существуют ли закономерности в распределении этих типов по территории некрополя; проследить возможные взаимосвязи между топографическим положением погребений и антропологическими особенностями захороненных в них людей. Для решения этих задач использовались данные археологии и палеоантропологии.

1. Типы погребального обряда мусульманского некрополя Водянского городища

Рассматривая мусульманский погребальный обряд некоторых некрополей Золотой Орды, можно заметить, что, несмотря на его общее сходство, наблюдается широкая разнотипность погребений каждого городского некрополя [1]. Не составляет исключения и мусульманский некрополь Водянского городища, описания погребений которого неоднократно публиковались [2]. В настоящей статье ограничимся схематической классификацией признаков погребального обряда некрополя. Наиболее полно характеризуют погребальный обряд мусульман Водянского городища следующие признаки: 1) конструкция надгробия; 2) способ сооружения погребальной камеры; 3) топографическое положение погребения на некрополе. Внутри каждой категории эти признаки достаточно однородны и хорошо распределяются в системе классификации. Важно и то обстоятельство, что именно эти признаки наиболее подробно описаны авторами раскопок. Предшествующие исследования подтвердили значимость указанных признаков как типообразующих [3].

---

[1] *Яблонский Л. Т.* Типы погребального обряда на городских мусульманских некрополях Золотой Орды.– Вестн. МГУ. Сер. история, 1975, № 2.

[2] *Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг.– В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974; *Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование мечети на Водянском городище.– В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

[3] *Яблонский Л. Т.* Типы погребального обряда...

Каждая категория признаков выражается следующим образом в количественном и процентном отношении (табл. I, II, III).

Значительное разнообразие погребального обряда некрополя заставляет прибегнуть к статистическому методу выявления альтернативных связей между признаками погребального обряда с целью разработки его типологии на некрополе Водянского городища. Г. А. Федоров-Давыдов предложил считать археологическим типом такой, в котором признаки, наиболее ярко характеризующие объект, связаны между собой статистически закономерно[4]. Задача состоит в том, чтобы установить взаимосвязи между формами надгробия и способами сооружения погребальной камеры, между обеими этими категориями признаков и топографическим положением погребений на территории некрополя. Подробное изложение метода нашло отражение в пособиях по статистике[5] и применительно к археологическому материалу в работе Г. А. Федорова-Давыдова[6]. Поэтому здесь лишь вкратце остановимся на сути этого метода.

Этапом, предшествующим расчетам, является составление общих таблиц взаимовстречаемости (табл. IV—VI), где указаны численность каждого признака в пределах выборки (признаки A и B), общее число рассматриваемых погребений (N) и число случаев, когда признак A (для табл. IV — форма надгробия) встретился в погребениях с признаком B (для табл. IV — способ сооружения погребальной камеры). Принимается нулевая гипотеза, состоящая в том, что встреча признаков (AB) в погребениях произошла случайно. Затем каждый из случаев взаимовстречаемости

Таблица I

Форма надгробий

Форма	Количество на некрополе	% от общего числа
1. Мастаба *	31	28,2
2. Ступенчатое	7	6,4
3. Вымостка из кирпича	3	2,7
4. Из кирпича с каменным цоколем	4	3,6
5. Вымостка из камня	6	5,4
6. Кирпичи по торцам могилы	2	1,8
7. Кирпичи, установленные на угол	3	2,7
8. Забутовка камнями, кирпичом	2	1,8
9. Без надгробия	52	47,4
Всего	110	100,0%

* Здесь мастаба — кирпичное надгробие с отвесными стенками.

Таблица II

Способы устройства погребальной камеры

Погребальная камера	Количество на некрополе	% от общего числа
1. Склеп из кирпича	16	14,6
2. Деревянный склеп	4	3,6
3. С деревянным перекрытием, без подбоя	71	64,5
4. Без перекрытия, без подбоя	16	14,6
5. Без перекрытия, с подбоем	2	1,8
Не определено	1	0,9
Всего	110	100,0%

Таблица III

Топографическое расположение погребений

Место погребения	Количество на некрополе	% от общего числа
1. На территории мечети	13	11,8
2. На территории мавзолеев	16	14,5
3. На рядовом кладбище	81	73,6
Всего	110	100,0%

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков в археологических комплексах.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

[5] *Юл Дж. Э., Кэндэлл М. Дж.* Теория статистики. М., 1960; *Плохинский Н. А.* Биометрия. М., 1970; *Лакин Г. Ф.* Биометрия, М., 1973.

[6] *Федоров-Давыдов Г. А.* О статистическом исследовании...

оценивается с применением четырехпольной таблицы:

AB	$\bar{A}B$	B
$A\bar{B}$	$\bar{A}\bar{B}$	
A		N

где AB — число встреч данной пары признаков в погребениях; $\bar{A}B$ — число погребений, имеющих признак B, но не имеющих признака A; $A\bar{B}$ — число погребений, имеющих признак $\bar{A}$, но не имеющих признака B; $\overline{AB}$ — число погребений, не имеющих признака A и B; N — общее число рассматриваемых погребений в пределах данной выборки.

Коэффициент встречаемости X рассчитывается по формуле

$$X = \frac{AB \cdot \bar{A}\bar{B} - A\bar{B} \cdot \bar{A}B}{\sqrt{A \cdot B \cdot \bar{A} \cdot \bar{B}}}$$

Полученное значение коэффициента оценивается с помощью критерия χ^2 для установленных порогов вероятности P. Если абсолютное значение коэффициента X превышает один из порогов вероятности, взаимосвязь между данной парой признаков признается статистически достоверной. Нулевая гипотеза отвергается. Коэффициент X может быть положительным и отрицательным. Отрицательное значение X свидетельствует о том, что данное сочетание признаков обнаруживается в выборке реже, чем это должно было бы быть в условиях случайного распределения.

Получены следующие случаи взаимосвязей:

IV. 1. Способ 1+0,279 надгробие 1; $P<0{,}01$

IV. 2. Способ 5+0,216 надгробие 1; $P<0{,}01$

IV. 3. Способ 1+0,329 надгробие 2; $P<0{,}01$

IV. 4. Способ 3 — 0,206 надгробие 2; $P<0{,}05$

IV. 5 Способ 1 — 0,334 без надгробия; $P<0{,}01$

IV. 6. Способы 1+2+5+0,286 надгробия; $P<0{,}01$

Первые две цифры — римская и арабская — обозначают соответственно номер таблицы и порядковый номер в пределах данной таблицы. P — порог вероятности для данного коэффициента X.

Из табл. IV следует, что некоторые формы надгробий встречаются с могилами без перекрытия и могилами с деревянным перекрытием. Однако отрицательный знак X между признаком «надгробие» и этими способами сооружения погребальной камеры свидетельствует о том, что такое сочетание все же нехарактерно для погребального обряда (случаи IV. 4 и IV. 5). Как правило, надгробия сопутствуют кирпичным склепам и могилам с подбоями (случаи IV. 1; IV. 2; IV. 3). Если объединить в одну группу деревянные склепы, кирпичные склепы, могилы с подбоями и сопоставить их с признаком «надгробие», между ними обнаруживается статистически достоверная положительная взаимосвязь. Следовательно, могилы без перекрытия и с деревянным перекрытием чаще всего надгробий не имеют.

Случаи взаимосвязей:

V. 1 Мечеть — 0,384 способ 3; $P<0{,}01$

V. 2 Мавзолей+0,268 способ 1; $P<0{,}01$

V. 3 Мавзолей+0,454 способ 2; $P<0{,}01$

V. 4 Мавзолей — 0,270 способ 3; $P<0{,}01$

V. 5 Рядовое — 0,279 способ 1; $P<0{,}01$

V. 6 Рядовое+0,282 способ 3; $P<0{,}01$

По данным табл. V, кирпичный склеп можно встретить не только в мечети и мавзолеях, но и на рядовом кладбище, причем довольно часто (шесть случаев из 16). И все же отрицательное значение между признаками «склеп» и «рядовое кладбище» указывает на то, что в данной

выборке эти признаки чаще встречаются независимо друг от друга (случай V. 5). Погребения в кирпичных склепах характерны для мавзолеев (случай V. 2). То же относится и к деревянным склепам, которые раскопаны только в мавзолеях (случай V. 3). Напротив, погребения без перекрытия вероятнее всего встретить на рядовом кладбище (случай V. 6).

Таблица IV

Формы надгробий – способы сооружения погребальной камеры

Способ (см. табл. II)	N	Формы надгробий (см. табл. I)						
		1	2	3+5	4	6	7	9
		31	7	9	4	2	3	52
1	15	9	4	1	–	–	–	1
2	4	–	1	–	–	–	–	3
3	71	16	2	6	4	2	3	38
4	16	4	–	2	–	–	–	10
5	2	2	–	–	–	–	–	–

Таблица V

Топографическое распределение погребений – способы сооружения погребальной камеры

Топография (см. табл. III)	N	Способ				
		1	2	3	4	5
	109	16	4	71	16	2
I	13	3	—	7	2	1
II	17	7	4	6	—	—
III	79	6	—	58	14	1

Таблица VI

Топографическое положение погребений — форма надгробий

Топография	N	Форма надгробий						
		1	2	3 + 5	4	6	7	9
	109	31	6	9	4	2	3	54
1	16	12	1	—	—	—	2	1
2	15	5	4	—	—	—	—	6
3	78	14	1	9	4	2	1	47

При этом имелась определенная тенденция не сооружать погребения без перекрытия на территории мавзолеев и мечети, хотя изредка они там все же попадаются (табл. V).

Случаи взаимосвязей:

VI. 1. Мечеть+0,428 надгробие 1; $P<0,01$

VI. 2. Мечеть+0,228 надгробие 7; $P<0,05$

VI. 3. Мавзолей+0,371 надгробие 2; $P<0,01$

VI. 4. Рядовое кладбище — 0,369 надгробие 1; $P<0,01$

VI. 5. Рядовое кладбище — 0,294 надгробие 2; $P<0,01$

VI. 6. Рядовое кладбище+0,340 без надгробия; $P<0,01$

Имеется определенная тенденция к сооружению надгробий над могилами, расположенными на территории мавзолеев и мечети (случаи VI. 1; VI. 2; VI. 3), хотя встречаются они и на рядовом кладбище. При этом, судя по отрицательному значению X, надгробия для рядового кладбища нехарактерны. Здесь, как правило, располагаются могилы без надгробий (случаи VI. 4; VI. 5; VI. 6).

Теперь, используя всю совокупность данных, полученных в результате статистического анализа, можно составить типологию погребального обряда мусульман Водянского городища.

Тип. I. Погребения в кирпичных склепах, под надгробиями, расположенные в мавзолеях и на территории мечети. Тип. II. Погребения в деревянных склепах, расположенные в мавзолеях. Надгробия для них нехарактерны. Тип. III. Погребения в могилах с подбоями, под надгробиями. Определенной связи с топографическим положением на некрополе не

установлено. Тип IV. Погребения с деревянным перекрытием и без перекрытия, без надгробий, расположены на рядовом кладбище.

Было установлено, что погребения в склепах принадлежат представителям социальной верхушки золотоордынского города [7]. Именно они чаще всего располагаются на территории мавзолеев и мечети. Напомню, что, судя по данным стратиграфии, большая часть захоронений на территории мечети была совершена уже после ее разрушения. По всей видимости, даже развалины здания еще долгое время служили местом для погребения имущих горожан.

Погребения с деревянными перекрытиями и без перекрытия, оставленные беднейшими членами городского общества, как правило, обнаруживаются на рядовом кладбище. Зафиксированные случаи сооружения погребений с деревянным перекрытием в мавзолеях следует рассматривать, по-видимому, как отклонение от устойчивого погребального обряда. Вероятно, здесь можно ставить вопрос о более позднем времени их совершения по сравнению с основными погребениями в склепах из кирпича.

Не совсем ясно пока, какое место в социальном отношении занимают деревянные склепы (тип II погребального обряда). Они располагаются в мавзолеях, но не образуют устойчивых связей с надгробиями. Возможно, что деревянные склепы являются отголосками каких-то традиционных для одной из пришлых этнических групп погребальных культов. Этот вопрос нуждается в особом рассмотрении. Здесь отметим лишь весьма сходные конструкции погребальных сооружений в могильниках, оставленных племенами хунну в Забайкалье [8].

Итак, в результате обработки археологических данных установлено, что одной из причин разнотипности погребального обряда мусульманского некрополя Водянского городища была социальная неоднородность городского населения. При этом социальный фактор является, судя по всему, одним из решающих при выборе места погребения горожанина на том или ином участке некрополя.

Возникает вопрос, только ли социальный фактор имел здесь значение? Известно, что городское население Золотой Орды было весьма пестрым в антропологическом отношении. Некоторые данные свидетельствуют о том, что погребальный обряд в определенной степени может быть связан и с этническим происхождением некоторых групп городского населения. Так, погребения с подбоями на некрополе Водянского городища имеют, по-видимому, отношение к представителям пришлых с Востока завоевателей [9]. Не учитывалось ли этническое происхождение умершего при выборе места для его захоронения на некрополе? В связи с этим возникает также вопрос о соотношении этнического и социального факторов в городском золотоордынском обществе. Для решения этих вопросов необходимо привлечь к исследованию данные палеоантропологии.

2. Общая характеристика краниологического материала с мусульманского некрополя Водянского городища

Краниологическая серия, происходящая с некрополя Водянского городища, состоит из 32 мужских и 32 женских черепов. Измерения и определение описательных признаков проводились по общепринятой программе [10].

---

[7] *Яблонский Л. Т.* Типы погребального обряда...

[8] *Коновалов П. Б.* Погребальные сооружения хунну.– В кн.: Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

[9] *Яблонский Л. Т.* Об этнической связи подбойных погребений мусульманского некрополя XIV в. Водянского городища.– В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.

[10] *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. М., 1964; *Пашкова В. И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963; *Алексеев В. П.* Остеометрия. М., 1966.

Таблица VII

Средние размеры черепов с мусульманского некрополя Водянского городища

Признак (по Мартину)	♂						♀					
	n	min—max	*x*	*Sx*	*S*	*V*	*n*	min—max	*x*	*Sx*	*S*	*V*
1. Продольный диаметр	30	166–191	177,0	±1,10	6,00 **	3,39	28	155–180	169,4	±1,40	7,41 **	4,37 **
8. Поперечный диаметр	28	127–167	145,4	±1,67	8,82 **	6,07 **	26	154–183	169,3	±1,46	7,74 **	4,57 **
17. Высотный диаметр б.– бр.	27	125–142	132,8	±0,97	5,05	3,80	26	116–138	128,0	±1,29	6,58 **	5,14 **
5. Длина основания черепа	27	91–129	101,3	±1,34	6,94 **	6,86 **	26	84–111	96,0	±1,37	6,99 **	7,28 **
9. Наименьшая ширина лба	30	87–107	96,4	±0,82	4,48 *	4,65 *	32	83–100	92,1	±0,80	4,54 *	4,92 **
10. Наибольшая ширина лба	28	100–135	118,5	±1,37	7,26 **	6,13 **	30	102–125	116,1	±1,22	6,69 **	5,76 **
11. Ширина основания черепа	25	110–138	123,2	±1,49	7,46 **	6,05 **	28	108–148	119,1	±1,38	7,30 **	6,13 **
12. Ширина затылка	27	99–131	112,8	±1,33	6,91 **	6,12 **	23	101–127	111,4	±1,38	6,60 **	5,93 **
45. Скуловой диаметр	31	127–151	136,9	±1,21	6,04 **	4,41 **	28	107–140	126,5	±1,22	6,47 **	5,11 *
40. Длина основания лица	26	83–106	95,9	±0,98	4,99 **	5,21 **	25	88–118	95,5	±1,37	6,73 **	7,05 **
48. Верхняя высота лица	31	66–86	73,4	±0,75	4,20 *	5,72 *	31	60–77	67,5	±0,66	3,67	5,43
47. Полная высота лица	29	110–142	121,8	±1,39	7,48 **	6,14 **	30	100–125	110,7	±1,27	6,96 **	6,29 **
43. Верхняя ширина лица	29	100–118	108,5	±0,91	4,92 **	4,53 **	31	86–106	102,0	±0,91	5,07 **	4,97 **
46. Средняя ширина лица	30	90–106	98,4	±0,79	4,33	4,40	29	86–101	92,7	±0,88	4,72 **	5,09 *
60. Длина альвеолярной дуги	29	50–62	54,3	±0,57	3,07 **	5,66 **	31	46–56	50,8	±0,48	2,70	5,32
61. Ширина альвеолярной дуги	27	53–69	62,2	±0,82	4,27 **	6,87 **	28	50–66	59,3	±0,68	3,58 **	6,04 **
55. Высота носа	32	47–62	54,1	±0,60	3,40 **	6,28 **	32	45–56	50,4	±0,47	2,64	5,23
54. Ширина носа	32	22–30	25,3	±0,32	1,81 *	7,18 *	32	21–29	24,2	±0,33	1,89 **	7,81 **
51. Ширина орбиты от мф.	32	41–46	43,2	±0,32	1,82	4,22	32	38–47	41,7	±0,39	2,21 **	5,30 **
51а. Ширина орбиты от дакриона	27	33–42	39,6	±0,36	1,88 *	4,75 **	30	35–44	38,6	±0,44	2,43 **	6,30 **
52. Высота орбиты	31	29–40	34,2	±0,46	2,56 **	7,49 **	32	28–38	34,2	±0,45	2,55 **	7,45 **
20. Ушная высота	25	105–128	117,5	±1,21	6,06 **	5,15 **	27	105–127	113,3	±1,14	5,93 **	5,23 **
– Бималярная ширина	28	92–111	99,9	±0,88	4,64	4,65	30	87–101	94,8	±0,59	3,24 **	3,41 *
– Высота назиона над фмо–фмо	28	13,5–22,6	17,50	±0,43	2,26	12,92	30	10,4–23,5	15,72	±0,60	3,26	20,75
77. Назомалярный угол	28	129–146	139,1	±0,96	5,09 **	3,66	30	127–158	144,5	±1,26	6,90 **	4,78 **
– Высота субспинале над зм–зм	28	84–107	97,1	±1,06	5,62	5,79	29	81–102	91,0	±0,82	4,42	4,85
– Зигомаксиллярная ширина	28	15,4–30,0	22,24	±0,66	3,48	15,63	28	15,8–28,1	20,98	±0,56	2,97	14,17
— Зигомаксиллярный угол	28	108–146	130,3	±1,55	8,22 **	6,31	28	105–146	134,6	±1,46	7,89 **	5,86
57. Симотическая ширина	30	5,6–12,2	9,3	±0,33	1,80	19,33	31	4,5–11,5	8,8	±0,38	2,12 **	24,17 **
SS Симотическая высота	30	2,1–8,1	4,63	±0,26	1,42 **	30,66 **	29	1,5–5,8	3,74	±0,21	1,14 **	30,42 **
50. Максилофронтальная ширина	30	11,4–24,9	19,50	±0,55	3,03	15,52	32	12,5–22,4	18,32	±0,52	2,93 **	16,02 **

Таблица VII (продолжение)

Признак (по Мартину)	♂						♀					
	n	min–max	*x*	*Sx*	*S*	*V*	*n*	min–max	*x*	*Sx*	*S*	*V*
MS Максилофронтальная высота	30	4,5–9,3	7,08	±0,26	1,43	20,19	28	4,0–8,3	6,36	±0,22	1,16	18,19
49a. Дакриальная ширина	24	18,7–27,7	23,13	±0,55	2,71 **	11,72 **	28	17,8–27,0	21,44	±0,41	2,16 **	10,10 **
DS Дакриальная высота	24	8,8–14,5	11,74	±0,30	1,46	12,42	27	6,2–13,8	10,27	±0,38	1,97	19,18
ГС. Глубина клыковой ямки	32	1,2–11,0	4,65	±0,37	2,08	44,74	31	1,0–8,0	4,16	±0,32	1,79 **	43,07 **
32. Угол профиля лба от назиона	25	69–93	81,9	±1,16	5,78 **	7,05	28	77–99	86,5	±0,88	4,66 **	5,38
– Угол профиля лба от глабеллы	25	65–89	75,3	±1,38	6,88	9,13	28	72–92	81,5	±1,06	5,62 **	6,89
33(4). Угол перегиба затылка	23	110–155	121,0	±2,02	9,70 **	8,02	23	115–146	123,0	±1,32	6,35 **	5,16
72. Общий лицевой угол	25	80–98	87,6	±0,82	4,09 **	4,67	28	75–94	85,7	±0,97	5,12 **	5,98
74. Угол альвеолярной части	24	55–83	73,9	±1,46	7,13 **	9,65	28	58–87	73,2	±1,45	7,65 *	10,45
75(1). Угол выступания носа	25	11–38	25,9	±1,34	7,43 **	28,66	28	9–35	23,5	±1,29	6,94 *	29,52
8 : 1 * Поперечно-продольный	27		82,27	±0,88	5,12 **	6,22	27		81,96	±2,47	12,85	15,68
17:1 Высотно-продольный	28		74,86	±0,88	4,65 **	6,22	24		76,03	±0,65	3,17	4,17
17:8 Высотно-поперечный	25		90,40	±1,34	6,71 **	7,42	26		90,30	±1,29	6,59	7,30
9:8 Лобно-поперечный	26		65,91	±0,76	3,87 **	5,87	29		65,42	±0,73	3,93	6,00
9:10 Широтный лобный	30		81,47	±0,99	5,22 **	6,41	30		79,78	±0,81	4,46	5,59
45:8 Поперечный фацио-церебральный	25		93,33	±1,17	5,61 **	6,01	25		89,59	±0,98	4,90	5,47
48:45 Верхний лицевой	23		53,06	±0,87	4,18 **	7,88	28		52,78	±0,72	3,82	7,24
40:5 Выступания лица	26		94,64	±1,17	5,99 **	6,33	26		93,03	±0,72	3,58	4,31
48:17 Вертикальный фацио-церебральный	26		55,24	±0,65	3,32 *	6,01	25		52,98	±0,87	4,35	8,20
DS:*DC* Дакриальный	27		51,36	±1,69	8,22	16,01	27		47,85	±1,53	7,93	16,58
SS:*SC* Симотический	30		50,16	±2,46	13,47 **	26,85	29		41,95	±1,94	10,45	24,92

* — Ниже следуют указатели.

Таблица VIII

Асимметрия и эксцесс некоторых признаков из серии черепов с мусульманского некрополя Водянского городища

Признак по Мартину	♂			♀		
	n	*As*	*Ex*	*n*	*As*	*Ex*
1. Продольный диаметр	30	0,41	−0,80	28	−0,27	−0,57
8. Поперечный диаметр	28	0,60	1,91 ***	29	0,29	1,99 ***
17. Высотный диаметр	28	0,14	1,40 ***	26	−0,05	−1,28 ***
5. Длина основания черепа	27	0,03	−2,60 ***	26	0,22	−0,69
9. Наименьшая ширина лба	30	0,02	0,36	32	−0,27	−0,94 ***
10. Наибольшая ширина	29	0,29	1,16 ***	30	−0,33	−1,10 ***
11. Ширина основания черепа	25	0,55	0,51	28	2,00 ***	6,87 ***
12. Ширина затылка	27	0,70 *	1,35 ***	22	0,52	−0,47
45. Скуловой диаметр	25	0,32	−0,20	28	−0,58	1,46 ***
40. Длина основания лица	26	−0,36	0,16	25	1,41 ***	2,55 ***
48. Верхняя высота лица	31	0,70 *	0,87 *	31	0,24	0,04
43. Верхняя ширина лица	29	0,37	−0,67	31	−1,18 **	1,61 ***
46. Средняя ширина лица	30	−0,28	−0,63	29	−0,21	−0,73
20. Ушная высота	25	−0,20	−0,95 ***	27	−0,08	−0,23
55. Высота носа	32	0,25	−0,31	32	−0,04	−0,44
54. Ширина носа	32	0,42	−0,22	32	0,33	−0,48
51. Высота орбиты	32	0,24	−1,31 ***	32	0,39	−0,43
51a. Ширина орбиты от мф.	27	0,31	−1,24 **	30	0,05	−0,83
52. Ширина орбиты от д.	31	−0,09	−0,51	32	0,24	−0,39
77. Назомалярный угол	28	−0,22	−0,95 ***	30	−0,48	−0,56
— Зигомаксиллярный угол	28	−0,74 *	1,12 ***	29	−0,36	−0,14
SS : *SC* Симотический указатель	30	−0,30	−0,47	29	0,26	−0,65
DS : *DC* Дакриальный указатель	24	−0,23	−1,06 ***	27	−0,49	−0,81 *
75(1). Угол выступания носовых костей	31	−0,32	−0,62	30	0,02	−1,09 ***

* *P*=0,05. ** *P*=0,01. *** *P*=0,001.

Исходя из средних данных, серия характеризуется следующими особенностями: черепа брахикранные, с малым продольным, большим поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки, со среднеширокими и средненаклонным лбом, умеренным развитием надбровья. Лицо у мужских черепов высокое и широкое, у женских — средней высоты и ширины, уплощенное в горизонтальной профилировке на верхнем уровне и отличающееся некоторым альвеолярным прогнатизмом. Нос средней ширины и высоты с тенденцией некоторой высоконосости у мужчин, средневыступающий. Клыковые ямки развиты умеренно. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают предносовые ямки (56,2% у мужчин), у женщин — антропинная форма (43,8%).

Результаты статистической обработки краниометрических признаков представлены в табл. VII и VIII. Одной звездочкой помечены квадратические уклонения и коэффициенты вариации, значения которых превышают средние по общемировому размаху, двумя — значения которых превышают максимум по данному признаку. Большинство признаков подвержено значительной вариабельности внутри серии. Можно отметить, что изменчивость в изучаемой серии безусловно велика, и суммарная характеристика скрывает существенные внутригрупповые различия. Визуально в серии выделяются типично монголоидные и типично европеоидные черепа. Значительное число черепов относится к переходным формам.

Таблица IX

Внутригрупповая корреляция некоторых признаков

Признак	45. Скуловая ширина	48. Верхняя высота лица	Угол *zm'*	77. Назомалярный угол	*DS* Дакриальная высота	*SS* Симотическая высота	75(1) Угол выступания носа
45. Скуловая ширина	–	0,238±0,191	0,288±0,184	0,102±0,188	–0,187±0,196	–0,128±0,191	–0,349±0,184
48. Верхняя высота лица	0,228±0,181	–	–0,102±0,185	0,162±0,183	0,024±0,200	–0,181±0,189	–0,140±0,190
Угол *zm'*	0,086±0,195	0,187±0,183	–	0,421±0,175	–0,236±0,194	–0,210±0,188	–0,185±0,189
77. Назомалярный угол	0,081±0,195	0,176±0,183	0,026±0,196	–	–0,503±0,173	–0,455±0,171	–0,316±0,183
DS Дакриальная высота	–0,078±0,212	0,318±0,176	0,094±0,195	0,074±0,196	–	0,523±0,164	0,710±0,141
SS Симотическая высота	0,096±0,208	0,004±0,189	0,053±0,189	0,403±0,173	0,265±0,206	–	0,554±0,160
75(1) Угол выступания носа	–0,156±0,183	0,065±0,185	–0,061±0,196	0,084±0,195	0,007±0,215	0,288±0,184	–

Примечание. Влево и вниз — мужские черепа; вправо и вверх — женские. Верхние цифры — значение коэффициента корреляции, нижние — его ошибка.

Комплекс исторических и антропологических знаний, наряду с приведенными выше данными статистического анализа, является предпосылкой для внутригруппового корреляционного анализа серии. Большинство высчитанных коэффициентов корреляции (табл. IX) отличаются от тех, которые были вычислены для антропологически однородных групп [11]. Следовательно, можно предполагать, что в серии из некрополя Водянского городища нарушены обычные физиологические связи между признаками, а это может говорить о неоднородности ее антропологического состава. Чтобы выяснить характер этого явления, проследим тенденции, которые намечает внутригрупповой корреляционный анализ. Коэффициенты корреляции были рассчитаны для семи признаков, характеризующих особенности строения лицевого скелета черепа. Выбор этих признаков обусловлен их таксономической значимостью [12].

В мужской группе: с возрастанием скуловой ширины уменьшается угол выступания носовых костей (—0, 156); с увеличением верхней высоты лица увеличиваются значения углов горизонтальной профилировки (0,176 для назомалярного угла и 0,187 — для зигомаксиллярного); симотическая высота положительно связана с углом выступания носовых костей (0,228).

Подобную же картину мы видим в женской группе: с увеличением угла носовых костей уменьшаются назомалярный (—0,316) и зигомаксиллярный угол (—0,185); угол выступания носовых костей уменьшается с возрастанием высоты лица (—0,185) и его ширины (—0,349); вместе с тем с возрастанием скулового диаметра черепа уменьшаются размеры дакриальной (—0,187) и симотической высоты (—0,128).

Другими словами, имеется определенная тенденция к зависимости между морфологическими несвязанными признаками. Характер этих зависимостей позволяет предполагать наличие в серии двух основных компонентов — монголоидного и европеоидного. Напомню, что оба эти компонента определяются в серии и визуально.

Для того, чтобы хотя бы ориентировочно оценить долю монголоидного компонента в населении Водянского городища, можно воспользоваться условным приемом, предложенным Г. Ф. Дебецом [13]. Были вычислены общий показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПЦФ). В результате получена условная доля монголоидного компонента (УДМЭ) для населения Водянского городища. Оказалось, что ПФЦ=93,7; УЛС=36,8; УДМЭ=35,1%.

Близкие величины Г. Ф. Дебец получил при определении УДМЭ для средневековых болгар и кочевников Нижнего Поволжья. Эта оценка является, конечно, весьма приблизительной, однако она все же позволяет предполагать численное превосходство европеоидного компонента в составе населения Водянского городища. Этот же вывод можно сделать и на основании визуального осмотра серии.

Таким образом, все данные позволяют предполагать, что антропологическую основу населения Водянского городища составили два основных компонента, которыми, однако, не исчерпывается морфологическое разнообразие краниологической серии. Одним из слагающих компонентов являются европеоидные, умеренно брахикранные черепа с широким и высоким лицом, уплощенным на уровне назиона, с сильно выступающим

---

[11] *Рогинский Я. Я.* Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека. Уч. зап. МГУ, вып. 166, 1954.

[12] *Ярхо А. И.* О некоторых вопросах расового анализа.— Антропологический журнал, 1934, № 3.

[13] *Дебец Г. Ф.* О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики.— СЭ, 1961, № 6; *его же.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР.— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

носом и высоким переносьем. Второй компонент — это монголоидные черепа со средним продольным и большим поперечным диаметрами, с широким и высоким лицом, сильно уплощенным на обоих уровнях, уплощенным переносьем и малым углом выступания носовых костей.

Надо сказать, что исследуемая серия с некрополя Водянского городища обнаруживает удивительное сходство со сборной серией из различных городских некрополей Золотой Орды, опубликованной Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой [14] (табл. X). Исследование Т. А. Трофимовой показало,

Таблица X

Черепа с Водянского некрополя и сборная серия из городских золотоордынских некрополей (мужчины)

Признак (по Мартину)	Водянское городище	Городские некрополи (Дебец, Трофимова)
1. Продольный диаметр	177,0(30)	176,9(40)
8. Поперечный диаметр	145,4(28)	146,2(39)
17. Высотный диаметр	132,8(27)	132,6(36)
5. Длина основания черепа	101,3(27)	101,2(36)
9. Наименьшая ширина лба	96,4(30)	96,2(39)
8 : 1. Черепной указатель	82,3(27)	82,7(39)
40. Длина основания лица	95,9(26)	97,6(36)
45. Скуловой диаметр	136,7(25)	135,2(34)
48. Верхняя высота лица	73,4(31)	71,2(37)
32. Угол профиля лба от назиона	81,9(25)	84,3(39)
72. Общий лицевой угол	87,6(25)	86,7(38)
75(1). Угол выступания носа	25,9(25)	26,1(33)

что в общем серия должна быть отнесена к кругу европеоидных брахикранных рас, а именно к памиро-ферганской. Монголоидный компонент она сочла возможным разделить на южносибирский и центральноазиатский типы.

Выяснение происхождения европеоидного компонента выходит за рамки этой статьи. Отметим лишь, что из средневековых европеоидных черепов ближе всего к исследуемым среднеазиатские, однако этот же тип зафиксирован в Поволжье в сарматское время. Мы в своем исследовании постараемся обойтись без априорных расовотипологических схем и ограничимся констатацией преобладания в серии брахикрании монголоидного компонента.

Наблюдения, сделанные еще в процессе раскопок, показали, что по одному и тому же погребальному обряду на некрополе Водянского городища хоронили людей как монголоидного, так и европеоидного облика. Взаимосвязи между типами погребального обряда и антропологическими особенностями захороненных людей могут выявляться, по-видимому, лишь в виде более или менее достоверных статистически тенденций.

3. Коннексия типов погребального обряда с краниометрическими признаками

Для сопоставления с погребальным обрядом были выбраны краниометрические признаки, характеризующие горизонтальную профилировку лицевой части черепа на верхнем и среднем уровнях и угол выступания носовых костей — 75(1). Для увеличения представительности выборки измерения мужских черепов были объединены с соответствующими измерениями женских. По данным Г. Ф. Дебеца, разница в значениях

[14] *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.– Л.. 1948; *Трофимова Т. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.– Л., 1949.

углов горизонтальной профилировки между мужчинами и женщинами несущественна. К значению угла выступания носовых костей на женских черепах прибавлялось 4° [15].

Сопоставление типов погребального обряда с краниометрическими признаками проводилось с помощью так называемого непараметрического показателя силы влияния в однофакторном дисперсионном комплексе [16]. Поскольку мы располагаем целым комплексом выборочных средних, которые получены в результате группировки черепов по типам обряда, попарное их сравнение становится неудовлетворительным. Дисперсионный анализ, как известно, позволяет провести сопоставление того или иного признака с остальными внутри единой выборки. Метод вычисления непараметрического показателя дает возможность проводить сопоставление качественных (в нашем случае — признаков погребального обряда) и количественных (краниометрических) признаков. Погребальный обряд нельзя выразить в единицах измерения, в то время как краниометрические признаки измеримы. Поэтому последние переводятся в условные единицы. Такими условными единицами служат ранги (Р). Каждый признак ранжируется без повторений от Р=1 для самого малого по абсолютному значению до Р=N для самого большого. Достоверность влияния (связи) между краниометрическим признаком и компонентом погребального обряда устанавливается по критерию χ^2.

Разработанные ранее типы погребального обряда получены статистическим путем и отражают существовавшие смысловые связи его компонентов. При этом вовсе необязательно, чтобы каждое погребение некрополя соответствовало тому или иному типу. В отдельных случаях в силу различных причин возможны отклонения от устойчивого погребального обряда. Естественно поэтому, что в сопоставлении принимают участие не рассчитанные статистически типы погребального обряда, а отдельно взятые его компоненты.

Предварительно составляются таблицы распределения ранжированных значений краниологических признаков по типам обряда (по градациям). Исходя из данных распределения, по каждой группе погребений высчитывается сумма рангов (Σ_R) краниологического признака, частная поправка по градациям $\left(\frac{(\Sigma_R)^2}{n}\right)$ и средний ранг по градациям $\left(\frac{\Sigma_R}{n}\right)$

Общая дисперсия будет равна $C_\varphi = \frac{(N-1)N(N+1)}{12}$, где N — число рангов; общая поправка $H_\Sigma = \frac{N(N+1)}{4}$) где N — число рангов; Σ_{Hi} — сумма частных поправок по градациям; C_x — дисперсия факториальная; h^2 — показатель силы влияния, $h^2 = \frac{C_x}{C_\varphi} = \frac{\Sigma_{Hi} - H_\Sigma}{C_\varphi}$.

Достоверность влияния проверяется по критерию χ^2, который в данном случае будет равен $\chi^2 = (N-1)n^2 \geqslant x^2 st\{v = n-1\}$, где h^2 — показатель силы влияния, N — число рангов, v — число степеней свободы, n — количество градаций. Если полученное значение χ^2 равно или превышает установленный порог вероятности $\chi^2 st$, достоверность влияния признается статистически значимой.

В качестве примера расчетов приведем таблицу сопоставления способов сооружения погребальной камеры с индексом горизонтальной уплощенности лицевого скелета черепа (табл. XI).

Проведенные расчеты показывают, что с вероятностью более чем 95% в пределах рассматриваемой выборки каждый способ устройства погребальной камеры соотносится с определенной степенью уплощенности в горизонтальной профилировке на обоих уровнях черепов из погребений.

---

[15] *Дебец Г. Ф.* Опыт краниометрического определения...
[16] *Плохинский Н. А.* Ук. соч.

О величине полусуммы назомалярного и зигомаксиллярного углов, связанной с тем или иным способом, можно судить по среднему рангу каждой группы. Малые средние значения рангов, а следовательно и малые абсолютные значения модуля горизонтальной уплощенности, приходятся на погребения в кирпичных склепах и могилы с деревянным перекрытием и без перекрытия. Большие значения средних рангов в группе деревянных

Таблица XI

Способ	Ранги признаков	$\bar{n}$	Σ_R	$(\Sigma_R)^2/n$	Σ_R/n
I	29, 2, 35, 10, 25, 27, 38	7	166	3936,57	23,7
II	43	1	43	1849,00	43,0
III	7, 24, 46, 11, 30, 20, 15, 9, 1, 39, 3, 23, 16, 12, 41, 37, 28, 6, 18, 8, 5, 4, 13, 26, 44, 19, 17, 36, 32	29	590	12003,44	20,3
IV	45, 42, 33, 22, 21, 14	6	177	5221,50	29,5
V	31, 40	2	71	2520,50	35,5

Примечание. n — число рангов; Σ_R — сумма рангов; Σ_R/n — средний ранг. $\chi^2=10{,}01$ при $v=4$; {9,5—13,3—18,5} $P < 0{,}05$.

Таблица XII

Топография	Ранги признака	n	Σ_R	$(\Sigma_R)^2/n$	Σ_R/n
1. Мечеть	15, 8, 2, 20, 30, 12, 1, 3, 41	9	132	1936,0	14,7
2. Мавзолей	4, 6, 21	3	31	320,3	10,3
3. Рядовое кладбище	5, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 42, 43	38	1112	32540,6	29,3

Примечание. $\chi^2=10{,}75$ при $v=2$ {6,0—9,2—13,8} $P < 0{,}01$.

склепов и подбоев свидетельствуют об уплощенности в горизонтальной профилировке обнаруженных в погребениях этих групп черепов.

Аналогичный расчет был проведен для сопоставления способов сооружения погребальной камеры со степенью выступания носовых костей. В табл. XII содержатся данные сопоставления топографического положения погребений некрополя с углом выступания носа.

Полученный результат свидетельствует о том, что существуют достоверные различия между людьми, захороненными на различных участках некрополя, по степени выступания носа с вероятностью, превышающей 99%. Средние ранги позволяют сравнить группы между собой. У захороненных на рядовом кладбище отмечается гораздо более высокое выступание носа, чем у погребенных в мавзолеях и на территории мечети.

Таким же образом проводилось сопоставление признака «топография» с модулем горизонтальной профилировки.

Для наглядности средние значения рангов по каждой группе краниометрических признаков можно перевести в соответствующие им абсолютные значения по данному признаку в выборке. Тогда оказывается: 1) погребения из мавзолеев связаны с модулем горизонтальной профилировки в 142° и углом выступания носовых костей в 24°; 2) погребения с территории мечети связаны с модулем горизонтальной профилировки в 141° и с углом выступания носовых костей в 24°; 3) погребения на рядовом кладбище — соответственно 136 и 30°.

Налицо определенная тенденция связи людей, захороненных на территории мавзолеев и мечети, с монголоидностью (учтены и данные внут-

ригруппового анализа), а погребенных на рядовом кладбище — с европеоидностью.

В результате проведенной коннексии археологических и краниологических данных схему погребального обряда на мусульманском некрополе Водянского городища можно представить следующим образом: тип I. Ступенчатое надгробие (0) — кирпичный склеп (0) — мавзолей (М); тип II. Мастаба (0) — кирпичный склеп (0) — мечеть (М); тип. III. Мастаба (0) — могила с подбоем (М) — мечеть (М); тип IV. Без надгробия (0) — могила с деревянным перекрытием и без перекрытия (Е) — рядовое кладбище (Е) (где: 0 — отсутствие связи с краниометрическими признаками; М — связь с монголоидными признаками; Е — связь с европеоидными признаками).

Вариант I типов I и II. Деревянный склеп (М) — мавзолей (М).

Таким образом, оказывается, что на мусульманском некрополе Водянского городища в процессе исторического сложения типов погребального обряда наряду с прочими принимали участие два основных фактора — этнический и социальный. Логично предположить, что там, где проявилась связь погребального обряда с краниологическими признаками, на первое место выступает фактор этнический. Там же, где эта связь отсутствует, выступает фактор социальный.

Единственный тип погребального обряда, в котором все компоненты связаны с краниометрическими признаками,— тип III, где один из признаков — могила с подбоем. В сложении остальных типов погребального обряда решающее значение имел, по-видимому, фактор социальный.

В социальном отношении погребальный обряд некрополя делится на две группы. С одной стороны, это погребения под надгробиями в кирпичных склепах, расположенных на территории мавзолеев и мечети, с другой — погребения в могилах без перекрытия и с деревянным перекрытием, без надгробий, в подавляющем большинстве расположенные на рядовом кладбище.

Социальная и этническая структура золотоордынского города настолько сложна, что оба фактора должны были неминуемо пересечься. Это пересечение отчетливо видно на приведенной схеме погребального обряда во взаимосвязи с краниологическими признаками. Наибольшая концентрация монголоидных признаков все-таки приходится на мавзолеи и мечеть, а европеоидных — на рядовое кладбище. Здесь, казалось бы, возникает противоречие. Погребения в склепах из кирпича подчинены только социальному фактору, однако расположены на участках некрополя с повышенной долей монголоидных признаков. Погребения низовых в социальном отношении групп городского населения располагаются на участке с повышенной долей европеоидных признаков.

Это противоречие снимается, если предположить, что на ранних этапах становления городского общества в Золотой Орде социальный и этнический факторы были связаны между собой значительно более тесным образом, чем в то время, к которому относится подавляющее большинство погребений некрополя Водянского городища — к концу XIV в.

Как известно, на первых порах образования золотоордынского государства в высших социальных слоях его оказались почти сплошь представители монголов. Местная кочевая аристократия в это время отходит на второй план. Однако постепенно, с ростом городов, с постоянным пополнением их за счет массового оседания в них кочевников, в результате проводимой ханами политики поголовной мусульманизации населения происходит срастание монгольской кочевой аристократии с представителями городской верхушки, в которую проникают и выходцы из местной домонгольской аристократии [17]. Поэтому понятно, что вначале имелась

[17] Подробно эти процессы отражены в монографии Г. А. Федорова-Давыдова (*Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973).

определенная зависимость между высоким социальным положением человека и его монголоидной внешностью [18]. Именно «аристократические» районы некрополя Водянского городища обнаруживают связь с монголоидностью погребенных там людей. Однако уже к концу XIV в. монгольская аристократия оказывается втянутой не только в торгово-экономические, но и в бурные этнические процессы, происходящие в это время в Нижнем Поволжье. Не последнюю роль в этом процессе играла, по-видимому, этническая близость пришельцев с местными кипчацкими племенами. Сами монголы заявляли кипчакам: «...мы и вы одного рода» [19].

Обычно, когда речь заходит об этнической структуре золотоордынского государства, приводится цитата из рукописи современника Золотой Орды, арабского историка Ал-Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными, потом они (татары) смешались с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их (кыпчаков)» [20].

Не последнюю роль в изменении антропологического облика городской знати сыграли, по-видимому, и своеобразные обычаи монголов. Плано Карпини оставил следующее замечание по этому поводу: «Между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги» [21]. Неудивительно тогда, что на некрополе Водянского городища в богатых кирпичных склепах, расположенных на территории мечети и мавзолеев, могли хоронить людей вполне европеоидного облика. По всей видимости, сын монгола и, например, половчанки мог занимать в городском обществе высокое социальное положение, осознавать себя монголом и иметь при этом европеоидный облик.

Все эти сложные процессы и привели, очевидно, к постепенной нивелировке социального и этнического факторов к моменту окончательного сложения в городе мусульманской погребальной обрядности. Реминисцентные черты изначальных обычаев и традиций улавливаются нами лишь в виде более или менее достоверных статистически тенденций.

Подведем некоторые итоги. 1. Мусульманские погребения некрополя Водянского городища, несмотря на закономерное отсутствие в них погребального инвентаря, несут информацию о социальной, имущественной и этнической неоднородности городского населения. Эта информация может быть почерпнута из изучения топографии некрополя, выявления устойчивых типов погребального обряда и палеоантропологических материалов.

2. Исследование краниологического материала показало значительную его неоднородность. Один из основных компонентов населения принадлежит к кругу европеоидных брахикранных форм, другой — к брахикранным монголоидам.

3. Коннексия данных о погребальном обряде и физическом облике погребенных дает основания связывать погребения на рядовом кладбище с преимущественно европеоидным обликом захороненных, а погребения на территории мавзолеев и мечети — с монголоидным обликом или примесью монголоидности.

4. Сумма исторических знаний дает все основания связывать наш монголоидный компонент с этнонимом «монгол», который объединяет в

---

[18] Косвенные данные (исторические источники и пр.) позволяют предполагать, что монголоидность является отличительной чертой пришлых с Востока народов.

[19] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884, с. 25.

[20] *Тизенгаузен В. Г.* Ук. соч., с. 235.

[21] Путешествия Плано Карпини и Рубрука в восточные страны. М., 1956, с. 36.

золотоордынское время конгломерат пришлых с Востока монголо- и тюркоязычных племен.

5. Все наши данные свидетельствуют о том, что к концу XIV в, по крайней мере на Водянском городище, монголы перестают быть группировкой, замкнутой в социальном, культурном и этническом отношении.

L. T. Yablonski

THE MOSLEM NEKROPOLIS OF THE FORTIFIED SETTLEMENT VODYANSKOE

Summary

The Moslem burials of the nekropolis of the fortified settlement Vodyanskoe, despite the natural absence of grave furniture, contain information about the social and ethnical difference of the town population. The studies of craniological materials from the nekropolis showed two main components in the investigated series — European and Mongolian, and also mixed variants. The correlation of the data about funeral rites and the physical type of the buried makes it possible to connect burials at the ordinary graveyard with the European type, and the burials at the territory of mausoleums and the mosque with the Mongolian type or the types with admixture of this component. The whole sum of the historical knowledge lets us connect our Mongolian type with the ethnonim «mongol». All the data indicate, that to the end of the XIV century, at least, at the fortified settlement Vodyanskoe, mongols are no longer a group, socially and ethnically separated from the others.

Публикации

В. А. БАШИЛОВ, О. Г. БОЛЬШАКОВ, А. В. КУЗА

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛОИ ХАССУНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЯРЫМ-ТЕПЕ I В СЕВЕРНОМ ИРАКЕ

Ярым-Тепе I (ЯТ-1) — раннеземледельческое поселение хассунской культуры VI тысячелетия до н. э. в Синджарской долине на севере Месопотамии. В 1969—1976 гг. оно раскапывалось Иракской археологической экспедицией Института археологии АН СССР [1]. Предварительные отчеты об этих раскопках неоднократно публиковались как в советской, так и в зарубежной археологической литературе [2].

ЯТ-I представляет собой небольшой телль, несколько вытянутый с СЗ на ЮВ и имеющий 100—120 *м* в поперечнике при высоте 4,5 *м* над окружающей пашней (рис. 1). Мощность культурного слоя в центре 6 *м*. Он состоит из напластований остатков сырцовых построек, различных глиняных забутовок и «жилых» гумусных прослоек. Раскоп, общей площадью около 1800 $м^2$, расположен в центральной части холма. Материк был вскрыт на площади около 400 $м^2$.

ЯТ-I копался квадратами 10×10 *м*, разделенными метровыми бровками. Планы построек снимались по мере их вскрытия и фиксировались в масштабе 1 : 50. Внутри квадратов применялась сетка тонких временных бровок через 2,5 *м*. Разрезы на всех бровках фиксировались в масштабе 1 : 20. Полученный таким образом огромный стратиграфический материал обрабатывался затем при помощи специально разработанной ме-

---

[1] Начальник экспедиции Р. М. Мунчаев. Общее руководство работами на ЯТ-I осуществлял Н. Я. Мерперт. Стратиграфические исследования вели В. А. Башилов и О. Г. Большаков. В отдельные годы в раскопках ЯТ-I принимали участие Н. О. Бадер и А. В. Куза. В работе также участвовали Исмаил Хиджара, Зухейр Раджаб и другие представители Государственной Организации Древностей Ирака.

[2] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Советская археологическая экспедиция в Ираке.– Вестн. АН СССР, 1969. № 9; *они же.* Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке.– Там же, 1970, № 10; *они же.* Работы советских археологов в Ираке.– Там же, 1972, № 1; *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.– СА, 1971, № 3; *они же.* Древнейшая металлургия Месопотамии.– СА, 1977, № 3; *Merpert N. and Munchaev R.* Excavations at Yarim Tepe. First Preliminary Report.– Sumer, v. XXV, № 1–2. Baghdad, 1969; *idem.* Excavations at Yarim Tepe, 1970. Second Preliminary Report.– Sumer, v. XXVII, № 1–2, 1971; *Munchaev R. and Merpert N.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971).– Sumer, v. XXVII, № 1–2, 1971; *idem.* Excavations at Yarim Tepe 1972. Fourth Preliminary Report.– Sumer, v. XXIX, № 1–2. 1973; *Merpert N., Munchaev R. and Bader N.* The Investigations of Soviet Expedition in Iraq, 1973.– Sumer, v. XXXII, № 1–2, 1976; *idem.* The Investigations of Soviet Archaeological Expedition in Iraq, 1974 (далее – ISAE–74).– Sumer, v. XXXIII, № 1, 1977; *Merpert N. Y. and Munchaev R. M.* Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq.— Iraq, v. XXXV, London, 1973; *idem.* Evidence about Ancient Farming Settlements in North Mesopotamia Obtained by the Soviet Expedition. IX International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Москва 1976.

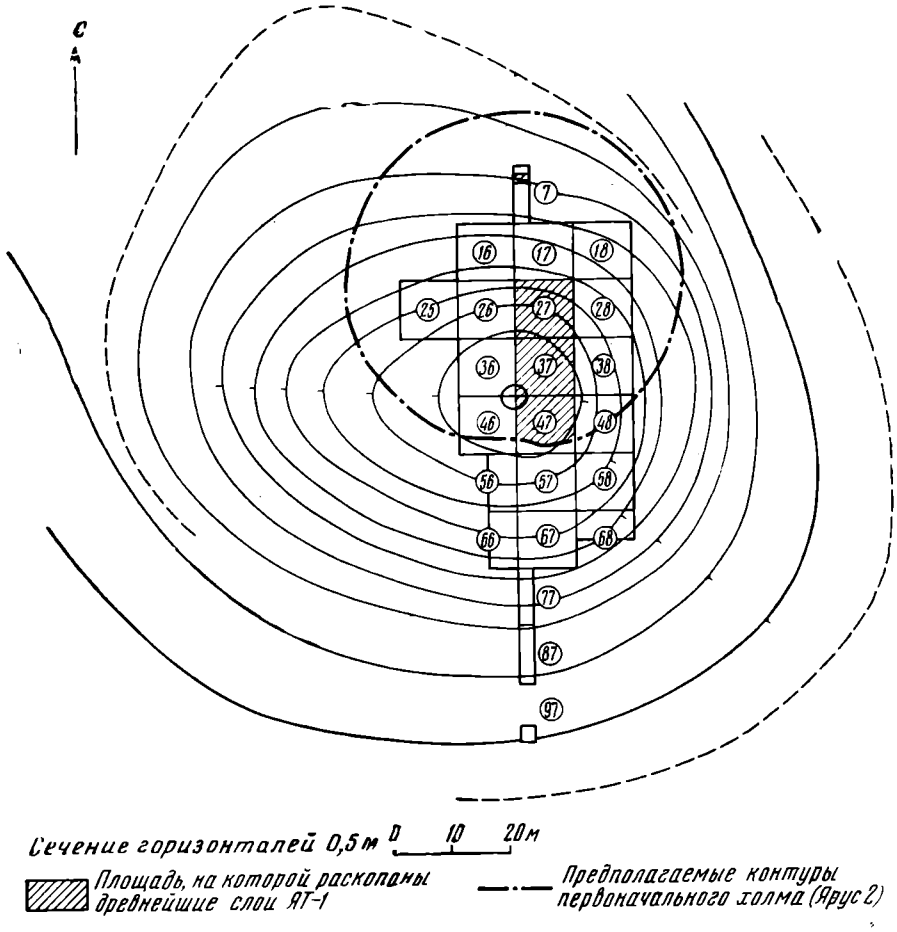


Рис. 1. План поселения Ярым-Тепе I и предполагаемое расположение первоначального телля (времени яруса 2). *1* — площадь, на которой раскопаны древнейшие слои ЯТ-I; *2* — предполагаемые контуры первоначального холма (ярус 2)

тодики[3] с получением для каждого квадрата итоговой стратиграфической схемы, концентрирующей информацию, содержащуюся на всех разрезах квадрата (рис. 2). Согласно принятой методике, на каждом квадрате слои выделялись самостоятельно по любым хронологически дискретным изменениям в сооружениях (включая ямы) и прослеживались по всем разрезам. При этом число слоев в каждом квадрате оказывалось различным. Увязка схем смежных квадратов производилась: 1) по общим для них конструкциям (конструктивная связь), 2) по прослойкам, проходящим из квадрата в квадрат на р. р. Зап., 1, 3, 5 и Вост.[4] (стратиграфическая связь) и 3) по залеганию слоя между свитами уже увязанных слоев (логическая связь).

В этой статье мы имеем дело лишь с самой нижней частью культурного слоя ЯТ-I, с древнейшим этапом существования поселения. Ос-

---

[3] Применяемая методика обсуждалась на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР в 1976 г. и на секции теории и методологии Всесоюзной археологической сессии в 1977 г. См. также: *Башилов В. А., Куза А. В.* Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище.– КСИА АН СССР. № 150, 1977, где излагаются основные приемы этой методики в приложении к памятнику, культурный слой которого совершенно отличен по характеру от слоя ЯТ-I.

[4] В статье применяется следующая система сокращений: кв. 27 – квадрат 27, р. 37/3 – разрез 3 квадрата 37, р. 27/Вост.– разрез по восточной бровке квадрата 27, с. 47/2 – слой 2 квадрата 47 и т. д. Кроме того, п. 73/231 означает пакет керамики (кремня, костей животных) № 231 в сезон 1973 г.

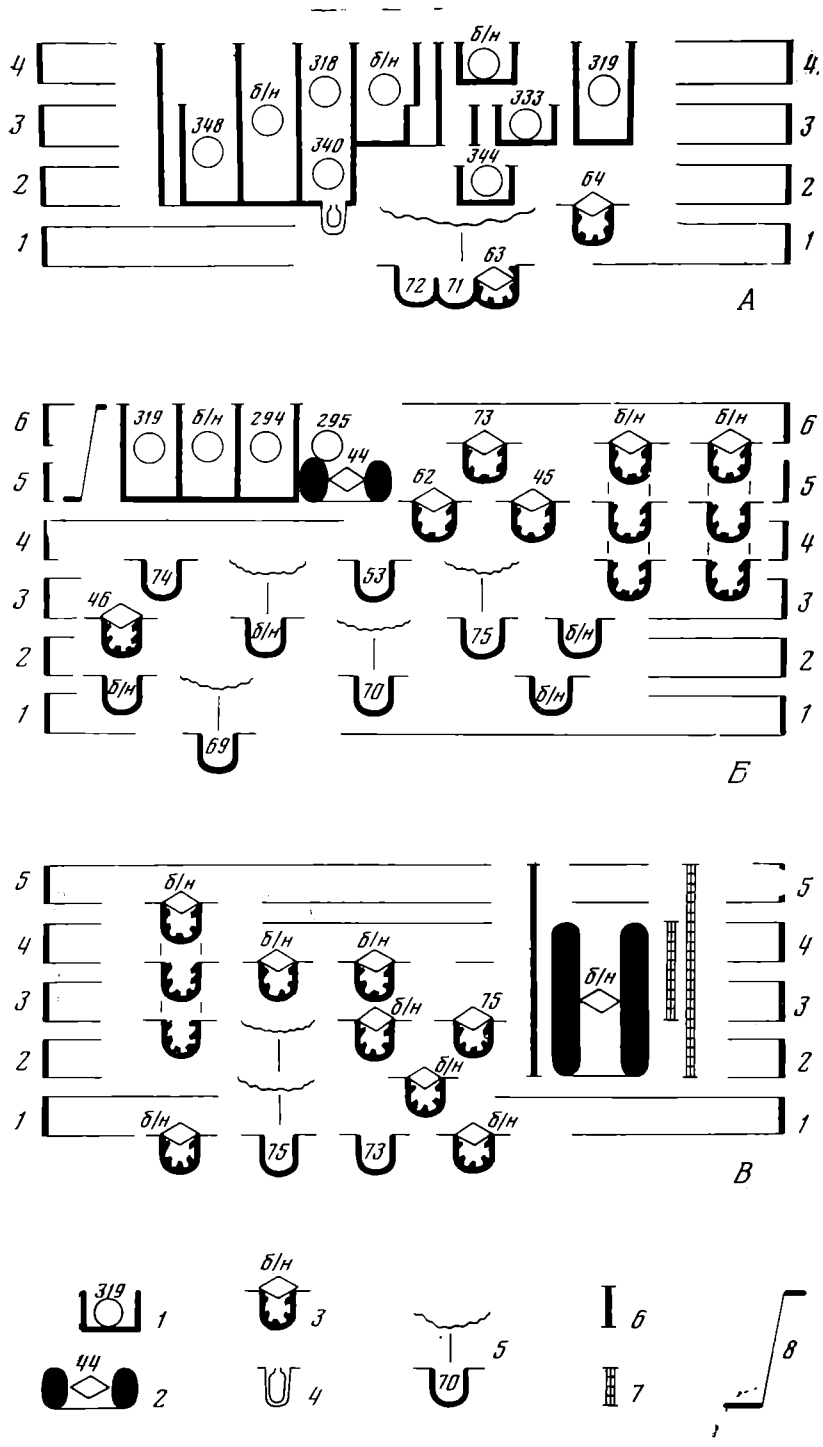


Рис. 2. Стратиграфические схемы: *А* — кв. 27, *Б* — кв. 37, *В* — кв. 47. *1* — помещение; *2* — печь наземная, сводчатая; *3* — печь ямная, очажок; *4* — вкопанный сосуд; *5* — яма и западина над ней; *6* — отдельная стена; *7* — глиняный массив; *8* — вырезка, идущая из верхних слоев

татки его застройки четко отделяются от вышележащих конструкций и образуют первоначальный холм с центром в районе СЗ угла кв. 27. В этом месте холм достигал почти метровой высоты. Пола его проходила в южной части кв. 47. Это в сочетании с данными траншеи в кв. 7, где слой этого времени достигает мощности около 0,5 *м*, позволяет считать, что диаметр первого телля равнялся примерно 50 *м*, а общая пло-

щадь поселения была 0,2—0,25 *га* (рис. 1). Для этого первоначального холма нами были выделены по разрезам 4 слоя на кв. 27, 6 слоев на кв. 37 и 5 слоев на кв. 47. Увязка этих слоев (рис. 3) позволила получить обоснованную периодизацию рассматриваемой части культурного слоя в пределах раскопа на ЯТ-I. Здесь выделяются два строительных яруса[5], связанных с кардинальными изменениями застройки на раскопанном участке. Кроме того, удалось реконструировать конкретную историю поселка в ее динамике. Каждый ее хронологический срез представлен синхропланом, фиксирующим объекты, синхронность существования которых стратиграфически доказана.

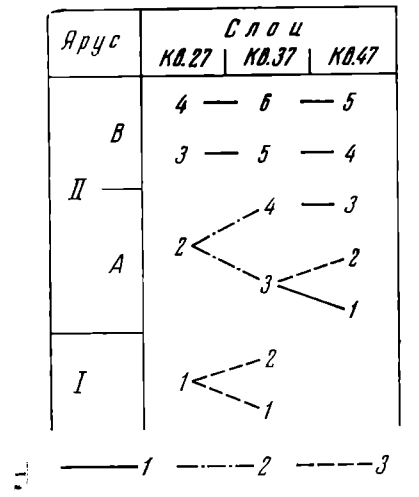


Рис. 3. Периодизация древнейших слоев ЯТ-I. Типы связи: *1* — конструктивная, *2* — стратиграфическая, *3* — логическая

Ярус 1 (с. с. 27/1, 37/1, 2; рис. 4, а, б). Основное сооружение яруса 1 — комплекс ям 71 и 72 в кв. 27, которые являются, по-видимому, остатками временных жилищ-землянок основателей поселения ЯТ-I. В жилом характере этих ям убеждает их подпрямоугольная форма и наличие в углу ямы 71 материкового останца с печью ямного типа (№ 63). Одновременно с этим жилым комплексом в восточной части кв. 37 была вырыта яма 69, имевшая какое-то служебное назначение. Позже (с. 37/2) она заплыла, и на краю оставшейся западины была вырыта круглая яма 70. В то же время были вырыты и две ямы, не получившие номеров в процессе раскопок[6],— в СВ углу кв. 37 и у его западной стены.

Культурный слой яруса 1 крайне незначителен. Он не везде прослеживается и вряд ли выходил за пределы южной части кв. 37. Это убеждает в кратковременности этого яруса. Видимо, комплекс ям 71 и 72 служил жилищем лишь в то время, пока осваивалось место поселения и возводились постройки яруса 2.

Ярус 2. Он выделен по монументальным постройкам в западной части кв. 27 и делится на две фазы.

Фаза 2а (с.с. 27/2, 37/3, 4, 47/1, 2, 3; рис. 4, в, г, д). В это время в западной части кв. 27 построены помещения 340, б/№, 348 и массивная стена в СЗ углу квадрата, принадлежавшая постройке, находящейся, по-видимому, на нераскопанных квадратах 26, 16 и 17. Упомянутые помещения, хотя и не всегда замкнутые, носили, вероятно, жилой характер. В углу помещения 340 находился вкопанный сосуд. Ямы

---

[5] Термин «строительный ярус» (building stratum) применяется нами в отличие от «строительного горизонта» (building level), использованного в предварительных отчетах. «Горизонты» отражали хронологическое членение застройки так, как оно представлялось в процессе раскопок, и нумеровались соответственно от вершины холма вниз. Анализ стратиграфического материала показал, что планы построек, снятые «сверху», далеко не всегда отражают картину, реально существовавшую в прошлом. Синхронность объектов определяется при этом очень приблизительно, причем план фиксирует прежде всего последнюю фазу застройки. При большом расстоянии между объектами и отсутствии конструктивной связи синхронность может определяться и неверно. Мы выделяем ярусы на основе исчерпывающего анализа всего стратиграфического материала в историческом порядке – «снизу». Нумеруются они соответственно начиная с момента основания поселения.

[6] Далеко не все объекты, особенно различные мелкие ямы, выемки и срезки культурного слоя для позднейших построек, были обнаружены непосредственно в поле. Многие из них выявляются только в процессе обработки стратиграфического материала. Именно поэтому некоторые объекты не имеют номера. На синхропланах и далее в тексте они будут обозначаться – б/№.

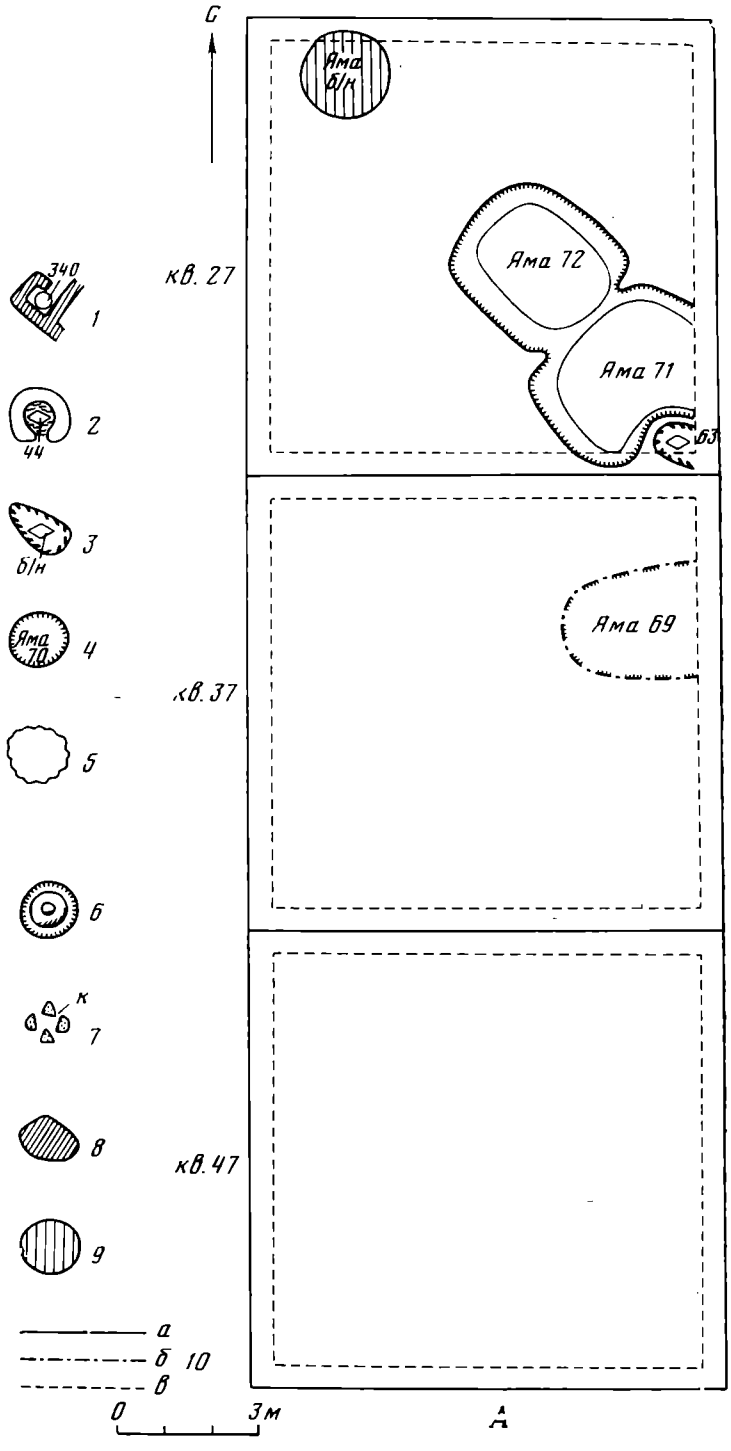


Рис. 4. Синхропланы:

Условные обозначения: *1* — помещения с глинобитными стенами; *2* — сводчатая наземная печь; *3* — ямная печь, очажок; *4* — яма; *5* — западина на месте ямы; *6* — вкопанный сосуд; *7* — скопление керамики; *8* — глиняный массив; *9* — нарушение слоя, перекопы; *10* — контуры сооружений: *а* — зафиксированные в поле, *б* — реконструированные по разрезам, *в* — реконструированные логически

А — синхроплан 1 (с.с. 27/1, 37/1), ярус 1

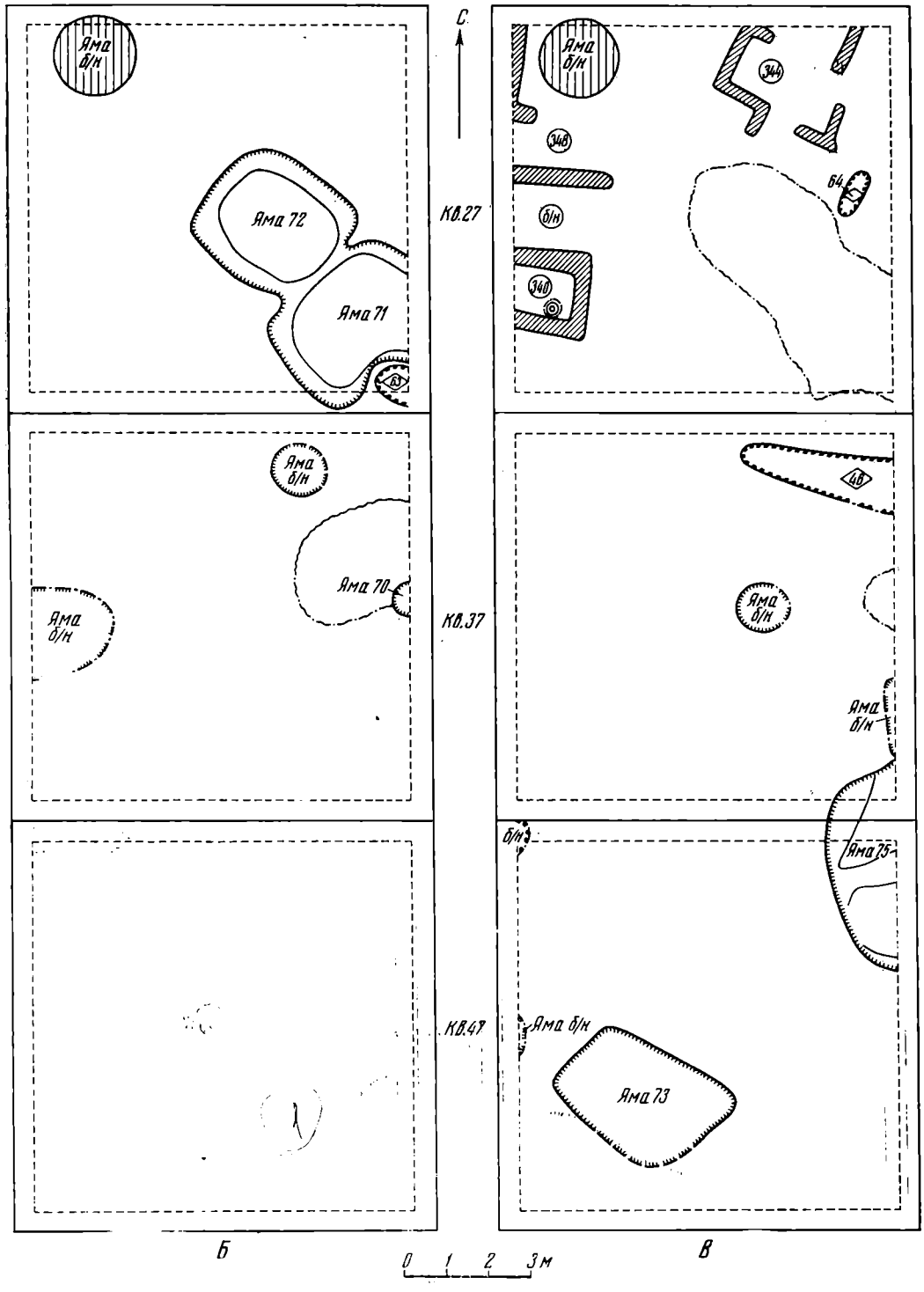


Рис. 4 (продолжение) *Б* — синхроплан 2 (с.с. 27/1, 37/2), ярус 1; *В* — » — » —3 (с.с. 27/2, 37/3, 47/1), ярус 2а

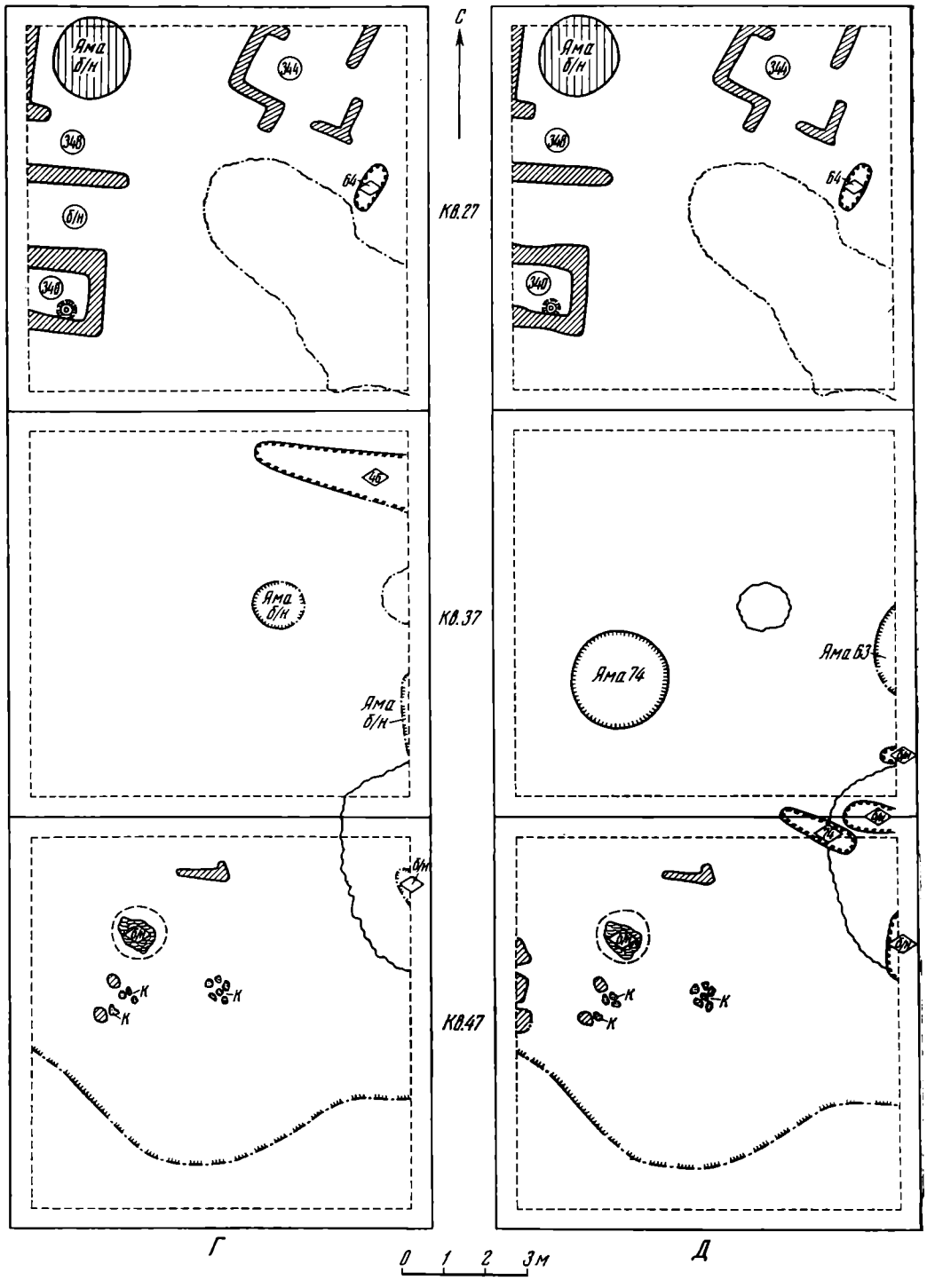


Рис. 4 (продолжение) *Г* – синхроплан 4 (с.с. 27/2, 37/3, 47/2), ярус 2а; *Д* – » – » – 5 (с.с. 27/2, 37/4, 47/3), ярус 2а;

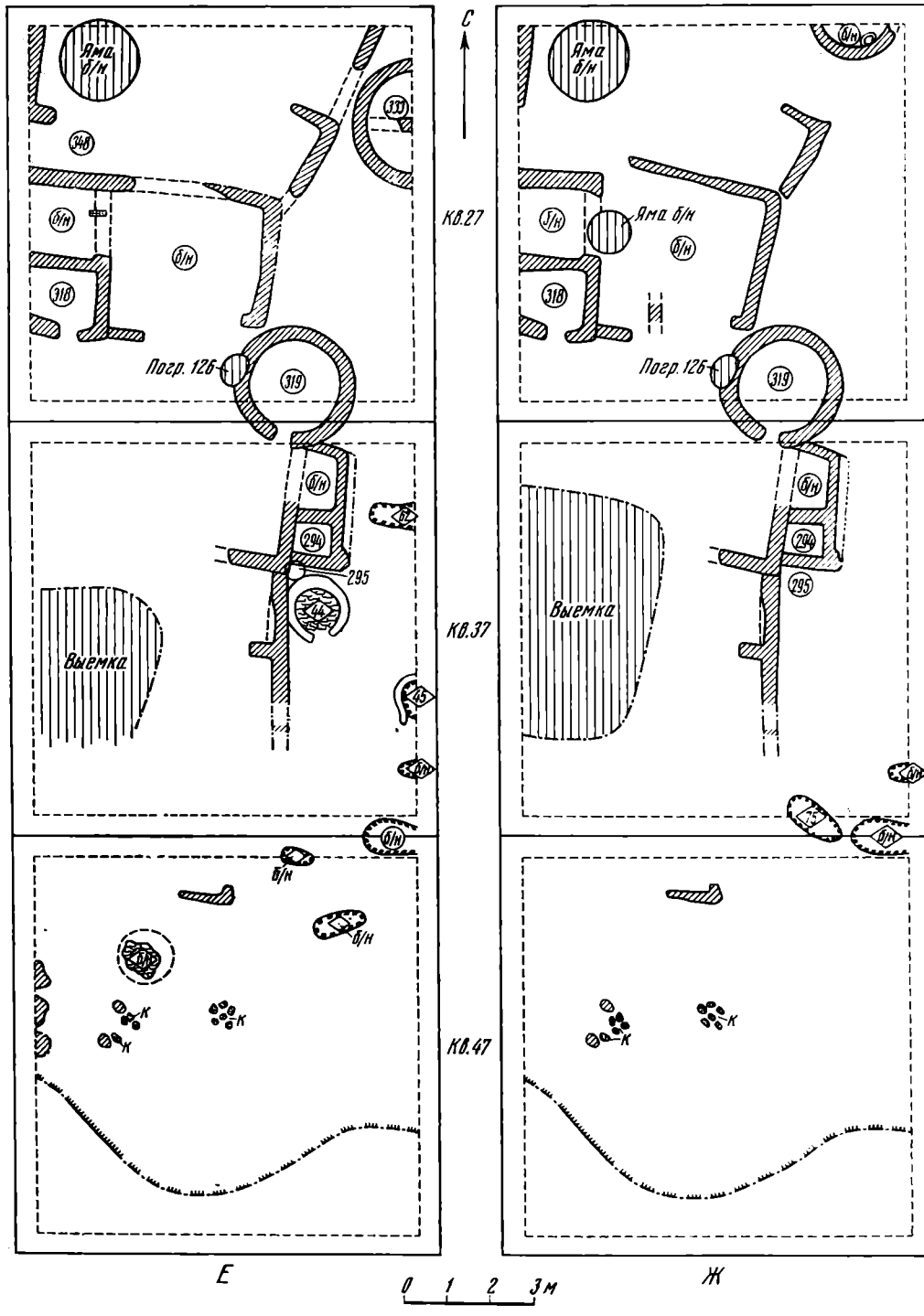


Рис. 4 (продолжение). *Е* — синхроплан 6 (с.с. 27/3, 37/5, 47/4), ярус 2b; *Ж* — » — » — 7 (с.с. 27/4, 37/6, 47/5), ярус 2b

71 и 72 в это время уже засыпаны, но на их месте осталась большая западина. У ее края расположена небольшая ямная печь 64, возможно, связанная с помещением 344 в СВ углу кв. 27. Недалеко от южного края западины в это время вырыта очень длинная ямная печь 46, уходящая в восточную стенку кв. 37. Кроме нее выкопаны две ямы б/№ в центре и у восточной стенки квадрата.

На стыке квадратов 37 и 47 выкопана большая яма 75. Судя по ее двухчастному делению у дна, можно предполагать, что она, как и ямы 71 и 72, имела характер временного жилища-землянки. В южной части кв. 47 располагалась яма 73, а у его западной стенки — две ямки-очажка б/№. Яма 75 просуществовала, видимо, очень недолго. Она была засыпана, хотя и не полностью, и в ней был вырыт очажок б/№ (с. 47/2). В это же время засыпали и яму 73 и очажки у западной стенки. Тогда же в южной части кв. 47 была сделана неглубокая вырезка в материке, ограничивающая распространение слоев яруса 2. Она прослеживается только по разрезам (р. р. 47/Зап., 3, Вост.).

В конце фазы 2а в западине на месте ямы 75 была вырыта ямная печь 74 и еще три подобных очага б/№ (с.с. 37/4, 47/3). У западной стенки кв. 37 появилась яма 53, а в его ЮЗ части неглубокая яма 74.

Фаза 2b (с.с. 27/3, 4, 37/5,6, 47/4,5; рис. 4, е, ж). Эта фаза связана с изменениями в сырцовой архитектуре кв. 27 и с появлением глинобитных построек в кв. 37. К сожалению, сооружения в западной части этого квадрата, если они существовали, были уничтожены большой выемкой, идущей из вышележащих слоев. Она была выявлена только в ходе обработки стратиграфического материала. В кв. 27, на месте западины над ямами-землянками яруса 1, уже существуют массивные глинобитные конструкции. Это помещение б/№, примыкающее к более древним помещениям 318 (перестроенное помещение 340), б/№ и 348 и круглое помещение 319. От СВ угла помещения б/№ отходит длинная стена, к востоку от которой располагается еще одно круглое сооружение 333 с внутренней перегородкой, уходящее в стенку квадрата.

Круглая постройка 319 выходит в кв. 37, где к ней, видимо, у входа, примыкает длинная стена с пристроенными помещениями б/№ и 294, к югу от которых помещалась наземная глинобитная печь 44 со сводом — древнейшая печь такого типа в раскопанной части поселения. У восточной стенки квадрата находились две ямные печи — 62 и 45. В ЮВ углу кв. 37 и в СЗ части кв. 47 располагались четыре очажка, два из которых были выкопаны еще в предыдущую фазу (с. 37/4).

В конце фазы 2b (с.с. 27/4, 37/6, 47/5) конструкции в западной части кв. 27 подвергаются небольшим перестройкам. Полностью исчезает также круглое помещение 333. Вероятно, к этому времени относятся впущенные в него захоронения. На месте северного отрезка длинной стены, отходившей от СВ угла помещения б/№, появляется еще одна круглая постройка б/№, характер которой невозможно определить, так как она уходит в северную стенку квадрата. В кв. 37 исчезают печи 44, 45 и 62, но два очажка в ЮВ углу продолжают функционировать. К ним на смену двум очажкам б/№ присоединяется аналогичная по форме печь 73.

В кв. 47 непосредственно над материком обнаружены незначительные обрывки глинобитных конструкций, небольшие скопления керамики и остатки пода печи. Эти объекты относятся к строительному ярусу 2, но не могут быть достоверно связаны с каким-либо из его мелких подразделений из-за малой мощности культурного слоя этого яруса в кв. 47.

Слои ярусов 1 и 2 дали 3341 фрагмент лепной керамики. Весь этот материал был проанализирован количественно с учетом двух основных показателей — технологического (состав и структура теста и качество обжига) и морфологического (форма сосудов). Принимались во внимание также способы обработки поверхности и орнаментации сосудов. По тех-

нологическому признаку все найденные обломки были разделены на четыре группы.

Первая группа представлена массивными рыхлыми обломками. Крупные включения органической примеси (рубленая солома) видны в изломе. На стенках они выгорали, отчего поверхность сосудов становилась неровной, бугристой. Обжиг слабый, черепок в изломе трехслойный. У абсолютного большинства сердцевина черная, плохо прокаленная. Многие фрагменты покрыты трещинами, легко крошатся. Цвет глины темно-коричневый, бурый, редко темно-серый или зеленый. Толщина стенок сосудов достигает 1—2, реже 3 *см* и более. Поверхность, как правило, не орнаментировалась. Лишь 0,87% черепков этой группы имеют следы красной краски, и только на некоторых сосудах в верхней трети заметны следы заглаживания или слабого лощения. Несколько чаще эти сосуды украшались налепами.

Вторая группа включает посуду более качественной выделки. Тесто тщательно вымешано. Примесь, как и в первом случае, органическая, но мало заметная невооруженным глазом. Обжиг ровный. На ощупь черепки плотные, легкие. Цвет их бежевый, розовый, иногда почти красный. Толщина стенок сосудов редко превышает 0,5 *см*. 13,41% черепков имеют роспись красной краской. На сосудах этой группы систематически встречается заглаживание или лощение поверхности. Оно наносилось поверх росписи и обычно покрывало весь сосуд или большую его часть. Есть случаи лощения по светлому ангобу.

Третью группу составляют сосуды, тесто которых относительно хорошо вымешано, органическая примесь измельчена. Обжиг ровный, однослойный. Черепки плотные и звонкие. Цвет их светло-коричневый, красноватый или серо-коричневый. Толщина стенок сосудов, как правило, колеблется в пределах 0,5—0,8 *см*. 15,94% черепков носят следы росписи красной краской. Поверхность сосудов иногда заглаживалась или покрывалась небрежным лощением.

В четвертую группу входит всего восемь фрагментов, резко отличающихся по технике изготовления от предыдущих. Семь из них имеют тщательно вымешанное тесто, минеральные примеси (в том числе слюду и гипс) и высококачественный обжиг. Черепок плотный, твердый и тонкий. Внешняя поверхность темно-серая, сплошь лощеная, фактически полированная до блеска. Эти фрагменты легко выделяются из общей массы керамического материала. Их малое количество и резкие технологические отличия от основной массы черепков позволяют считать эту группу инородной для керамического комплекса 1 и 2 ярусов поселения ЯТ-I и предполагать, что она представляет собой импортную керамику [7].

В слоях ярусов 1 и 2 целых сосудов практически нет. Однако ряд типичных форм реконструируется по фрагментам, сохранившим полный профиль или характерные формообразующие элементы. Соответствие определенных конструктивных особенностей (подкосы, ребра и «тычки» на дне и т. п.) строго определенным формам сосудов позволило пользоваться при обработке и мелкими обломками с такими особенностями. Всего было учтено 467 фрагментов, на основании которых выделены следующие формы, названия которых в значительной степени условны.

---

[7] Группа 1 сопоставляется с Coarse ware, а группы 3 и 4 — с Burnished ware Телль Хассуны. Наша группа 2 включает, видимо, материал и той и другой разновидности хассунской керамики. См. *Lloyd S. and Safar F.* Tell Hassuna (далее — TH).— Journal of Near Eastern Studies, v. IV, № 4, Chicago, 1945, p. 276–278. Большинство специалистов в той или иной степени следуют этой классификации. См.: *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971: a Preliminary Report (далее — UD — 71).— Iraq, v. XXXIV, pt. 1, 1972, p. 8, 9; *Fukai S., Horiuchi K. and Matsutani T.* Telul eth Thalathat. The excavation of Tell II. The third season (1964), v. II (далее — TT –64). The Tokyo University Iraq – Iran Archaeological Expedition. Report 11. Tokyo, 1970, p. 87–89; *Fukai S. and Matsutani T.* Excavations at Telul eth-Thalathat 1976 (далее — TT — 76).— Sumer, XXXIII, № 1, 1977, p. 51; ISAE–74, p. 74.

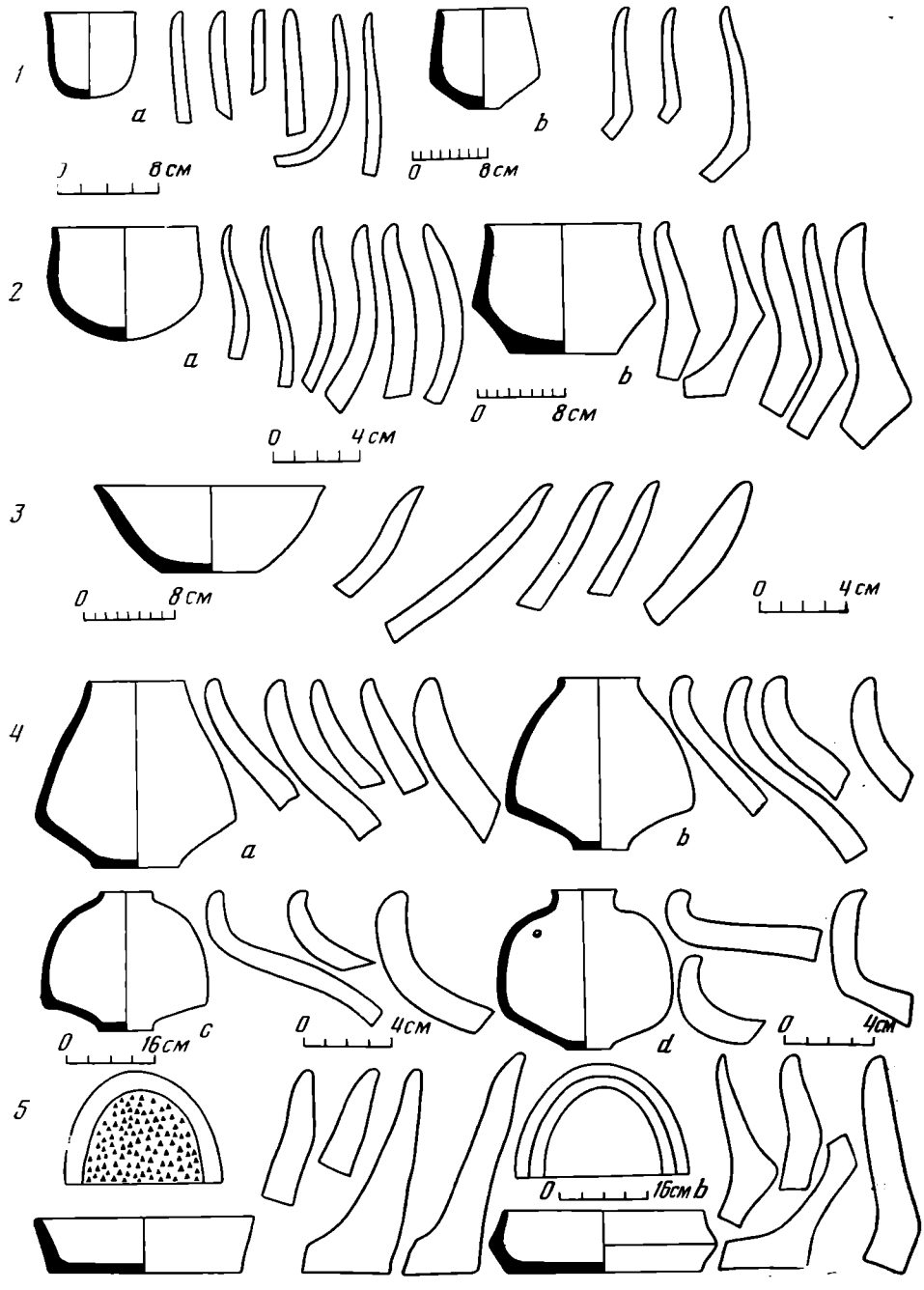


Рис. 5. Формы сосудов

Кубки (рис. 5, *1*) — небольшие сосуды с плоским дном. Высота 7—9 *см*, диаметр устья 5—8 *см*. Венчик слабо выражен, причем иногда слегка отогнут наружу или, наоборот, скошен внутрь. Тулово сосуда цилиндрическое, сходящее ко дну плавной кривой (тип a) или с резким переломом — ребром в нижней трети (тип b).

Чаши (рис. 5, *2*) — открытые сосуды с округлым или плоским днищем. Высота 8—12 *см*, диаметр 12—18 *см*. Венчик обычно плавно отогнут наружу. Также имеются две разновидности. Тип a со скругленным переходом к днищу находит близкие параллели в Хассуне Ia, Телул ас-Саласате и Умм Дабагии[8]. Тип b, у которого переход к днищу оформлен

[8] TH, fig. 7. *8*: UD — 71, Pl. XII, *6*, *8*. *18*, *21*, *23*; TT-64, Pl. XLI, *5*; LXXIX, *14*.

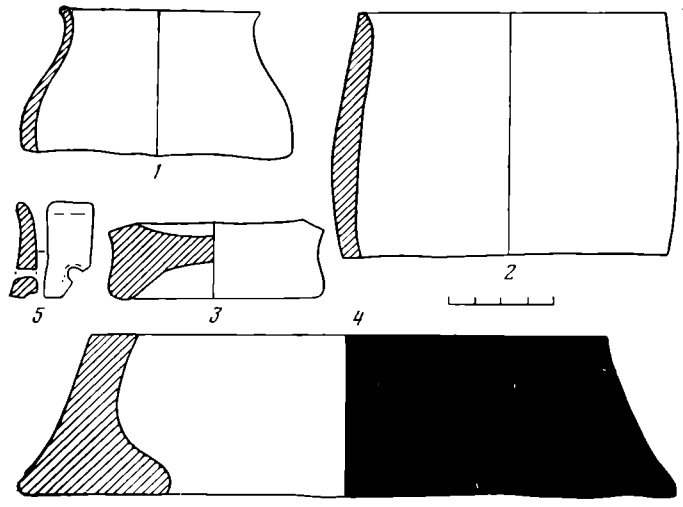


Рис. 6. Редкие формы сосудов

в виде ребра, тоже имеет прямые аналогии в Хассуне Iа. Такие же чаши широко представлены в Телль Сотто, Телул ас-Саласате и Умм Дабагии [9]. Именно чаши чаще всего покрывались лощением и расписывались.

Тарелки (рис. 5, *3*) — широко открытые сосуды с плоским днищем. Высота до 10 *см*, диаметр до 35 *см*. У некоторых диаметр дна вдвое меньше поперечника самого сосуда. Другие имеют очень маленькие, слегка отогнутые стенки. Похожие сосуды найдены в Умм Дабагии [10].

Биконические сосуды (рис. 5, *4*). Большие сосуды с ребром в нижней трети тулова. Днище прямое, с характерным выступающим краем. Угол между стенкой и днищем 120—130°. Размеры различны: от 25—30 *см* в высоту при наибольшем диаметре 30—35 *см* до 45—60 *см* в высоту при наибольшем диаметре 40—45 *см*. Сосуды различаются по форме венчика и стенок. У одних сходящиеся на конус стенки почти незаметно превращаются в чуть заостренный венчик (тип a). У других венчик отогнут вертикально, так что сосуд имеет очень невысокое цилиндрическое горло (тип b). Верх третьих подобен верху вторых, но их стенки над ребром заметно выгнуты наружу (тип c). У четвертых все тулово раздуто и в профиль напоминает туго натянутый лук (тип d). Наиболее распространенными были типы a и b. Биконические сосуды являются характерным элементом керамического комплекса нижних слоев ЯТ-I. Часто под венчиком они украшаются налепами. Ближайшие аналогии таким сосудам встречены в материалах Хассуны Iа, Телль Сотто, Умм Дабагии и Телул ас-Саласате [11].

Блюда и веялки (рис. 5, *5*). Блюда — большие плоские сосуды овальной формы. Высота 7—12, длина 25—35, ширина 15—18 *см*. Стенки несколько отклонены наружу (тип a). Венчик слегка закруглен, переход к днищу выделен четким уступом. Сосуды такого типа широко представлены в Телль Сотто, Телул ас-Саласате и Умм Дабагии. Имеются они и в Джармо [12]. Одна из разновидностей (тип b) блюд имеет ребро

---

[9] TH, fig. 7, *1*, *2*, *3*, *7*; UD–71. Pl. XII, *9*, *14*; TT–64, Pl. XLVIII, *3*; LXXIX, *13*.

[10] UD — 71, Pl. XII, *13*, *16*, *17*.

[11] TH, fig. 6, *1–12*; Pl. III, *1*; V, *1*. *2*; XII, *2* (слева); XIII, *1*; *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973–1974 гг.).– СА, 1975, № 4, с. 104; UD–71, Pl. XIV; *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1972: a Second Preliminary Report (далее UD — 72). Iraq, v. XXXV, pt. 1, 1973, Pl. III, *7*, *8*; TT — 64, Pl. XLVIII, *1*, *2*; LXXIX, *12*, *15*; LXXX, *4*.

[12] *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 108; UD–71, Pl. XII, *16*, *19*; XV, *6*; UD–72, Pl. II, *12*, *13*, *17*; TT–64, Pl. LXXIX, *11*.

Строчки	Ярусы	Квадрат 27					Квадрат 37				
		группа 1	2	3	4	всего	1	2	3	4	всего
[7]	2										
[6]	2 Нерасчлененный										
[5]	2b	620 (93,94)	35 (5,30)	5 (0,76)		660 (100)	313 (90,46)	23 (6,65)	8 (2,31)	2 (0,58)	346 (100)
[4]	2b Комплексы	50 (87,72)	6 (10,53)	1 (1,75)		57 (100)	80 (93,02)	4 (4,65)		2 (2,33)	86 (100)
[3]	2a	731 (91,95)	38 (4,78)	24 (3,02)	2 (0,25)	795 (100)	380 (92,46)	17 (4,14)	13 (3,16)	1 (0,24)	411 (100)
[2]	2a Комплексы						308 (93,90)	9 (2,74)	11 (3,36)	—	328 (100)
[1]	1	335 (94,10)	18 (5,06)		3 (0,84)	356 (100)					
		[1] + [3] + [5]					[3] + [5]				
	Итого	1686 (93,10)	91 (5,02)	29 (1,60)	5 (0,28)	1811 (100)	693 (91,53)	40 (5,28)	21 (2,77)	3 (0,40)	757 (100)

Примечание. В круглых скобках даны процентные соотношения.

на середине высоты. Выше него стенки слегка скошены внутрь. Венчик почти вертикальный или чуть отогнут наружу. Подобная форма тоже встречена в Умм Дабагии и Телул ас-Саласате [13].

К блюдам по форме очень близки так называемые веялки. По обломкам стенок они неотличимы друг от друга и поэтому здесь и на таблицах рассматриваются вместе. Поверхность дна внутри сосуда покрыта «тычками» — наколами концом заостренной палочки по сырой глине. Гораздо реже на дне встречаются нарезки-ребра. Такие сосуды найдены при раскопках Телль Хассуны, Телль Сотто и Умм Дабагии [14]. Их функциональное определение как сосудов для очистки зерна принадлежит исследователям Телль Хассуны.

Описанные формы керамики из нижних слоев ЯТ-I составляют характерный набор посуды, употреблявшейся жителями древнейшего поселения. Но наряду с этими широко распространенными формами встречено несколько сосудов индивидуального облика. Они объединены в группу редких форм. Сюда прежде всего относится небольшой серолощеный горшочек с округлым туловом диаметром 11 *см* и невысоким, слегка отогнутым венчиком (рис. 6, *1*). Он найден в слоях яруса 2b (п. 73/253) и технологически принадлежит к четвертой, импортной группе керамики, что хорошо согласуется с его атипичным обликом.

Интересен почти цилиндрический сосуд второй технологической группы из яруса 2 (п. 74/240). По форме он приближается к кубкам типа а, но превосходит их по размерам (рис. 6, *2*). Его диаметр 12 *см*. Внешняя поверхность покрыта розовым ангобом. Под венчиком нанесена широкая кайма красной охрой. Внутренний край венчика тоже обведен тонкой красной полосой. Стенки сосуда тщательно заглажены и подлощены.

[13] UD–72, Pl. II, *18*; III. *11*; TT–64, Pl. LXXX, *6*.
[14] TH, fig. 3, *8*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 107, UD–72, Pl. II, *14*.

Таблица 1

керамики по ярусам и квадратам

Квадрат 47					Суммарно				
1	2	3	4	всего	1	2	3	4	всего
					[3] + [5] + [6]				
					2765 (92,63)	146 (4,89)	69 (2,31)	5 (0,17)	2985 (100)
721 (93,27)	33 (4,27)	19 (2,46)		773 (100)	721 (93,27)	33 (4,27)	19 (2,46)		773 (100)
					933 (92,74)	58 (5,77)	13 (1,29)	2 (0,20)	1006 (100)
					130 (90,91)	10 (6,99)	1 (0,70)	2 (1,40)	143 (100)
					1111 (92,12)	55 (4,56)	37 (3,07)	3 (0,25)	1206 (100)
					308 (93,90)	9 (2,74)	11 (3,36)		328 (100)
					335 (94,10)	18 (5,06)		3 (0,84)	356 (100)
					[1] + [7]				
721 (93,27)	33 (4,27)	19 (2,46)		773 (100)	3100 (92,79)	164 (4,91)	69 (2,07)	8 (0,24)	3341 (100)

От некоторых сосудов сохранились только небольшие обломки, не позволяющие целиком их реконструировать, но говорящие об отдельных их специфических чертах. Так, в ярусе 1 (п. 75/22) найден фрагмент кольцевого поддона диаметром 8,6 *см* (рис. 6, *3*). Сосуды на аналогичных кольцевых поддонах составляют характерную особенность керамических комплексов Умм Дабагии и Телль Сотто [15]. Особого внимания заслуживает другой поддон, найденный в яме 71 (ярус 1, п. 74/207). В разрезе он имеет форму перевернутого Т (рис. 6, *4*). Его стенки немного скошены внутрь. Ширина основания — перекладины Т — 5 *см*, а диаметр внутреннего отверстия 14 *см*. Общий диаметр поддона 24 *см*. Внешняя поверхность покрыта красной краской и залощена. Мы не знаем аналогий такому поддону.

В слоях яруса 2а (п. 74/168) найден фрагмент сосуда, имевшего, вероятно, прямоугольное днище и слив. К сожалению, по сохранившемуся обломку нельзя с уверенностью судить о форме целого сосуда, но следует отметить, что сосуды прямоугольных форм достаточно характерны для Телль Сотто [16]. Из этого же слоя и того же места происходит обломок венчика с отверстием диаметром 0,4 *см* (рис. 6, *5*). Отверстия или проколы типичны и для ранней керамики Хассуны, и для Умм Дабагии, и для Телул ас-Саласата, и для Телль Сотто [17].

При исследовании массового керамического материала ставилась задача проанализировать хронологическое распределение групп и форм керамики и скоррелировать их между собой. Ввиду того что ярус 2 в кв. 47 стратиграфически нерасчленим, исследование велось в следующем

---

[15] UD–71. Pl. XIII, *b*; UD–72, Pl. II, *15*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 104.

[16] *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 104.

[17] TH, fig. 6, *18* – аналогичная проколу полукруглая вмятина на краю венчика, fig. 6, *22* – настоящий прокол, относящийся к слою I с; UD–72; Pl. II, *13*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 105, рис. 5, TT–64, Pl. LXXVIII, *20*.

Таблица 2

Распределение форм сосудов по ярусам

Строчки	Ярусы	Формы: кубки a	кубки b	чаши a	чаши b	тарелки	биконические сосуды a	b	c	d	неопред.	блюда и веялки: блюда	веялки	неопред.	редкие формы	Всего
[7]	2 [3]+[5]+[6]	20	2	51	7	8	38	25	1	1	136	16	9	72	21	407
		22 (5,41)		58 (14,28)		(1,97)			201 (49,39)				97 (23,83)		(5,16)	(100)
[6]	2 Нерасчленен.	1		9		3	5	5	1		24	2		13	5	68
		1 (1,47)		9 (13,24)		(4,41)			35 (51,47)				15 (22,06)		(7,35)	(100)
[5]	2b	12	1	27	3	3	21	13			60	3	2	25	8	178
		13 (7,30)		30 (16,85)		(1,69)			94 (52,81)				30 (16,85)		(4,49)	(100)
[4]	2b Комплексы		1	4	2	2	3				18			3	3	36
		1 (2,78)		6 (16,67)		(5,56)			21 (58,33)				3 (8,33)		(8,33)	(100)
[3]	2a	7	1	15	4	2	12		7	1	52	11	7	34	8	161
		8 (4,97)		19 (11,80)		(1,24)			72 (44,72)				52 (32,30)		(4,97)	(100)
[2]	2a Комплексы		1	6	2		3	1		1	16	7	2	12	2	53
		1 (1,89)		8 (15,09)					21 (39,62)				21 (39,62)		(3,78)	(100)
[1]	1			5			1				25	3	7	16	3	60
				5 (8,33)					26 (43,34)				26 (43,34)		(5,00)	(100)
	Итого [1]+[7]	20	2	56	7	8	39	25	1	1	161	19	16	88	24	467
		22 (4,71)		63 (13,49)		(1,71)			227 (48,61)				123 (26,34)		(5,14)	(100)

Примечание. В круглых скобках даны процентные соотношения.

Таблица 3

Корреляция керамических групп и форм

Формы		Группы 1		Группы 2		Группы 3		Группы 4	Всего
Кубки	a	5	5(27,73)	10	11(50,00)	5	6(27,27)		22(100)
	b			1		1			
Чаши	a	20	24(38,10)	27	30(47,62)	9	9(14,28)		63(100)
	b	4		3					
Тарелки			6(75,00)		2(25,00)				8(100)
Биконические сосуды	a	35	216(95,15)	4	11(4,85)				227(100)
	b	21		4					
	c	1							
	d	1							
	Неопред.	158		3					
Блюда и веялки	Блюда	19	123(100)						123(100)
	Веялки	16							
	Неопред.	88							
Редкие формы			10(41,67)		7(29,17)		2(8,33)	5(20,83)	24(100)
Всего			384(82,23)		61(13,06)		17(3,64)	5(1,07)	467(100)

Примечание. В круглых скобках даны процентные соотношения.

порядке: 1) сравнивалось распределение керамики по ярусам 1, 2a и 2b (табл. 1 и 2, строчки [1], [3], [5]); 2) полученные результаты сопоставлялись с материалами закрытых комплексов (строчки [1], [2], [4]). Это ямы 71 и 72, из которых происходит весь материал яруса 1 (п.п. 74/207, 75/22), вырытые в материке ямы и печи яруса 2a (п. п. 73/270, 74/159, 173, 75/20) и две керамические вымостки вместе с круглым помещением 319 в слоях яруса 2b (п.п. 73/231, 253, 74/147); 3) результаты сравнивались с распределением керамики в ярусе 2, взятом целиком, включая и находки в кв. 47 (строчка [7]). Такой анализ проводился как для всего керамического материала (табл. 1), так и только для формообразующих фрагментов (табл. 2). Формы сосудов сопоставлялись затем с керамическими группами (табл. 3).

Проведенное сравнение показало, что в распределении керамических групп на протяжении существования ярусов 1 и 2 хронологических изменений не наблюдается. Процентное соотношение этих групп примерно одинаково во всех слоях. Обломки грубой керамики группы 1 составляют подавляющую массу черепков (90—93%). Фрагменты тонкостенной грубой посуды (группа 2) встречаются в количестве 4—5% материала слоя. Тонкостенная керамика группы 3 составляет 2—3%, а импортные черепки встречаются единично. То, что группа 3 появляется только в слоях яруса 2a, не может служить хронологическим показателем из-за незначительного объема материала яруса 1. Все это в целом говорит о том, что технология керамического производства не претерпевает изменений в исследуемый период. Следует также иметь в виду, что процентные соотношения черепков не в полной мере отражают реальный вес той или иной группы керамики в наборе посуды древнего населения. Абсолютное преобладание группы 1 в некоторой степени увеличено за счет большого размера сосудов этой группы, дававших большое количество обломков стенок. По-видимому, ближе к реальному стоит распределение по группам формообразующих фрагментов (табл. 3).

Формы сосудов дали иное хронологическое распределение, чем технологические группы. В пределах яруса 2 несколько выросло количество обломков кубков (с 4,97 до 7,30%). Увеличилось количество черепков чаш (с 8,33% в ярусе 1 до 16,85% в ярусе 2b) и биконических сосудов (с 43,34 до 52,81% соответственно). Процентное содержание фрагментов блюд и веялок, напротив, уменьшилось с 43,34% в ярусе 1 до 16,85% в ярусе 2b или 23,83% во всем материале яруса 2. Увеличение содержания ряда видов посуды в слое может быть связано и с малым количеством материала в исходном для сравнения ярусе 1. Лишь исследование вышележащих слоев может подтвердить, что здесь наблюдается определенная тенденция развития. А вот относительное уменьшение других видов, прежде всего блюд и веялок, достаточно хорошо представленных количественно, может отражать реальное сокращение их использования. Причем в первую очередь это, по-видимому, касается блюд. Трудно отделяемые от них по обломкам стенок веялки хорошо известны в стандартной хассунской керамике. Но, во-первых, стандартные веялки имеют другой облик, а, во-вторых, количество этих сосудов в изучаемых слоях столь незначительно (всего 16 фрагментов), что нельзя исключать и случайность распределения. В целом рассмотренные соотношения наглядно показывают бóльшую изменчивость форм керамики во времени по сравнению с керамической технологией.

Корреляция групп с формами (табл. 3) показывает, что большие биконические сосуды, блюда и веялки изготавливались из грубого теста и были обычно толстостенными, хотя встречаются и биконические сосуды с тонкими стенками (всего около 5%). Эти виды посуды предназначались, по-видимому, для хранения и обработки зерна и для других хозяйственных надобностей. Из того же теста делалась примерно треть посуды более мелких форм (кубки, чаши, тарелки), но половина ее относится к тонкой грубой керамике. Такое разделение, возможно, отражает различие между кухонной и столовой посудой. Несомненно как столовые употреблялись местные тонкостенные и привозные серолощеные сосуды.

Орнаментация керамики древнейших слоев ЯТ-1 не слишком разнообразна. Это роспись красной краской и налепы. Росписью украшались сосуды всех технологических групп. Она иногда сочеталась с лощением внешней и реже внутренней поверхности сосудов. Расписывались кубки, чаши и тарелки. На обломках крупных биконических сосудов и овальных блюд достоверных следов росписи не обнаружено. Самым распространенным из орнаментальных мотивов была красная полоса по внешнему или внутреннему краю венчика. Иногда она помещалась сразу с двух сторон (рис. 7, *1, 2, 3*). В этом случае обычно сочетание узкой полосы с внутренней стороны венчика и широкой снаружи (рис. 7,*4*). Порой красной краской покрывалась верхняя треть сосуда или даже весь сосуд (рис. 7, *5, 6*).

Сложные орнаменты встречены в единичных случаях. Один обломок украшен косой штриховкой из тонких красных линий (рис. 7, *7*). На стенках двух сосудов с внутренней стороны нанесен орнамент в виде шестирядных шевронов (рис. 7, *8, 9*). Одна чаша украшена сложным узором из полос, волнообразных линий и заполненных красной краской неправильных овалов (рис. 8, *1*). Узор нанесен по светлому ангобу. На двух чашах орнамент состоит из расположенных изнутри под венчиком чередующихся красных и светлых треугольников (рис. 8, *2,3*). В древнейших ярусах 1 и 2а обнаружены четыре обломка тонких грубых сосудов со своеобразными орнаментами, не имеющими близких аналогий в остальных материалах памятника[18]. На двух узор нанесен по бело-желтому ангобу. Следов лощения нет. Вместе с еще одним обломком они происходят из ямы 71 и орнаментированы беспорядочно пересекающимися

[18] Некоторые из них см. ISAE–74, Pl. VIII. *3, 4*.

прямыми и изогнутыми линиями разной толщины (рис. 8, *4—6*). На четвертом фрагменте, найденном в заполнении ямной печи 46, роспись более сложная — расширяющиеся и сужающиеся красные полосы, извиваясь и пересекаясь, образуют сложное переплетение (рис. 8, *7*).

Основной набор сюжетов росписи на древнейшей керамике ЯТ-I невелик. В Умм Дабагии роспись разностороннее и богаче, хотя есть и ряд мотивов, сходных с нашими. В Хассуне Iа одна чаша украшена снаружи и изнутри такими же полосами, как и сосуды из ЯТ-I. Роспись сосудов из Телль Сотто практически не отличается от орнаментики посуды ЯТ-I [19].

Для биконических сосудов характерны украшения из различных налепов. Только дважды они встречены на овальных блюдах расположенными на дне или на перегибе ко дну [20]. Таким образом, налепами украшались сосуды-хранилища, лишенные росписи. Этот вид орнаментации является характерной особенностью керамики древнейших слоев ЯТ-I. Всего найдено более 20 налепов. Располагались они под венчиком или на переходе от горловины к тулову. Чаще всего встречаются выпуклые полусферические шишечки (рис. 9, *1, 2*). Такие шишечки располагались по одной-две, а может быть и более, в ряд. Они характерны для керамики Хассуны Iа, Умм Дабагии, Телул ас-Саласата и Телль Сотто [21]. Сходны с ними продолговатые налепы, расположен-

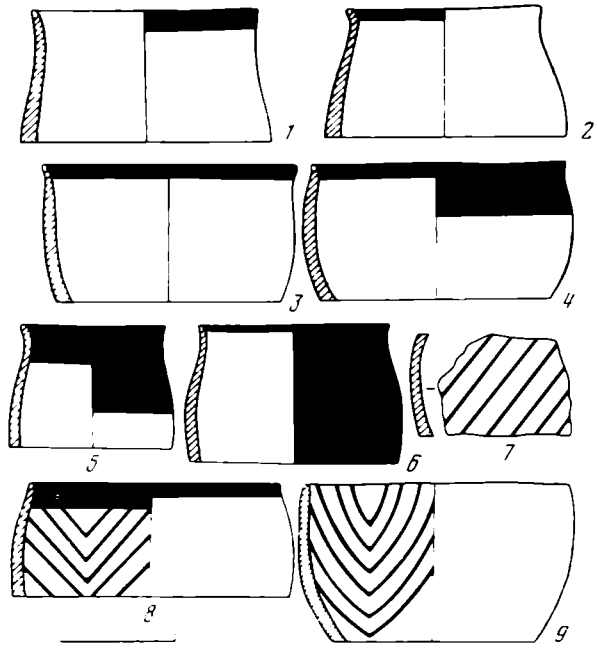


Рис. 7

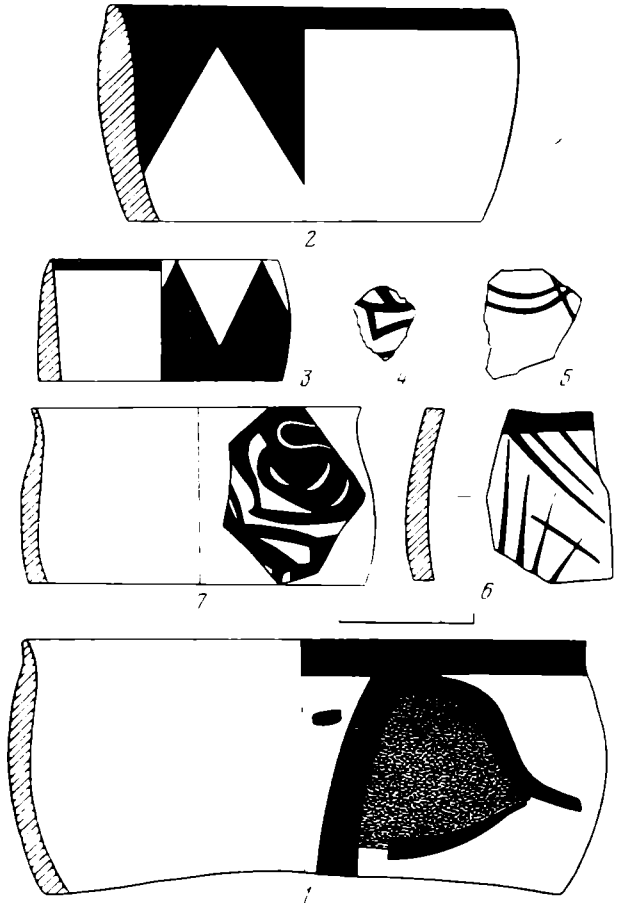


Рис. 7—8. Расписная керамика

---

[19] UD—71. Pl. X. *1, 11, 13*; UD—72. Pl. III. *14—16, 19, 20, 22*; TH. fig. 7. *1*; *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение..., с. 104.

[20] Ср. UD—71, Pl. XI, *12*; UD—72. Pl. II, *17*.

[21] TH, fig. 6, *15, 17*; UD—71. Pl. XI. *14, 15, 19*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., рис. 4, 5; TT — 64. Pl. XLIX, *7*; L, *1*; LXXVIII. *19, 22, 24, 25, 27, 30, 31*.

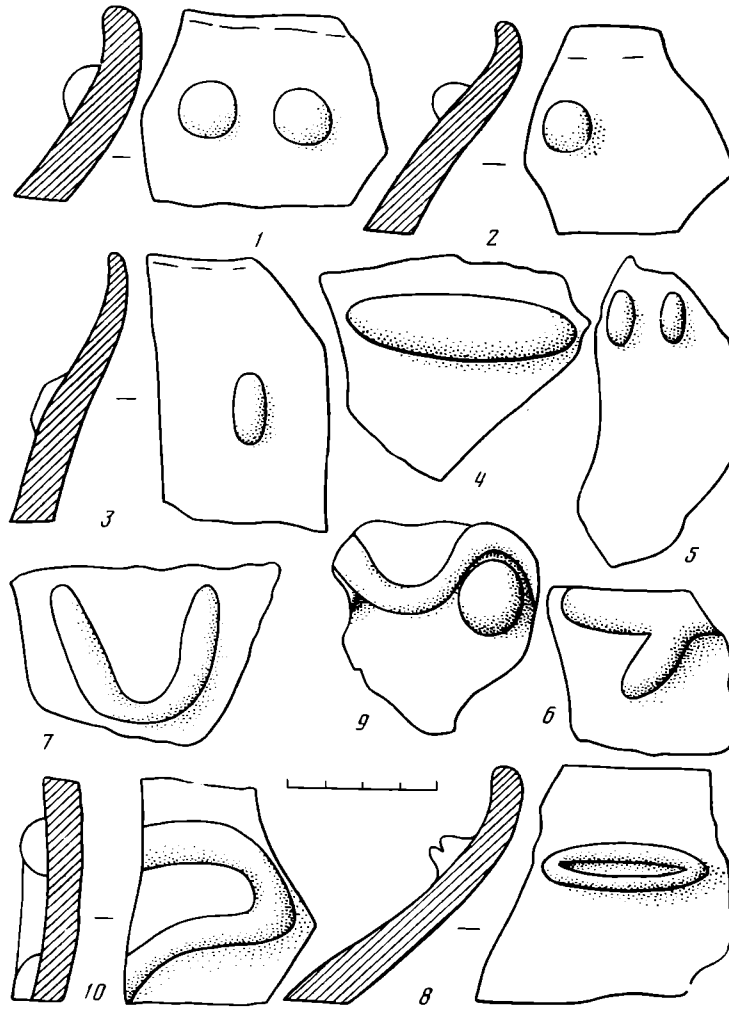


Рис. 9. Налепы на стенках сосудов

ные перпендикулярно или параллельно краю венчика (рис. 9, *3—5*). Есть налепы Т-образные и в виде подковы (рис. 9, *6, 7*). Типичен миндалевидный налеп с продольным разрезом, напоминающий человеческий глаз (рис. 9, *8*). Встречено несколько обломков сосудов с остатками сложных, может быть антропоморфных или зооморфных, налепов (рис. 9, *9*, *10*). Аналогии этим видам орнаментации встречаются в материалах слоя Iа Телль Хассуны, Умм Дабагии, Телул ас-Саласате и в Телль Сотто[22].

Таким образом, весь керамический комплекс нижних ярусов поселения ЯТ-I и по технологии керамики, и по формам сосудов, и по их орнаментике прямо увязывается с керамическими комплексами упомянутых четырех поселений. Характерно, что редкие формы сосудов тоже встречаются на этих памятниках.

Кремень и обсидиан были обнаружены в небольшом количестве и только в слоях яруса 2. Вероятно, это связано с общей незначительностью материалов яруса 1. Употреблялся низкокачественный плиточный кремень. Были найдены отщепы и обломки (21 шт.), массивная пластина, призматический нуклеус и один нуклевидный кусок кремня. Кроме того,

---

[22] TH, fig. 6, *19, 20*; UD — 71, Pl. XI, *1—4, 6, 8, 12*; UD — 72, Pl. II, 18; *Бадер Н. О.* Ук. соч., рис. 4, 5; TT — 64, Pl. XLIX, *4—6*; L, *2*; LXXVIII, *21, 28*; LXXIX, *1, 4*; LXXX, *5*; TT–76, p. 51.

встречены три отщепа со скребковой ретушью и угловой резец на массивной пластине. Особый интерес вызывают два черешковых наконечника стрел (инв. № 1079, 1080), которые, по определению Г. Ф. Коробковой, могли использоваться как сверла. Один из них по форме очень близок к наконечникам из слоя Ia Телль Хассуны и из нижних слоев Телул ас-Саласата [23].

Изделия из обсидиана представлены девятью ножевидными пластинами, двумя отщепами и одним обломком. Три ножевидных пластины на концах имеют ретушь со стороны брюшка. Одна большая пластина (инв. № 1052) служила, по определению Г. Ф. Коробковой, вкладышем серпа. С обработкой зерна связана и находка двух обломков каменных зернотерок.

Из яруса 2b происходит обломок шлифованного клиновидного топорика из темного камня (инв. № 1017). Точно такие же топорики известны среди материалов Умм Дабагии, Телль Сотто, Телул ас-Саласата и в Хассуне Ia [24]. Они встречены и в слоях, непосредственно перекрывающих ярус 2 на самом ЯТ-I.

В древнейших слоях ЯТ-I найдены три обломка шлифованных каменных сосудов. Один из них (ярус 2a, инв. № 1103), сделанный из белого мрамора с красной прожилкой, аналогичен каменным сосудам Умм Дабагии, Телль Сотто и Джармо [25]. В слоях яруса 2a обнаружен также фрагмент каменной шаровидной булавы (инв. № 1109).

В исследуемых слоях ЯТ-I встречены разнообразные каменные бусы, в том числе целое ожерелье из 69 бус (инв. № 994), найденное в круглом помещении 319 [26]. Наиболее многочисленны плоские дисковидные цилиндрические бусы. Еще одна форма — бусы ромбические уплощенные, преимущественно халцедоновые. Они обнаружены и в вышележащих слоях ЯТ-I. Прямые аналогии этим типам бус встречаются в Умм Дабагии, Телль Сотто, Телль Хассуне и в Телул ас-Саласате [27].

Кроме перечисленных категорий вещей в слоях ярусов 1 и 2 найдены каменная и обсидиановая подвески, глиняное биконическое пряслице, костяное лощило, два каменных терочника и шило из рога косули (?). В слое яруса 2 были также обнаружены медная бусина (инв. № 995), колечко из медной проволоки (инв. № 1002) и свинцовый браслет (инв. № 1082) [28].

Приведенные параллели показывают, что ближайшие аналогии находкам из ярусов 1 и 2 ЯТ-I встречены в нижних слоях Телль Сотто (горизонты III и IV), в Телул ас-Саласат XV и XVI, в Хассуне Ia и в Умм Дабагии. По поводу культурной принадлежности этих материалов существуют две точки зрения. Согласно первой из них, они относятся к самостоятельной культуре (Умм Дабагия по Д. Керкбрайд и Дж. Мелларту, Телль Сотто, или Джезира, по Н. Я. Мерперту и Р. М. Мунчаеву) [29]. Важнейшим аргументом для Д. Керкбрайд служит противопо-

---

[23] ISAE, Pl. IX, *5*, *7*. Ср.: TH, fig. 22, *9*; TT–76, fig. 3, *7*. *8*.

[24] UD–71, Pl. VII, *9–13*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., рис. 8; TT–76, fig. 3, *13*; TH, fig. 21, *1*, *2*.

[25] UD–72, Pl. II, *2*, *4*, *6*, *7*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 108; ISAE–74, Pl. XXXI; *Braidwood R. J. and Howe B.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.– The Oriental Institute of University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 31. Chicago, 1960, p. 45, Pl. 21, *12–16*.

[26] ISAE–74, Pl. XII, *1*.

[27] UD–71, Pl. VII, *14–16*, *18*; *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 109; TH, Pl. XI, *2* (в центре); TT–76, fig. 2, *15*, *18–21*.

[28] *Мерперт Н. Я. и Мунчаев Р. М.* Древнейшая металлургия... рис. 1, *2*, *3*, *7*, с. 158, №№ 26, 21 и 27 соответственно. Следует отметить, что здесь бусина и браслет отнесены к древнейшему XII, а колечко к XI горизонту предварительной периодизации, в то время как наши данные не позволяют ни разделить их во времени, ни связать с самыми древними (ярус 1) слоями ЯТ-I.

[29] UD–71, p. 15; *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1974: a Fourth Preliminary Report. Iraq, v. XXXVII, pt. 1, 1975, p. 9, 10; *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East.

ставление Хассуны Ia остальной части стратиграфической колонки этого памятника и соответственно отличие Умм Дабагии от архаической хассуны. Для Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева решающим является аналогичное, по их мнению, различие между нижними и верхними слоями Телль Сотто, так же как между первыми и всей толщей культурного слоя ЯТ-I, весь материал которого они относят только к архаической и стандартной Хассуне.

Другая точка зрения была высказана Н. О. Бадером, раскапывавшим Телль Сотто. Он полагает, что его нижние слои представляют собой не что иное, как древнейший этап развития хассунской культуры, названный им этапом Сотто [30]. К близкому выводу пришли и английские археологи Д. и Дж. Отс, относящие Умм Дабагию, Телль Сотто и Хассуну Ia к архаическому этапу хассунской культуры [31].

Выявленный нами по стратиграфическим данным первоначальный холм ЯТ-I дал, как уже говорилось, материал, сходный с материалом нижних слоев Телль Сотто. Ни в том, ни в другом памятнике, стратиграфия которых исследовалась в поле по одному методу, не замечено разрыва между этими слоями и перекрывающими их отложениями с материалами архаической Хассуны. Еще один небольшой холм — Кюль-Тепе, раскопанный советской экспедицией в том же районе, дал абсолютно такую же картину [32]. Во всех этих памятниках материалы нижних горизонтов демонстрируют явную преемственность архаической Хассуны с материалами этапа Сотто. Таким образом, совокупность данных этих трех памятников подтверждает предположение Н. О. Бадера.

Наблюдения на ЯТ-I проливают свет и на стратиграфическое положение слоя Хассуна Ia. Исследователи Телль Хассуны С. Ллойд и Ф. Сафар говорили о разрыве между этим слоем и следующим — Ib, с которого они начинали собственно хассунскую культуру [33]. С другой стороны, указывалось на ряд элементов этой культуры, восходящих непосредственно к слою Ia. На это противоречие обратил внимание еще Р. Брейвуд [34], который акцентировал именно эту преемственность. О противоречивости положения слоя Хассуна Ia писала и Дж. Отс [35].

Сравнение материалов Телль Хассуны и ЯТ-I как по публикации, так и по коллекции Иракского национального музея в Багдаде, позволяет в предварительном порядке предложить решение этой проблемы. Дело в том, что керамика слоев Ib, c и II Телль Хассуны находит прямые аналогии в посуде ЯТ-I, происходящей из слоев не ниже VIII горизонта по предварительной периодизации. Комплекс материала, залегающего в ЯТ-I под ними, непосредственно над слоем этапа Сотто, в Телль Хассуне, не представлен, что доказывает существование разрыва между Хассуной Ia и Ib. Это позволяет предположить, что первый период существования Телль Хассуны, по крайней мере в пределах раскопанной площади, был довольно кратковременным и относился к этапу Сотто. Затем поселение или было оставлено, или сместилось в другую часть телля, не подверг-

---

London, 1975, p. 135, 140, 141; *Munchaev R. and Merpert N.* Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971)..., p. 31, 32; *Merpert N. Ya. and Munchaev R. M.* Evidence about Ancient Farming Settlements..., p. 58, 59. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Древнейшая металлургия..., с. 156, 157, 159, 161; ISAE–74, p. 65.

[30] *Бадер Н. О.* Ук. соч., с. 107, 111.

[31] *Oates D. and Oates J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976, p. 100, 101; *Oates J.* The Background and Development of Early Farming Communities in Mesopotamia and the Zagros.– Proceedings of the Philosophical Society for 1973, v. 39, p. 163, 164.

[32] Раскопки Н. О. Бадера и А. В. Кузы. Предварительную информацию см.: *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Башилов В. А., Большаков О. Г., Гуляев В. И., Куза А. В., Нариманов И. Г.* Исследования Иракской экспедиции.– АО–76. М., 1977, с. 592.

[33] TH, p. 267 сл.

[34] *Braidwood R. J.* Prefatory Remarks.– TH, p. 255.

[35] *Oates J.* The Background..., p. 165.

шуюся раскопкам. В этом случае слои последующего времени могли отсутствовать в раскопе 1 точно так же, как слои ярусов 1 и 2 в ЯТ-I не заходили на кв. 57. Вновь эта часть телля была заселена носителями той же хассунской культуры уже в середине архаического этапа. Подобная гипотеза объясняет и разрыв между Хассуной Iа и Ib и преемственность элементов культуры. Она находится в полном соответствии и с непрерывным развитием поселений Синджарской равнины.

К настоящему времени известно шесть поселений этапа Сотто хассунской культуры. Это Умм Дабагия, горизонты III и IV Телль Сотто, нижние слои Кюль-Тепе, ярусы 1 и 2 ЯТ-I, Телул ас-Саласат XV и XVI и Хассуна Iа. Все они расположены в равнинных районах к западу от Тигра и к северу от пустынных областей Джезиры. Их более дробная датировка в пределах этапа будет возможна лишь после детальной разработки его периодизации по количественным данным. Пока можно только полагать, что ярусы 1 и 2 на ЯТ-I относятся к самому концу этапа Сотто. Примечательно, что остатки всех этих поселений лежат непосредственно на материке. У большинства древнейший слой связан с ямами и с углубленными в землю очагами (ярус 1 на ЯТ-I, ямы под древнейшим зданием Телль Сотто, Телул ас-Саласат XVI)[36]. Все это говорит о первичном освоении мест обитания. Такая трактовка объясняет и характер культурного слоя Хассуны Iа, где авторы раскопок предполагали временные лагеря кочевого населения. Небольшая площадь, на которой раскопаны эти «лагеря» (в пределах 100—150 *м*²) и отсутствие стерильных прослоек позволяют сравнивать слой Iа со слоями первоначального заселения на указанных выше памятниках[37].

Древнейший холм Телль Сотто, центр которого находился под восточной полой современного телля[38], имел радиус порядка 20 *м* и соответственно занимал площадь около одной пятой *га*, т. е. был почти равен по размерам первоначальному холму ЯТ-I. Четыре сезона раскопок Тель Сотто вскрыли в нижнем слое (горизонт IV) большой комплекс построек, повидимому, функционально связанных между собой. Это позволяет нам условно говорить об одном домохозяйстве, лежащем в основе древнейшего холма. Аналогичная картина наблюдается в разрезах и в плане Кюль-Тепе. Концентрация массивных построек, к которым позднее пристраиваются новые помещения, в центре первоначального холма ЯТ-I заставляет думать, что и здесь мы имеем дело с таким же явлением. На этом основании можно предполагать, что ядром древнейших земледельческих поселений Синджарской долины были мелкие населенные пункты, принадлежавшие скорее всего большесемейным коллективам. Такими коллективами и шло, вероятно, расселение ранних земледельцев по плодородной равнине к западу от Тигра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список находок, относящихся к ярусам 1 и 2

Индивидуальные находки регистрировались в инвентарной книге, копии которой хранятся в Институте археологии АН СССР и в Иракском национальном музее в Багдаде. Применялась сплошная нумерация находок за все годы раскопок. Массовый керамический материал регистрировался в паспортах пакетов, имевших самостоятельную нумерацию по каждому году раскопок. В пакет попадал материал с одним и тем же паспортом. В коллекцию отбирались основные формообразующие фрагменты и наиболее характерные обломки стенок. Маловыразительные обломки после подсчета по группам выбрасывались, но паспорт и номер сохранялись, даже если был выброшен весь материал пакета, и данные паспорта включались в стати-

[36] ISAE — 74, Pl. XXVII, TT — 76, fig. I, p. 50, 51.

[37] TH, p. 262, 271. О связи неправильной интерпретации Хассуны Iа авторами раскопок с малыми размерами раскопа см. *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.– Л., 1964. с. 55.

[38] См. разрез: *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение..., рис. 1.

стические подсчеты. В списке такие пакеты отмечены знаком *. Пакеты с кремнем и обсидианом и с костями животных имели помимо самостоятельной нумерации привязку к соответствующим номерам пакетов керамики.

Ярус 1

Индивидуальные находки:

№ 1045 – дисковидная каменная бусина,
№ 1063 – цилиндрическая каменная бусина.

Массовый материал:

Керамика п.п. 74/207 – утрачен; 75/22 (кости п. 5).

Ярус 2а

Индивидуальные находки:

№ 908 – овальная каменная подвеска,
№ 943 – цилиндрическая каменная пронизка,
№ 1079 – кремневый черешковый наконечник стрелы, использованный в качестве сверла,
№ 1080 – кремневый черешковый наконечник стрелы, использованный в качестве сверла,
№ 1099 – плоская обсидиановая подвеска,
№ 1103 – обломок каменного сосуда,
№ 1109 – обломок каменной булавы.

Массовый материал:

Керамика п.п. 73/208* (кремень п. 56, кости п. 56), 211, 270, 271; 74/159, 168, 169*, 173, 197*, 201, 202, 204 (кремень п. 29, кости п. 25), 217, 236*, 242*; 75/13, 20 (кремень п. 2, кости п. 6), 23.

Ярус 2б

Индивидуальные находки:

№ 913 – глиняное биконическое пряслице,
№ 937 – обломок плоского каменного сосуда,
№ 994 – ожерелье из 69 каменных бус,
№ 995 – медная округлая бусина,
№ 996 – цилиндрическая каменная бусина,
№ 998 – обломок алебастрового сосуда,
№ 1002 – колечко из медной проволоки,
№ 1015 – костяное лощило,
№ 1017 – обломок шлифованного клиновидного топорика,
№ 1052 – обсидиановая ножевидная пластина — вкладыш серпа,
№ 1066 – овальный каменный терочник,
№ 1119 – овальный каменный терочник.

Массовый материал:

Керамика п.п. 73/207 (кости п. 55), 213 (кремень п. 53, кости п. 53), 231, 237* (кремень п. 59), 241, 253, 258 (кремень п. 63), 268 (кремень п. 62); 74/112*, 114*, 120 (кремень п. 21, кости п. 13), 128* (кремень п. 22), 140, 147 (кремень п. 24), 149, 150*, 151*, 170*, 172* (кремень п. 27, кости п. 20), 174 (кости п. 21 – утрачен), 175*, 176, 193*, 216, 235, 237*.

Ярус 2 (нерасчлененный)

Индивидуальные находки:

№ 1067 – шило из рога,
№ 1082 – свинцовый браслет.

Массовый материал:

Керамика п.п. 72/39 – утрачен (кости п. 52), 203; 74/232, 240; 75/15, 56, 60 – утрачен (кремень п. 9, кости п. 19).

V. A. Bashilov, O. G. Bolshakov, A. V. Kouza

THE EARLIEST STRATA OF YARIM TEPE 1

Summary

Yarim Tepe 1 (YaT-1) is the Hassunian settlement of VI millenium B. C. in the Sinjar plain in Iraq. Soviet Archaeological Expedition excavated it during 8 field seasons (1969—1976) under strict stratigraphical control. The earliest strata (1 and 2a, b) which had formed the original mound of YaT-1, were distinguished as a result of the careful analysis of abundant stratigraphical material. The complete and dynamic history of this ancient settlement was revealed. The investigation of finds and pottery from the earliest deposit led us to conclusion that the strata 1 and 2 of YaT-1 belonged to the Sotto stage of Hassuna culture.

The evidence of YaT-1 throw the light on the stratigraphical position of Hassuna Ia also belonging, by authors' opinion, to the Sotto stage. The gap between Hassuna Ia and Ib can be connected or with abandoning of the site or with moving of the settlement in unexcavated part of Tell Hassuna.

Six settlements of the Sotto stage are known now. These are: Umm Dabaghiyah, Tell Sotto 3, 4, strata 1 and 2 of YaT-1, the lowest levels of Kul Tepe, Thelul eth Thalathat XV, XVI and Hassuna Ia. All them were founded on the virgin soil. The data of Tell Sotto, YaT-1 and Kul Tepe permitted us to propose that the smallest social unit of the early agricultural population spread through the plain on the western bank of the Tigris was a big family.

В. С. ТИТОВ, И. ЭРДЕЛИ

ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ВЕНГЕРО-СОВЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВНР

Совместные экспедиции советских и венгерских археологов, работающие параллельно на территории Советского Союза и Венгерской Народной Республики, по инициативе венгерских археологов были организованы в 1975 г. Институтом археологии АН СССР и Археологическим институтом Венгерской Академии наук. Их организация была вызвана взаимным интересом к проблемам археологии Восточной Европы, особенно периода великого переселения народов и раннего средневековья — со стороны венгерских археологов и к древнейшей истории Карпатского бассейна — со стороны советских археологов.

Советско-Венгерская экспедиция, возглавляемая С. А. Плетневой, в качестве основного объекта исследований избрала Маяцкое городище и провела на нем четыре успешных сезона полевых работ [1].

Для первого сезона совместных исследований в ВНР (1975 г) [2] венгерские коллеги выбрали два памятника, находящиеся в северо-восточной части Задунавья в обл. Комаром: Чолнок и Байот, причем основные усилия экспедиция сосредоточила на первом из них. На склонах холма между Чолноком и соседним с. Даге расположен раннеаварский могильник, открытый в 1951 г. А. Шош. В сезоне 1975 г. была вскрыта площадь около 200 *м*^{2} и обнаружено 16 погребений на глубине от 90 до 225 *см*. Могилы располагались в семь рядов. Погребения ориентированы с СЗ на ЮВ с небольшими отклонениями. Максимальный размер могильной ямы 2,5×1,2 *м*. Покойники были положены на спине, вытянутыми, головой на северо-запад.

К сожалению, основная масса могил оказалась разграбленной еще в древности, вероятно, вскоре после того, как были совершены захоронения. Грабители хорошо знали, где и что лежит в могиле. Грабительский ход обычно направлен точно в области грудной клетки покойного, где, видимо, находились более ценные вещи, вероятно, украшения. Тем не менее в могилах сохранились отдельные украшения, такие, как бусы и серьги, части поясных наборов (бляхи и пряжки). Важной находкой является меч — длинный и широкий, обоюдоострый, с длинным стержнем для рукояти и серебряным наконечником ножен. Пояс воина, которому

---

[1] *Плетнева С. А.* Работы Советско-Венгерской экспедиции.– АО – 1975. М., 1976, с. 80, 81; *Pletnewa S. A.* Ausgrabungen in der Festung Majaki.– MittArchInst, № 6, 1976, S. 119–123.

[2] В сезоне раскопок 1975 г. Венгеро-Советской экспедиции принимали участие: с венгерской стороны – И. Эрдели (начальник экспедиции), И. Эчеди, Д. Янкович, Б. Эрдейи, Э. Лоттерхоф (антрополог), с советской стороны – Т. И. Макарова. В. С. Титов, С. С. Ширинский. Для предварительных сообщений о работах 1975 г. см.: *Титов В. С., Эрдели И., Макарова Т. И., Ширинский С. С., Эчеди И.* Раскопки Советско-Венгерской экспедиции в Венгерской Народной Республике.– АО – 1975. М., 1976, с. 585–588; *Makarowa T., Schirinski S., Titow W., Erdelyi I.* Ausgrabungen in Bajót und Csolnok.– MittArchInst, № 6, 1976; 1977, S. 123, 124.

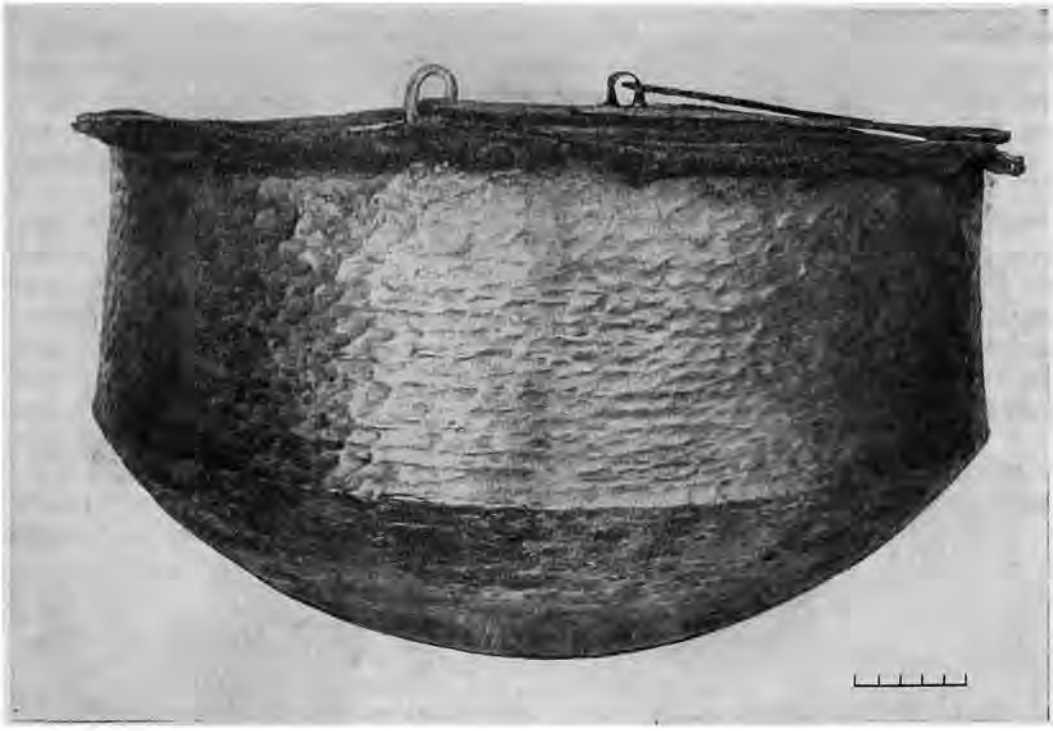


Рис. 1. Раннеаварский могильник Чолнок. Медный котел VII в. из могилы 7. Раскопки 1975 г. Фото Л. Шугара

принадлежал меч, был украшен тонкими серебряными штампованными накладками и наконечниками на дополнительных ремнях. Кроме меча, в Байоте были найдены и другие предметы вооружения — длинный боевой нож, костяные накладки от лука и колчана с изображениями. Имелись и различные бытовые предметы — глиняные сосуды лепные, неорнаментированные, грубые, с чертами «полукочевнической посуды».

Особую важность имеет находка большого бронзового котла, который лежал вверх дном в ногах погребенного в могиле № 7 (рис. 1). На территории Венгрии это вторая находка. Первая была опубликована Й. Хампелем в конце прошлого века. Котлы подобного рода широко использовались кочевыми народами на степном пространстве от Монголии до Венгрии.

По всей вероятности, раннеаварский могильник в Чолноке был довольно крупным по величине, а могилы в нем располагались замкнутыми группами. Все находки, сделанные в могильнике, не выходят за пределы VII в. Костяные накладки колчана имеют ближайшие аналогии в могилах Дунауйвароша. Но поскольку могильник сильно разграблен (ограбленными оказались все могилы, кроме № 1), продолжение раскопок показалось нерациональным, тем более что могильнику не грозит разрушение.

Могильник в Чолноке был оставлен, вероятно, аварским племенем, которое, как и другие аварские племена в Дунантуле (Задунавье) в VI—VII вв., играли большую роль в обороне важных торговых и стратегических путей.

Выше могильника на вершине холма найдены следы позднеримского поселения и поселения эпохи Арпадов. Не исключено, что славянское название села («чолнок» — челнок, лодка) восходит к наименованию поселения раннего средневековья.

Второй памятник, исследовавшийся Венгеро-Советской экспедицией в 1975 г.,— это поселение Байот-Хаймаш рет. Оно было открыто И. Тормой

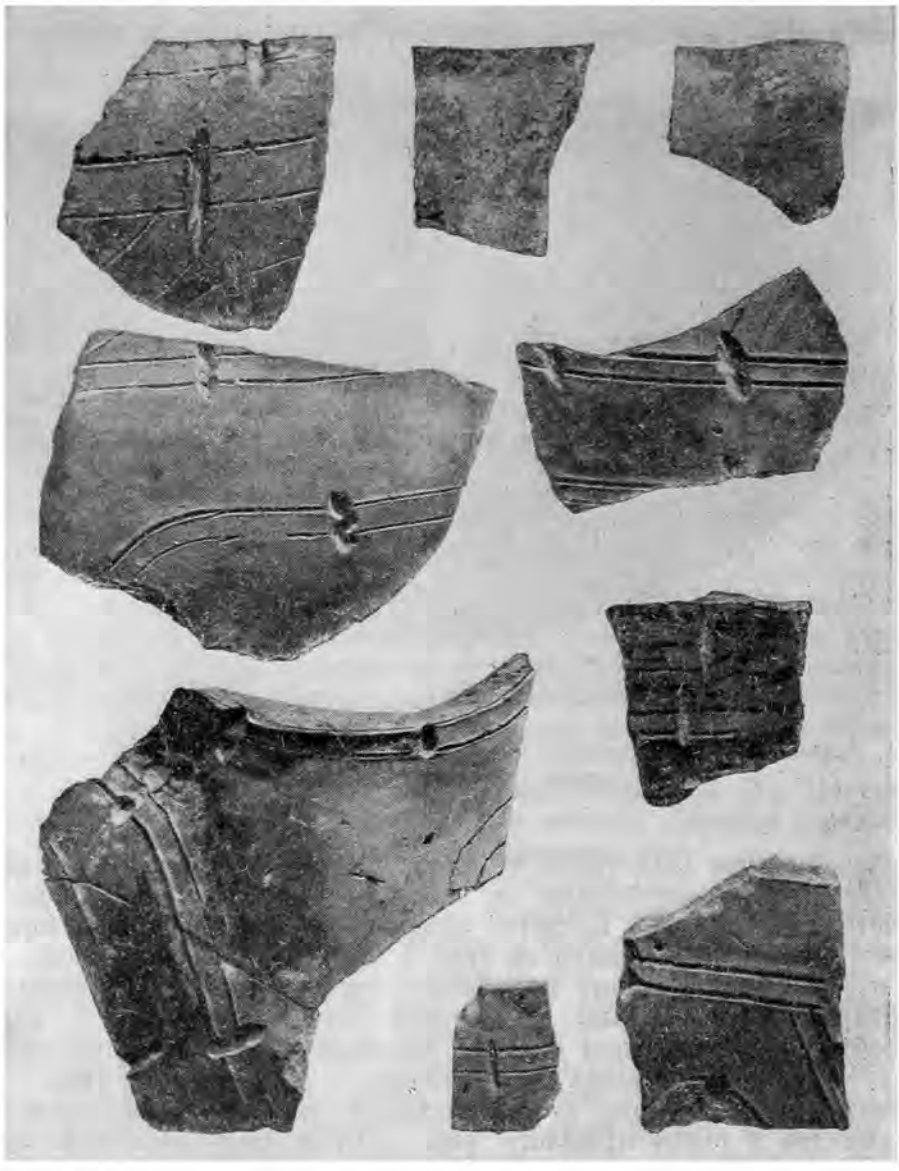


Рис. 2. Байот-Хаймаш рет. Керамика группы Желиз конца среднего неолита. Яма III/А. Раскопки 1975 г.

во время работ по археологической топографии Венгрии. Поселение лежит к югу от села, на восточном и юго-восточном склонах холма, спускающегося к реке. Холм окружен более высокими горами и скрыт между ними: Орегкё со знаменитой в венгерской археологии пещерой Янковича, Кёкеньеш-хедь и Домонкош-хедь. На поселении была изучена площадь размером около 120 *м*². Это поселение впервые возникло в конце V тысячелетия до н. э. (по радиуглеродной хронологии), когда здесь поселились носители группы Желиз-Железовце — одной из поздних групп линейно-ленточной керамики, относящейся к концу среднего неолита [3]. Культурный слой, относящийся к среднему неолиту, очень плохо выражен, основные находки сделаны в двух ямах, видимо, хозяйственного назначения, колоколообразной формы, глубиной около 2 *м* и диаметром более 2 *м*.

---

[3] Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.

Дома группы Желиз на территории Венгрии почти неизвестны, за исключением одного не полностью раскопанного дома в Дьёр-Папаи вам в окрестностях г. Дьёр. У этого дома — три ряда столбовых ям. В Байоте также открыта система ям, которая может быть интерпретирована как часть основания большого столбового дома длиной более 10 и шириной более 5 *м*. Судя по ямам, дом был ориентирован в направлении СВ—ЮЗ. Размеры столбовых ям: диаметр 70—80, глубина 100—110 *см* от современной поверхности. Одна из ям попала в профиль стенки раскопа, причем удалось установить, что она была вырыта с глубины 35—40 *см*, имела глубину около 70 *см* и уходила в материк всего на 20—25 *см*. Дно столбовых ям слегка вогнутое, с углублением в центре ямы. В столбовых ямах никаких находок сделано не было, их заполнение лишь немного темнее окружающего материка. Пол дома проследить не удалось, что впрочем, обычно для культуры линейно-ленточной керамики.

Основные находки на поселении Желез в Байоте — это керамика — тонкая, серая с углубленной орнаментацией лентами, ограниченными двумя нарезными линиями и пересеченными группами плотно друг к другу помещенных ямок или крупными поперечными зарубками. Часто ленты выкрашены после обжига в красный, реже — в желтый цвет, а промежутки подвергнуты лощению (рис. 2). Керамика из Байота относится к ранней части группы Желиз. К числу других находок принадлежит каменная шлифованная булава, сверленая, уплощенно-сферической формы — довольно редкое оружие в среднем неолите Карпатского бассейна. Аналогии ей имеются в культуре Бюкк [4]. Здесь же найдена во фрагментарном состоянии каменная шлифованная мотыга. Аналогии ей найдены на поселении культуры Лендьел в Зенгёварконе, относящемся к началу позднего неолита [5].

Костный материал из ям группы Желиз в Байоте невелик. По определению Ш. Бёкёньи, он включает кости быка и домашней свиньи в одинаковых количествах, и несколько меньше — кости мелкого рогатого скота. Из диких животных представлены тур и кабан.

Наиболее мощные наслоения в Байоте относятся к поселению эпохи гальштадта. Остатки этого поселения дали бо́льшую часть находок. Был раскопан наземный гальштадтский дом столбовой конструкции размером 5×4 *м*, с полом из утоптанной глины, слегка заглубленным в почву. Кроме дома обнаружены несколько ям, очень богатых находками, преимущественно керамическими. Ямы, видимо, были разновременными. Наиболее поздняя из них — яма III/D — овальная в плане и грушевидная в вертикальном сечении — дала наибольшее количество керамических находок, в том числе сильно графитированной керамики. Предположительно она восходит к периоду На С (VII в. до н. э.).

Гальштадтский дом — это, пожалуй, самый интересный объект в Байоте. Его остатки появились после снятия пахотного слоя в виде большой золистой линзы в культурном слое. Ее мощность — около 50 *см*. Она располагалась поверх утоптанного пола дома, причем столь твердого, что звенит при ударе. Обилие золы сближает его с молдавскими зольниками раннего железного века.

Расчистка остатков дома показала, что он, вероятно, имел сдедующую конструкцию: первоначально было вырыто неглубокое основание дома с целью достичь материкового суглинка (рис. 3, 4). Оно прорезает культурный слой и незначительно углубляется в материк — на 10—20 *см*. Основание дома — овальной формы с пологими стенками. Главная ось дома была ориентирована в основном в направлении В—З. По главной оси располагалось 6 столбовых ям, причем крайние из них были более крупными и предназначались, вероятно, для более мощных столбов. Ди-

---

[4] *Lichardus J.* Studien zur Bükken Kultur. Bonn, 1974. S. 42, Abb. 8, *4*.

[5] Экспозиция Музея им. Я. Паннониуса, г. Печ.

Рис. 3. Байот-Хаймаш рет. Основание гальштадтского дома. Фото автора. Раскопки 1975 г.

аметр столбов, видимо, колебался от 25 до 40 *см*. В материк столбовые ямы уходят на 80 *см*. Столбы, на которые опирались стены дома, находились вне ямы основания дома и располагались асимметрично по отношению к главной оси: столбы южной стены находились дальше от главной оси, чем столбы северной стены. В северной половине дома пол лучше утоптан, чем в южной, и более ровный. Между основными опорными столбами стен проходят ямы от более мелких столбиков — кольев или жердин стенок. Диаметр их — 15—20, глубина — до 105 *см* от поверхности. Никаких следов обмазки с отпечатками прутьев найдено вокруг этого дома не было, хотя в юго-восточной четверти дома, на глубине 10 *см* выше пола, имелся довольно прочный слой обмазки, частично растрескавшийся. Стены дома, видимо, не были обмазаны глиной (хотя находки обмазки в других частях поселения встречены).

Остатки печи найдены в юго-западной части дома, над ямой. Сохранились остатки свода, опиравшегося на деревянные столбы около 15 *см* в диаметре. Никаких фрагментов пода печи не наблюдалось. В развалинах дома найдено, кроме фрагментов глиняных сосудов, несколько пряслиц, но нет ни грузиков от ткацкого станка, ни орудий труда.

Длина дома по главной оси — 4,5, ширина — от 4,8 (восточная сторона) до 3,6 *м* (западная сторона).

Рис. 4. Фотография модели-реконструкции гальштадтского дома из Байот-Хаймаш рет, выполненной архитектором Б. Эрдейи

Основные находки на гальштадтском поселении — керамические. Ряд сосудов орнаментирован каннелюрами. Часть имеет орнамент, выполненный графитированием. Кроме сосудов, из глины изготовлялись пряслица, очажные подставки или грузила в форме усеченной пирамиды, украшенные крестообразными нарезками на вершине. В развалине гальштадтского дома, насколько можно судить после предварительного просмотра материалов, керамики, украшенной графитом, найдено не было. Это может рассматриваться как свидетельство того, что дом относится ко времени более раннему, чем На С.

В костном материале из гальштадтской ямы III/D, по определению Ш. Бёкёньи, решительно преобладали кости крупного рогатого скота (более 60% всех костей, найденных в яме), более 22% костей из той же ямы принадлежало мелкому рогатому скоту. Костей свиньи немного, лошадь представлена всего одной находкой, как и дикий кабан. В культурном слое, где костный материал из поселений среднего неолита и раннего железного века, правда, мог быть смешан, обращает вновь на себя внимание большое количество находок крупного рогатого скота, но есть и кости тура.

Во втором сезоне раскопок (1976) [6] было решено в качестве объекта для исследований избрать гораздо более важный в историческом отношении памятник и значительно увеличить объемы работ.

Основные работы экспедиции были перенесены в Фенекпусту, южнее г. Кестхей, в юго-западном углу Балатона. В древности Фенекпуста лежала на полуострове между Большим и Малым Балатоном (в настоящее время осушенным). Через этот полуостров проходил важный торговый путь с севера на юг. Фенекпуста была заселена со времени раннего неолита. Так, здесь был обнаружен важный комплекс ранней линейно-лен-

---

[6] В раскопках 1976 г. принимали участие: с венгерской стороны – И. Эрдели (начальник экспедиции), Я. Маккаи, К. Шаги, Я. Матолчи, Б. Эрдейи, М. Фреш, Д. Янкович и др., с советской стороны — В. С. Титов и К. А. Смирнов. Предварительное сообщение о результатах: см. *Титов В.* и *Эрдели И.* Раскопки на берегу Балатона.— АО-1976, М., 1977.

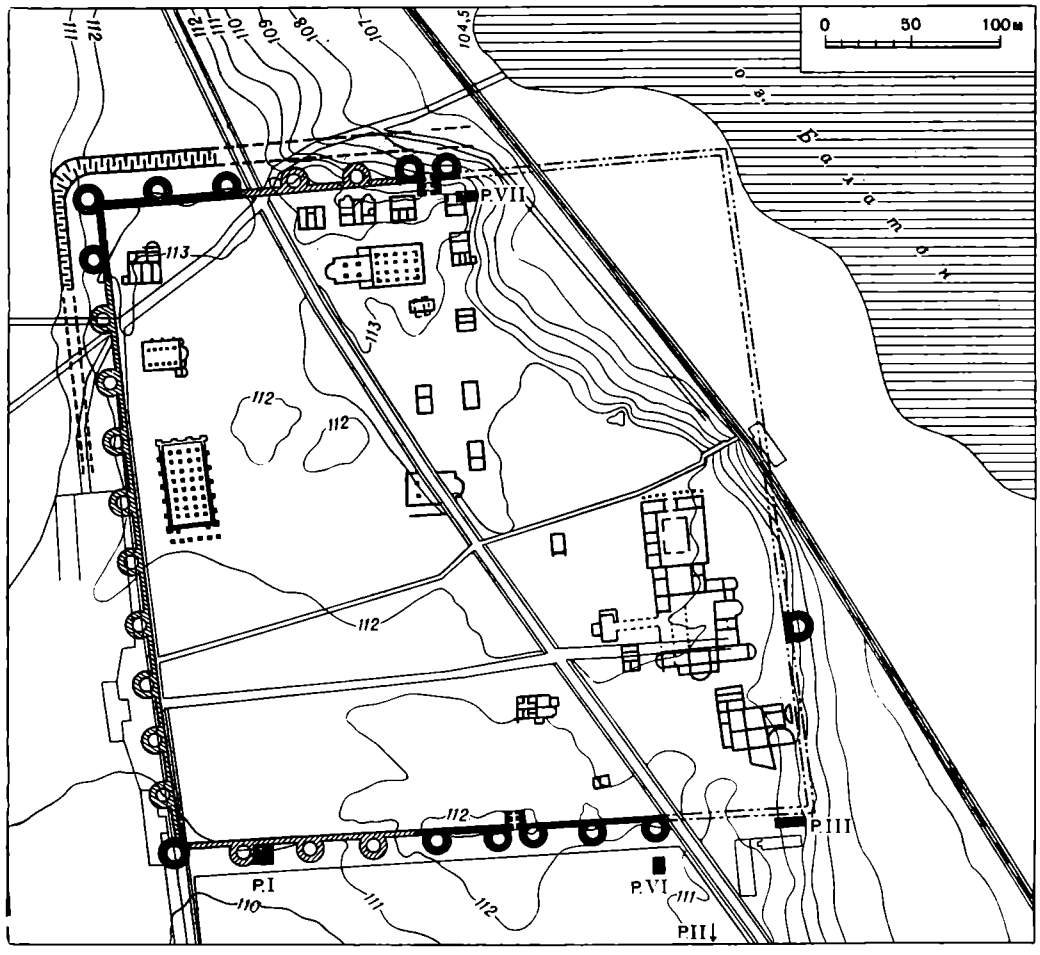


Рис. 5. Фенекпуста. План раскопок римского города

точной керамики[7]. С этого времени (середина V тысячелетия до н. э.) жизнь в Фенекпусте продолжалась, видимо, почти без значительных перерывов. Поздний неолит представлен находками культуры Лендьел, средний медный век — группой Балатон, важное поселение которой было раскопано здесь Н. Калицем[8], поздний медный век — баденским (пецелским) поселением, средний бронзовый век — поселением культуры инкрустированной керамики, а поздний бронзовый век — погребениями в урнах. Имеются следы и гальштадтского поселения.

В I в. н. э. в Фенекпусте возникает несколько римских вилл[9]. Они были частично раскопаны еще в прошлом веке. В IV в. Фенекпуста — это укрепленное поселение прямоугольной или ромбической планировки, окруженное каменной стеной с укрепленными воротами и круглыми башнями (рис. 5), а также рвом.

У стен города находятся обширные могильники. Раскопки их начались еще в конце прошлого века. Могильники восходят к позднеримскому времени, но продолжают существовать до IX—X вв. Тем самым они дают уникальную возможность изучения населения одного памятника на протяжении значительного промежутка времени (до шести-семи веков) очень

---

[7] Археология Венгрии. Каменный век...

[8] *Bakay K., Kalicz N., Sági K.* Veszprém megye régészet topográfiája.— MRT, I, Budapest, 1972, 79–81. old.. 4. t. *9–10*, 5. t. *2–9*.

[9] *Thomas E. B.* Römische Villen in Pannonien. Budapest, 1964, S. 60–68.

Рис. 6. Фенекпуста. Раскопки 1976 г. Погр. 2: *1* **– бронзовая фибула IV–V вв.;** *2* **– бронзовая накладка. Фото Х. Рац**

бурной эпохи, каким было время великого переселения народов и раннего средневековья — от римских поселенцев Паннонии до народов раннего средневековья в Дунантуле.

Возможность в пределах одного, правда, очень обширного памятника изучить основные периоды древностей Южного Задунавья и привлекла к Фенекпусте внимание Венгеро-Советской экспедиции.

Основной (I) раскоп в 1976 г. в Фенекпусте был заложен у южной стены города, ближе к юго-западному углу. Здесь были вскрыты развал городской стены, основание одной из круглых башен и часть большого могильника, в котором исследовано 29 погребений, в том числе позднеримские погребения с арбалетными фибулами (рис. 6) (IV—V вв. н. э.) и могилы VI—VIII вв. с различными типами украшений, но с общими чертами в погребальном обряде, которые объясняются преемственностью местного населения. Могильник этот был перекрыт мощным развалом стены, высота которой достигала, как полагают, почти 9 *м*. Погребения вытянуты на спине, головой на восток, и совершались в узких могильных ямах. В большинстве ям по бокам сохранились камни, которые подпирали доски гробов.

Среди находок обращают на себя внимание стилосообразные заколки (рис. 7, *8*), которые датируются IV—V вв. н. э. и которые были широко распространены в это время в окрестностях Кестхея и Фенекпусты. Ни в одной из могил нет керамических сосудов, что, как полагают, является косвенным доказательством христианизации населения.

II раскоп был заложен к югу от стены римского городка, на месте позднеэнеолитического поселения — поселения баденской культуры. Размеры раскопа немного менее 400 $м^2$. Раскопки показали, что баденское поселение было довольно сильно разрушено первоначально римскими и раннесредневековыми ямами, а позже — сооружениями второй мировой войны. Однако раскоп дал определенные важные результаты, и прежде всего новые данные о домостроительстве баденской культуры. Речь идет об одном доме, со слегка углубленным в землю основанием. Дом имеет подквадратную форму, со скругленными углами, в которых находятся ямы от столбов, поддерживающих крышу (рис. 8). Размеры дома 3,6×3,8 *м*. Основание дома было углублено в материк на 40 *см* (36—38 *см*). Пол плоский, но неровный, с небольшими ямками глубиной 5—10 *см*, заполненными культурным слоем. Дом ориентирован по сторонам света. Восточная сторона дома была повреждена ямой со склетами жи-

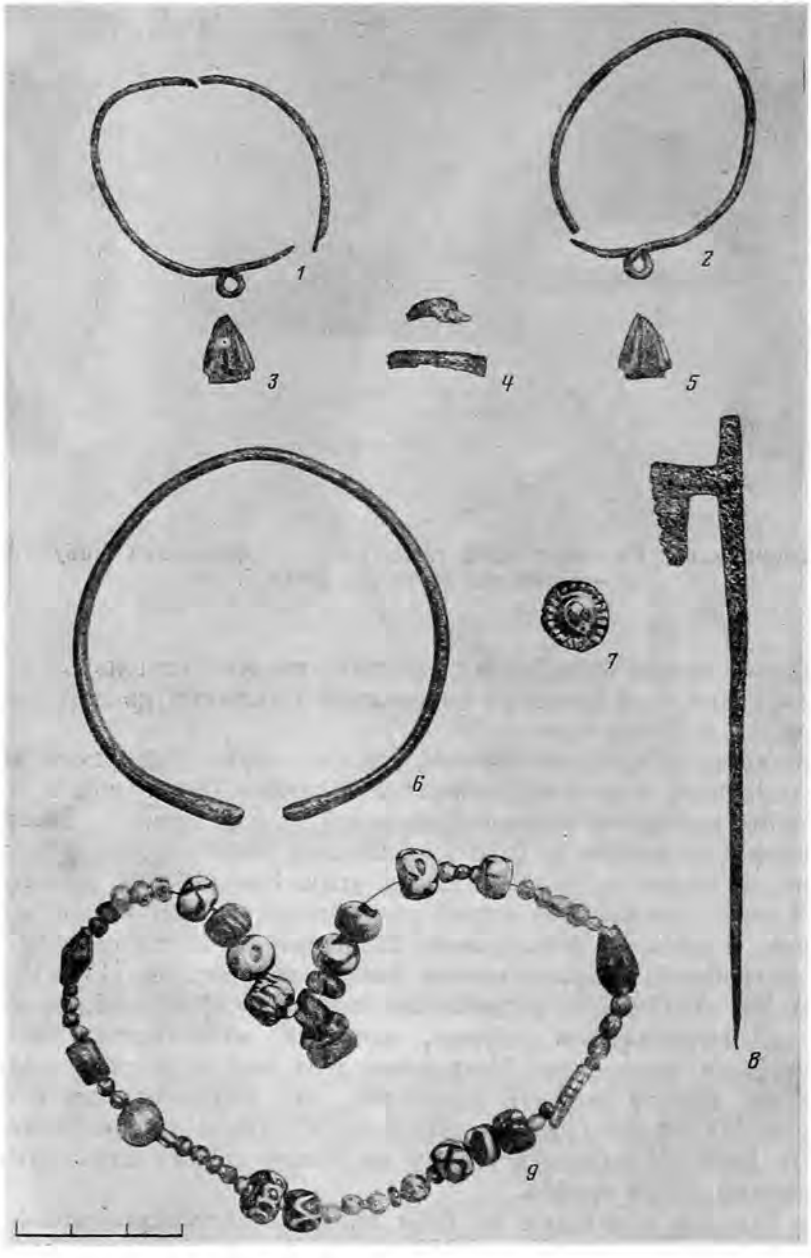


Рис. 7. Фенекпуста. Раскопки 1976 г. Могильник под стенами города

вотных. В северо-восточном углу дома находились грузики от ткацкого станка, лежащие в одну линию в направлении С—Ю. Грузики лежали на культурном слое мощностью 2—3 *см*, а не на полу дома. Это, видимо, должно свидетельствовать, что лишь такой слой накопился на полу дома, когда дом погиб, а остальной слой в заполнении основания жилища попал туда уже позже, по мере разрушения остатков дома. Местами пол дома был обожжен, а в некоторых местах лежали куски глины. Столбовая яма в одном из углов имела диаметр 20 *см* при глубине 42 *см*, диаметр другой ямы достигал 30 *см* при глубине 50 *см* (от уровня пола). В самом доме найдены только баденские черепки, выше встречаются в заполнении римские кирпичи.

Дом в Фенекпусте, пожалуй, сохранился лучше, чем другие дома этой культуры на территории Венгрии. Все они однокамерные и имеют

Рис. 8. Фенекпуста, раскоп II, 1976 г. Основание дома баденской культуры (III тысячелетие до н. э.). Фото с северной стороны. Восточная стенка дома нарушена ямой с жертвоприношениями. Фото Л. Шугара

небольшие размеры. Дом в Палотабожок, раскопанный Р. Пустаи[10], имеет размеры 4,5×3,4 *м*; он прямоугольный в плане, со скругленными углами. Печь находилась в северном углу (в Фенекпусте, видимо, в юго-восточном). Столбовые ямы прослежены вне дома.

На поселении Серенч-Хайдурет один дом имел прямоугольный план со скругленными углами[11]. Его размеры 220×300 *см*, пол прослежен на глубине 95 *см*, очаг — на краю дома.

На пос. Кишкёрёш Й. Чалог раскопал три дома — все однокамерные, немного углубленные в землю своими основаниями[12]. Один из них вскрыт полностью. Его размеры 235×285 *см*. Очаг расположен против входа.

Дом в Фенекпусте был частично стратифицирован поверх ямы той же баденской культуры. Вероятно, детальный анализ материала покажет определенные различия в составе находок в них.

Основные находки, сделанные в доме, в ямах и в культурном слое, керамические. Кроме фрагментов есть и целый сосуды или пригодные к реставрации (рис. 9). Найдены и костяные, и роговые изделия, и каменные шлифованные топоры.

Остеологические материалы были подвергнуты изучению на месте старшим научным сотрудником Музея (истории) сельского хозяйства Я. Матолчи. По его данным, в составе стада позднего медного века в Фенекпусте преобладал крупный рогатый скот, на втором месте стоял мелкий рогатый скот, на третьем — свинья. Охота играла лишь незначительную роль в экономике. Среди охотничьей добычи находятся благо-

---

[10] *Banner J.* Die Peceler Kultur.– AH, XXXV, Budapest, 1956, S. 129, Abb. 34.
[11] Ibid., S. 104. 105, Abb. 25.
[12] Ibid., S. 66.

Рис. 9. Фенекпуста, раскоп II. Глиняные черпаки. Баденская культура. III тысячелетие до н. э. Фото Х. Рац

родный олень, косуля, кабан, болотная птица. Интересно появление здесь нескольких костей лошади и присутствие особой мясной породы овец.

Восточная сторона дома была повреждена ямой, может быть, предримского или раннеримского времени. Яма имеет форму песочных часов: две ямы, одна над другой, соединенные узкой перемычкой. Нижняя часть нижней ямы была заполнена черной рыхлой землей, после чего в ней было произведено захоронение овцы с ягненком, черепа лошади и собаки одной взрослой, щенка 4—5 месяцев и 9 новорожденных щенков. Кости взрослой особи овцы и новорожденного ягненка лежали в анатомическом порядке; череп принадлежал крупной породе лошади, напоминающей римскую солдатскую лошадь, по определению Я. Матолчи. В области желудка собаки найден целый скелет рыбы. Кажется, что все животные были захоронены по периферии ямы, оставляя свободным ее центр (рис. 10). После того как нижняя яма оказалась засыпанной, верхняя, вероятно, была расширена, в результате чего затронуто баденское жилище, и в нижнюю часть верхней ямы сползли два крупных черепка от раздавленного баденского сосуда. Другие черепки от того же сосуда найдены наверху у края этой же верхней ямы наклоненными вниз.

Перемычка между верхней и нижней ямой была заполнена чередующимися слоями черной и желтой земли. Может быть, это признаки того, что яма долгое время была открытой и заполнялась только постепенно. В верхней части ямы лежали два черепа быка, череп овцы, панцирь и скелет черепахи и несколько костей крупного рогатого скота.

Вероятно, находки в яме являлись жертвоприношениями. Напомним, что скелет черепахи найден недалеко от Фенекпусты — в Вёрше, в лангобардской могиле[13]. К сожалению, не удалось датировать эту яму («I») точнее, чем постбаденским временем.

---

[13] *Sági K.* Das langobardische Gräberfeld von Vörs.– AAH, t. 16, 1964.

Рис. 10. Фенекпуста, раскоп II 1976 г. Яма «I». Скелеты овцы, ягненка и собаки, а также череп лошади (частично). В верхнем ярусе — скелет черепахи и два крупных керамических фрагмента. Фото Л. Шугара

В северной части II раскопа, лежащей ближе к городу римского времени, был открыт ряд могил, которые, судя по инвентарю и обряду искусственной деформации черепа (рис. 11), принадлежали восточным готам или аланам. Вероятно, мы натолкнулись здесь на южную границу особого могильника, простирающегося отсюда к стенам города. Погребальный обряд, использовавшийся в этом могильнике,— это вытянутые погребения на спине, головой на запад, с небольшими отклонениями. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти покоятся на тазе. Ямы очень узкие и во взрослых погребениях достигают 2 *м* длины.

На этом могильнике найдены только женские и детские погребения, но довольно богатые. В одном из них лежала серебряная с позолотой зооморфная пряжка (рис. 12, *1*), в другом — круглый в сечении серебряный браслет с утолщенными несомкнутыми концами, покрытыми орнаментом (рис. 12, *2*) и октаэдрические серебряные височные кольца (рис. 12, *3*, *4*).

По данным античных авторов, император Грациан поселил в 380 г. н. э. в Задунавье готско-аланскую группу, возглавляемую Алатеем и Сафраком, согласно Эггеру, именно в окрестностях Балатона. До сих пор готский могильник в Фенекпусте найти не удавалось, хотя определенные готские влияния в инвентаре позднеримских могил заметны. Видимо, могильник на баденском поселении является именно этим готско-аланским могильником конца V в.

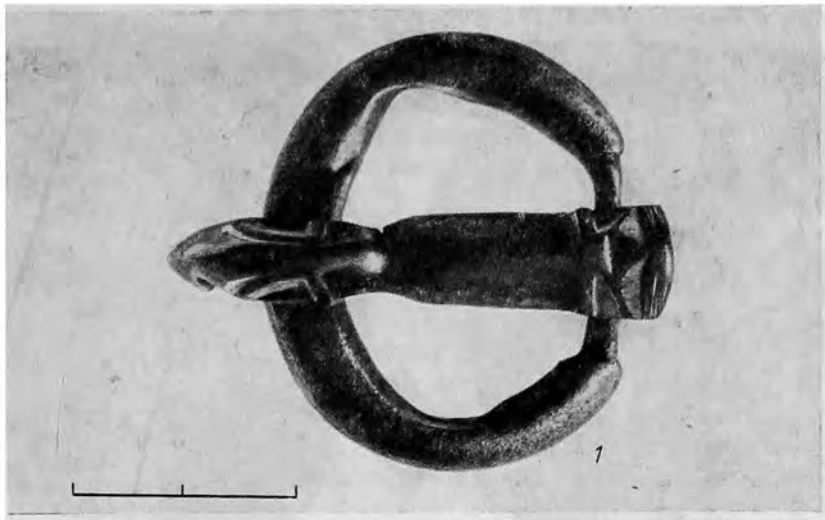
Рис. 11. Фенекпуста, раскоп II, 1976 г. Погр. 5 конца V в. н. э. Череп искусственно деформирован. Фото Л. Шугара

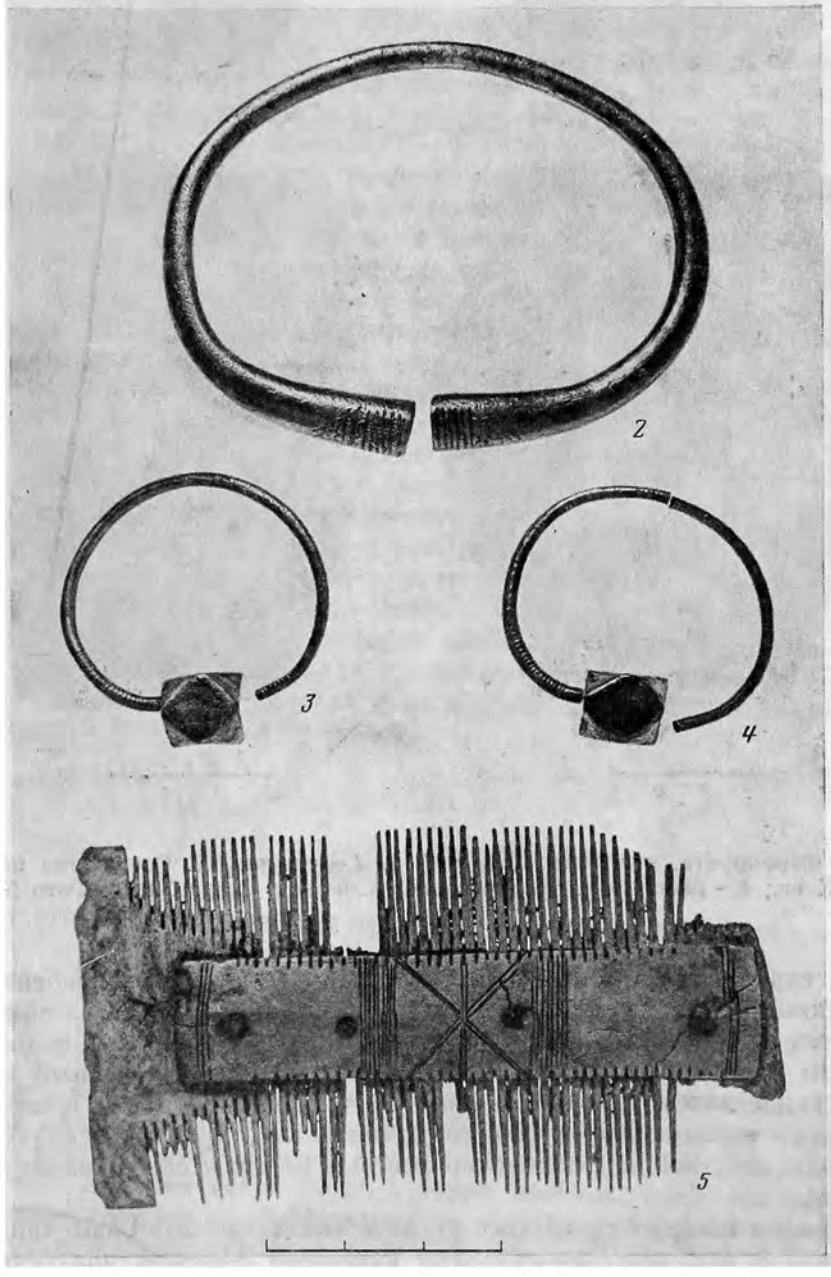
Внутри стен в 1976 г. был заложен всего один раскоп (VII) — в крайнем северо-восточном углу города, но здесь сразу же были обнаружены слои V в., а среди находок оказались кольчуга очень тонкой работы и густого плетения, октаэдрические серьги и фрагменты штампованной германской керамики. Тем самым слой, обнаруженный в этой части римского укрепления, относится к периоду Фенекпуста «С», по периодизации К. Шаги, который уже провел ряд сезонов раскопок в Фенекпусте, а в настоящее время принимает участие в работах Венгеро-Советской экспедиции.

Вдоль южной стены, ближе к ее юго-восточному углу, открыт и частично раскопан могильник IV—V вв. (раскоп III). Но на этом могильнике не наблюдалась непрерывность захоронений до VIII в. Здесь найдено 12 погребений, в которых представлены и арбалетные фибулы. Керамики в могилах также нет. Рядом с могильником и частично над ним появились следы поселения группы Балатон среднего медного века и раннего гальштадта.

Еще один могильник найден у этой же стены, но ближе к южным

Рис. 12. Фенекпуста. Раскоп II, 1976 г. *1* — погр. 5. Конец V в. н. э. Часть серебряной зооморфной пряжки со следами позолоты. Фото Х. Рац; *2—5* — погр. 3. Серебряный браслет с орнаментированными концами, височные кольца и гребень. Конец V в. н. э. Фото Х. Рац


1


2
3
4
5

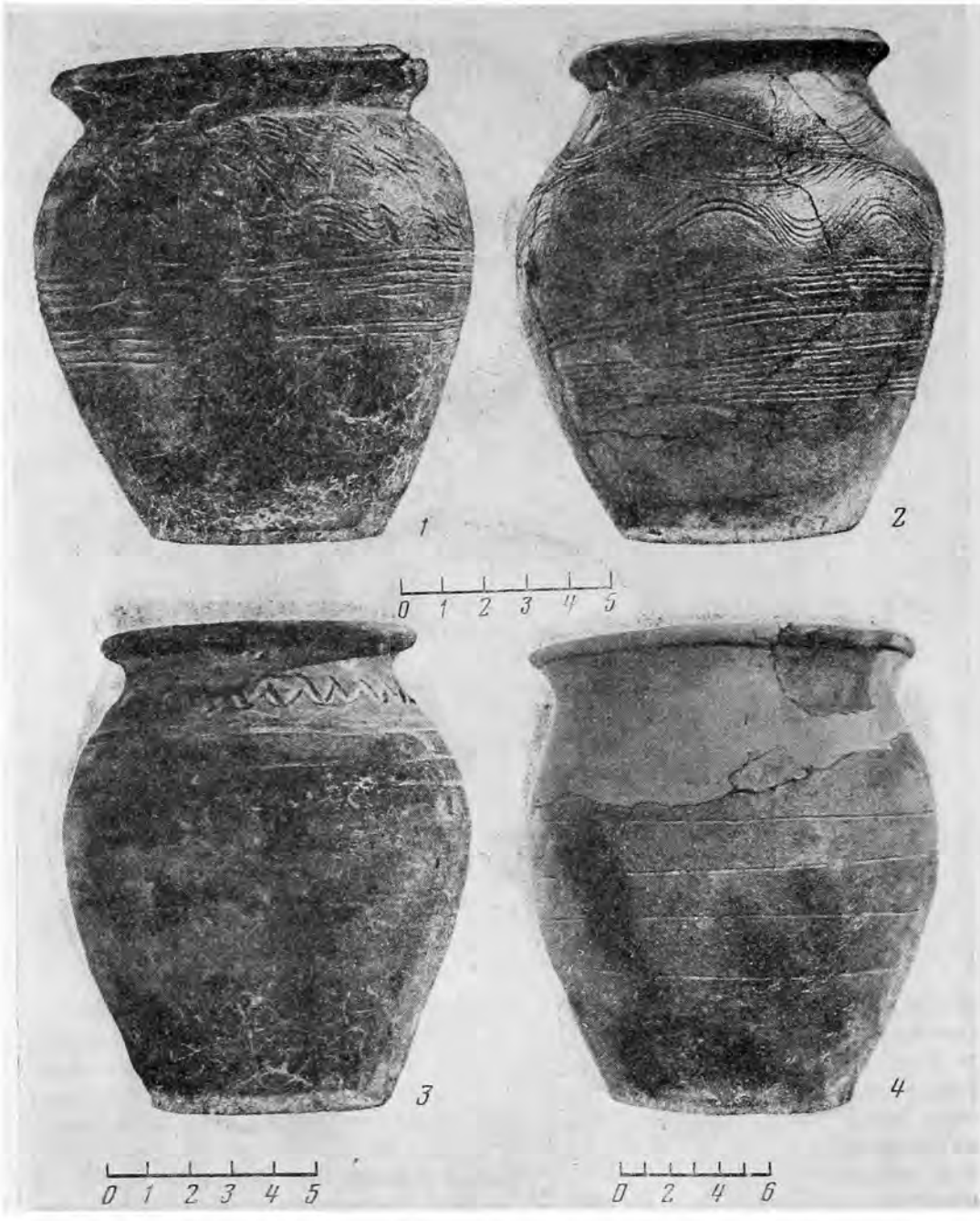


Рис. 13. Фенекпуста, раскопки 1976 г. *1*, *2*, *3* — раскоп VI. Сосуды из погребений IX–X вв.; *4* — раскоп IV. Средневековое с. Фенек. Сосуд XII в. Фото Х. Рац

воротам города (раскоп VI). На нем вскрыты четыре погребения IX в. Погребения были совершены головой на запад и вытянуты на спине. Почти во всех погребениях были найдены глиняные сосуды с волнистым и линейным орнаментом (рис. 13, *1—3*), а в одном — железный нож. Керамика свидетельствует о появлении в Фенекпусте в это время явного славянского компонента, и это не удивительно, принимая во внимание, что славянский Залавар находится всего в 12 *км* к северо-западу от Фенекпусты.

В 1,5 *км* к северу от римского укрепления давно были замечены археологами вал и ров, которые отделяют перешеек древнего полуострова. На

аэрофотосъемке хорошо видна прямая четкая линия древнего вала, простирающегося в длину до 1 *км*. В 1976 г. ров и вал были перерезаны в одном месте для выяснения их датировки. Ров имеет первоначальную глубину около 4 *м*, а вал в настоящее время доходит до 1,5 *м* высоты, а в древности был гораздо выше. Под валом найдены следы раннего римского поселения. В заполнении рва была встречена только римская керамика II—III вв. н. э.

В 2 *км* от Фенекпусты, к юго-западу, на двух холмах (а в древности островах на Малом Балатоне) находятся остатки средневекового с. Фенек, существовавшего до самого конца XVI в. На одном из холмов раньше вел раскопки А. Радноти. Здесь им было найдено небольшое римское укрепление и основание каменной церкви. На другом бывшем островке необходимо было провести раскопки спасательного характера. Там была обследована площадь в 500 $м^2$ и найдено несколько ям, а также группа из шести хлебных печей, располагавшихся на окраине древнего села. Печи имели глиняный свод, а их под был выложен фрагментами керамики XII в. (рис. 13, *4*).

Раскопки в Фенекпусте будут продолжены прежде всего в том месте, где обнаружен готско-аланский могильник, врезанный в баденское поселение, поскольку он представляет особый интерес. Будут продолжены и расширены раскопки могильника с погребениями IX—X вв. Конечно, и основной раскоп (I) с могилами IV—V и VI—VIII вв. будет все увеличиваться. Планируется также расширить раскопки внутри стен римского укрепления. Что касается первобытных памятников Фенекпусты, то исследования не ограничатся только позднеэнеолитическим баденским поселением, а будут распространены и на другие памятники неолита, энеолита и, может быть, бронзового века. Поиски ранненеолитического комплекса уже велись в 1976 г., и они будут продолжаться.

Кроме раскопок в юго-западной части Венгрии, в Фенекпусте предполагается расширить объем исследований, перенеся их также в юго-восточную часть страны, избрав там для раскопок одно из многослойных поселений типа телля. С этой целью в 1976 г. были предприняты разведки в областях Хайду-Бихар и Бекеш и осмотрен ряд теллей, в том числе Вестё-Магорхалом, Херпай, Сентпетерсег, два телля в Жака, Тисаполгар-Чёсхалом и др. Часть из них уже подвергалась раскопкам, но все эти раскопки имели ограниченный характер и изучали преимущественно вопросы стратиграфии памятников. Сделать попытку изучения телля как памятника большой площадью, обратив внимание на домостроительство, экономику, взаимоотношения телля и однослойных поселений в его окрестностях,— должно стать задачей этих будущих совместных исследований венгерских и советских археологов.

V. S. Titov, I. Erdélyi

THE FIRST RESULTS OF THE HUNGARIAN-SOVIET EXPEDITION IN HUNGARY

Summary

In 1975 the joint Hungarian-Soviet expedition was excavating two sites at the district Komarom: the early Avarian cemetery Csolnok and the settlement Bajót Hajmásret. Sixteen burials were excavated in Csolnok. A long sword with silver sheath-point, a battle knife, bone details of a bow and a quiver, a copper cauldron, beads and ear-rings, plates and buckles and clay unornamented vessels were found here. The cemetery in Csolnok is dated to the VIIth century A. D. In Bajót the most ancient finds are related

to the cultural group Zseliz (the end of the middle neolithic). Remains of a house with posts in its construction and pits with characteristic pottery (fig. 2), animals' bones and flint and obsidian artifacts were discovered. The most part of finds in Bajót relates to the Hallstatt epoch; the base of a small house with a line of posts along the main axis and a series of pits with large amount of pottery were found.

In 1976 the site Fenékpusta to the south from Keszthely was excavated. The main site here is a Roman fortified settlement (fig. 5). The main excavation grounds were to the south of the Roman walls. Large cemeteries, dated from the IVth till the Xth century A. D. are situated here. Among the finds of the IVth – Vth centuries are characteristic arbalest-shaped buckles (fig. 6), specific pins (fig. 7, 8). In the IXth — Xth centuries pottery with some Slavic features appears in the graves (fig. 13, 1—2).

The most interesting are the finds at the Baden settlement. The base of a typical subrechtangular house with rounded angles and posts in the corners was found here. A series of plummets was placed along the eastern wall of the house. Among pottery, scoops with high handles are characteristic (fig. 9). Especially interesting is one pit with the remains of sacrifices (skeletons of a sheep and a lamb, dogs, skulls of a horse and bulls, and also a skeleton and a test of a tortoise (fig. 10). The pit is related to the post-Baden period. The northern part of the Baden settlement was used in the Vth century as a cemetery, which differs from the ordinary cemeteries in Fenékpusta. A series of graves contained burials of people with artificially deformated skulls (fig. 11). Among the finds are zoomorphic buckle (gilded silver – fig. 12, 1), characteristic silver bracelletts and octahedrical e a r rings (fig. 12, 2—4). This cemetery could be possibly left by the Gotic-Alanian population.

A series of bread stoves of the XIIth century and pottery (fig. 13, 4) were found in 1976 at the medieval settlement Fenék.

Г. А. ЧЕРНОВ

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА РЕКАХ САНДИБЕЙЮ И КОЛВЕ

(Большеземельская тундра)

Впервые стоянки с микролитическими орудиями, на которых отсутствовали керамические изделия, были открыты автором в 1939 г. в Большеземельской тундре на р. Сандибейю [1]. В те далекие годы датировка археологических памятников указанного региона производилась на основании сопоставления их с материалами стоянок довольно отдаленных районов — Беломорья, Карелии, Нижнего Приобья, так как близлежащие районы Средней и Верхней Печоры, а также Тимана в археологическом отношении были белыми пятнами. Это породило неясность в определении возраста отдельных памятников: автор относил их к мезолиту, а М. Е. Фосс [2] и А. Я. Брюсов [3] — к значительно более позднему времени, II тысячелетию до н. э.

В последующие годы новые стоянки с микролитическим инвентарем были найдены на реках Адзьве [4], Усе и Средней Печоре [5] и Вычегде [6]. Позднее стоянки мезолитической эпохи были открыты В. И. Канивцом [7] на Средней Печоре и Усе, а на р. Ижме — В. Е. Лузгиным [8].

Однако мезолитические стоянки в бассейне р. Печоры единичны, в то время как в Большеземельской тундре их уже более трех десятков.

Собранный нами материал со стоянок на реках Сандибейю, Колве, Адзьве и Усе, хранящийся в музее антропологии МГУ, в последние годы был детально проанализирован В. И. Канивцом [9] и И. В. Верещагиной [10].

Проведенные исследования позволили И. В. Верещагиной считать инвентарь стоянки Сандибейю 1 типично мезолитическим, а время этого памятника ориентировочно отнести ко второй половине VI — началу V тысячелетия до н. э.

---

[1] *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на р. Колве, Колвавис и Сандибейю в Большеземельской тундре.– КСИИМК, № 9, 1941; *его же.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.– Тр. ТКИЧП, т. VII, 1948, с. 69–71.

[2] *Фосс М. Е.* Древняя история Севера Европейской части СССР.– МИА, 29, 1952, с. 143.

[3] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 143.

[4] *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы.– МАЕСВ, вып. I, 1962, с. 65.

[5] *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на Усе и Средней Печоре.– СА, 1964, № 1, с. 288.

[6] *Буров Г. М., Канивец В. И., Чернов Г. А.* Археологические памятники.– Атлас Коми АССР. М., 1964, карта № 106.

[7] *Канивец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе.– МАЕСВ, вып. IV, 1973, с. 3.

[8] *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972.

[9] *Канивец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе.– МАЕСВ, вып. IV, 1973, с. 3.

[10] *Верещагина И. В.* Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры.– МАЕСВ, вып. V, 1973, с. 3.

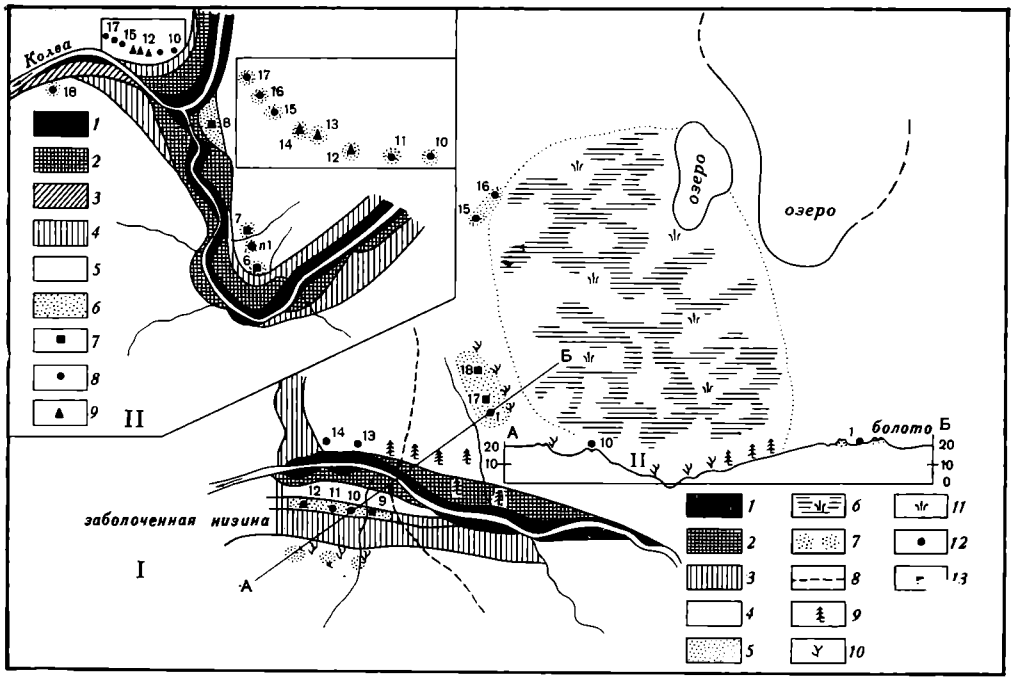


Рис. 1. I — расположение стоянок на р. Сандибейю, вблизи озера Небесохасырейты: *1* — пойма; *2* — первая надпойменная терраса; *3* — заболоченная низина; *4* — поверхность тундры; *5* — дюны; *6* — болото; *7* — яреи; *8* — оленья дорога; *9* — лес; *10* — кустарник, низкорослые березки; *11* — кустарник; *12* — мезолитические стоянки; *13* — стоянки эпохи средневековья. II — расположение стоянок на р. Колве и в низовье р. Сандибейю: *1* — пойма; *2* — первая надпойменная терраса; *3* — вторая терраса; *4* — третья терраса; *5* — поверхность тундры; *6* — яреи, *7* — стоянки, открытые в 1939 г.; *8* — стоянки периода мезолита; *9* — стоянки периода неолита

В 1975 г. при содействии Института археологии АН СССР автору была предоставлена возможность провести разведку на р. Сандибейю вторично. Снова была обследована стоянка Сандибейю 1 [11], кроме того, по обоим берегам р. Сандибейю обнаружено восемь новых мезолитических памятников (рис. 1, I). Еще 6 пунктов были зафиксированы на правом берегу р. Колвы, против устья р. Сандибейю (рис. 1, II, *10, 11, 15—18*).

Стоянки Сандибейю 9—12 находятся на левом высоком коренном берегу р. Сандибейю, несколько выше устья правого притока — р. Вочегшора и несколько ниже по реке от пересечения ее с оленьей дорогой (ворга). Здесь, на песчаной гряде, тянущейся вдоль берега, до 50 *м* шириной, располагаются целой цепочкой небольшие яреи со слабо развитыми по краям дюнами. Данная гряда к югу от тундры отделена небольшой заболоченной низиной до 100—150 *м* ширины. На бровке тундры, несколько выше песчаной гряды, есть также небольшие яреи и дюны, поросшие молодым березняком. Здесь стоянки обнаружены не были.

Сандибейю 9 находится в восточной части гряды, недалеко от оленьей дороги (рис. 1, I). Здесь, на ярее до 20 *м* в поперечнике, собрано: 18 кремневых отщепов, 19 ножевидных пластинок со следами употребления (мелкие зазубринки с одной стороны), 4 пластинки с ретушью (рис. 2, *12*; рис. 4, *10*), 3 резца (рис. 2, *13, 14, 15*), нож на отщепе и 2 скребка из отщепов (рис. 4, *11*; рис. 5, *16*). Кремень различного качества и цвета (серый, желтый) [12].

---

[11] *Чернов Г. А.* Мезолитическая стоянка Сандибейю 1.– СА. 1978, № 2.

[12] Автор благодарит за консультацию В. Ф. Старкова, ознакомившегося с коллекцией каменных орудий.

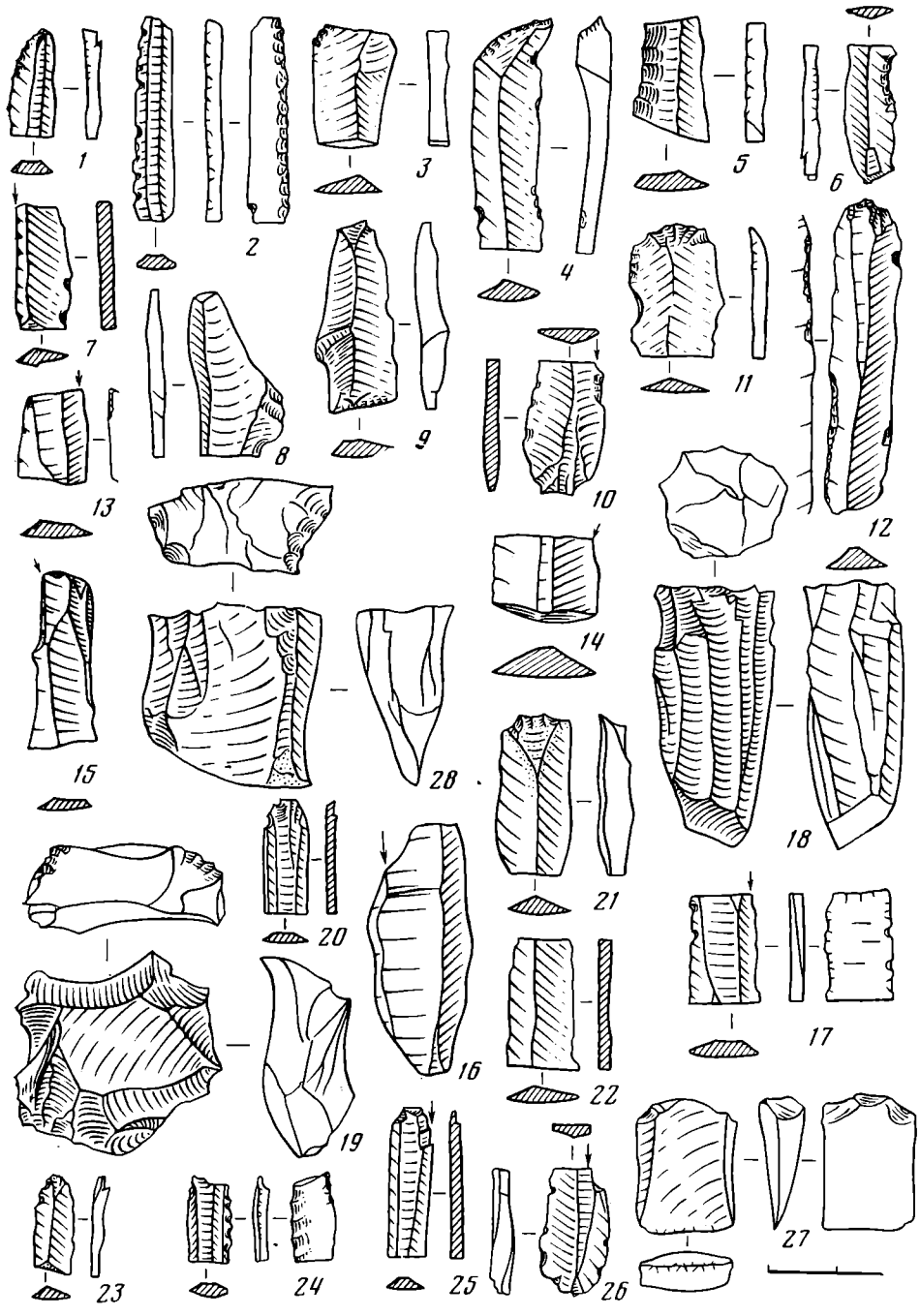


Рис. 2. Каменные орудия со стоянок на р. Сандибейю: *12*, *13*, *14*, *15* — стоянка 9; *1*, *3*, *9*, *16* — стоянка 10; *2*, *4*, *5—8*, *10*, *11* — стоянка 11; *28* — стоянка 12; *17*, *18*, *19* — стоянка 13; *20—27* — стоянка 14

Сандибейю 10 расположена к западу от предыдущей, несколько ниже небольшого ручья. На небольшом ярее было собрано: 1 кремневый отщеп со следами употребления, 4 ножевидные пластинки со следами употребления (рис. 2, *1*, *3*, *9*) и резец (рис. 2, *16*). Кремень желтого и красного цвета.

Сандибейю 11 находится в 100—150 *м* к западу от предыдущей. На двух расположенных почти рядом глубоких, частично задернованных яреях до 10 *м* в поперечнике собрано: 14 кремневых отщепов, 11 ножевидных пластинок (4 со следами употребления), 6 пластин с ретушью

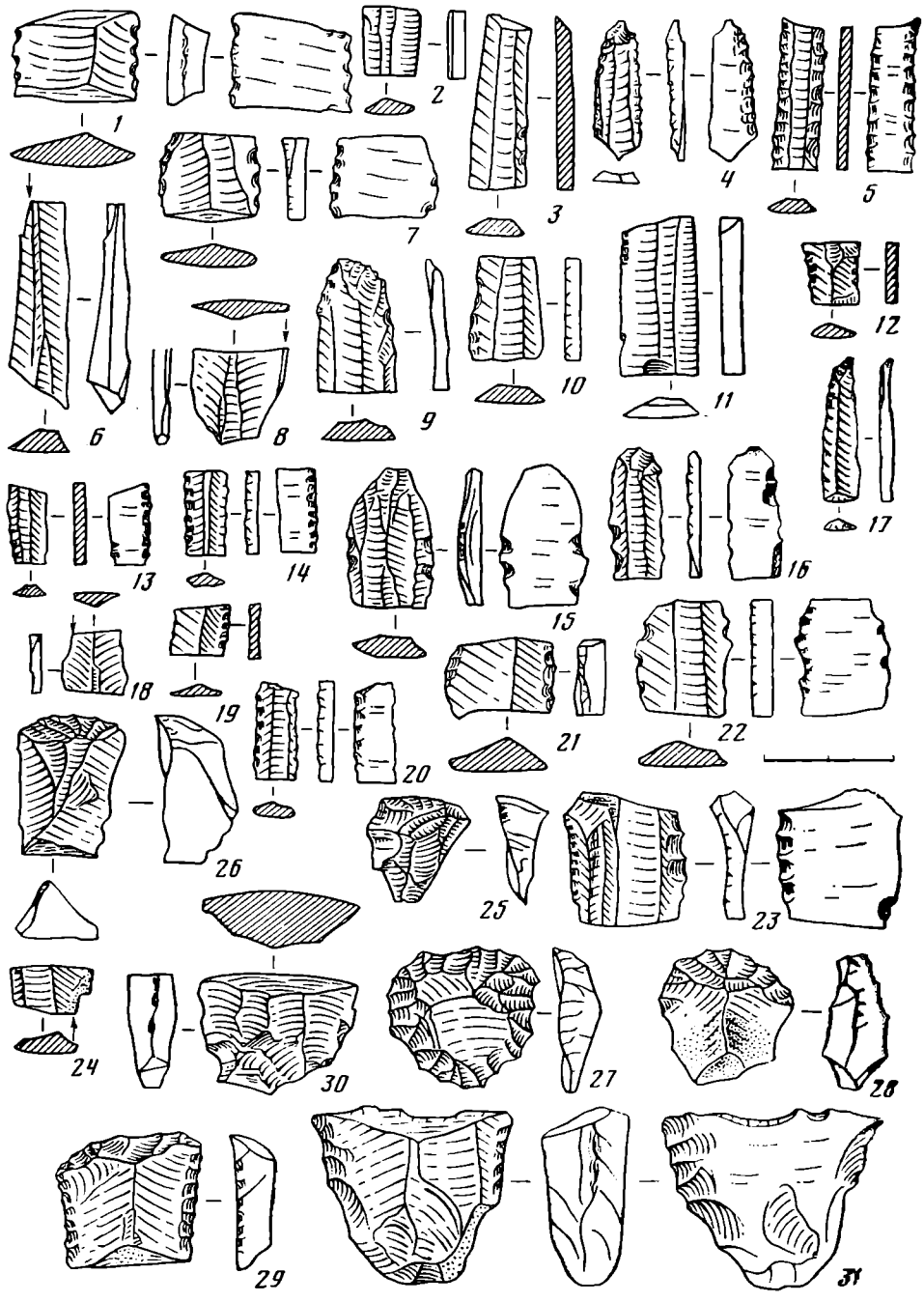


Рис. 3. Стоянки на р. Сандибейю: *1*, *2* — стоянка 14; *3—10* — стоянка 15; *11* — стоянка 16; стоянки на р. Колве: *12—31* — стоянка 10

(рис. 2, *5*, *8*), вкладыш (рис. 2, *2*), пластинка со скошенным концом (рис. 2, *4*), резчик (рис. 2, *6*), 3 резца (рис. 2, *7*, *10*) и скребок (рис. 2, *11*). Орудия сделаны из серого, темно-серого, желтого кремня и голубоватого халцедона.

Сандибейю 12 находится к западу от предыдущей и несколько выше устья р. Вачегшора. Здесь, также на частично задернованном небольшом и глубоком ярее, собрано: 13 кремневых отщепов, 2 ножевидные пластинки и обломок нуклеуса (рис. 2, *28*), сделанные из желтого кремня.

Стоянки 13—16 расположены на правом берегу р. Сандибейю, вблизи стоянки Сандибейю 1 (рис. 1, I).

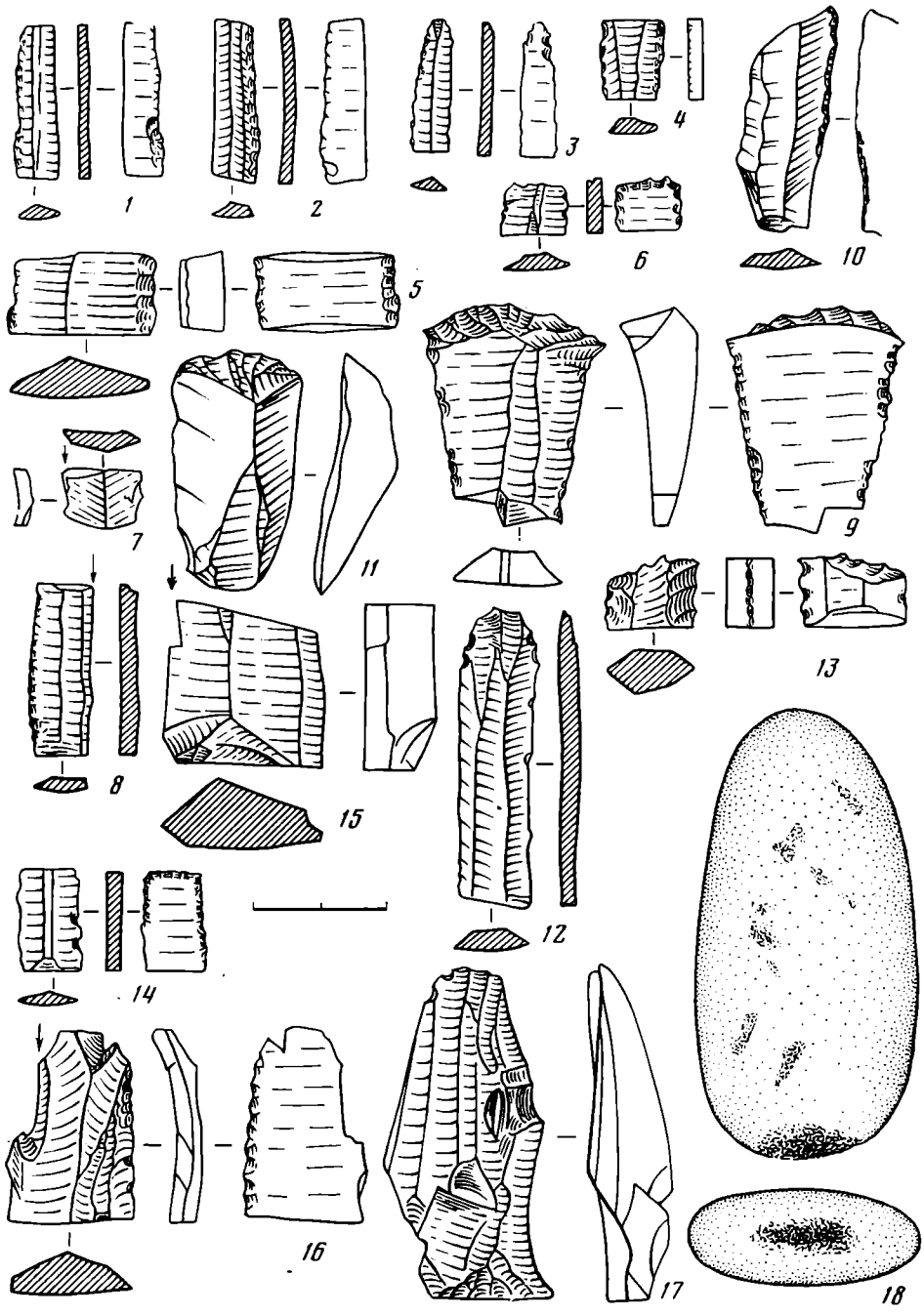


Рис. 4. Стоянки на р. Колве: *1—9*, *12* — стоянка 11; *13—18* — стоянка 15; на р. Сандибейю: *10*, *11* – стоянка 9

Сандибейю 13 находится примерно напротив стоянки 10. Здесь, на бровке тунды, на высоком берегу, сложенном сильноглинистыми песками, найдено: 10 кремневых отщепов, 2 ножевидные пластинки, резец (рис. 2, *17*) и 2 нуклеуса (рис. 2, *19*). Один из них конической формы (рис. 2, *18*), сделанный из желтоватого кремня.

Сандибейю 14 находится западнее стоянки 13, где также на глинистых песках, лишенных дерна, найдено: 51 кремневый отщеп, 7 ножевидных пластинок со следами употребления (рис. 2, *20—23*), 2 резца (рис. 2 , *25, 26*), маленькое долотце (рис. 2, *27*) и пластинки с ретушью (рис. 2, *24*; 3, *12*) . Орудия сделаны из желтоватого и серого кремня.

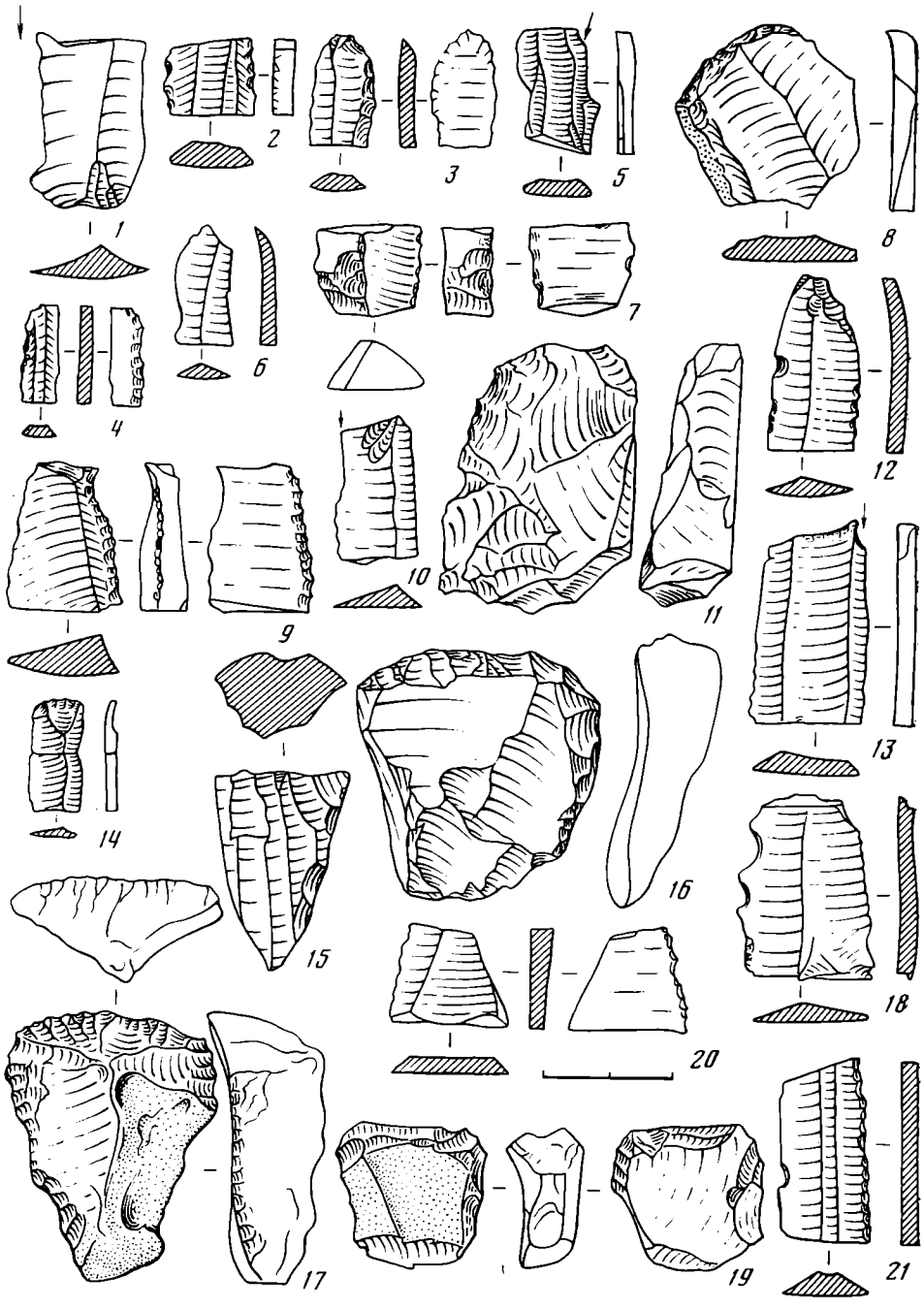


Рис. 5. Стоянки на р. Колве: *2*, *3* — стоянка 16; *4—7* — стоянка 17; *8*, *9—13* — стоянка 18; стоянки на р. Сандибейю: *1* — стоянка 6, пункт 1; *14*, *15* — стоянка 6, пункт 3; *18—20* — стоянка 8, пункт 3; *17*, *21* — стоянка 8, пункт 5; *16* — стоянка 9

Последние две стоянки были обнаружены на яреях с дюнами, они расположены в 550—600 *м* к северу от конца большого ярея стоянки Сандибейю 1 (рис. 1, I).

Сандибейю 15 находится в юго-западном конце песчаной возвышенности. На стоянке собрано 6 кремневых отщепов, 6 ножевидных пластинок (рис. 3, *3*), из которых 5 с ретушью (рис. 3, *4*, *5*, *7*, *9*, *10*), 2 резца (рис. 3, *6*, *8*). Кремень желтого и серого цвета.

Сандибейю 16 расположена на северо-западном конце дюнной гряды. Здесь найдена всего лишь одна ножевидная пластинка (рис. 3, *11*).

Вторая серия мезолитических стоянок была обнаружена на правом высоком берегу р. Колвы, несколько ниже устья р. Сандибейю (рис. 1, II). Здесь вдоль берега протягивается цепочка из небольших яреев, на которых был собран в 9 пунктах археологический материал разного возраста. В 6 пунктах найден мезолитический материал, а в трех — неолитический с керамикой [13].

Колва 10 [14]. На небольшом ярее до 15 *м* в поперечнике, в 100 *м* от начала эоловых песков, собрано: 150 кремневых отщепов, 9 обломков различных пород, 8 ножевидных пластинок с ретушью (рис. 3, *12—17*, *19—23*), 3 резца (рис. 3, *18*, *24*), 7 скребков (рис. 3, *25—29*) из черного однородного кремня, нуклеус из желтого кремня (рис. 3, *30*) и толстый отщеп с ретушью (рис. 3, *31*).

Колва 11 находится ниже по реке, в 110 *м* от предыдущей стоянки. На небольшом ярее собрано: 142 кремневых отщепа, 11 обломков горных пород, 7 ножевидных пластинок с ретушью из желтого кремня (рис. 4, *1—6*, *12*), 2 резца (рис. 4, *7*, *8*), 1 скребок (рис. 4, *9*) из темно-серого кремня и острие из желтого кремня.

Колва 15 находится в 350 *м* к западу от стоянки 11. Здесь на небольшом ярее было собрано 40 кремневых отщепов, 1 пластинка с ретушью (рис. 4, *14*), 2 резца из желтого и коричневого кремня (рис. 4, *15*, *16*), нуклеус (рис. 4, *17*), ретушер (рис. 4, *18*) и обломок изделия из светло-серого кремня неправильного ромбовидного сечения, вероятно, более позднего возраста (рис. 4, *13*).

Колва 16. В 50 *м* к западу от стоянки 15 на маленьком ярее найдено: 2 кремневых отщепа и 3 ножевидных пластинки со следами употребления и с ретушью (рис. 5, *2*, *3*) из серого кремня.

Колва 17. Здесь, также на маленьком ярее, собрано: 11 ножевидных пластинок (рис. 5, *6*), 2 пластинки с ретушью (рис. 5, *4*, *7*) и резец (рис. 5, *5*).

Колва 18 была обнаружена на левом берегу р. Колвы, несколько ниже по реке, в месте, где к ней близко подходит высокий коренной берег. На бровке последнего располагаются яреи до 2 *м* глубиной. На одном из них собрано: 38 мелких и 7 крупных кремневых отщепов, 2 ножевидные пластинки с ретушью (рис. 5, *9*, *12*), резец (рис. 5, *10*, *13*) и скребок (рис. 5, *8*) — все из желто-серого кремня.

Кроме вновь открытых мезолитических стоянок автором вторично были осмотрены некоторые старые памятники, обнаруженные еще в 1939 г. на р. Сандибейю. На этих стоянках встречались микролитические орудия, относящиеся, видимо, к мезолиту.

На стоянке Сандибейю 5, которая расположена на правом берегу р. Сандибейю, против устья ручья Митькеркаиель (рис. 1), было найдено: 10 кремневых отщепов, 12 ножевидных пластинок и скребок [15]. Здесь дополнительно было собрано: 40 мелких и 6 крупных отщепов, 18 ножевидных пластинок со следами употребления и с частичной ретушью, резец, ребристая пластинка и отщеп с острым краем и со следами употребления, служивший ножом. Цвет кремня серый, желтый и желто-серый.

Сандибейю 6 находится вблизи маленького ручья, где на левом его берегу располагаются дюны с глубокими котловинами выдуваемых и частично задернованных песков (рис. 1, II, рис. 7, пункт 1). В одной из них было собрано: 4 кремневых отщепа, 5 ножевидных пластинок, маленький скребок (рис. 5, *14*), резец (рис. 5, *1*), нуклеус конусовидной формы (рис. 5, *15*), скол от нуклеуса и прекрасный отбойник. Это оваль-

---

[13] *Чернов Г. А.* Новые археологические памятники на рр. Колве и Сандибейю.— МАЕСВ, вып. VII, 1978.

[14] Стоянка Колва 9 обнаружена еще в 1939 г. на левом берегу р. Колвы, в 5 *км* выше устья р. Сандибейю (*Чернов Г. А.* Археологические находки..., с. 82).

[15] *Чернов Г. А.* Археологические находки..., с. 77.

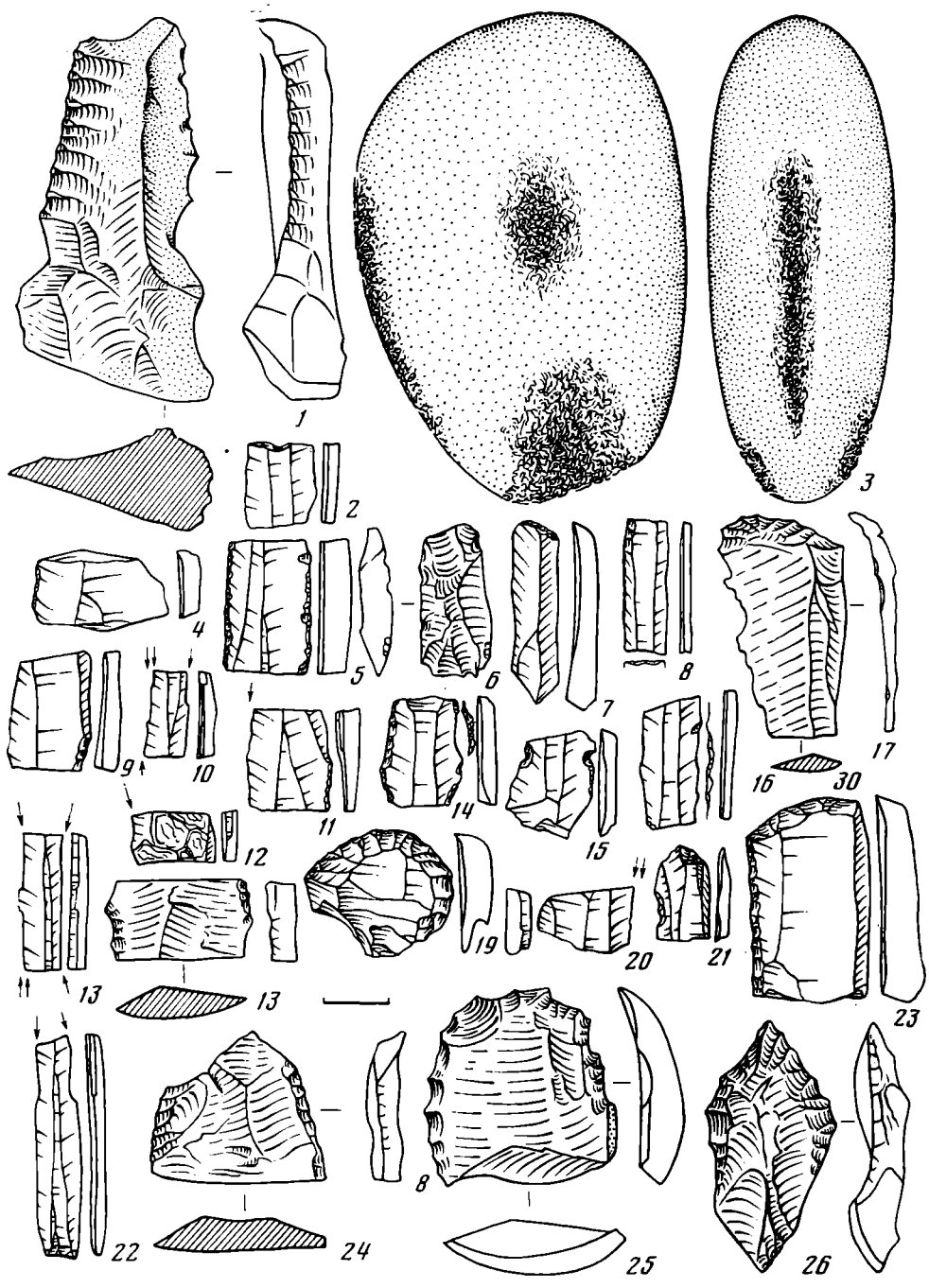


Рис. 6. Стоянки на р. Сандибейю: *3* – стоянка 6, пункт 1; *1* – стоянка 8, пункт 3; *2, 4, 5, 6* – стоянка 8, пункт 6; *7–26* – стоянка 8, пункт 7

ная плоская галька светло-желтого крепкого кварцита, служившая, видимо, и наковальней. Отбойник несет на себе следы длительного употребления (рис. 6, *3*).

Сандибейю 8 расположена у самого устья р. Сандибейю (рис. 1, II). Она была обнаружена А. В. Журавским в 1907 г.[16] и вторично открыта Г. А. Черновым в 1939 г.[17], собравшим археологический материал на большом ярее в нескольких местах как на единой стоянке. При обработке

[16] *Журавский А. В.* Результаты исследования Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 годах.– ИРГО, вып. I, т. 45, 1909.

[17] *Чернов Г. А.* Археологические находки..., с. 80.

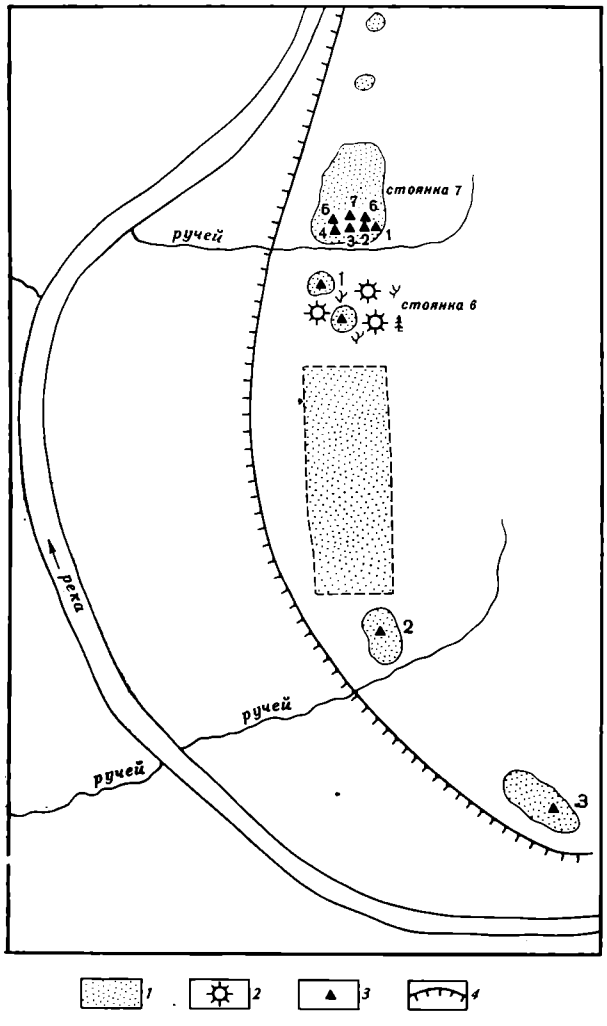


Рис. 7

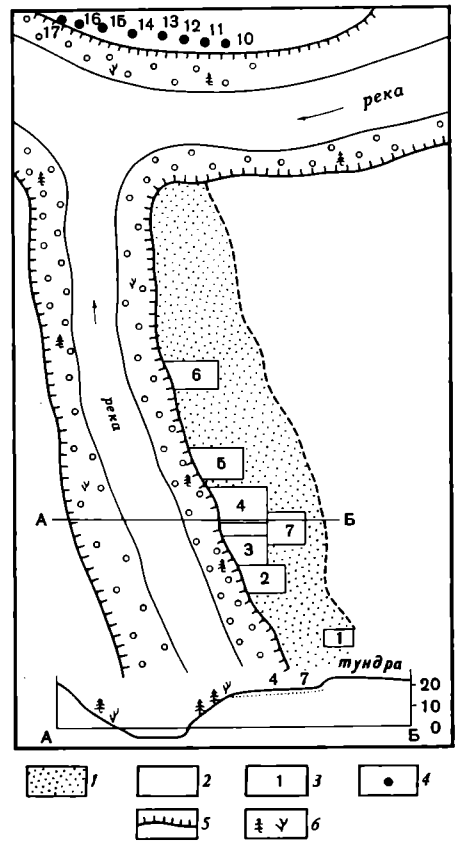


Рис. 8

Рис. 7. Схематический план стоянок 6 и 7 на р. Сандибейю: *1* — развеваемые пески (ярей); *2* — дюны, заросшие кустарником и редколесьем; *3* — места сборов каменных орудий и керамики; *4* — склон коренного берега

Рис. 8. Стоянка 8 на р. Сандибейю. План: *1* — развеваемые пески; *2* — поверхность тундры; *3* — номера пунктов; *4* — новые мезолитические и неолитические стоянки; *5* — крутые склоны берега; *6* — деревья и кустарник на пологом склоне берега

материала выяснилась его неоднородность. Вместе с ножевидными пластинками и орудиями из них здесь были изделия явно более позднего времени, что подтверждается присутствием керамики (фрагменты 15 сосудов с различным орнаментом).

При последнем обследовании указанной стоянки в пунктах 3, 5, 6 и 7 (рис. 8) наряду с кремневыми отщепами были собраны ножевидные пластинки и отдельные орудия из них.

В пункте 3 встречены ножевидные пластинки со следами употребления (рис. 5, *18—20*) и 2 скребка, один из крупного отщепа (рис. 6, *1*).

В пункте 5 встречены также пластинки со следами употребления, пластинка с мелкой ретушью (рис. 5, *21*) и скребок из толстого отщепа (рис. 5, *17*).

В пункте 6 среди пластинок имеются экземпляры со следами употребления (рис. 6, *2, 4*) и с ретушью (рис. 6, *5*). Здесь же найдено маленькое долотце (рис. 6, *6*).

В пункте 7 кроме ножевидных пластинок со следами употребления (рис. 6, *7—9*) обнаружены пластинки с мелкой ретушью (рис. 6, *14—16*),

Инвентарь мезолитических стоянок на реках Сандибейю и Колва

Стоянки	Сандибейю														Колва						Общее количество
	5	6п1	8п3	8п5	8п7	9	10	11	12	13	14	15	16	8п6	10	11	15	16	17	18	
Отщепы	56	4				18	1	14	13	10	51	6			150	142	40	2		48	553
Отщепы с ретушью					2		1								1						4
Ножевидные пластинки	12	5	4	2	11	10	2	11	2	2	3	2		5				3	11		85
Пластины со следами употребления	7		2	3	8	9	4	4			7		1	3			1	1	2	1	53
Пластины с ретушью	11			1	2	4		6			2	4			8	7	1	3	2	2	53
Нуклеусы		1			1				1	2					1		1				7
Сколы от нуклеусов	1	1																			2
Отбойники		1																			1
Ретушер					1												1				2
Пластинка с выемкой	1				1			1				1		1	1						6
Резец	1	1			6	3	1	3		1	2	2			3	2	2		1	1	29
Резчик								1													1
Скобель								1													1
Вкладыш					2																2
Скребок из ножевой пластины		1						2													3
Скребок из отщепа	1		2		3	2									7	1			1	1	18
Острие								1								1				1	3
Нож	1				1	1															3
Долотцо											1			1							2
Ребристая пластинка	1																				1

6 резцов (рис. 6, *10—13, 20, 22*), 2 скобеля (рис. 6, *18, 21*), 3 скребка на отщепах (рис. 6, *17, 19, 24*), один на плоском отщепе с ретушью на конце и по краю (рис. 6, *23*), отщеп с ретушью (рис. 6, *25*), маленький кремневый ретушер (рис. 6, *26*) и большая плоская кремневая пластинка (отщеп) с острым краем со следами употребления и с отломленным кончиком, видимо, служившая ножом.

В пунктах 1, 2, 4 данной стоянки каменный материал представлен более поздними орудиями, поэтому они здесь не приводятся.

Собранные микролитические орудия в новых пунктах по рекам Сандибейю и Колве, как мы видим, немногочисленны, но с полной уверенностью можно говорить о тождестве их с орудиями стоянки Сандибейю 1. Во всех этих пунктах отсутствует керамика, а сами орудия составляют аналогичный комплекс и имеют одну и ту же технику обработки. На основании анализа каменного инвентаря можно предположить, что бассейн Колвы был обитаем уже в мезолитическое время. Совершенно очевидно, что древний человек мог попасть на р. Сандибейю только с юга, вверх по р. Колве.

Ниже устья р. Сандибейю на р. Колве нет эоловых образований, поэтому этот огромный участок реки остался неисследованным. Но мы не сомневаемся, что и здесь при первых же разведках стоянки будут обнаружены.

Незначительный микролитический материал, собранный вблизи богатой стоянки Сандибейю 1, указывает скорее всего на временное посещение этих мест жителями «поселения» Сандибейю 1.

Стоянки же с аналогичным материалом, обнаруженные далеко от Сандибейю 1, являются, очевидно, самостоятельными и разновременными.

Обнаруженная у устья р. Сандибейю стоянка 8, где были собраны микролитические орудия, безусловно, свидетельствует о том, что это удобное для поселения место было обжито человеком и в мезолитическую эпоху. Отчасти это подтверждается стоянками с микролитическим инвентарем на правобережье р. Колвы, против устья р. Сандибейю (рис. 1, II, стоянки 10—18).

G. A. Chernov

NEW MESOLITHIC SITES AT THE RIVERS SANDIBEIYU AND KOLVA (BOLSHEZEMELSKAYA TUNDRA)

Summary

During repeated archaeological survey in 1975 at the rivers Sandibeiyu and Kolva in the central part of the Bolshezemelskaya tundra new mesolithic sites were discovered. At the river Sandibeiyu at eight sites and at six sites at Kolva 78 blades, 55 used blades, 7 cores and two flakes obtained from these cores, two retouchers, 41 blade with retouched sides, 5 grooved blades 23 burins, 3 end scrapers on blades, one point, 2 knives, 2 chizels and 17 scrapers made on flakes were found. The whole set of flint tools, made of blades is absolutely similar to the tools from the large site Sandibeiyu I, discovered in 1939 and surveyed in detail in 1975, where the postswiderian arrow-heads, dated to the VIth – Vth millenia B. C. were found. The small inventories of the new mesolithic sites refer accordingly to the same first settlers, which inhabited the site Sandibeiyu I for a long period of time.

Л. Б. КИРЧО

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ АЛТЫН-ДЕПЕ

Предпринятое за последние два десятилетия широкое изучение эпохи бронзы Средней Азии привело к резкому увеличению количества памятников, открытию новых культур, качественно изменило представления о характере и уровне развития целых регионов. В связи с этим первостепенную важность приобрела максимально полная систематизированная публикация материалов. Часть из них совсем недавно вошла в научный оборот [1]. Но почти неопубликованными и малоисследованными остаются материалы древнейшей, наиболее высокоразвитой и оказавшей влияние на всю Среднюю Азию цивилизации — культуры эпохи бронзы Южной Туркмении. Особенно слабо изучены массовые материалы времени Намазга IV—VI. Настоящая работа посвящена публикации и предварительной систематизации металлических изделий Алтын-депе, выделению некоторых специфических черт южнотуркменистанского очага металлообработки и установлению культурных и хронологических связей комплекса.

История изучения металлообрабатывающего производства Южной Туркмении сравнительно коротка. Общие сведения о металлических изделиях содержатся в работах археологов, посвященных раскопкам тех или иных памятников [2].

Е. Н. Черных впервые дал характеристику химического состава анауского металла и приемов металлообработки [3].

Специальная сводная публикация металлических изделий эпохи энеолита и бронзы Средней Азии остается пока единственной [4]. Благодаря

---

[1] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, Ташкент, 1977; *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.).– ТХЭ, X. 1977; *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы САЭ 1969–1974 гг. М., 1977.

[2] Explorations in Turkestan. Ed. by R. Pumpelly, v. I, II. Washington, 1908; *Ганялин А. Ф.* Погребения эпохи бронзы у с. Янги-Кала.– ТЮТАКЭ, VII, 1956; *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы.– Там же; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.– МИА, № 73, 1959; *его же.* Кара-депе у Артыка.– ТЮТАКЭ, X, 1961; *его же.* Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении.– САИ, вып. Б3–8, II, М., 1962; *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.– САИ. вып. Б3–8, I, М., 1963; *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы.– КСИА АН СССР, № 98, 1964; *его же.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.– САИ, вып. Б3–8, IV, М., 1965; *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии.– СА, 1967, № 3; *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959–1961 гг. на Алтын-Тепе.– СА, 1967, № 4; *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении.– САИ, вып. Б3–8, III, М., 1969; *Массон В. М.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г.– МЮТАКЭ, № 3, 1970.

[3] *Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.– КСИА АН СССР, № 91, 1962.

[4] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.– САИ, вып. В4–9, М., 1966.

огромному количеству собранного материала и привлечению широчайших аналогий работа Е. Б. Кузьминой стала ценным источником, а основные выводы и обобщения не утеряли своего значения и по сей день. Сама классификация, хотя и имеющая свои недостатки, объясняемые спецификой материала — единичностью и случайностью находок большинства вещей, хорошо согласуется с классификациями изделий Древнего Востока и с небольшими изменениями успешно служит основой публикации и анализа новых комплексов.

Важное значение для исследования металлообработки Средней Азии имеет работа Н. Н. Тереховой [5], которая на основе металлографического и химического изучения почти всех имеющихся металлических изделий эпохи энеолита реконструировала приемы древних мастеров, характеризующие высокий уровень и техническое совершенство металлургии и металлообработки и выделила три этапа развития их в Южной Туркмении.

Еще несколько небольших статей [6] были посвящены публикации химического состава металла анауских изделий.

Систематические раскопки крупного памятника эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе позволяют впервые охарактеризовать металлообработку эпохи бронзы Южной Туркмении. Алтын-депе, расположенный в 5 *км* к югу от сел. Миана, представляет собой массив оплывших холмов высотой до 22 *м* над окружающей равниной. Общая толщина культурных наслоений превышает 30 *м*. Поселение основано не позднее периода Намазга I и в своих основных границах сложилось в период Намазга III [7]. Наиболее широким раскопкам подвергались три верхних строительных горизонта поселения — слои периода Намазга V, стратиграфически (шурфы, траншеи, стратиграфический раскоп 5 площадью 400 $м^2$) изучались слои периода Намазга I—IV [8]. В период Намазга V Алтын-депе представлял собой раннегородской центр древневосточного типа, характеризующийся высоким экономическим уровнем: высокоразвитым земледелием и скотоводством; специализированным ремеслом — гончарством (квартал гончаров) [9], металлообработкой и обработкой камня; высокой строительной техникой как жилых («дом вождя»), так и культовых сооружений (монументальный храмовый комплекс), далеко зашедшей социальной дифференциацией и развитым обменом с обществами Северного Ирана и хараппской цивилизацией [10].

Вопрос о металлообработке Алтын-депе является наименее изученным в связи с отсутствием надежных остатков производственных сооружений и орудий металлообработки — горнов, тиглей, льячек и т. д. Немногочисленные находки медных и свинцовых шлаков и несколько орудий типа отбойников или дробилок, изготовленных из кусков руды с высоким содержанием свинца [11], не позволяют с уверенностью судить о наличии на Алтын-депе специализированных литейных и кузнечных мастерских. Основным источником для изучения металлообработки эпохи бронзы остаются сами медные и бронзовые изделия.

На Алтын-депе получена довольно значительная коллекция металлических изделий и их обломков. Сохранность металла плохая, все изделия

---

[5] *Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.– В сб.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

[6] *Наумов Д. В.* Химический состав металлических предметов некоторых памятников Южного Туркменистана.– КД, II, 1968; *его же.* Химический состав некоторых бронзовых предметов Южного Туркменистана.– КД, III. 1970.

[7] *Массон В. М.* Алтын-депе в эпоху энеолита.– СА, 1977, № 3, с. 181, 182.

[8] Там же, с. 176–183.

[9] *Масимов И. С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане (по материалам раскопок поселения Алтын-репе). Ашхабад, 1976.

[10] *Массон В. М.* Протогородская цивилизация...; *его же.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г.; *его же.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе.– СА, 1974, № 4; *Кнышев В. И.* Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе.– КСИА АН СССР, № 127, 1971.

[11] Визуальное определение, химический анализ не проводился.

сильно окислены и почти не сохранили металлической части. Источником нашей работы послужили 122 определимых изделия. В это число не включены печати-амулеты, заслуживающие специального исследования. Отметим только, что все металлические печати изготовлены литьем по восковой модели и имеют в своем составе до 15% свинца и серебра.

Большая часть материала происходит из заполнения разрушенных помещений и с поверхности холма — это вещи либо утерянные, либо сломанные и выброшенные в древности. 28 предметов — ножи, украшения и сосуды — найдены в погребениях и кладе 2. Причем металлические изделия входили в основном в состав инвентаря индивидуальных захоронений: погр. 4 — нож и сосуд [12]; погр. 109 — стержень с головой козла [13]; погр. 252 — нож-лопаточка, шило, стержень с утолщением на конце, зеркало и два височных кольца [14]; погр. 296 — нож и стержень с утолщением на конце [15]. В погребальных камерах же встречены только кольца и серьги, т. е. украшения, которые постоянно носились при жизни. В состав клада 2 входили зеркало, стержень, флакон и три височных кольца [16].

Основные раскопы на Алтын-депе расположены: раскоп 1 (стратиграфический) — край «холма ремесленников», раскоп 5 (стратиграфический) — «холм-стены», раскоп 7— небольшое всхолмление на восточном краю «холма вышки», раскоп 8 — «холм меди», раскоп 9 и раскоп «вышки» — «холм вышки», раскоп 10 — «холм ремесленников», раскоп 11 — всхолмление между «холмом вышки» и «холмом камер» и раскоп 13 — восточная часть центральной площади. Причем раскоп 9 вскрыл жилой квартал знатных горожан, раскопы 5, 8, 13 — кварталы средних слоев населения, раскоп 10 — квартал гончаров, а раскоп — 7 — культовый комплекс.

В исследуемой коллекции к энеолитической эпохе относятся пять изделий.

Из слоя периода Намазга II происходит тесловидное орудие трапециевидных очертаний с линзовидным поперечным сечением (рис. 1, *3*). Орудие найдено в XI ярусе шурфа раскопа 11, лезвие его слегка скошено; черешок-насад, подпрямоугольный в сечении, обломан.

Из слоев периода Намазга III происходят обломок подпрямоугольного в сечении шила, найденного в третьем слое шурфа 2, и инвентарь погребений 295—296 в круглой погребальной камере слоя Алтын 10 раскопа 1. Черешковый двулезвийный нож с линзовидным поперечным сечением (рис. 1, *1*) найден среди костей барана. Клинок листовидный, удлиненный (длина 12,5, наибольшая ширина 2,3 *см*), плечики опущены; черешок-насад плоский, лезвия клинка сильно сточены. В левой руке погребенной был зажат круглый в сечении стержень (диаметр 0,5 *см*, длина 19 *см*) с утолщением на конце и навершием-лопаточкой (рис. 1, *2*). В заполнении камеры был найден обломок конца клинка еще одного двулезвийного ножа.

Несколько более полно представлены изделия периода Намазга IV, которому соответствуют слои Алтын 4—8. В слое Алтын-4 раскопа 7 найдены миниатюрное зубило, подквадратное в сечении, с округлым лезвием и плоской пяткой (рис. 1, *4*), и обломок квадратного в сечении шила. В слое Алтын 7 раскопа 1 найдена круглая в сечении игла с просверленным и частично обломанным ушком (рис. 1, *5*) и крючок из квадратной в сечении проволоки, без бородки, с отогнутым наружу петлей верхним

[12] *Массон В. М.* Протогородская цивилизация..., с. 168, 169, рис. 2, *1*, *2*. Нумерация погребений – сплошная по всему Алтын-депе.

[13] *Масимов И.* Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе.– КД, III, 1970, с. 61, 62, рис. 19, *1*.

[14] *Массон В. М.* Продолжение раскопок на Алтын-депе.– АО – 1973. М., 1974, с. 510.

[15] *Массон В. М.* Алтын-депе в эпоху энеолита, с. 169, 170.

[16] *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг...., с. 216, рис. 6, *5*, *21*. *23*.

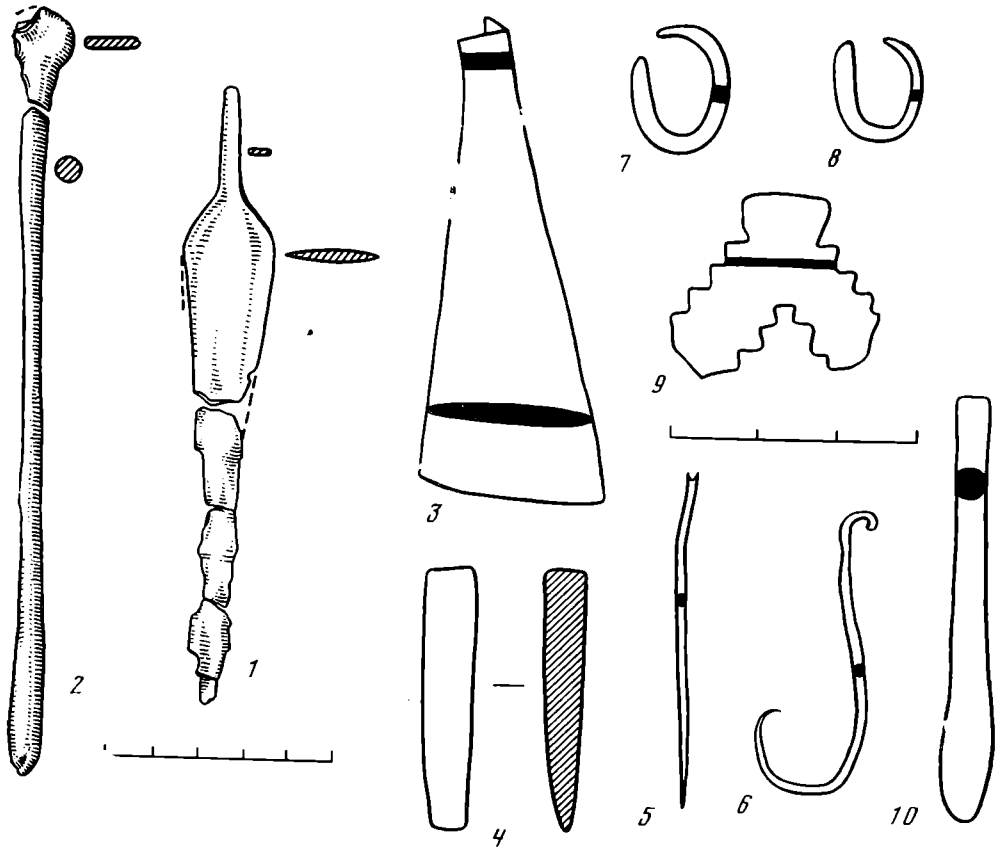


Рис. 1. Металлические изделия периода Намазга II—IV

концом (рис. 1, *6*). Две округлые серьги с несомкнутыми концами (рис. 1, *7*, *8*) входили в инвентарь погребальной камеры-помещения 47 слоя Алтын 4 раскопа 5. Одна из них найдена у височной кости погребения, вторая — в заполнении камеры. Серьги согнуты из слегка расплющенной, круглой в сечении проволоки, один конец которой приострен, а второй закруглен. Из слоя Алтын 5 на раскопе 5 происходят обломок нижней части стержня с утолщением на конце (рис. 1, *10*) и тонкая пластинка в виде двойной ступенчатой пирамиды (рис. 1, *9*), возможно навершие или вставка-инкрустация.

Основная часть материала происходит из кроющего слоя холма, относящегося к периоду Намазга V, и разделяется на четыре класса: орудия труда, украшения, сосуды, стержни неизвестного назначения.

Орудия труда представлены тремя основными группами — рубящие, прокалывающие и режущие. В группу рубящих отнесены орудия, рабочая лезвийная часть которых расположена перпендикулярно по отношению к длинной оси орудия. И поскольку способ крепления и положение рукояти неизвестны, то интерпретация орудий как тесел и зубил в какой-то мере условна.

Тесла представлены двумя типами: I — массивные, с расширяющимися гранями и слегка изогнутым лезвием и II — с цапфами. Все тесла происходят с поверхности холма.

К I типу относятся два обломка лезвийных частей орудий. Один из них имеет почти прямое, сточенное и затупленное лезвие (рис. 2, *1*), лезвие другого тесла — округлое (рис. 2, *2*).

II тип — тесло с цапфами (рис. 2, *3*) — найдено в единственном экземпляре, подробно описано Е. Е. Кузьминой [17].

[17] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 17, табл. IV, *9*.

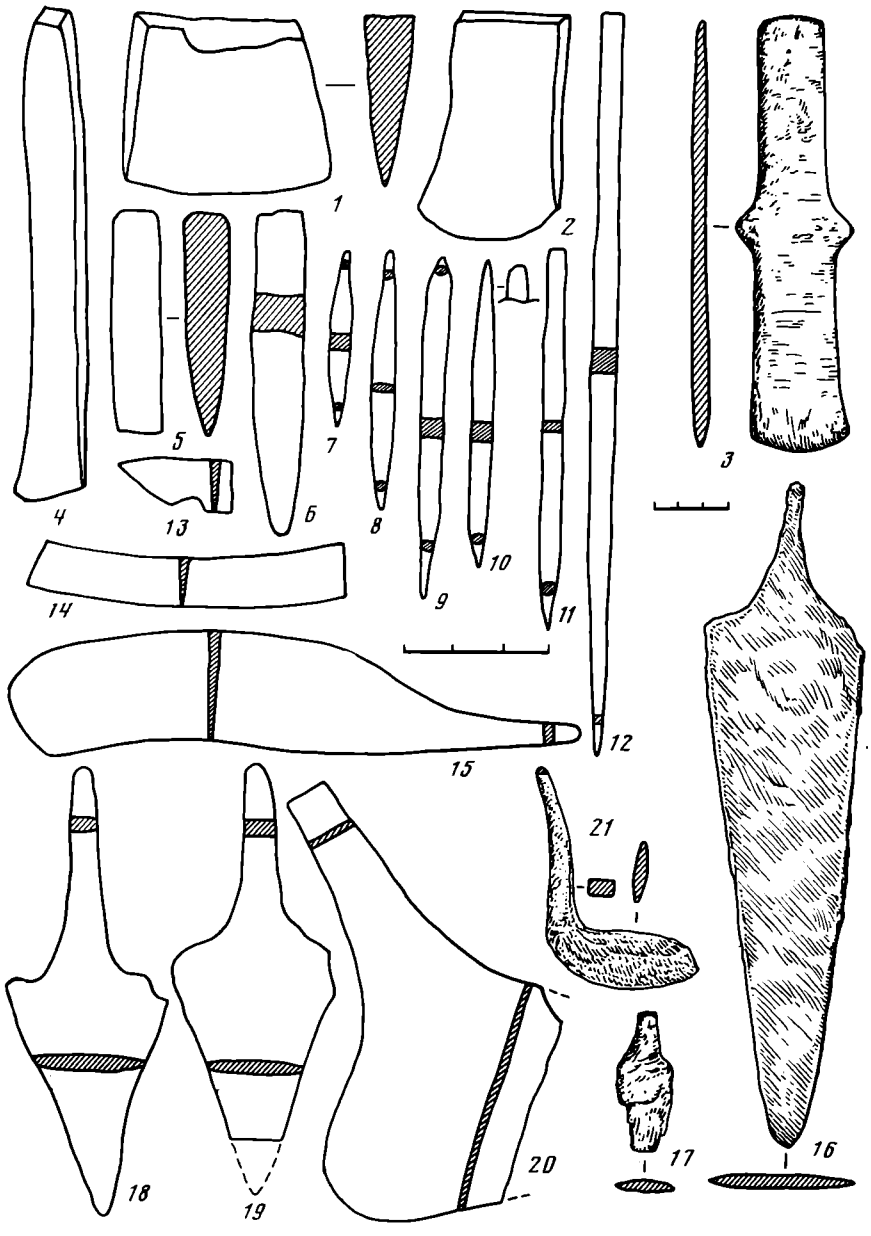


Рис. 2. Орудия труда периода Намазга V

Зубила представлены двумя основными типами: I — короткое, с параллельными гранями, подпрямоугольное в сечении, с округлым лезвием и уплощенной пяткой и II — удлиненное, подквадратное в сечении, с округлым лезвием и уплощенной пяткой.

Целое зубило I типа (рис. 2, *5*), найденное на раскопе 10,— массивное, довольно короткое, длина 4,5 *см*, сечение 1×1 *см*; лезвие почти прямое, сильно сточенное. Два обломка лезвийных частей аналогичных орудий найдены на поверхности холма, лезвия их более округлые и немного скошенные.

Зубило II типа (рис. 2, *4*), представленное единственным экземпляром с поверхности холма, имеет округлое, чуть скошенное лезвие; удлиненное (длина 9,5 *см*) тело орудия плавно сужается в верхней части к плоской квадратной пятке.

Прокалывающие орудия — пробойник, шилья и их обломки — наиболее многочисленны (29 экз).

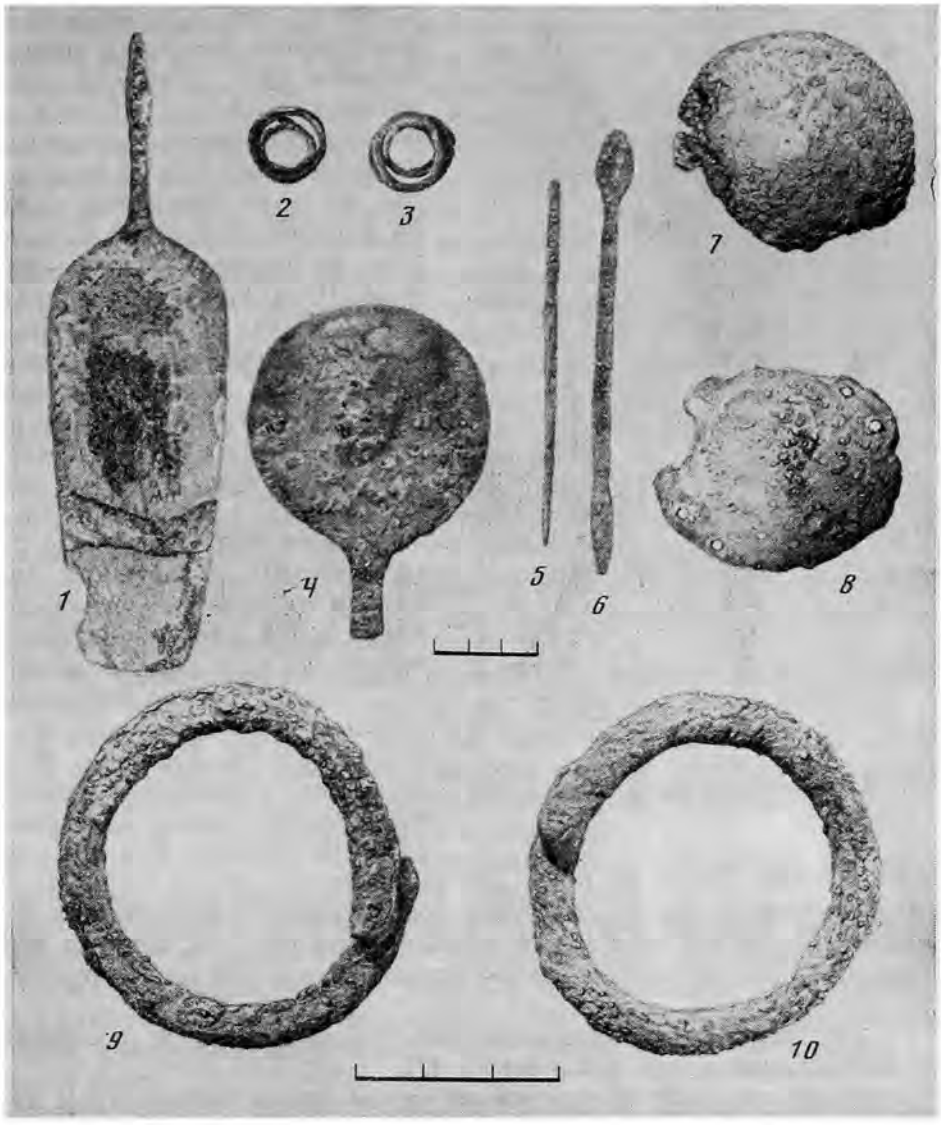


Рис. 3. Металлические предметы из погребений времени Намазга V

Пробойник представлен одним чрезвычайно массивным экземпляром (рис. 2, *6*). Орудие подпрямоугольное в сечении (0,7×1 *см*), сравнительно короткое (длина 6,5 *см*), с прямой плоской пяткой. Найдено в одном помещении вместе с зубилом I типа на раскопе 10. Кроме того, еще пять обломков массивных подпрямоугольных в сечении орудий типа зубил или пробойников были найдены: один — на раскопе 5, три — на раскопе 8 и один — на поверхности холма.

Шилья встречены трех типов: I — шилья обоюдоострые, подпрямоугольные в сечении, II — шилья односторонние, подквадратные в сечении, с плоским насадом, III — шилья односторонние, круглые в сечении.

Шилья I типа — три целых экземпляра и четыре частично обломанных — представляют собой подквадратный (рис. 2, *7, 9*) или, реже, овальный в сечении (рис. 2, *8*) стержень, оба конца которого приострены и могли служить рабочими, иногда один из концов сильно вытянут в виде жальца (рис. 2, *9*). Шилья I типа найдены: одно — на раскопе 5, одно — на раскопе 8, два — на раскопе 9 и три — на поверхности холма.

Единственный экземпляр шила II типа найден при расчистке южных ворот поселения (раскоп 8). Шило квадратное в сечении (0,4×0,4 *см*,

Рис. 4. Двулезвийные ножи Алтын-депе

длина 6,5 *см*), с уплощенным прямоугольным в сечении черешком-насадом (рис. 2, *10*). 13 обломков четырехгранных в сечении шильев, которые могут быть фрагментами шильев I или II типа, найдены: два — на раскопе 5, четыре — на раскопе 8 (рис. 2, *11*), четыре — на раскопе 9, один — на раскопе 10 и три — на поверхности холма. В эту же группу по формальным соображениям входит с раскопа 9 и длинный стержень с одним приостренным, а другим обломанным концом (рис. 2, *12*).

Шилья I и II типа, видимо, вставлялись в костяную или деревянную рукоять. Подобные рукояти известны, в частности, по находкам на тазабагъябских памятниках[18]. На Алтын-депе таких рукоятей до сих пор не встречено.

Шилья III типа представлены одним целым экземпляром, найденным в погр. 252 (рис. 3, *5*), и четырьмя обломками приостренных частей — один из раскопа 8, один из раскопа 9 и два — с поверхности холма. Шило из погр. 252 представляет собой стержень (диаметр 0,4—0,5 *см*, длина 11 *см*), один конец которого приострен, а другой закруглен. Шилья III типа могли вставляться в рукоять, а могли использоваться и без нее, во всяком случае шило из погр. 252 следов рукояти не имеет.

В группу режущих орудий отнесены однолезвийные и двулезвийные ножи, наконечники стрел (?) и серпы (?).

Однолезвийные ножи представлены одним целым экземпляром из раскопа 9 и семью фрагментами лезвий: один — из погр. 82 слоя Алтын 3 раскопа 1, три — из раскопа 8, один — из раскопа 9, один — из раскопа 11 и один — с поверхности холма. Целый нож относится к типу ножей с выделенной рукоятью (рис. 2, *15*). Собственно, это не рукоять, а короткий (длина 3 *см*) черешок-насад. Клинок ножа также короткий (длина 8,5 *см*) и широкий (ширина 2,3 *см*), лезвие и спинка слегка изогнутые, конец ножа закругленный. Обломки лезвий ножей указывают на бытование однолезвийных ножей и с заостренным концом (рис. 2, *13*).

Двулезвийные ножи (рис. 4) представлены четырьмя типами: I — черешковый листовидный нож; II — черешковый нож с подтреугольным клинком; III — нож-кинжал со слабо выраженным ребром; IV — нож-лопаточка с закругленным концом.

Ножи I типа с листовидным, линзовидным в сечении клинком дают два варианта пропорций клинка: IА — короткий и широкий клинок, соотношение длины и максимальной ширины клинка 2 : 1; IБ — удлиненный клинок, соотношение длины и ширины клинка 3 : 1. К варианту IА относится двулезвийный нож с обломанным концом, найденный на поверхности холма[19]. Клинок ножа короткий (длина 8,2, ширина 3,6 *см*), симметричный, плечики округлые, слегка опущенные; черешок короткий

[18] *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья..., с. 129, рис. 67, *8–12*.

[19] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 38, табл. VII, *15*.

(длина 2,8, ширина 1 *см*), плоский, с округлым концом. К варианту IБ относится нож из погр. 4 раскопа 1 (рис. 2, *16*). Клинок ножа удлиненный (длина 22, ширина 7 *см*), несколько асимметричный, конец затупленный, плечики опущенные; черешок резко суживается к концу и слегка изогнут (длина 5, ширина от 0,6 до 2,0 *см*); кроме того, три фрагмента ножей, видимо, I типа найдены: один — на раскопе 9, один — на раскопе 10 [20], один — на поверхности холма.

Ножи II типа имеют короткий подтреугольный линзовидный в сечении клинок и сравнительно длинный, почти равный по длине клинку, подпрямоугольный в сечении черешок. Представлены двумя экземплярами: из слоя Алтын 2 раскопа 5 и с раскопа 9. Нож из раскопа 5 (рис. 2, *18*) сильно сточен, оба лезвия несколько вогнутые, длина клинка 5,0, ширина 3,5 *см*, плечики почти прямые; черешок плоский, суживающийся к закругленному концу (длина 4,3 *см*, ширина от 0,4 до 1,2 *см*). Нож из раскопа 9 имеет более плавные очертания (рис. 2, *19*), лезвия почти прямые, конец ножа обломан, длина клинка около 5,5, ширина около 3,5 *см*, плечики слегка опущены и закруглены; черешок плоский, суживающийся к закругленному концу (длина 3,5 *см*, ширина от 0,5 до 1,4 *см*). Возможно, что ножи II типа на самом деле являются сильно сточенными, укоротившимися ножами I типа, однако сохранность материала не позволяет уверенно судить об этом.

III тип двулезвийных ножей представлен единственным экземпляром, найденным на раскопе 8 (рис. 4, *2*). Нож-кинжал имеет удлиненный, сильно сточенный клинок (длина 25, ширина около 6 *см*), почти линзовидный в сечении, со слабо выраженным ребром, плечики слегка опущены и закруглены; черешок сравнительно короткий (длина 3,0 *см*, ширина от 0,7 до 1 *см*), подпрямоугольный в сечении.

В целом первые три типа двулезвийных ножей имеют между собой определенное сходство, особенно в оформлении черешка, т. е. в способе насадки на рукоять, и в некоторой асимметричности клинка, особенно плечиков, что, видимо, отражает единые приемы изготовления (литья?) этих ножей. В то же время в форме и пропорциях клинка прослеживаются существенные различия, видимо, обусловленные различием функций или различным материалом, для обработки которого предназначались эти ножи.

В значительной степени условно выделена в IV тип двулезвийных ножей лопаточка из погр. 252 (рис. 3, *1*). Это изделие имеет очень тонкий, плоско раскованный клинок с приостренными краями — двумя боковыми лезвиями и срезанным почти прямым лезвием на конце, длина клинка 13, ширина 5,4 *см*, плечики плавно округлые; черешок, или, вернее, ручка, представляет собой круглый в сечении стержень диаметром 0,6 *см*, длиной 5,5 *см* с утолщением на конце. Изделие могло служить ножом, но точное назначение его неизвестно.

К наконечникам стрел отнесены два небольших двулезвийных орудия из раскопа 10, которые, возможно, были миниатюрными двулезвийными ножами. Один из них, листовидной формы, с линзовидным сечением (рис. 2, *17*), близок двулезвийным ножам I типа, клинок имеет закругленные лезвия, плавно переходящие в небольшой плоский черешок с закругленным концом, длина клинка 3,5, ширина 1,7 *см*, длина черешка 1 *см*. Второе орудие имеет округлый, линзовидный в сечении клинок и подтреугольный черешок-шип (рис. 3, *3*), длина клинка 3,5, ширина 2,5 *см*, длина черешка 1 *см*.

Условно определены в качестве серпов два орудия, одно из которых найдено в раскопе 13 (рис. 2, *21*), а второе — на поверхности холма (рис. 2, *20*). Орудие из раскопа 13 небольшое, но массивное; обоюдоострый, линзовидный в сечении клинок с обломанным концом расположен

[20] *Масимов И. С.* Керамическое производство..., с. 70, рис. 13, *2*.

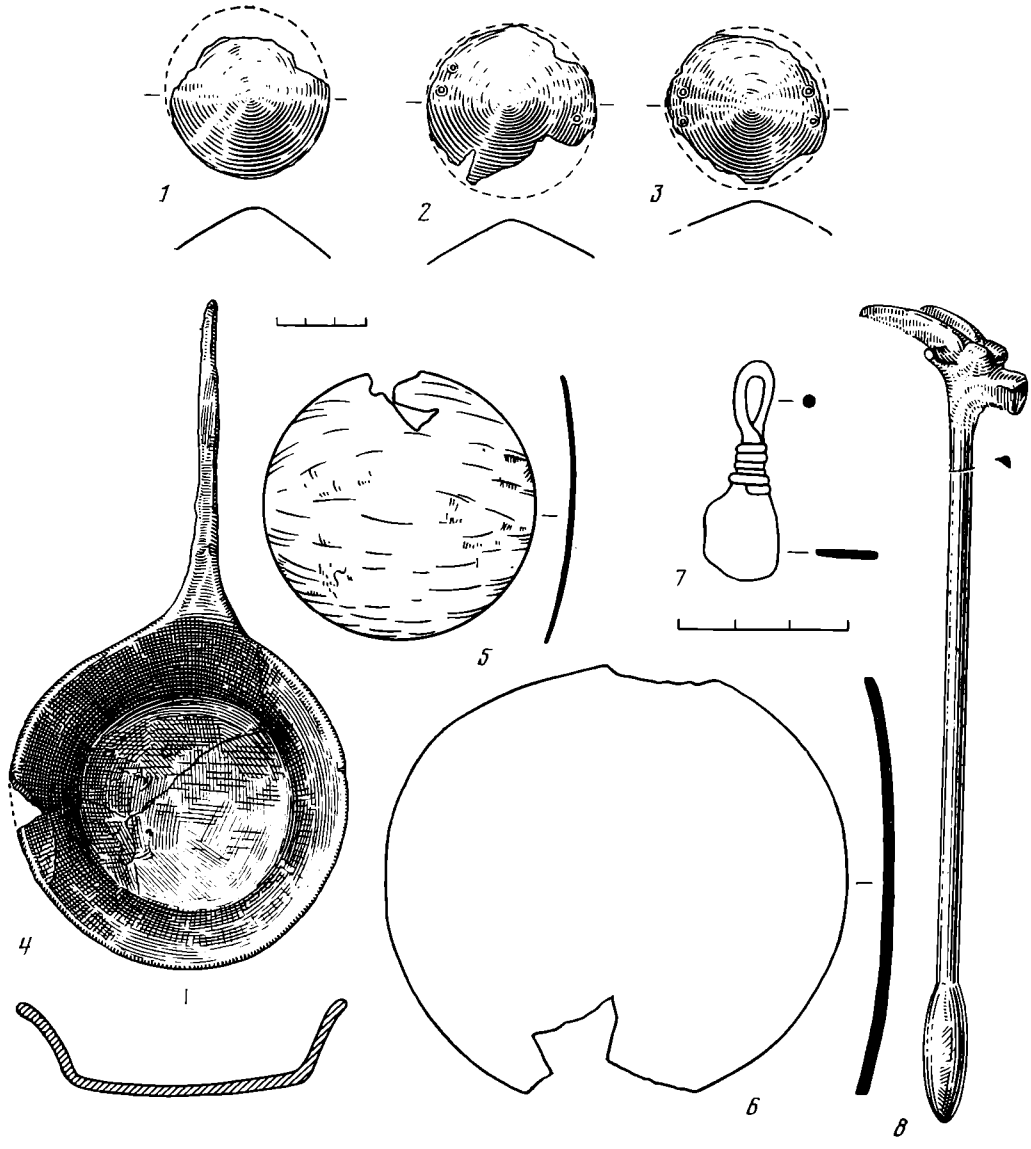


Рис. 5. Предметы туалета периода Намазга V

почти под прямым углом по отношению к уплощенному, подпрямоугольному в сечении, слегка изогнутому длинному черешку. Длина клинка около 7,5, ширина 3 *см*, длина черешка 8,5 *см*. Второе орудие, представленное фрагментом клинка и черешком, по форме близко к серпу (?) раскопа 13. Основное отличие в том, что серп (?) с поверхности холма плоский, толщина его всего около 0,2 *см*.

Украшения и предметы туалета (рис. 5) представлены зеркалами, нашивными бляшками, височными кольцами, подвесками, бусами, браслетами и кольцами.

Зеркала встречены двух типов: I — круглое, несколько вогнутое и II — круглое, несколько вогнутое, с плоской ручкой.

I тип представлен 2 экз.: одно зеркало входило в состав клада 2 раскопа «вышки» (рис. 5, *5*), второе (рис. 5, *6*) найдено на раскопе 9. Зеркала имеют диаметры 11 и 8 *см*. Следует отметить, что зеркало из клада нам известно только по двум публикациям [21], в более ранней из

[21] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 67, табл. XIII, *12*; *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959–1961 гг...., рис. 6, *5*.

которых зеркало изображено целым, а в более поздней — поврежденным. Зеркало из раскопа 9 также повреждено. Не исключено, что оба экземпляра имели ручки, которые были утрачены в древности, тогда эти зеркала нужно отнести ко II типу.

II тип зеркал представлен единственным целым экземпляром, входившим в состав инвентаря погр. 252 (рис. 3, *4*). Диаметр зеркала 8 *см*, ручка плоская, чуть расширяющаяся к концу, длиной 2,5 *см*.

Три выпуклые нашивные бляшки, изготовленные из тонкого листка металла, найдены под перекрытием алтарного возвышения погребального комплекса слоя Алтын 3 раскопа 7. Две из них имеют овальную в плане форму и по две пары дырочек по краю (рис. 5, *2*, *3*). Третья бляшка, круглая в плане и почти коническая в разрезе (рис. 5, *1*), сохранилась хуже, и неясно, имела ли она дырочки для пришивания.

Височные кольца из круглой в сечении проволоки диаметром 0,2—0,3 *см* представлены несколькими вариантами. Все кольца имеют диаметр около 2 *см* и заходящие друг за друга концы и различаются по числу оборотов. В клад 2 раскопа «вышки» входили три височных кольца: одно — в два [22] и два других — в три оборота [23]. Два спаявшихся окислами кольца в один оборот были найдены на раскопе 9. Височные кольца из погр. 252, найденные на черепе, состоят из двух колец — в один и в два оборота, вложенных одно в другое (рис. 3, *2*, *3*).

Уникальна подвеска из раскопа 9, сделанная из круглой в сечении проволоки, один конец которой расплющен в лопасть, а другой согнут, образуя петельку для подвешивания (рис. 5, *7*).

Бусы представлены цилиндрической плоской бусиной, найденной на центральной площади поселения. Другая бусина — шаровидная, диаметром 0,8 *см* — входила в ожерелье погр. 252.

Два браслета диаметром около 6 *см* с заходящими друг за друга концами, согнутые из круглого в сечении стержня диаметром 0,8 *см* (рис. 3, *9*, *10*), входили в инвентарь разрушенного погребения с поверхности холма.

Девять колец, найденные на фалангах пальцев рук погребенных, распадаются на два типа: I — из проволоки в один оборот с заходящими друг за друга концами, II — пластинчатые. Все кольца имеют диаметр около 2 *см*.

Кольца I типа имеют два варианта: IA — из одинарной проволоки (5 экз.); два — в погребениях 50 и 60 раскопа 5 [24], два — в погребальной камере-помещении 11 и одно — в погребальной камере-помещении 124 раскопа 9; I Б — кольцо из двойной проволоки — в помещении 11 раскопа 9.

Три пластинчатых кольца II типа найдены в погребальной камере-помещении 124 раскопа 9. Одно из них имеет ширину 0,3 *см*, другое 0,7 *см*, а третье, шириной 0,4 *см*, украшено снаружи поясом косых насечек.

Два бронзовых сосуда с Алтын-депе входили: один — в состав клада 2 раскопа «вышки», второй — в инвентарь погр. 4 (рис. 5, *4*). Сосуд из клада представляет собой «небольшой флакон с округлым туловом, довольно крутыми плечиками и узким высоким горлышком» [25]. В горлышко сосуда вставлен обломанный стержень. Размеры флакона: высота 9,5 *см*, диаметр тулова 5, 5, диаметр устья 2,5, высота горла 4,5 *см*. Сосуд с длинной ручкой из погр. 4 имеет размеры: высота 3 *см*, диаметр устья 11, диаметр дна 7,5, длина ручки 11 *см*.

---

[22] *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959–1961 гг...., рис. 6, *21*.
[23] Там же..., рис. 6, *22*.
[24] *Массон В. М.* Протогородская цивилизация..., с. 170.
[25] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 66, табл. XVI, *45*.

Стержни с утолщением на конце и их фрагменты — одна из наиболее массовых находок металлических изделий Алтын-депе (19 экз., из них 5 целых). По размерам все стержни распадаются на две группы: более крупные имеют диаметр 0,5—0,6 *см*, длину 14—18 *см*; сравнительно небольшие представлены 2 экз. (диаметр 0,3, длина 7 *см*). По оформлению навершия стержни разделяются на семь типов: I — с лопаточковидным навершием (4 экз.), один — из раскопа «вышки»[26], один — из слоя Алтын 2 раскопа 5, один — из раскопа 9 и один — с поверхности холма[27]; II — с коническим навершием — из клада 2[28], IIIA — со спиральным навершием — из раскопа 8, IV — с серповидным навершием — из раскопа «вышки»[29], V — с копьевидным навершием — из погр. 252 (рис. 3, *6*), VI — с крестовидным навершием — с поверхности холма[30], VII — с навершием-изображением животного — двух вариантов: VIIA — с изображением головы козла (2 экз.), один — с раскопа 9, второй — из погр. 109 (рис. 5, *8*), VIIБ — с изображением фигуры козла[31]. В тексте статьи А. Ф. Ганялина упоминается находка стержней с биспиральным навершием[32] — типа IIIБ, однако рисунок и точное описание отсутствуют. Остальные фрагменты нижних частей стержней с утолщением на конце найдены: два — на раскопе 5, один — на раскопе 8 и четыре — на поверхности холма. Вопрос о назначении стержней не раз уже поднимался как в зарубежной[33], так и в советской литературе[34].

Три находки таких стержней в погребениях с Алтын-депе связаны с самыми богатыми захоронениями: в инвентарь погр. 109 кроме стержня с великолепной головой козла входили еще две печати — каменная и бронзовая, крупная бусина, пряслице и сосуд. Погребение 252 помимо шести металлических предметов сопровождалось тремя туалетными сосудами и палочкой слоновой кости, на шее погребенной было ожерелье из разнообразных бусин, а на голове — вышитая бисером шапочка. Погребение 296 в круглом толосе геоксюрского типа по составу и разнообразию инвентаря (каменные и керамические сосуды, бирюзовые бусы, металлические нож и стержень) оставляет позади не только индивидуальные захоронения, но и погребальные камеры эпохи энеолита. В свете этих находок наиболее правомочна, на наш взгляд, интерпретация стержней с утолщением на конце как жезлов и (или) предметов туалетного набора.

Анализ топографии находок в связи с ограниченным количеством материала при огромной площади поселения позволяет сделать лишь ограниченные выводы. Но некоторые наблюдения представляются существенными. Так, наибольшее количество находок орудий труда (35%) приходится на раскоп 9 и «холм вышки» — наиболее полно исследованную часть поселения. На других раскопах — 1,5, 10, 11, 13 — орудия найдены единицами. Относительно много металлических орудий труда на небольшом раскопе 8 и «холме меди» — районе Алтын-депе, наиболее богатом фрагментами металла и литейных шлаков. Обращает на себя внимание полное отсутствие орудий труда во всех трех слоях времени Намазга V раскопа 7 — монументального храмового комплекса.

---

[26] Там же, с. 77, табл. XVI, *43*.

[27] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 77, табл. XVI, *19*.

[28] Там же, с. 76, табл. XVI, *39*.

[29] Там же, с. 82, табл. XVI, *35*.

[30] Там же, с. 82, табл. XVI, *32*.

[31] Там же, с. 80, табл. XVI. *1*, *31*. По определению Н. Н. Тереховой, это два обломка одного стержня.

[32] *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг..., с. 218.

[33] *Shaeffer C.* Stratigraphy comparée et chronologie de L'Asie Occidentale. Oxford, 1948, p. 448; *Shmidt E.* Excavations et Tepe-Hissar. Damghan. Philadelfia, 1937, p. 194; *Arne T.* Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, p. 301.

[34] *Сарианиди В. И.* Памятники развитого..., с. 40; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 84; *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.– МИА, № 145, 1968, с. 84; *Терехова Н. Н.* Ук. соч.. с. 34, 35.

Украшения и предметы туалета найдены почти исключительно в погребениях и кладе. Здесь уже 70% находок сосредоточено на «холме вышки» и раскопе 9, лишь отдельные украшения найдены в погребениях на раскопах 5 и 7.

Стержни с утолщением на конце часто встречаются в подъемном материале. На «холме вышки» и раскопе 9 найдено 30% стержней — цифра, близкая к распределению орудий труда, что, возможно, является косвенным подтверждением гипотезы Н. Н. Тереховой об утилитарном назначении стержней как слитков металла [35].

Большая часть изделий была подвергнута спектральному химическому анализу в спектральной лаборатории ЛОИА АН СССР. Однако в связи с сильной окисленностью металла химический состав был определен для 43 изделий. Не останавливаясь на детальном анализе полученных результатов, отметим некоторые особенности химического состава разных категорий изделий.

Шилья (13 экз.) изготовлены из меди с большим количеством примесей, среди которых выделяются свинец (0,1—1%, в двух случаях до 2%) и мышьяк (0,1—0,4%). В одном случае имеется искусственная присадка мышьяка (5%) и довольно высокая концентрация висмута (0,4%).

Химический состав двух из трех проанализированных зубил не отличается от состава шильев — та же медь, загрязненная невысокими концентрациями примесей. Большой присадкой олова (4—4,5%) выделяется состав зубила и пробойника из раскопа 10.

Из 11 проанализированных ножей 10 изготовлено из меди с примесью свинца (до 1%) и мышьяка (до 1,5%), а один небольшой фрагмент дал очень высокую (18%) концентрацию свинца. Такая высокая концентрация свинца характерна для художественных бронз Алтын-депе. В частности, из восьми проанализированных стержней с утолщением на конце два, украшенные головками козлов, имели в своем составе 7 и 10% свинца, 8 и 6% мышьяка и 0,7% висмута. Остальные стержни были изготовлены из обычной для Алтын-депе меди с небольшой примесью свинца и мышьяка.

Височное кольцо имеет высокую концентрацию висмута (10%). Совершенно необычным оказался состав серпа (?) с поверхности холма: олово — 6,5%, свинец — 8,5%, цинк — 6%, сурьма — 0,7%, железо — 1%, тогда как серп (?) с раскопа 13 был медным.

Таким образом, можно отметить, что основная масса изделий изготовлена из меди, загрязненной большим количеством примесей, в частности свинца, мышьяка, сурьмы, висмута и железа. В украшениях и престижных предметах (печати, стержни) металл имеет искусственную присадку свинца (до 18%), а в орудиях труда содержится до 7% олова и 8% мышьяка. Причем, судя по материалам эпохи энеолита [36], олово в материалах Алтын-депе появляется впервые в Южной Туркмении.

Типологическое изучение металлических изделий Алтын-депе и синхронных ему памятников эпохи энеолита и бронзы Южной Туркмении позволяет наметить эволюцию изделий и устойчивое сочетание типов, характерное для разных этапов развития древнеземледельческой культуры юго-запада Средней Азии. Первые металлические изделия появляются в памятниках Южной Туркмении в период Анау IA [37], и их формы и набор типов остаются постоянными, не претерпевая значительных изменений в периоды Намазга I и II. Для этого времени характерны редкость находок металлических предметов и ограниченный, хотя и довольно разнообразный набор типов изделий (таблица). Собственно говоря, «представлены основные категории орудий, которые бытуют здесь вплоть до эпохи

---

[35] *Терехова Н. Н.* Ук. соч., с. 35.
[36] *Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения..., с. 32.
[37] *Терехова Н. Н.* Ук. соч., с. 29.

Три этапа развития комплекса металлических изделий эпохи энеолита и бронзы Южной Туркмении

Тип изделия	№ типа	I этап	II этап	III этап	
		Анау IA, Намазга I, Намазга II	Намазга III	Намазга IV	Намазга V
Тесло с расширяющимися гранями	I	+	?	?	+
Тесло с цапфами	II	–	–	–	+
Зубило миниатюрное	I	+	?	+	+
Зубило удлиненное	II	+	?	?	+
Пробойник	–	+	+	+	+
Шило обоюдоострое, круглое в сечении	–	+	–	–	–
Шило обоюдоострое, квадратное в сечении	I	+	+	+	+
Шило с упором, круглое в сечении	–	+	–	–	–
Шило с упором, квадратное в сечении	–	–	+	–	–
Шило с насадом	II	–	–	–	+
Шило одностороннее, круглое в сечении	III	–	–	–	+
Игла с ушком	–	–	+	+	+
Нож однолезвийный	–	–	–	?	+
Нож двулезвийный без черешка	—	+	+	–	–
Нож двулезвийный с черешком	I	–	+	?	+
Нож двулезвийный с черешком	II	–	–	–	+
Нож двулезвийный с ребром	III	–	–	–	+
Нож-лопаточка с ручкой	IV	–	–	–	+
Серп (?)	–	–	–	–	+
Зеркало	I	–	+	?	+
Зеркало с ручкой	II	–	–	–	+
Височное кольцо	–	+	+	–	+
Подвеска	–	–	–	–	+
Бусы	–	+	?	?	+
Серьга	–	–	–	+	–
Браслет	–	–	+	?	+
Кольцо проволочное	–	–	+	?	+
Кольцо пластинчатое	–	–	–	–	+
Кольцо со щитком	–	–	–	–	+
Сосуд с ручкой	–	–	–	+	+
Флакон	–	–	–	–	+
Стержень с лопаточковидным навершием	I	–	+	?	+
Стержень с коническим навершием	II	–	+	?	+
Стержень со спиральным навершием	III	–	–	+	+
Стержень с серповидным навершием	IV	–	–	–	+
Стержень с копьевидным навершием	V	–	–	–	+
Стержень с крестовидным навершием	VI	–	–	+?	+
Стержень с фигурным навершием	VII	–	–	–	+

позднего энеолита, мало видоизменяясь»[38]. Орудия представлены теслом из Ялангач-депе[39], зубилами из Анау и Геоксюра 7[40], шильями обоюдоострыми, круглыми и квадратными в сечении, шильями односторонними с упором, круглыми и квадратными в сечении[41], пробойниками[42] и

[38] Там же.

[39] *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита..., табл. XIII, *30*.

[40] *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита..., табл. XXI, *14*, *40*; *его же*. Памятники развитого энеолита..., табл. XXIV, *34*.

[41] *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита..., табл. X, *14*, *15*, *18*, *20*, *24*; *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита..., табл. XXI, *15*; *его же*. Памятники развитого энеолита..., табл. XIII, *28*, *29*, XXVI, *47*.

[42] *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита..., табл. X, *19*; *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита..., табл. XXI, *18*.

двулезвийными ромбовидными ножами без черешка[43]. Экземпляр ножа из слоя Анау II имеет слабое ребро и намечающуюся рукоять[44]. Из украшений найдены пронизки, височное кольцо и миниатюрные булавки с конической, полусферической и пирамидальной головками[45].

Все эти типы орудий и миниатюрные булавки продолжают существовать на II этапе развития в период Намазга III[46]. В то же время появляются как новые типы, так и новые категории вещей (таблица) и резко увеличивается число находок их. Среди орудий появляются иглы с ушком, пилы, двулезвийные ножи с выделенным черешком[47]. Причем двулезвийный нож с Алтын-депе периода позднего Намазга III — наиболее выработанный по форме и очень близок ножам I типа периода Намазга V. Особенно разнообразными становятся украшения и предметы туалета — появляются зеркала[48], браслеты, кольца. Наконец, впервые и сразу же в большом количестве встречаются стержни с утолщением на конце, с лопаточковидной и конической головками[49].

Дальнейшее развитие (III этап) этот комплекс получает в периоды Намазга IV и V. Слабая опубликованность и ограниченный характер материала периода Намазга IV позволяют отметить продолжение бытования только некоторых категорий вещей — шильев, игл с ушком, пробойников[50]. Появляются крючки и булавки (?) с биспиральным навершием[51]. Идентичность основных типов изделий (таблица) периода Намазга III и Намазга V заставляет как минимум предположить бытование этих изделий в период Намазга IV. Однако для характеристики III этапа развития комплекса мы опираемся в основном на материалы Алтын-депе и немногочисленные изделия, известные по раскопкам мелких поселений в Каахкинском районе[52].

Рубящие орудия III этапа — тесло I типа, зубила I и II типа — появляются впервые в материалах энеолитического времени, имеют архаический облик и по своим простым формам приближаются к каменным рубящим орудиям неолита и энеолита.

Шилья, игла и пробойники Алтын-депе и Тайчанак-депе полностью аналогичны орудиям I и II этапа.

В то же время нужно отметить отсутствие наиболее древнего (по Ж. Дейе и Е. Е. Кузьминой)[53] типа шильев — обоюдоострого, круглого в сечении, восходящего к костяным проколкам.

Двулезвийные черешковые ножи появляются на II этапе и типологически связаны через бесчерешковые ножи I этапа с каменными ножами. На Алтын-депе черешковые ножи представлены несколькими типами, варьирующими одну основную форму в зависимости от разных функций.

Таким образом, среди орудий Алтын-депе выделяется только три типа, не имеющие прямых истоков в материалах Южной Туркмении эпохи неолита и энеолита: тесло с цапфами, однолезвийные ножи и серпы (?)

---

[43] *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита..., табл. XIII, *31*, *32*.

[44] *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита..., табл. X, *21*.

[45] Там же. табл. X, *16*, *17*, *22*; *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита..., табл. XXI, *9–13*, 17.

[46] По Н. Н. Тереховой, это III этап металлообработки.

[47] *Сарианиди В. И.* Памятники развитого энеолита..., табл. XXVII, *48*, *61*, *68*; *Терехова Н. Н.* Ук. соч., рис. 3.

[48] *Терехова Н. Н.* Ук. соч., рис. 3.

[49] *Сарианиди В. И.* Памятники развитого энеолита.... с. 16, рис. 11, *5*, *17–20*.

[50] *Кирчо Л. Б.* Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении.– Изв. АН ТССР, СОН, 1976, № 6, с. 50.

[51] *Сарианиди В. И.* Новые раскопки Хапуз-депе.– КСИА АН СССР, № 115, 1969, с. 118, рис. 46.

[52] *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе.— КД, II, 1968, с. 23, 24, рис. 11, *17*, *19*; *его же.* Раскопки мелких поселений эпохи бронзы– КД, III, 1970, с. 49. рис. 14, *7*, *8*.

[53] *Deschayes J.* Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV—II millénaire). Paris, 1960, v. 1, p. 40; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 62.

Тесло с цапфами и аналогичный ему экземпляр из Тюренг-Тепе [54] — наиболее древние экземпляры этого типа и восходят к простым теслам. Возможно, Южная Туркмения входила в зону изобретения этого орудия Однолезвийные ножи Алтын-депе относятся к наиболее простому, раннему типу однолезвийных ножей, появившемуся в Месопотамии в протодинастический период, представленному в Сузах в слоях III династии Ура и широко распространенному в культуре долины Инда [55]. Серпы (?) Алтын-депе близких аналогий не имеют.

Украшения и предметы туалета Алтын-депе также в основном восходят к изделиям эпохи энеолита. Зеркала I типа, технологически наиболее древние, идентичны зеркалам Геоксюра II этапа, а зеркало с ручкой восходит к I типу. Наиболее близкие аналогии зеркалам I типа имеются в материалах III слоя Тепе-Гиссар [56] и IV слоя Мундигака [57], а плоское зеркало с простой ручкой найдено в хараппских слоях Чанху-Даро [58].

Височные кольца, браслеты и кольца из проволоки или из круглых в сечении стержней отличаются от энеолитических только числом витков, а подвеска изготовлена на той же основе. Новыми были пластинчатые кольца и кольцо со щитком, но хотя эти типы колец и не встречены в материалах I и II этапа, сама техника свертывания украшений из листков металла известна со времени Намазга II на Анау. Все эти украшения имеют широкий круг аналогий от Подунавья до Ирана.

Появление металлических сосудов в материалах Алтын-депе свидетельствует о существенном дальнейшем развитии техники металлообработки по сравнению с I и II этапами. Бронзовый флакон с Алтын-депе совершенно аналогичен свинцовому флакону из Гиссара III [59], но в то же время этот сосуд нельзя рассматривать как импорт с Гиссара, так как точно такие же флаконы широко представлены в керамике Алтын-депе. В частности, в погр. 252 найден керамический флакон, очень близкий как по размерам, так и по форме металлическому, но сугубо местного производства. Возможно, однако, что эта форма появилась на Алтын-депе под влиянием Северного Ирана. Бронзовый же сосуд с ручкой находит близкие параллели в материалах из Мохенджо-Даро [60].

Стержни с утолщением на конце, появившись на II этапе, в материалах III этапа дают большое разнообразие типов наверший. Как показала Е. Е. Кузьмина, стержни эти имеют широкий круг аналогий [61]. В то же время сама форма стержня находит параллели прежде всего в Гиссаре II и III и Шах-тепе II. Стержни с коническим навершием восходят к материалам Гиссара II, однако нужно отметить, что такие навершия известны по булавкам эпохи раннего энеолита Южной Туркмении. Стержни с навершием лопаточкой наиболее близки булавкам Гиссара III, Мундигака IV и Тепе-Яхья IV С [62]. Почти тождественна стержню с серповидным навершием булавка из Шах-тепе II. Стержни, увенчанные головкой животного, встречаются в раннединастическое время в Двуречье и в Сузах, а стержню с фигуркой животного близки булавки Гиссара III.

Эти аналогии в целом подтверждают предлагавшуюся синхронизацию периода Намазга V, Гиссара III А—В, Шах-тепе II, Мундигака IV и развитой Хараппы. Вопросы абсолютной хронологии этих комплексов достаточно сложны. Господствует традиционная точка зрения о датировке

---

[54] *Arne T.* Op. cit., pl. LXXX, fig. 666.
[55] *Deshayes J.* Les outils de bronze..., p. 303.
[56] *Shmidt E.* Excavations at Tepe-Hissar..., pl. LIV, № 3192.
[57] *Casal J.* Fouilles de Mundigar. Paris, 1961, II, fig. 139, 17.
[58] *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951. табл. XXII, *3*.
[59] *Shmidt E.* Excavations at Tepe-Hissar..., pl. LVII, № 3497.
[60] *Mackay E.* Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Delhi, 1938, II, p. 192, pl. LII, *10*; LV, *12*.
[61] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 76—84.
[62] *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i-Sohta and Tepe-Yahya: Tracs of the Earliest History of the Iranian Plateau. Roma, 1973, fig. 124.

Намазга V началом II тысячелетия до н. э. Р. Дайсон в общей сводке датировал Гиссар III В началом времени III династии Ура — концом III — началом II тысячелетия до н. э.[63] Сейчас предложено углубление хронологии: Гиссар III В датируется раннединастическим периодом — 2800—2400 гг. до н. э., а Гиссар III С — аккадским временем и эпохой III династии Ура — 2400—2000 гг. до н. э.[64] Все эти вопросы требуют специального рассмотрения с привлечением всех видов находок.

Таким образом, представляются существенными три основных момента. Как показывает анализ форм металлических орудий труда и частично украшений, на территории Южной Туркмении в раннеэнеолитическое время сложился комплекс металлических изделий, восходящий к каменным и костяным прототипам эпохи неолита.

Последовательное развитие этого комплекса приводит к появлению основных типов орудий труда и ряда украшений с Алтын-депе, времени Намазга V. В целом для всех этапов характерны сравнительная бедность набора орудий труда, объясняющаяся, видимо, с одной стороны, ограниченностью рудной металлургической базы, а с другой — возможной полифункциональностью орудий.

Ряд признаков — простота и геометрическая четкость формы орудий, в основе которой лежит либо подпрямоугольный брусок, либо круглый в сечении стержень металла, отсутствие ребра жесткости у двулезвийных ножей, единая технология изготовления украшений, в основном свернутых из проволоки,— характеризуют комплекс металлических изделий на всех этапах его бытования. Аналогичные признаки имеют материалы синхронных памятников Южного Ирана, Южного Афганистана и долины Инда. Чрезвычайно близки по облику ножи, шилья, иглы и шпатель из Тепе-Яхья (слой V С и IV В) [65] и южнотуркменистанские. Отсутствие ребра жесткости отмечено и на кинжалах долины Инда. Выше указывалось на сходство однолезвийных ножей хараппской культуры и Алтын-депе. Эти данные свидетельствуют о единых традициях, или, скорее, об одном уровне развития металлообработки.

В то же время в комплексе прослеживаются следы общих культурных влияний великих цивилизаций Древнего Востока. Показательно появление новых категорий изделий, причем явно местного изготовления. Зеркала, однолезвийные ножи, навершия-головки животных появляются сравнительно быстро после их изобретения в Междуречье.

И наконец, стержни с утолщением на конце и сосуды свидетельствуют о прямых связях-контактах с комплексами типа Шах-тепе II и Гиссар III Северного Ирана и хараппской цивилизацией.

Таким образом, на основе изучения форм металлических изделий мы попытались проследить эволюцию и связи древнейшего в Средней Азии металлообрабатывающего производства.

---

[63] *Dyson R. H.* Problems in the Relative Chronology of Iran 6000–2000 b. c.— In: Chronologies in Old World Archaeology. Chicago — London, 1965, p. 240, 241, 249, fig. 1.

[64] *Bovington C. H., Dyson R. H., Mahdavi A., Masoumi R.* The radio-carbon evidence for the terminal date of the Hissar IIIC culture.— Iran, XII, 1974, p. 206.

[65] *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe-Yahya, Iran, 1967—1969. Cambridge, 1970, pl. 20.

L. B. Kircho

AENEOLITHIC AND BRONZE AGE METAL ARTIFACTS FROM ALTYN-DEPE

Summary

The article is devoted to preliminary systematization of metal artifacts from Altyn-depe in the Southern Turkmenia, specification of some features, characteristic for the Southern Turkmenian centre of metallurgy and also to establishing of cultural and chronological links of the studied context. 122 artifacts, found in the houses, burials and at the surface of the site were studied. Tools are represented by the following finds: adzes of two types (fig. 2,6) a punch (fig. 2,6) awls of three types (fig. 2, 7–12; 5,5), chisels of two types (fig. 2, 4–5), one-sided knives (fig. 2, 13, 15) and two-sided knives of four types (fig. 2, 16, 18, 19; 3,2; 5,1), two arrowheads (fig. 2, 17; 3,3) and sickle-like artifacts (fig. 2, 20, 21).

Ornaments and toilet articles were found mainly in burials and are represented by mirrors of two types (fig. 4, 5, 6; 5,4), plates (fig. 4, 1–3), temple-rings (fig. 5, 2, 3), a pendant (fig. 4, 7), bracelettes (fig. 5, 9, 10) and rings of two types. Two bronze vessels and pivots with a bulge at one end which have 7 types of the top (fig. 4, 4, 8; 5, 6) were also found mainly in burials. Most of the discovered artifacts find prototypes in the aeneolithic: a series of morphological signs, the technology of manufacturing and relatively poor tool kit and the combination of different functions in one tool indicate that the development of metallurgy was at the same level as in the synchronous sites of the Southern Iran, Afghanistan and the Ind valley. Pivots with a bulge and vessels indicate direct contacts with North Iranian population and the Harappa civilization.

В. И. МАМОНТОВ

О ПОГРЕБЕНИЯХ ПОЗДНЕГО ЭТАПА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Проблема происхождения племен срубной культуры, на наш взгляд, решена достаточно глубоко благодаря работам П. Рау, П. С. Рыкова, И. В. Синицына, О. А. Кравцовой-Граковой, К. Ф. Смирнова, В. П. Шилова, Н. К. Качаловой и др., однако вопросы развития племен срубной культуры Нижнего Поволжья на заключительном этапе и их связь с савроматской культурой требуют еще некоторого уточнения.

Племена эпохи бронзы в Заволжье, начиная со времени существования полтавкинской культуры, продвигаются как в северные районы Поволжья, так и в южные районы левобережья Волги, а затем, переправившись через Волгу, начинают осваивать правобережье вплоть до Дона [1]. Далее, в XV—XIV вв. до н. э.[2], они попадают в юго-западные районы Северного Причерноморья [3]. Здесь, развиваясь в отрыве от прародины, срубная культура проходит через сабатиновский (XIII—XII вв. до н. э.) и белозерский (XI—IX вв. до н. э.) этапы, последний из которых находится на стыке двух эпох [4] — эпохи бронзы и железного века.

Именно с XV—XIV вв. до н. э. на Дону и Нижней Волге и в районах, прилегающих к этим рекам, возникают долговременные поселения. Срубная культура в этих районах проходит через те же стадии развития, что и в Причерноморье, хотя границы перехода от развитого периода, соответствующего сабатиновскому этапу, к позднему периоду, соответствующему белозерскому этапу, четко здесь не чувствуется. Следует добавить, что еще на раннем этапе в среде племен срубной культуры отмечается инфильтрация отдельных племен андроновской культуры. Об этом говорит не только появление новых форм керамики и элементов ее орнаментации, но и совершенно не встречающийся у племен срубной культуры Нижнего Поволжья обряд сожжения покойного. Этот ритуал, как известно, характерен для памятников федоровского этапа [5] андроновской куль-

---

[1] *Мамонтов В. И.* Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья.– В сб.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977, с. 47.

[2] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 210; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 11.

[3] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.– МИА, 1955, 46, с. 20; *Лесков А. М.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья.– В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 17, 18.

[4] *Лесков А. М.* Исследования Керченского участка Северо-Крымского канала – АО – 1966. М., 1967, с. 184; *его же.* Предскифский период на юге Украины. Докт. дис. Киев, 1974. Архив ИА АН СССР, р. 2, № 2203, с. 261, 263, 274, 275.

[5] *Федорова-Давыдова Э. А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья.– Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 173; *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья.– В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 185–187.

туры. Проникновение и движение андроновцев продолжалось и позднее и, вполне возможно, как предполагает М. И. Артамонов [6], было одной из причин, вызвавшей усиленный отход большей части племен срубной культуры в западном направлении.

Поселения же продолжают существовать вплоть до перехода племен срубной культуры к кочевому образу жизни и новому переселению их из Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья в юго-западном направлении.

Как предполагают некоторые исследователи, эта миграция могла произойти в конце IX в. до н. э.[7] Уход с долговременных мест обитания был связан с социально-экономическими, внутренними причинами, охватившими весь мир племен срубной культуры на заключительном этапе развития. Вероятно, они начали свое передвижение в районы Нижнего Дона, Кубани и Предкавказья [8] по тем традиционным путям, которыми в более раннее время сюда проникали остальные группы.

Но общего запустения степей Поволжья и Волго-Донского междуречья, как считал, например, М. И. Артамонов [9], не было. В них продолжали свои перекочевки оставшиеся здесь разрозненные группы племен срубной культуры. Впускные срубные погребения, иногда с небольшими баночными сосудами [10], встречаемые в верхних слоях центральной части насыпи курганов, еще В. А. Городцов [11] связывал с этим периодом. Распад родовых общин на отдельные семьи [12] привел к тому, что теперь отдельная семья с небольшим коллективом людей была просто не в состоянии при совершении традиционных погребальных ритуалов проводить большие земляные работы, связанные с устройством грунтовой камеры,— умершего хоронят теперь чаще всего в верхние слои центральной части курганной насыпи. Иногда рядом с погребенным ставят небольшой баночный сосуд. Почти во всех учтенных нами позднесрубных погребениях металлические вещи отсутствуют.

В. А. Сафронов предположил, что контакты между аборигенами центральных областей Северного Кавказа и племенами катакомбной культуры в Предкавказье резко прерываются «на рубеже XIII—XII вв. до н. э. сплошной экспансией срубников в Предкавказье» [13]. Нам кажется, судя по археологическим материалам, что в этот период не могло быть такого мощного потока волго-донских племен срубной культуры в сторону Предкавказья. Тем более, что на пути их к Кавказу находились племена катакомбной культуры калмыцких степей. Срубники в Предкавказье появляются много позднее [14]. Это доказывают находки позднесрубной керамики среди посуды у жителей Северного Кавказа, например Алероевского поселения [15], в курганах на Маныче (раскопки М. И. Артамонова), аналогии которой имеются на памятниках срубной культуры Нижней Волги и Волго-Донского междуречья. Это предположение подтверждает мысль

---

[6] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 14.

[7] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 14, 18; *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 145.

[8] *Лесков А. М.* Предскифский период на юге Украины..., с. 336.

[9] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 18.

[10] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 31.

[11] *Городцов В. А.* Результаты исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903.— Тр. XIII АС, т. 1. М., 1907, с. 241.

[12] *Золотарев А. М.* Первобытный строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 290.

[13] *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тысячелетия до н. э. юга Восточной Европы. Канд. дис.— Архив ЛОИА АН СССР, 1970, р. 1, № 2078, с. 321.

[14] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов..., с. 210.

[15] *Лесков А. М.* Предскифский период на юге Украины..., с. 336; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 254, 255, 358, рис. 42, *3*; с. 359, рис. 43, *3–5*, *7*, *8*.

А. М. Лескова[16] о появлении в начале I тысячелетия до н. э. позднесрубных племен в Предкавказье.

VIII—VII вв. до н. э.— заключительный этап развития срубных племен Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, для которого характерны погребения, выделенные К. Ф. Смирновым как «переходные»[17]. Они принадлежат малочисленным группам населения, которые остались в поволжско-донских степях после ухода основной массы срубников.

Мы не включаем в круг памятников «переходного» периода, как это сделал в своих работах К. Ф. Смирнов[18], погребения так называемого «киммерийского» хронологического пласта[19], поскольку к этому периоду относятся погребения, датируемые А. А. Иессеном серединой VIII—VII вв. до н. э.[20] Сопровождающий инвентарь характерен для Новочеркасского клада: бронзовые удила и псалии, лощеные кувшины; орнаментированные порой резным орнаментом бронзовые двухлопастные наконечники стрел — формы, которые не имеют генетических корней в срубной культуре Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья.

Традиции ритуального обряда племен срубной культуры (положение умершего на левом боку, скорченно, руки направлены к лицу, основная ориентировка на северо-восток, восток) естественно продолжаются и в переходном этапе. Такие погребения отмечены и К. Ф. Смирновым, и нами как в междуречье Волги и Дона, так и в Заволжье (см. таблицы в приложении). В Заволжье выделяется группа погребений, объединенных между собой некоторыми архаическими признаками, как раз характерными для памятников срубной культуры. Это может быть положение костяка на левом боку с ориентировкой на восток, северо-восток, запад, северо-запад, сильная скорченность ног, руки направлены к лицу. В погребениях встречается грубая лепная керамика, которая по своим признакам (широкое ближе к венчику тулово, узкое дно, баночная форма или горшковидный сосуд с выделенным венчиком) близка керамике позднесрубного периода: Бородаевка, к. G 7, погр. 3[21] (рис. 1, *7*); Максютово, к. 2, погр. 6[22] (рис. 1, *1*); II Бережновский, к. 94, погр. 1[23] (рис. 1, *2*); I Бережновский, к. 4, погр. 3[24] (рис. 1, *13*); Могута, к. 10, погр. 1[25] (рис. 1, *8*). Подобные погребения отмечены в междуречье в курганных могильниках Старица, к. 58, погр. 2[26] (рис. 3, *1*); Химкомбинат *, группа А, к. 1, погр. 1[27] (рис. 2, *4*).

В этой группе памятников отмечаются колебания в выполнении отдельных элементов ритуала, что как раз типично для переходного момен-

---

[16] *Лесков А. М.* Предскифский период на юге Украины..., с. 336.

[17] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.– МИА, 1959, 60, с. 313; *его же.* Савроматы, с. 26–33.

[18] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 28, 29.

[19] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.– VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 5.

[20] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.– СА, 1953, XVIII, с. 65.

[21] *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.– СГУ, с. XVII, 1947, с. 112.

[22] *Синицын И. В.* Памятники родового общества степей Заволжья.– СГУ, с. 66, 1958, с. 297.

[23] *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.– МИА, № 78, 1960, с. 96.

[24] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.– МИА, 60, 1959, с. 62, 64.

[25] *Скрипкин А. С.* Отчет об археологических раскопках экспедиции Волгоградского пединститута в 1976 г.– Фонды НИС ВГПИ, с. 14, 15.

[26] *Шилов В. П.* Материалы работ Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2380, с. 158—169.

[27] *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1967 г.– Фонды ВОКМ, рис. 3, *1*.

* Могильники названы «Химкомбинат» (ныне химкомбинат — Волгоградское ПО «Каустик»).

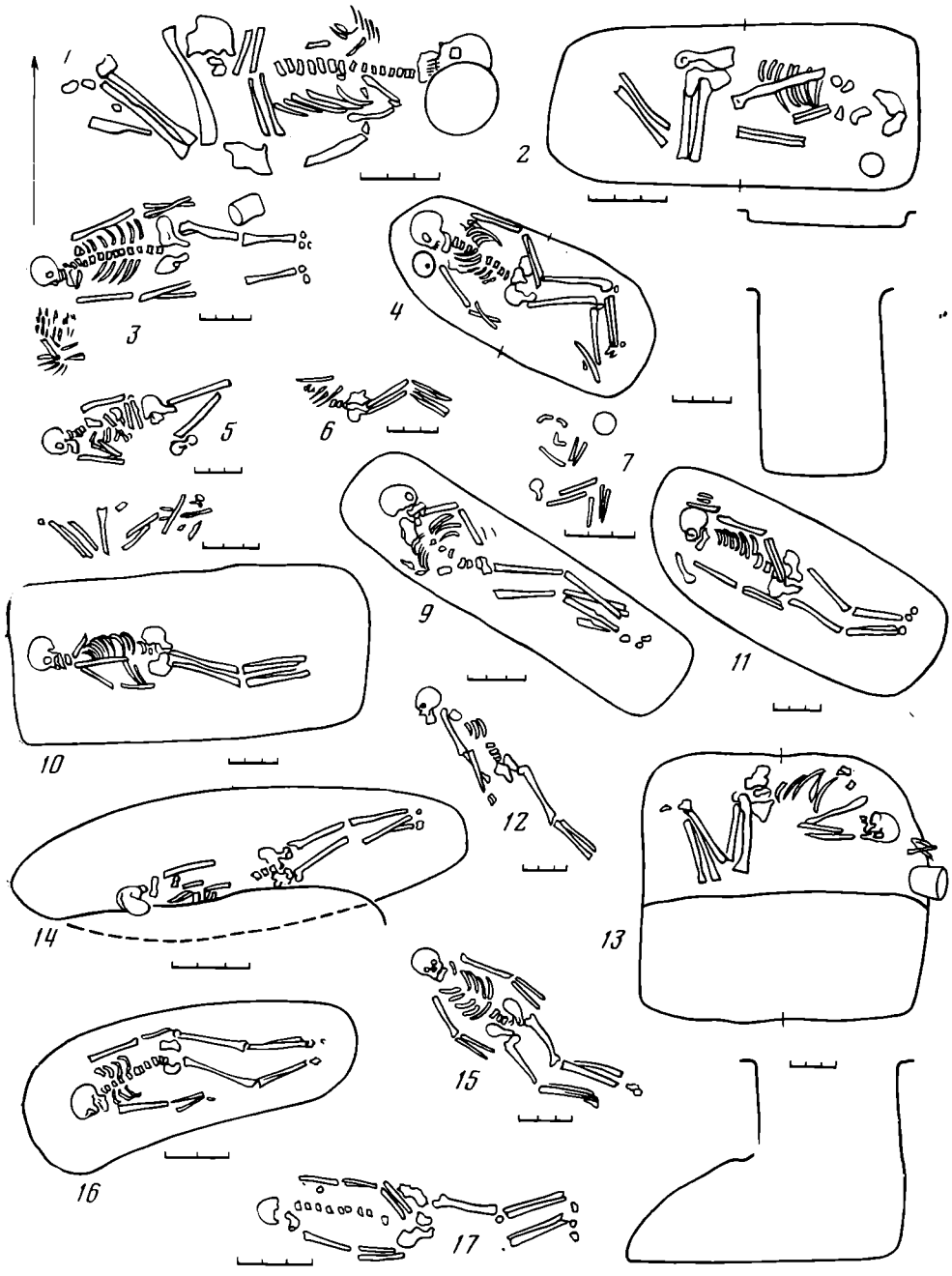


Рис. 1. Погребения позднего этапа срубной культуры в Заволжье: *1* — Максютово, к. 2, п. 6; *2* — Бережновский II, к. 94, п. 1; *3* — Новая Молчановка, к. 1, п. 2; *4* — Быково I, к. 17, п. 7; *5* — Быково I, к. 4, п. 7; *6* — Быково I, к. 9, п. 6; *7* — Бородаевка, к. G7, п. 3; *8* — Могута, к. 10, п. 1; *9* — Быково I, к. 16, п. 10; *10* — Быково I, к. 12, п. 18; *11* — Быково I, к. 4, п. 13; *12* — Заплавное, к. 8, п. 5; *13* — Бережновский I, к. 4, п. 3; *14* — Быково III, к. 3, п. 4; *15* — Покровск, к. 3, п. 2; *16* — Быково I, к. 5, п. 5; *17* — Рыбный, к. 3, п. 2

та[28]. Именно так и датировал К. Ф. Смирнов некоторые приведенные в этом списке памятники — концом VIII в. до н. э.[29]

На этом изменение признаков в ритуале не прекращается. И в Заволжье, и в Волго-Донском междуречье хорошо выделяется последую-

[28] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. с. 31, 181.
[29] Там же, с. 27, 28.

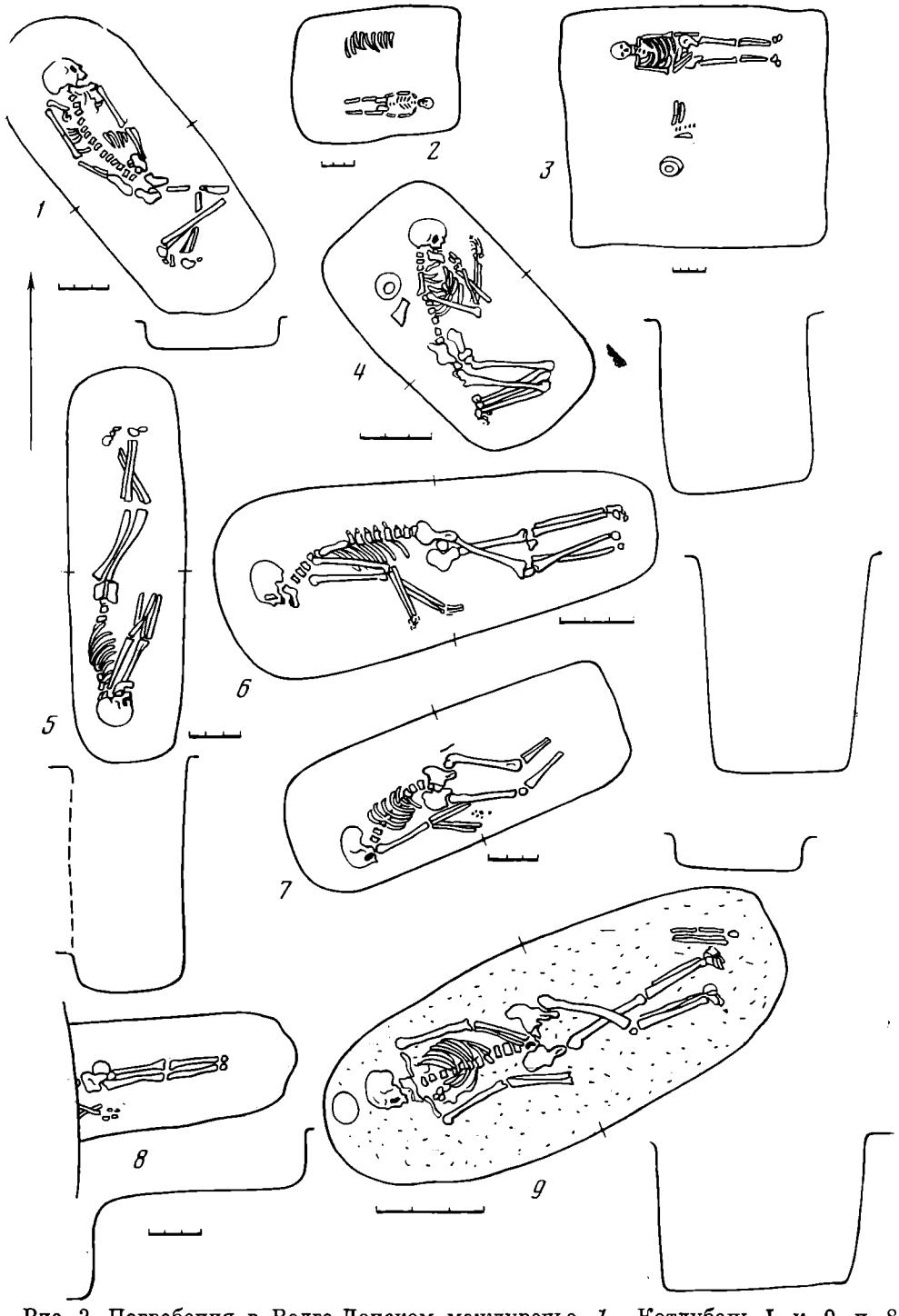


Рис. 2. Погребения в Волго-Донском междуречье. *1* – Котлубань I, к. 9, п. 8; *2* – Гуселка, к. 2; *3* – Лебяжье, к. 1, п. f; *4* – Химкомбинат, гр. А, к. 1, п. 1; *5* – Котлубань II, к. 6, п. 6; *6* – Жутово I, к. 77, п. 4; *7* – Котлубань II, к. 4, п. 5; *8* – Котлубань II, к. 5, п. 2; *9* – Жутово I, к. 68, п. 2

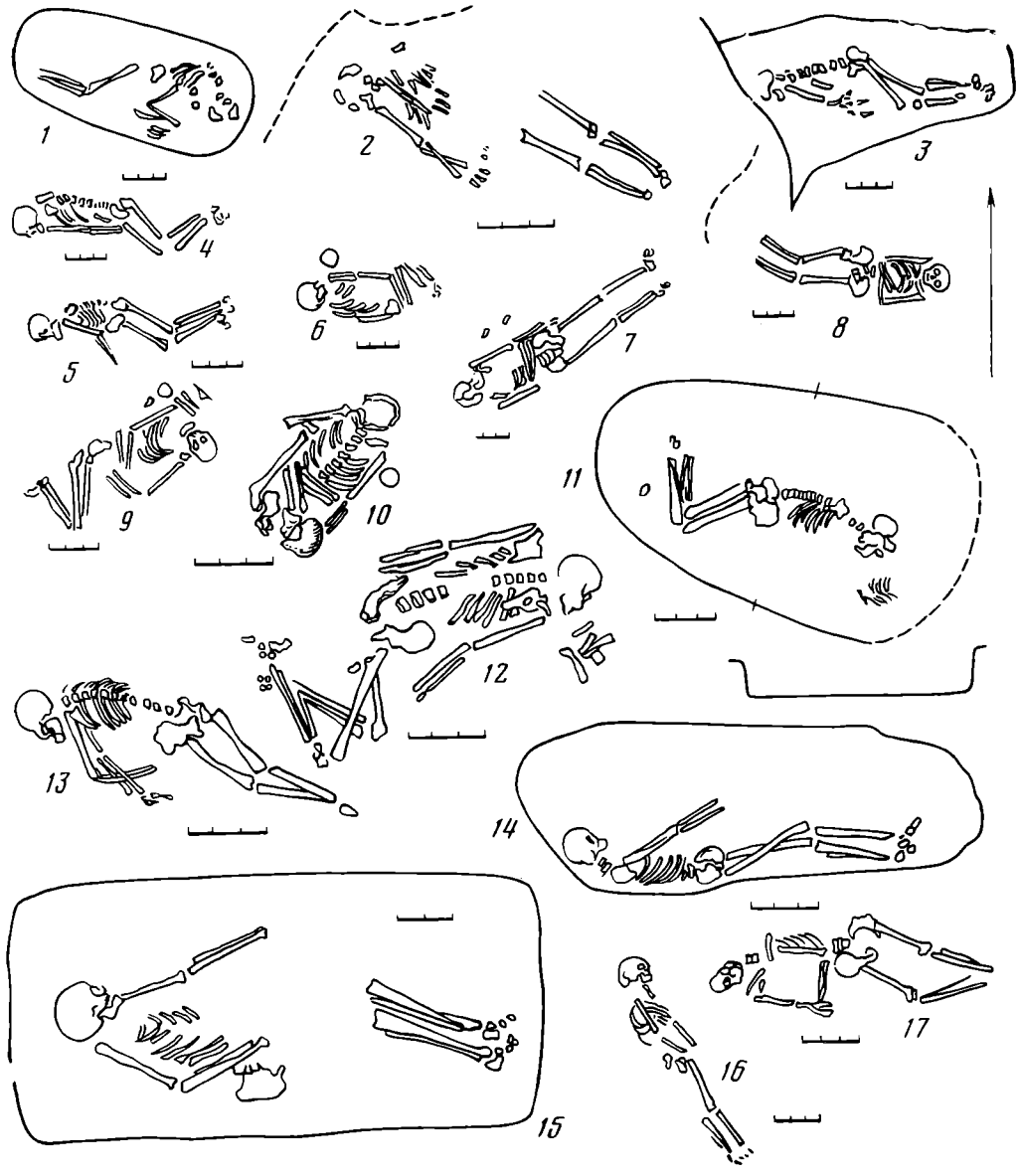


Рис. 3. Погребения в Волго-Донском междуречье. *1* — Старица, к. 58, п. 2; *2* — Аксеновский, к. 8, п. 1; *3* – Капитанский, к. 13, п. 1; *4* – Старица, к. 50, п. 1; *5* – Балкин, к. 6, п. 2; *6* — Старица, к. 7, п. 12; *7* — Цаца, к. 10, п. 7; *8* — Цаца, к. 5, п. 2; *9* – Восточный Маныч, к. 2, п. 8; *10* — Кривая Лука I, к. 1, п. 6; *11* — Кривая Лука I, к. 1, п. 3; *12* – Кривая Лука V, к. 5, п. 9; *13* – Кривая Лука II, к. 2, п. 4; *14* – Кривая Лука II, к. 1, п. 9; *15* – Ершовка, к. 1; *16* – Старица, к. 50, п. 7; *17* – Кривая Лука III, к. 1, п. 7

щая группа памятников переходного периода, которая генетически связана с предыдущим этапом. По комплексу ритуальных признаков она более четка, монолитна. Ориентировка погребенных на запад (хотя есть и небольшие отклонения), руки слабо согнуты в локтях, лежат перед грудью или направлены в сторону от тазовых костей, ноги часто со слабой скорченностью. Могильные ямы имеют вид овала или прямоугольника с сильно закругленными короткими сторонами.

Следует отметить, что западная ориентировка является типичной в савроматский период. И появление погребений с такой ориентировкой, на наш взгляд, свидетельствует уже об образовании в пределах Нижнего Поволжья протосавроматского населения, ритуальные взгляды которого

еще тяготеют к некоторым архаическим обрядам их предков — поздних срубников.

Такие памятники отмечены в междуречье в следующих пунктах: Ершовка, к. 1[30] (рис. 3, *15*); хут. Балкин, к. 6, погр. 2[31] (рис. 3, *5*); Котлубань II. к. 4. погр. 5 (рис 2, *7*); к. 5, погр. 2 (рис. 2, *8*); к. 6. погр. 6[32] (рис. 2, *5*); Жутово I, к. 77, погр. 4[33] (рис. 2, *6*); Старица, к. 50, погр. 1 (рис. 3, *4*), погр. 7[34] (рис. 3, *16*); Капитанский хутор, к. 13, погр. 1[35] (рис. 3, *3*); Аксеновский, к. 8, погр. 1[36] (рис. 3, *2*); Кривая Лука I, к. 1, погр. 3[37] (рис. 3, *11*); Кривая Лука II, к. 2, погр. 4[38] (рис. 3, *13*); к. 1, погр. 9 (рис. 3, *14*); Кривая Лука V, к. 5, погр. 9[39] (рис. 3, *12*); Кривая Лука III, к. 1, погр. 7[40] (рис. 3, *17*).

Аналогичная группа памятников учтена и в Заволжье: Быково I, к. 9, погр. 6 (рис. 1, *6*); к. 11; погр. 1; к. 12, погр. 8 (рис. 1, *10*); к. 13, погр. 4; к. 16, погр. 10[41] (рис. 1, *9*); Быково II, к. 2. погр. 4[42]; Быково III, к. 3, погр. 4[43] (рис. 1, *14*); Заплавное, к. 8, погр. 5[44] (рис. 1, *12*).

В эту же группу памятников переходного времени, но занимающих, вероятно, более поздний хронологический горизонт, входят погребения, имеющие ведущий отличительный признак: погребенные лежат в грунтовых ямах или в насыпи кургана на спине, ориентированы головой на запад с некоторыми отклонениями, ноги подогнуты. Этот ритуал уже довольно близок по своим компонентам к положению умерших в захоронениях ранних савроматов.

В междуречье такие погребения раскопаны в могильниках Старица, к. 7, погр. 12[45] (рис. 3, *6*); Цаца, к. 10, погр. 7 (рис. 3, *7*); к. 5, погр. 2[46] (рис. 3, *8*); Восточный Маныч, к. 2, погр. 8[47] (рис. 3, *9*); Котлубань I, к. 9, погр. 8[48] (рис. 2, *1*); Жутово I, к. 68, погр. 2[49] (рис. 2, *9*); Кривая Лука II, к. 1, погр. 6[50] (рис. 3, *10*).

---

[30] *Синицын И. В.* Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея.– Изв. НВИК, т. V. Саратов, 1932, с. 215.

[31] *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1962 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 2728, с. 78.

[32] *Скрипкин А. С.* Отчет о работе Городищенского отряда в 1971 г.– Фонды НИС ВГПИ, с. 50, 52, 57.

[33] *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1974 г.– Фонды ВОКМ, с. 21.

[34] *Шилов В. П.* Материалы работ Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1961 г.– Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 38, с. 24, 139.

[35] *Шилов В. П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1964 г.– Архив ЛОИА, р-1, № 3156, с. 32.

[36] *Шилов В. П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1966 г.– Архив ИА АН СССР, р-1. № 4625, с. 71.

[37] *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.– В кн.: Древности Астраханского края.– ТПАЭ, вып. 4, 1977, с. 6, 7, 94, рис. 3.

[38] Там же, с. 16, 21, 106, рис. 15.

[39] Там же, с. 54, 128, рис. 37.

[40] Там же, с. 31.

[41] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.– МИА, 78, 1960, с. 197, 204–206, 216, 217.

[42] Там же, с. 228.

[43] *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г.– Фонды ВОКМ, с. 20.

[44] *Шилов В. П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1958 г.– Архив ИА, р-1, № 1850, с. 67.

[45] *Шилов В. П.* Отчет о работах Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1960 г.– Архив ИА АН СССР, р-1. № 2155, с. 50.

[46] *Шилов В. П.* Отчет о работах Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 2728, с. 109, 110, 113.

[47] *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 4223, с. 246, 247.

[48] *Скрипкин А. С.* Ук. отчет за 1971 г., с. 33.

[49] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1974 г., с. 12.

[50] *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 14, 15, с. 101, рис. 10.

В районе Заволжья: Покровск, к. 3, погр. 2[51] (рис. 1, *15*); Новая Молчановка, к. 1, погр. 2[52] (рис. 1, *3*); Быково I, к. 4, погр. 7 (рис. 1, *5*), погр. 8, *13* (рис. 1, *11*); к. 5, погр. 5 (рис. 1, *16*); к. 17, погр. 7[53] (рис. 1, *4*); Рыбный, к. 3, погр. 2[54] (рис. 1, *17*).

Заключает весь переходный период от срубной культуры к ранним савроматам еще одна, пока малочисленная группа памятников, генетически связанная с предыдущими погребениями. Она четко определяется закрепленными временем признаками погребального обряда, которые станут основными у племен эпохи раннего железа Нижней Волги и Волго-Донского междуречья. Это — положение костяка вытянуто на спине, с ориентировкой головой на восток или запад, наличие заупокойной пищи (мясо крупных и мелких животных), большие квадратные или прямоугольные ямы.

Два погребения этого периода, наиболее яркие по своему могильному инвентарю и конструкции могильной ямы, раскопаны А. А. Спицыным на р. Иловле[55] в кург. 2 (рис. 2, *2*) у с. Гуселка. Погребение устроено в большой прямоугольной яме с закругленными углами, на дне которой лежал в вытянутом положении скелет человека, ориентированный головой на восток. Кости рук, слегка согнутые в локтях, были направлены к тазовым костям. На краю ямы были обнаружены кости крупного животного. В яме найден лепной глиняный сосуд вытянутых пропорций, с коротким венчиком и утолщенным дном. Аналогии ему есть среди керамики раннесарматских погребений[56].

Второе переходное погребение раскопано у ст. Лебяжья[57] в кург. 1 (рис. 2, *3*). Здесь открыта большая квадратная яма с закругленными углами. На дне ямы, ближе к северной стене, покоился погребенный, положенный на спину в вытянутом положении, ориентирован головой на запад. Левая рука направлена к тазу, правая слегка согнута в локте и покоилась на тазовых костях. В могильной яме встречены кости животных, сосуд грубой лепки, костяные поделки с геометрическим резным орнаментом (рис. 5, *7, 8*). Комплекс резных костяных наконечников стрел, трехгранных и ромбовидных в сечении (рис. 5, *9*), находит себе широкие аналогии как у срубников, так и в наборах наконечников стрел ранних савроматов[58].

Таким образом, рассмотренные погребения начала VIII—VII в. до н. э. Волго-Донского междуречья и Заволжья подтверждают предположение К. Ф. Смирнова, высказанное ранее, об имеющейся генетической связи между срубниками и ранними савроматами[59]. Это, в частности, доказывается постепенным отходом от традиций погребального обряда срубной общности в результате изменения идеологии, отсюда — появление новых деталей ритуала, которые станут характерны для погребений раннего железного века, т. е. у савроматов.

Трансформацию памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья в переходный период можно проследить и по развитию керамики местных племен. Именно здесь есть еще один

---

[51] *Рыков П. С.* Отчет о произведенных в 1922 г. археологических раскопках и разведках в Саратовской губернии.– Архив ЛОИА, 1922, ф. 2, № 87.

[52] *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 130.

[53] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы, с. 182, 183, 184, 187, 219.

[54] *Скрипкин А. С.* Ук. отчет за 1976, с. 14.

[55] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 26, 27; Раскопки А. Спицына в 1895 г.– ОАК за 1895 г. СПб., 1897, с. 26–30.

[56] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 27, 354, рис. 62, *5*.

[57] Там же, с. 26; Раскопки А. А. Спицына в 1895 г., с. 26–30.

[58] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Эллистинский могильник.– Тр. КНИИЯЛИ. Элиста, 1971, вып. 3, с. 69. рис. 74; *Мамонтов В. И.* Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры.– СА, 1966, № 3, с. 215–218.

[59] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 180.

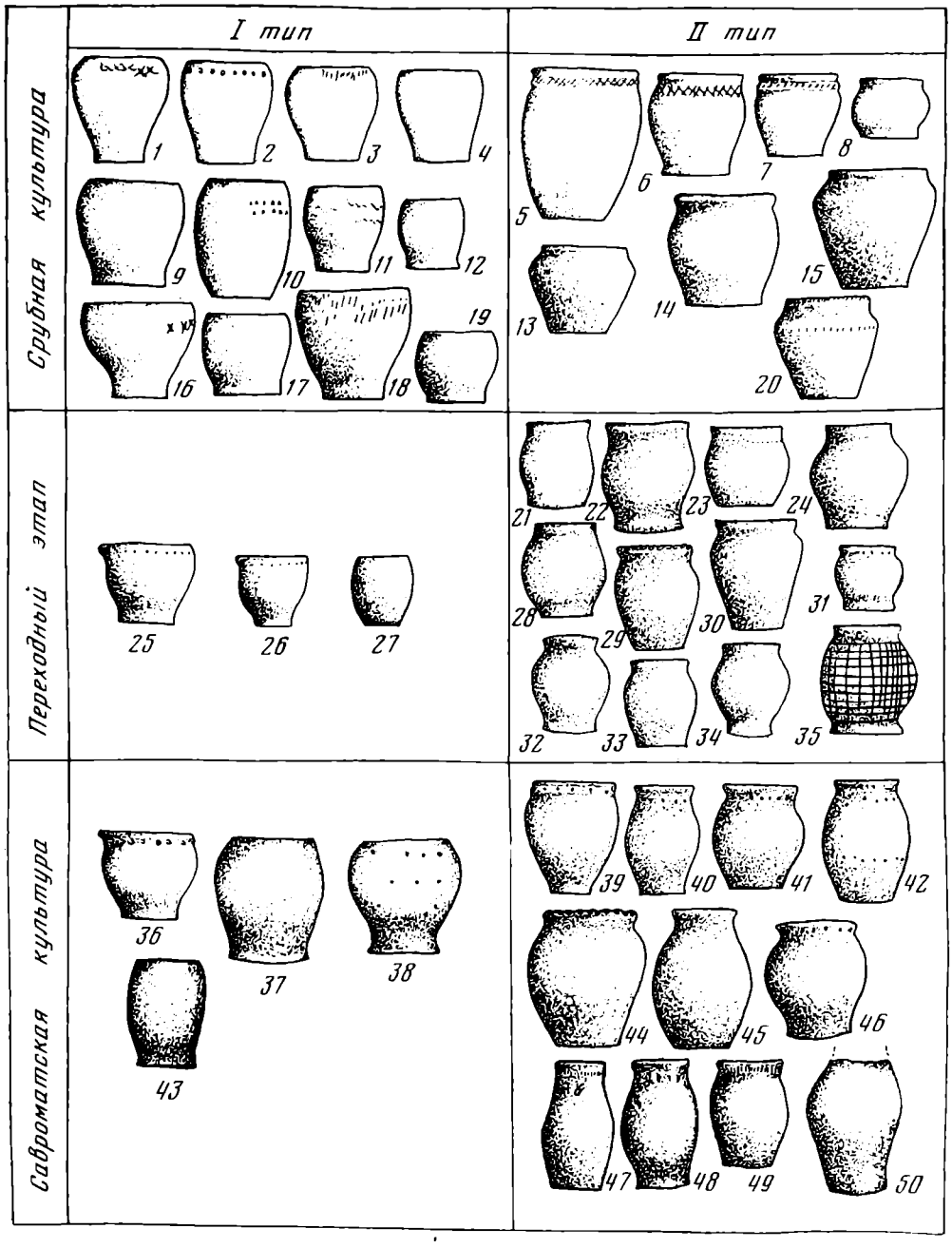


Рис. 4. I — керамика срубной культуры: *1* — Ляпичево, поселение; *2* — Ляпичево, поселение; *3* — Приморская стоянка; *4* — Ложки, поселение; *5* — Задоно-Авиловская, поселение; *6* — Соленое Займище II, к. 8, насыпь; *7* — Приморское, поселение; *8* — Приморское, поселение; *9* — Заканальный, к. 4, п. 7; *10* — Балкин, к. 11, п. 1; *11* — Кузин, к. 2, насыпь; *12* — Заканальный, к. 1, п. 2; *13* — Максютово, к. 3, п. 4; *14* — Цаца, к. 4, п. 16; *15* — Ивановка, поселение; *16* — Старица, к. 22, п. 1; *17* — Котлубань III, к. 3, насыпь; *18* — Быково I, к. 10, п. 9; *19* — Быково, к. 12, п. 2; *20* — Ерзовка V, к. 3, п. 1. II — керамика переходного периода: *21* — Старица, к. 7, п. 12; *22* — Восточный Маныч, к. 2, п. 8; *23* — Владимировка, к. 8, п. 2; *24* — Бережновский II, к. 94, п. 1; *25* — Максютово, к. 2, п. 6; *26* — Бородаевка, к. G7, п. 3; *27* — Новая Молчановка, к. 1, п. 2; *28* — Химкомбинат, гр. А, к. 1, п. 1; *29* — Жутово I, к. 68, п. 2; *30* — Бережновский I, к. 4, п. 3; *31* — Быково I, к. 17, п. 7; *32* — Гуселка, к. 2; *33* — Быково I, к. 4, п. 8; *34* — Лебяжье, к. 1, п. f; *35* — Кривая Лука II, к. 1, п. 6. III — керамика савроматской культуры: *36* — Калиновка, к. 22, п. 1; *37* — Цаца, к. 10, насыпь; *38* — Царев, к. 23, п. 1; *39* — Бережновский, к. 9, п. 3; *40* — Бережновский II, к. 6, п. 2; *41* — Политотдельский, к. 4, п. 30; *42* — Ст. Разина, к. 4, п. 5; *43* — Россошка, к. 13, п. 2; *44* — Заплавное, к. 4, п. 3; *45* - Аксеновский, к. 1, п. 9; *46* — Котлубань II, к. 2, п. 10; *47* — Царев, к. 23, п. 1; *48* — Аксеновский, к. 30, п. 1; *49* — Заплавное, к. 4, п. 3; *50* — Цаца, к. 10, насыпь

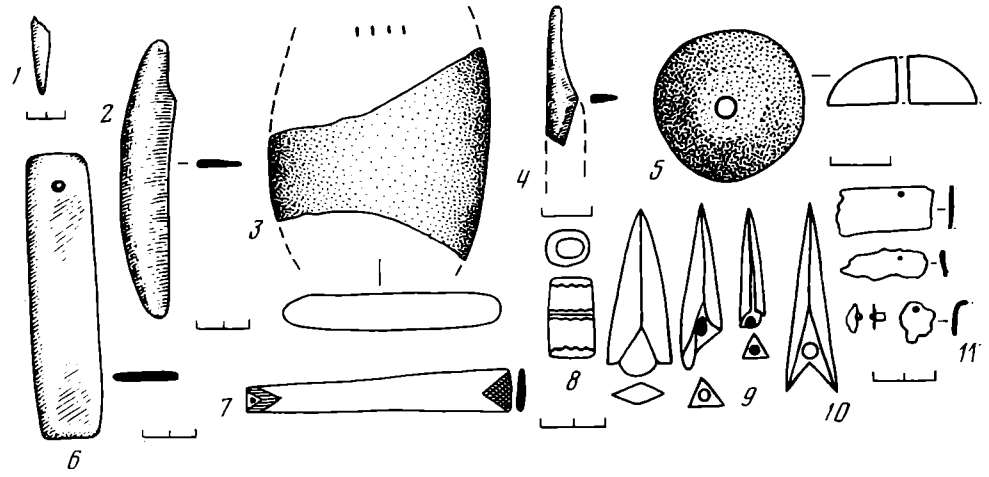


Рис. 5. Находки из памятников переходного периода: *1* — костяная проколка, Быково I, к. 4, п. 13; *2* — бронзовый нож, Могута, к. 10, п. 1; *3* — абразивный камень, Химкомбинат, гр. А, к. 1, п. 1; *4* — фрагмент бронзового ножа, Химкомбинат, гр. А, к. 1, п. 1; *5* — костяное пряслице, Восточный Маныч, к. 2, п. 8; *6* — оселок, Могута, к. 10, п. 1; *7, 8* — украшения из кости, Лебяжье, к. 1, п. f; *9—10* — костяные наконечники стрел, Лебяжье, к. 1, п. f; *11* — бронзовые обкладки, Могута, к. 10, п. 1

«мостик», который связывает эпоху бронзы этого ареала с эпохой раннего железного века.

Керамику срубной общности позднего этапа, несмотря на кажущееся разнообразие, все же можно уложить в рамки стандарта. Материалы, собранные с таких поселений, как Ляпичево [60], поздний пласт, Ивановка [61], Приморская [62] и др. (рис. 4, *1—3, 5, 7, 8*), относящихся к позднему этапу срубной культуры, а также керамики из подкурганных погребений этого же хронологического горизонта показывают, что посуда этого периода характеризуется следующими признаками: сосуды баночные, толстостенные, имеющие узкое дно, расширяющееся к венчику тулово, край венчика направлен вовнутрь или слегка отогнут наружу [63].

Орнамент у сосудов позднего этапа встречается не часто. Но иногда имеются у края венчика насечки, следы грубого удара по сырой глине концом палочки или острия, защипы. Встречается поясок наколов круглой палочкой ниже края венчика. В савроматской керамике на ранней стадии развития будет чувствоваться еще в течение некоторого времени присутствие старых традиций — традиций срубной культуры.

Развитие керамики на позднем этапе срубной культуры, в X—IX вв. до н. э., пойдет одновременно в основном в двух направлениях, которые хорошо прослеживаются на могильном инвентаре из погребений Болго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья. Типы баночных сосудов, встреченные в погребениях срубной общности этой поры, например в погребении на селении Ложки [64] (рис. 4, *4*), в Заканальном могильнике, к. 4, погр.[65] (рис. 4, 9); Балкин хутор, к. 11, погр. 1[66] (рис. 4, *10*),

---

[60] *Грязнов М. П.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону.— КСИИМК, вып. 50, 1953, с. 142, 143.

[61] *Орехов В. Ф.* Две раскопки на церковной земле с. Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии— ТСУАК, вып. 33, 1916, с. 67, 39; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 110.

[62] *Мамонтов В. И.* Приморская стоянка.— ИКЗ, вып. II, 1974, с. 94—103: *его же.* Землянка эпохи бронзы Приморской стоянки — ИКЗ, вып. III, 1975, с. 97—102.

[63] *Ильинская В. А.* О происхождении культуры раннежелезного века на левобережье среднего Днепра.— КСИИМК, № 70, 1957, с. 25.

[64] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1967 г., рис. 23, *1*.

[65] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1967 г., рис. 31, *8*.

[66] *Шилов Б. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г..., с. 29, рис. 4.

и близкие к ним толстостенные банки, где широкая часть тулова смещена ближе к краю венчика: Кузин хутор, к. 2, погр. насыпь[67] (рис. 4, *11*); Заканальный[68], к. 1, погр. 2 (рис. 4, *12*); Котлубань III[69], к. 3, насыпь (рис. 4, *17*); Быково I[70], к. 12, погр. 2 (рис. 4, *19*); к. 10, погр. 9 (рис. 4, *18*); Старица [71], к. 22, погр. 1 (рис. 4, *16*), появляются, судя по стратиграфическим наблюдениям, именно в самом конце эпохи бронзы Нижнего Поволжья (в Причерноморье — вторая половина IX — первая половина VIII в. до н. э., по А. М. Лескову[72]).

Далее, в переходный период (VIII—VII вв. до н. э.), это направление будет проявляться в баночных грубых сосудах, имеющих аналогичные очертания. Только у края венчика будет проходить в некоторых случаях круговой пояс из глубоких круглых отверстий. Широкое тулово резко переходит в узкое дно с защипами по краю. У венчика иногда имеется небольшой слив: Бородаевка[73], к. G 7 погр. 3 (рис. 4, *26*); Максютово[74], к. 2, погр. 6 (рис. 4, *26*); Новая Молчановка, к. 1, погр. 2[75] (рис. 4, *27*). Судя по учтенному материалу, этот вид керамики не получает широкого развития у ранних савроматов. Тем не менее в нескольких случаях аналогичные сосуды отмечены в погребениях этой поры: Цаца, к. 10, насыпь[76] (рис. 4, *37*); Калиновка[77], к. 22, погр. 1 (рис. 4, *36*); Россошка[78], к. 3, погр. 2 (рис. 4, *43*). Более того, судя по находкам трехлопастных бронзовых наконечников стрел, сосуды такого типа доходят до VI в. до н. э.— Царевский курганный могильник, к. 23, погр. 1, кенотаф[79] (рис. 4, *38*).

По-другому развивалась позднесрубная керамика, представленная горшковидными и баночными сосудами, имеющими подчеркнутый венчик. Эти сосуды в основном высокие, вытянутых форм. Орнаментальный пояс отсутствует. Только в редких случаях, как элемент архаики, встречаются короткие насечки, отпечатки крупнозубчатого штампа: Максютов, к. 3. погр. 4[80] (рис. 4, *13*); Цаца, к. 4, погр. 16[81] (рис. 4, *14*); Ерзовка V, к. 3, погр. 1[82] (рис. 4, *20*); Соленое Займище II, к. 8, насыпь[83] (рис. 4, *6*).

В керамике переходного этапа VIII—VII вв. до н. э. заметно некоторое угрубление в формовке тулова у сосудов этого направления: у сосудов — асимметричный корпус, сильнее подчеркивается венчик, дно с меньшим диаметром, появляются сливы. От старых традиций остаются лишь утолщенное дно, округлые наколы под венчиком и грубые защипы по

---

[67] *Шилов В. П.* Ук. отчет за 1962 г., с. 4, 5. рис. 3.
[68] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1967 г., рис. 35, *18*.
[69] *Скрипкин А. С.* Ук. отчет за 1971 г., с. 70.
[70] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы, с. 203, рис. 14, *7*, с. 198, рис. 11, *5*.
[71] *Шилов В. П.* Материалы работ Астраханской экспедиции..., с. 36, 37.
[72] *Лесков А. М.* Предскифский период на юге Украины..., с. 85, 263, рис. 20, *1–3*.
[73] *Синицын И. В.* Археологические раскопки..., с. 112, табл. V, рис. 4.
[74] *Синицын И. В.* Памятники родового общества..., с. 297, 299, рис. 8, *3*.
[75] *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 130, 353, рис. 61, *6*.
[76] *Шилов В. В.* Ук. отчет за 1962, с. 131.
[77] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.– МИА, 60, 1959, с. 423, рис. 38, *18*.
[78] *Скрипкин А. С.* Отчет о работе Городищенского отряда в 1977 г.– Фонды НИС ВГПИ.
[79] *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1975 г.– Фонды ВОКМ, с. 23.
[80] *Синицын И. В.* Памятники родового общества..., с. 300.
[81] *Шилов В. П.* Ук. отчет за 1962 г., с. 32, 103–105, рис. 4.
[82] *Лисицын И. П., Скрипкин А. С.* Отчет о проведенных археологических работах в зоне строительства Городищенской оросительной системы в 1972 г. Городищенским отрядом Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 2919, с. 36, рис. 105.
[83] *Шилов В. П.* Материалы работ Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1963 г.– Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 21, 1963, с. 5, 6, рис. 23.

его краю: Бережновка I, к. 4, погр. 3[84] (рис. 4, *30*); Химкомбинат, группа А, к. 1, погр. 1[85] (рис. 4, *28*); Владимировка, к. 8, погр. 2[86] (рис. 4, *23*); Бережновка II, к. 94, погр. 1[87] (рис. 4, *24*); Гуселка, к. 2[88] (рис. 4, *32*); Быково I, к. 4, погр. 8 (рис. 4, *33*); к. 17, погр. 7[89] (рис. 4, *31*); Жутово I, к. 68, погр. 2[90] (рис. 4, *29*); Лебяжье, к. 1, погр. f[91] (рис. 4, *34*); Восточный Маныч[92], к. 2, погр. 8 (рис. 4, *22*); Старица, к. 7, погр. 12[93] (рис. 4, *21*); Кривая Лука II, к. 1, погр. 6[94] (рис. 4, *35*).

В дальнейшем, уже в раннесавроматских погребениях начала VI в. до н. э., керамика этой группы получит особенно широкое развитие. Сосуды, сохраняя некоторые архаические черты (утолщенное дно, насечки или округлые наколы по краю венчика, по горловине или тулову), тем не менее получают новые элементы, например лощение или усиление вытянутости тулова, которые будут отмечаться в керамике савроматов в течение всего периода: Бережновка I, южная группа, к. 9, погр. 3[95] (рис. 4, *38*); Бережновка II, к. 6, погр. 2[96] (рис. 4, *40*); Политотдельское, к. 4. погр. 30[97] (рис. 4, *41*); Заплавное, к. 4, погр. 3[98] (рис. 4, *44*, *49*); Ст. Разина, к. 4, погр. 5[99] (рис. 4, *42*); Котлубань II, к. 2, погр. 10[100] (рис. 4, *46*); Аксеновский, к. 30, погр. 1[101] (рис. 4, *48*); Цаца, к. 10, насыпь[102] (рис. 4, *50*); Царевский, к. 23, погр. 1[103] (рис. 4, *47*).

Интересно отметить, что в савроматском кенотафе из Царевского курганного могильника (кург. 23, погр. 1), датированного, как было сказано выше, бронзовыми наконечниками стрел началом VI в. до н. э., находились сосуды как первой, так и второй группы: высокий горшок с толстым дном, узким туловом, отогнутым наружу краем венчика, по горловине — круговой ряд косых насечек, а также два сосуда, различные по величине, но одинаковые по форме, с залощенным туловом, отогнутым наружу венчиком и узким дном. Кстати, К. Ф. Смирнов считает, что прием лощения тулова сосуда появляется «лишь в самом конце эпохи бронзы»[104].

Довольно частой находкой в погребениях переходного этапа являются кости животных, положенные в качестве заупокойной пищи. Эта деталь обряда, закрепившись в переходный период, стала одним из ведущих признаков принадлежности погребения к эпохе раннего железа.

---

[84] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда..., с. 62, 64.

[85] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1967 г., рис. 3, *1*.

[86] *Тевяшов В. Н.* Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900–1901 гг.– Тр. ВУАК, вып. 1, 1902.

[87] *Синицын И. В.* Древние памятники.... с. 91, рис. 34, *12*; с. 96.

[88] Раскопки А. А. Спицына..., с. 26–30.

[89] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы. с. 181, 182, рис. 6, *4*; с. 214, 219, рис 17.

[90] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1974 г., с. 12, рис. 7, *11*.

[91] Раскопки А. А. Спицына..., с. 28–30.

[92] *Синицын И. В.* Ук. отчет за 1966 г., с. 246, 247, рис. 402.

[93] *Шилов В. П.* Ук. отчет за 1960 г., с. 50.

[94] *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 153, рис. 62, *1*.

[95] *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 113, рис. 44. *17*; с. 117.

[96] *Синицын И. В.* Археологические исследования..., с. 126, рис. 37, *16*.

[97] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 245, рис. 16, *13*; с. 247.

[98] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.– САИ, вып. Д1-9, 1963, табл. 7. *4*; *Шилов В. П.* Отчет о работах Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1958 г.– Архив ИА АН СССР, р. 1, № 1850, с. 52, 53.

[99] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 7, *3*.

[100] *Скрипкин А. С.* Ук. отчет за 1977 г., с. 41, 42, рис. 60.

[101] *Шилов В. П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 2728, с. 131.

[102] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1974 г., с. 23.

[103] Там же, с. 23.

[104] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 28.

Но в подавляющем большинстве погребений переходного периода Нижней Волги и Волго-Донского междуречья могильный инвентарь не встречается. Полностью отсутствуют вещи из железа. Нет, за малым исключением, изделий из кости и бронзы (из всех учтенных нами погребений переходного этапа только в трех отмечены скромные изделия из бронзы). Так, например, небольшой фрагмент однолезвийного бронзового ножа найден в погребении 1, кургана 1 могильника Химкомбинат, группа А [105]. У ножа широкая спинка и выделенный черенок, являющийся продолжением спинки (рис. 5, *4*). Второй нож из переходного памятника происходит из погребения 1, кургана 10 могильника Могута [106]. Он также однолезвийный с коротким широким черенком, спинка слегка изогнута (рис. 5, *2*).

Подобного типа ножи не имеют никаких традиций среди бронзовых ножей срубной культуры Нижнего Поволжья и являются на Волге формой, принесенной со стороны, возможно, в конце VIII — начале VII в. до н. э. Здесь можно сослаться на аналогии из Причерноморья. Короткий бронзовый нож, однолезвийный, с изогнутой спинкой и длинным черенком, найден в погребении 5 Высокой могилы, где он датируется всем комплексом инвентаря VIII—VII вв. до н. э.[107] Аналогичный бронзовый нож обнаружен Т. М. Минаевой в г. Ворошиловске [108]. Из других находок в погребениях переходного этапа можно отметить единичные случаи положения фрагментов мелких бронзовых полосок (Быково I, к. 4, погр. 8), отрезков тонкой бронзовой проволочки — обоймы от несохранившегося деревянного предмета, куска окаменелого дерева и оселка (Могута, к. 10, погр. 1, рис. 5, *6*), фрагмента абразивной плитки (Химкомбинат, группа А, к. 1, погр. 1, рис. 5, *3*), стеклянной бусины и плоской гальки (Котлубань II, к. 2, погр. 3), куска кремня (Цаца, к. 10, погр. 7), каменной плитки (Быково I, к. 4, погр. 8).

В погребениях переходного этапа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья до сих пор не найдены двухлопастные бронзовые наконечники стрел, относимые по классификации К. Ф. Смирнова к VII в. до н. э.[109] В большинстве случаев на территории Нижнего Поволжья они встречены случайно на дюнах, размытых и переотложенных стоянках, поселениях. Имеется единичный случай находки бронзового втульчатого двухлопастного наконечника стрелы на поселении Осинов Гай [110]. Но найденный в открытом комплексе, он не может служить достаточным основанием ни для датировки этого поселения, ни для отнесения его, как, например, у И. В. Синицына, к срубной общности.

Встречаются такие наконечники стрел на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья только в погребальных комплексах с трехгранными и трехлопастными наконечниками стрел, т. е. в случаях, когда погребение может быть датировано только поздним временем. Могильный инвентарь в таких погребениях относится к савроматской культуре (начало VI в. до н. э.).

Весьма примитивно изобразительное искусство племен эпохи бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, если судить по орнаментальным мотивам на глиняных сосудах — единственном виде изделий, которые донесли до нас художественные взгляды и традиции мастеров срубной культуры. Можно только предположить, что существовала вы-

---

[105] *Мамонтов В. И.* Ук. отчет за 1967 г., с. 4.

[106] *Скрипкин А. С.* Ук. отчет за 1976 г., с. 15.

[107] *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы.— СА, 1974, № 1, с. 152, рис. 5, *5*.

[108] *Минаева Т. М.* Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске (раскопки 1940 г.).— КСИИМК, вып. XVI, 1947, с. 132, рис. 41; с. 133, 135.

[109] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 101, 1961, с. 110, рис. 11; с. 111. рис. 12; *его же.* Савроматы, с. 296, рис. 4, *1, 2*.

[110] *Синицын И. В.* Поселение Осинов Гай в Заволжье— МИА, 169, 1969, с. 205.

Погребения позднего этапа срубной культуры в Заволжье

Место, год раскопок	№ кургана, погребения	Могильная яма, погребение	Ориентация погребения	Положение погребенного	Могильный инвентарь
1. Максютово, 1938, *И. В. Спицын*	к. 2, погр. 6	Подбойная	В	На спине, ноги поджаты, руки согнуты в локтях, кистями на животе	Горшок баночной формы, кости барана (нога, лопатка)
2. Новая Молчановка, 1955, *И. В. Синицын*	к. 1, погр. 2	Впускное, на горизонте	З	На спине, с наклоном на правый бок, руки вдоль туловища, ноги слабо согнуты	Горшок баночной формы
3. Бережновский II, 1954–1955, *И. В. Синицын*	к. 94, погр. 1	В насыпи, на горизонте	В	На левом боку, скорченно, руки согнуты в локтях, кистями перед лицом	Лепной горшок
4. Быково I, 1954, *К. Ф. Смирнов*	к. 4, погр. 7	Впускное	З	На спине, череп на правом виске, руки согнуты в локтях. Правая – под подбородком, левая – на поясничных позвонках, ноги лежат коленями влево	Лопатка и ребра барана
5. Быково I, 1955, *К. Ф. Смирнов*	к. 17, погр. 7	Прямоугольная, с закругленными углами	СЗЗ	На спине, ноги поджаты; руки: правая отведена в сторону, левая на тазе	Лепной горшок. Ниже венчика проколы
6. Те же	к. 9, погр. 6	Впускное, в насыпи	З	На левом боку, ноги поджаты, руки перед туловищем	
7. Быково, 1977, *А. С. Скрипкин*	к. 6, погр. 1	Впускное, прямоугольная яма	СЗ	На левом боку, с завалом на спину, кости рук перед туловищем, костями к тазу	
8. Быково I, 1954, *К. Ф. Смирнов*	к. 4, погр. 13	Прямоугольная с сильно закругленными углами	СЗ	На спине, ноги подогнуты, череп на правой стороне, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кистью на тазе	Костяная проколка, кости барана, астрагалы
9. Бородаевка, 1929, *И. В. Синицын*	к. *G* 7, погр. 3	В насыпи	СЗ	Скорченно, на левом боку	Баночный сосуд со сливом
10. Быково I, 1955, *К. Ф. Смирнов*	к. 16, погр. 10	Узкая, удлиненная, с закругленными углами	СЗ	На левом боку, вытянуто, грудью вниз. Правая рука согнута в локте, левая согнута так, что концы предплечий перекрещиваются	Угли в засыпи

Продолжение

Место, год раскопок	№ кургана, погребения	Могильная яма, погребение	Ориентация погребения	Положение погребенного	Могильный инвентарь
11. Те же	к. 12, погр. 8	Прямоугольная, с закругленными углами	З	На правом боку, вытянуто, правая рука вытянута, отставлена в сторону, левая согнута в локте, кисти соединены у таза	
12. Быково I, 1954, *К. Ф. Смирнов*	к. 4, погр. 8	В насыпи	СЗ	На спине, череп на правом виске	Каменная плитка, сосуд, бронзовые полоски
13. Быково I, 1955, *К. Ф. Смирнов*	к. 11, погр. 1	»	З	Вытянуто, на правом боку, левая рука согнута в локте, правая вытянута	
14. Те же	к. 13, погр. 4	»	З	Вытянуто, на правом боку, левая рука согнута в локте, правая вытянута, кисти соединены	Угольки
15. Заплавное, 1958, *В. П. Шилов*	к. 2, погр. 2	Прямоугольная, с закругленными углами	ЮВВ	На правом боку, скорченно, кисть левой руки у таза, правая рука согнута в локте, кистью перед лицом	Альчик, лепной сосуд горшковидной формы
16. Покровск, 1922, *П. С. Рыков*	к. 3, погр. 2	В насыпи	СЗЗ	Вытянуто, на спине, с слегка согнутыми ногами и руками	Кости коровы
17. Быково II, 1955, *К. Ф. Смирнов*	к. 2, погр. 4	Прямоугольная, с округлыми углами	З	Вытянуто, на правом боку, ноги слегка поджаты	Меловая посыпка
18. Быково III, 1976, *В. И. Мамонтов*	к. 3, погр. 4	Узкая, вид вытянутого овала	З	Вытянуто, на левом боку, ноги слегка подогнуты	
19. Бережновка I, 1952, *И. В. Синицын*	к. 4, погр. 3	Подбойная	В	На левом боку, скорченно. Правая рука согнута, кистью перед лицом, левая согнута, кисть лежит под локтем правой руки	Сосуд, кость барана
20. Могута, 1976, *А. С. Скрипкин*	к. 10, погр. 1	Впускное, в насыпи, на уровне горизонта	В	На левом боку, скорченно. Руки перекрещиваются перед грудью. Левая рука лежала под правой	Следы охры, кусок окаменелого дерева, кости барана, челюсть мелкого хищника, бронзовая обойма деревянного предмета, оселок, бронзовый однолезвийный нож

Продолжение

Место, год раскопок	№ кургана, погребения	Могильная яма, погребение	Ориентация погребения	Положение погребенного	Могильный инвентарь
21. Рыбный, 1976, *А. С. Скрипкин*	к. 3, погр. 2	Впускное, в насыпи	З	На спине, череп на правом виске. Правая рука согнута в локте, отведена вправо, левая согнута, кистью на тазовых костях	
22. Заплавное, 1958, *В. П. Шилов*	к. 8, погр. 5	Впускное, на уровне горизонта	СЗ	На правом боку, вытянуто, левая рука идет вперед	
23. Быково I, 1955, *К. Ф. Смирнов*	к. 5, погр. 5	Узкая яма в виде вытянутого овала	ЮЗ	На спине, череп на правом виске, руки вытянуты вдоль тела. Кисть левой – на головке бедра, ноги согнуты	
Погребения позднего этапа срубной культуры в Волго-Донском междуречье					
24. Лебяжья, 1895, *А. А. Спицын*	к. 1, погр.	Квадратная	З	На спине в вытянутом положении, левая рука вытянута к тазовым костям, правая согнута в локте, кистью на тазовой кости	Сосуд, костяные пластинки, подвеска, наконечники стрел из кости, кости животного
25. Гуселка, 1895, *А. А. Спицын*	к. 2	Прямоугольная	В	На спине, в вытянутом положении	Сосуд, кости коровы
26. Ершовка, 1930, *И. В. Синицын*	к. 1	»	З	На левом боку, ноги слегка согнуты в коленях. Правая рука согнута в локте, кистью на тазовой кости; левая вытянута и отведена от туловища в сторону	Каменная кладка, в центре кургана – каменная плита
27. Балкин, 1962, *В. П. Шилов*	к. 6, погр. 2	В насыпи	З	На правом боку, ноги слегка поджаты, правая рука под телом, левая согнута в локте	
28. Химкомбинат, гр. А, 1967, *В. И. Мамонтов*	к. 1, погр. 1	Прямоугольная, с закругленными углами	СЗ	На левом боку, скорченно. Руки направлены к лицу, ноги поджаты	Сосуд, абразив, фрагмент бронзового ножа
29. Старица, 1961, *В. П. Шилов*	к. 58, погр. 2	Прямоугольная, с сильно закругленными углами	В	На левом боку, ноги слегка поджаты, кисти рук у лицевых костей	Кости барана
30. Котлубань I, 1971, *А. С. Скрипкин*	к. 9, погр. 8	Удлиненно-овальная	СЗ	На левом боку, ноги поджаты. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кистью на тазовых костях	

Продолжение

Место, год раскопок	№ кургана, погребения	Могильная яма, погребение	Ориентация погребения	Положение погребенного	Могильный инвентарь
31. Котлубань II, 1971, *А. С. Скрипкин*	к. 4, погр. 5	Узкая прямоугольная, с закругленными углами	ЮВВ	На животе. Ноги согнуты в коленях, левая рука вытянута, правая согнута, проходит под животом и перекрещивается с левой	Два фрагмента лепного горшка с геометрическим орнаментом
32. Котлубань II, 1971, *А. С. Скрипкин*	к. 5, погр. 2	Яма срезана. Удлиненная форма с округлой восточной стороной	З	Вытянутое положение на правом боку. Руки вытянуты перед туловищем	
33. Те же	к. 6, погр. 6	Вытянутый прямоугольник с закругленными углами	Ю	На левом боку, кости рук вытянуты перед туловищем, ноги согнуты в коленях	
34. Жутово I, 1974, *В. И. Мамонтов*	к. 68, погр. 2	Вытянутый овал	ЮЮЗ	На правом боку с завалом на спину, в вытянутом положении. Руки согнуты в локтях, правая – у тазовой кости, левая – кистью на лобковых костях	Сосуд, ребра лошади
35. Те же	к. 77, погр. 4	Вытянутый овал с широкой восточной частью	ЮЮЗ	На правом боку, ноги согнуты, кости рук согнуты в локтях, положены перед грудью в южную сторону	
36. Старица, 1960, *В. П. Шилов*	к. 7, погр. 12	В насыпи	З	На спине, ноги сильно согнуты, череп на левом боку. Кисть левой руки под коленом, кости правой направлены к тазу	Сосуд
37. Старица, 1961, *В. П. Шилов*	к. 50, погр. 1	»	З	На правом боку с завалом на живот. Правая рука под туловищем, левая вытянута к бедру	
38. Старица, 1961, *В. П. Шилов*	к. 50, погр. 1	»	СЗ	На левом боку, руки согнуты в локтях, лежат впереди таза. Ноги слегка согнуты	
39. Балкин, 1962, *В. П. Шилов*	к. 6, погр. 2	»	З	На правом боку, ноги слегка подогнуты, правая рука под костяком, левая согнута в локте	
40. Цаца, 1962, *В. П. Шилов*	к. 10, погр. 7	»	ЮЗЗ	На спине, вытянуто. Череп на левом боку, правая рука согнута в локте, кистью на животе, левая вытянута	Кусок кремня, альчик

Окончание

Место, год раскопок	№ кургана, погребения	Могильная яма, погребение	Ориентация погребения	Положение погребенного	Могильный инвентарь
41. Те же	к. 5, погр. 2	»	В	На спине, с подогнутыми ногами, череп наклонен к правому плечу, руки согнуты в локтях, кисти на животе	
42. Капитанский, 1964, *В. П. Шилов*	к. 13, погр. 1	Прямоугольная, углы закруглены	З	На правом боку, скорченно, руки вытянуты перед грудью	
43. Аксеновский, 1966, *В. П. Шилов*	к. 8, погр. 1	Впущено в раннюю яму		На правом боку. Вытянутые руки отведены от туловища. Ноги согнуты в тазобедренном суставе	
44. Восточный Маныч, 1966, *И. В. Синицын*	к. 2, погр. 8	Прямоугольная, с закругленными углами	СВ	На спине, скорченно. Руки согнуты, кисти под тазом	Кости барана, сосуд, костяное пряслице
45. Кривая Лука I, 1973, *В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов*	к. 1, погр. 3	Овальная, расширяющаяся в восточной части	В	На левом боку, колени согнуты, правая рука отведена от туловища, левая – под правой, согнута	Кости барана
46. Кривая Лука II, 1973, *В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов*	к. 2, погр. 4	Впускное	З	На правом боку, череп на правой стороне. Скелет несколько завален на грудь, ноги поджаты. Правая рука вытянута, левая вывернута в локте	Мелкий бронзовый предмет неясного назначения
47. Те же	к. 1, погр. 9	Вытянутый овал, углы закруглены	З	На левом боку, ноги поджаты. Руки отведены от туловища, кисти вместе	
48. Кривая Лука III, 1973, *В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов*	к. 1, погр. 7	Впускное в насыпь	З	Спиной вверх. На правом боку с завалом на спину, правая рука вытянута, левая согнута в локте, ноги несколько поджаты	
49. Кривая Лука V, 1973, *В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов*	к. 5, погр. 9	То же	В	Спиной вверх, ноги поджаты, кисти рук вывернуты в суставах	Фрагменты бронзового височного кольца, цепочки, кости барана
50. Кривая Лука II, 1973, *В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов*	к. 1, погр. 6	Впускное	СВ	На спине, кости ног сильно согнуты, положены на погребенного. Левая рука согнута в локте, кистью ниже ребер	Сосуд лепной с резным орнаментом

шивка, аппликация, резьба по дереву и кости. Но орнаментальные мотивы, композиции вряд ли отличались от известных нам сюжетов на глиняной посуде.

Появление украшений в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье (бляхи, пуговицы, золотые накладки, изображения на кости или металле животных) также относится в основном к VI в. до н. э. Савроматская культура дает нам великолепные образцы вооружения, конской упряжи и украшений, среди которых выделяются изделия с элементами «звериного стиля». Истоки всего этого, без сомнения, находятся за пределами Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья.

Как было сказано выше, оседлая жизнь позднего этапа срубной культуры, вероятно, закончилась в IX в. до н. э. Именно с этого периода часть срубных племен Волго-Донского междуречья и Заволжья, перешедших к кочевому образу жизни, пройдя через переходный этап, подходит к рубежу с эпохой железа: т. е. в этом районе продолжают свои передвижения кочевники-протосавроматы, бедность которых по сравнению с их соседями на Кавказе, Урале, в Причерноморье и Кубани сразу же бросалась в глаза древним путешественникам. В частности, Диодор Сицилийский, сообщая о неких племенах, живших у Аракса (Волги?) и «презираемых за свое бесславие» [111], возможно, упомянул именно об этих жителях волжских степей.

Часть племен срубной культуры уходит в районы Кубани и Предкавказья, где наверняка встречается с родственными племенами — носителями скифской культуры, сложение которой, по мнению А. А. Иессена, закончилось «еще в VIII или в начале VII в.» [112]. Влившись в громадную скифскую орду [113], они в ее составе совершают походы в Переднюю Азию [114]. Только после 593 г. до н. э., в результате конфликта вождей скифов и Киаксара — царя мидян [115], скифские племена покидают Переднюю Азию и, возможно, пройдя Дарьяльским проходом [116], оказываются в Закавказье, откуда позднее отступают в Прикубанье и уходят далее в земли Северного Причерноморья.

Отдельные группы, представлявшие савроматский пласт, уйдя со скифами, отклоняются в восточном направлении [117], в сторону некогда покинутых земель, память о которых, несмотря на большой срок, наверняка сохранилась. Перейдя в Волго-Донское междуречье, а позднее и в Заволжье, пришлые племена савроматов встречаются с местными родственными «по крови» племенами. Оторванность от родных мест, дальние военные походы, общение со скифским миром и другими народами не могли не отразиться на их взглядах, обычаях и материальной культуре, близкой собственно скифам Северного Причерноморья. Вернувшись назад, они принесли с собой четко оформившиеся элементы новой культуры.

Приход их можно отчетливо установить по «внезапному» (иначе не назовешь) появлению в VI в. до н. э.[118] тех вещей, которые ранее не были им знакомы или не получили развития в среде местных кочевников. Это в первую очередь изделия из железа и секреты металлообработки, оружие, конструкция конской сбруи, украшения с мотивами «звериного» стиля. Приход савроматов отмечается и в сравнительно быстром

---

[111] *Диодор.* Историческая библиотека. II, 43, SC. 1, 458, 459.

[112] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв...., с. 49.

[113] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный, 1974, с. 14, 17.

[114] *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.. 1974, с. 105.

[115] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 17.

[116] *Клейн Л. С.* Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов.– ВДИ, 1975, № 4, с. 23.

[117] *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов.– АсбГЭ, № 13, 1971, с. 13.

[118] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 43.

переходе к выполнению некоторых новых элементов обряда погребения. Все это было воспринято родственным, этнически близким населением безоговорочно.

Только таким развитием событий можно объяснить тот факт, что характерные элементы савроматской культуры появляются в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье в уже оформившемся, готовом виде.

Таким образом: 1. переходные погребения Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья, датируемые археологами VIII—VII вв. до н. э., оставлены прямыми потомками племен срубной культуры, что и отразилось в определенной схожести погребального обряда и керамики поздних срубников и савроматов.

2. Элементы савроматской триады не местного происхождения. Они принесены в эти районы извне.

3. Окончательное сложение савроматской культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья произошло на рубеже VII—VI вв. до н. э.[119]

V. I. Mamontov

ON THE LATE BURIALS OF THE SRUBNAYA CULTURE OF THE VOLGA REGION AND THE VOLGA-DON INTERFLEW

Summary

The tribes of the srubnaya culture, which moved from the territories to the east of Volga, by the XVth – XIVth centuries B. C. occupied great territories from Volga to the Northern coasts of the Black Sea and the Kuban river. Since that time at the Don and the Lower Volga permanent settlements appear, which existed there till the population of the srubnaya culture changed its economy to the nomadic way of life (approximately the Xth – IXth centuries B. C.). The sites, related to the VIIIth – VIIth centuries B. C. represent the final period of the development of the tribes of this culture at the Lower Volga and the Volga-Don interflew. They were singled out earlier by K. F. Smirnov as «transitional». They still keep traditions, characteristic for the tribes of the srubnaya culture, but there are also variations in some elements of the ritual. The final group in the transition from the srubnaya unity to the early Savromathians is represented by the sites with large square or rechtangular pits, where the skeleton is stretched at the back, head to the west or to the east; besides the artifacts, meat of animals was laid. Pottery collections from graves also affirm the existence of the transitional period: genetic links between the late srubnaya and the early Savromathian pottery were traced. The elements of the Savromathian triada are not of the local origin. They were carried into the Volga-Don interflew and the Eastern Volga regions by the tribes from the Don and Volga, which took part in the military expeditions of the Scythian horde to the Near Asia. The final establishment of the Savromathian culture of the Lower Volga and the Volga-Don interflew took place in the late VIIth – early VIth century B. C.

---

[119] Приношу искреннюю признательность В. П. Шилову, А. С. Скрипкину и И. П. Лисицыну за предоставленную возможность опубликовать материал их раскопок в Волгоградской обл.

В. И. КОЗЕНКОВА, А. В. НАЙДЕНКО

КОБАНСКИЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ СТАНИЦЫ ИСПРАВНОЙ (СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ)

Раскопками 1970—1971 гг. экспедиции Ставропольского краевого краеведческого музея [1] выявлен один из наиболее западных могильников кобанской культуры. Имеется лишь предварительное сообщение об этих работах [2], что делает более обстоятельную публикацию и историко-культурную интерпретацию материалов нового памятника целесообразной.

Могильник расположен на первой высокой террасе левого берега р. Большой Зеленчук, в 7 *км* севернее станицы Исправной Зеленчукского р-на Ставропольского края. Предгорная местность, называемая старожилами «Абрекская балка», где расположены могилы, прикрыта с севера высокой скалой «Белая Круча». На западе и северо-западе границей могильника служит невысокий горный хребет, являющийся естественным рубежом Ставропольского и Краснодарского краев.

Следы могил на поверхности выявлялись отдельными скоплениями разбитых каменных плит, что свидетельствовало о многолетнем разрушении памятника грабителями. Для выявления нетронутых погребений было заложено четыре раскопа общей площадью около 200 *м*². Раскопы отстояли друг от друга на расстоянии 300—400 *м* вдоль обрывистого южного и юго-восточного края речной террасы (рис. 1), в связи с чем планировка могильника осталась невыявленной, а открытые погребения исследовались отдельными группами,

За два полевых сезона было раскопано 14 могил раннего железного века (см. Приложения) [3]. Все захоронения совершены в каменных ящиках (рис. 2), сложенных из плит известняка, поставленных на ребро и перекрытых сверху такими же массивными плитами (рис. 3, *1*; 4, *2*; 5, *46, 47*). Глубина ящиков от современной поверхности 1—2 *м*, форма прямоугольная, размеры самые различные. Толщина плит 7—8 *см*. Особенность конструкции некоторых ящиков заключалась в том, что они снаружи дополнительно с четырех сторон укреплялись каменными брусками (погр. 1, 4, 11—13). Стенки ящика составлялись обычно из четырех (погр. 1—2, 5, 9, 11—13) или из шести плит (погр. 4, 6, 7). Несколько ящиков составлены из мелких плиток размером 25×30 *см* и перекрыты такими же плитками (рис. 3, *2*), уложенными друг на друга плашмя (погр. 3, 10, 14). Исключение составляла могила 6, где ящик сверху был засыпан булыжником (рис. 3, *3*). Дно каменных ящиков земляное, лишь в могиле 12 оно было вымощено мелкими плитками (рис. 4, *1, 2*). Расстояние между могилами, там, где это удалось проследить, составляло

---

[1] Руководитель экспедиции А. В. Найденко.

[2] *Найденко А. В.* Раскопки в окрестностях станицы Исправной.– АО –1971. М., 1977, с. 161, 162.

[3] В тексте статьи принята сквозная нумерация погребений, соответствующая порядковым номерам в таблице.

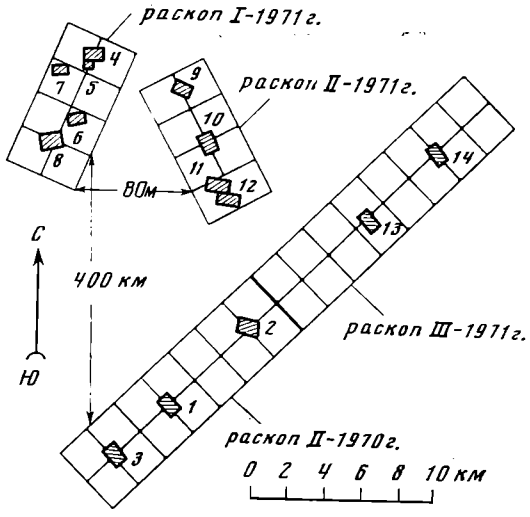


Рис. 1. Схема расположения раскопов могильника у ст. Исправной

2—3 *м*. Однако имелись случаи, когда два ящика примыкали вплотную друг к другу. В первом случае (рис. 2, *3*) это было захоронение взрослого, к ящику которого (погр. 4) был пристроен миниатюрный ящик с захоронением младенца (погр. 5). Во втором случае (рис. 2, *5*) два каменных ящика с захоронениями взрослых соприкасались углами (погр. 11 и 12). Стратиграфически погр. 11 было, видимо, более ранним, так как при сооружении каменного ящика могилы 12 угол первого был поврежден. Об относительной разновременности сооружения обоих ящиков свидетельствует и разная ориентировка захороненных в них людей (рис. 4, *1*). В погр. 11 покойник лежал головой на запад, в погр. 12 — на восток. Для могильника были характерны индивидуальные захоронения. Из 14 могил лишь в четырех были парные погребения (6, 7, 10, 13). Поза покойников скорченная, преимущественно на правом боку, в том числе и в парных захоронениях (рис. 3, *6*). Положение на левом боку зафиксированно лишь в трех могилах с индивидуальными захоронениями (погр. 1, 2, 14). Ориентировка костяков неустойчивая, но преобладала юго-восточная. Положение рук разнообразно: прижаты к груди (7, 12) или согнуты перед лицом. Особо следует отметить погр. 2, в котором у покойника левая рука, полусогнутая, была вытянута вперед и вниз к коленям, а правая согнута перед грудью (рис. 2, *4*, *7—9*).

Из других особенностей погребального обряда следует отметить обычай засыпки дна могилы углем или ее легкий обжиг (погр. 1 и 11), а также помещение в могилу или над ее перекрытием частей домашних и диких животных (погр. 1, 6, 13). Такие черты погребального обряда публикуемого могильника, как сооружение каменных ящиков, скорченность покойника на боку, устойчивость ориентировки в пределах могильника, огневой ритуал, жертвенная пища, характерны для погребального обряда кобанских племен на всей территории культуры [4]. Редкая поза, зафиксированная в погр. 1, имеет аналогию в погр. 51 Сержень-Юртовского могильника восточного варианта кобанской культуры [5]. Но по устойчивому сочетанию повторяющихся признаков (конструктивные детали каменных ящиков, поза и степень скорченности погребенных, юго-восточная ориентировка, преобладание индивидуальных захоронений) этот обряд ближе всего сопоставляется с погребальным обрядом могильников Кабардино-Пятигорья и, конечно, близкого района притоков верхней Кубани (Березовский, Кисловодский могильники, погребения на территории Мебельной фабрики в Кисловодске, Инжиччукунский, Тамгацикский и Кызыл-Калинский могильники) [6]. Особенностью Исправненского могиль-

---

[4] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 183–186, 255–258.

[5] *Козенкова В. И.* Кобанская культура (восточный вариант).– САИ. М., 1977, с. 30.

[6] *Замятнин С. Н.* Работы на строительстве КСУ в Кисловодске.– ГАИМК, 109. ОГИЗ, 1935, с. 216; *Бобин В. В.* Могильник и поселения VII–VI вв. до нашей эры на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске.– Тр. Крымского гос. мед. ин-та, т. XIX. Симферополь, 1958, с. 147–160; *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 186–218;

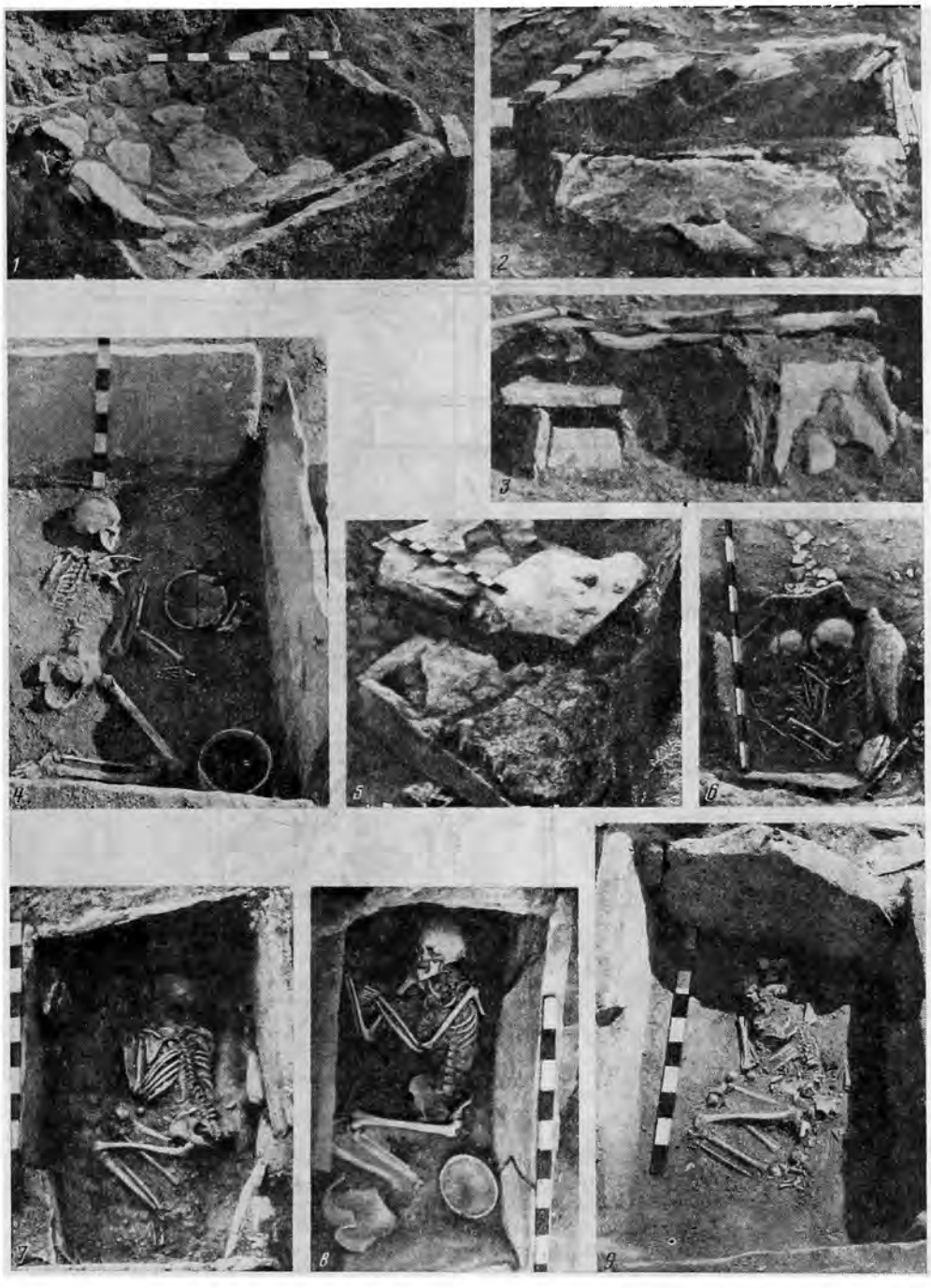


Рис. 2. Каменные ящики: *1* — погр. 1; *2* — погр. 9; *3* — погр. 4, 5; *4* — погр. 2; *5* — погр. 11, 12; *6* — погр. 7, *7* — погр. 4; *8* — погр. 11; *9* — погр. 12

ника, отличающего его от приведенных выше, является преобладание захоронений на правом боку без разделения по половому признаку. В пользу сопоставления погребального обряда могильника именно с кобанским свидетельствуют также существенные его отличия от обряда со-

---

Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.– Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976, с. 30–41, 49, 50; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 52, 53, 59–61.

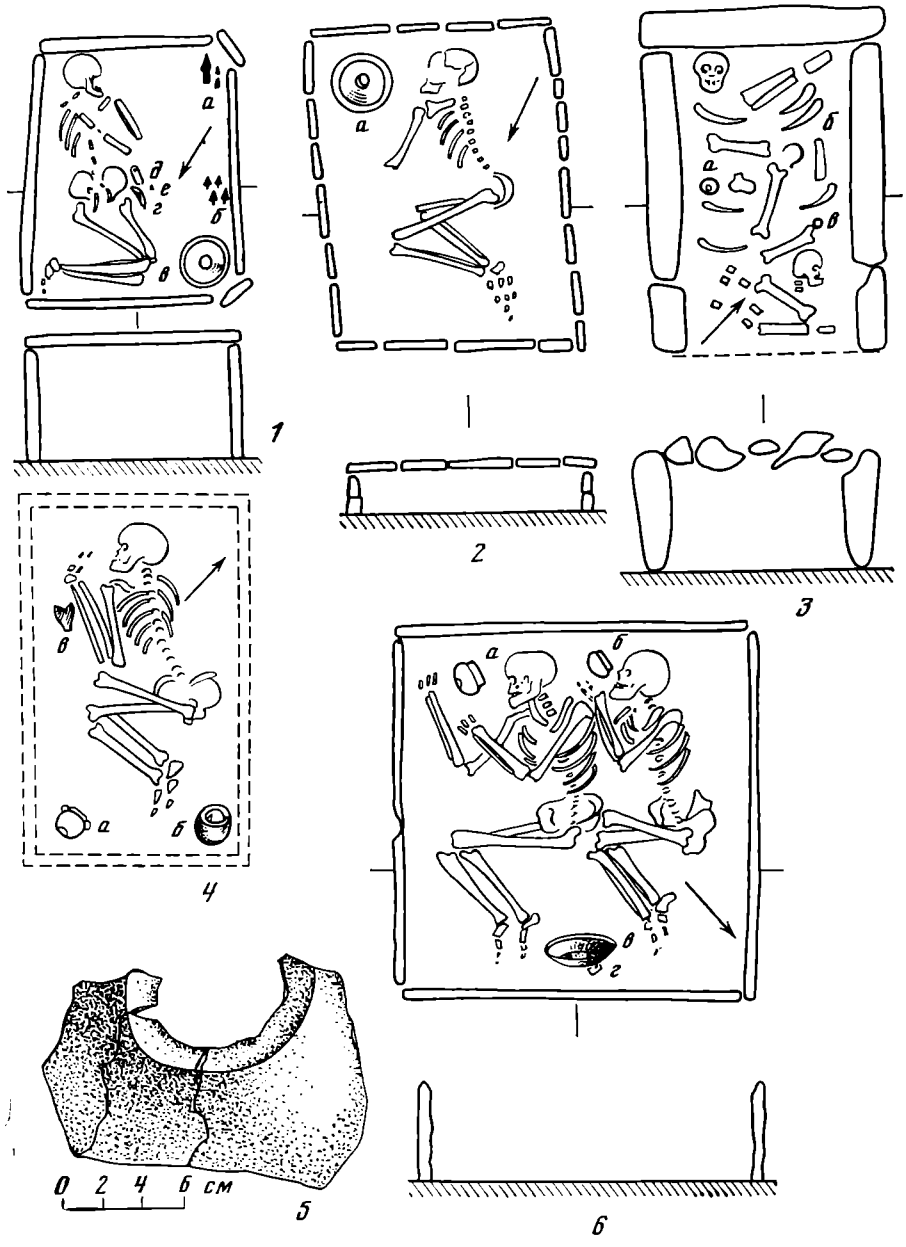


Рис. 3. Планы погребений. *1* — погр. 1 (*а* — наконечник копья и остроконечник; *б* — наконечники стрел; *в* — сосуд; *г* — нож; *д* — оселок; *е* — ворворка); *2* — погр. 3 (*а* — сосуд); *3* — погр. 6 (*а* — костяное пряслице; *б* — браслет; *в* — костяное кольцо); *4* — погр. 8 (*а*, *б* — сосуды; *в* — двузубец); *5* — часть сосуда из погр. 8; *6* — погр. 10 (*а*—*в* — сосуды; *г* — оселок)

седних с запада протомеотских и раннемеотских могильников. Для ритуала последних, как известно, характерны грунтовые могилы, преобладание вытянутой позы погребенных, положение галек в могилу[7]. Сходство наблюдалось лишь в одинаковом преобладании юго-восточной ориентировки погребенных.

Еще больше оснований для определения могильника как кобанского у станицы Исправной дает анализ погребального инвентаря. Мужские и женские захоронения выделены лишь по вещам, так как антропологических половозрастных определений не производилось.

---

[7] *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 171–176.

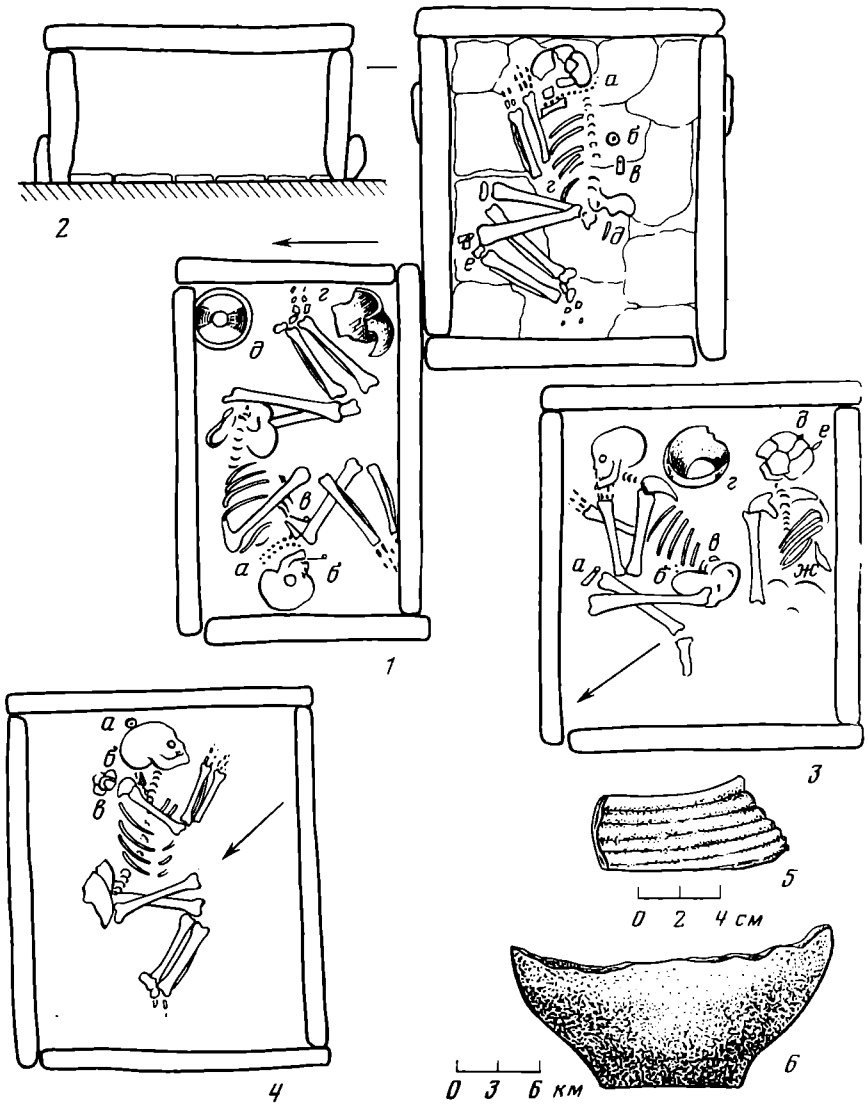


Рис. 4. Планы погребений. *1* — погр. 11 (*а* — спирали; *б*, *в* — булавки; *г*, *д* — сосуды); погр. 12 (*а* — бусы; *б* — кистень; *в* — оселок; *г* — нож; *д* — остроконечник; *е* — фрагменты миски); *2* — разрез каменного ящика погр. 12; *3* — погр. 13 (*а* — оселок; *б* — бусы; *в* — кремень; *г* — сосуд; *д* — наконечник стрелы; *е* — напильник; *ж* — нож); *4* — погр. 14 (*а* — кистень; *б* — обломок наконечника копья; *в* — обломки горшка); *5*, *6* — фрагменты горшка из погр. 13

Керамика обнаружена во всех погребениях, за исключением двух (5 и 7). Все сосуды лепные, грубоватого теста, темно-серого, черного или бурого цвета. Один сосуд (погр. 14) отличался необычным по сравнению с другими красным цветом обжига и значительной примесью песка в тесте. По назначению выделяются три категории посуды: горшки, миски и кубки. Горшки представлены четырьмя типами.

Первый тип (рис. 4, *6*; 6, *6*) — большие сосуды с шаровидным туловом, плоским дном и довольно узким устьем с плавно отогнутым венчиком — имел место в трех погребениях (6, 11, 13). Поверхность их со следами лощения и орнаментирована прочерченным геометрическим узором. Поверхность одного из таких сосудов (погр. 13), к сожалению, не сохранившегося целиком, была украшена частыми, горизонтально расположенными каннелюрами. Высота горшков первого типа не превышала 28 *см*, диаметр устья 17 *см*, диаметр тулова 30 *см*, диаметр дна около 11,5 *см*.

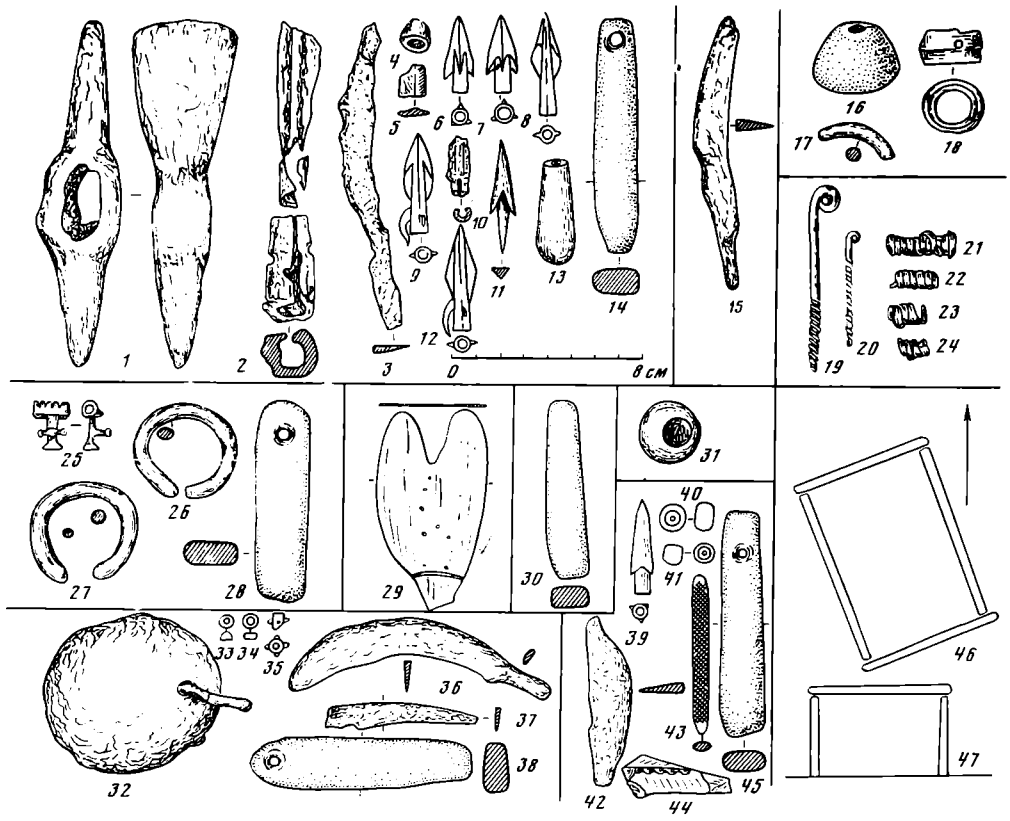


Рис. 5. Погребальный инвентарь из каменных ящиков у ст. Исправной. *1—14* — погр. 1; *15* — погр. 2: *16—18* — погр. 6; *19—24* — погр. 11; *25—28* — погр. 7; *29* — погр. 8; *30* — погр. 10; *31*— погр. 14; *32—38* — погр. 12; *39—45* — погр. 13; *46*, *47* — форма каменного ящика 2. *1—3*, *10*, *15*, *31—32*, *36*, *37*, *42* — железо; *6—9*, *12*, *17*, *19—27*, *29*, 39, *43* — бронза; *4*, *11*, *13*, *16*, *18* — кость; *5*, *14*, *28*, *30*, *38*, *40*, *41*, *44*, *45* — камень; *33—35* — стекло

Второй тип (рис. 6, *4*, *7—8*) — горшки с широким устьем, слегка отогнутым венчиком и округло-биконическим туловом. Они обнаружены в погр. 1, 2, 14. Поверхность сосудов заглаженная и орнаментирована прочерченным крестовидным (погр. 1) или елочным узором в сочетании с налепными круглыми выступами (погр. 2). Размеры сосудов: диаметр устья 8,4—22,5 *см*, диаметр тулова 10—23,8, диаметр дна 3,6—9,6, высота 7—18 *см*.

Третий тип (рис. 6, *1*) представлен всего одним экземпляром из погр. 8. Он имел шаровидное тулово, плоское дно, слегка отогнутый венчик и две «зооморфные» ручки с выступами в верхней части. Поверхность сосуда темно-серая, слегка заглаженная. Верхняя часть тулова украшена тремя параллельными горизонтальными углубленными бороздками. Высота горшка 12,8 *см*, диаметр устья 10,5, диаметр тулова 14,7, диаметр дна 6,5 *см*.

О горшках четвертого типа можно судить лишь по фрагменту, сохранившемуся в том же погр. 8. Сосуд большого размера имел, видимо, полушарную верхнюю часть, узкое устье с сильно вогнутым внутрь широким плоским венчиком. Поверхность сосуда черная, со следами залощенности (рис. 3, *5*).

Миски встречены в шести погребениях (2—4, 10—12). Выделяются два типа. Более обычен тип полусферической миски с плоским дном и с загнутым внутрь прямым венчиком (рис. 7, *1*, *3*, *5*, *6*). Поверхность заглажена и орнаментирована по самому краю пояском из одного (погр. 10, 11) или двух рядов ямок (погр. 4). Исключение составляла миска из

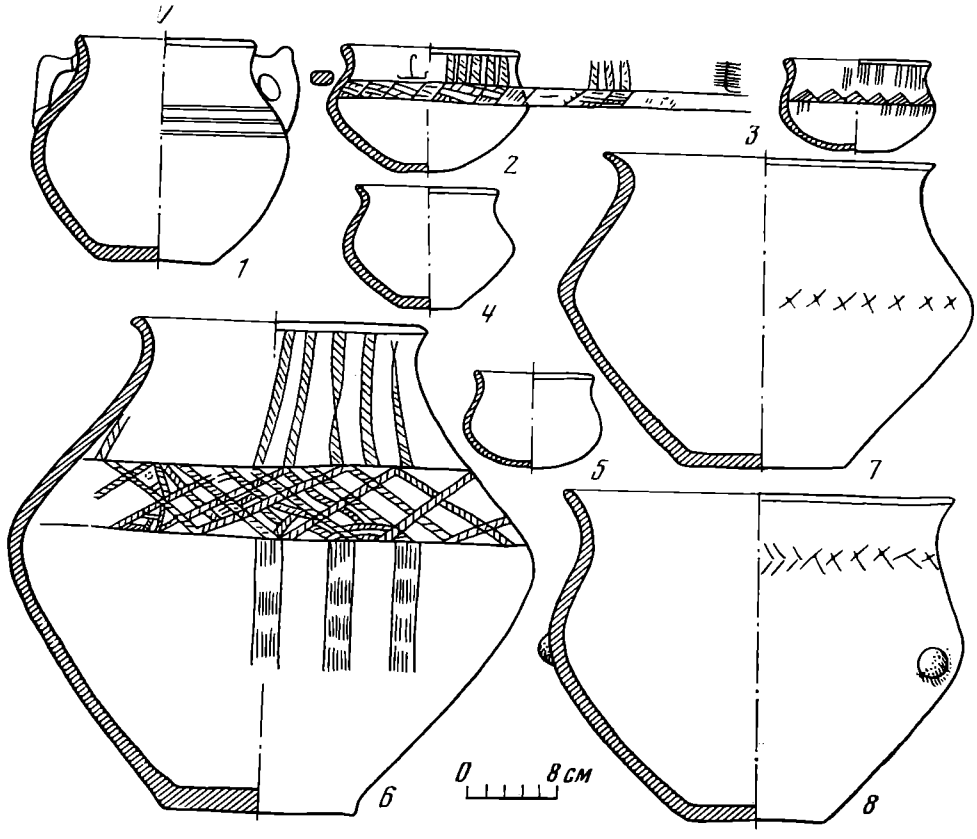


Рис. 6. Горшки и кубки из погребений у ст. Исправной. *1* — погр. 8; *2*, *3* — погр. 10; *4* — погр. 14; *5* — погр. 9; *6* — погр. 11; *7* — погр. 1; *8* — погр. 2

погр. 12. По краю венчика она имела четыре выпуклых выступа-упора. Корпус был украшен спускающимися от венчика ко дну прочерченными линиями, между которыми были нанесены ряды ямок (рис. 7, *3*). Диаметр мисок первого типа 18,5—33 *см*, высота 7—12, диаметр дна 5,5—8 *см*.

Второй тип мисок обнаружен в погр. 2 и 3 (рис. 7, *2*, *4*). Форма придонной части у них полусферическая, дно плоское, а на корпусе выше середины имелось хорошо выраженное ребро. Венчик прямой или слегка отогнут наружу. По ребру корпуса или по краю венчика был нанесен елочный орнамент. Диаметр мисок 18,8—22 *см*, диаметр дна 5,5—6,7, высота 8,3—8,8 *см*.

Кубки найдены в погр. 9 и 10. Все они круглодонные с полусферическим туловом и слегка выделенным устьем. Место, где едва намечено дно, слегка вогнуто внутрь. Поверхность сосудов в погр. 10 лощеная, серовато-коричневого цвета, со сложным геометрическим нарезным орнаментом (рис. 6, *2*, *3*). Кубок из погр. 9 орнамента не имел (рис. 6, *5*).

Керамический комплекс из могильника у станицы Исправной как по составу, так и по типологии и орнаментации находит многочисленные параллели на всей территории распространения кобанской культуры в памятниках X—VII вв. до н. э. Безусловна близость обоих типов мисок к сосудам такого же рода из Змейского, Сержень-Юртовского и Бамутского поселений, а также из Сержень-Юртовского могильника [8].

Но конечно, ближе всего миски, а также горшки первого и второго типов стоят к таким же сосудам из памятников VIII—VII вв. до н. э.

---

[8] *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры. — В сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 23, рис. 6, *3*; *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт.— СА, 1969, № 4, с. 181, рис. 3, *5*, *6*; *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1972, № 2, с. 116, рис. 3, *5*, *6*.

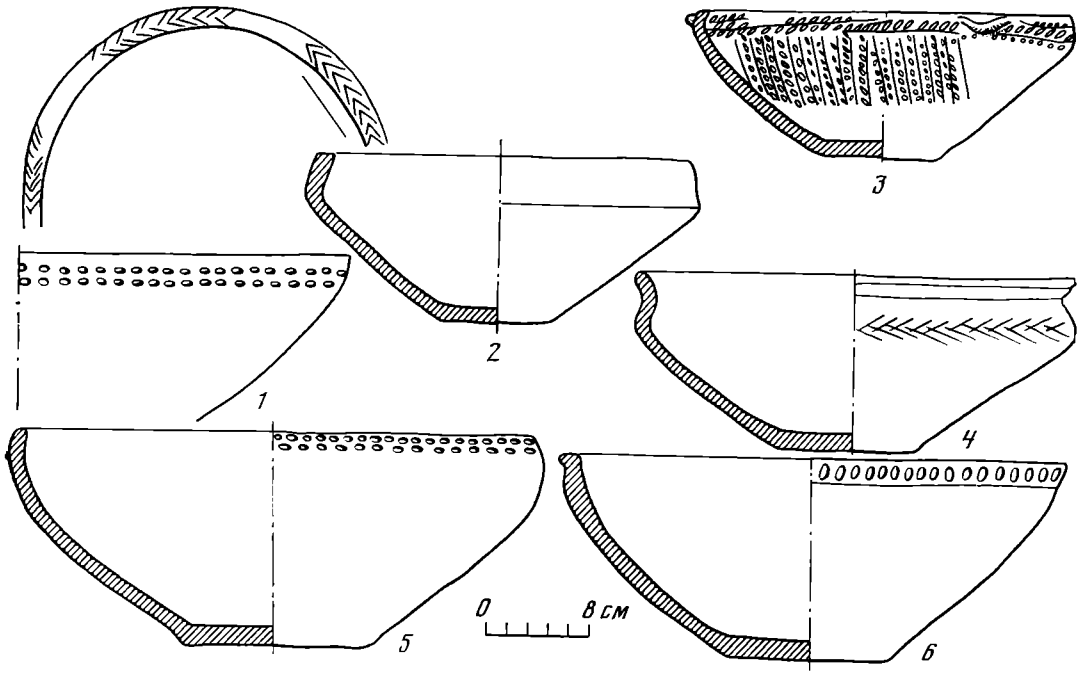


Рис. 7. Миски из погребений у ст. Исправной. *1* – погр. 10; *2* – погр. 3; *3* – погр. 12; *4* – погр. 2; *5* – погр. 4; *6* – погр. 11

Кабардино-Пятигорья (Каменномостский, Березовский, Султангорский, Сосновогорский и другие могильники) [9]. В ареале западного варианта кобанской культуры находят прямые аналогии и круглодонные кубки. Близки не только технологические особенности и пропорции сосудов, мельчайшие элементы декора, но и орнаментальные композиции [10]. В настоящее время в связи с накоплением новых данных не подтверждается мнение о появлении круглодонных кубков на Северном Кавказе в раннескифское время извне [11]. Постоянные находки их в погребальных комплексах IX—VII вв. до н. э. (Заюково, Каменномостское на Малке) убедительно свидетельствуют о более раннем бытовании здесь этой формы сосудов [12]. Не исключено, что она автохтонна, так как в окружающих синхронных культурах, даже в ближайшей к кобанской, протомеотской, круглодонные орнаментированные кубки без ручек отсутствуют. Для степных позднесрубных памятников такая форма также не характерна. Исключение составлял лишь Широчанский могильник, где близкие кавказским кубки (второй тип по А. М. Лескову) предстают как локальная особенность [13].

Не находят аналогий в материалах кобанской культуры и синхронных культурах Северного Кавказа горшки третьего и четвертого типов из погр. 8. Они сближаются лишь с сосудами из закавказских памятников IX—VIII вв. до н. э. В Триалети в Цинцкаройском могильнике в погр. 23

---

[9] *Крупнов Е. И.* Ук, соч., табл. IV, *8*; XXXI, *2*; XXXII, *1–7*; *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.– МИА, № 23, 1951, с. 130, 131, рис. 6, *8*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 325, рис. 9, *1*, *3*; с. 332, рис. 16, *1*.

[10] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 186, рис. 27, *4*; табл. XXXII, *3*; *Виноградов В. Б.*. *Рунич А. П.*, *Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 54, рис. 1, *23*; с. 55, рис. 2, *23*.

[11] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 195.

[12] *Гриневич К. Э.* Ук. соч., рис. 6, *8*; *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменномостского могильника.– В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 103, 104.

[13] *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.– В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 78–82, рис. 1, 2.

был найден горшок [14], чрезвычайно близко напоминавший пропорциями формы ручек и орнаментацией двуручный сосуд из станицы Исправной. Сосуды с шаровидной верхней частью корпуса и узким устьем с вогнутым внутрь венчиком характерны для группы древнеколхской керамики начала I тысячелетия до н. э. (Красномаяцкий могильник, погребение в сел. Нигвзиани) [15]. Примечательно, что в вещевом комплексе могильника в сел. Нигвзиани вместе с такими сосудами находились, например, кобанские бронзовые булавки с навершием в виде двух геральдически расположенных головок баранов [16].

Все эти данные дополнительно свидетельствуют о связях, существовавших между районом Прикубанья и Колхидой в начале I тысячелетия до н. э. Но в конкретном случае они особенно важны для уточнения ранней даты существования могильника у станицы Исправной.

В погребениях посуда помещалась в изголовье, в ногах у колен (миски) или перед лицом (кубки). В трех случаях в сосудах обнаружены остатки пищи из семян воробейника, гречихи татарской и белой мари и зерен пшеницы [17] (в горшках из погр. 1, 2 и в миске из погр. 3).

Орудия труда в каменных ящиках Исправненского могильника немногочисленны (рис. 5, *3, 5, 13—17, 28, 30, 36—38, 42—45*). Это кремневые отщепы со следами ретуши (погр. 1, 13), костяное пряслице (погр. 6), каменные оселки для заточки ножей (погр. 1, 7, 10, 12, 13), роговая рукоятка шила (погр. 1) и обломок железного шила (погр. 12), бронзовый напильник (погр. 13) и железные ножи (погр. 1, 2, 12, 13). Облик орудий труда отличался архаизмом, свидетельствующим о долгом бытовании у населения, оставившего могильник, древних форм каменных и костяных изделий. Таковы, например, известные в памятниках Кавказа с глубокой древности пряслица из эпифиза животного. В кобанской культуре они обнаружены в памятниках X—VII вв. до н. э. (Змейское и Сержень-Юртовское поселения) [18] и доживают до VII—VI вв. н. э. [19]

Уникален бронзовый напильник в форме утолщенной пластинки и с елочной насечкой на обеих сторонах поверхности. Аналогии предмету неизвестны.

Железные ножи находились в могилах, как правило, у пояса погребенного. Они имели выгнутую спинку и выделенный черешок. По пропорциям и размерам ножи одинаковы с обнаруженными в могильниках VIII—VI вв. до н. э. Прикубанья и Колхиды (Тамгацикский и Колосовский могильники, погребения у сел. Нигвзиани) [20].

Форма и размеры каменных оселков из изучаемых могил обычны для памятников Северного Кавказа предскифского и раннескифского периодов.

Почти каждое второе захоронение могильника содержало оружие (судя по набору инвентаря, это были мужские захоронения). Оно представлено железной секирой, железными наконечниками копий, железными «кистенями», обломками железных предметов типа дротика, костяными, бронзовыми и железными наконечниками стрел.

---

[14] *Менабде М., Давлианидзе Ц.* Могильники Триалети, вып. I. Тбилиси, 1968, табл. III, *116*, с. 36 (о дате погребения IX в. до н. э.).

[15] *Трапш М. М.* Труды, т. 2. Сухуми, 1969, с. 163, табл. XVII, *10*; *Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.* Колхский могильник VII–VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани.– КСИА АН СССР, № 151, 1977, с. 36, рис. 2, *14*.

[16] *Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.* Ук. соч., с. 38, рис. 4, *11*.

[17] Определения проводились специалистами Главного ботанического сада АН СССР (д-р наук Ф. Х. Бахтеев) и Ставропольского ботанического сада.

[18] *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 30.

[19] В погр. 158 Тлийского могильника такое пряслице было обнаружено с материалами VII–VI вв. до н. э. (по любезному сообщению Б. В. Техова).

[20] *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 308, табл. 12б, *9*; *Дитлер П. А.* Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс.— МАА, т. II. Майкоп, 1961, с. 140, 141; *Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.* Ук. соч., с. 37, рис. 3, *4*.

Железная секира (рис. 5, *1*), обнаруженная у юго-восточной стенки ящика в погр. 1, имела лезвие шириной 2,4 *см* и острый клевец на обушной части. Длина предмета 17,8 *см*. Он представлял разновидность железных топоров-секир так называемого скифского типа, хорошо известных в памятниках Северного Кавказа VII—V вв. до н. э.[21]

Наконечники копий найдены в трех погребениях (5, 2, 14). Несмотря на плохую сохранность, достаточно ясно, что все они однотипны. Для них характерны лавролистное перо с хорошо выделенным срединным ребром и круглая в сечении разрезанная втулка (рис. 5, *2*). Подобного типа наконечники копий были обычны в погребениях Северного Кавказа в предскифское и раннескифское время не позднее первой половины VI в. до н. э. По мнению специалистов, такие наконечники скорее всего были местными, производными от более ранних бронзовых. Ближайшие аналогии им имели место в Колосовском могильнике, в погребении на горе Бештау (находка 1951 г.), а также в Березовском 1 могильнике близ Кисловодска[22].

Наконечники стрел обнаружены в двух погребениях (1, 13). Набор стрел в погр. 1 оказался чрезвычайно важным для хронологии могильника (рис. 5, *6—12*). Костяной черешковый трехгранный наконечник, к сожалению, не имеет точных аналогий (рис. 5, *11*). Остальные семь (5 бронзовых двулопастных и трехлопастных с шипом и без шипа на втулке и 2 железных двулопастных втульчатых) хорошо известны в многочисленных памятниках конца VII начала VI в. до н. э. Северного Причерноморья и Кавказа[23]. Бронзовый трехгранный втульчатый наконечник из погр. 13 датируется в пределах VI в. до н. э. (рис. 5, *39*). Он был обнаружен возле черепа погребенного, лежавшего на груди лицом вниз.

Железные шаровидные предметы, скорее всего кистени, найдены в погр. 12 и 14 (рис. 5, *31, 32*). Диаметр предметов 2,3—7,7 *см*. Аналогии им неизвестны.

Невыразительны фрагменты предметов, подвергнувшихся сильной коррозии, предположительно дротиков (погр. 1, 2). Можно было разобрать, что это втульчатые остроконечники, но тип и размеры не устанавливаются из-за разрушенности.

Оружие в погребениях располагалось непосредственно около захороненных или у стен каменного ящика. Так, железная секира лежала у восточной стенки, наконечники копий — в южном углу (погр. 1, 2) или под левым плечом (погр. 14). Наконечники стрел в погр. 1 лежали у северо-западной стенки. «Кистени» обнаружены у пояса (в погр. 12 рядом с ножом и оселком) или под черепом (погр. 14).

Украшения обнаружены в шести погребениях. Они немногочисленны, но достаточно выразительны. Это бронзовые булавки, браслеты, привески и пронизки для ожерелья, бусы, костяная ворворка. Две булавки входили в состав вещевого комплекса могилы 11. Они имели форму стержня, один конец которого был раскован и завернут в трубочку, а второй — заострен. Особенностью булавок являлась обмотка нижнего конца тонкой бронзовой проволокой (рис. 5, *19, 20*). Обе булавки однотипны и различались только размерами и формой сечения стержня. Одна, длиной 4,8 *см*, была круглая в сечении и украшала головной убор. Вторая, длиной 7,8 *см*, прямоуголь-

---

[21] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 432; табл. X, *4*; *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 180, рис. 26, *12*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 329, рис. 13, *2*; с. 345, рис. 29, *3, 6*.

[22] *Дитлер П. А.* Ук. соч., с. 134, табл. I, *4*; *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, 1955, с. 125, рис. 14; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов М. М.* Ук. соч., с. 36—42.

[23] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 284, рис. 48, *1—3*; *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.— Археологія. № 12, 1973, с. 16—23, рис. 2—4.

ного сечения, служила для скрепления одежды на груди. Булавки с навершием в виде трубочки обычны для кобанских могильников и поселений на широкой территории распространения культуры. Но самые близкие параллели (длина, пропорции) они находят в памятниках VIII—VII вв. до н. э. Кисловодской котловины и верховий Кубани (Березовский 1, Эшкаконский, Эчкивашский, Сосновогорский, Султангорский могильники, находки на Гоначхирской поляне) [24]. Бронзовые браслеты обнаружены в погр. 6 (обломок) и 7 (два целых экземпляра). Браслеты с несомкнутыми обрубленными концами, круглые в сечении (рис. 5, *17, 26, 27*), диаметр их 3,9 *см*. Аналогии многочисленны в материалах VIII—VII вв. до н. э. западного варианта кобанской культуры [25] и в памятниках так называемой прикубанской культуры [26].

Бронзовая привеска, стилизованная под «антропоморфную», обнаружена под черепом скелета в погр. 7. Высота привески 1,4 *см*, диаметр трубочки для продергивания нити 1,4 *см* (рис. 5, *25*). Точные аналогии предмету неизвестны, но похожие в целом, несколько упрощенные экземпляры таких привесок имели место в памятниках VI—V вв. до н. э. верхней Кубани (Тамгацикский и Карабашевский могильники) [27].

Бронзовые спиральные пронизки диаметром 1,2 *см* для ожерелья были найдены в погр. 11, где они обнаружены в области шеи и под черепом (рис. 5, *21—24*). Аналогичные украшения многочисленны в памятниках кобанской культуры.

Бусы найдены только в двух погребениях. В погр. 12 обнаружены бусы из стекловидной пасты, неясного в настоящее время цвета. Форма их усеченно-коническая (7 экз.), кольцевидная (4 экз.) и бочковидная с тремя выпуклыми шишечками на поверхности (2 экз.). Последние имеют весьма архаичный облик и напоминают бусы из погр. 16 конца II тысячелетия до н. э. Кумбултского могильника «Верхняя Рутха» [28]. Средний диаметр бус 0,4 *см* (рис. 5, *33—35*). В погр. 13 у первого скелета под боком лежало пять бус из розового сердолика (три бочковидные и две кольцевидные). Сверление коническое, одностороннее. Диаметр бус 0,5—1,3 *см* (рис. 5, *40, 41*). Такие бусы постоянно встречались в погребениях первой половины I тысячелетия до н. э. в большинстве памятников кобанской культуры.

Вероятно, украшением служила и конусовидная костяная полированная ворворка из погр. 1 (рис. 5, *4*). Высота ее 1 *см*, диаметр основания 1 *см*. В могиле она находилась рядом с железным ножом и оселком у пояса погребенного. Аналогичные ворворки изредка встречались на Северном Кавказе в памятниках скифо-савроматского периода (слой VII—V вв. до н. э. на Сержень-Юртовском поселении, курган V у сел. Гойты) [29], но известны они и позднее [30].

Из предметов неясного назначения необходимо упомянуть бронзовый двузубец (погр. 8) и костяное кольцо (погр. 6). Бронзовый двузубец (рис. 5, *29*) имел форму овальной пластинки размером 4,7×8,5 *см*. На одном конце пластины выделялся обломанный черешок; на втором конце имелся треугольный вырез. На поверхности нанесены пунсоном выпуклые

---

[24] *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 29, рис. 8, *6*; *Иессен А. А.* Прикубанский очаг, с. 91, рис. 19; *Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон.— КСИИМК, № 64, 1956, с. 137, рис. 59, *4, 5*; *Крупнов Е. И.* Ук. соч., табл. V, *10*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 59–61, рис. 6–8.

[25] *Замятнин С. Н.* Ук. соч., с. 224, рис. 207, *2*; *Егоров Н. М.* Ук. соч., с. 137, рис. 59, *1*.

[26] *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 93, рис. 22.

[27] *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 307, 312, табл. 12а, *6*; табл. 14б, *21*.

[28] *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.– МИА, № 23, 1951, с. 75, рис. 19, *8, 9*.

[29] *Марковин В. И.* Скифские курганы у сел. Гойты.– СА, 1965, № 2, с. 164, рис. *4, 9*.

[30] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.– МИА, № 101, 1961, с. 28, 29.

точки. Около черешка, как бы отделяя его от остальной части пластины, проходила гравированная дуговидная бороздка. Аналогичный двузубец, но лучшей сохранности известен в погр. 94 Красномаяцкого могильника в Колхиде. Предмет этот, по мнению М. М. Трапша «связанный с ритуальным обрядом, посвященным культу молнии», достаточно определенно датировался всем комплексом (бронзовый топор колхидского типа, ранняя форма бронзового наконечника копья с раскрытой длинной втулкой, корчага с геометрическим орнаментом) не позднее IX в. до н. э.[31]

Костяное кольцо (рис. 5, *18*) усеченно-цилиндрическое с ребром по центру и сквозным отверстием около него скорее всего служило украшением рукоятки или древка какого-либо предмета. Диаметр кольца 2,1 *см*, высота 1,5 *см*. Близкие аналогии предмету неизвестны.

Итак, анализ погребального обряда и вещевого комплекса из каменных ящиков у станицы Исправной дает возможность ближе всего сопоставлять культуру населения, оставившего могильник, с кобанской культурой Северного Кавказа, и в первую очередь с памятниками западного кабардино-пятигорского варианта. Однако, входя в круг кобанских памятников, могильник несомненно имел отдельные черты локального своеобразия. Специфика некоторых предметов (керамика, украшения) и черт погребального обряда отражала некоторые особенности, присущие верхнекубанской группе памятников, а возможно, только бассейна р. Большой Зеленчук. Хронологически, на основе аналогий, каменные ящики могут быть отнесены к рубежу IX—VIII вв. до н. э. (отдельные погребения), но в основном к VII—VI вв. до н. э. В ряде случаев стратиграфическое соотношение погребений свидетельствовало о непрерывности функционирования могильника на протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. Так, более поздние (по вещам) погребения никогда не перекрывали более ранние. Лишь в одном случае каменный ящик погр. 3 был незначительно поврежден при сооружении каменного ящика погр. 4. Об этнокультурном единстве группы населения, оставившего могильник, выразительно свидетельствует, например, погр. 13, где было, по всей видимости, дважды и в разное время совершено захоронение покойников. Погребальный обряд почти не отличался. Близка поза захороненных, сохранена одна и та же юго-восточная ориентировка. Несколько отличалась лишь степень скорченности. Но погребальный инвентарь свидетельствовал об определенном хронологическом разрыве между двумя погребениями. Весь комплекс предметов первого покойника (крупный оселок с отверстием, сердоликовые крупные бусы с односторонне коническим сверлением, кремневый вкладыш с ретушью, обломки большого горшка с широким устьем, декорированным продольными рельефными линиями, лопатка овцы в ногах) чрезвычайно близок по характеру верхнекубанским комплексам могил VIII—VII вв. до н. э. Захоронение второго покойника хорошо датировалось VI в. до н. э. бронзовым трехгранным втульчатым наконечником стрелы скифского типа, чему не противоречило присутствие в комплексе маленького железного серповидного ножа и бронзового напильника. Учитывая все вышесказанное, можно думать, что первое погребение относится к рубежу VIII—VII вв. до н. э.

Относительно точно датированные предметы имелись лишь в отдельных могилах. Однако приведенные выше параллели позволили предположительно все исследованные могилы распределить хронологически следующим образом.

Самой ранней, судя по аналогиям, оказалась могила 8 (по отчету 1971 г. погр. 5 в раскопе I). Все предметы комплекса (двузубец и сосуды) укладываются в пределы IX—VIII вв. до н. э., что дает основание для датировки погребения рубежом этих двух веков или самым началом

[31] *Трапш М. М.* Труды, т. 2, с. 207, с. 145, табл. XV, *1*.

VIII в. до н. э. Отличалось погребение 8 от остальных и северо-западной ориентировкой.

Пять погребений отнесены нами к VIII в. или не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э. (погр. 6, 7, 10, 11, 13 (1)). В составе вещевого комплекса их железные предметы отсутствуют, заметны архаичные черты, большинство аналогий имеется в материалах VIII—VII вв. до н. э.

Четыре погребения (4, 9, 12, 14), близкие по составу инвентаря предыдущей группе, но содержавшие железные предметы (наконечники копий и дротиков, ножи, «кистени», шилья), а также сосуды, аналогичные по форме сосудам VIII—VII вв. до н. э., но другого теста и без орнамента (типа круглодонного кубка из погр. 9), отнесены нами к VII в. до н. э. Кстати, в могильнике указанные выше наиболее ранние захоронения размещались в непосредственной близости (рис. 1).

К рубежу VII—VI вв. до н. э. или, может быть, самого начала VI в. относилось погр. 1 (по отчету 1970 г. погр. 1 в раскопе II). Дата устанавливается по набору наконечников стрел (бронзовых, железных и костяного), ближе всего сопоставимых с наборами стрел в таких памятниках, как курганы у сел. Жаботин, хут. Алексеевского и Ставрополя, а также Самтаврского могильника и крепости Кармирблур [32]. Не противоречит дате и ранняя форма железного наконечника копья с лавролистным пером, рельефным ребром по центру пера и разрезной втулкой. К VI в до н. э., но несколько позднее, чем погр. 1, отнесены нами также погр. 2, 3 и упомянутое выше погр. 13(2) с бронзовым втульчатым трехгранным наконечником стрелы.

Подчеркивая всю условность столь дробного хронологического разделения погребений, считаем, что оно все же в целом не противоречит имеющимся данным, в том числе и горизонтальной стратиграфии могил.

Дата	Погребения
VI в. до н. э.	2, 3, 13(2) – с наконечником стрелы,
Рубеж VII–VI вв. до н. э.	1 (1, р-II, 1970 г.) – с наконечниками стрел
VII в. до н. э.	4, 9, 12, 14
VIII–VII вв. до н. э.	7, 10, 11, 13(1)
Рубеж IX–VIII вв. до н. э.	8 (5, р-I, 1971 г.)

Материалы Исправненского могильника содержат ценные археологические свидетельства о хозяйственной деятельности обитавшей в этом районе группе населения. Находки в могилах зерен пшеницы и гречихи, а также злаков сорняков, им сопутствующих, находки костей домашних (коза и овца) и диких (тур, дикий кабан, зубр) животных свидетельствуют о длительном устоявшемся оседлом земледельческо-скотоводческом укладе жизни.

Материальная культура памятника по большинству признаков сопоставима и может быть поставлена в один ряд с культурой многочисленных бытовых и погребальных памятников западного варианта кобанской культуры. Последнее обстоятельство делает публикуемый новый памятник одним из первостепенных при уточнении западной границы кобанской культуры. Характер большого числа известных разрозненных, а теперь и комплексных находок с верховий Кубани свидетельствует о назревшей необходимости включения этого района в ареал вышеупомянутой культуры, может быть, в виде особой верхнекубанской группы, органически связанной с районами Пятигорья [33].

Все больше оснований получает высказанное в свое время мнение Е. П. Алексеева, Е. И. Крупнов) [34] о более западном, чем предполагал

---

[32] *Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 16, рис. 2. *5а*; с. 19, рис. 3, *2и*, *3а*, *4б*; рис. 4, *1в*, *3д*, *5а*.

[33] *Козенкова В. И.* К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры. Тезисы докл. на VII Крупновских чтениях в Черкесске в апреле 1977 г.

[34] *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 53; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 79, 82.

Приложение

№ п.п.	Номер погребения по отчету	Размер кам. ящика, м	Количество скелетов	Положение скорченное на боку		Ориентировка	Особенности погребального ритуала	Погребальный инвентарь
				левый	правый			
1	1 (II, 1970) *	1,2×1,6×0,7	1	+	–	ЮВ	Кости животных у восточной стенки (рог тура, челюсть козы, рог безоаровой козы); сажистая земля и угли на дне ящика	Роговая рукоятка шила; костяная ворворка, кремневый отщеп, каменный оселок, железная секира, железный наконечник копья, железный дротик, железный нож, 5 бронзовых наконечником стрел, 2 железных наконечника стрел, 1 костяной наконечник стрелы; горшок с орнаментом (рис. 6, 7), обломки сосуда
2	2 (II, 1970)	1,2×1,5×0,7	1	+	–	ЮЮВ	–	Железный наконечник копья, обломок железного дротика, железный нож, сероглиняная миска (рис. 7, *4*), горшок с пшеницей (рис. 6, *8*)
3	3 (II ,1970)	1,2×1,6×0,2	1	–	+	ЮЮВ	–	Миска с зерном пшеницы (рис. 7, *2*)
4	1 (I, 1971)	0,9×1,4×0,5	1	–	+	ВЮВ	–	Миска (рис. 7, *5*)
5	2 (I, 1971)	0,3×0,5×0,2	1	Тлен		В – ЮВ	–	–
6	3 (I, 1971)	0,7×1,25×0,48	2	Разрушены ВЮВ – ЗСЗ			Кости дикого кабана и зубра (над ящиком)	Костяное пряслице из эпифиза животного; костяное кольцо, обломок бронзового браслета, фрагмент сосуда с елочным орнаментом
7	4 (I, 1971) детск.	0,45×0,6×0,25	2	1) – 2) –	+ +	ВЮВ ВЮВ	–	1) Два бронзовых браслета, бронзовая антропоморфная привеска 2) Каменный оселок
8	5 (I, 1971)	0,8×1,4×0,2	1	–	+	ЗСЗ	Плиты ящика не сохранились	Бронзовый двузубец, обломки горшка горшок с ручками (рис. 6, *1*)

Продолжение

№ п.п.	Номер погребения по отчету	Размер кам. ящика, *м*	Количество скелетов	Положение скорченное на боку		Ориентировка	Особенности погребального ритуала	Погребальный инвентарь
				левый	правый			
9	1 (II, 1971)	0,55×0,95×0,6	–	–	–	ВЮВ – ЗСЗ	–	Горшок (рис. 6, *5*)
10	2 (II, 1971)	1,4×1,5×0,45	2	– –	1) + 2) +	ЮЗ ЮЗ	–	1) Кубок с орнаментом (рис. 6, *2*) 2) Кубок с орнаментом (рис. 6, *3*), между скелетами – миска (рис. 7, *1*) и оселок
11	3 (II, 1971)	0,8×1,35×0,6	1	–	+	З	Уголь на полу ящика	Две бронзовые булавки, бронзовые пронизки, горшок (рис. 6, *6*) и миска (рис. 7, *6*)
12	4 (II, 1971)	1×1,35×0,52	1	–	+	В	–	Железный нож, обломок железного шила, железная пластина, железный кистень, оселок, стеклянные бусы, миска (рис. 7, *3*)
13	1 (III, 1971)	1,1×1,3×0,7	2	–	1) + 2) Лицом вниз	ЮВ ЮВ	Лопатка овцы в ногах	1) Обломок кремня, оселок, сердоликовые бусы, горшок (рис. 4, *5*, *6*) 2) Железный нож, бронзовые напильник и наконечник стрелы.
14	2 (III, 1971)	1,1×1,4×0,7	1	+	–	ЮВ	–	Железный наконечник копья, железный кистень, горшок (рис. 6, *4*)

Примечание. Здесь и далее цифры последовательно обозначают номер погребения в отчете, номер раскопа, год раскопок по отчету.

А. А. Иессен[35], расположении смешанной контактной зоны между кобанскими и протомеотскими (в широком смысле) памятниками Северного Кавказа. В свете имеющихся данных наиболее близка к истине, по нашему мнению, оказалась Е. П. Алексеева, писавшая по поводу границы между раннемеотской и позднекобанской культурами, что «зоной стыка этих культур являлась долина Урупа»[36]. Накопление новых материалов из памятников самого начала I тысячелетия до н. э. типа Инжиччукунского могильника и Кяфарского клада (случайно разрушенные погребения в станице Исправной, находки в пещере горы Шисса близ станицы Зеленчукской и др.) делает этот вывод вполне правомерным и для более раннего периода — X—VII вв. до н. э.

V. I. Kozenkova, A. V. Naydenko

A CEMETERY OF THE KOBAN CULTURE NEAR VILLAGE ISPRAVNAYA

Summary

The article is devoted to one of the most western cemeteries of the Koban culture. The cemetery is situated at the bank of the river Bolshoy Zelenchuk at the Upper Kuban. In 1970—1971 fourteen burials were excavated. All burials were in rectangular vaults made of limestone slabs and covered by massive slabs. Characteristic for the cemetery are individual burials, but 4 twin burials were also found. All skeletons were squirmed on their right or left side. The orientation is irregular, the south-eastern prevails. The bottom of the grave was slightly burned or covered with charcoal. Funeral rites and grave furniture (ornamented vessels, bronze ornaments, iron and bronze weapons and tools) find numerous analogies at the territory of the distribution of the Koban culture, dated to the X—XI centuries B. C., especially among the antiquites of the Kabarda — Pyatigorsk variant. The cemetery near village Ispravnaya can be dated to the late IX – early VIII century B. C. (some burials), and mainly to the VII—VI century B. C.

---

[35] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг, с. 84, 101, рис. 34.
[36] *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 57.

И. Б. БРАШИНСКИЙ, К. К. МАРЧЕНКО

ЕЛИЗАВЕТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДОНУ — ПОСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО ТИПА

Известно, что наиболее крупные укрепленные поселения IV—III вв. до н. э. степной зоны Северного Причерноморья, такие как Каменское городище на Днепре, городище у Белозерского лимана близ Херсона и Елизаветовское городище в дельте Дона, ряд исследователей относят к категории поселений городского типа. Первым в научной литературе такую точку зрения высказал М. И. Артамонов, определивший Каменское и Елизаветовское поселения как резиденции кочевой знати, средоточия ремесла и торговли [1]. Им же в конце 40-х годов была нарисована, правда весьма схематично, картина трансформации мест постоянных зимовок отдельных кочевых общин, расположенных в маргинальных районах (в частности, на территории дельты Дона), в города [2].

Работы Д. Б. Шелова [3], А. М. Хазанова [4] и др., и особенно Б. Н. Гракова [5], существенно развили и дополнили замечания М. И. Артамонова прежде всего относительно Каменского городища на Днепре. В настоящее время это крупнейшее степное поселение IV—III вв. до н. э. характеризуется как центральное место, возможно столица, одного из древнейших государственных объединений скифов-кочевников, ремесленный по преимуществу и торговый центр, снабжавший продукцией своих металлургов жителей степной зоны Северного Причерноморья к западу от р. Танаис (Дон) [6].

Что касается двух других крупных поселений степной зоны — Белозерского и Елизаветовского, то их роль и значение в жизни кочевого и оседлого населения степи, равно как и морфология, до сих пор выявлены явно недостаточно для обоснованного решения вопроса об их принадлежности к категории поселений городского типа. Относительно обширного городища у Белозерского лимана в настоящее время сказать что-либо определенное вообще затруднительно, поскольку оно никогда не раскапывалось в сколько-нибудь значительных масштабах и в распоряжении исследователей практически нет никаких материалов для его конкретной характеристики.

Значительно лучше обстоит дело с возможностью выяснения характера и роли Елизаветовского поселения в Донской дельте. Сравнительно недавно детальный анализ опубликованных материалов из раскопок этого памятника провел Д. Б. Шелов, пришедший к ряду весьма интересных

---

[1] *Артамонов М. И.* Вопросы истории скифов в советской науке.— ВДИ, 1947, № 3, с. 70, 71.

[2] *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов.— ВДИ, 1949, № 1, с. 29, 30.

[3] *Шелов Д. Б.* Царь Атей.— НС, № 2, 1965, с. 21; *его же.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 18, 19.

[4] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 241.

[5] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36, 1954.

[6] *Граков Б. Н.* Ук. соч.

выводов о соотношении отдельных отраслей экономической деятельности жителей Елизаветовского поселения и общей структуры их хозяйства [7]. Он же впервые достаточно четко и обоснованно очертил ареал торговой активности Елизаветовского поселения, показав вместе с тем полную экономическую зависимость целого ряда небольших населенных пунктов Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья IV—III вв. до н. э. от его торговой экспансии [8].

Высоко оценивая результаты проделанной Д. Б. Шеловым работы по выяснению характера, значения и роли Елизаветовского поселения на Дону в жизни оседлого и кочевого населения степной и лесостепной зон Северо-Восточного Причерноморья и соглашаясь с его аргументацией в пользу возможности отнесения этого поселения к категории поселений городского типа, мы вместе с тем не можем не отметить, что в распоряжении автора была крайне ограниченная источниковедческая база — главным образом материалы весьма небольших по масштабу раскопок А. А. Миллера и В. П. Шилова. Это обстоятельство, естественно, не позволило Д. Б. Шелову выявить все наиболее показательные для характеристики поселения стороны жизнедеятельности его обитателей. В силу этих же объективных причин крайне ограниченной оказалась и информация о морфологии самого городища — его внешнем облике, облике и структуре его оборонительных сооружений, жилищ и т. д.

В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел на основе современного состояния обследований Елизаветовского городища. Основой источниковедческой базы работы являются материалы раскопок Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1966—1977 гг. При этом, разумеется, учтены и данные, полученные в результате прежних исследований.

При анализе материалов из раскопок Елизаветовского городища мы исходим из желательности и необходимости выяснения в первую очередь роли этого поселения в жизни синхронного оседлого и кочевого населения его ближайшей округи, т. е. района Нижнего Подонья, что, естественно, требует определения его основных функций. Облик и размеры городища, количество населявших его жителей — признаки важные в других отношениях — при таком подходе играют второстепенную роль. В теоретическом плане такой подход основывается на исследованиях городов целого ряда современных географов, таких, например, как Жаклин Боже-Гарнье и Жорж Шабо, Роберт Дикинсон, Кингсли Дэвис, Джон Александер [9] и др.

Изучение всего комплекса археологических источников позволяет в настоящее время предполагать следующие основные функции Елизаветовского поселения: 1) торговая — центр крупной оптовой внешней («международной») и межплеменной торговли в дельте Дона в IV — начале III в. до н. э., 2) центральное поселение [10] Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья, 3) административный центр этого же района, сезонная или, возможно, постоянная резиденция родо-племенной верхушки, 4) убежище.

Остановимся кратко на обосновании и характеристике перечисленных функций.

Наиболее показательным материалом для обоснования торговой функции Елизаветовского поселения являются остатки греческих остродон-

---

[7] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 51—53.

[8] Там же, с. 53—59.

[9] *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М., 1976, с. 104 сл.; *Александер Дж.* «Базовые» и «небазовые» экономические функции городов.— В сб.: География городов. М., 1965, с. 80 сл.; *Дикинсон Р.* Предмет и современное состояние географии городов.— Там же, с. 23 сл.; *Дэвис К.* Зарождение и развитие городов на земном шаре.— Там же, с. 69 сл.

[10] *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М., 1977, с. 84.

ных амфор — керамической тары, в которой в дельту Дона ввозилось вино. При анализе этого материала выясняется, что вино поступало сюда крупными партиями, нередко состоявшими, вероятно, из сотен сосудов, вмещавших многие сотни декалитров вина.

Развитие внутреннего рынка проявляется, прежде всего, в единстве предметов импорта как в главном центре торговли — Елизаветовском поселении, так и в зависимых от него близлежащих мелких поселениях дельты Дона, а также подтверждается находками предметов торгового инвентаря, характерного для развитой внутренней, в частности оптовой, торговли — свинцовых гирь-разновесов, представляющих собой уникальное явление для варварского поселения [11].

Торговый обмен на поселении в течение всего времени его существования был по типу натуральным: за все годы раскопок найдено лишь 4 монеты (2 пантикапейские и 2 ольвийские), которые ясно указывают на то, что монета здесь не служила средством обращения, всеобщим эквивалентом в торговом обмене. Вместе с тем торговый обмен на Елизаветовском поселении носил постоянный, а не эпизодический характер, что, в частности, подтверждается наличием здесь фундаментальных построек складского назначения. Ярким примером таких зданий может служить «Дом виноторговца» — два строительных комплекса, хронологически последовательных, но функционально, несомненно, тесно связанных друг с другом, что позволяет рассматривать их в качестве одного торгового центра [12]. Более раннее здание имело специальный погреб-хранилище, предназначенный для хранения амфор. В нем были обнаружены пять целых гераклейских амфор, происходящих из одной гончарной мастерской. Погреб мог вмещать по меньшей мере несколько десятков амфор. На полу здания были обнаружены упомянутые выше свинцовые гири-разновесы весом в одну аттическую мину и в две мины (так называемая двойная мина, или статер). Особенно важна находка второй гири, носившей в древности также название «торговой мины», которая, согласно данным письменных источников, использовалась обычно в оптовой и заморской торговле. Небезынтересно отметить, что находка «торговой мины» аттической системы на Елизаветовском городище является первой подобного рода находкой в Северном Причерноморье вообще. Вместе с гирями было найдено 48 лежавших кучкой астрагалов, которые скорее всего могли использоваться для счета.

С «Домом виноторговца» связан и «склад» раздавленных амфор, состоявший из многих сотен сосудов. Одних лишь амфорных клейм здесь было найдено около 150 — случай беспрецедентный для варварского поселения. Анализ клейм определенно подтверждает высказанное нами утверждение о закупке амфор с вином крупными партиями,— об этом бесспорно свидетельствуют десятки повторяющихся клейм одной гончарной мастерской или одного городского магистрата (т. е. одного года выпуска). Этот же анализ позволяет высказать предположение, что греческому импорту на поселении был присущ «пульсирующий» характер, а это, с нашей точки зрения, является одной из отличительных черт греко-варварской торговли вообще [13].

Елизаветовское поселение выполняло функцию центрального поселения в районе Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья. Как уже упоминалось выше, впервые на это обратил внимание Д. Б. Шелов,

---

[11] *Брашинский И. Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону.— КСИА АН СССР, № 145, 1976, с. 68 сл., рис. 1.

[12] *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону.— СА, 1978, № 2.

[13] *Брашинский И. Б.* Греко-варварская торговля античного Причерноморья и ее особенности в Колхиде.— Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья». Тезисы докладов. Тбилиси, 1975, с. 36.

указавший, что в единстве импортного материала Елизаветовского городища и целого ряда сравнительно небольших поселений, существовавших на этой территории в IV — начале III в. до н. э., нужно видеть следствие активности жителей Елизаветовского поселения[14]. В настоящее время количество известных нам поселений в дельте Дона и Северо-Восточном Приазовье заметно увеличилось и достигает полутора-двух десятков. Ни на одном из них до сих пор не обнаружено следов деятельности местных ремесленников. Единственным пунктом на рассматриваемой территории, где такие следы, и притом значительные, выявлены,— это Елизаветовское городище. Судя по весьма многочисленным находкам металлических и керамических шлаков, медных и железных криц, фрагментам литейных форм, наковальни, льячки, остаткам печей, соплу, готовым изделиям и полуфабрикатам из металла, камня, глины и кости, Елизаветовское поселение было крупным и, по-видимому, единственным центром ремесленного производства на Нижнем Дону в скифское время, поставлявшим подавляющее большинство предметов, необходимых в повседневной жизни оседлого и кочевого населения обширной степной зоны Северо-Восточного Причерноморья. Именно отсюда весь разнообразный набор изделий местных ремесленников — от простой проколки и грузиков для вертикального ткацкого станка до полного набора вооружения конного воина — распространялся по поселениям и кочевьям Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья и далеко за их пределами. В связи со сказанным важно отметить, что за последние годы на Елизаветовском городище зафиксировано существование в IV в. до н. э., скорее всего во второй половине столетия, довольно обширного района (зоны), в пределах которого отмечена особо значительная концентрация остатков металлургического производства.

Таким образом, едва ли будет преувеличением утверждать, что большинство поселений рассматриваемого региона на протяжении IV — начала III в. до н. э. находилось под непосредственным экономическим воздействием Елизаветовского поселения и в полной зависимости от него. Важно также отметить, что ни одно из них не переживает его гибели.

Третья функция Елизаветовского поселения — административный центр Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья, временная или, возможно, постоянная ставка представителей родо-племенной верхушки. Эта функция хорошо иллюстрируется наличием в структуре обширного курганного могильника Елизаветовского поселения группы больших так называемых «Пятибратних» курганов, в одном из которых, кстати не самом большом (кург. 8), В. П. Шилов в 1959 г. открыл богатое «царское» захоронение мужчины-воина. Здесь, как известно, были найдены замечательные произведения античной торевтики: золотые обкладки горита и ножен меча, идентичные чертомлыцким, и множество других предметов[15]. Исключительное богатство инвентаря, грандиозность погребальных сооружений указанной группы курганов позволяют видеть в ней захоронение вождей (династов) племенной общности, контролировавшей и владевшей не только Елизаветовским поселением и его ближайшим окружением, но, вероятно, и всем регионом Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья, границы которого, возможно, были весьма обширны.

Последняя из реально прослеживаемых региональных функций Елизаветовского поселения — функция убежища. Как показывают результаты археологического изучения городища, оно уже в первой половине IV в. до н. э. обладало развитой системой обороны, включавшей в себя наряду с естественными, природными преградами и искусственно создан-

[14] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон, с. 57.

[15] *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1961, № 1, с. 168 сл.; *его же.* Золотой клад скифского кургана.— Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 52 сл.

ные рубежи. К их числу относятся две сплошные линии оборонительных сооружений: рвов, валов и целого ряда дополнительных укреплений [16].

Первая, внутренняя линия обороны, охватывавшая наиболее заселенную центральную часть поселения — так называемый «акрополь» — площадью в 12 *га*, состояла из клинообразного рва шириной более 8 *м* и двух земляных валов, насыпанных вдоль его бортов. Внешняя линия обороны этого же периода состояла из большого рва шириной около 14 *м* и сложного тына вдоль его внутренней щеки, образованного параллельными турлучными стенами, промежутки между которыми были засыпаны землей. С напольной стороны этого рва был также насыпан вал, а кроме того, имелись дополнительные защитные полосы в виде линии деревянных надолб и т. д. [17] Внешний пояс обороны охватывал территорию всего поселения площадью около 52 *га*.

Несколько позднее, в середине или второй половине IV в. до н. э., происходит кардинальная перестройка всей оборонительной системы поселения. Вместо полностью разрушенных старых оборонительных сооружений возводятся более сложные и усовершенствованные новые. В структуру этих новых линий обороны, помимо земляных и турлучных сооружений, входит каменная стена шириной около 1,5—2 м на внутренней линии и каменные обкладки земляных щек рва — на внешней.

Кроме этих сплошных оборонительных рубежей, жители Елизаветовского поселения создали ряд дополнительных укреплений. Так, на отдельных, по-видимому, наиболее уязвимых участках внешнего пояса обороны второй половины IV в. до н. э. зафиксированы следы широкой полосы упомянутых выше деревянных надолб — непреодолимого препятствия для вражеской конницы. По обе стороны центрального южного въезда (ворот?) на городище в это время насыпаются два больших холма, на вершинах которых возводятся укрепления из камня типа привратных башен и т. д. Обе линии обороны, и внутренняя и внешняя, несколько раздвигаются (от 20 до 50 *м*), охватывая территорию как «акрополя», так и всего поселения в период их максимального расширения.

Эта коренная перестройка всей системы обороны Елизаветовского поселения была, очевидно, связана с резким осложнением политической ситуации в регионе, и в частности в дельте Дона, во второй половине IV в. до н. э. [18]

Как представляется, даже приведенное беглое описание оборонительных сооружений Елизаветовского городища дает представление о нем как о весьма внушительной крепости, способной выдержать нападение значительных масс кочевников. Ко всему сказанному следует добавить, что укрепления всех остальных синхронных городищ Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья (у Лагутника, Кагальника, Ново-Золотовского), не идут ни в какое сравнение с елизаветовскими. Весьма примечательно в этой связи и то, что именно Елизаветовское поселение, и только оно одно, несколько переживает все остальные синхронные поселения этого региона. Многолетние наблюдения, сделанные при раскопках Елизаветовского городища, позволяют высказать предположение, что оно ни разу не было захвачено врагами и его жители во время кульминации военной экспансии сарматов имели возможность где-то во второй четверти III в. до н. э. относительно спокойно покинуть насиженные места, унеся с собой все наиболее ценные предметы повседневного обихода, все свое имущество [19].

---

[16] *Марченко К. К.* Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону.— СА, 1974, № 2, с. 253.

[17] *Брашинский И. Б., Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Исследования Елизаветовского городища и его округи.— АО — 1974. М., 1975, с. 100.

[18] *Брашинский И. Б.* Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона.— Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. науки, 1977, 1, с. 76.

[19] *Брашинский И. Б.* Раскопки Елизаветовского городища.— АО — 1969. М., 1970, с. 104.

Нет сомнений в том, что «базовой» функцией среди всех перечисленных функций Елизаветовского поселения была торговая [20].

На современном уровне исследований представляется несомненным, что основной функцией поселения была роль торгового посредника между греками и племенным миром обширных территорий восточной части Юго-Восточной Европы. Именно эта функция способствовала превращению Елизаветовского поселения в крупный центр городского типа и именно она в основном определяла дальнейшее его развитие.

Высказанную гипотезу ярко иллюстрирует археологический материал. Достаточно сказать, что, как показывают многолетние статистические наблюдения, доля импортной керамики в культурном слое городища превышает 80% общего керамического комплекса. Резко преобладающую группу среди импортного материала (практически почти стопроцентную) при этом составляют остатки керамической тары, в которой греческие купцы привозили вино не только, а вероятно, и не столько для внутреннего потребления самими жителями поселения, сколько для снабжения кочевого, полукочевого и оседлого населения обширных территорий вплоть до района современного Воронежа на севере и далеко за Дон и Волгу на восток.

Средняя насыщенность культурных напластований IV — начала III в. до н. э. в центральной части Елизаветовского городища, на так называемом «акрополе» (площадью около 12 *га*) остатками амфор составляет 130—140 единиц сосудов (определяемых по ножкам) на 100 $м^2$. Поскольку изученные выборки материала являются случайными и вполне репрезентативными, можно с большой долей вероятности полагать, что на «акрополе» городища средняя насыщенность слоя амфорами должна составлять примерно 13—14 тыс. сосудов на один гектар, что в целом даст цифру 156—168 тыс. сосудов на весь «акрополь». Соответствующие статистические оценки выборок из периферийной части городища показывают, что там средняя насыщенность слоя остатками амфор (как и материалом вообще) значительно ниже, но и на этой территории среднее количество амфор на 100 $м^2$ площади составляет по меньшей мере 20 единиц (2 тыс. амфор на 1 *га*). Это дает для всей периферийной части городища (площадью около 40 *га*) в среднем 80 тыс. единиц сосудов. Таким образом, по приблизительным статистическим оценкам общее количество остатков амфор на Елизаветовском городище принадлежит 235—250 тысячам сосудов. Это количество приходится на период в 100—125 лет, что дает цифру среднегодового ввоза примерно в 1900—2500 амфор. Если, далее, учесть, что объемы амфор разных центров и типов сильно колебались [21], составляя от 4—5 до 30—40 и более литров, и принять за средний объем амфоры (условной) возможно даже несколько заниженную цифру в 15 *л*, то окажется, что среднегодовой ввоз вина в Елизаветовское поселение в период его наибольшей экономической активности (IV — начало III в.) должен был составлять по меньшей мере 2850 —3 750 декалитров. В отдельные годы это количество было, несомненно, значительно бо́льшим.

Хотя приведенные цифры, как нам кажется, и сами по себе очень ярко и выпукло характеризуют торговую функцию Елизаветовского поселения, истинное их значение выясняется при сравнении с количеством аналогичного сопоставимого материала на других крупных и сходных с Елизаветовским синхронных ему варварских поселениях. Наиболее целесообразным нам представляется сравнение с крупнейшим скифским центром — Каменским городищем, которое, по общепринятому мнению, было

---

[20] *Александер Дж.* Ук. соч., с. 80 сл.; *Мерлен П.* Город. Количественные методы изучения. М., 1977, с. 29.

[21] См. *Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 1976, № 3, с. 87.

основным и единственным скифским торговым центром на Нижнем Днепре [22].

На Каменском городище, хронологические рамки существования Кучугурской части которого в общем совпадают со временем жизни Елизаветовского поселения, на площади, в несколько раз превышающей площадь, раскопанную на последнем, найдено 70 амфорных клейм [23], между тем как на Елизаветовском — около 1000 (вместо с находками из могильника — значительно более тысячи). По данным Б. Н. Гракова, количество фрагментов амфор в слое на 100 *м*² раскопанной площади Каменского городища (Кучугур) составляет в среднем 600 [24], на Елизаветовском — 4800. На Каменском городище на площади 1080 *м*² была найдена 141 ножка амфор [25] (на 100 *м*² в среднем 13), соответствующие данные по Елизаветовскому городищу приведены выше.

Все сказанное позволяет прийти к бесспорному, с нашей точки зрения, выводу о ведущей роли торговли в жизни Елизаветовского поселения, о том, что именно торговая функция поселения была «базовой», определявшей его облик и развитие.

Сочетание «базовой» и прочих региональных функций позволяет, на наш взгляд, отнести Елизаветовское поселение к числу поселений городского типа, вне зависимости от удельного веса самодеятельной части населения, участвовавшей в реализации этих функций [26].

С этим выводом вполне согласуются и значительные размеры Елизаветовского городища, занимавшего в период своего расцвета (IV — начало III в. до н. э.) площадь, равную 52 *га*. По весьма приблизительным и предварительным подсчетам, на этой территории города, окруженной двумя линиями оборонительных сооружений, могло бы проживать до нескольких тысяч человек. Но археологические наблюдения приводят к выводу, что более или менее плотно жилыми строениями был занят только «акрополь» поселения, периферийная же часть использовалась главным образом в хозяйственных, оборонных и иных целях. Поэтому не исключено, что количество постоянных жителей на поселении было сравнительно небольшим. Не исключено также, что постоянное население периодически и систематически значительно пополнялось за счет зимовавших здесь кочевников. Что же касается поселения как убежища, то оно могло предоставить защиту весьма большому количеству людей. Следует признать, что на нынешнем уровне исследований вопрос о количестве постоянного и временного населения Елизаветовского поселения не может еще получить достаточно обоснованного и убедительного решения.

Многолетние раскопки Елизаветовского курганного могильника, несомненно составляющего с поселением единый культурно-исторический и археологический комплекс, в результате которых исследовано несколько сот погребений, показывают, что на протяжении двухвекового существования в нем сохранялся устойчивый погребальный обряд, имеющий ряд специфических особенностей [27]. Это наблюдение, равно как и преобладание на Елизаветовском поселении неизвестного за пределами дельты Дона типа строительных комплексов в виде больших сильно заглубленных в грунт зданий, как правило расчлененных на две функционально различные части — жилую и хозяйственную — и имеющих сложную внутреннюю

---

[22] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре, с. 145; *его же.* Скифы. М., 1971, с. 57.

[23] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре, с. 87.

[24] Там же, с. 186, 190, 197, 204, 208 и др.

[25] Там же.

[26] Ср. *Чарльз Стюарт младший.* Размеры и расположение городов.— В сб.: География городов. М., 1965, с. 221 сл.; *Мерлен П.* Ук. соч., с. 39.

[27] Ср. *Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследование Елизаветовского могильника в 1966 г.— КСИА АН СССР, № 116, 1969, с. 113; *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 54.

планировку[28], дает основание предполагать в нем центр сравнительно небольшой этнокультурной, скорее всего родственной, общности. Эти же данные указывают на сравнительную стабильность социальной структуры населения города, воздействие на развитие которой со стороны «базовой» функции и иных форм городской деятельности было минимальным. Последнее обстоятельство является еще одним свидетельством теснейшей связи жителей Елизаветовского поселения с кочевым населением Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья, социальную структуру которого они сохраняли и составной частью которого, вероятно, оставались на протяжении всего периода существования торгового города в дельте Дона.

I. B. Brashinsky, K. K. Marchenko

THE FORTIFIED SETTLEMENT ELIZAVETINSKOYE AT THE DON – THE URBAN TYPE SETTLEMENT

Summary

The article is an attempt of establishing of primary functions of the fortified settlement Elizavetinskoye at the Don delta – one of the most significant settlements of the Scythian epoch in the North-east part of the North Pontic area. The studies of the whole complex of archaeological sources let the authors establish the following primary functions of the settlement: 1. Trade – the centre of wholesale exterior («international») trade and trade among different tribes in the IVth – early IIId centuries B. C. 2. The central settlement («place») of the Lower Don region — North-eastern region of the Azov sea coast. 3. The administrative centre of the same region. A seasonal or, possibly, permanent residence (headquarters) of the tribal aristocracy. 4. A shelter for considerable quantity of the local settled and nomadic population. The authors come to a conclusion about the leading role of trade in the life of the settlement, which was the main, «basic» function of a settlement, which determined its general aspect and development. The combination of the «basic» and other regional functions makes it possible to characterize the fortified settlement Elizavetinskoye as a settlement of the urban type.

---

[28] *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы...

Р. Б. ИСМАГИЛОВ

ПРИУРАЛЬСКИЕ АКИНАКИ С НАВЕРШИЕМ В ВИДЕ УШАСТОГО ГРИФОНА И ХИЩНОГО ЖИВОТНОГО

Мечи и кинжалы, составляющие одну из категорий савромато-сарматского наступательного вооружения, в настоящее время достаточно хорошо известны. Четко определены основные типы и отделы оружия этого вида, по возможности прослежен их генезис и намечены хронологические рамки существования [1].

Настоящая публикация вводит в научный оборот две новые группы савроматских акинаков.

Акинаки с навершием в виде ушастого грифона. Исследователи, обращавшиеся к савроматскому оружию, неоднократно ставили вопрос о причинах отсутствия в Приуралье мечей с навершием в виде повернутых друг к другу головок ушастых грифонов, столь широко представленных в синхронных савроматской культурах раннего железного века Южной Сибири, Алтая и Казахстана и являющихся наряду с мечами с зооморфным перекрестьем своеобразным паспортом, указывающим на их восточное происхождение [2]. Многочисленные свидетельства тесных связей между кочевниками южноуральских степей и их восточными соседями, нашедшие свое выражение, в частности, в существовании у тех и других близких форм оружия и наличии в савроматских древностях предметов, оформленных в стиле грифоньих наверший южносибирских кинжалов (бронзовая пряжка из Новокумакского могильника под Орском) [3], действительно, давали право относить этот факт только на счет недостаточной археологической исследованности территории Южного Урала.

Первая находка последовала в 1976 г. в ходе исследования могильника Сынтас на р. Илек [4]. Уже после этого коллекция пополнилась тремя кинжалами, случайно найденными в Южной Башкирии.

Описание начнем с железного кинжала, обнаруженного в 1958 г. учениками Абзановской средней школы Зианчуринского района в пещере Алиан-тау в 5 *км* к северо-востоку от с. Абзаново (рис. 1, *1*) [5].

Общая длина находки 38,2 *см*. Сохранность хорошая. Навершие, отделенное от рукоятки узкой рельефной колодочкой, выполнено в виде пары противостоящих друг другу грифоньих головок с круто загнутыми

---

[1] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961.

[2] *Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре).— В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 47; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 220.

[3] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 220, рис. 77, *24*.

[4] *Кадырбаев М. К., Курманкулов Т. К.* Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек.— В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 137 сл., рис. 4, *2*.

[5] Археологическая карта Башкирии. М., 1976, с. 179. В работе Н. А. Мажитова место находки данного кинжала указано ошибочно (с. Верхний Авзян Белорецкого р-на — см.: *Мажитов Н. А.* Тайны древнего Урала. Уфа, 1973, с. 52).

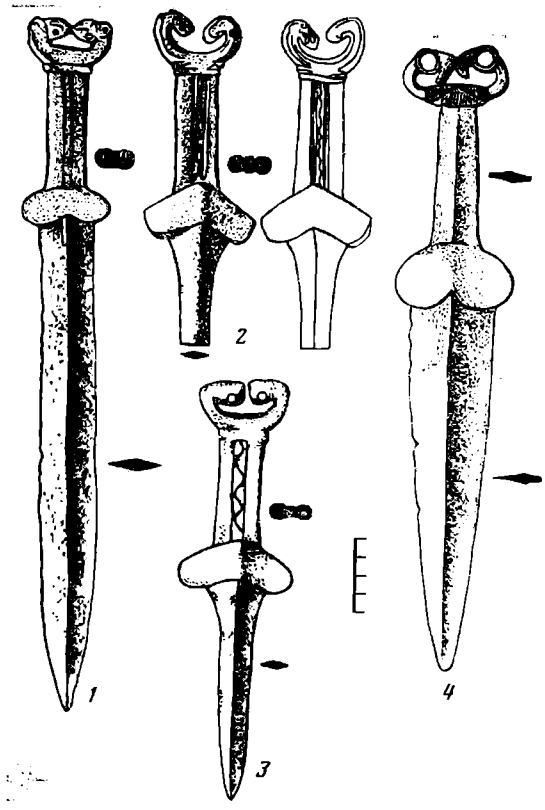


Рис. 1. *1* — пещера Алиан-тау (с. Абзаново Зианчуринского р-на в Башкирии); *2* — дер. Нарбутово Кугарчинского р-на в Башкирии; *3* — дер. Мукачево Кугарчинского р-на в Башкирии; *4* — с. Большой Толкай Похвистневского р-на в Куйбышевской обл.

вниз соприкасающимися клювами. Глаза в виде небольших кружочков намечены чеканкой; круглые уши слегка выступают из головы. Рукоятка короткая с закругленными углами и несколько углубленной серединой. Небольшое бабочковидное перекрестье имеет мягкие, округлые очертания. Клинок с параллельными друг другу остриями дает в сечении узкоромбическую фигуру[6].

Два других кинжала или меча (позднейшая обточка обломанных клинков не позволяет точно определить род оружия) происходят из Кугарчинского р-на БАССР.

Один из них находился до 1976 г. в музее Юмагузинской средней школы, а затем был передан через автора этих строк в Стерлитамакский краеведческий музей (рис. 1, *2*). Точные условия находки его остались незафиксированными, однако опрос учителей показал, что он мог поступить в школу из окрестностей дер. Нарбутово (левобережье верхнего течения р. Белой), расположенной в 6 км от с. Юмагузино.

Длина сохранившейся части кинжала 18,5 *см*. Навершие изображает грифоньи головки со слегка выступающими глазами и ушами. Клювы с заметно выделенными надклювьями сильно закручены. Рубчатая рукоять с зигзагообразным орнаментом на средней части отделена от навершия рассеченной надвое колодочкой, на верхней половине которой также нанесен зигзаг. Перекрестье узкое, бабочковидной формы. Клинок кинжала уже после находки был обточен, поэтому первоначальные ни форма, ни длина его не восстановимы. Определеннее можно говорить о ромбическом сечении клинка, так как участок, непосредственно примыкающий к перекрестью, остался неповрежденным и поэтому довольно хорошо заметен дол, проходящий по центру.

Другой кинжал, близкий нарбутовскому, был обнаружен в 1969 г. учащимся Ф. Ибатуллиным во время работ на пришкольном участке Мукачевской начальной школы и передан в 1974 г. через автора этой статьи в Стерлитамакский музей (рис. 1, *3*). Пришкольный участок, как и школа, расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Большой Ик, примерно в 7—8 *м* от уреза воды. Осмотр места находки, проделанный нами, дополнительных сведений о происхождении кинжала не дал, хотя, впрочем, можно предположить, что какое-то отношение к нему имеют два кургана, расположенные менее чем в полукилометре к северу от школы, на краю пашни. Один из этих курганов, под-

[6] Кинжал, хранившийся в школьном музее, в 1968 г. был передан ИИЯЛ БФАН СССР.

вергшийся грабительским раскопкам еще в довоенные годы, относится к сарматскому времени, как об этом можно судить по составу инвентаря, среди которого имелся, по словам участников раскопок, меч или кинжал с серповидным навершием.

Судьба кинжала, найденного в 1969 г., напоминает судьбу нарбутовского акинака: он также был обточен, причем опять пострадали клинок, имеющий в сечении узкоромбическую форму, и навершие. На последнем уже трудно разобрать детали, кроме загнутых клювов с отверстиями в центре, пробитыми или просверленными для отделения основания клюва от его конца (заметим, что тот же технический прием встречен на кинжале из Алиан-тау, рис. 1, *1*), и остро выступающих концов надклювий, почти сомкнувшихся друг с другом. Остальные детали — бабочковидное перекрестье, рубчатая рукоятка с проходящим через центр зигзагом, колодочка — характерны в равной степени и для нарбутовского экземпляра (рис. 1, *2*). Длина кинжала в настоящее время составляет 23,0 *см*.

Все три кинжала с территории восточного, самаро-уральского варианта савроматской культуры обнаружены на стыке зон луговых степей и широколиственных лесов, приуроченных к западному склону Уральского хребта, а мукачевский и алиан-тауский экземпляры связывает между собой еще и единая водная система р. Большой Ик — правого притока Сакмары. Расстояние между Нарбутово и Алиан-тау составляет по прямой 125 *км*, а Мукачево находится примерно посредине между ними — соответственно в 55 и 70 *км*. Недалеко от южной границы Башкирии локализованы и пункты находок в Оренбуржье: Сынтас и Новый Кумак, где была найдена уже упоминавшаяся бронзовая пряжка; в обоих случаях расстояние от Алиан-тау не превышает полутораста километров. Наше предположение о локализации савроматского оружия, подобного описанному, преимущественно на востоке распространения культуры подкрепляется также находками в Приуралье еще двух, к сожалению, испорченных коррозией мечей — из Сары близ г. Медногорска [7] и ст. Павловской под Оренбургом [8], определенно зооморфные навершия которых, не исключено, были именно грифоньими.

Связь наших вещей с южносибирским (тагарским) оружием настолько очевидна, что никаких сомнений в зависимости этого типа савроматских мечей от восточных форм быть не может. Аналогии носят массовый характер, и потому приводить их здесь мы не будем. Следует только особо отметить такую безусловно «сибирскую» деталь оформления приуральских акинаков, как колодочка в месте перехода ручки в навершие, еще более оттеняющую сходство оружия обеих территорий.

Неизбежный в нашем случае вопрос о месте производства публикуемого оружия определенно следует решать в пользу Приуралья, и прежде всего потому, что все тагарские аналоги бронзовые, тогда как савроматские — железные. К тому же при всем своем сходстве (в первую очередь наверший) с восточными приуральские мечи по строго выдержанной форме неширокого перекрестья, очень характерного для V в. до н. э., определенно входят в круг именно савроматского оружия. Перекрестья же сибирских кинжалов, часто усложненные изображениями различных животных или птиц, обычно не характерными для Приуралья, более разнообразны по форме и в деталях не всегда совпадают с савроматскими.

Кроме Южной Сибири и Приуралья кинжалы с ушастым грифоном на навершии известны еще в Казахстане, хотя и в малом пока количестве. Показательно, что все они железные [9]. Очень близок савромат-

---

[7] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, рис. 2, *5*.

[8] *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.— МАВГР, т. III. М., 1899, табл. 5, *2*.

[9] *Акишев К. А.* Саки Семиречья (по материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) — ТИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 204.

ским, а среди них особенно мукачевскому, акинак, случайно найденный в районе г. Алма-Ата [10]. Не исключено, что в будущем, при условии создания надежной универсальной для всех культур скифского типа Евразии хронологии мечей и кинжалов, именно с территорией Казахстана, занимающей срединное в географическом отношении положение между Южной Сибирью и Приуральем, можно будет связать появление на берегах Белой и Урала акинаков со своеобразными грифоньими навершиями, являвшихся прототипами для изготовления подобных изделий местными мастерами. Сегодня же это предположение, очень, на наш взгляд, правдоподобное, не имеет всей суммы требуемых доказательств, чтобы считаться единственно возможным.

Распространение в Евразии второй значительной группы мечей и кинжалов с зооморфным навершием связано со степной и лесостепной полосой Восточной Европы, конкретно — с территорией савроматской и скифской культур, откуда единичные находки проникали в Западное Причерноморье, Северный Кавказ, Кубань, Прикамье и Зауралье. Так же как и в Сибири, в перечисленных районах изображались отдельные части тела хищной птицы, однако наибольшее распространение получает мотив не головки, а когтя. Время существования таких мечей определяется сейчас в диапазоне между концом VI — началом III вв. до н. э. Для ранней группы характерны навершия без перекладины и перекрестья бабочковидной формы, облик же поздней группы, являющейся дальнейшим развитием первой, определяется угловатыми навершиями, почти всегда соединенными перекладиной, и ложнотреугольным перекрестьем [11].

Происхождение восточноевропейских мечей и кинжалов с когтевидными навершиями традиционно, но не всегда оправданно, как мы это постараемся показать ниже, связывается со скифами. В подтверждение этому приводится обычно география распространения подобного оружия: большое количество находок его в Северном Причерноморье и, напротив, относительная малочисленность, усугубленная следованием скифским образцам, в остальных районах Европы. Правда, кинжалы с когтевидным с перекладиной навершием и узкобабочковидным перекрестьем в V—IV вв. до н. э. становятся очень популярными среди приуральских савроматов, но это как раз тот случай, когда зависимость их от именно скифского оружия бесспорна [12].

Гораздо меньшее распространение в западных относительно Урала областях получило оружие с навершием, изображающим птичьи, очевидно орлиные головки, причем география находок свидетельствует опять же о тяготении их к скифскому ареалу. Мне известно сейчас шесть таких экземпляров: из кург. 401 у Журовки [13], Гамарни [14], Киевского исторического музея [15], бывшего Роменского уезда [16], Краснодарского могильника в Прикубанье [17], Девене Врачанско в Болгарии [18]. У всех у них перекрестья двух разновидностей — бабочковидные или сегментовидные.

---

[10] *Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские..., с. 47, табл. II, *2*.

[11] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1—4. М., 1964, с. 55.

[12] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 21, 22, рис. 4, *3—7*; *Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени из Башкирии.— СА, 1976, № 3, с. 240, 241, рис. 1, *9*, *10*; *Исмагилов Р. Б.* Несколько кинжалов позднесавроматского времени из Башкирии.— СА, 1978, № 3, с. 229, рис. 1.

[13] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, табл. 20, *14*.

[14] Там же, табл. 20, *13*.

[15] Там же, с. 55.

[16] *Фодор И.* Скифские и савроматские мечи с сегментовидным перекрестьем.— СА, 1969, № 3, рис. 1, *7*.

[17] *Анфимов Н. В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху.— СА, XI, 1949, рис. 9.

[18] *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимоотношениях скифского и фракийского искусства.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, рис. 1, *7*.

Орлиные головки на концах навершій, исполненные очень просто, изображают приостренные, как правило, клювы и выступающие из головы круглые глаза. В целом связь этих мечей с мечами с когтевидным навершием выступает довольно определенно.

Перечисленными акинаками до недавнего времени исчерпывался весь список находок восточноевропейского оружия с навершием в виде орлиной головки. Однако в последние годы еще один интересный железный кинжал был случайно найден на востоке Куйбышевской области у с. Большой Толкай Похвистневского р-на (рис. 1, *4*). Длина кинжала 33,8 *см*. Широкий треугольный клинок его имеет в сечении ромбическую форму. Перекрестье почковидное. Посредине рукоятки, постепенно суживающейся кверху, проходит вертикальное ребро. Самая интересная деталь — навершие, трактованное в виде пары орлиных головок с выступающими надклювьями и круглыми глазами-кружочками.

Значение большетолкайского кинжала, находящего несомненные аналогии среди описанных выше скифских акинаков с орлиными головками на навершии, состоит в том, что он является пока самой восточной и одновременно, что особенно важно, самой ранней находкой из всей восточноевропейской серии оружия данного типа. По типологическим особенностям и прежде всего по форме перекрестья его твердо можно датировать временем не позднее VI в до н. э.[19], в то время как остальные мечи, скифские или производные от скифских, относятся в целом к V—IV вв. до н. э., как об этом уже было выше сказано.

Среди собственно савроматского оружия пока нет совершенно точных аналогий находке из Большого Толкая, но отдельные параллели в оформлении некоторых, причем достаточно редких, деталей имеются. Здесь прежде всего следует отметить покрытую вертикальными насечками колодочку в верхней части рукоятки. Такие же колодочки служат в качестве оснований также зооморфных (только когтевидных) навершій двух поволжских мечей — из имения Соловки под Бузулуком и из Озерков близ Аткарска, причем во втором случае колодочка очень близка нашей и по форме, и по наличию насечек на ее поверхности Обоим этим мечам К. Ф. Смирнов справедливо искал аналогии на востоке, среди тагарских кинжалов с рельефными уступчиками под навершием[20].

Таким образом, три самых ранних савроматских меча с зооморфными навершиями — из Соловок, Аткарска и Большого Толкая — несут на себе следы сибирского воздействия, хотя изготовлены они были, безусловно, савроматскими мастерами. Справедливость последнего положения подтверждается их «савроматским» в целом обликом, отсутствием тождественных форм в Сибири и, наконец, самим материалом, из которого они изготовлены. Создается впечатление, что именно появление сибирского оружия на Урале и на Волге послужило внешним толчком, импульсом для появления у савроматов хотя и близких восточным, но все же вполне самостоятельных форм мечей и кинжалов с зооморфными навершиями обеих разновидностей. Этот импульс не заглох в приуральско-поволжском регионе, поскольку савроматское оружие интересующего нас типа в свою очередь сыграло, видимо, роль исходной формы для развития подобных мечей и кинжалов в Восточной Европе, представленных на сегодняшний день лучше всего в Северном Причерноморье. Этот вывод хорошо согласуется, во-первых, с надежно зафиксированным фактом достаточно поздней (не ранее V в. до н. э.) в сравнении с савроматскими датировки скифских акинаков с навершиями, украшенными головками орла, и, во-вторых, с отсутствием отчетливых прототипов для последних в материалах предшествующих этапов как собственно скифской, так и других

---

[19] *Скарбовенко В. А., Исмагилов Р. Б.* Ук. соч.
[20] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 20, рис. 4, *1*, *2*.

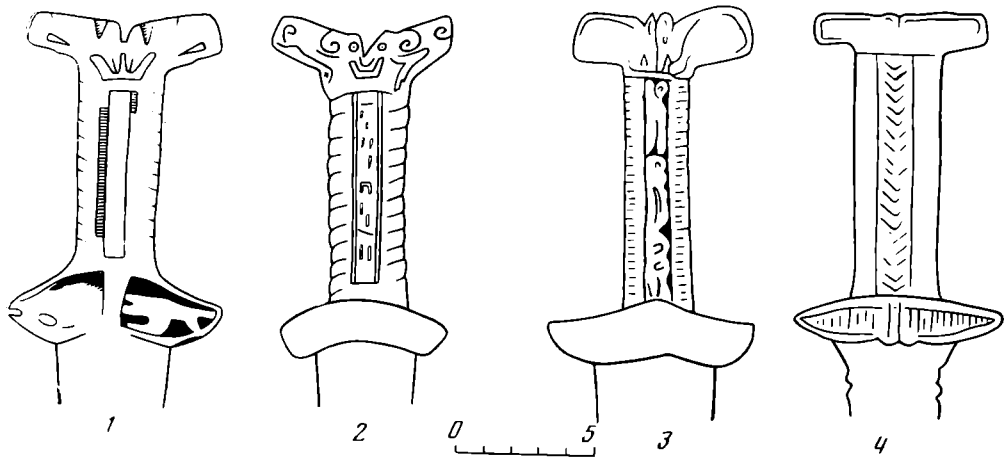


Рис. 2. *1* — Белебей, Западная Башкирия; *2* — Висимская дача, Прикамье; *3* — Башкуль, Северный Казахстан; *4* — совхоз «Дёма», юго-западная Башкирия

культур раннего железа Восточной Европы, исключая, как уже мы видели, савроматскую и, возможно, ананьинскую.

Акинаки с навершием в виде хищного животного. В 1976 г. был опубликован длинный железный меч из г. Белебея в Башкирии — первый савроматский экземпляр с навершием в виде двух стоящих хищников, отождествленных с медведями [21] (рис. 2, *1*). Авторами публикации указывалось, что близкое по конструкции навершие имеет также один из кинжалов с территории ананьинского Прикамья (Висимская дача) [22], снабженный, правда, дуговидным перекрестьем раннесарматского типа (рис. 2, *2*), в то время как перекрестье белебеевского меча бабочковидное.

За этими находками последовали и другие.

В 1971 г. у с. Бишкуль (Северный Казахстан) в обнажении берега р. Ишим школьниками был найден акинак с обломанным на конце клинком (рис. 2, *3*) [23]. Перекрестье узкое, бабочковидной формы. Треугольный в прошлом клинок имеет ромбическое сечение. Уплощенная рукоять и навершие покрыты зооморфными изображениями. На навершии изображены в профиль два волка с опущенными вниз соприкасающимися головами, и, вероятно, они же представлены на средней полосе расчлененной натрое рукояти, однако уже не в виде целых фигур, а отдельных головок [24].

В нашей совместной с В. С. Горбуновым статье 1976 г. среди мечей и кинжалов с брусковидным навершием был описан и небольшой меч из совхоза «Дёма» Миякинского р-на в юго-западной Башкирии (рис. 2, *4*). Уже тогда было отмечено, что навершие меча (к сожалению, коррозированное), возможно, было зооморфным [25]. Сопоставление этой находки с отмеченными выше акинаками, и в первую очередь с происходящим из Северного Казахстана, дает основание считать, что мы были правы: достаточно сравнить, например, форму наверший с выступами-ушами по

---

[21] *Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б.* Ук. соч., с. 242, рис. 1, *12*.

[22] *Спицын А. А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, № 26, 1902, с. 21, табл. XXVII, *8*.

[23] *Бекишева А.* Новая находка скифо-сарматского звериного стиля в Северном Казахстане.— VI Уральская научная студенческая археологическая конференция. Тезисы докладов. Ижевск, 1974, с. 40, 41. Благодарю Г. Б. Здановича за предоставленный мне диапозитив этой находки.

[24] По мнению А. Е. Бекишевой, на навершии изображена «летящая сова с ушами и распростертыми крыльями или пара грифонов с раскрытыми клювами и... обозначенными зубами» (*Бекишева А.* Ук. соч., с. 40, 41).

[25] *Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б.* Ук. соч., с. 239, рис. 1, *6*.

центру верхнего края, параллельные кромке чеканные линии, оконтуривающие тело животного, и пр.

Таким образом, в настоящее время из Приуралья и соседних районов точно известно четыре железных акинака, имеющих совершенно оригинальные для этой территории зооморфные навершия. Несмотря на небольшое количество находок, их уже теперь предварительно можно разделить на две количественно равные группы в зависимости от изображенного на навершии животного — медведя или волка. Обоснованность такого деления в целом подтверждается и рядом других данных. Мечи из Белебея и Висимской дачи с почти идентичными навершиями со стоящими медведями объединяет украшение близких по конструкции (прорезной и ложнопрорезной) утолщенных рукоятей идентичным орнаментом типа винтовой нарезки, а также объемность изображений. В свою очередь бишкульский и демский кинжалы сближает между собой уплощенность декоративно расчлененных рукояток и близость формы узкобабочковидных перекрестий. Заметно тяготение мечей первой группы к северу (Западная Башкирия, Прикамье), второй — к востоку (Юго-Западная Башкирия, Казахстан).

Мечи с зооморфными навершиями, изображающими наземных животных, и в частности хищных, не характерны для круга восточноевропейского оружия эпохи раннего железа, хотя у скифов и савроматов были известны акинаки с навершием в виде когтей или, что реже, головок хищной птицы —очевидно, орла. Изображения хищников, точнее сильно стилизованных фантастических существ, встречаются на овальных навершиях скифских мечей с ложнотреугольными перекрестьями и обложенными золотом рукоятями. Однако они настолько далеки от наших по композиции и стилю исполнения [26], что всякое предположение о возможной их связи, во всяком случае в направлении с запада на восток, становится нереальным.

Гораздо больше оснований имеется для сопоставления нашей серии с сибирским оружием синхронного времени, где включение различных зооморфных мотивов в оформлении наверший, перекрестий и рукояток бронзовых, как правило, кинжалов и ножей было чрезвычайно характерно. В качестве объектов для изображения использовались как травоядные, так и хищные животные и птицы, либо реальные, либо созданные только воображением воплощавших их в металле мастеров. Некоторые одиночные и парные фигуры на навершиях и перекрестьях очень близки приуральско-казахстанским по трактовке и композиции, причем встречается на востоке и уже знакомый нам прием изображения животных с соприкасающимися или вообще слившимися в одну головами [27].

Вопрос об участии сибирских прототипов в формировании некоторых типов савроматских мечей (и в частности, с прорезными рукоятками), во всем, исключая зооморфные навершия, близких описываемым, уже дискутировался в нашей археологической литературе. Конкретно речь шла о мече с брусковидным навершием, найденном у с. Измайловка под Бугурусланом. А. И. Мелюкова склонна была относить измайловский меч к особому, савроматскому варианту немногочисленных скифских акинаков с прорезной рукоятью и ложнотреугольным перекрестьем [28]. Этому автору обоснованно, на мой взгляд, возражал К. Ф. Смирнов, считающий, что всем наиболее характерным деталям измайловского экземпляра аналогии в массе своей имеются только среди тагарского оружия, и на этом основании возводящий его генеалогию к восточным образцам [29].

---

[26] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 51, табл. 18, *3*.

[27] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 3, *23—26, 29*; 4, *11, 12*; 11, *9—12*; 22, *1, 2, 8*.

[28] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 52.

[29] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 13, рис. 1, *9*.

Время ответило на вопрос о том, кто был прав в этом споре. Новый материал, действительно, не отрицая факта некоторого сходства отмеченных савроматских мечей со скифскими (может быть, в силу воздействия приуральско-поволжских экземпляров на причерноморские?), подтверждает точку зрения К. Ф. Смирнова. Роль сибирского оружия в распространении в Приуралье мечей с навершием в виде хищника и производных от них форм (типа Измаиловки), как нам кажется, очевидна. Однако столь же уверенно можно говорить и о местном производстве этого оружия. Несмотря на всю близость к сибирским кинжалам, оно сохраняет все особенности типологии, характерной именно для савроматского производства. Показательно к тому же, что навершия описываемых мечей трактованы как фигурки волков или медведей, т. е. самых популярных среди савроматов наземных хищников, в то время как на востоке в равной степени использовались и образы травоядных животных. Различия в материале, из которого изготовлялось оружие в Минусинской котловине и в Приуралье,— соответственно бронза и железо — также есть свидетельство о выделывании наших мечей на месте, иначе говоря, в Приуралье.

Кинжал из Висимской дачи происходит с территории ананьинской культуры, однако наиболее вероятным является его именно савроматское происхождение и, видимо изготовление. Это надежно засвидетельствовано дуговидной формой его перекрестья, не встреченной пока нигде за пределами Приуралья. Савроматские корни формы бишкульского акинака прослеживаются также достаточно отчетливо, хотя в данном случае они — в силу широкой распространенности оружия с бабочковидным перекрестьем на необъятных просторах Евразии,— конечно, не могут служить доказательством производства его именно в Приуралье.

Еще о двух находках, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Из Северного Казахстана мы имеем кроме бишкульского еще один своеобразный железный кинжал V в. до н. э., навершие которого, по нашему мнению, являет пример в сильнейшей степени стилизованных животных,— из могильника Айдабуль II [30]. М. К. Кадырбаев, относя его навершие к типу простых рожковидных, указывает на ряд южносибирских, среднеазиатских, а также раннепрохоровских аналогий и включает в особую группу североказахстанских кинжалов и мечей, имеющих серповидные навершия и датирующихся прохоровским временем [31]. Однако апелляция к сарматским мечам в данном случае выглядит достаточно спорной. Не настаивая на нашей точке зрения, мы считаем, что больше оснований для сравнения айдабульского экземпляра с акинаками, имеющими навершие в виде хищного животного, и в первую очередь с мечами второй, тяготеющей в общем к востоку группы — из Бишкуля и совхоза «Дёма». Достаточно архаична и, что важно, сходна с нашими и конструкция рукояти айдабульского меча.

Северо-западной границей ареала оружия рассматриваемого типа, судя по имеющимся материалам, отнюдь не являлось Прикамье. Единичные находки проникали гораздо дальше, вплоть до территории Финляндии, где известен один экземпляр однолезвийного короткого меча (Тайвалкоски, Северная Лапландия) [32], навершие которого, как и навершие айдабульского кинжала, мы также считаем возможным принять в качестве зооморфного, однотипного с вышеописанными. В то же время мы пол-

---

[30] *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана.— ТИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, с. 20, рис. 15.

[31] *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры.— В сб.: Древняя история Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 382; *его же.* Некоторые итоги и перспективы изучения раннежелезного века Казахстана.— В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 28.

[32] *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977, с. 173, 174, рис. 65, *2*.

ностью солидарны с мнением издавшего эту вещь А. Х. Халикова, что именно с территории ананьинской культуры могли проникать по лесной полосе Восточной Европы далеко на запад кинжалы и мечи, имеющие зооморфные навершия в виде медведя или волка.

В заключение необходимо остановиться на одном довольно неожиданном, чтобы не сказать больше, аспекте проблемы, имеющем прямое отношение к возникновению интересующего нас типа оружия и датировке наиболее ранних его экземпляров.

Речь идет о сходстве наверший наших кинжалов (и прежде всего кинжалов западной группы — из Белебея и Висимской дачи) с навершием одного из бронзовых ножей сейминско-турбинского типа, а именно происходящего с р. Джумба в Восточном Казахстане и являющегося, как это выяснила Н. Л. Членова [33], наиболее поздним в серии, представленной знаменитыми ножами со скульптурными фигурками людей и животных на навершии из Сеймы, Турбина и Ростовки. Сходство достаточно близкое, исключающее всякую возможность случайного совпадения: практически лишь одна, да и то второстепенная, деталь конструкции казахстанского ножа (перемычка, соединяющая головки противостоящих животных) трактована чуть иначе, но и по этому показателю бронзовый нож отстоит от экземпляров нашей серии не дальше, нежели последние друг от друга. Ко всему сказанному следует только добавить, что рукоятка джумбинского ножа и одного из наших кинжалов (демского) украшены идентичным орнаментом в виде полоски вертикальной елочки.

Каковы же хронологические позиции сопоставляемых вещей?

Все кинжалы и мечи той серии, которая представлена в данной работе, достаточно надежно датируются по форме своих перекрестий — узкобабочковидной или дуговидной — второй половиной V — началом IV в. до н. э. Эта датировка хорошо согласуется с датой айдабульского акинака, найденного, как уже отмечалось выше, в комплексе V в. до н. э.

Н. Л. Членова, активно проводящая в последние годы линию на омоложение Сеймы и Турбина, относит их теперь к XI—VIII вв. до н. э., оговаривая (хотя и не конкретизируя), однако, более поздний возраст джумбинского ножа [34]. Если в качестве наиболее вероятной даты для последнего взять VII—VI вв. до н. э. (что вытекает логически из приведенного выше положения Н. Л. Членовой и документально после сопоставления ножа с ранним пластом тагаро-ордосских бронз, выполненных в зверином стиле [35]), то принципиальных препятствий хронологического порядка для возможной стыковки наиболее поздних сейминско-турбинских ножей с самыми ранними мечами и кинжалами с зооморфными навершиями урало-казахстано-ананьинского круга почти не остается [36]. Создающийся в этой ситуации хиатус продолжительностью примерно в 50—100 лет находит два возможных объяснения: либо это результат недостаточного совершенства существующих хронологических колонок для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, либо какие-то важные для нас типы ножей или акинаков с зооморфными навершиями, бытовавшие на стыке этих эпох, остаются пока неизвестными.

---

[33] *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 138, табл. 69, *4*.

[34] Там же, с. 138.

[35] Там же, табл. 71.

[36] Один из кинжалов нашей серии (Висимская дача) был найден вместе с бронзовым копьем турбинского типа (*Бадер О. Н.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры.— УЗ ПГУ, т. XIII, вып. 1, 1960, с. 146. Цит. по кн.: *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи, с. 138). Не слишком ли много фактов для случайного совпадения?!

R. B. Ismagilov

THE AKINAKS WITH THE TOP IN THE SHAPE OF A BIG-EARED GRYPHON AND A BEAST OF PREY FROM THE URALS REGION

Summary

During last years a new series of swords and daggers with zoomorphical top in the shape of a big-eared gryphon and a beast of prey (wolf, bear) appeared in the Urals region and its neighbourhood. Such tops, which have no prototypes in the Savromathian culture, find more or less exact analogies among bronze artifacts of the Tagar culture in the Southern Siberia. Zoomorphical tops are especially characteristic for this culture. A short Savromathian sword with the top, ornamented by eagle's heads from Kuibyshev region is also included into the publication. This find, which has close analogies among the later Scythian weapons, is, obviously, one of the most ancient in the Eastern Europe. The date of the published artifacts is the VIth – IVth centuries B. C.

В. Г. КОТИГОРОШКО

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ИЗА I В ЗАКАРПАТЬЕ

Могильник возле с. Иза Хустского р-на, состоящий из нескольких курганных групп, является одним из интересных памятников первых веков нашей эры на территории Закарпатской области УССР. Открытый в 1939 г. краеведом П. П. Совой [1], памятник привлек внимание местного любителя-археолога Э. Затлукала, приступившего на следующий год к исследованию одной из групп могильника. Согласно данным Э. Затлукала, в 12 из 15 вскрытых им курганов остатки кремации помещены в лепные урны, а сверху присыпаны остатками кострищ. Присыпанной углем была и кучка костей, выявленная в кургане VI. Э. Затлукал не указывает, где находилось захоронение в этом кургане — на горизонте или в ямке. Отсутствием описания погребального ритуала страдает отчет исследователя, уделившего основное внимание вещественному материалу [2].

Начало изучения памятника, поставленное на строго научную основу, связано с именем М. Ю. Смишко. В 1948 г. экспедиция Львовского отделения ИА АН УССР под его руководством продолжила раскопки курганной группы, начатые Э. Затлукалом. Кроме того, были начаты работы на группе курганов, расположенной в 2 *км* к северу от первой. На первой, обозначенной как могильник Иза I, вскрыто 11 курганов, а на второй (Иза II) — 3 кургана [3]. Культурно-хронологический анализ полученных материалов позволил отнести могильники к кругу древностей культуры карпатских курганов; при этом могильник Иза I датируется III—IV вв. н. э., а Иза II — рубежом — первыми веками нашей эры [4]. В последние годы исследования на околице с. Иза проводила археологическая экспедиция Ужгородского госуниверситета. В 1975 г. раскопано четыре кургана в могильнике Иза II [5], а в 1976 г.— 12 сохранившихся курганов в могильнике Иза I [6].

Разведка и опрос старожилов дали возможность установить, что в 40—50-е годы Иза I состояла из четырех групп общей численностью до 80 курганов (рис. 1). Ранее количество групп было, видимо, значительно больше. Наличие отдельных курганов и групп, тянущихся с юго-запада на северо-восток на протяжении 4—5 *км*, зафиксировано П. П. Совой [7],

---

[1] *Сова П.* Доисторическія поселенія въ Мараморошѣ.— Русский календарь. Ужгород, 1939.

[2] *Zatlukal E.* Az izai oskori hamvasztásos sirok Zakarpatszka Ukrajnában.— Архив археологической группы Ужгородского госуниверситета, инв. № 08.

[3] *Смішко М. Ю.* Два курганні могильники в околицях с. Ізи, Закарпатської області.— АП, т. III, 1952.

[4] *Смішко М. Ю.* Ук. соч., с. 330, 334.

[5] *Балагури Э. А., Котигорошко В. Г.* Работы Закарпатской новостроечной экспедиции.— АО — 1975. М., 1976, с. 300.

[6] *Котигорошко В. Г.* Исследование памятников в Закарпатье.— АО — 1976. М., 1977, с. 311, 312.

[7] *Сова П.* Ук. соч., с. 79.

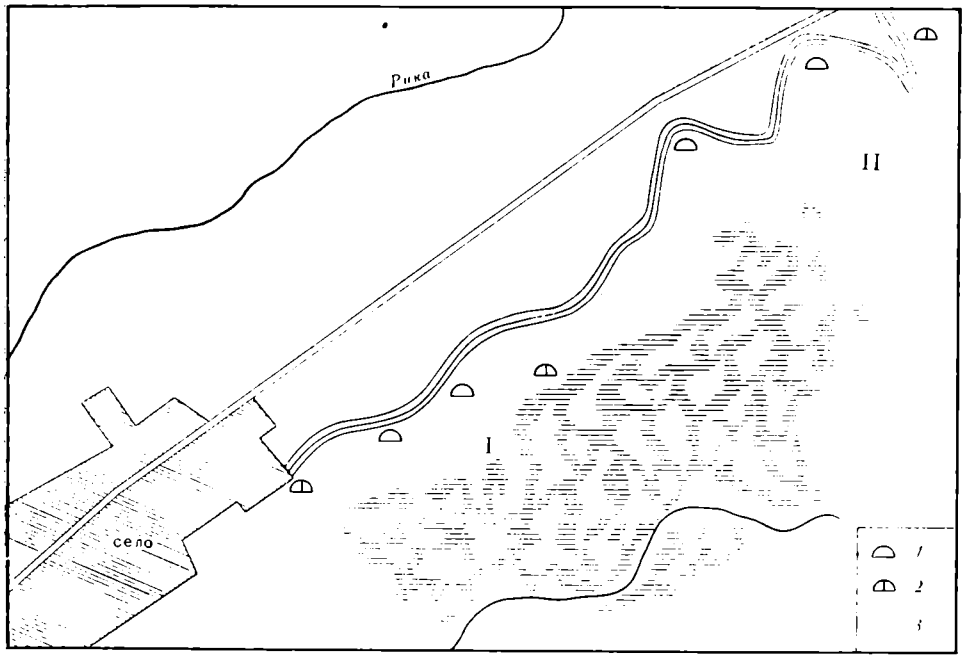


Рис. 1. Схематичный план расположения курганных групп Изского могильника
1 — исследованные курганные группы; *2* — уничтоженные курганные группы; *3* — заболоченность

Э. Затлукалом [8], а позднее отмечено и М. Ю. Смишко [9]. Таким образом, не более как 40 лет назад разрыва между краями могильника не существовало и он представлял собой единое древнее кладбище, функционировавшее в течение нескольких сотен лет (I—IV вв. н. э.).

Расположен могильник в узкой предгорной долине, вклинивающейся на севере в первые карпатские хребты. Курганная группа Иза I протянулась на расстояние 1 *км* вдоль террасы, образованной древним руслом р. Рики, в 1,5 *км* к северо-востоку от села. В группе 16 бессистемно расположенных курганов, четыре уничтожены во время проведения мелиоративных работ.

Курган XII [10] высотой 0,25 *м*, в плане овальной формы, размером 9×8 *м* (рис. 2, *1*). На глубине 0,45 *м* от вершины насыпи проявились остатки кострища площадью 3,1×1,8 *м*. Здесь же найдена 14-гранная бусина (рис. 5, *19*), фрагменты керамики (рис. 4). В северной части кострища под слоем угля (0,1 *м*) обнаружена овальная ямка (0,6×0,4 *м*) глубиной 0,15 *м*. Внутри находилась нижняя часть лепного горшка, заполненная кальцинированными костями (рис. 4, *1*), подвеска-«ведерко» (рис. 5, *11*), биконическое пряслице (рис. 6, *23*), железная поделка в виде монеты (рис. 5, *12*). Еще одна урна выявлена в юго-западном углу кострища. Ее сохранившаяся донная часть стояла в округлой ямке диаметром 0,35, глубиной 0,1 *м* (рис. 4, *9*).

Курган XIII высотой 0,25 *м*, в плане овальной формы, размером 9,8×8,4 *м* (рис. 2, *2*). На глубине 0,45 *м* проявились остатки кострища площадью 16,3 *м*². В его центральной части обнаружена одночленная фибула с подвязным приемником (рис. 5, *2*). В границах кострища располагались три лепные урны, четвертая обнаружена в южной части под-

[8] *Zatlukal E.* Op. cit., 1 old.
[9] *Смішко М. Ю.* Ук. соч., с. 316.
[10] Нумерация курганов дается от последнего, исследованного М. Ю. Смишко.

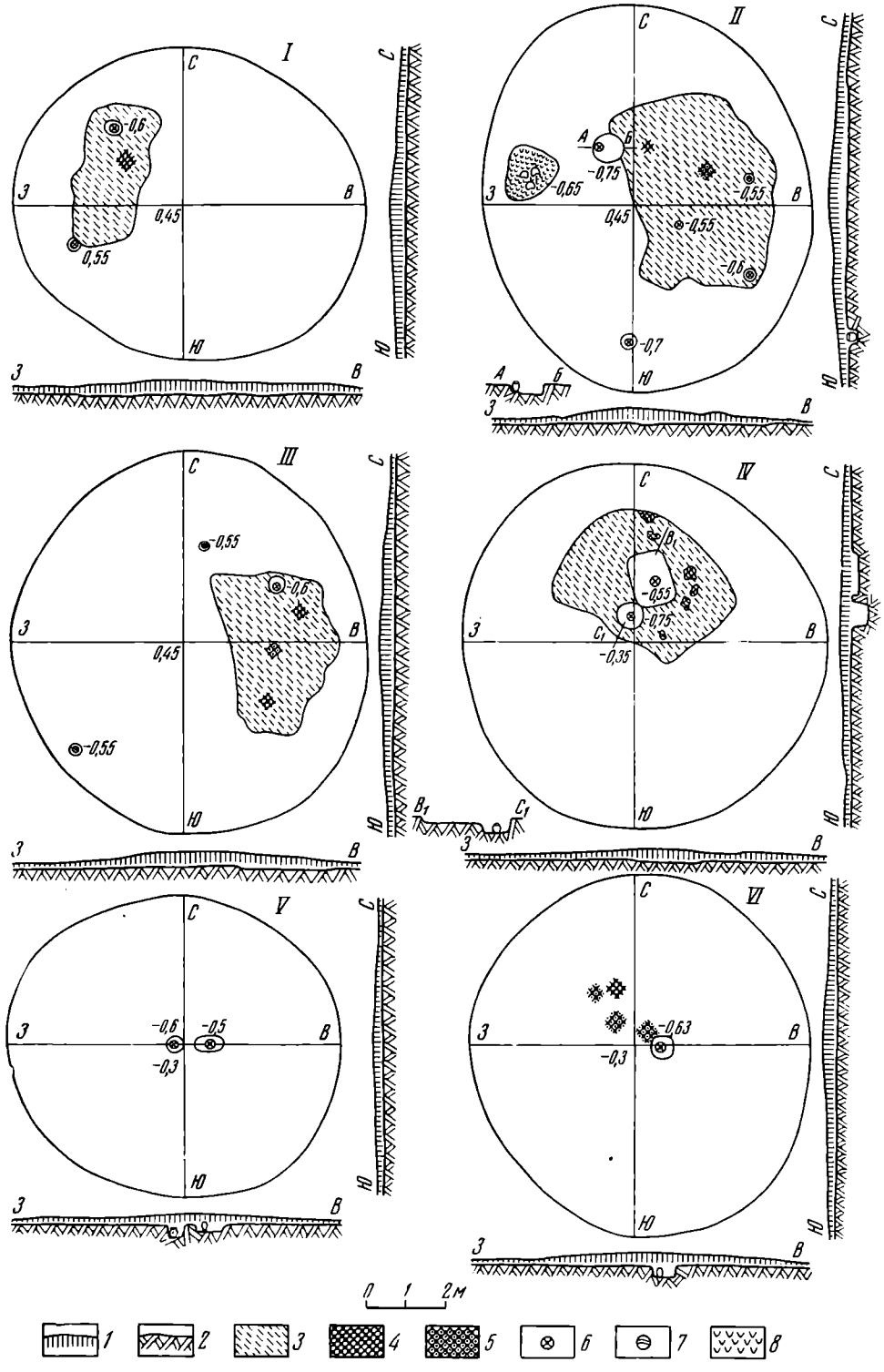


Рис. 2. Планы курганов XII–XVII. *1* — насыпь; *2* — материк; *3* — кострище; *4* — прожженные участки грунта; *5* — скопление костей и угля; *6* — урна; *7* — захоронение в ямке; *8* — уголь

курганной площади. От урны 1 сохранилась лишь донная часть на поверхности кострища, в его восточной части (рис. 4, *10*). Урна 2 обнаружена в ямке (диаметр 0,3, глубина 0,15 *м*), находившейся в юго-восточном углу кострища (рис. 4, *5*). Внутри урны обнаружена железная пряжка (рис. 5, *10*). Урна 3 стояла на останце в яме (0,8×0,7×0,3 *м*), рас-

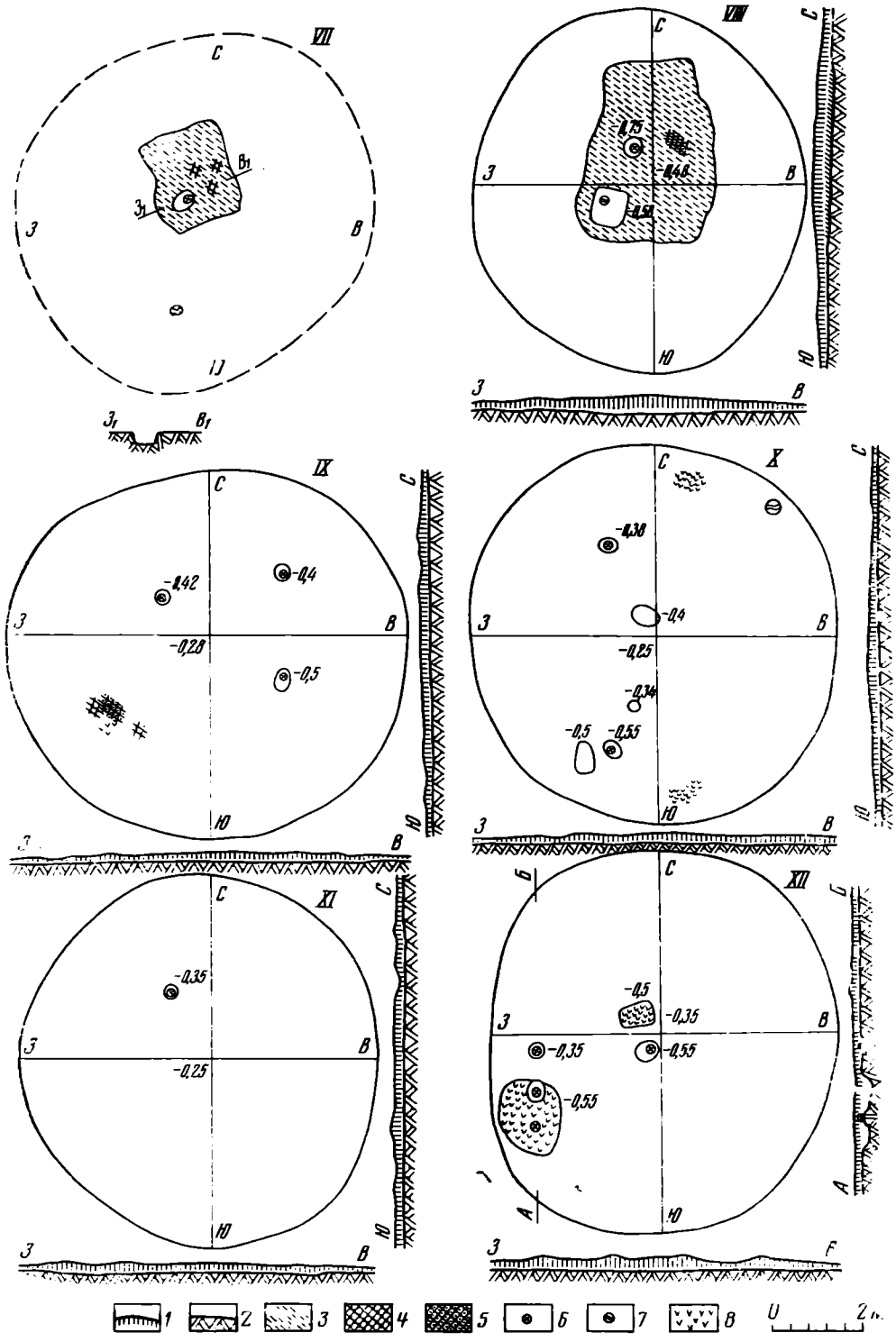


Рис. 3. Планы курганов XVIII—XXIII. Условные обозначения — см. рис. 2

положенной в южной части подкурганной площади (рис. 4, *34*). Рядом с урной лежал нож (рис. 5, *14*). В заполнении ямки — уголь, несколько фрагментов лепной керамики с вторичным обжигом (рис. 4, *44*). Остатки раздавленной урны 4 (рис. 4, *47*) находились в ямке диаметром 0,4, глубиной 0,25 *м*. Среди кальцинированных костей лежал нож длиной 11,3 *см* (рис. 5, *13*). Небольшая часть кальцинированных костей помещена в ямку (диаметр 0,2, глубина 0,1 *м*), которая располагалась в 1,2 *м* к юго-востоку

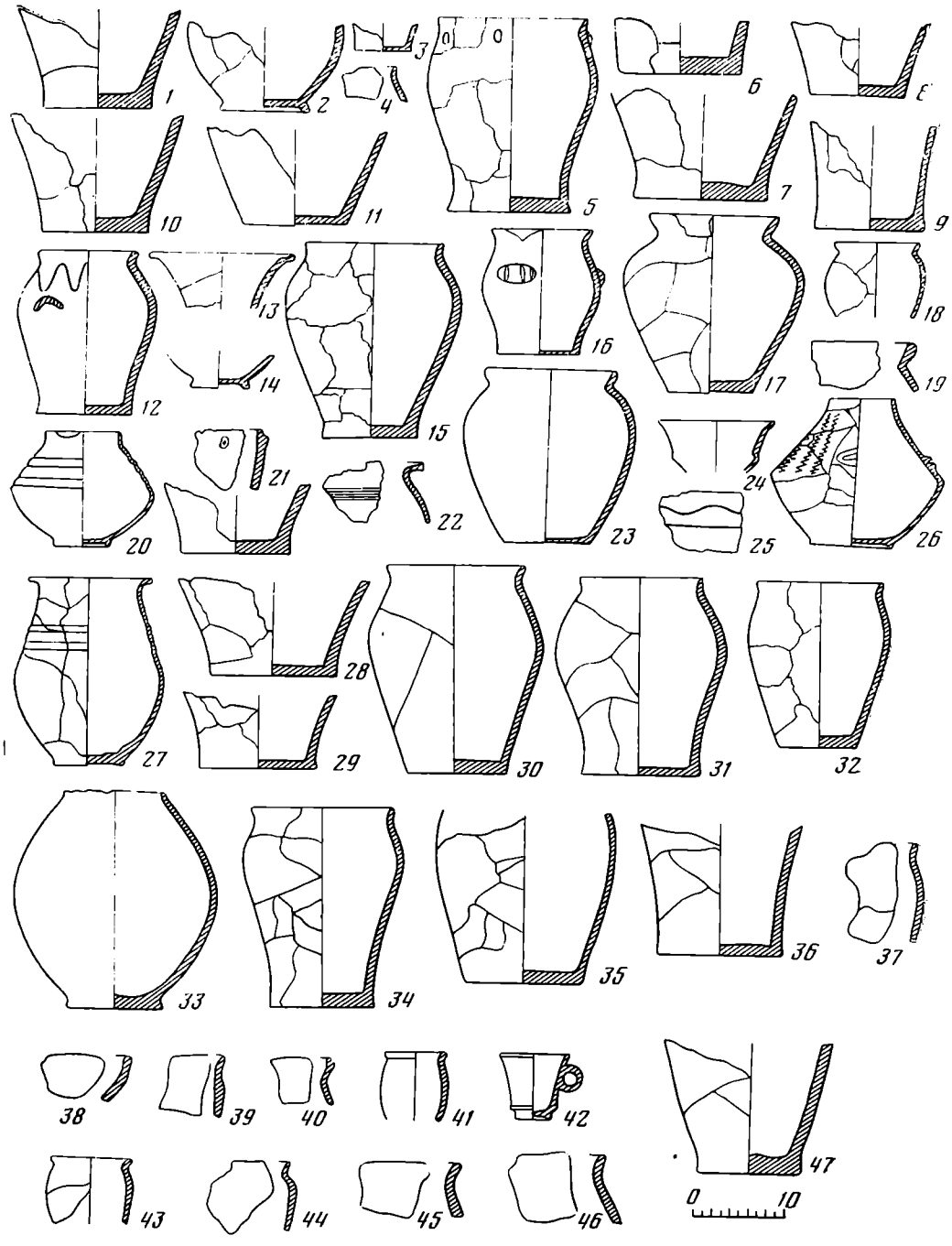


Рис. 4. Керамический материал с курганов XII–XXIII: *1–4*, *9* – курган XII; *5*, *10*, *11*, *34*, *46*, *47* – курган XIII; *6–8*, *38–40* – курган XIV; *12–14*, *18*, *19*, *33* – курган XV; *15*, *16* – курган XVI; *17* – курган XVII; *20–22*, *41*, *42* – курган XVIII; *23*, *24* – курган XIX; *25–28* – курган XXI; *29* – курган XXII; *30–32*, *36*, *37*, *43–45* – курган XXIII; *35* – курган XX

от центра подкурганной площади. Еще одна яма обнаружена в 1 *м* от урны 4. В плане она треугольной формы, размером 1,6×1,2 *м*, глубиной 0,2 *м*. В заполнении прослежены остатки кострища.

Курган XIV высотой 0,25 *м*, в плане овальной формы, размером 10×9,2 *м* (рис. 2, *3*). На глубине 0, 45 *м* от вершины насыпи проявились остатки кострища площадью 11,2 *м*^{2}. Здесь же найдена игла от железной фибулы (рис. 5, *5а*). Урнами служили лепные горшки, от которых сохранились лишь нижние донные части (рис. 4, *6—8*). Они стояли в округлых ямках диаметром 0,2—0,4 и глубиной 0,13 *м*.

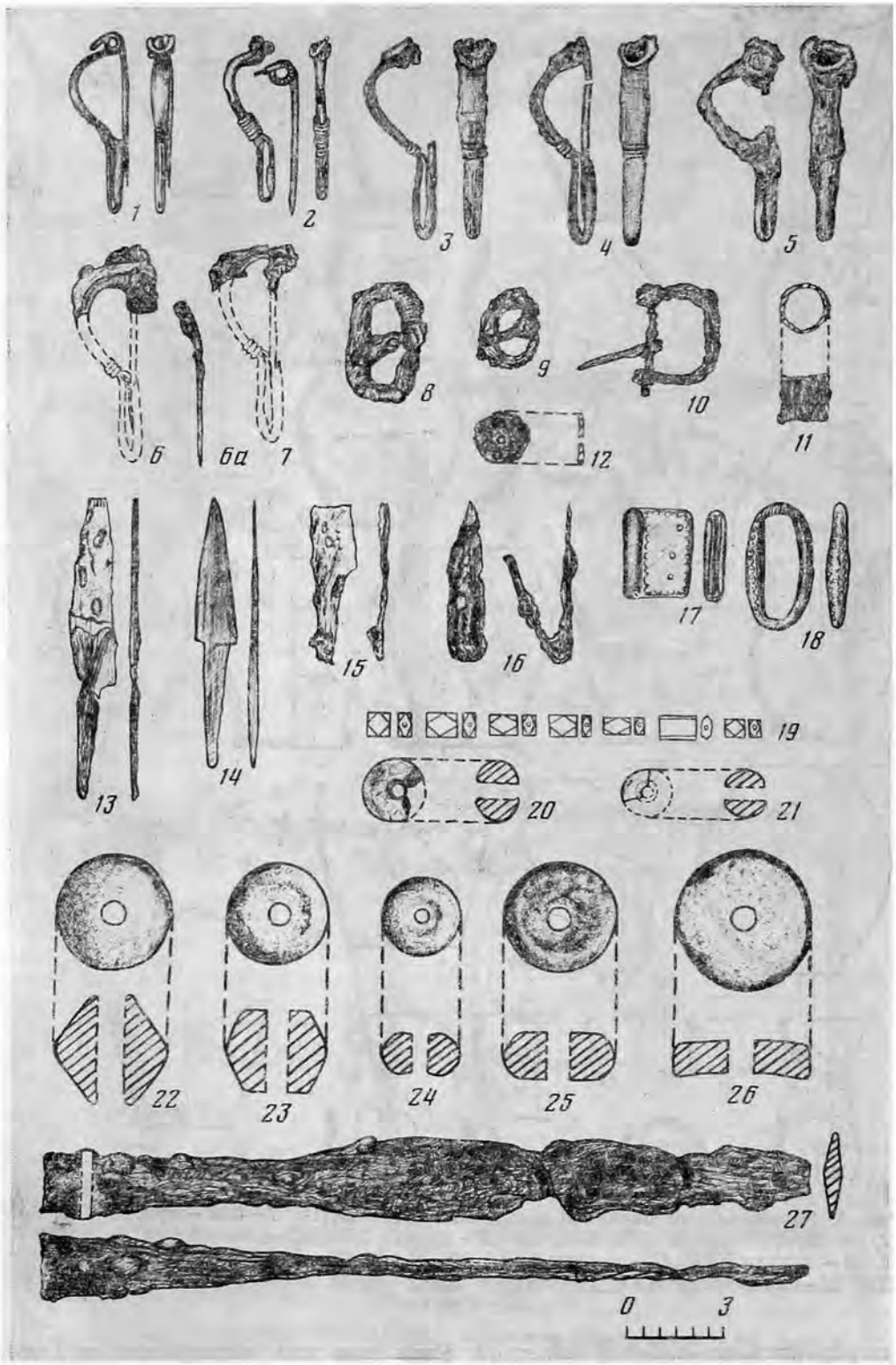


Рис. 5. Сопровождающий инвентарь Изы I: *1, 20* — курган XIX; *2, 10, 13, 14* — курган XIII; *3, 16, 25* — курган XXI; *4—6, 24* — курган XXIII; *11, 12—23* — курган XII; *15, 17, 18* — курган XVIII; *21* — курган XXII; *22* — курган XVI, *27* — курган XVII; *7, 26* — курган XX; *8, 9* — курган XV; *6а* — курган XIV

Курган XV высотой 0,15, диаметром 9,4 *м*. На глубине 0,35 *м* от вершины насыпи проявились остатки кострища размером 4×3,1 *м* (рис. 2, *4*). Его центральную часть занимала прямоугольная в плане яма (1,4×1,0 *м*) глубиной 0,2 *м*. В яме стояла лепная урна (рис. 4, *12*), внутри которой находились вместе с костями две железные пряжки (рис. 5, *8, 9*). Юго-западный угол описанной ямы перерезает вторая — диаметром 0,7, глубиной 0,4 *м*. Урна занимала центральную часть ямы (рис. 4, *33*).

Курган XVI имел сильно снивелированную насыпь. В плане он овальной формы, размером 8,4×7,8 *м* (рис. 2, *5*). На глубине 0,3 *м* от вершины насыпи проявились контуры двух ямок, внутри них стояло по одной урне. Урна 1 находилась в прямоугольной ямке размером 0,8×0,4 *м* и глубиной 0,2 *м*, сверху прикрытой камнем (рис. 4, *15*). Урна 2 стояла в округлой ямке диаметром 0,4 и глубиной 0,3 *м* (рис. 4, *16*). Поверх тщательно перебранных кальцинированных костей лежало пряслице (рис. 5, *22*).

Курган XVII высотой 0,15 м, в плане овальной формы, размером 9,4×8,6 *м* (рис. 2, *6*). Центральную часть подкурганной площади занимала округлая ямка диаметром 0,6 и глубиной 0,28 *м*. Внутри стояла урна, сверху присыпанная остатками кострища (рис. 4, *17*). У западного края кургана обнаружен наконечник копья длиной 28,5 *см* (рис. 5, *27*).

Курган XVIII со снесенной бульдозером насыпью. Сохранилась лишь часть кострища размером 2,4×2,2 *см* (рис. 3, *1*). В юго-восточном углу кострища под слоем угля толщиной до 0,1 *м* выявлена овальная в плане ямка (0,6×0,5 *м*) глубиной 0,3 *м*. Внутри стоял сероглиняный биконический горшок с тщательно перебранными костями (рис. 4, *26*). В заполнении ямы — большое количество угля, перемешанного с фрагментами керамики, а также бронзовые пряжка и наконечник ремня (рис. 5, *17, 18*).

К этому кургану относится и урна, вывернутая при прокладке дренажной траншеи. От нее сохранилась нижняя часть и фрагменты боковых стенок, украшенных небольшими выпуклинами (рис. 4, *21*). Внутри урны находился обломок ножа с горбатой спинкой (рис. 5, *15*). Большой фрагмент миниатюрного сероглиняного горшочка (рис. 4, *41*) и часть венчика еще от одного гончарного горшка (рис. 4, *22*) найдены возле урны. Здесь же обнаружена и сероглиняная кружечка на кольцевом поддоне (рис. 4, *42*).

Курган XIX высотой 0,28 *м*, в плане овальной формы, размером 9,6×8,6 *м* (рис. 3, *2*). Северную часть подкурганной площади на глубине 0,5 *м* от вершины насыпи занимало кострище. В юго-западном углу кострища обнаружена прямоугольная в плане яма (1,0×0,9 *м*) глубиной 0,18 *м*. На дне небольшого углубления находились кальцинированные кости. Рядом лежала одночленная фибула с привязным приемником (рис. 5, *1*). В 0,5 *м* к югу от захоронения, в овальной ямке (0,6×0,5 *м*) глубиной 0,35 *м*, стоял гончарный горшок с пережженными костями крупного животного (рис. 4, *23*). На площади кострища найдены части сердоликовой круглой бусины (рис. 5, *20*).

Курган XX почти полностью снивелирован, размер его 10,4×9,6 *м* (рис. 3, *3*). На глубине 0,28 *м* от вершины насыпи обнаружены остатки от трех лепных урн, стоявших в небольших ямках. В одной урне обнаружен фрагмент одночленной фибулы (рис. 5, *7*), а в другой — дисковидное пряслице (рис. 5, *26*). Урна 3 (юго-восточный сектор), стоявшая в довольно глубокой ямке (0,22 *м*), раздавлена, венчик снесен (рис. 4, *35*).

Курган XXI едва возвышался над поверхностью земли. В плане он овальной формы, размером 10×9,4 *м*. На глубине 0,25 *м* от вершины насыпи выявлено два урновых и одно погребение в ямке (рис. 3, *4*).

Урна 1 стояла в овальной ямке (0,5×0,4 *м*) глубиной 0,1 *м*, расположенной в северо-западном секторе. Под урну был употреблен лепной гор-

шок (рис. 4, *28*). Внутри были кальцинированные кости и дисковидное пряслице (рис. 5, *25*).

Урна 2 находилась в ямке (0,5×0,4 *м*) глубиной 0,37 *м* (рис. 4, *27*). Внутри урны лежали одночленная железная фибула и согнутый нож (рис. 5, *3, 16*). Рядом с урной обнаружена ямка яйцевидной формы (0,8×0,5 *м*, глубина 0,22 *м*), заполненная остатками кострища. К северо-востоку от этой же урны расположена слегка углубленная ямка диаметром 0,3 *м*, в которой обнаружены фрагменты гончарного горшка (рис. 4, *25*). В центральной части подкурганной площади в овальной ямке (0,4×0,3 *м*) глубиной 0,25 *м* находился развал еще одного сосуда (рис. 4, *36*).

Захоронение в ямке обнаружено на краю северо-восточного сектора. Ямка имела диаметр 0,4 и глубину 0,22 *м*, сверху присыпана остатками кострища.

Курган XXII едва выделялся над поверхностью земли. В плане овальной формы, размером 9,8×9,2 *м* (рис. 3, *5*). На глубине 0,3 *м* от вершины кургана в округлой ямке выявлены остатки лепной урны (рис. 4, *29*). Кроме того, на подкурганной площади обнаружена часть железной пряжки и фрагмент бусины (рис. 5, *21*).

Курган XXIII высотой 0,15 *м*, размером 10×9 *м* (рис. 3, *6*). На глубине 0,35 *м* от вершины насыпи зафиксированы четыре ямки, в трех из них находились урны.

Урна 1 стояла в овальной ямке размером 0,6×0,5 *м* и глубиной 0,2 *м*, расположенной в центральной части подкурганной площади (рис. 4, *31*). Поверх перебранных кальцинированных костей лежали пять сердоликовых бусин (рис. 5, *19*). Рядом с урной зафиксирована прямоугольная в плане ямка размером 0,9×0,6 *м* и глубиной 0,15 *м*. В ее заполнении находились остатки кострища, перемешанные с небольшим количеством кальцинированных костей и фрагментами керамики.

В 3 *м* к западу от первой обнаружена урна 2, стоящая в округлой ямке диаметром 0,4 и глубиной 0,25 *м* (рис. 4, *30*). Внутри урны находились две одночленные фибулы (рис. 5, *4, 5*) и пряслице (рис. 5, *24*). В 0,4 *м* от урны 2 зафиксирована яма размером 2×1,6 *м* и глубиной 0,2 *м*. В ее центральной части располагался останец высотой 0,15 *м*, на котором стояла нижняя часть лепного горшка с кальцинированными костями (рис. 4, *36*). В северной части ямы в углублении лежала раздавленная лепная урна (рис. 4, *32*). В заполнении ямы — масса угля с костями из поврежденных урн, фрагменты от четырех лепных горшков (рис. 4, *37, 43—45*), часть одночленной фибулы (рис. 5, *6*).

Приведенные данные и материалы из раскопок Э. Затлукала и М. Ю. Смишко дают возможность сделать ряд выводов, касающихся погребального ритуала Изы I.

Основной чертой погребального ритуала является сожжение тела покойного на месте захоронения. Об этом свидетельствует наличие на подкурганной плащади остатков кострища в виде отдельных участков грунта, обожженных до красного цвета, угля, перемешанного с кальцинированными костями и фрагментами керамики. Правда, в ряде курганов отсутствуют следы кострищ, а если они и есть, то довольно слабые (рис. 2, *5, 6*; 3, *9—12*). Аналогичная ситуация наблюдалась и при раскопках 1948 г., что дало возможность М. Ю. Смишко предположить наличие на Изском могильнике трупосожжений на стороне [11]. Но как отмечалось выше, большинство курганов довольно плохой сохранности, и отсутствие кострищ фиксируется как раз в наиболее разрушенных. Потревоженными оказывались не только верхние части кургана, но и подкурганные пло-

---

[11] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960, с. 77.

щади. Примером такого разрушения может служить курган XX (рис. 3, *3*). Здесь в плохо сохранившейся насыпи и под ней обнаружены отдельные кальцинированные кости, уголь, небольшое количество фрагментов керамики, а в юго-западном секторе — обожженный до красного цвета участок грунта с явными плужными следами. От урн, стоявших в неглубоких ямках, сохранились донные части, а урна 3, находившаяся в ямке глубиной 0,2 *м*, была со снесенным венчиком и раздавлена.

Наши наблюдения, проведенные при раскопках могильника, и анализ материала заставляют склониться к мнению о наличии в курганах, не имеющих явно выраженных остатков кострищ, трупосожжения на месте захоронения. После кремации кости тщательно перебирались и укладывались в урны без соблюдения анатомического порядка. Под урны чаще всего употреблялись лепные горшки [12], в четырех случаях М. Ю. Смишко зафиксировал захоронение в нижних донных частях лепных сосудов [13].

Здесь отмечается любопытная деталь: лепные урны без орнаментации имеют следы использования в виде нагара или черных пятен на внутренней поверхности, а на декорированных этого не наблюдается. По-видимому, мы имеем дело со специально изготовленными ритуальными сосудами, украшенными древним традиционным орнаментом. Кроме урн остатки кремации помещались в ямки. В двух курганах (I, XIX) прослежен чисто ямковый тип погребения, а в четырех (V, VI, XIII, XXI) — урново-ямковый вариант [14].

Проводились захоронения обычно в границах кострища. Под урны вырывали специальные ямки, в плане округлой или прямоугольной формы. Их глубина колеблется от 0,1 до 0,25 *м*. Иногда урны прикрывались какими-нибудь предметами. В кургане VIII урна 1 имела специально изготовленную крышку. Подобная деталь является характернейшей чертой ритуала карпских могильников типа Поянешть [15], между тем как для культуры карпатских курганов это лишь единичный случай. Урна 3 из кургана IX была прикрыта перевернутым горшком [16], а поверх урны 1 в кургане XXI лежал камень (таблица).

Возле захоронений на древнем горизонте находились сосуды-приставки от 1 до 7 шт. В общей массе курганов они встречаются нечасто, что связано с плохой сохранностью насыпей.

К деталям погребального обряда относится и наличие в некоторых курганах (XI, XIII, XXI, XXIII) ямок со ссыпанными туда остатками кострищ (таблица). Этот обычай составляет одну из характернейших черт могильников культуры карпатских курганов в Прикарпатье [17]. К разновидности подобного ритуала относится помещение угля из кострища не прямо в яму, а в большой горшок (курган VI) [18]. Аналогичный случай зафиксирован и на Изе II, где остатки кострища были ссыпаны в большой пифосовидный зерновик [19].

Во всех курганах Изы I присутствует ритуально разбитая посуда, находившаяся на подкурганной площади, в насыпи и в урновых ямках. Часть керамики, собранной с кострища, имеет следы вторичного обжига (таблица). Наличие обожженных, а иногда и ошлакованных черепков имеет место в погребальных памятниках римского времени на широкой

---

[12] В 22 курганах находились 36 лепных и 6 гончарных урн (таблица).
[13] *Смішко М. Ю.* Два курганні..., с. 320, 322, 324.
[14] *Смішко М. Ю.* Два курганні..., с. 320.
[15] *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 307.
[16] *Смішко М. Ю.* Два курганні..., с. 321, 323.
[17] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 80.
[18] Там же, с. 54.
[19] *Балагури Э. А., Котигорошко В. Г.* Ук. соч., с. 300.

№ п.п.	Тип захоронения		Детали погребального обряда								Трупосожжение на месте захоронения		Насыпь	
	урновый	ямковый	урна накрыта	сопровождающие сосуды	угольные ямки	черепки обожжены	урна		место инвентаря		прослежено	не прослежено	хорошей сохранности	снивелирована
							лепная	гончарная	в урне	вне урны				
I	–	1	–	–	–	+	–	–	–	–	+	–	+	–
II	1	–	–	–	–	+	1	–	–	–	–	+	–	+
III	1	–	–	–	–	+	1	–	–	–	–	+	–	+
IV	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+
V	2	1	–	1	–	+	2	–	–	+	+	–	–	+
VI	1	1	–	3	–	+	1	–	+	+	+	–	+	–
VII	1	–	–	–	–	+	–	1	–	–	+	–	–	+
VIII	3	–	1	4	–	+	3	–	+	+	+	–	–	+
IX	3	–	1	3	–	+	2	1	–	+	+	–	+	–
X	1	–	–	2	–	+	1	–	–	+	+	–	+	–
XI	3	–	–	7	1	+	3	–	+	+	–	+	–	+
XII	2	–	–	–	–	+	2	–	–	+	+	–	+	–
XIII	4	1	–	–	1	+	4	–	+	+	+	–	+	–
XIV	3	–	–	–	–	+	3	–	–	+	+	–	+	–
XV	2	–	–	–	–	+	1	1	+	+	+	–	–	+
XVI	2	–	1	–	–	+	2	–	+	–	–	+	–	+
XVII	1	–	–	–	–	+	–	1	–	+	–	+	–	+
XVIII	2	–	–	2	–	+	1	1	1	1	+	–	–	+
XIX	–	1	–	1	–	+	–	–	–	+	+	–	+	–
XX	3	–	–	–	–	–	3	–	+	–	–	+	–	+
XXI	2	1	–	1	1	+	1	1	+	–	–	+	–	+
XXII	1	–	–	–	–	–	1	–	–	+	–	+	–	+
XXIII	4	–	–	2	1	+	4	–	+	+	–	+	–	+

территории [20], но наиболее характерна эта черта для носителей культуры карпатских курганов [21] и пшеворцев [22].

В большинстве курганов (2/3) фиксируется от 2 до 4 урн, что, естественно, поднимает вопрос о наличии коллективных погребений. В свое время М. Ю. Смишко к коллективным отнес погребения в курганах VIII и IX [23]. Антропологический анализ остатков кремации из части последних исследованных автором данной работы курганов [24] дал возможность продолжить этот ряд и классифицировать курганы XIII—XVI, XXI, XXIII как семейные усыпальницы.

На основании изложенного выше представляется возможным выделить шесть характерных черт погребального обряда на Изском могильнике: 1) наличие кремации на месте захоронения под курганной насыпью; 2) преимущественное помещение остатков кремации в урны; 3) использование под урны главным образом лепных горшков; 4) присыпка урн остатками кострища; 5) наличие на подкурганной площади керамики со следами вторичного обжига; 6) наличие индивидуальных и коллективных захоронений.

Корни подобного погребального ритуала мы видим в местной куштановицкой культуре раннежелезного века, причисленной исследователями (Г. И. Смирнова, В. И. Бидзиля, М. Душек) к северофракийской этнической общности. Ее погребальный обряд характеризуется трупосожжением на стороне и на месте погребения под курганной насыпью с преобладанием трупосожжений на стороне. Остатки кремации помещали на горизонте, в ямке и главным образом в урне [25]. Анализируя позднелатенские памятники Верхнего Потисья, Б. Бенедик доводит существование куштановицких древностей до рубежа нашей эры [26]. К этому выводу склоняется и исследователь памятников позднелатенского времени в Закарпатье В. И. Бидзиля [27]. Последний к тому же отмечает, что кремация тела в большинстве случаев проводилась на месте захоронения под курганной насыпью. Преобладающим продолжает оставаться урновый тип погребения [28]. Не теряются основные черты погребального обряда этого региона и на рубеже нашей эры, о чем свидетельствуют могильники в Земплине [29], Стреде над Бодрогом [30]. Соединяющим звеном между погребальными памятниками рубежа и первых веков нашей эры является Иза II. Здесь сохраняются все три основные типа захоронения (на горизонте, в ямке, урне), но трупосожжений на стороне нет [31].

---

[20] *Смішко М. Ю.* Липицька культура.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, т. III, 1975, с. 40; *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского.— МИА, № 82, 1960, с. 197; *Моринц С.* Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху.— Dacia, V, 1961, с. 414.

[21] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 65.

[22] *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.— В сб.: Погребальный обряд культур Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М., 1974, с. 59.

[23] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 79.

[24] Антропологический анализ проведен при кафедре нормальной анатомии Ужгородского госуниверситета доцентом М. И. Шевчуком.

[25] *Смирнова Г. И., Бернякович К. В.* Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья.— АСбГЭ, 7, 1965, с. 97.

[26] *Benadik B.* Chronoligické vztány keltskych pohrebisk na Slovensku.— SA, 1962, x-2, s. 201; Mladohalstatske nalezy v dobe latensky.— ASM, 1964, 1, s. 92.

[27] *Бідзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 177.

[28] Там же, с. 173.

[29] *Benadik B.* Die Spätlatenezeitliche Siedlung von Zemplin in der Ostslowakei.— Germania, 1965, Bd. 43, s. 63.

[30] *Budinský-Krijčka V.* Vyskum r. 1958 na vrchu Bakhegy v Strede nad Bodrogom.— SA, 1960, VIII—I, s. 217—222.

[31] *Цигилик В. М.* Нові матеріали до вивчення культури карпатських курганів у Закарпатській області.— МДАПВ, вип. 4, 1962, с. 76.

Известные на сегодняшний день данные по погребальному обряду населения Верхнего Потисья говорят о его существовании в этом регионе без существенных изменений с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Раскопки могильника не только расширили наши представления о духовной культуре племен Закарпатья в римское время, но и представили значительный вещевой материал, освещающий некоторые черты хозяйственной жизни.

Основной и наиболее многочисленный материал могильника — керамика. По способу изготовления она делится на лепную и гончарную. Лепная посуда составляет 61% всей керамической коллекции и представлена одной формой — горшком. Изготовлялась она из теста с примесью шамота, реже добавлялись дресва или песок. Обжиг хороший, но не всегда равномерный, цвет — от светло- до темно-коричневого, поверхность заглаженная. По степени профилированности лепные горшки делятся на пять основных типов.

Самыми распространенными являются горшки I типа. Они представлены сосудами с наибольшим расширением в верхней трети и сужением у дна и горла. Венчик отогнут на внешнюю сторону, плечики четко выраженные или покатые, дно обычно профилировано. Средние размеры: диаметр венчика (Д) 14—18 *см*, днища ($Д_1$) 11—14 *см*, высота (Н) 19—22 см (рис. 6, *1—5*). По степени различия в раскрытости горла, профилировки тулова и высоты I тип делится на пять видов.

Вид А — широкогорлые сосуды с плавно отогнутым коротким венчиком и высокими крутыми плечиками (рис. 6, *1, 2*). Подобной формы горшки встречаются среди лепной и гончарной керамики позднекельтских могильников юго-западной Словакии [32]. Аналогичный сосуд с Гуменного (Словакия) датируется рубежом IV—V вв. н. э. [33], причем В. Будински-Кричка, основываясь на материалах Земплинского могильника, относит время их появления к началу нашей эры и отмечает их сходство с пражским типом [34].

Вид Б — приземистые широкогорлые сосуды с четко выраженными плечиками (рис. 6, *4*). Полные аналогии имеют среди посуды пшеворских горизонтов поселений Педер (II—III вв. н. э.) [35], Независко (конец III—IV в. н. э.) [36].

Вид В — вытянутой формы сосуды с нешироким горлом и резко выраженными высокими плечиками (рис. 6, *5*). Подобные пропорции имеют горшки пшеворского курганного могильника Капустинцы [37].

Вид Г — стройные сосуды с хорошо открытым горлом, плавно отогнутым венчиком и покатыми плечиками (рис. 6, *6, 7*). Аналогичные формы известны в керамических комплексах позднеримского периода на территории Восточной Словакии [38], Венгрии [39], Румынии [40].

Вид Д — небольшие сосуды с длинными плавно отогнутыми венчиками, переходящими в покатые плечики. Горло хорошо открыто (рис. 6, *8*).

---

[32] *Benadik B., Vlcek E., Ambros C.* Keltské pohrebiská na juho-zapadnom Slovensku, t. I, tabl. VI, *7*; XIX, *4*. Bratislava, 1957.

[33] *Budinsky-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej a stan národov v Prešove.— SA, 1963. XI — 1, s. 26, obr. 15, *1*.

[34] *Budinsky-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej..., s. 26, obr. 15, *1*.

[35] *Lamiová-Schmiedlowá M.* Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südoslowakei — SA, 1969, XVII — 2, s. 424, Abb. 9, *7*.

[36] *Смирнова Г. И.* Поселение у с. Независко в первые века новой эры.— МИА, № 116, 1964, с. 211, рис. 5, *2*.

[37] *Smiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwów, 1932, tabl. 1, *7*.

[38] *Kolnik T.* Prehl'ad a stav badania o dobe rimskej a stahovaní narodov.— SA, 1971, XIX, obr. 32, *3*.

[39] *Parducz M.* Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II im III Jahrhundert.— AAH, 1956, VII, *1—4*, Taf. XXVI, *14*.

[40] *Dumitrasku S., Bader T.* Asezarea liberi de la Mediesul Aurit. Satu Mare, 1967, fig. 22, *2*.

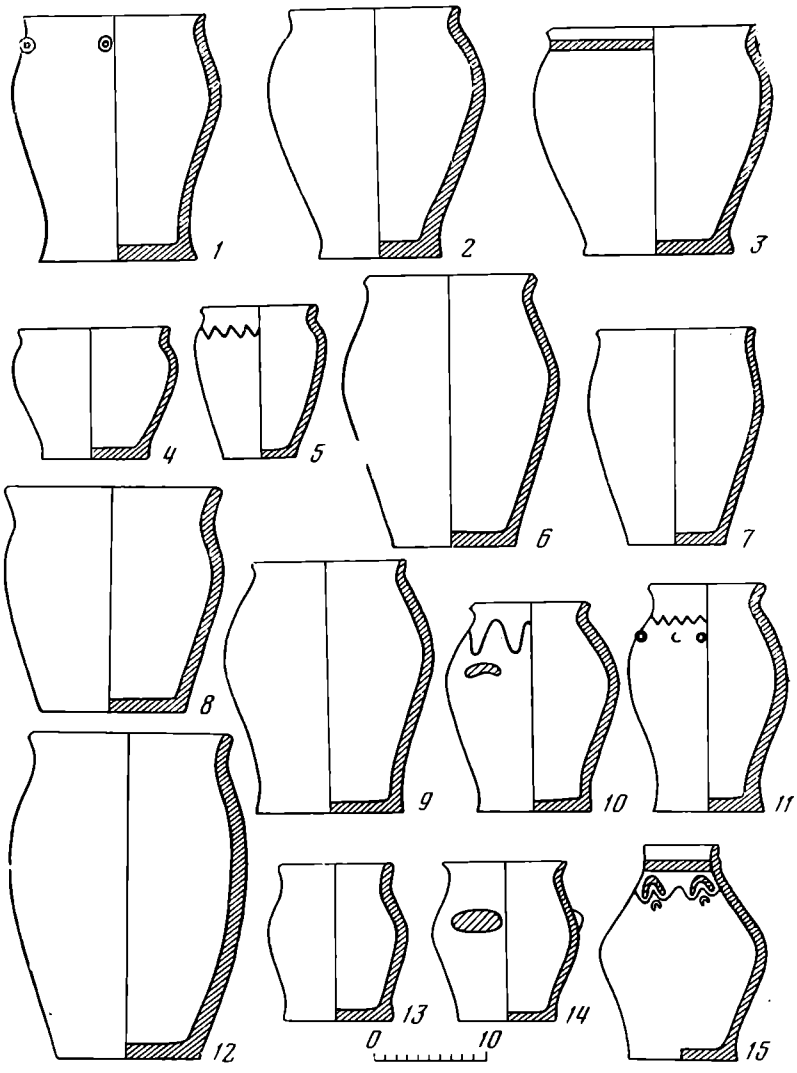


Рис. 6. Типы лепной керамики: *1—8* — тип I; *9—11* — тип II; *12* — тип III; *13*, *14* — тип IV; *15* — тип V

Аналогичные горшки входят в коллекцию поселения Лука Врублевецкая[41].

II тип объединяет сосуды средних размеров (Д=10—14 *см*, $Д_1$=10—13 *см*, Н=18—22 *см*) с плавно отогнутыми венчиками, переходящими в покатые плечики. Горло неширокое, тулово выпуклое, наибольшее расширение приходится на центральную часть горшка (рис. 6, *9—11*).

Горшки III типа от предыдущего отличаются небольшими размерами (Д=5—10 *см*, $Д_1$=5—10 *см*, Н=7—14 *см*), а также асимметричностью и грубостью лепки (рис. 6, *13*, *14*). Аналогии горшкам последних двух типов находим в дакийских комплексах первых веков нашей эры[42].

К IV типу относятся сосуды средних размеров (Д=10—18 *см*, $Д_1$=8—13 *см*, Н=14—25 *см*) с плавно отогнутым венчиком. Тулово овальное, с наибольшим расширением в средней части сосуда (рис. 6, *12*).

---

[41] *Тиханова М. А.* Локальные варианты черняховской культуры.— СА, № 5, 1957, рис. 8, *1*.

[42] *Дигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975, рис. 24, *2*; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 267.

Аналогии имеются среди лепной посуды с поселений Педер[43], в черняховском горизонте Черепина[44].

V тип представлен единственным экземпляром кувшиноподобного горшка с сильно выделенным туловом. Венчик слегка отогнут, горло узкое, наибольшее расширение приходится на середину высоты сосуда. По горлу и плечикам нанесен орнамент в виде комбинации из горизонтального валика подковообразных налепов с насечками, волнистой линии и оттиснутых подковок (рис. 6, *15*). Аналогичная форма имеется среди дакийской керамики курганного могильника рубежа нашей эры в Земплине[45].

Часть лепных горшков Изы I по горлу, плечикам и тулову покрывалась врезным или рельефным декором, а также различными комбинациями из них. Врезной орнамент состоит из отдельных волнистых или зигзаговидных линий. Его появление в среде местных культур связано с кельто-римским влиянием. В римское время волнистыми линиями чаще всего покрывались гончарные горшки и сосуды-хранилища[46], на лепных врезные линии встречаются довольно редко. Рельефный декор выступает в виде рубца (чаще с насечками) на горле, небольших косых валиков, дужек или подковок, а также округлых налепов. Корни подобных видов украшения посуды находятся в гето-дакийской среде последних веков до нашей эры[47]. Именно в ней на рубеже нашей эры рельефный орнамент достигает наибольшего развития и разнообразия. Сохраняется он и в последующее время, но употребляется гораздо реже[48]. В первых веках нашей эры подобный декор хорошо известен по керамическим комплексам липицкой культуры[49], культуры карпатских курганов[50], римско-провинциальной культуры Словакии[51], карпским памятникам типа Поянешть[52], т. е. на территории распространения северофракийской этнической общности.

Гончарная посуда составляет 39% всего керамического материала могильника. По способу изготовления и фактуре она делится на две группы.

Первая группа представлена довольно широким ассортиментом сероглиняной посуды (горшки, кувшины, миски, кружки), изготовленной из хорошо отмученного теста без видимых примесей. Горшки этой группы делятся на три типа.

I тип составляют биконические горшки с узким горлом и цилиндрической шейкой. Поверхность покрывалась темно-серым или коричневым лощением, а верхняя половина иногда украшена зигзаговидными линиями, или каннелюрами (рис. 4, *20, 26*; 7, *1, 5*). I тип получил наибольшее распространение в Изе I. Аналогичные формы в Верхнем Потисье известны среди лепных комплексов куштановицкой культуры[53] и гончарной продукции позднего латена[54]. Разбирая горшки этого типа, М. Ю. Смишко отмечал, что здесь мы имеем дело с одной из местных керамических

---

[43] *Lamiová-Schmiedlová M.* Op. cit., Abb. 9, *8*.

[44] *Баран В.* Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, табл. V, *1—2*.

[45] *Budinský-Krička V.* Vyskum r. 1968, s. 222, obr. 477.

[46] *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, № 116, 1964, с. 282.

[47] *Crişan I. H.* Ceramika daco-getica. Bucureşti, 1969, p. 208, 209, pl. CV, CVI.

[48] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Ук. соч., с. 198.

[49] *Цигилик В. М.* Ук. соч., рис. 20, 21.

[50] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 101, 102.

[51] *Budinský-Krička V.* Vyskum r. 1958..., tabl. V, VI.

[52] *Рикман Э. А.* Ук. соч., с. 311.

[53] *Böhm J., Jankovich J. M.* Mohilové pohřebiště v Kuštanivicich. Praha, 1936, Tabl. XI, *9*; XX, *4*; *Juhász J. T.* Az Orosháza-Gyapárosi szkita temető.— AE 1976, N 103, 248 old, kép. 14, *2*.

[54] *Бідзіля В. І.* Ук. соч., рис. 43, *4*; 48, *11*.

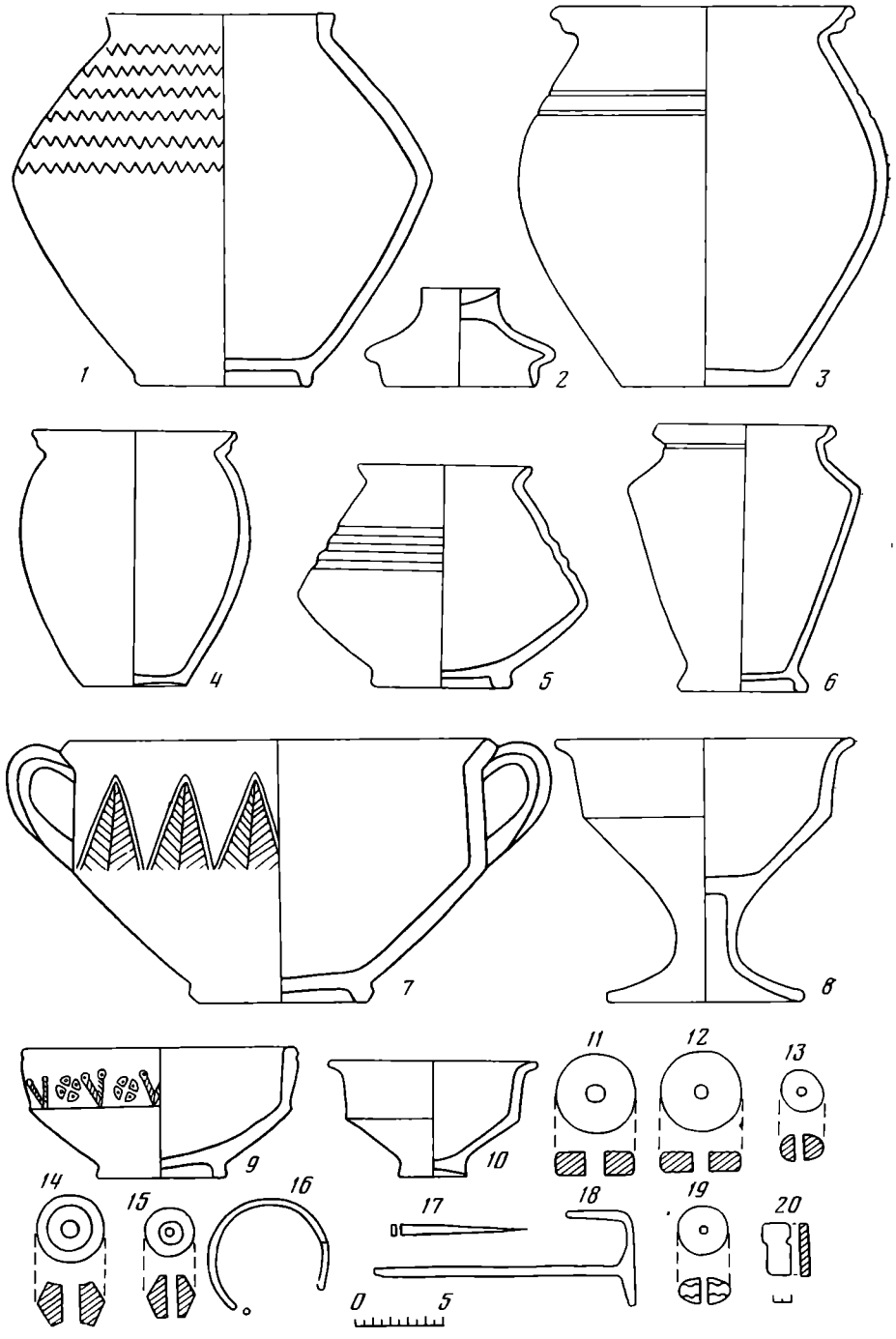


Рис. 7. Вещевой инвентарь Изы I: *1*, *11* — курган V; *2*, *6*, *17*, *18*, *20* — курган VIII; *3* — курган XIV; *4*, *9* — курган X; *5*, *13* — курган VII; *7* — курган XIII; *8*, *12* — курган IV; *10* — курган II; *14* — курган XII; *15*, *16* — курган XI; *19* — курган VI

форм [55]. В римское время подобные сосуды встречаются и в позднепшеворских комплексах Польши [56].

II тип представлен чернолощеным горшком с сильно отогнутым венчиком и невыраженными плечиками. Выпуклое тулово опущено к придонной части. В своей верхней половине сосуд покрыт каннелюрами

[55] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани..., с. 89.

[56] *Kostrzewski J.* Wielikopolska v pradziejach. Warszawa — Wroc'aw, 1955, s. 247, r. 733, 734.

(рис. 4, *27*). Аналогии этому типу находим на поселении 250—350 гг. н. э. в Озде (Венгрия) [57] и среди керамической коллекции последней фазы существования Прешовского селища [58].

К III типу относится чернолощеный горшок с шаровидным туловом на плитчатом поддоне (рис. 4, *33*). Его ближайшие аналогии бытуют среди керамики дакийских памятников Румынии римского времени [59].

К IV типу относится небольшой горшок со сложной профилировкой венчика, предназначенной для крышки (рис. 7, 2). Четко выраженная шейка переходит в крутые плечики. Тулово имеет резкий перелом в верхней трети сосуда (рис. 7, *6*). Прямые аналогии находятся в позднелатенских памятниках Карпатской котловины [60], что является свидетельством пережитков кельтских традиций в местном гончарном производстве.

Кувшины на могильнике представлены двумя экземплярами. По своей форме они аналогичны горшкам I типа, от которых отличаются лишь более узким вытянутым горлом да наличием ручки. Кувшин из кургана XXI в верхней части тулова имеет пролощенный вертикальный зигзаговидный узор (рис. 4, *26*), являющийся характерным декором посуды гето-дакийского круга [61]. Наибольшее распространение подобные кувшины получили на территории Дакии [62]. Так, например, аналогичен нашим кувшин из комплекса III в. н. э. поселения Дульчианца [63].

Довольно значительную группу сероглиняной посуды составляют миски, представленные пятью целыми экземплярами и шестью в обломках. По форме они делятся на два основных типа.

I тип — небольшие мисочки с прямым или отогнутым венчиком, характерным выступом на переходе плечиков в тулово и кольцевым поддоном (рис. 4, *24*; 7, *9, 10*).

II тип мисок имеет легко отогнутый на внешнюю сторону венчик, бока, сужающиеся к днищу, которое заканчивается кольцевым поддоном (рис. 4, *13*).

Аналогии нашим мискам находим на поселениях позднеримского времени (Черепин [64], Сена III [65]), а также среди продукции гончарных мастерских Среднего Подунавья [66].

Оригинальной находкой для Изы I является миска с ручками. Она имеет отогнутый венчик, переходящий в почти вертикальные плечики, тулово с резким переломом, днище на кольцевом поддоне и две широкие ручки. По плечикам нанесен пролощенный декор в виде остроконечных листьев (рис. 7, *7*). М. Ю. Смишко относит ее к продукции, появившейся в нашем комплексе благодаря связям с провинциально-римским гончарством [67].

Единичным экземпляром в могильнике представлена чаша на высокой ножке (рис. 7, *8*). Ближайшая аналогия ей находится среди погребального инвентаря кургана VI могильника в Перерослі [68].

---

[57] *Parducz M., Korek J.* Eine Siedlung aus der Kaiserzeit in Ozd.— AAH, 1959, t. X, N 3—4. S. 207, Taf. XIII, *10*.

[58] *Budinský-Krička V.* Sidlisko z doby..., s. 27, tabl. II, *11*.

[59] *Моринц С.* Ук. соч., рис. 3, *2*.

[60] *Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, tabl. LIX, *12*; XLIX, *13*.

[61] *Сымонович Э. А.* Орнаментация..., с. 340.

[62] *Магомедов Б. В.* До вивчення черняхівського гончарного посуду.— Археологія, 12, 1973, с. 83.

[63] *Dolinescu S.* Azesare din secolele III si VI e. n. in Sud-Vestul Munteniel. Cercetarile de la Dulceanca. Bucureşti, 1974, p. 62, fig. 19, *2*.

[64] *Баран В.* Поселення перших століть..., табл. IX, *3—5, 8, 9*.

[65] *Lamiová-Schmiedlová M.* Dve sidliska z doby rimskej na Vychodnom Slovensku.— SA, 1963, XI—I, tabl. V, *11, 14*.

[66] *Póczy K.* Die Topferwerkstätten von Aquincum.— AAH, 1956, t. VII, N 1—4, Abb. 6, *1*; 9, *2*.

[67] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани..., с. 94.

[68] Там же, табл. XIV, *5*.

К редким находкам относится кружка усеченно-конической формы с кольцевым поддоном и круглой ручкой (рис. 4, *42*). Аналогичную форму имеют кубки, изготовлявшиеся в мастерских Аквинкума [69].

Вторая группа гончарной керамики представлена горшками, изготовленными из теста с примесью мелкозернистого песка. Цвет серый, реже красноватый, иногда верхняя половина покрывалась черной краской. Поверхность шершавая от выступающих зерен песка, обжиг сквозной, равномерный. Венчики горшков хорошо профилированы и приспособлены для крышек, тулово овальное или выпуклое с наибольшим расширением в верхней трети. Днище плоское, иногда слегка вогнутое (рис. 4, *17*, *18*, *23*; 7, *3*, *4*). Уже в первых веках нашей эры подобные горшки появляются в Томах [70], но своего наибольшего распространения достигают в III—IV вв. н. э., в том числе и в черняховской культуре [71].

Кроме посуды керамические изделия представлены 10 экз. пряслиц трех типов: биконические (рис. 5, *22*, *23*; 7, *14*, *15*), круглые (рис. 7, *13*) и плоские круглые (рис. 5, *25*, *26*; 7, *14*, *18*). Изготовлены они из хорошо отмученного теста без видимых примесей или с добавлением песка, реже дресвы.

Индивидуальные находки Изы I сравнительно разнообразны. Это предметы украшения и принадлежности одежды, ножи, ключи, проколка (рис. 7, *17*), наконечник копья (рис. 5, *27*). Из предметов женского украшения в первую очередь следует назвать бусы (8 экз.), круглые (рис. 5, *20*, *21*; 7, *19*) и 14-гранные (рис. 5, 19). Последние изготовлялись из сердолика и имели широкое распространение в III—IV вв. н. э. особенно в черняховских памятниках [72]. К 180—200 гг. относит появление сердоликовых бус в Венгрии М. Пардуц, связывая их с сарматской экспансией в междуречье Дуная и Тисы [73]. Интересной находкой является подвеска-«ведерко» (рис. 5, *11*). Подобные женские украшения неоднократно встречались в черняховских могильниках [74].

К важным датирующим вещам могильника принадлежат одночленные фибулы с подвязным приемником (9 экз.). Все они изготовлены из железа, пружина короткая, с передней тетивой, ножка узкая. Делятся на два варианта. Вариант А (2 экз.) — круглопроволочные или полукруглые в сечении, спинки изогнуты коленчато или «полуциркульно» (рис. 5, *2*). Аналогичные фибулы известны в пшеворских комплексах III в. н. э. Польши [75], в погребальном инвентаре могильника Очков в Словакии [76]. Наиболее ранние экземпляры этого варианта (стадия C_1 по Эггерсу) [77] в Верхнем Потисье входят в коллекцию поселения Штаровцы [78].

Вариант Б (7 экз.) преобладает на могильнике. Сечение корпуса прямоугольное, спинка асимметрично изогнута (рис. 5, *1*, *3—5*). Наибольшее количество фибул этого варианта (62 экз.) найдено в могильнике IV в. н. э. Костелец на Гане (Моравия). Здесь наряду с вариантом Б

---

[69] *Póczy K.* Op. cit., Abb. 4, *11*.

[70] *Scorpan C.* Getii in Tomis şi Calatis.— SCIV, 1970, t. 21, p. 82, fig. 7, *1*.

[71] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья.— МИА, № 89, 1960, с. 136, табл. 30; *Кравченко Н. М.* Касановский могильник.— МИА, № 139, 1967, табл. VII, *1—7*.

[72] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, вып. Д1-27. М., 1970, с. 34, 35.

[73] *Parducz M.* Beiträge zur..., s. 182.

[74] *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, рис. 6, *11*, *13*; 9, *15*, *16*; 39, *13*, *14*; *Кравченко Н. М.* Ук. соч., табл. XVI, *2—7*, *13*.

[75] *Godlowski K.* The chronology of the Late Román and early Migration periods in Central Europe. Krakow, 1970, pl. II, *6*, III.

[76] *Kolnik T.* K typologii a chronologii niektorých spon s mladšej doby rimskej na juhozápadnom Slovensku.— SA, 1965, XIII—I, Obr. II, *2*.

[77] *Eggers H. J.* Zur absoluten Chronologia der römischen Kaiserzeit im freien Germanien Jahrbuch des Römisch.— Germanischen Museums. Mainz, 1955, Bd 2, S. 196.

[78] *Lamiova-Schmiedlová M.* Spony z doby rimskej na Slovensku.— AUSAV, 1961, N 5, tabl. VI, *6*, *7*.

встречались фибулы с круглым сечением[79]. Концом III—IV в. н. э. датирует подобные фибулы А. К. Амброз[80]. Проводя анализ одночленных фибул с территории Словакии, Т. Кольник пришел к выводу, что они, являясь продукцией местного производства Карпатской котловины, имели широкое хождение в стадиях C_2—C_3[81].

К принадлежностям одежды кроме фибул относятся и найденные на могильнике пряжки. Представлены они тремя экземплярами, изготовленными из железа, и одним бронзовым. По своей форме делятся на вытянуто-овальные с утолщенной передней частью (рис. 5, *8, 9, 18*) и прямоугольные (рис. 6, *10*). I тип хорошо известен по памятникам первых веков нашей эры на широкой территории[82]. Пряжка прямоугольной формы состоит из дужки, прикрепленной загнутыми концами к оси с язычком. Аналогии этого типа встречаются в пшеворских комплексах Польши[83]. Ремню с бронзовой пряжкой принадлежал и наконечник, откованный из одной пластины (рис. 5, *17*). Как и пряжка, он орнаментирован углубленными дужками.

Найденные в курганах ножи (5 экз.) небольших размеров, с прямой или горбатой спинками (рис. 5, *13, 16*). Хорошо сохранился благодаря покрывавшей его окалине кинжаловидный нож из кургана XIII длиной 10 *см*, возле черенка на тыльной стороне лезвия имеются насечки (рис. 5, *14*).

Единственный предмет вооружения, обнаруженный в могильнике,— наконечник копья довольно плохой сохранности. Его перо вытянутой формы, в сечении ромбовидное (рис. 5, *27*). Аналогичный наконечник найден в Верхнем Потисье при раскопах дакийского памятника III—IV вв. н. э. в г. Сату-Маре[84].

Проведенный анализ погребального обряда и инвентаря Изского могильника позволяет сделать ряд выводов, касающихся его датировки и этнокультурной принадлежности.

Самый многочисленный вещественный материал памятника — глиняная посуда, как и изделия из металла, хронологически связан с III—IV вв. н. э. Наиболее поздними являются I тип (вид А) лепной и II тип гончарной керамики, датированный рубежом IV—V вв. н. э. Но так как время существования основного материала могильника не выходит за рамки III—IV вв. н. э., в том числе и фибул, обнаруженных с сосудами этих типов, мы можем курганы (XI, XIII, XVI, XXI) с указанной посудой отнести ко времени не позднее конца IV в. н. э. О начале сооружения могильника не ранее первых десятилетий III в. н. э. свидетельствуют и найденные в курганах XII, XXIII сердоликовые 14-гранные бусины, время появление которых, как отмечалось выше, в нашем регионе относится к рубежу II—III вв. н. э.

Уточняют датировку одночленные фибулы с привязным приемником, представленные в основном вариантом Б, широкое распространение которого падает на конец III—IV в. н. э. К этому времени следует отнести и функционирование Изы I.

При разборе погребального обряда отмечалось, что основные черты ритуала, характерные для Изского могильника, прослеживаются в погребальных памятниках Верхнего Потисья на протяжении тысячелетия. С течением времени отмирают отдельные детали ритуала. Так, например,

---

[79] *Zeman J.* Severni Morava v mladší době římské. Praha, 1961, s. 180—188.

[80] *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966, с. 59.

[81] *Kolnik T.* K typologii..., s. 219.

[82] *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972, рис. 16, 17.

[83] *Dymaczewski.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Mlodzikowie pow. Sroda. Liber Saecularis. 1857—1957. Poznan, 1958, s. 401, r. 472. *9, 10, 14.*

[84] *Dumitrascu S., Bader T.* Op. cit., p. 50, pl. XIX.

широко распространенный в куштановицких могильниках обычай прикрывать урны какими-либо сосудами[85] на Изе I встречается как пережиточное явление в нескольких курганах (таблица). Совершенно исчезают на нашем могильнике захоронения на горизонте, которые бытовали и в куштановицких курганах[86], и в курганах Изы II[87]. Со II в. до н. э. в верхнетисский ареал проникает гончарная посуда кельтского образца[88], отдельные формы которой доживают до IV в. н. э. и, как указывалось выше, имеют место в Изе I. На могильнике сохраняется одновременно с местными формами и посуда дакийского облика. Проникновение ее в северную часть Карпатской котловины связано с продвижением сюда в середине I в. до н. э. гето-дакийского союза Бурвисты, что подтверждается наличием на поселениях раннеримского времени Восточной Словакии так называемого кельто-дакийского горизонта[89], а также ряда мощных дакийских городищ вдоль верхнего течения Тисы (Солотвино, Малая Копаня[90], Онцести[91]) рубежа нашей эры. «Нивелирующий рубанок римского мирового господства»[92] затронул и население нашего региона, но это влияние по сравнению с более южными районами Карпатской котловины было более слабым, что объясняется природной замкнутостью Верхнего Потисья, наличием глубоких традиций и консерватизма в среде местных племен. Этот консерватизм с особой наглядностью прослеживается на материалах Изского могильника, где сохраняется не только древний ритуал, но и древние формы посуды, орнаментации, использование под урны лепных горшков, а не парадных гончарных.

Могильник Иза I является одним из ярких и наиболее полно исследованных погребальных памятников культуры карпатских курганов и принадлежит коренному населению Верхнего Потисья, относящемуся к одной из групп северофракийской этнической общности.

V. G. Kotigoroshko

RESULTS OF INVESTIGATIONS OF THE CEMETERY IZA I IN THE TRANS-KARPATHIAN REGION

Summary

The cemetery near the village Iza in the Hust district of the Trans-Karpathian region of the Ukraine is one of the largest cemeteries of the Karpathian barrows culture. It consists of two parts named Iza I and Iza II by M. Yu. Smisko in 1948. The investigations of 1976, which finished the excavations of the cemetery let the author sum up the material and make some conclusions and specifications.

The funeral rite of Iza I is characterized by cremation at the burial place under the barrow. The remains of the cremation were thoroughly sorted and put, mainly, in hand-made urns, in special pits, dug out for them. Burials in pits were found only at rare occasions. All the available data about the funeral rites of the population of the Upper Tisa region indicate its stability from the VIth century B. C. till the IVth century A. D. Pottery is most numerous among the finds of Iza I. The major part of it is composed by hand-made vessels (61%). Among individual finds are monomial buckles with tied-up receiver, knives, buckles, spear-head, specific pendants, beads.

The materials of the excavations of 1976 make it possible to specify the time of functioning of Iza I, restricting it to the late IIId – IVth centuries A. D. The site was left by the local population, referred to the northern Thracian tribes.

---

[85] *Böhm I., Jankovich J.* Op. cit., s. 33—63.

[86] *Смирнова Г. И., Бернякович К. В.* Ук. соч., с. 91.

[87] *Цигилик В. М.* Нові матеріали..., с. 76.

[88] *Бідзіля В. І.* Ук. соч., с. 153.

[89] *Lamiová-Schmiedlová M.* Römerzeitliche..., s. 458—462.

[90] Материалы разведок и раскопок археологической экспедиции УжГУ. Фонды археологической группы Ужгородского государственного университета, инв. № У321—356.

[91] *Daicoviciu H., Bandula O.* si Glodariu. Cercetarile de la Oncesti in Maramures.— Studii şi Cercetari Maramuresene. Bala Mare, 1965, N 1.

[92] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, с. 167.

Заметки

Д. Я. ТЕЛЕГИН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЗБРАНЬКИ НА ЖИТОМИРЩИНЕ

В районе Овручского лессового массива известно несколько палеолитических местонахождений — Швабы, Довгиничи [1], Збраньки, Клинец [2]. Кремневый материал раскопанных стоянок, однако, весьма немногочислен. То же можно сказать и о других местонахождениях палеолитического времени этого района — Швабы и Збраньки, где был собран только немногочисленный подъемный материал.

В настоящее время новый интересный материал получен при исследовании стоянки Збраньки.

Стоянка Збраньки Овручского р-на Житомирской обл. расположена на лессовом плато в 0,5—0,6 *км* севернее с. Збраньки. Стоянка занимает ровную площадку между двумя оврагами. Поверхность ее имеет слабый наклон в южную сторону, к ручью, впадающему в р. Норынь. Высота местонахождения над поймой Норыни 25—35 *м*.

Внешний осмотр поверхности местонахождения показал, что находки распространяются на относительно небольшой площади, образуя вытянутое с юга на север пятно 55—60×15—20 *м*. Для выяснения условий залегания материалов заложена пунктирная траншея в направлении север — юг, длиною 26 *м*. В северных шурфах траншеи обнаружено скопление кремней. Они залегали прямо в почвенном слое (толщина слоя 20—25 *см*). В этом месте разбит небольшой раскоп (19 $м^2$).

Кремень найден на первом штыке (0—0,2 *м*). Все шурфы уступами доведены до глубины 1—1,1 *м*, а в оврагах по обе стороны траншеи на 29 *м* к западу и 16 *м* к востоку от нее сделаны зачистки обнажений. Стратиграфия в шурфах и зачистках идентична. Ниже даем описание разреза западной зачистки:

I — серая мелкозернистая почва, сформировавшаяся на лессе (0—0,2 *м*);

II — белесоватая глина, той же структуры (подзол?), переход от первого ко второму слою резкий (0,2—0,35 *м*);

III — плотный бурый ожелезненный суглинок, возникший, видимо, в результате вымывания окислов железа, более темный в верхней части,

---

[1] *Левицький І.* Довгинецька палеолітична стація.— Антропологія, III, Київ, 1929, 1930.

[2] *Месяц В. А.* Новая находка орнаментированного бивня мамонта. КСИА АН УССР, № 6, 1956; *его же.* Следы новой позднепалеолитической стоянки в окрестностях Овруча.— КСИА АН УССР, № 7, 1957.

светлее внизу на глубине 0,9—1,1 *м*, где заметны лишь горизонтальные бурые полосы «орштейна» (0,35—1,1 *м*);

IV — мелкозернистый пылеватый лёсс палевого цвета, слежавшийся, идет по всей глубине раскопа (2,1 *м*).

Археологические находки, как указывалось, залегали лишь в северных шурфах траншеи в почвенных слоях. В зачистках у оврагов ничего не обнаружено.

Судя по данным раскопок, стоянка имела весьма небольшие размеры. Находки образуют пятно поперечником не более 8—10 *м*. Нами вскрыта почти вся площадь этого скопления. Как показали шурфы, заложенные затем к северу от раскопа, продолжение культурного слоя возможно лишь в этом направлении.

В связи с тем что находки залегали в почвенном слое на незначительной глубине, все они, безусловно, находились не в первичном положении. По сохранности они ничем не отличаются от находок на поверхности. Все они имеют белую патину, но следов окатанности не наблюдается.

Кремень желвачный серого цвета, местного волынского происхождения. Всего в коллекции со стоянки Збраньки насчитывается более 1200 кремневых изделий. Их типологический состав следующий: нуклеусы — 20 (экз.); нуклевидные обломки — 17; сколы верхней площадки с нуклеусов — 2; продольные сколы и реберчатые пластины — 17; пластины ножевидные — 85; нож на пластине — 1; скребки — 5; скребки зубчатые — 5; резцы — 3; пластины с затупленной спинкой — 8; отщепы в количестве более 1000.

Нуклеусы главным образом конические одноплощадочные; они почти всегда однобокие, т. е. с остатками корки на одной из сторон. Всего таких нуклеусов 16, в том числе 8 прямоплощадочных (рис. 1, *1*), и столько же с сильно скошенной ударной площадкой (рис. 1, *2*). Кроме того, есть два невыразительных двухплощадочных нуклеуса (один челновидный) и два нуклеуса с продольно-поперечным снятием пластин. Имеется значительное количество нуклевидных обломков и сколов с нуклеусов.

Пластины крупных и средних размеров. Первые (36 экз.) шириной до 3,5 *см*, толстые, с неправильными гранями на спинке, часто с остатками желвачной корки; ударная площадка большая (рис. 1, *3, 4*). Пластины средних размеров имеют в поперечнике 1,2—2,4 *см*. Они ограничены более тщательно, относительно тонкие в разрезе, хотя фасетки на их спинках также довольно неправильные.

При анализе всего комплекса находок на стоянке Збраньки обращает на себя внимание относительно небольшой процент (0,02) готовых орудий труда и преобладание отщепов, ножевидных пластин, нуклеусов. Среди орудий выделяются следующие виды: скребки, обычные и зубчатые; нож на пластине; резцы; пластины с затупленной спинкой.

Тип скребка в комплексе неустойчив, скребки изготавливались из различных заготовок: из очень толстых больших пластин, отщепов, сколов с верхней площадки нуклеуса и др. Типологически все они концевые (рис. 1, *16, 18*).

Своеобразную группу орудий составляют «зубчатые скребки» (рис. 1, *17*), изготовленные обычно из нуклевидных обломков поперечных сколов нуклеусов или крупных отщепов. Для рабочего края этих изделий характерно наличие одного или нескольких выступов (зубцов) и впадин, сформированных крупными сколами. Следы сработанности в виде мелкой ретуши и «забитости» имеются как на зубцах, так и на впадинах рабочего края. В двух случаях рабочее лезвие обычного округлого скребка и зубчатого сочетаются в одном инструменте (рис. 1, *18*). В отдельных случаях в роли «зубчатых скребков» могли быть приспособлены и нуклеусы, на которых имеются также выступы и впадины, возникающие в процессе снятия пластин с большой ударной площадкой. Аналогичные нук-

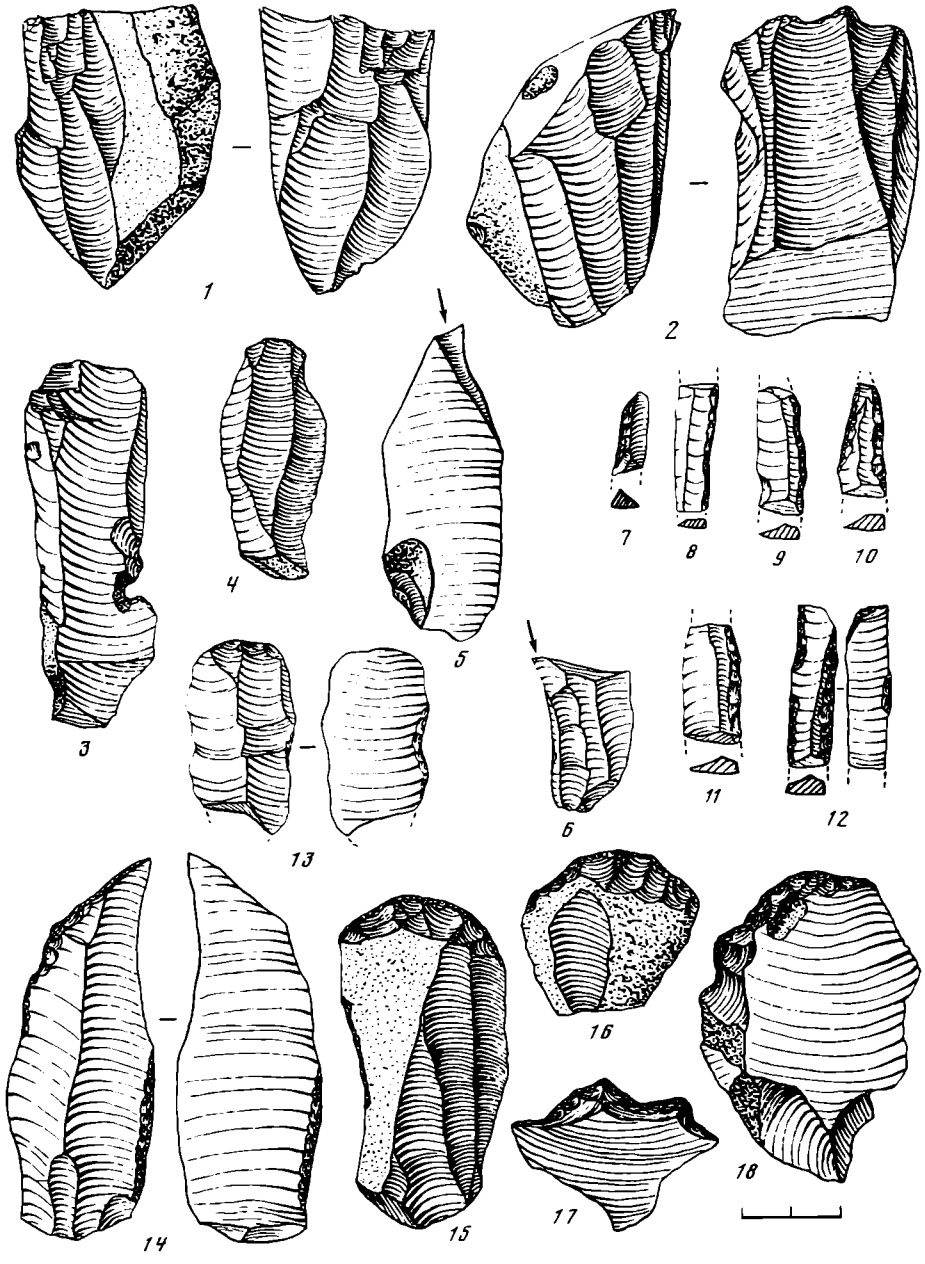


Рис. 1. Збраньки. *1—12*, *14—18* — кремневые изделия; *13* — горный хрусталь

левидные зубчатые изделия выделяются также и в коллекции стоянки Пушкари I (раскопки П. И. Борисковского) [3].

Одним экземпляром в комплексе представлен нож с крутой краевой ретушью в районе «ручки» и места для упора пальцем (рис. 1, *14*).

В коллекции выделено три резца. Два из них углового типа (рис. 1, *5*), а один — на углу сломанной пластины (рис. 1, *6*).

Весьма выразительную серию изделий стоянки составляют пластины с затупленной спинкой, сохранившиеся, к сожалению, почти все в обломках (рис. 1, *7—12*). Для их изготовления подбирались относительно хорошо ограненные пластины, довольно толстые в сечении. Спинка этих изделий затуплывалась крутой краевой ретушью. Иногда такой ретушью

[3] Материалы раскопок в Пушкарях I хранятся в фондах отдела археологии Института зоологии АН УССР.

«съедалась» почти треть первоначальной ширины пластинки. В одном случае подправка ретушью имеется и по второй длинной грани пластины. У некоторых пластин с затупленной спинкой имеется один острый край, что может свидетельствовать об использовании этих изделий в качестве острий дротиков. Пластины с затупленной спинкой из Збранек находят некоторые аналогии в изделиях этого рода из Пушкарей, раскопок 1933 г.[4] Редкой для палеолита находкой является пластина, изготовленная из горного хрусталя (рис. 1, *13*).

Пытаясь определить культурно-хронологическое место материалов из стоянки Збраньки, следует прежде всего подчеркнуть их следующие особенности. Во-первых, весьма примитивна техника изготовления ножевидных пластин, о чем свидетельствуют их крупные размеры, неправильные очертания и в большинстве случаев большая ударная площадка. Во-вторых, полностью отсутствуют орудия труда, изготовленные техникой плоской ретуши, и, наоборот, наличествуют изделия, изготовленные в технике крутой краевой ретуши. В-третьих, неустойчива техника изготовления скребков и резцов, для которых использовались самые разнообразные заготовки.

Вместе с тем наличие здесь конических прямо- и косоплощадочных нуклеусов указывает на то, что техника расщепления кремня имела вполне верхнепалеолитический характер.

Все сказанное выше позволяет сближать кремневый комплекс стоянки Збраньки в культурно-хронологическом плане с материалами таких стоянок, как Пушкари I. В Пушкарях I, однако, количество пластин с затупленной спинкой относительно больше и их ассортимент разнообразнее. В Пушкарях, Клюсах значительно больше скребков и резцов и типы их более устойчивы. Судя по технике изготовления орудий труда, более примитивной в Збраньках, чем в Пушкарях I, наша стоянка относится, возможно, еще к предпушкаревскому времени. В комплексе Збранек, однако, мустьерские формы изделий полностью отсутствуют, что отмечается для некоторых стоянок начала позднего палеолита Волыни[5].

Таким образом, Збраньки в хронологическом плане, по нашему мнению, находятся где-то между Радомышлем и Пушкарями I, следовательно, стоянка Збраньки должна относиться к ранней поре верхнего палеолита Волынского Полесья. Видимо, этим же временем должна датироваться и стоянка Довгиничи, где обнаружены пластины с затупленной спинкой, типа близкого к находкам в Збраньки.

---

[4] *Рудинский М. Я.* Пушкари.— СА, IX, 1947, табл. III, *16, 17*.
[5] *Шовкопляс Г.* Палеолітична стоянка Радомишль.— Археологія, XVI, 1964.

И. Н. ХЛОПИН, Л. И. ХЛОПИНА

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПАРХАЙ II В ТУРКМЕНИИ

Во время раскопок Сумбарского могильника (эпоха поздней бронзы в долине среднего течения Сумбара) в 1975 г. было найдено три сероглиняных сосуда (рис. 1), которые своими признаками не укладывались в керамический комплекс этого времени и этого памятника. Они могли относиться к предметам импорта, которые хорошо известны на поселениях северной подгорной равнины Копет-Дага, но не запада и юго-запада; они могли также указывать на наличие памятников, которые до сих пор не были известны в Юго-Западной Туркмении. Поэтому перед Сумбарской экспедицией ЛО ИА АН СССР и ЮТАКЭ АН ТССР в 1977 г. было поставлено несколько задач, в частности поиски памятников более раннего времени в долине среднего течения Сумбара.

Рис. 1. Сосуды ранней бронзы, найденные в могильнике Сумбар I

В результате разведок в окрестностях поселка Кара-Кала было найдено несколько могильников разного времени: античный катакомбный могильник с керамикой, а также бронзовым и железным погребальным инвентарем; катакомбный могильник эпохи поздней бронзы Пархай I, полностью аналогичный по материалу сумбарским могильникам, наконец, могильник Пархай II.

Могильник Пархай II расположен в 1 *км* к западу от окраины районного центра Кара-Кала, в 100 *м* к северу от шоссейной дороги, на высоком (10 *м*) холме с сильно изрезанными склонами; его общая площадь достигает 1,5—2 *га*. Центральная часть плоской поверхности холма, слегка покатой к западу, занята каменными надмогильными сооружениями, вымостками и оградками, которые по первому впечатлению могли быть отнесены к более позднему времени. Часть холма, обращенная к дороге, обильно усыпана обломками серой керамики архаического облика, что и привлекло наше внимание к памятнику.

Разведочный раскоп площадью 80 $м^2$ был заложен на южном краю холма. Там было открыто и расчищено пять погребальных сооружений, которые показали первостепенную важность памятника.

Могила 1 представляет собой овальную погребальную камеру 260×170 *см*, глубиной 90 *см* от современной дневной поверхности. Вход в нее находился с восточной длинной стороны — там сохранилась куча больших камней. В северной половине камеры расчищены два скорченных скелета в анатомическом порядке (рис. 2, I). Первый, лежавший у стенки камеры спиной к ней, находился на правом боку головой на запад; пяточные кости были недалеко от таза, правая кисть перед лицом, левая в области живота. Скелет принадлежал мужчине 35—40 лет [1]. Второй скелет был обращен лицом к первому, т. е. лежал на левом боку головой на запад; он принадлежал женщине 40—50 лет. В восточной и

[1] Все антропологические определения сделаны Т. П. Кияткиной.

южной частях камеры находились разрозненные останки еще двух погребенных: мужчины 50—60 лет и ребенка около 8 лет. Посреди могильной камеры, за спиной второго женского скелета, найдено 12 сосудов (четыре кубка, шесть чаш, одна чашечка и один графин), керамическое пряслице и известняковая буса.

Могила 2 — круглая в плане камера около 150 *см* в диаметре и глубиной 130 *см*. Вход в нее располагался с востока; его закрывала каменная плита, стоявшая на сырцовом кирпиче длиной 45 *см* и толщиной 15 *см*; она была закреплена в вертикальном положении обломками крупных сероглиняных сосудов. Дно камеры ниже уровня кирпича на 50 *см*. В камере находились человеческие кости — черепа, длинные кости рук и ног, реже лопатки и тазовые кости; мелких костей — ребер, позвонков, костей кисти и стопы — почти не было. В высоту эта куча достигала 60 *см*. При ее разборе выяснилось, что в камере были захоронены останки не менее 17 человек (по количеству черепов). Поверх костей было найдено четыре сосуда; две вазочки и два горшочка.

Могила 3 овальная в плане (170×120 *см*), ее глубина 90 *см*. Место входа достоверно установить не удалось, но, вероятнее всего, он находился с северо-восточной стороны. У южной стенки камеры были аккуратно сложены останки не менее семи человек (по количеству черепов). Поверх костей лежало 13 сосудов: восемь кубков, три чаши, один горшок и одна чашечка.

Могила 4 овальная в плане (220×190 *см*), ее глубина 130 *см* (рис 2, II). Вход в камеру вел с северной стороны: там был входной колодец, заполненный камнями и сырцовыми кирпичами (40×28×12 *см*); часть завала оказалась внутри камеры. У южной стенки камеры скопление человеческих костей, среди которых 12 черепов. Поверх костей и среди них найдено восемь сосудов: три кубка, два горшочка, один грушевидный сосуд, одна чашечка и один цилиндрический сосудик.

Могила 5 овальная в плане (220×190 *см*), ее глубина 130 *см*. Вход в нее вел с северо-запада, имел ширину 60 *см* и был заложен камнями, сырцовыми кирпичами и обломками керамики. В числе этой керамики найдены фрагменты сосудов с крупной растительной примесью в тесте, с красным кирпичным ангобом и остатками росписи. В юго — юго-восточной части камеры находилась куча костей не менее чем от четырех скелетов (по количеству черепов). На костях, среди них, частично под ними, а также в середине камеры, найдено 14 сосудов; 12 были сделаны из обычного серого теста и имели звонкий обжиг, а два — из такого рыхлого теста, что один сосуд — кувшин, не удалось сохранить. Найдено шесть кубков, четыре графина, два грушевидных сосуда и один цилиндрический сосуд из рыхлого теста.

Могильник Пархай II состоит из погребальных камер с коллективными захоронениями. Камеры имеют ряд признаков, которые в сумме позволяют сделать определенные выводы относительно конструкции погребального сооружения. 1. Дно погребальной камеры расположено на глубине 0,9 и 1,3 *м* от современнной дневной поверхности. 2. Уровень современной дневной поверхности холма, видимо, не намного ниже того, который был в древности, поскольку на ней, недалеко от вскрытых могильных сооружений, имеются каменные выкладки над могилами античного или раннесредневекового времени, которые указывают на неизменность уровня поверхности холма на протяжении последних полутора — двух тысячелетий. 3. Погребальная камера во время функционирования кладбища не была заполнена землей, так как внутрь сооружения неоднократно проникали с целью производства последовательных погребений. 4. В полую камеру проникали не через верх, а через боковой вход, место и дно которого фиксируют камни и кирпичи. 5. Сбоку от погребальной камеры находилась входная яма, засыпанная землей и отделенная от камеры или кладкой из сырцовых кирпичей, или вертикально постав-

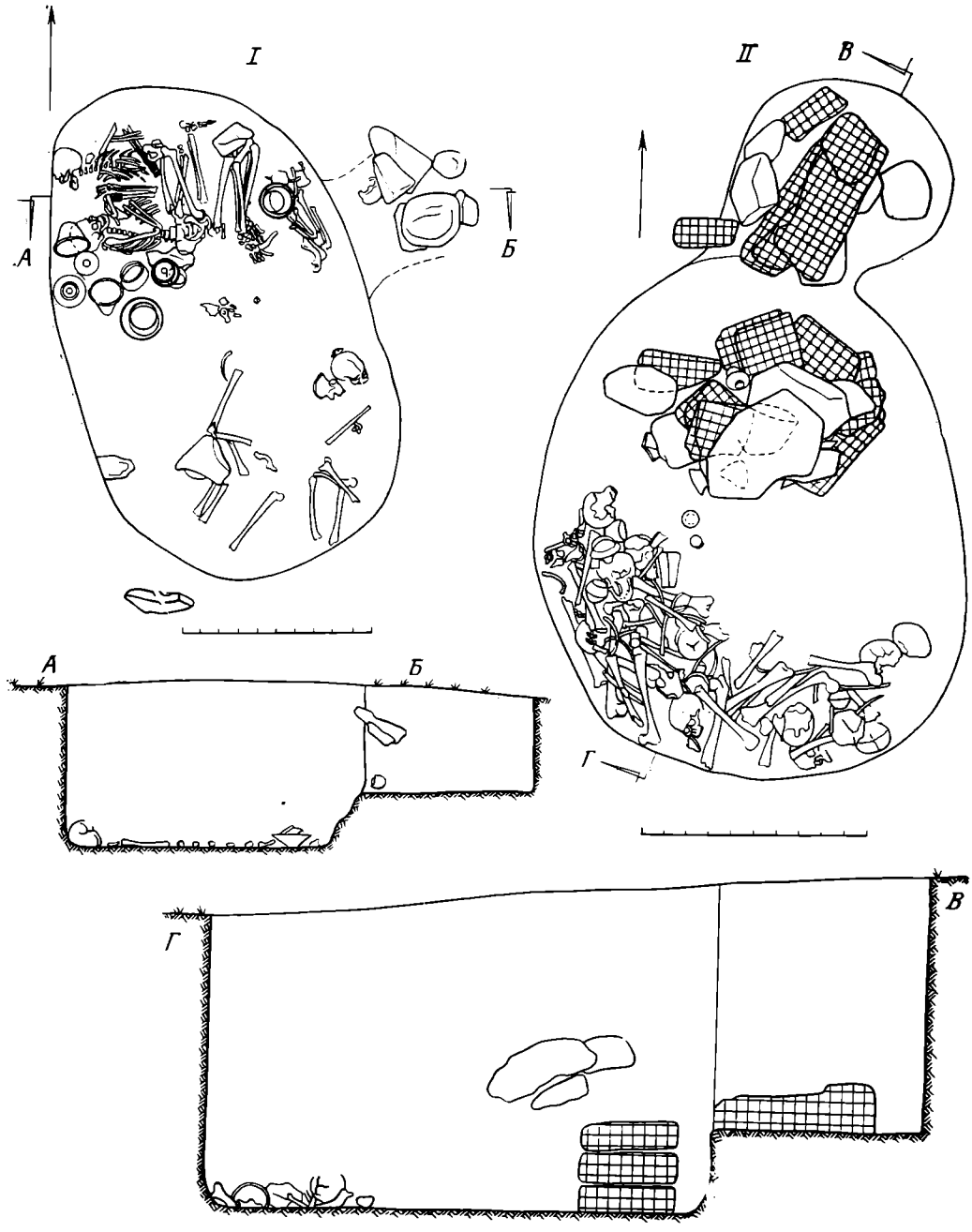


Рис. 2. Могильник Пархай II. I — погребальная камера 1, план и разрез; II — погребальная камера 4, план и разрез (заштрихованы сырцовые кирпичи)

ленной каменной плитой; и кладка, и плита препятствовали проникновению в камеру земли, засыпанной с другой стороны преграды во вторую яму.

Поскольку камера была полой и недостаточно глубокой, мы имеем право полагать, что она не была катакомбной (т. е. камерой с естественной крышей), а имела какое-то искусственное перекрытие. В течение первого сезона раскопок остатки таких перекрытий зафиксированы не были. Многократность захоронений очевидна, что позволяет говорить о столь же многократном проникновении внутрь камеры; если бы проникали через верх, то незачем было делать боковые входы, специально заложенные. Наблюдения первого сезона раскопок могильника Пархай II по-

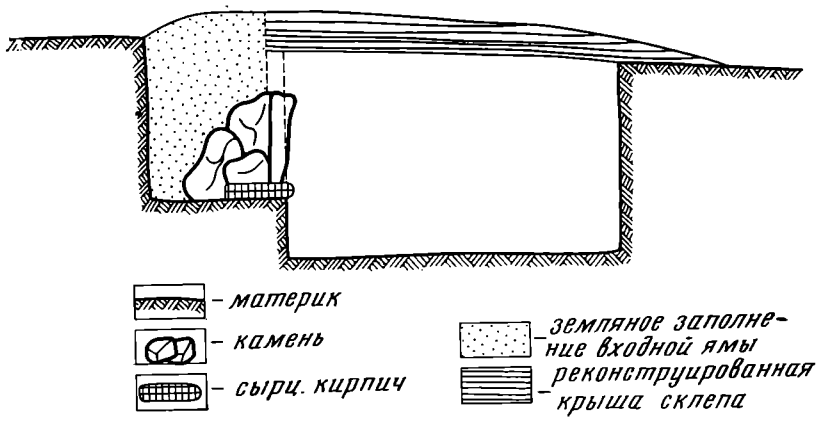


Рис. 3. Схематическая реконструкция могильного сооружения

зволяют воссоздать с определенной долей вероятности конструкцию его погребальных камер.

Овальная или округлая в плане яма с вертикальными стенками, диаметром 2,2—2,3 *м* опускалась на глубину 90—130 *см*; она была как-то перекрыта, но пока не найдено следов от этого перекрытия. Можно только сказать определенно, что сырцовый кирпич для этого не употреблялся. Вход вел сбоку из другой ямы, меньших размеров; эти смежные ямы были разделены камнями или кирпичами. Входная яма после совершения погребения в склепе засыпалась землей, которую не пропускала внутрь склепа искусственная преграда между ними. Для последующего погребения надо было вынуть землю из входной ямы и разобрать заложенный вход в склеп. Следовательно, пока погребальные сооружения могильника Пархай II можно реконструировать в виде полуподземного склепа с боковым входом (рис. 3).

Если бы в могиле 1 не были найдены лежавшие в анатомическом порядке скелеты мужчины и женщины, то на основании других четырех склепов можно было бы говорить об обряде вторичного захоронения костей после того, как где-то в другом месте истлели все мягкие ткани, что напоминало бы позднейший зороастрийский погребальный обряд. Несколько загадочным выглядит пока пустое, не занятое непотревоженным костяком, место в центре других склепов, в которых кости скелетов сложены вдоль стенки, противоположной входу. Возможно, в составе могильника были сооружения двух назначений: для первичного погребения, где истлевали мягкие ткани покойника, и для вторичного, куда по прошествии определенного времени складывали кости покойных, чем освобождали первичные склепы для очередного погребения. Однако у нас еще недостаточно данных для того, чтобы настаивать на подобной реконструкции погребального обряда у населения, оставившего могильник Пархай II. Эта гипотеза должна быть проверена последующими раскопками.

Могильник Пархай II больше всего напоминает Геоксюрский [2], что позволяет интерпретировать его аналогичным образом, т. е. как совокупность усыпальниц останков кровных родственников одного поколения [3]. Однако, учитывая многочисленность черепов в одной могиле (до 17), это кровное родство следует рассматривать расширительно.

Найденная в могилах керамика (51 сосуд) представлена столовой посудой индивидуального пользования (рис. 4). Вся она серого цвета и

---

[2] *Сарианиди В. И.* Новый тип древних погребальных сооружений в Южной Туркмении.— СА, 1959, № 2, с. 235—238; *его же.* Геоксюрский некрополь.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965.

[3] *Chlopin I. N.* Kollektivgräber des 3./2. Jahrtausends v.u.Z. in Südturkmenien.— EAZ, 18, Hf. 3, 1977, S. 385—398.

Рис. 4. Керамика из разных могил могильника Пархай II

звонкого обжига; несмотря на исключительно ручную выделку, толщина стенок сосудов иногда достигает 1—1,5 *мм*. Более распространены биконические кубки самой различной величины (от 6,5 до 15,5 *см* в высоту), с изящной изогнутостью стенок (рис. 5, *2, 8—10*), которые можно разделить по отношению высоты сосуда к его диаметру на более широкие и более высокие. Затем — чаши с характерным развалом стенок (рис. 5, *11*). Наконец, графины со сферическим туловом, узким горлом и воронковидным венчиком (рис. 5, *12*), грушевидные сосуды с отверстиями для подвешивания (рис. 5, *3*), вазы на ножке (рис. 5, *7*), различные чашечки и другие сосуды. Некоторые графины и сферические сосуды имеют округленное дно. Как можно видеть, ассортимент форм всего из пяти могил достаточно велик. Иногда сосуды украшены геометрическим орнаментом, прочерченным острием ножа, горизонтальным рифлением поверхности стенок и ножек, лощеными изображениями деревьев.

Многие формы этих сероглиняных сосудов и такая же манера орнаментации были обнаружены более 20 лет назад на памятниках северной подгорной равнины Копет-Дага, прежде всего на поселениях Кара-Тепе у Артыка[4], Ак-Тепе у Ашхабада[5] и Намазга-Тепе[6]. В керамических комплексах с названных поселений такая керамика уже тогда ощущалась как инородный элемент, но было не совсем ясно, откуда и каким образом появилась эта керамика, где находился центр этой культуры. Теперь серая керамика позволяет синхронизировать могильник Пархай II с периодами Намазга III — Намазга IV культуры древних земледельцев подгорной полосы Копет-Дага. В абсолютных датах этот могильник следует отнести к середине III тысячелетия до н. э., вероятнее всего к XXVII—XXIV вв. до н. э. Одновременно становится ясно, что центр, откуда распространилась на памятники северной подгорной равнины Копет-Дага серая керамика эпохи ранней бронзы, следует искать в Юго-Западной Туркмении, причем скорее в горных районах, а не на Мешед-

---

[4] *Хлопин И. Н.* Верхний слой поселения Кара-Тепе. КСИИМК, вып. 76, 1959, с. 46, рис. 18; *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка.— Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1961, с. 363.

[5] Раскопки А. А. Марущенко. Изданы: *Сарианиди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы.— В сб.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976, с. 82—111.

[6] *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, с. 355 (табл. XXX).

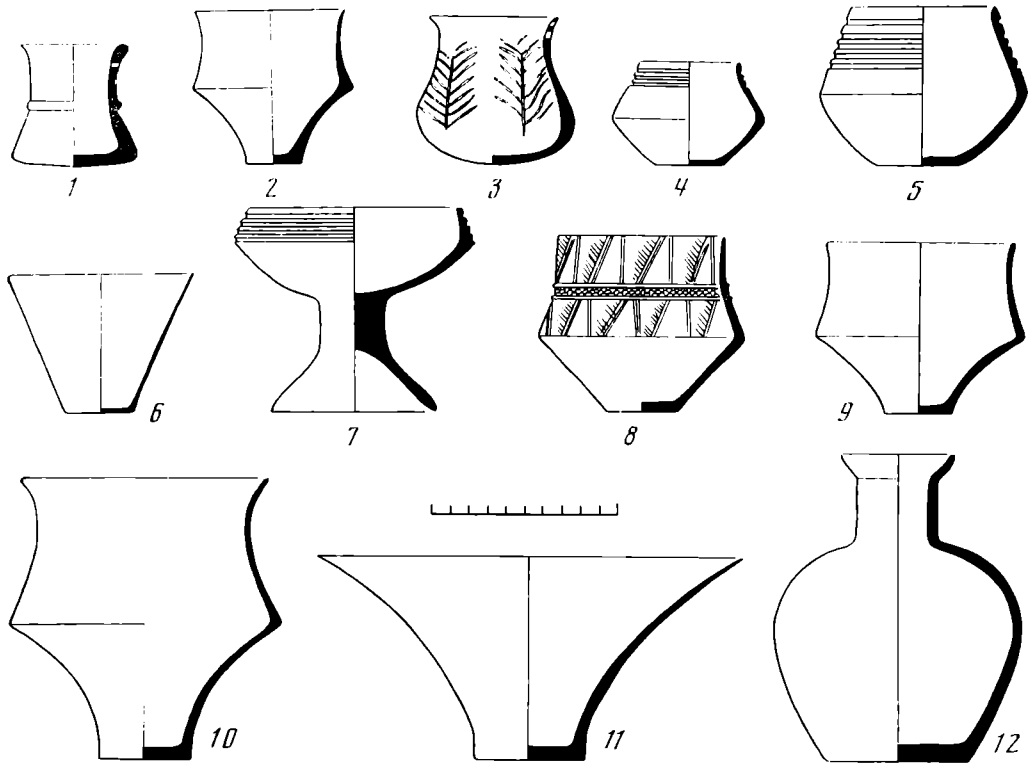


Рис. 5. Образцы керамики из могильника Пархай II. *1* — цилиндрический сосудик; *2*, *8—10* — биконические остроребер**ные** кубки; *3* — грушевидный сосуд; *4*, *5* — горшочки; *6* — конический стакан; *7* — ваза; *11* — чаша; *12* — графин

Мисрианской равнине; к северу от Атрека вообще пока не найдено памятников старше эпохи поздней бронзы и раннего железа (культура архаического Дахистана). Однако такая посуда известна на ряде памятников, расположенных на северной подгорной равнине Эльбруса, между горами и средним течением реки Горган в северном Иране. На Тюренг-Тепе черепки такой посуды являются редким исключением [7]. Зато их достаточно много обнаружено на Шах-Тепе; в нижнем слое (Шах-Тепе III) встречены исключительно лепные серые чаши, графины, сферические сосуды без венчика, конические сосуды; кроме того, там встречена круглодонность и та же манера украшения поверхности вдавленными линиями и лощением [8]. Важно отметить, что ни один из перечисленных признаков не встречен к югу от Эльбурса.

Следовательно, раскопками 1977 г. обнаружены следы археологической культуры раннего бронзового века, распространенной в середине III тысячелетия до н. э. как на северной подгорной равнине Эльбурса, так и в межгорных долинах западного Копет-Дага, в частности на среднем течении Сумбара и, вероятно, в Сайванской долине [9]. Не исключено, что дальнейшие обследования промежуточных территорий позволяют объединить названные местности в один ареал. Подобная керамика с поселения Карантки-токай у поселка Караул, на левом берегу ручья

---

[7] Этот вывод сделан на основании личного знакомства авторов в 1975 г. с материалами из раскопок Ж. Дэйэ на Тюренг-Тепе, хранящимися в Париже.

[8] *Arne T. J.* Excavations at Shah-tepé, Iran. Stockholm, 1945, p. 172—180, fig. 170, 173 сл.

[9] *Ганялин А. Ф.* Археологические памятники горных районов Северо-западного Копет-Дага.— ИАН ТуркмССР, 1953, № 5 (обследование поселений в Сайванской долине было произведено также И. Н. Хлопиным в 1968 г.).

Арваз-сай [10], показывает уже цепочку памятников, по которой, вероятнее всего, названная керамика проникла в эпоху Намазга III на северную подгорную равнину Копет-Дага и стала там одним из ведущих компонентов в западном варианте керамического комплекса Намазга IV, представленного находками с поселения Ак-Тепе под Ашхабадом.

Обнаружение в засыпке погребений могильника Пархай II фрагментов расписной керамики типа Намазга III может свидетельствовать как о существовании здесь более раннего культурного и этнического субстрата, родственного энеолитическому населению северных предгорий Копет-Дага, так и о тесных контактах населения долины Сумбара и земледельцев северных предгорий Копет-Дага. Первое предположение не позволяет уверенно считать погребенных в могильнике Пархай II исконным населением этих мест; второе — наоборот, позволяет их считать таковыми. В настоящее время нет оснований видеть в носителях культуры вновь открытых могильников прямых генетических предшественников населения эпохи бронзы этих мест, поскольку их разделяет разрыв во времени более тысячи лет. Но в культурном отношении комплекс находок из могильника Пархай II выглядит генетически предшествовавшим культуре эпохи поздней бронзы и в конечном счете культуре архаического Дахистана, которая относится уже к раннему железному веку (первые века I тысячелетия до н. э.) и наследует Сумбарской культуре.

---

[10] *Хлопин И. Н.* Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара. АО — 1968. М., 1969, с. 432.

И. П. ЛИСИЦЫН

РАННЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В УРОЧИЩЕ САЗДЫ ГУРЬЕВСКОЙ ОБЛ.

До настоящего времени отдельные районы Северного Прикаспия остаются слабо изученными. С территории Прикаспийской низменности имеются лишь незначительные материалы, позволяющие судить о характере культуры сарматских племен, населявших эти места в период IV—II вв. до н. э. Между тем К. Ф. Смирнов размещает здесь верхних аорсов, считая их «цементирующим ядром новой (прохоровской.— *И. Л.*) культуры сарматов» [1]. Таким образом, этот район имеет большое значение в вопросах формирования прохоровской культуры и выяснения взаимоотношений раннесарматских памятников Поволжья и Приуралья.

В 1967—1969 гг. на территории Западного Казахстана во время разведок А. Н. Мелентьева [2] было обнаружено несколько развеянных могил, относящихся к раннесарматской культуре. Они являются самыми южными из числа известных погребений прохоровского типа и расположены в зоне песчаной пустыни, в то время как ранее исследованные памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья находились в степной зоне.

Развеянные могилы располагались в 57 *км* к СВ от рабочего поселка Ганюшкино Денгизского р-на Гурьевской обл. (рис. 1). Здесь поблизости от зимника Сазды на современной дневной поверхности Беровского бугра, на площади 50×70 *м* находились смещенные кости человеческих скелетов; фрагменты четырех кинжалов; черешковые трехлопастные, сильно спекшиеся железные наконечники стрел; один миниатюрный бронзовый

---

[1] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 286, 375, рис. 84.

[2] Пользуюсь случаем выразить свою признательность А. Н. Мелентьеву, предоставившему мне возможность опубликовать эти материалы.

втульчатый наконечник стрелы с трехгранной короткой головкой; два плоских в сечении железных кольца диаметром 4,5 и 7,2 *см*; плоское круглое пряслице из песчаника диаметром 3,5 *см*, толщиной 1,5 *см* и диаметром отверстия 0,8 *см*; небольшое несомкнутое колечко из круглой в сечении золотой проволоки[3].

Подсчет костей показал, что полностью было разрушено 14—16 могил. По-видимому, они являлись как основными, так и впускными погребениями двух-трех курганов, уничтоженных эоловыми процессами. Две могилы, находившиеся на ЮВ половине этой площади, сохранились гораздо лучше.

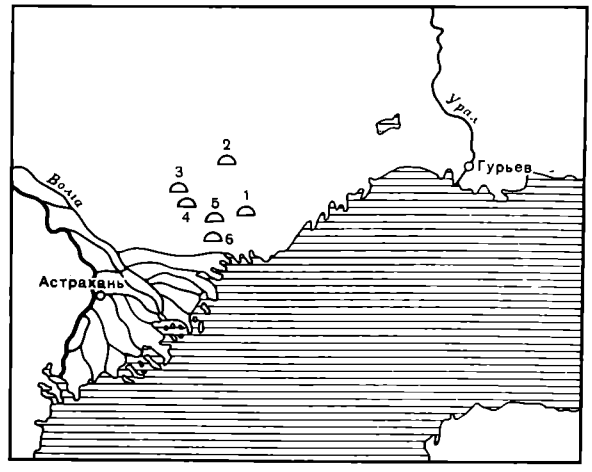


Рис. 1. Схема расположения развеянных могил: *1* — Тюкей-Молла; *2* — Сазды; *3* — Желтепе V; *4* — Иссекей; *5* — 95-й *км*; *6* — колхоз им. Кирова

Погребение 1 (рис. 2). Судя по расположению сохранившихся фрагментов черепа, плечевых и берцовых костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Справа за черепом находились кости барана — лопатки и части ног. Рядом с черепом с правой стороны обнаружено бронзовое зеркало с заметными следами ткани на оборотной стороне. На зеркале лежал бесформенный слиток бронзы, обломок края бронзового котла и кусок мела. Рядом с зеркалом лежала бронзовая литая подвеска колесовидной формы, диаметром 3 *см*, толщиной 0,6 *см*. В области грудной клетки, справа, небольшой сильно коррозированный железный нож. У шейных позвонков и грудной клетки, а также на месте обоих запястий и на уровне нижней трети обеих голеней были обнаружены бусы различных типов. Слева и справа от черепа сохранились мелкие чешуйки расслоившихся кораллов.

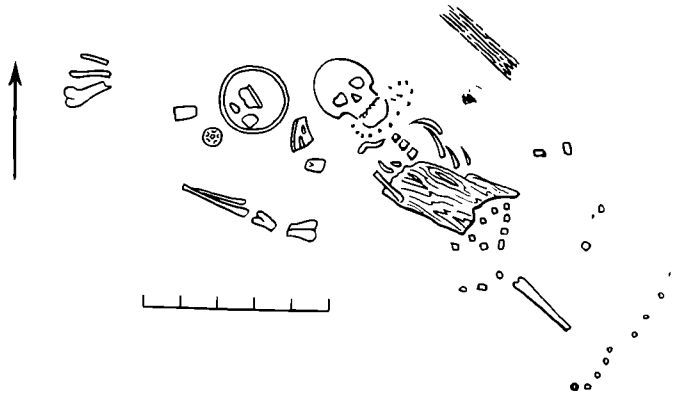


Рис. 2. Урочище Сазды, погр. 1

Погребение 2. Располагалось на расстоянии 1,5 *м* к ЮЗ от погр. 1. Среди разрозненных костей человека лежали фрагменты бронзового зеркала и железного кинжала. На расстоянии 1 *м* к ЮЗ обнаружены фрагменты красноглиняного лепного сосуда, возможно, из соседнего погребения, полностью разрушенного.

---

[3] *Мелентьев А. Н.* Отчет Заволжского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА 1967 года о разведке в Северном Прикаспии.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3585, табл. XXX, *1*.

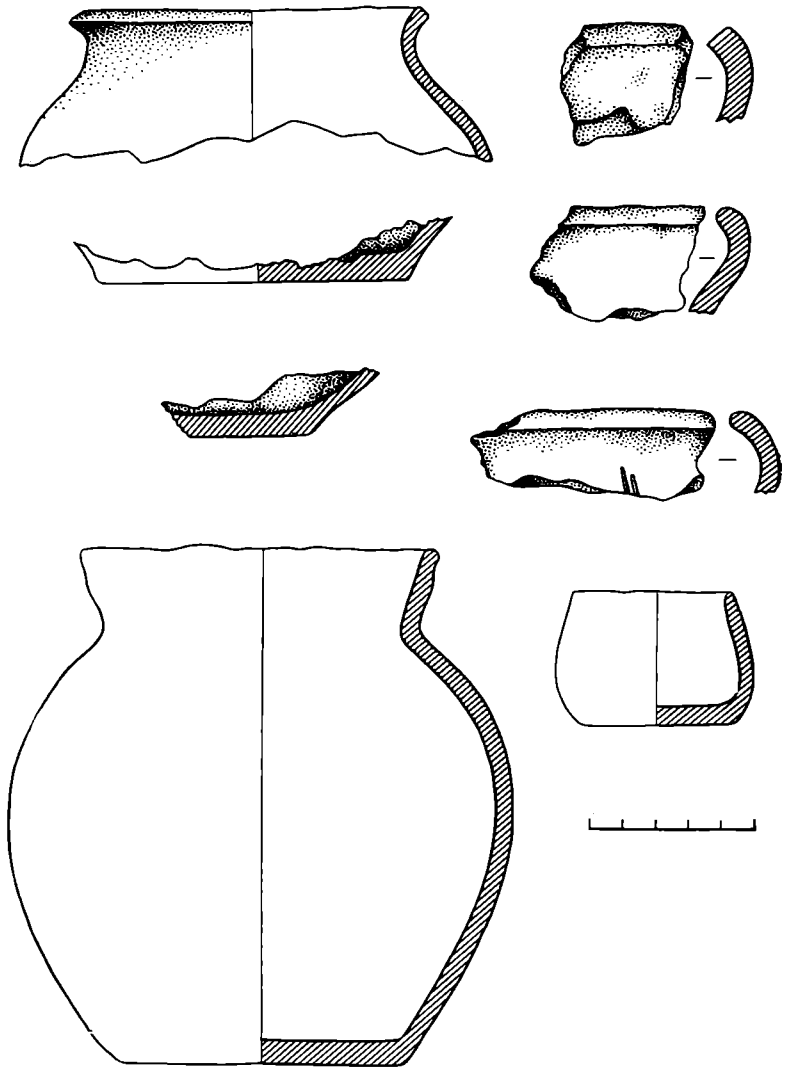


Рис. 3. Денгизский р-н, Гурьевская обл. Керамика из развеянных могил

Даже в наиболее хорошо сохранившемся погр. 1 невозможно судить ни о форме и размерах могильной ямы, ни о ее конструктивных особенностях. Однако погребальный обряд не противоречит отнесению этой могилы к раннесарматскому периоду: положение покойника вытянуто на спине, головой на СЗ (отклонение от характерной южной ориентировки в данном случае особой роли не играет). Такие исключения хорошо известны как в Поволжье, так и в Приуралье [4].

В урочище Сазды керамика раннесарматского времени представлена отдельными мелкими фрагментами. Однако в том же Денгизском р-не, недалеко от урочища Сазды, аналогичная керамика хорошо известна. Например, из развеянных могил у Токей-Молла, из районов колхоза им. Кирова, Исекея и Жел-тепе. Здесь в разное время были найдены небольшая глиняная курильница, лепной глиняный сосуд и многочисленные фрагменты от верхней и нижней части глиняных лепных горшков. Все эти формы имеют аналогии в раннесарматское время как в

[4] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ. вып. Д1-10. М., 1963, с. 22; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 144.

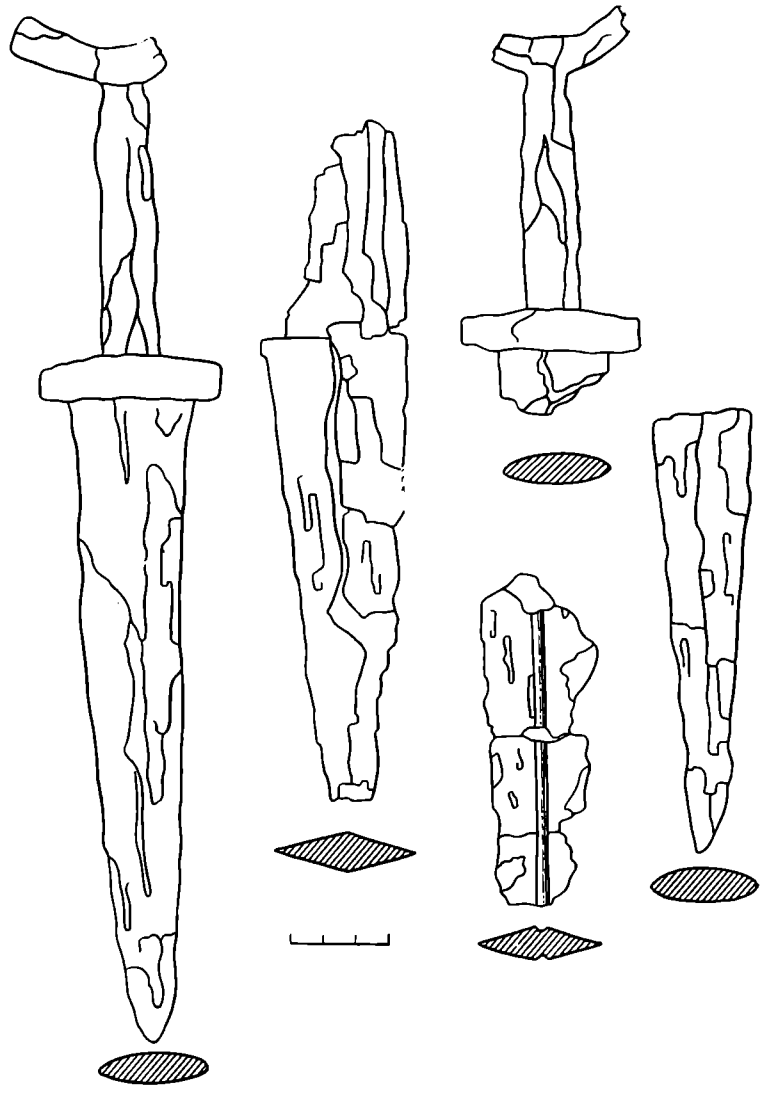


Рис. 4. Урочище Сазды. Развеянные могилы. Железные кинжалы

Нижнем Поволжье, так и Южном Приуралье [5]. Обнаружены они и на месте развеянных могил прохоровской культуры (рис. 3).

Предметы вооружения представлены железными кинжалами (рис. 4). От одного сохранился обломок средней части. Его длина 11,5 *см*, ширина клинка 2,5—3,5 *см*. Еще один обломок клинка имеет длину 20,5 *см*, ширина клинка 1,5—4,5 *см*. Обломок нижней части клинка длиной 13,5 *см* и шириной 1—3 *см*. Верхняя часть кинжала: ширина клинка у перекрестия 3,3 *см*, общая длина 11,5 *см*, длина рукояти 7,2 *см*. Один железный кинжал сохранился полностью. Его общая длина 30,3 *см*, рукояти 8,3 *см*, клинка 19,7 *см*. Ширина клинка 1,5—3,5 *см*.

Такой формы кинжалы широко бытуют в IV—II вв. до н. э. Они известны в больших количествах в Поволжье и Приуралье [6].

---

[5] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, табл. 7, 18; *его же.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2155, с. 69, 70; *Мошкова М. Г.* Ук. соч., табл. 6, *6*.

[6] *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 65, рис. 20, *4, 7*; с. 119, рис. 41, *9*; *Мошкова М. Г.* Ук. соч., табл. 18, *27*; *19, 19*; *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, № 60, 1959, с. 97, рис. 29, *5*; с. 136, рис. 46, *5*; *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, № 78, 1960, с. 177, рис. 5, *10*; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 431, рис. 40, *4, 6, 7, 9*, 10.

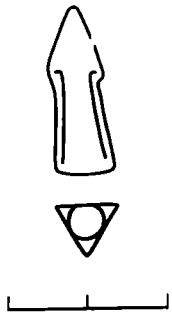


Рис. 5

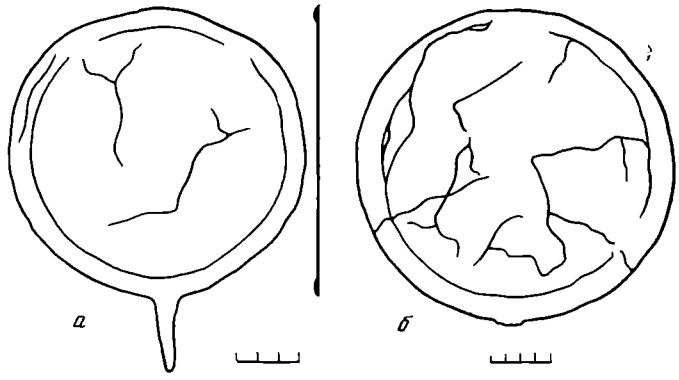


Рис. 6

Рис. 5. Урочище Сазды. Развеянные могилы. Бронзовый наконечник стрелы

Рис. 6. *а* — урочище Сазды, погр. 2. Бронзовое зеркало; *б* — урочище Сазды, погр. 1. Бронзовое зеркало

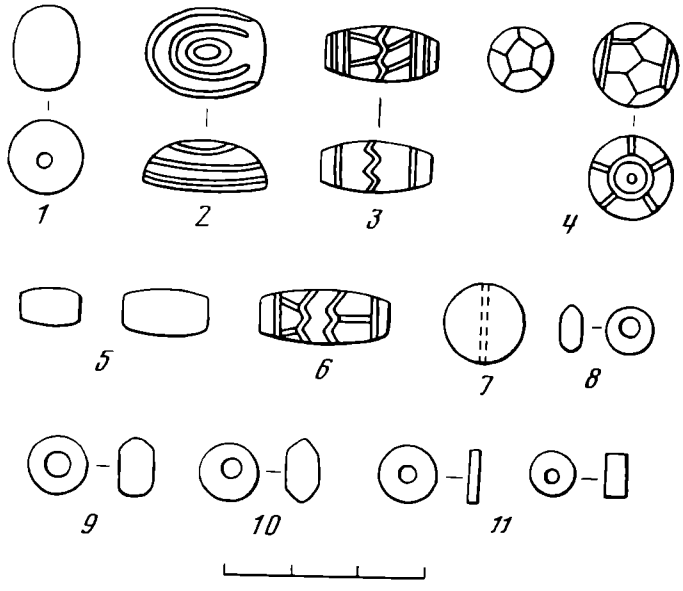


Рис. 7. *1—8* — урочище Сазды, погр. 1; *9—11* — урочище Сазды, развеянные могилы

Бронзовый наконечник стрелы (рис. 5). Трехгранный втульчатый с нервюрами на поверхности плоскостей и незначительно выраженными жальцами. Длина наконечника 2 *см*, диаметр втулки 0,7 *см*. Такой формы наконечники бытуют в савроматское время и чаще распространены в V—IV вв. до н. э.[7]

В погребениях обнаружены два круглых бронзовых зеркала (рис. 6). Их диск имеет валик по краю и короткую ручку-штырь для насадки на рукоятку. Различен лишь диаметр — 18,5 *см* (погр. 1) и 13 *см* (погр. 2). Такие зеркала встречаются на протяжении всего раннесарматского периода[8], и им имеются многочисленные аналогии[9]. Большое количество

---

[7] *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 304, рис. 11, Б, *10*; с. 307, рис. 14, *1* (Т).

[8] *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологические исследования).— В кн.: «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, с. 122; *Хазанов А. Н.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4, с. 63.

[9] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры..., табл. 28, *8*, *18*, с. 12, рис. 6, *6*; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 71, рис. 23, *6*; *Мошкова М. Г.* Проис-

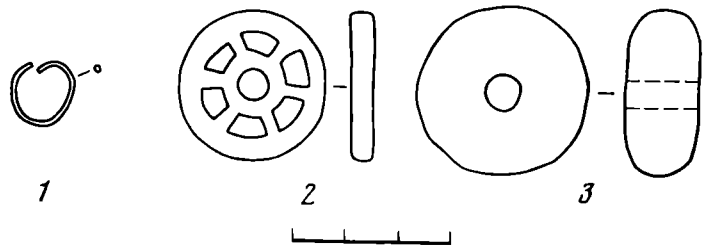


Рис. 8. *1, 3* – урочище Сазды, развеянные могилы; *2* – урочище Сазды, погр. 1

находок подобных зеркал как на территории Поволжья, так и Приуралья говорит о деятельности местных производственных центров [10].

Бусы из погребений (рис. 7) по материалу делятся на три группы: стеклянные, сердоликовые и с внутренней позолотой.

Стеклянные представлены четырьмя разновидностями: одна — кольцевидная из белого стекла (рис. 7, *1*); одна — полусферическая темно-синяя с белым продольно-волнистым орнаментом (рис. 7, *2*); две светло-синие бочонковидные с желтым и голубым волнисто-поперечно-линейным орнаментом (рис. 7, *3*) и две шаровидные светло-синие зонные бусины (рис. 7, *4*).

Сердоликовые бусы включают: бочонковидные (рис. 7, 5), одна из них с волнисто-поперечно-линейным орнаментом, выполненным содовым травлением (рис. 7, *6*); шаровидные (рис. 7, *7*) и кольцевидные (рис. 7, *8*). Всего 23 экз.

Бусы с внутренней позолотой представлены кольцевидными (рис. 7, *9*), биконическими (рис. 7, *10*) и рублеными (рис. 7, *11*). Всего 58 экз.

Как справедливо отмечала М. Г. Мошкова, «определенные хронологические рамки могут дать лишь комплексы бус с преобладанием той или иной формы и материала» [11]. И комплекс бус из погр. 1 урочища Сазды четко входит в рамки IV—II вв. до н. э.

Золотая сережка из погребений (рис. 8, *1*) относится к широко распространенным в раннесарматских погребениях Поволжья и Приуралья.

Бронзовая литая колесовидная подвеска (рис. 8, *2*). Их считают амулетами, «солярными» знаками, деталью конской сбруи, но конкретная функция не выяснена. Бытуют эти подвески в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье в пределах VI—IV вв. до н. э.[12] Орудия труда представлены одним каменным пряслицем из песчаника (рис. 8, *3*), типичным для Поволжья [13]. Аналогичные формы изготовлялись и из алебастра. Отметим, что подобная форма преобладает в Приуралье [14].

Рассмотренный погребальный инвентарь из урочища Сазды и отдельные находки из других пунктов позволяют определить хронологические рамки могильника временем IV—II вв. до н. э. Следует отметить, что в прохоровское время территория Северного Прикаспия была заселена племенами, близкими по культуре раннесарматским племенам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

хождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 27, рис. 7, *2*; *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1963 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2750, с. 31; *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы..., с. 177; рис. 5, *3*; *его же.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское.— МИА, № 60, 1959, с. 280, рис. 29, *12*; с. 284, рис. 30, *8*.

[10] *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Ук. соч., с. 129; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 436.

[11] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры..., с. 44.

[12] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 303, рис. 11, А, *8*; с. 329, рис. 35, Б, *4*; с. 341, рис. 47, *1*, Б.

[13] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы..., с. 177, рис. 5, 12; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 489, рис. 58, *12*.

[14] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры..., табл. 24, *16*; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, рис. 33, *2*; 37, *4*; 38, *12*; 39, *10*; 43, *5*; 51, *5*.

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В старых собраниях Читинского областного краеведческого им. А. К. Кузнецова и Кяхтинского краеведческого им. В. А. Обручева музеев имеются некоторые единичные для территории Забайкалья изделия, которые мало привлекали внимание исследователей, хотя и представляют значительный интерес. Среди них есть как орудия труда, так и предметы, связанные с духовной жизнью древнего местного населения.

В одной из коллекций Читинского областного краеведческого музея, собранной А. И. Махаловым на оз. Кенон в 1928 г., в районе г. Читы, состоящей за исключением фрагмента явного костяного гребенчатого штампа для орнаментации керамики из каменных изделий — нуклеусов призматической, конической, клиновидной формы, в том числе и нуклеусов-скребков, отдельных скребел на отщепах и обломков грубо ретушированных ножей, ножевидных пластин, в том числе с ретушью по краям, отдельных ретушированных проколок на пластинах или острий, а также большого фрагмента тщательно отделанного ретушью треугольного наконечника стрелы с выемкой в основании, находился сломанный с одного конца, полукруглый в сечении, немного расширяющийся к середине тулова стерженек рыболовного крючка из розоватого сланца [1]. На сохранившемся конце стерженька имеются поперечные кольцевидные желобки и пересекающий их небольшой продольный желобок для крепления лески (рис. 1, *1*). Такие крючки относятся к так называемому байкальскому типу, так как за пределами байкальских берегов они встречаются крайне редко [2]. Тем более заслуживает внимания исследователей описанная находка с оз. Кенон, поскольку среди изучавшихся озерных памятников Забайкалья (да, по-видимому, и других забайкальских памятников) какие-либо типы рыболовных крючков неолитических форм (за исключением одной блесны) до сих пор не были зафиксированы [3]. Так же, как и на Байкале, рассматриваемый крючок байкальского типа, судя по сопутствующему инвентарю. обнаружен на памятнике, относящемся скорее всего ко времени неолита или ранней бронзы.

В Кяхтинском краеведческом музее хранится массивное тесло, изготовленное, по-видимому, точечной оббивкой из серовато-желтой породы камня, с полукруглыми выступами, имеющее вытянутую форму, овальное поперечное сечение, а также полукруглое рабочее лезвие, приостренное заточкой [4] (рис. 1, *2*). Оно было обнаружено в районе пос. Манжуриха, в 12 *км* от г. Бабушкина, на расстоянии 200 *м* от берега Байкала. Такие тесла датируются исследователями эпохой неолита, в пределах серовско-китойского времени, по прибайкальской хронологии, т. е. III — началом II тысячелетия до н. э.[5] При этом установлено, что они отсутствуют в степной и распространены только в лесной полосе от Урала и далее к востоку от него, причем в особенности характерны для многих таеж-

---

[1] Читинский областной краеведческий музей. Колл. № 60.

[2] *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале.— КСИА АН СССР, № 97, 1963, с. 28: *Свинин В. В.* К итогам археологических исследований на Байкале.— В сб. Вопросы истории Сибири. Иркутск, 1971, с. 65—67.

[3] *Ларичев В. Е., Рижский М. И.* Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 94—128; *Ивашина Л. Г.* Материалы археологической разведки в Еравнинском районе Бурятии.— Изв. Сибирского отдел. АН СССР. Серия обществ. наук, вып. 2. Новосибирск, 1972, с. 60—65; *ее же.* Материалы к археологии Еравнинской котловины Бурятской АССР.— Этнографический сборник, вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 177—197; *ее же.* Материалы по археологии бронзового века Забайкалья.— Изв. Сибирского отдел. АН СССР. Серия обществ. наук, вып. 1. Новосибирск, 1975, с. 98—103.

[4] Кяхтинский краеведческий музей, № 3705.

[5] *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, № 35, 1953, с. 10—12, 25.

ных районов Восточной Сибири[6]. Находка такого орудия в районе восточного побережья Байкала может иметь некоторое значение для определения культурной принадлежности населения таежного Забайкалья в данную эпоху в целом (северная таежная часть Забайкалья пока слабо исследована в археологическом отношении).

В собрании того же музея, в одной из небольших коллекций из сборов А. П. Мостица в районе Усть-Кяхты, состоящей из отдельных каменных изделий (нуклеусов различной формы, скребков и ножей), находится каменная мотыга, имеющая полукруглое расширенное тулово с подработанным оббивкой лезвием и суженную рукоять[7] (рис. 1, *3*). Ближайшим районом, откуда происходят находки мотыг такого типа на поселениях с неолитическим инвентарем, является район Внутренней Монголии, где, как предполагается, еще в неолитическое время существовало земледелие[8]. Вместе с недавно обнаруженной ленинградскими геологами мотыгой подобного типа на одном из древних поселений на р. Джиде, близ пос. Михайловка, данная мотыга может свидетельствовать о довольно раннем существовании земледелия, возможно, еще в эпоху неолита, по крайней мере в юго-западных районах Забайкалья. Не исключена возможность, что подобные орудия использовались и в качестве простых землеройных инструментов.

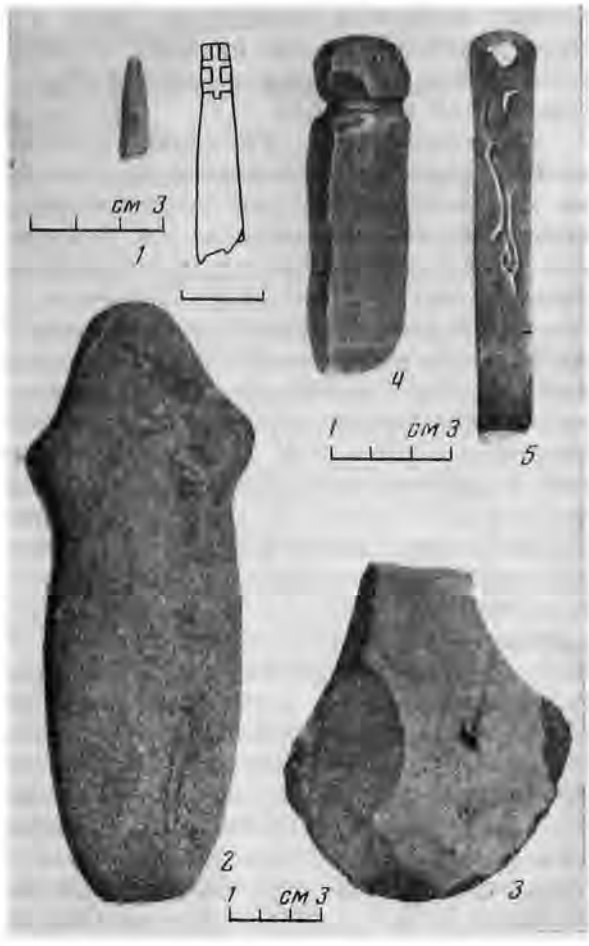


Рис. 1. Случайные находки каменных и бронзовых изделий из Забайкалья

В одной из небольших коллекций Читинского областного краеведческого музея, состоящей в основном из нескольких каменных орудий, изготовленных на отдельных отщепах или галечных сколах (ножей, скребел, скобелей), имеется каменное антропоморфное изображение[9]. Оно очень схематично, на сравнительно тонкой плоской несколько вытянутой гальке. На продолговатом тулове, лишенном каких-либо деталей, путем выемки с одного бока выделена округлая голова, отграниченная от тулова также протороченной углубленной линией с двух сторон (рис. 1, *4*). Тулово человека, кроме того, с одного бока выровнено прямым односторонним сколом, а лицевая часть головы с этого же бока подправлена несколькими мелкими, более тщательными двусторонними сколами. По-

---

[6] *Чернецов В. Н.* Ук. соч., с. 10—12; *Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П.* Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски.— СА, 1965, № 3, с. 112, 113.

[7] Кяхтинский краеведческий музей. Колл. № 3308.

[8] *Ларичев В. Е.* Неолит Дунбея и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии.— Археологический сборник 1. Улан-Удэ, 1959, с. 38—41, табл. IV, *3*, *7*.

[9] Читинский областной краеведческий музей. Колл. № 672.

добные каменные скульптуры были широко распространены в древнем мире и относятся, как правило, к определенному времени позднего или пережиточного неолита и энеолита [10], чему не противоречат и материалы отмеченной коллекции.

Совершенно ясно, что данное схематичное изображение человека, судя по выделенному опоясывающему желобку, отделяющему голову от тулова, предназначалось для подвешивания. Важно отметить, что по своей общей форме оно также во многом напоминает антропоморфные подвески на якутских шаманских костюмах (эмегеты) [11], и, вполне вероятно, таковым могло и являться. При этом не приходится сомневаться в возможности раннего существования шаманизма в Забайкалье. Ведь, судя по материалам соседнего Прибайкалья, шаманизм, по всей видимости, уже фиксируется в памятниках глазковского этапа, где близкие по типу схематические антропоморфные изображения, относящиеся также к энеолиту, уверенно относятся А. П. Окладниковым к изображениям шаманских духов, к древнейшим образцам этого специфического культового искусства [12].

В Кяхтинском краеведческом музее хранится фрагмент бронзового дырчатого ножа тагарского типа — его рукоятка вместе с частью сломанного клинка (рис. 1, *5*). С обеих сторон рукояти имеется орнамент, выполненный углубленными линиями: с одной стороны это хотя и неполное, но типичное стилизованное изображение оленя, имеющего птичью голову с клювом на длинной вытянутой шее, выделенный острый горб на спине и короткий как бы обрубленный хвост на конце тулова (а несколько в стороне от него — какая-то угольчатая линия), с другой стороны какие-то несколько вытянутые, иногда загнутые угольчатые изображения, напоминающие в схематическом виде скорее всего клювы птиц [13]. Такого рода углубленные зооморфные изображения на забайкальских бронзах скифо-тагарского времени зарегистрированы лишь в единичных случаях: помимо описанного ножа известны изображения хищных птиц с раскрытыми крыльями и ясно выраженных грифоньих клювов на двух прямоугольных бронзовых пластинах, обнаруженных в одном из курганов скифо-тагарского времени, раскопанных недавно сотрудниками археологической экспедиции Читинского педагогического института под руководством И. И. Кириллова в местности Дворцы, близ Читы [14]. Публикуемое стилизованное изображение оленя (с чертами птицы) — это типичный мотив одной из групп оленных камней Забайкалья и Монголии, и здесь, пожалуй, перед нами первый известный случай переноса этого мотива с оленных камней на медно-бронзовые изделия данного региона, так как на других публиковавшихся забайкальско-монгольских бронзах он не зарегистрирован [15]. Оленные камни указанной группы датируются исследователями по-разному, но все же в пределах VII—III вв. до н. э.[16] Рассматриваемый нож по типу вполне укладывается в такие хронологические рамки [17].

---

[10] *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, X, 1949, с. 122, рис. 2.

[11] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, М.— Л., 1955, рис. 176.

[12] Там же, с. 298, 299, рис. 144, 145.

[13] *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXVIII, *59*.

[14] Хранятся в археологической лаборатории Читинского Гос. педагогического института.

[15] *Диков Н. Н.* Ук. соч., табл. IX, XXI—XXXIII; *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 2—7, 12—21.

[16] *Новгородова Э. А.* Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии.— В сб. Древний мир, вып. 1, М., 1975, с. 288—291; *Диков Н. Н.* Ук. соч., с. 45, 46; *Волков В. В.* Ук. соч., с. 75, 80.

[17] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9, 1949, с. 116, рис. 2.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ДЕТАЛИ РИТУАЛЬНЫХ ПОЯСОВ С ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ

В костюме дьяковского населения важная роль принадлежала поясному набору. Об этом можно судить по многочисленным находкам на всех исследованных памятниках пряжек, наконечников поясов, ременных накладок, привесок, бляшек, заклепок и других деталей. Разнообразие этих предметов и их различное стратиграфическое положение в культурных напластованиях городищ позволяют говорить о длительном употреблении поясного набора и о хронологических изменениях его деталей.

Детали поясного набора дьяковцев, изготовленные из бронзы, реже из белого металла или железа, в основной массе не были привозными. Остатки бронзолитейных комплексов, открытые на ряде памятников, свидетельствуют о том, что их производили на поселениях. При отсутствии месторождений меди на территории, занятой дьяковскими племенами, в качестве сырья для производства бронзовых предметов использовали в основном готовые изделия, изредка слитки, поступавшие из других районов. С этими предметами в среду дьяковского населения проникала и мода на разные виды изделий, и в частности на предметы поясного набора, характерные для определенного времени на широких территориях от Японии на Востоке до Венгрии на Западе [1].

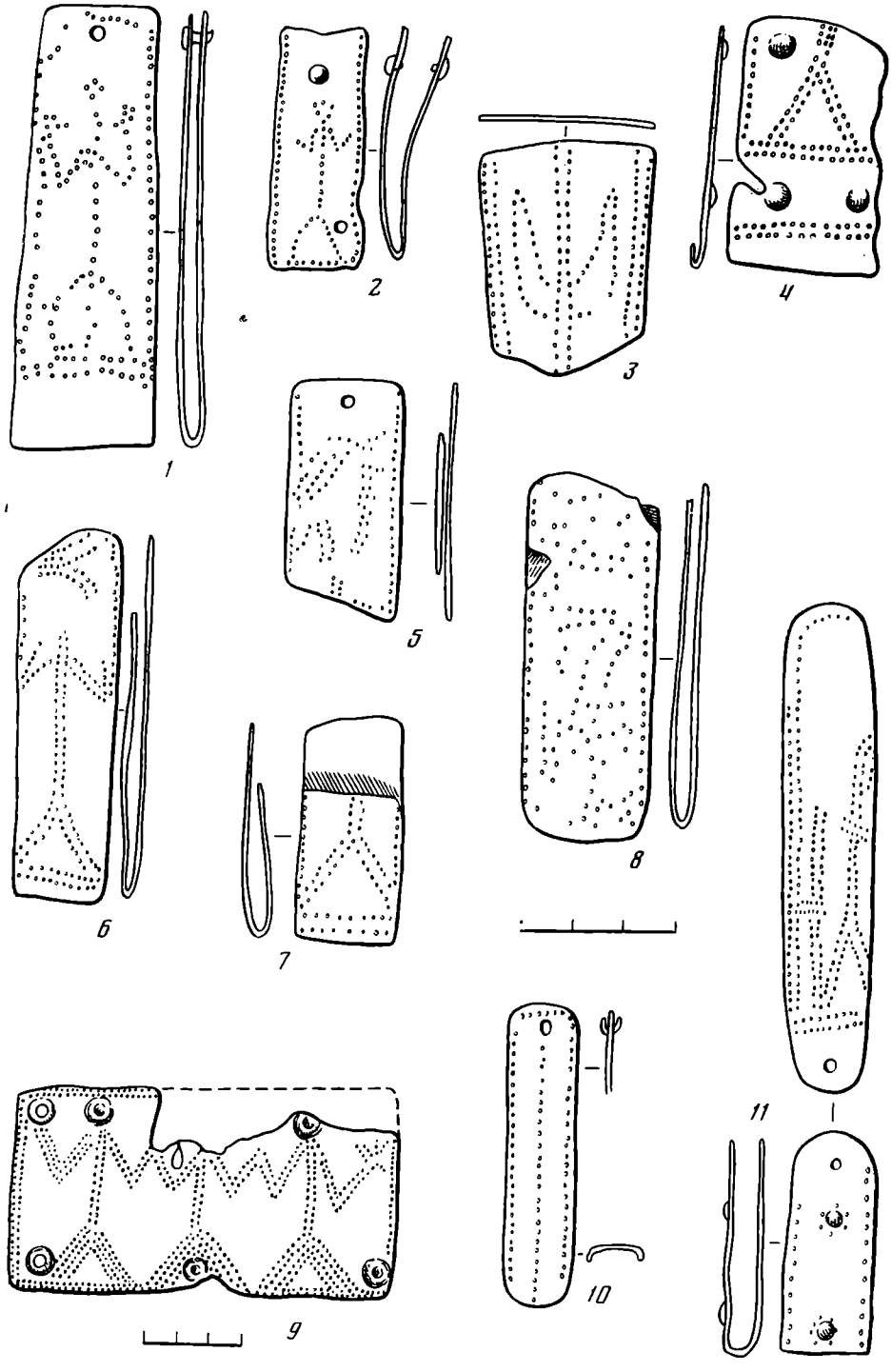
Местные изделия в значительной степени изготовлялись под влиянием этой моды, но они лишь в общих чертах отражали проникавшие к ним формы предметов и стиль их отделки и при этом отличались устойчивыми признаками своеобразия. Такие предметы, характеризуемые местными чертами, представляют значительный интерес для культурно-исторического исследования. В этом плане особо следует выделить группу дьяковских находок, которую составляют изделия, выполненные в одном стиле из очень тонких бронзовых пластин, украшенные мелким точечным выдавленным орнаментом. Само устройство этих предметов свидетельствует об их предназначении зажимать концы ремней, служить обоймами или быть прикрепленными к ремням в качестве накладок. Ввиду отсутствия в дьяковской культуре погребальных комплексов только при сопоставлении подобных находок с могильными инвентарями других синхронных памятников можно понять, что среди них представлены детали, связанные как с поясами, так и с ремнями иного назначения, в частности с головными. Отделив по аналогиям детали головных венчиков, представляющие собой пластинчатые обоймы с лицевой орнаментированной частью и загнутыми гладкими концами, остановимся на предметах поясного набора, выполненных в этом стиле. Следует заметить, что если общее количество металлических поясных деталей на дьяковских памятниках исчисляется в настоящее время сотнями экземпляров, то исследуемая группа предметов немногочисленна. Однако нахождение этих предметов на отдаленных друг от друга поселениях, наличие орнаментов со своеобразным сюжетом и повторяемость изображений на них свидетельствуют об их не случайном характере.

В настоящее время известны 11 таких находок, происходящих с четырех памятников. С Огубского городища на р. Оке происходит 1 экз. (рис. 1, *9*), со Щербинского городища на р. Пахре — 3 экз. (рис. 1, *1, 3, 4*), с Троицкого городища на р. Москве — 6 экз. (рис. 1, *5—8, 10, 11*), из которых четыре найдены в составе клада, с Кунцевского городища на р. Москве — 1 экз. (рис. 1, *2*) [2].

---

[1] *Ковалевская В. Б.* Башкирия и Евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 102; *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4, с. 81.

[2] *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 4516, 4516а; *Векс-*



Бронзовые поясные наконечники и накладки из поздних слоев дьяковских городищ. *1, 3, 4* — Щербинское, *2* — Кунцевское, *5—8, 10, 11* — Троицкое, из них *5—8* — в составе клада, *9* — Огубское

Среди них преобладают наконечники поясов, представляющие собой перегнутую вдвое пластину, на одном конце которой, лицевом, был нанесен орнамент, а второй загнутый конец оставался гладким. Между

лер А. Г., Машек Н. Н., Фотеев Г. В. Раскопки Кунцевского городища в Москве.— АО — 1971. М., 1972, с. 91, 92. Приношу глубокую благодарность А. Г. Векслеру за разрешение опубликовать рисунок. Предмет найден на Восточной 2-й террасе в верхнем слое.

загнутыми половинами пластин зажимался ремень, а через маленькое круглое отверстие на концах пластин пропускался штифтик, скреплявший между собой наконечник и ремень. В ряде случаев на пластинах сохранились не только штифтики, но и остатки прилипшей к ним кожи от ремней. Наконечники различны по размерам: наименьший имеет длину 4,5 при ширине 1,6 *см*, самый крупный — длину 9 при ширине 2,7 *см*. Вероятно, наиболее крупные из них служили для зажима концов основных ремней, а экземпляры меньшего размера использовались для завершения концов дополнительных ремней, спускавшихся от пояса. Среди 11 исследуемых предметов 9 могут быть отнесены к наконечникам (рис. 1, *1—8*, *11*). Два других, по-видимому, служили накладками. Один из них (рис. 1, *10*), овальной формы, вдоль длинных сторон имеет закраины, предназначенные для охвата краев ремня, а на одном из концов — отверстие для скрепления с ремнем посредством штифта. Второй представляет собой прямоугольной формы пластинку недостаточной сохранности; крепилась ли она к ремню и каким способом — сказать трудно (рис. 1, *9*).

Особого внимания заслуживает орнаментация этих предметов. Все они имеют по контуру лицевой части один-два ряда точечного орнамента, а в центре пластин дополнительную орнаментацию. На восьми предметах изображены стилизованные человеческие фигурки (рис. 1, *1—4*, *6*, *7*, *9*, *11*), на пяти экземплярах у них видны поднятые руки. В остальных случаях орнамент или из точек, расположенных в виде продольной линии по центру пластины (рис. 1, *10*), или нанесен в какой-то системе многочисленными точками и несомненно носит сюжетный характер (рис. 1, *5*, *8*), но расшифровке не поддается.

Наиболее яркая и сложная композиция воспроизведена на уникальной находке с Огубского городища, представляющей собой широкую бронзовую пластину прямоугольной формы, на которой изображены три идентичные человеческие фигуры с поднятыми соединенными руками (рис. 1, *9*). Нижние части фигур выполнены несколькими рядами точек в виде треугольников, поставленных основанием вниз, туловища вытянуты и переданы двойным рядом точек, головы, по нашему мнению, не изображены. Автор находки, В. А. Городцов, опубликовавший ее описание, считал, что средняя фигура олицетворяет богиню плодородия, разрешающуюся от бремени, а по сторонам от нее изображены мужские фигуры сопутствующих ей богов. По его мнению, «все фигуры имеют головы в виде концентрических кругов, обычно символизирующих небесные светила: солнце и луну. Так же представлена и голова рождающегося плода. Изображенные ... божества относятся к солнечному или вообще астральному циклу»[3]. Т. Н. Никольская, продолжившая исследование памятника, обратившись к материалам В. А. Городцова, опубликовала фотографию пластины и согласилась с ее первоначальным описанием, но оспорила предложенную В. А. Городцовым трактовку состава композиции, убедительно доказав, что все три изображения передают женские фигуры[4]. Культовый смысл этих изображений ни у кого из исследователей, касавшихся этого материала, сомнений не вызывает.

Остальные предметы исследуемой серии с изображением человеческих фигур, происходящие с других дьяковских городищ, передают их одиночными, лишь в одном случае можно предполагать наличие двух фигур (рис. 1, *11*). Схема построения изображений на этих предметах полностью соответствует огубским: так же тругольником обозначена нижняя часть, вытянут торс, приподняты согнутые в локтях руки. Однако головы фигур или переданы весьма схематично группой точек, что отмечено в

---

[3] *Городцов В. А.* Болотное Огубское городище — Тр. ГИМ, вып. 1, 1926, с. 122.

[4] *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, № 72, рис. 39, *1*, с. 108.

двух случаях (рис. 1, *1, 2*), или вообще не изображены и фигуры завершаются удлиненной шеей.

Отсутствие изображений голов в ряде названных случаев заставляет еще раз обратиться к огубской пластине и высказать мнение о том, что концентрические круги на ней не связаны непосредственно с человеческими фигурами и не являются воспроизведением ни голов божеств, ни «рождающегося плода». Эти детали орнамента имеют самостоятельное назначение, о чем говорит и само их расположение: они окаймляют углы и края пластины. Смысловая же их нагрузка, связанная с астральным культом, вполне вероятна. В пользу трактовки исследуемых предметов в качестве культовых свидетельствует и одна из интереснейших находок с Троицкого городища, до недавнего времени не привлекавшая внимания исследователей [5]. Это перегнутая вдвое пластина — наконечник ремня, по лицевой стороне которой нанесен орнамент в виде линии точек по краям и легких небольших выпуклостей в центре, окруженных точками (рис. 1, *11*). Часть пластины, загнутая и образующая обратную сторону наконечника, не была орнаментирована. Однако на внутренней стороне пластины был нанесен сюжетный орнамент, не видимый при использовании ее в качестве наконечника. Он выполнен в том же стиле, как и на остальных описанных выше изделиях: точками передана стилизованная человеческая фигура и рядом с ней еще одно недостаточно ясное изображение, по-видимому, второй фигуры. Вся композиция окантурена по краю пластины двойными рядами точек. Скрытый характер подобного рода изображений, нанесенных на не видимую при употреблении часть наконечника, еще раз подчеркивает их символический смысл и культовое назначение самого предмета.

Детали поясного набора с изображениями человеческих фигур встречаются редко, по-видимому, потому, что пояса, снабженные такими наконечниками и накладками, не были предметами массового употребления, а использовались в особых случаях при отправлении ритуальных церемоний. Все эти бронзовые предметы происходят из поздних слоев дьяковских поселений. Представленные на них изображения весьма своеобразны и за пределами территории дьяковской культуры не встречаются. Следует отметить, что в ряде случаев они соответствуют символическим изображениям женских фигур, также выполненных точками на дьяковских костяных предметах и изделиях из глины [6]. Некоторые из этих предметов, например ритуальные костяные навершия с изображениями женских фигур, относятся к древнейшим напластованиям памятников [7]. Такая устойчивость и оригинальность сюжета и характера выполнения культовых изображений на предметах, изготовленных из разного материала и происходящих из разновременных последовательных напластований, свидетельствует не только об определенных культовых представлениях, но и о том, что они сохранялись у дьяковского населения на протяжении многих веков.

Точное определение времени употребления ритуальных поясов с бронзовыми деталями сложно ввиду отсутствия тождественных находок вне ареала дьяковской культуры.

Для решения этого вопроса существенное значение имеют условия нахождения этих предметов. Стратиграфические наблюдения показали, что во всех случаях эти вещи найдены в верхних слоях дьяковских городищ, относящихся ко времени около середины I тысячелетия. Единственный закрытый комплекс предметов, в число которых входят наконеч-

---

[5] Раскопки 1960 г., № 97, найдена на кв. 27Щ, гл. 0,70 (ров).

[6] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 248, табл. XXV, *1, 6, 7*.

[7] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.— В сб.: Дьяковская культура, рис. 3, *15*.

ники поясов с изображениями женских фигур,— клад Троицкого городища — не может служить основанием для уточнения их датировки не только потому, что в определении времени самого клада у исследователей нет единого мнения, а в первую очередь потому, что клад, принадлежавший литейщику, содержал разнообразные и разновременные предметы, часть которых хранилась как металл, предназначенный для переплавки [8].

Определению времени исследуемых предметов в некоторой степени способствует анализ их орнаментальной обработки. По технике нанесения на тонкую пластину точечного орнамента, в ряде случаев сочетаемого с выдавленными на ней концентрическими кругами или выпуклостями — «жемчужинами», интересущие нас предметы могут быть сопоставлены с находками, происходящими из широкого круга памятников второй половины I тысячелетия, и не только с деталями поясов, но и с другими разнообразными украшениями: головными венчиками, щитками подвесок к ожерельям и т. д. Подобные предметы встречаются не только на поселениях, но и в ряде погребальных комплексов, в частности в финно-угорских могильниках [9]. Отметим, что для ранних финно-угорских погребений, относящихся к первой половине I тысячелетия, подобные изделия не характерны. Сходство в орнаментальной технике прослеживается и с предметами из раннесредневековых кладов, таких, как, например, Хацкинский и Суджанский [10], а также Мощинский [11], что позволяет говорить о датировке не ранее VI—VII вв.[12] Пластинчатые украшения с такой же орнаментацией в древностях Финляндии датируются 550/600—800 гг.[13]

Приведенные выше сопоставления позволяют исследуемые предметы поясного набора, происходящие с дьяковских памятников, отнести ко второй половине I тысячелетия, вероятно, не позже VIII в. Этот период жизни дьяковского населения хорошо представлен археологически в поздних напластованиях городищ, о чем свидетельствуют обширные материалы раскопок последних лет и их разработки, позволяющие приводить все новые и новые данные о том, что жизнь на этих поселениях не прекратилась в V—VI вв., а продолжалась и во второй половине I тысячелетия. В пользу этого свидетельствует не только исследование массового материала, керамики и инвентаря [14], но и анализ небольшой серии местных изделий с изображениями женских фигур — сюжета, характерного для ритуальных предметов дьяковской культуры от глубокой древности до позднего ее этапа.

---

[8] А. Ф. Дубынин и К. А. Смирнов датируют клад IV—V вв. н. э. См.: *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище Подмосковья.— СА, 1964, № 1, с. 192; *его же.* Троицкое городище.— В сб.: Древнее поселение в Подмосковье.— МИА, 1970, № 156, с. 32; *Смирнов К. А.* Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье, с. 184. По нашему мнению, основанному на анализе наиболее поздних предметов, в частности местных украшений, содержащихся в Троицком кладе, время его зарытия не ранее VIII в. (доклад автора 26.XI.1975 г. на заседании сектора скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР).

[9] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е-1-8. М., 1974, табл. 23, *29*; 25, *35*; 26, *3*; *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—IX вв. Моршанск, 1952, табл. V, *6*, *7*; Среднецнинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 12, *4*; 15, *1*, *3*.

[10] *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, XVII, 1953, рис. 7, *а* и рис. 11.

[11] *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. VIII.

[12] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 85, 96; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, с. 235.

[13] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, № 610.

[14] *Розенфельдт И. Г.* Ук. соч.; *ее же.* Об одном типе позднедьяковских племенных украшений.— В сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 158—164.

В. В. КРИВИЦКИЙ

БРОНЗОВЫЙ ПРЕДМЕТ СО СКУЛЬПТУРНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЫКА

В 1936 г. в Государственный Эрмитаж от А. Л. Лукина поступила коллекция древностей. Составляющие ее находки происходят из погребения, обнаруженного во время корчевки деревьев в районе междуречья Бзыби и Гумиста на Бамборской поляне близ г. Гудауты. В основном это медные и бронзовые изделия, которые датируются III — началом I тысячелетия до н. э.[1]

Там же на Бамборской поляне в 1940 г. был обнаружен бронзовый предмет неизвестного назначения со скульптурным изображением быка,

Рис. 1. Бронзовый предмет со скульптурным изображением быка

который поступил в Государственный Эрмитаж в 1948 г. также от А. Л. Лукина[2] (рис. 1). Он представляет собой втулку или длинный конус, узкая часть которого заканчивается округлым плоским выступом; в верхней широкой части проделаны два круглых сквозных отверстия, перпендикулярно расположенные друг другу, в нижней узкой части расположено одно отверстие. Предмет бронзовый, цельнолитой. Конус или втулка служит постаментом для фигурки быка. Последняя выполнена схематично, однако не лишена ярких реальных черт и представляет быка в застывшей, немного настороженной позе, с вытянутой шеей и чуть запрокинутой назад головой. Датируется предмет рубежом II—I тысячелетия до н. э., концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Публикуемая находка под названием «полый бронзовый рожок с двумя дырочками (для крепления древка) и с фигуркой быка» была издана А. Н. Вороновым[3]. О назначении предмета, его функции ничего не сказано.

Сходные скульптурные изображения быков бытовали в древности на Кавказе. Об этом свидетельствуют глиняные скульптурные изображения

---

[1] *Лукин А. Л.* Археология Бзыбской Абхазии.— ТОИПК ГЭ. вып. 1, 1941. с. 18—24.

[2] ОИПК ГЭ. Инв. № 1566/11 Бамборская поляна близ г. Гудауты. Абхазия. Акт № 846 поступления в Гос. Эрмитаж от 22/IX — 1948 г. Дата записи 27/IV — 1951 г. Длина 11.2 *см*, наибольший диаметр 2.2 *см*, диаметр округлого плоского выступа 1 *см*: размеры скульптуры: высота 4,5, длина 3,5 *см*.

[3] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 20. 21, № 57, табл. 10.

быков, найденные в слое X—VII вв. до н. э. на поселении Серженьюрт (Чечено-Ингушская АССР) [4].

Подобные бронзовые предметы появляются на Древнем Востоке в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Они были обнаружены на поселении Хорос-Тепе в Анатолии. Такие предметы являлись деталью бычьей упряжи, ярма [5]. Очевидно, и публикуемый предмет со скульптурным изображением быка, происходящий из Абхазии, также был принадлежностью бычьей упряжи, ярма.

---

[4] Благодарю В. И. Козенкову за предоставленную возможность ознакомиться с этим материалом.

[5] *Orthmann W.* Zu den «Standarten» aus Alaca Huyuk. In: Istanbuler Mitteilüngen, N 17, Tübingen, 1967, S. 34—54; *Hrouda B.* Vorderasien, Bd I. München, 1971, S. 135—158.

А. С. СКРИПКИН

К ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ САРМАТСКОГО ОРУЖИЯ

В 1976 г. экспедиция Волгоградского педагогического института раскопала в Заволжье в Николаевском р-не Волгоградской обл. три кургана, расположенных в 3 *км* к юго-востоку от пос. Рыбный.

В интересующем нас самом большом кург. 3, диаметр которого 36 и высота 1,75 *м*, основным являлось погребение бронзового века. Кроме него в насыпи и материке под курганом находился целый ряд впускных сарматских погребений, среди которых особый интерес представляет погр. 12. Расположено оно было на расстоянии 3,2 *м* к юго-западу от центра кургана. Могильная яма прорезала курганную насыпь и углублялась в материк. Она имела удлиненную форму с закругленными концами. Длинной осью яма была ориентирована с севера на юг. Длина ее 2,6, ширина 1,15 *м*, глубина от современной поверхности кургана 2,1 *м*. На дне могильной ямы стояла деревянная колода, изготовленная из цельного ствола дерева. Сверху она была накрыта крышкой, которая под тяжестью земли распалась на куски и завалилась в колоду. В головах колода имела два выступа, начинавшихся несколько ниже края колоды и шедших снизу вверх до самого дна. Длина колоды 2,35 *м*, ширина 0,62, высота 0,25 *м*, толщина стенок 2—6 *см*. В колоде вытянуто на спине лежал мужской скелет, головой ориентированный на север. Правая рука погребенного была немного согнута в локте и кистью положена у тазовых костей, левая — вытянута вдоль туловища. Череп повернут влево (рис. 1, *1*).

На груди погребенного был обнаружен обломок проволочной железной фибулы. От фибулы сохранился только приемник и часть дужки (рис. 1, *7*). Справа, вдоль бедра, лежал железный кинжал с прямым перекрестием и антенным навершием. Длина клинка кинжала 29 *см*, рукояти — 11,2 *см* (рис. 1, *6*). Слева, вдоль всей ноги, находился длинный железный меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием. Клинок меча в нескольких местах был сломан. Общая длина меча 1,05 *м*. Ширина клинка в верхней части 4 *см* (рис. 1, *4*). В ногах погребенного на боку лежал глиняный лепной горшок. Он имел несколько приподнятые кверху плечики, узкое дно и невысокое горло. Поверхность горшка темно-коричневого цвета, покрытая пятнами копоти. Высота горшка 15,8 *см*, диаметр горла 10,3, диаметр дна 6,2 *см* (рис. 1, *2*). Около горшка был найден обломок железного ножа. Здесь же находились 12—15 штук железных трехлопастных наконечников стрел. Они сильно окислились, в результате чего часть из них слиплась в один комок. Наконечники имели длинные, до 7 *см*, черешки и головки длиной

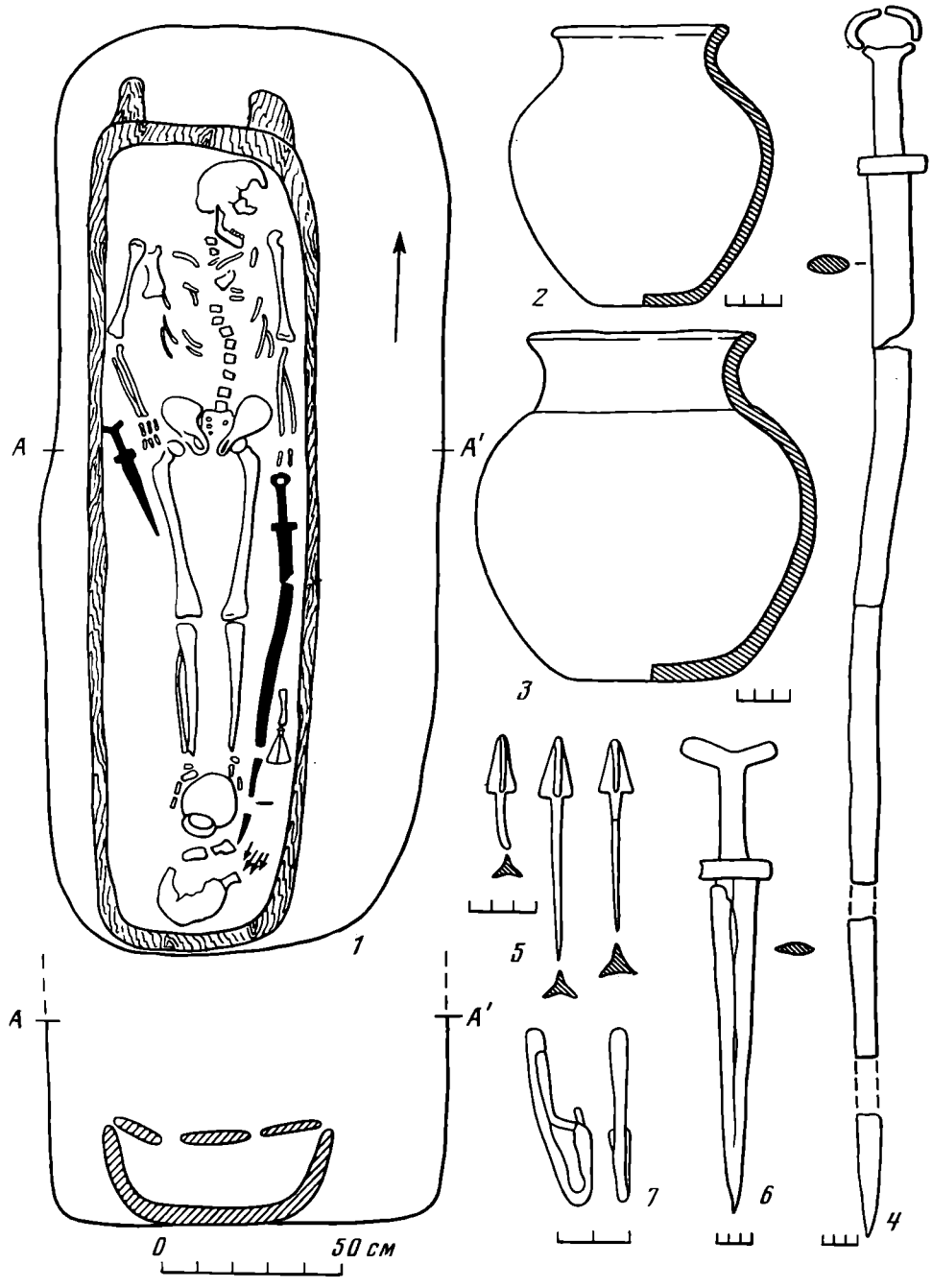


Рис. 1. Погребение 12 и вещи из него

по 2,5 *см* (рис. 1, *5*). Рядом со стрелами лежали куски раздавленного землей другого лепного горшка. Горшок имел овальное тулово. Горло от тулова отделено небольшим уступчиком. Тесто горшка рыхлое, поверхность темно-коричневая. Высота горшка 20 *см*, диаметр горла 13 *см*, диаметр дна 10 *см* (рис. 1, *3*). Ближе к стопе левой ноги были положены кости передней ноги овцы с лопаткой.

Это погребение интересно в первую очередь совместным нахождением меча с кольцевидным навершием (сусловский тип) и кинжала с антенным навершием (прохоровский тип). В распространении указанных типов мечей и кинжалов имеются хронологические различия. Основное время их бытования не совпадает. Кинжалы или мечи с антенным

или серповидным навершием типичны для раннесарматского времени, а мечи или кинжалы с кольцевидным навершием — для среднесарматского. Совметные находки этих типов сарматского оружия позволяют уточнить их хронологию. Из публикаций в настоящее время известно шесть случаев совместных находок в сарматских погребениях мечей или кинжалов с кольцевидным навершием с мечами или кинжалами прохоровских типов [1]. Все они также найдены в Заволжье [2], в погребениях, датируемых преимущественно III—II вв. до н. э. Только в одном случае, в погребении В-1 у хут. Шульц на Торгуне, датируемом II—I вв. до н. э., обнаружены короткий меч с кольцевидным навершием и меч с прямым перекрестием и прямым навершием [3].

Дату погр. 12 из кург. 3 у пос. Рыбный позволяет уточнить фибула, впервые найденная вместе с мечом и кинжалом описанных типов. Фибулы относятся к той категории находок, хронология которых по сравнению с другими вещами, находимыми в сарматских погребениях, достаточно хорошо разработана [4]. Судя по обломку, фибула из погр. 12 относится к типу так называемых проволочных среднелатенских фибул со скрепкой. Аналогичная бронзовая фибула была найдена в кург. 27/3 Калиновского могильника, расположенного примерно в 100 *км* ниже по Волге от группы курганов у пос. Рыбный. В. П. Шилов отнес это погребение к прохоровской культуре, датировав его по фибуле и зеркалу II—I вв. до н. э.[5] А. К. Амброз, исходя из всей совокупности находок и особенностей развития фибул юга европейской части СССР, считает возможным датировать фибулы этого типа I в. до н. э.[6] Погребение 3 из кург. 27 Калиновского могильника он отнес к началу среднесарматского времени [7]. Однако, как указывает А. К. Амброз, дата распространения среднелатенских фибул на юге СССР еще требует уточнения в связи со слабой разработанностью хронологии северопричерноморских могильников II—I вв. до н. э.[8] К тому же приведенный им перечень комплексов, в которых найдены проволочные среднелатенские фибулы со скрепкой, не исключают даты II—I вв. до н. э. как возможного времени бытования этих фибул [9].

Таким образом, это еще один из поздних случаев совместного нахождения в одном сарматском погребении кинжала прохоровского типа с сусловским мечом.

---

[1] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 9, 10.

[2] Из последних раскопок стали известны случаи аналогичных находок и в междуречье Волги и Дона. *Лисицын И. П.* Отчет об археологических раскопках Городищенского отряда летом 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5117.

[3] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 10.

[4] *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, Д1 — 30, М., 1966.

[5] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 427, 428, 436, 438.

[6] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 13, 21, 22, 92.

[7] Там же, с. 22.

[8] Там же, с. 13.

[9] Там же, с. 21, 22.

В. А. ПЕТРЕНКО

ОБ ОДНОЙ ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ САРМАТСКОЙ КУЛЬТОВОЙ ПОСУДЫ НА СРЕДНЕМ ТЕРЕКЕ

Среди обширного керамического материала в древностях сарматской эпохи Среднего Притеречья выделяется особый тип культовой посуды — так называемые курильницы — полусферические чаши с внутренней перегородкой — «кармашком» (или без него) на полой ножке или высокой ножке-поддоне. Нередко внутри полой ножки находятся несколько круг-

лых камешков, отчего подобные сосуды называют иногда курильницами-погремушками. В чаше курильниц очень часто имеются следы огня.

Мы располагаем сведениями о 15 экз. таких сосудов, большая часть которых все еще не опубликована и не подвергалась специальному анализу [1].

Семь сосудов происходят из памятников, определяемых как сарматские (шесть из погребений: из кургана у ст. Шелковской [2], из Пригородненского кургана [3], из катакомбы у сел. Алхан-Кала [4], из кургана у сел. Мескер-Юрт [5], два из курганов близ г. Моздока [6] и из культурного слоя Алхан-Калинского городища). Шесть экземпляров обнаружены в памятниках местных племен, подвергшихся заметному влиянию сарматской культуры (из разрушенного могильника Хаян-Корт [7], четыре из могильника второго Ханкальского городища, из культурного слоя этого же памятника [8]). Один сосуд найден в аборигенном некрополе сарматского времени (Балан-Су) [9]. К рассматриваемым курильницам можно отнести и сосуд из сел. Галайты, обладающий ведущим признаком — внутренней перегородкой — «кармашком» [10] (рис. 1).

Время бытования части курильниц убедительно определено исследователями. Так, Пригородненская курильница отнесена к I—II вв. н. э. (рис. 4, *9*), сосуд из Алхан-Калинской катакомбы датирован III—IV вв. (рис. 4, *13*), мескер-юртовская курильница отнесена к II—III вв. (рис. 4, *10*). Этим же временем датирован сосудик из Балан-Су (рис. 4, *14*), время бытования курильницы из Шелковской определено II—I вв. до н. э.

Существенное значение для уточнения хронологии курильниц имеют находки в закрытых комплексах Ханкальского могильника (погребения 53, 56, 58, 65 — рис. 2, *I*, *II*; рис. 3, *I*, *II*). Инвентарь могил, содержавших курильницы, в целом сходен (двуручные сосуды с гальками внутри, втульчатые, трехгранные железные наконечники стрел, железные серповидные ножички, колчанные крюки, янтарные подвески, типы некоторых бус и др.), что указывает на их хронологическое единство или близость.

Предварительный анализ погребальных комплексов, в составе которых имеются двуручные сосуды с гальками, привел к мнению о том, что они датируются III в. до н. э.— рубежом нашей эры [11]. Эта в принципе

[1] Лишь отдельные экземпляры упоминаются в обобщающих работах. См., например: *Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа.— КСИИМК, вып. 58, 1953, с. 31—34; *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 166—179.

[2] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. АО — 1973, М., 1974, с. 103.

[3] *Виноградов В. Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.— АЭС, т. II. Грозный, 1968, с. 212—213.

[4] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 29.

[5] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, т. III. Грозный, 1969, с. 100. В процессе работы с керамическим материалом из Мескер-Юртовского кургана было обнаружено несколько фрагментов от чаши курильницы. Это дополнительно с опубликованным ранее рисунком ножки позволяет яснее представить тип сосудика.

[6] Одна курильница найдена у хут. Веселого под Моздоком в 1967 г. и происходит из впускного погребения в курган эпохи бронзы. Хранится в Пятигорском краеведческом музее. Зарисовка В. Б. Виноградова. Другая курильница происходит из довоенных раскопок под Моздоком. Хранится там же. Инв. № 483.

[7] *Виноградов В. Б.* Археологические разведки..., с. 103.

[8] *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Отчеты о полевых работах в ЧИАССР в 1970 и 1971 гг.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4535; р-1, № 4648.

[9] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Могильник сарматской эпохи у сел. Балан-Су и Байтарки. АЭС, т. III. Грозный, 1969, с. 61, рис. 7, *2*.

[10] *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Отчет о полевых работах в ЧИАССР в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 53667.

[11] *Виноградов В. Б., Байбик В. Д. и др.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии.— АЭС, т. III. Грозный, 1969, с. 82—86.

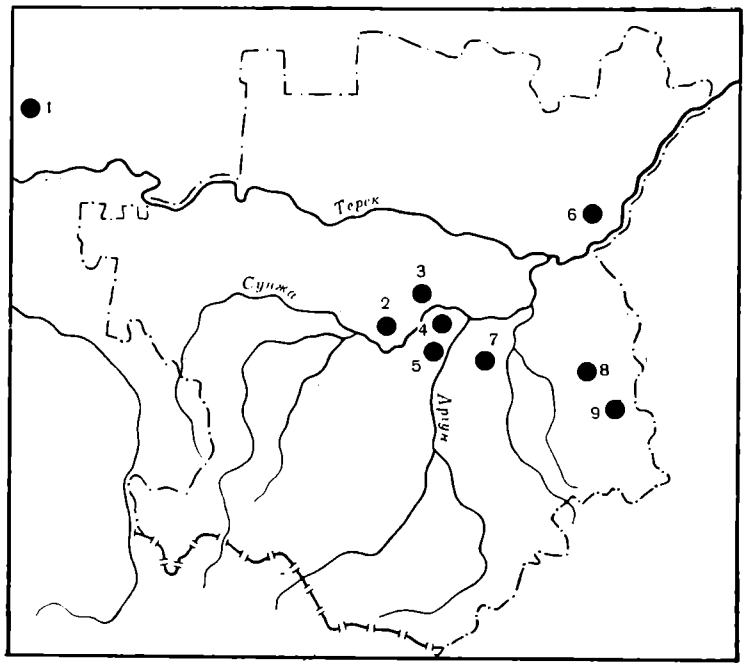


Рис. 1. Места находок культовых сосудиков в Среднем Притеречье: *1* — Моздок, *2* — Алхан-Кала, *3* — Хаян-Корт, *4* — Ханкала, *5* — Пригородное, *6* — Шелковская, *7* — Мескер-Юрт, *8* — Галайты, *9* — Балан-Су

приемлемая датировка применительно к перечисленным выше новым комплексам Ханкальского могильника может быть уточнена. В них нет предметов, которые твердо сопоставляются с III в. до н. э. Вместе с тем в погр. 56 имеется оригинальная бронзовая проволочная фибула с сердоликовой бусиной на спинке (рис. 2, *II*, *21*). Точные аналогии ей нам не известны. Но общей схемой ханкальская фибула близка среднелатенским фибулам с «восьмеркоподобной» спинкой (но без бусины), появление которых в зарубинецкой культуре относится к середине II в. до н. э.[12] Похожая фибула (с бусиной), но с плохо сохранившимся «восьмеркоподобным» завитком обнаружена в погр. 16 Чегемского кургана (Кабардино-Балкария), датируемого II—I вв. до н. э.[13] Еще одна схожая фибула опубликована М. П. Абрамовой среди материалов погр. 96 Нижне-Джулатского могильника, отнесенного к группе могил I в. до н. э.—I в. н. э.[14] Вероятно, перечисленные северо-кавказские фибулы являются местной модификацией названной схемы среднелатенских фибул.

Аналогии всем основным компонентам названных Ханкальских погребений подтверждают возможность их датировки II—I вв. до н. э. (возможно, также I в. н. э.) [15].

---

[12] *Кубишев А. У.* Деяки Підсумки дослідження Пирогівського могильника (раскопки 1966—1967 рр.) — В сб.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Киев, 1976, с. 27, рис. 3, *1*; с. 30, 31. Искренне благодарен Э. А. Сымоновичу за консультацию.

[13] Искренне признателен Б. М. Керефову за информацию.

[14] *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, рис. 12, 22.

[15] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 43, рис. 11, *2*; с. 194, рис. 17; *Петренко В. А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа.— Тезисы IV «Крупновских чтений». Орджоникидзе, 1973, с. 41, 42; *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, с. 166, 182—184; *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник..., с. 23, рис. 4, 75; с. 24; *ее же.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н. э.— В сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, рис. IV, *25—27*; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 42; *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ,

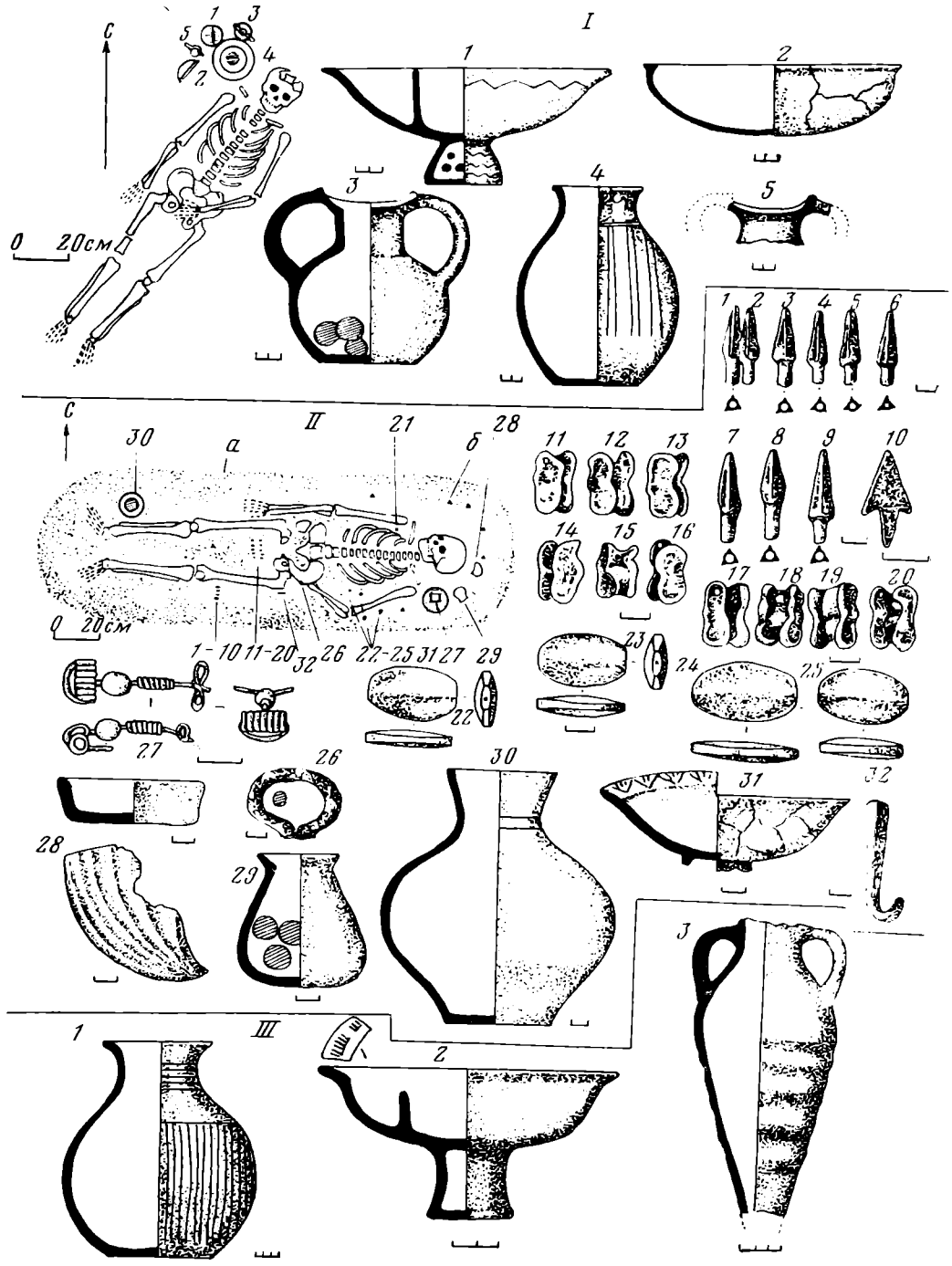


Рис. 2. Комплексы с культовыми сосудиками. I — погр. 53 на 2-м Ханкальском городище. *1—5* **— керамика; II — погр. 56 на 2-м Ханкальском городище.** *1—10, 26, 32* **— железо;** *11—20* **— кость;** *21* **— бронза;** *22—25* **— янтарь;** *28* **— раковина:** *27, 29—31* **— керамика;** *а* **— меловая подсыпка;** *б* **— древесные угольки; III — комплекс вещей из моздокского кургана.** *1—3* **— керамика**

Одна из моздокских курильниц с «кармашком» и на полой ножке найдена в комплексе с лепным сосудом, тулово которого покрыто вер-

вып. Г1 — 12, М., 1975, с. 33—34; *Мошкова М. Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки.— МИА, 1960, № 78, с. 299; *ее же.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, Д1 — 10, 1963, с. 25, табл. 31, рис. 36; табл. 20, рис. 1. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Разведочные работы в Чечено-Ингушетии.— АО — 1974, М., 1975, с. 101.

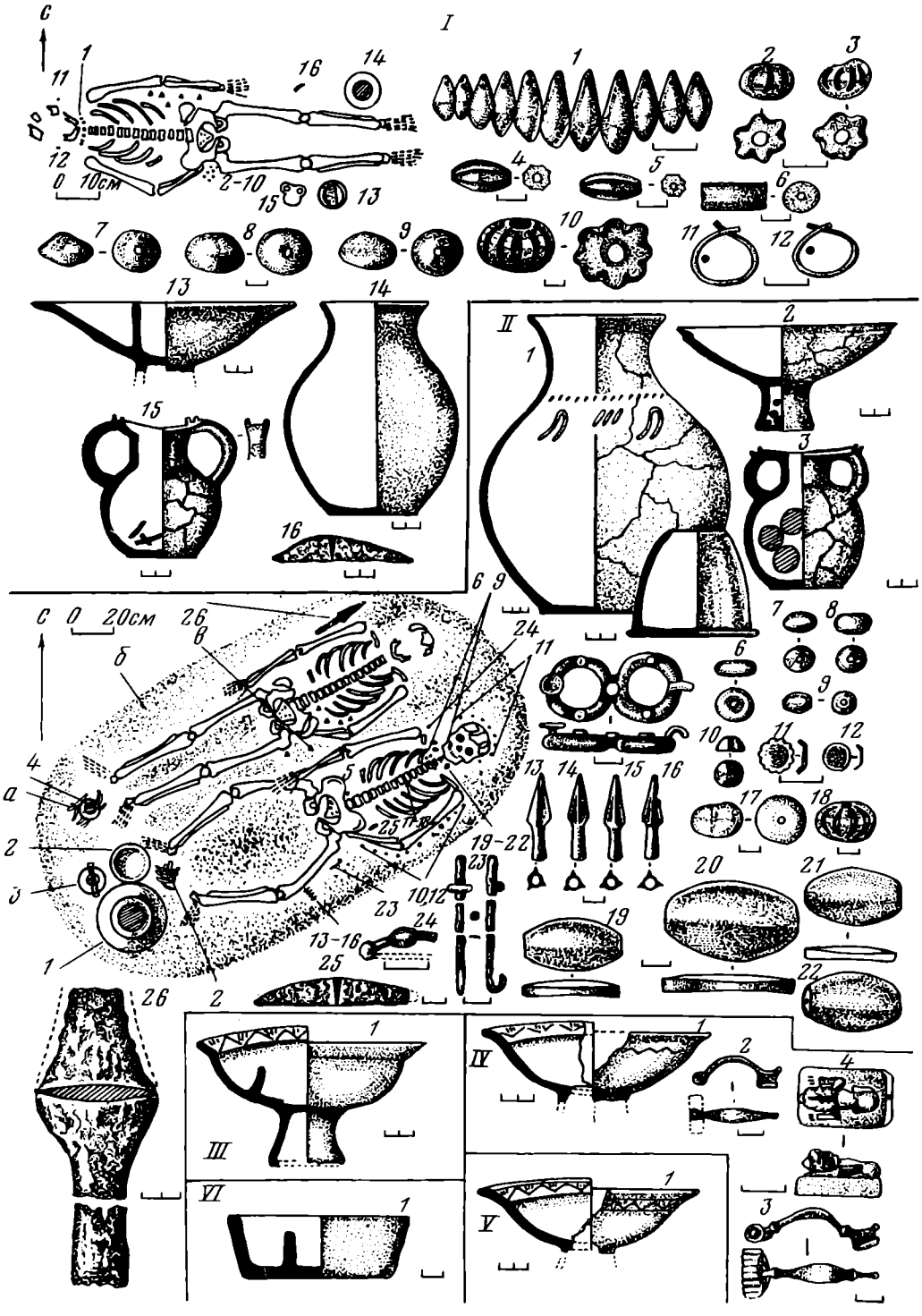


Рис. 3. Комплексы с культовыми сосудиками и отдельные находки курильниц. I — погр. 58 на 2-м Ханкальском городище: *1* — стекло; *2—3*, *10* — голубой египетский фаянс; *4—5* — черная стекловидная паста; *6—9* — сердолик; *11—12* — золото; *13—15* — керамика; II — погр. 65 на 2-м Ханкальском городище. *1—4* — керамика; *3*, *24* — бронза; *6—9* — сердолик; *10—12* — золото; *13—16*, *23*, *25* — железо; *17* — горный хрусталь; *18* — голубой египетский фаянс; *19—22* — янтарь; *а*, *г* — части тушек ягнят; меловая подсыпка — *б*; *в* — древесные угольки; III — курильница из впускного курганного погребения близ Моздока; IV — предметы из культурного слоя Алхан-Калинского городища. *1* — керамика: *2—3* — бронза; *4* — голубой египетский фаянс; V — культурный слой 2-го Ханкальского городища. *1* — керамика; VI — разрушенный каменный ящик у сел. Галайты. *1* — керамика

тикальными лощеными полосками (рис. 2. *III, 1*). Кувшины с такой формой и орнаментом встречаются в сарматских памятниках последних веков до н. э.[16] Здесь же обнаружена небольшая амфора из светло-желтой глины с отбитой в древности ножкой (рис. 2, *III, 3*). Аналогичная найдена на Елизаветовском городище на Кубани и датируется II—I вв. до н. э.[17] Таким образом, и моздокский комплекс, вероятнее всего, следует датировать двумя последними веками до н. э.

Курильница, найденная в одном из разрушенных погребений грунтового могильника Хаян-Корт, может быть отнесена к рубежу старой и новой эры, поскольку одновременно с нею вновь был найден двуручный сосуд с шестью круглыми гальками внутри (рис. 4,*11*) [18].

Фрагмент курильницы, обнаруженный в нижнем горизонте культурного слоя Алхан-Калинского городища (рис. 3, *IV, 1*), может быть датирован первыми веками нашей эры благодаря немногочисленным, но выразительным находкам, характеризующим этот горизонт [19]. Сюда в первую очередь относятся две бронзовые фибулы. Плохая сохранность не позволяет говорить подробно об их морфологических признаках. Однако можно указать, что это сильнопрофилированные фибулы северо-причерноморского типа, датирующиеся II в. н. э.[20] (рис. 3, *IV, 2—3*). Плакетка из голубого египетского фаянса с фигуркой в виде лежащего льва (рис. 3,*IV, 4*) подтверждает правомерность отнесения горизонта, в котором сделаны эти находки, к первым векам нашей эры [21].

Аналогичные фрагменты культового сосудика найдены в культурном слое 2-го Ханкальского городища, существовавшего до I в. н. э. (рис. 3, *V, 1*) [22]. Следует упомянуть культовый сосуд — четырехугольный в плане с внутренней перегородкой, происходящий из разрушенного каменного ящика близ сел. Галайты (рис. 3, *VI, 1*). Раскопанный здесь могильник из каменных ящиков предварительно датирован рубежом новой эры — началом I тысячелетия н. э.[23] Полагаем, что и галайтинскую курильницу можно отнести к этому же времени.

Характерные особенности анализируемых культовых сосудиков позволяют разделить их на следующие типы: I — курильницы с «кармашком» на полой ножке (иногда с камешками внутри); II — курильницы без «кармашка» на полой ножке (иногда с камешками внутри); III — курильницы без «кармашка» на высокой ножке-поддоне. Особняком стоит в этой типологии курильница из каменного ящика у сел. Галайты (рис. 4).

Курильницы с «кармашком» на полой ножке (иногда с камешками внутри) в анализируемой коллекции представляются самыми ранними и датируются двумя последними веками до нашей эры — рубежом новой эры (возможно, началом I в. н. э.). В основном синхронны первому типу (хотя, возможно, и бытуют несколько позднее) курильницы II типа. Сосуды III типа датируются первыми веками нашей эры.

Интересна деталь, подчеркнутая К. Ф. Смирновым, что многие курильницы сарматских типов несут также и сарматский орнамент — «про-

---

[16] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской..., табл. 6, рис. 32.

[17] Сообщено автору проф. Кубанского университета Н. В. Анфимовым, за что приношу искреннюю благодарность.

[18] Хранится в Чечено-Ингушском краеведческом музее. Инв. № 9302/1.

[19] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные..., с. 102.

[20] *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, Д1 — 30, 1968, табл. 8, 7, 8; см. также: *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья.— СА, 1977, № 2, с. 112—113.

[21] *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР.— СА, 1958, № 1, с. 20—27; *Виноградов В. Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев.— АЭС. т. II. Грозный. 1968, с. 39—54.

[22] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Разведочные работы..., с. 101.

[23] *Багаев М. Х.* Каменные гробницы у сел. Галайты.— Тезисы V «Крупновских чтений». Махачкала, 1975, с. 56, 57.

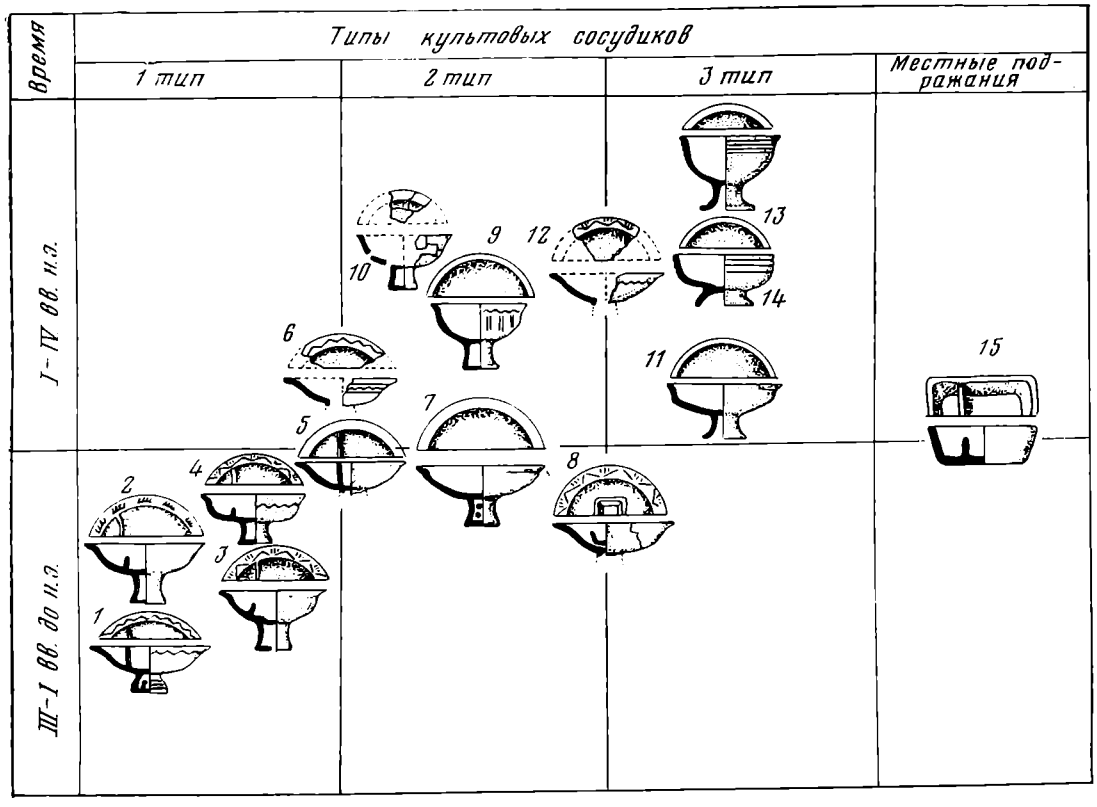


Рис. 4. Типология и хронологическое развитие культовых сосудиков Среднего Притеречья. *1* — погр. 53 на 2-м Ханкальском городище; *2*, *3* — Моздок; *4* — Шелковская; *5* — погр. 58 на 2-м Ханкальском городище; *6* — культурный слой 2-го Ханкальского городища; *7* — погр. 65 на 2-м Ханкальском городище; *8* — погр. 56 на 2-м Ханкальском городище; *9* — Пригородное; *10* — Мескер-Юрт; *11* — Хаян-Корт; *12* — культурный слой Алхан-Калинского городища; *13* — катакомба у сел. Алхан-Кала; *14* — Балан-Су; *15* — Галайты

черченный зигзаг с точками по широкому горизонтальному краю бортика, вертикальные и косые насечки»[24]. Большая часть анализируемых нами курильниц декорирована именно таким орнаментом. Они происходят или из местных памятников, подверженных влиянию сарматской культуры, или из кочевнических памятников, оставленных самими сарматами[25].

Происхождение рассматриваемых курильниц окончательно не установлено. Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен в свое время опубликовали две аналогичные курильницы, найденные в окрестностях Моздокского кирпичного завода, и датировали их VII—VI вв. до н. э., считая дериватами курильниц эпохи бронзы, «в последующее время совершенно исчезающими»[26]. Н. В. Анфимов не согласился с этим мнением и доказал активное бытование курильниц с «кармашком» на Северном Кавказе в сарматский период. Вместе с тем он принял указанную датировку моздокских курильниц, признавая их за исходный тип для последующей эволюции культовых сосудов сарматской эпохи[27].

Однако следует отметить, что моздокские курильницы найдены вне комплексов, поэтому их датировка не может считаться бесспорной.

---

[24] *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики..., с. 176.
[25] *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики..., с. 175.
[26] *Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.* Моздокский могильник. Л., 1940, с. 42.
[27] *Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы..., с. 32.

Последующие широкие полевые изыскания в области северо-кавказской археологии скифского времени не подтвердили пока бытования этой разновидности культовой посуды в VII—IV вв. до н. э.[28] К тому же в окрестностях Моздока хорошо известны и погребальные памятники сарматского времени[29]. Как показано выше, есть тут и курильницы с «кармашком» и на полой ножке в комплексе II—I вв. Следовательно, и случайные находки курильниц в этом районе могут относиться к последним векам до нашей эры — началу нашей эры.

Подобное положение дел побуждает искать иные пути появления в северо-кавказских памятниках сарматской эпохи интересующих нас курильниц.

Обращение к культовым сосудам, найденным на собственно сарматских территориях Северного Прикаспия, показывает, что среди них явно доминируют сарматские курильницы — «стаканы», а ритуальные сосудики с «кармашком» редки. Однако они есть (3 экз.) и, что особенно важно, датируются еще прохоровским временем (IV—II вв. до н. э.)[30]. Один аналогичный экземпляр встречен в сарматском памятнике сусловского времени в Заволжье. Подлинно же массовыми эти курильницы становятся в сусловский период (возможно, и несколько ранее) в равнинных и степных зонах Северного Кавказа, в том числе и Среднего Притеречья[31]. Любопытно отметить, что курильницы- «стаканы» здесь не популярны и мы можем назвать лишь четыре сосуда такого типа[32].

«Прохоровские» курильницы с «кармашком», самые ранние из известных для территории обитания сарматов, оказали, вероятно, определенное влияние на развитие ритуальных сосудов в среде сарматских племен Среднего Притеречья и соседних аборигенов. Это подтверждается и галайтинской курильницей, и типично местными формами позднекобанских цилиндрических ритуальных сосудиков с выступающим дном, которые в сарматское время получают внутреннюю перегородку[33].

Для рубежа новой эры К. Ф. Смирнов отмечает заметную общность некоторых видов культовой керамики сарматского Поволжья и Дагестана, объясняя ее тесными взаимными связями и осторожно предполагая, что некоторые «из Поволжских экземпляров, возможно,— даже Дагестанского или общесеверокавказского происхождения». Однако К. Ф. Смирнов убежден, что в Дагестане «эти сосудики изготовлялись на месте, но, безусловно, под сарматским воздействием»[34]. Считаем возможным уверенно присоединиться к этой точке зрения, подкрепляемой и коллекцией курильниц Среднего Притеречья.

Вопрос возможного появления у самих сарматов такой формы культовой посуды ставился в специальной литературе. Так, одна из версий связывала сарматские курильницы прямой генетической линией с курильницами катакомбной культуры, что мало вероятно из-за очевидного хронологического разрыва[35]. Другая предлагала считать курильницы на крестообразной ножке эпохи бронзы прототипами сарматских[36]. В этой

---

[28] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

[29] *Виноградов В. Б.* Сарматы..., с. 46—49.

[30] *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики..., рис. 1.

[31] *Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Рец.: Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности».— ИСКНЦ ВШ, 1975, 1, Ростов-на-Дону, с. 105.

[32] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные..., с. 119, рис. 16; *Рунич А. П.* Сарматские катакомбы на р. Юце.— СА, 1961, № 1, с. 267; *Виноградов В. Б.* Археологические памятники сарматского времени из Кабардино-Балкарии.— УЗ КБНИИ, 1967, № 25, с. 133, рис. 2; *его же.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 87.

[33] *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа.— УЗ ЛГУ, № 85, серия историческая, вып. 13. Л., 1949, с. 205, 208 сл.

[34] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 175.

[35] *Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы..., с. 34.

[36] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 450.

связи следует упомянуть находку вторично использованной типично катакомбной курильницы (на крестовидной ножке) в комплексе VII в. до н. э.[37] Поэтому нет ничего невероятного в том, что и сарматы могли быть знакомы с катакомбными курильницами. Это тем более возможно, что исследователи указывали на пространство между устьем Волги, Маныча и северными склонами Кавказа, как на территорию наибольшего распространения курильниц катакомбной культуры[38]. Резонно предположить, что сарматское население могло быть знакомо с курильницами II тысячелетия до н. э., поскольку часто совершало погребения в курганах эпохи бронзы, где в разрушенных захоронениях и выбросах земли могли встречаться катакомбные курильницы, которые и вызвали к жизни сарматские подражания.

Итак, в свете изложенного можно сделать вывод, что курильницы с «кармашком» (иногда без него) на полой ножке или ножке-поддоне, появившись ранее всего у сарматов на их исконных территориях, прекратили там свое существование в сусловский период. Они стали очень популярны на Северном Кавказе, где становятся характерным атрибутом в последние века до нашей эры. Здесь сарматы, сохранив в целом форму курильниц, создают несколько их вариантов. Этот процесс можно сопоставить с деятельностью сираков-потомков савроматов Волго-Донских степей[39]. Курильницы с «кармашком» послужили импульсом для появления новой детали — внутренней перегородки — у местных культовых сосудиков, что подтверждает тесные культурные контакты ираноязычных сарматов и автохтонного населения.

---

[37] *Клейн Л. С.* Происхождение скифов-царских по археологическим данным.— СА, 1963, № 4, с. 29.

[38] *Попова Т. Б.* К вопросу о курильницах «северо-кавказского типа».— СА, 1957, № 1, с. 177; *Иерусалимская А. А.* О Предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2, с. 42—45, рис. 7.

[39] *Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе.— СА, 1965, № 1, с. 108—121; *его же.* Локализация Ахардея и сиракского союза племен.— СА, 1966, № 4, с. 38—50; *его же.* Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1968, № 1, с. 48—55; *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа.— КСИА АН СССР, № 148, 1977, с. 44—49; *Петренко В. А.* Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа.— Тезисы III «Крупновских чтений». Грозный, 1973, с. 13—15; *его же.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды..., с. 41—42; *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке.— СА, 1977, № 3, с. 247.

К. И. КОРЕПАНОВ

О НАХОДКЕ ЗЕРКАЛА НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ

В 1977 г. при раскопках Поволжской археологической экспедицией Селитренного городища в Харабалинском р-не Астраханской обл. случайно найдено бронзовое зеркало[1]. Оно разломано в древности, однако почти полностью восстанавливается из трех частей по излому. Отсутствует только часть левого верхнего края зеркала (рис. 1).

Овальный диск зеркала с вертикальными бортиками по краю снабжен прямоугольной плоской ручкой. На обороте зеркала изображена стилизованная фигура стоящего кабана. Контуры его тела показаны рельефными линиями. Такими же линиями обозначены мышцы груди и складки на короткой мощной шее. Характерная вздыбившаяся щетина

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. А. Федорову-Давыдову за предоставленную возможность публикации этого предмета.

на спине дана выступом. Мышцы бедра выделены спиралью. Длинная морда заканчивается пятачком. Глаз показан кружком. Выделены копыта, отмечен длинный свисающий хвост.

Данное зеркало происходит, очевидно, из савроматского погребения, разрушенного в связи с позднейшим строительством на городище. Оно,

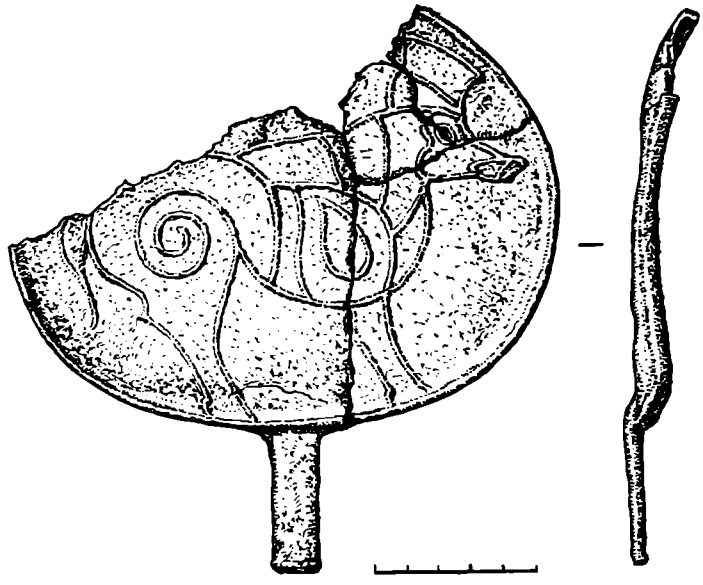


Рис. 1. Зеркало, найденное в 1977 г. на Селитренном городище

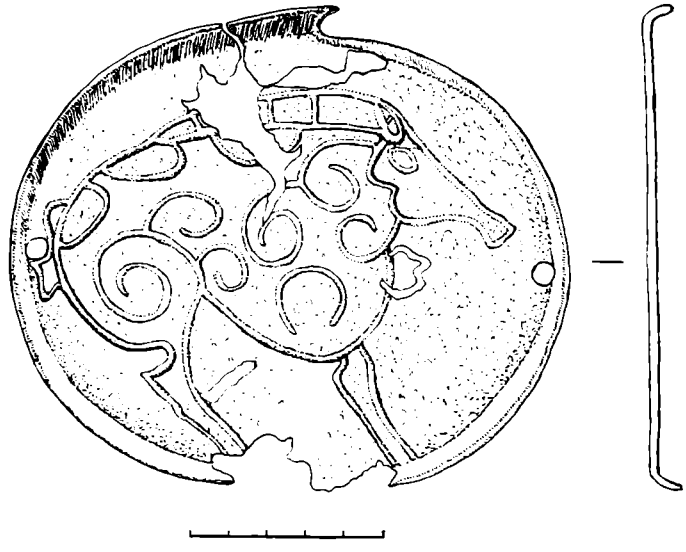


Рис. 2. Зеркало из погр. 87 Зуевского могильника

по-видимому, было преднамеренно разбито в древности перед помещением в могилу — обряд, иногда практиковавшийся в савроматскую эпоху [2]. Находки савроматских вещей близ Селитренного городища известны у сел Сероглазово и Воснюч [3]. Близкой аналогией рассматриваемой находке

[2] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 152.

[3] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1-9. М., 1963, с. 11.

является зеркало из мужского 87-го погребения Зуевского могильника (рис. 2) [4]. Сходство между ними прослеживается как по форме самих зеркал, так и по манере изображения кабанов. Отличия незначительны: у зеркала из Зуевского могильника по бортику имеются два острых выступа; не только заднее бедро, но и все тело кабана покрыто спиральными завитками; ноги несоразмерны с телом — высокие и тонкие, копыта не выделены. К сожалению, ничего нельзя сказать о форме ручки зеркала из Зуевского могильника — она не сохранилась. Несмотря на отмеченные небольшие отличия, надо признать, что рассматриваемые зеркала однотипны. Обломок трапециевидной пластины с частью подобного орнамента, может быть от такого же зеркала, был случайно найден в Зуевском могильнике [5]. Аналогии зеркалу из 87-го погребения Зуевского могильника до сих пор не были известны. В этом погребении справа от черепа находился кельт дефектной отливки со слабо заметным следом орнаментального пояса (рис. 3, *5*), у правого плеча лежало большое бронзовое зеркало с изображением кабана, под ним обнаружены два плоских черешковых костяных (рис. 3, *2*, *3*) и втульчатый трехгранный (острие и втулка разрушены — рис. 3, *1*) наконечники стрел. В кисти левой руки — обломок железного ножа (рис. 3, *4*) [6].

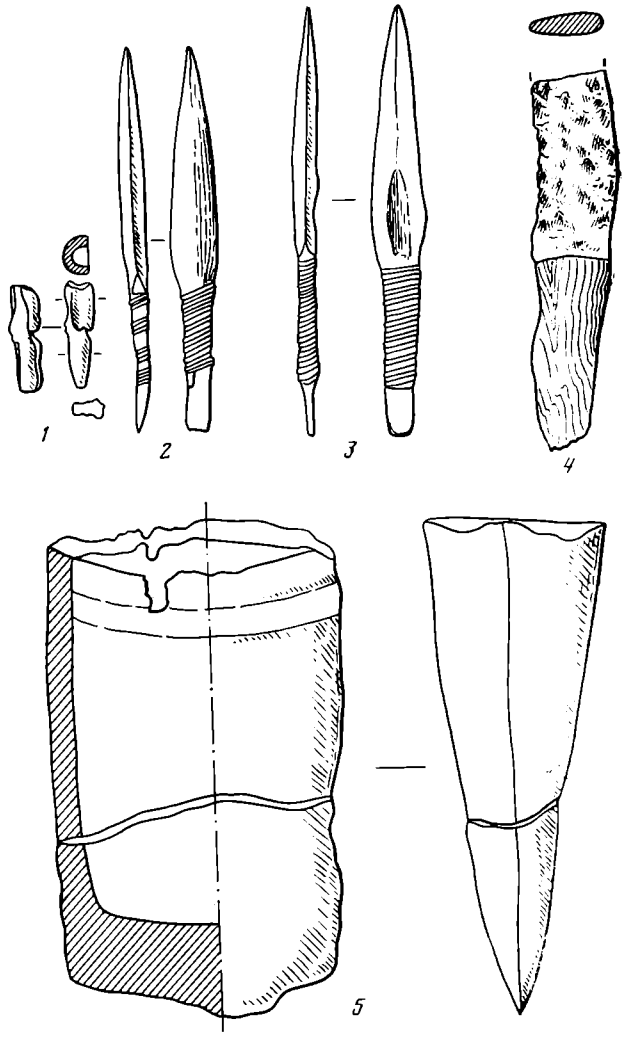


Рис. 3. Зуевский могильник, погр. 87: *1* — бронзовый наконечник стрелы (острие и втулка разрушены); *2*, *3* — костяные наконечники стрел; *4* — железный нож; *5* — бронзовый кельт

Данное погребение А. В. Збруева отнесла к VII группе (с кельтами и наконечниками стрел), датирующейся V—III вв. до н. э. [7] Комплекс 87-го погребения, который является самым интересным в этой группе, она датировала IV в. до н. э. и высказала предположение о том, что, «судя по стилю изображения свиньи, оно (данное зеркало — *К. К.*) местное и не раннее» [8]. Мнение о поздней дате этого зеркала (III в. до н. э.) принято и некоторыми другими исследователями [9].

---

[4] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 87, 133, 137, табл. XXVI, *12*: ГЭ, инв. № 609/155.

[5] ГЭ, инв. № 609/477.

[6] *Збруева А. В.* Зуевский могильник.— Архив ИА, р-2, д. № 658, с. 37; ГЭ, инв. № 699/154—158.

[7] *Збруева А. В.* Зуевский могильник, с. 37.

[8] *Збруева А. В.* История населения Прикамья, с. 87.

[9] *Черников С. С.* Наскальные изображения верховий Иртыша.— СА, IX, 1947, с. 278.

Однако история развития мотива кабана свидетельствует о более ранней дате. В Прикамье преимущественно распространены изображения голов кабанов, выразительнее всего представленные на обушках боевого оружия — клевцах, происходящих из Ананьинского могильника и окрестностей г. Елабуги в ТАССР [10]. Фигура кабана на зеркале из Зуевского могильника является единственной и совершенно нетипичной в искусстве этого лесного района.

Изображения стоящих фигур кабанов в позе, близкой образам на рассматриваемых зеркалах, весьма популярны в более южных районах, в основном в степной полосе Евразии. Наиболее ранняя фигура кабана в такой позе найдена в кургане Аржан в Туве. Аналогичные бляшки в виде стоящих фигур кабанов обнаружены в кургане 5 Чиликты [11]. Широкое распространение подобных образов в зверином стиле Евразии относится к середине I тысячелетия до н. э. и встречается как в западных районах, так и в восточных. Сходные изображения кабана имеются на бронзовой пластине из Гаршиново [12], на каменном столе из Любимовки [13], оружии из Веттерсфельде [14], обкладке ножен акинака из кургана в дельте Дона у ст. Елизатовской [15], золотой обкладке рукояти парадного топора из Келермеса [16], колчане из Каховского р-на Херсонской обл.[17] Иногда кабан изображается идущим [18].

Среди изображений восточных районов отметим фигуру кабана на пряжке из Ордоса [19], на сибирских бляхах и обоймах [20], на костяном гребне из кургана 7 Тоора-Хем в северо-восточной Туве [21] и бляшке из Каркаралинска в Северном Казахстане [22]. Изображение этих животных в подобной позе встречается и на наскальных изображениях: рисунки как бы притормаживающих свой бег кабанов выбиты, например, на петроглифах Казахстана в урочищах Аргаузен III и Майдантал в Каратау [23] и в верховьях Иртыша [24].

Таким образом, можно полагать, что изображения кабанов на рассматриваемых зеркалах связаны не с ананьинским звериным стилем, а с искусством более южных степных районов. В оформлении фигур животных на зеркалах прослеживается восточное (алтайское) влияние, проявляющееся в трактовке их тел спиралями [25].

---

[10] *Невоструев К. И.* Ананьинский могильник.— Тр. I АС. М., 1871, с. 102—104; Атлас к Трудам I АС, табл. IV, *12*; *Le Baron de Baye*. La Necropole d'Ananino. Paris, 1897, p. 12, fig. V; p. 24, fig. XVI; *Aspelin I. R.* Antiquites du Nord Finno-Ougrien. H., 1877, v. 1, p. 60, fig. 242; *Збруева А. В.* История населения Прикамья, с. 105, табл. XXII, *3*; с. 107, табл. XXII, *6*.

[11] *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, с. 34, рис. 36, *а*, *б*.

[12] *Minns E. H.* The art of the Northern Nomads. London, 1942, pl. II.

[13] Ibid., pl. IV.

[14] Ibid., pl. 270, fig. 186, pl. XXV-A; *Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin, 1928, Taf. 5-B; 6-A.

[15] *Borovka G.* Scythian art. London, 1928, pl. 22-A.

[16] *Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. Princeton, 1929, pl. III, IV.

[17] *Leskov A.* Treasures from the Ukrainian barrows. Leningrad, 1972, pl. 35.

[18] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, табл. XXIII, *б*.

[19] *Minns E. H.* Op. cit., pl. XX, *16*.

[20] *Ginters W.* Op. cit., 32, *6*; *Salmony A.* Sino-Siberian art. Paris, 1933, pl. XI, *9*; XI., *5*.

[21] *Дэвлет М. А., Косых Т. Н., Цыбиктаров А. Д.* Раскопки в Тодже.— АО — 1975. М., 1976, с. 239.

[22] *Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, вып. 61, 1956, с. 14, рис. 4—6.

[23] *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977, с. 114, рис. 64; с. 208, рис. 107.

[24] *Черников С. С.* Наскальные изображения, с. 278, рис. 15, *1*.

[25] См., например. трактовку тел кабанов на крыше саркофага-колоды со Второго Башадарского кургана: *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, с. 51, рис. 27, *б*.

Отметим, что при оформлении дисков и ручек зеркал предпочтение отдавалось образам копытных животных — архара, оленя, кабана, в то время как хищники изображались на них значительно реже. Рукоятка зеркала из кургана 43 у хут. Карнауховский на Дону была украшена бронзовым навершием в виде головки кабана [26].

Вернемся к зеркалу из Селитренного городища. Аналогии ему можно найти среди савроматских зеркал, относящихся к I типу [27]. По форме диска и ручки оно особенно близко двум зеркалам из кургана у с. Сара в Оренбургской области [28]. Последние являются вариантом I типа савроматских зеркал и датируются концом VI — началом V в. до н. э.[29] Овальное зеркало с приподнятым бортиком по краю и гравированным изображением архара найдено недавно в погр. 1 кург. 19 Орского могильника в Оренбургской области [30]. Оно датируется К. Ф. Смирновым концом VI в. до н. э.[31]

Таким образом, зеркало, найденное на Селитренном городище, является савроматским и датируется концом VI—V в. до н. э. Савроматским же является, очевидно, и зеркало из 87-го погребения Зуевского могильника. Учитывая по сравнению с предыдущим схематичность изображения кабана и острые выступы по отлитому вместе с диском бортику, это зеркало можно отнести к V в. до н. э.

---

[26] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 156, рис. 50, 7 г.
[27] Там же, с. 153, 154.
[28] Там же, с. 154, рис. 35, *Б*, 14; 72, *2*.
[29] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья, с. 16; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 154.
[30] *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников.– В сб.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977, с. 24, рис. 11, *1*.
[31] Там же, с. 26.

В. В. РУБАН

РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЛЕПНЫЕ КРАТЕРЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Для материальной культуры древнего населения ольвийской периферии характерны лепные вазы на высоких ножках. Они выделяются среди хорошо известных видов лепной керамики Северного Причерноморья античного времени оригинальностью своей формы.

В целом виде указанные сосуды впервые были обнаружены при раскопках античной сельскохозяйственной виллы 1 в урочище Дидова Хата, относящейся к концу IV — первой половине III в. до н. э. (рис. 1) [1], хотя их фрагменты из некоторых приольвийских поселений известны нам уже довольно давно. Наиболее характерными особенностями этих ваз являются невысокий, резко отогнутый наружу венчик, изредка бывающий прямым; широкое округлое тулово покоится на высокой ножке, которая в большинстве случаев полая, однако встречаются и монолитные ножки. В верхней части тулова имеются, как правило, два диаметрально расположенных выступа-упора (рис. 2, *1*; 3, *1*, *3*, *4*). Гораздо реже встречаются подковообразные налепные ручки (рис. 2, *2*; 3, *2*). По технологии производства описанные сосуды ничем не отличаются от всей остальной массы лепной керамики Нижнего Побужья античной эпохи [2]. У них такой же неравномерный обжиг. Цвет глины варьирует от светло-желтого до черного, встречаются красные, серые и коричневатые оттенки. Поверхность сосуда грубая, в изломе черепка заметно множество

---

[1] *Рубан В. В.* Античная усадьба на побережье Бугского лимана.– АО – 1973. М., 1974, с. 335, 336.
[2] *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана – МИА, № 50, 1956, с. 260; *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.– Там же, с. 154–170.

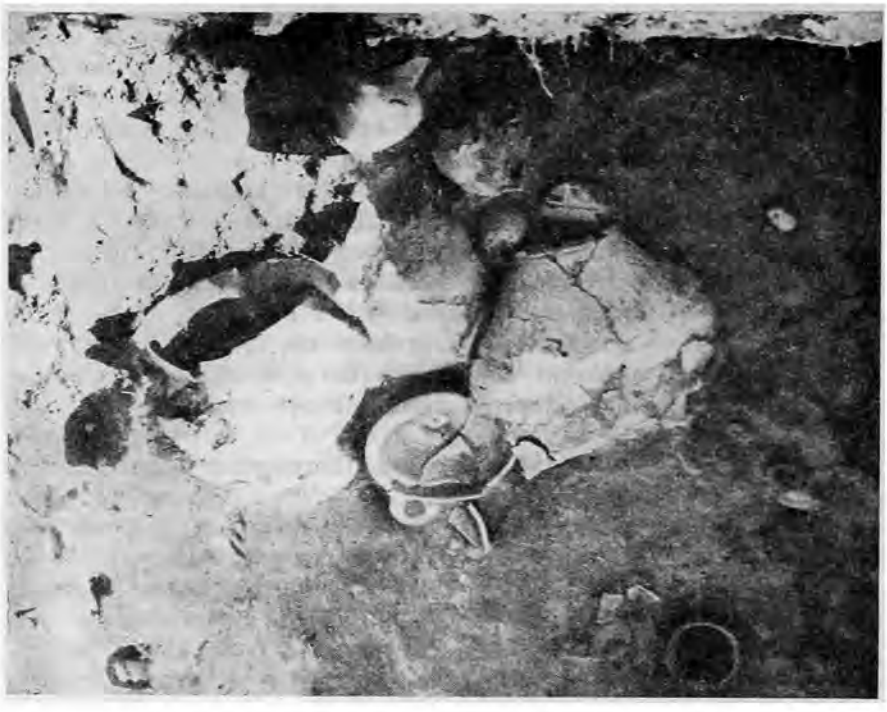


Рис. 1. Лепной кратер среди керамики в юго-западном углу помещения 11 in situ во время раскопок виллы 1 в урочище Дидова Хата в 1973 г.

Рис. 2. *1*, *2* – лепные кратеры из виллы 1 в урочище Дидова Хата

включений песка и реже шамота. Высота известных нам целых сосудов колеблется от 0,16 до 0,27 *м*. По форме лепные вазы ближе всего находятся к античным лепным кратерам эллинистического периода. Любопытно, что эти сосуды весьма похожи на кратеры геометрического времени [3], хотя такое сравнение и является чисто формальным, поскольку указанные группы керамики разделяет немалый хронологический разрыв. Некоторое сходство наблюдается также между этими вазами и так называемыми скифскими бронзовыми котлами. Однако генетическая связь между указанными группами сосудов не может быть прослежена, поскольку на территории распространения бронзовых котлов полностью отсутствуют подобные керамические формы. Функциональное назначение

[3] *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 42, табл. IV.

лепных ваз на высоких ножках пока остается неясным. На некоторых из этих сосудов, происходящих из виллы 1 в урочище Дидова Хата, имеются следы копоти, но в то же время закопченной оказалась и значительная часть столовой посуды из этого комплекса, поскольку вилла погибла в огне пожара[4]. Поэтому, пока не будут получены какие-либо надежные данные о функциях этих сосудов в процессе последующих раскопок, не остается ничего другого, как предложить для них условное название лепные кратеры, исходя из формальных признаков, тем более что и кратеры геометрического времени получили свое название не по функциональным особенностям, а по формальным признакам.

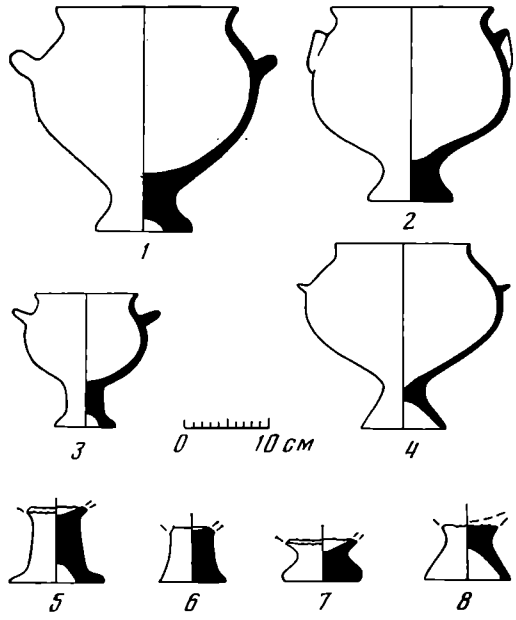


Рис. 3. Лепные кратеры на высоких ножках из Нижнего Побужья: *1–4* — Дидова Хата, вилла 1; *5* — поселение Дидова Хата 1; *6* — поселение Варваровка 1; *7–8* — поселение Петуховка 1

Фрагменты лепных кратеров известны и из других древних населенных пунктов Нижнего Побужья: из расположенной вблизи упомянутой виллы другой такой же синхронной виллы 3, а также из поселения IV — первой половины III в. до н. э. Дидова Хата 1 (рис. 3, *5*), из Варваровского поселения среди материалов раскопок М. С. Синицына (рис. 3, *6*)[5]. Ножки таких же сосудов обнаружены и на Петуховском поселении (рис. 3, *7*, *8*), находящемся к юго-западу от Ольвии[6]. Обломки лепных кратеров не раз встречались при раскопках Ольвийского городища[7]. Вместе с тем ни в одной из работ, специально посвященных исследованию лепной керамики Ольвии[8], рассматриваемый тип сосудов выделен не был[9]. В фондах Николаевского краеведческого музея хранятся ножки таких кратеров из поселения у Сиверсова маяка, находящегося на восточном берегу Бугского лимана. Исходя из приведенных данных, нетрудно заметить, что лепные кратеры на высоких ножках не являются неким исключительным типом сосудов,

---

[4] *Рубан В. В.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973–1974 гг.– В сб.: Новейшие открытия советских археологов, ч. II, Киев, 1975, с. 88.

[5] *Синицин М. С.* Поселення в с. Варварівка за розкопками 1938 р.– Праці ОДУ, р. XCV, т. 149. Сер. істор. наук, вип. 7. Археологічний збірник, ч. 1. Одеса, 1959, с. 113, 133.

[6] *Русяєва Г. С.* Поселення Пітухівка I біля Ольвії.– Археологія, т. XXI, 1968, с. 206–213.

[7] Ножки лепных кратеров из довоенных раскопок Ольвии имеются в коллекциях Николаевского краеведческого музея. Не так давно такая же ножка обнаружена при раскопках Ольвии в районе агоры (хранится в Археологическом музее АН УССР, инв. № ЮЗА (О-73)239). Выражаем искреннюю признательность автору раскопок Н. А. Лейпунской за предоставленную возможность ознакомиться с интересующим нас материалом.

[8] *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа И.– В сб.: Ольвия, т. I. Киев, 1940, с. 129–168; *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в до н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1974; *его же.* Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н. э.– КСИА АН СССР, № 143, 1975, с. 70–76.

[9] Верхняя часть лепного сосуда, относимая К. К. Марченко к кастрюлям (см. *Марченко К. К.* Классификация..., с. 73, рис. 1, *16*), принадлежит, несомненно, к описанному типу керамики.

известным только в вилле 1 в урочище Дидова Хата. Перечисленные находки позволяют констатировать, что такая керамика бытовала на территории всего региона нижнего Побужья. Отсутствие лепных кратеров на высоких ножках в других античных центрах Причерноморья[10] позволяет высказать предположение о том, что рассматриваемая группа сосудов является одним из этнографических признаков, характерных именно для населения Ольвии и ее хоры.

Находки обломков лепных кратеров на левобережных поселениях Бугского лимана могут служить важным источником при изучении некоторых проблем этнического порядка. Вопрос об отношении указанных памятников к общему массиву населения Нижнего Побужья не получил однозначного решения. Некоторые исследователи противопоставляют правобережные и левобережные поселения Бугского лимана и относят их к разным этническим группам[11]. Другие ученые, отмечая полное сходство домостроительных традиций и тождество материальной культуры указанных групп памятников, не склонны проводить между ними никаких различий этнического характера[12]. Таким образом, новый тип лепных сосудов из Нижнего Побужья можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу второй из указанных концепций. К этому остается лишь добавить, что водные преграды, в частности Днепро-Бугский лиман, в эпоху античности далеко не всегда выполняли пограничные функции, а напротив, зачастую выступали в роли интегрирующего фактора (например, район Мессинского пролива, Боспор).

---

[10] Некоторое сходство в форме лепных кратеров из Нижнего Побужья наблюдается с сосудом из раскопок у с. Пивденное на Днестровском лимане (см. *Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное – МАСП, вып. 5, 1966, с. 202, рис. 16, *5*). Тем не менее между ними имеются и существенные различия, не позволяющие объединить их целиком в одну группу. Форма тулова и венчика сосуда из поселения у с. Пивденное придает ему вид глубокой чаши.

[11] *Славин Л. М.* Основные итоги исследований Ольвии за последние годы.– В сб.: Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 134; *Зуц В. Л.* Територія Ольвійськоі держави догетського часу.– Археологія, т. XXII, 1969, с. 80–89.

[12] *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII–II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1952; с. 8; *Лапін В. В.* Хора Ольвії.– В кн.: Археологія Українськоі РСР, т. II. Київ, 1971, с. 309; *Wąsowicz A.* Olbia pontique et son territoire. Paris, 1975, p. 63.

М. А. РОМАНОВСКАЯ

КЕРАМИЧЕСКИЙ ШТАМП ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. РУДЬ

Публикуемая находка обнаружена летом 1976 г. П. Г. Гайдуковым и Н. А. Макаровым при обследовании городища с двумя валами, расположенного напротив городища Рудь (Дондюшанский р-н Молдавской ССР) немного к юго-западу от него на правом высоком берегу ручья Рыпа луй Аритон.

Предмет невелик по размерам — 4×1,3×0,7 *см*³. Он представляет собой овальный в сечении керамический стержень, один конец которого был сформован как остроугольный треугольник с двумя врезанными линиями, параллельными одной из сторон. Другой конец стержня расплющили до толщины 0,15 *см*. При кожетвердом состоянии глиняной массы расплющенный край завернули с одной и другой стороны, используя деревянную палочку, следы которой видны на внутренней поверхности орудия. В результате получилась фигура, в плане напоминающая латин-

скую букву S в зеркальном отражении (см. рис. 1, *1, 2, 4*). Глиняная масса, из которой изготовлен штамп, включала отсортированный кварцевый песок, слюду и карбонаты.

При оттиске одна из сторон дает так называемый эсовидный орнамент, а другая — геометрический орнамент в виде заштрихованных треугольников (см. рис. 1, *3*). Возможно, что неглубокая вмятина в средней части орудия, напоминающая букву Y, также сделана сознательно.

Рис. 1. *1* — общий вид штампа, *2* — вид снизу, *3* — вид сверху, *4* — оттиски штампа

Интерес к технике нанесения орнамента на посуду возник давно. Достаточно вспомнить работы М. В. Воеводского [1] и В. В. Гольмстен [2].

М. В. Воеводский опубликовал костяные и каменные штампы с Волосовской и Федоровской стоянок. Это были зубчатые штампы. И именно на зубчатые штампы стали обращать внимание исследователи. Четыре орудия, сделанных из ребер животных и найденных на городище Одоевском, описал О. Н. Бадер [3]. Он же нашел керамику с орнаментом, который мог быть нанесен при помощи этих штампов.

Т. С. Пассек также публиковала зубчатые штампы, сделанные из костей животных и из раковины [4]. На трудность узнавания и определения орудий, употребляемых в керамическом производстве, обращал внимание А. И. Тереножкин, также публиковавший именно зубчатые штампы [5], керамический и костяной с Субботовского и Московского городищ. По-видимому, многие штампы были деревянными.

В самом деле, если обратиться к этнографическим параллелям, простейшие «чеканки» представляют собой круглую деревянную палочку, на конце которой (иногда на обоих) вырезаны крест или «звездочка» [6]. Глиняные штампы также известны по этнографическим данным и опубликованы Л. С. Китициной [7].

Каменные штампы для нанесения орнамента на глиняные и берестяные сосуды использовались и используются хантами. Среди узоров, наносимых на их посуду, присутствует знак S и треугольник, заштрихованный внутри. По наблюдениям В. И. Мошинской, фигурный орнамент известен на керамике западной Сибири с I тысячелетия до н. э.[8]

Деревянные штампы не сохраняются в земле, глиняные встречаются редко, они малы и фрагментированы. Каменные штампы редки.

---

[1] *Воеводский М. В.* К изучению гончарной техники первобытнокоммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части СССР.– СА, I, 1936.

[2] *Гольмстен В. В.* Об элементах орнаментации керамики родового общества юга СССР.– Тр. ОИПК ГЭ, т. 1, 1941.

[3] *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Унжи.– МИА, № 22, 1951, с. 129, рис. 12, 18–20.

[4] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.– МИА, № 10, 1949, рис. 20, *11, 12*, рис. 29, *3*.

[5] *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 48, 50, рис. 46, *4*; 25, *10*.

[6] *Китицина Л. С.* Примитивные формы гончарства Костромской области.– СА, 1964, № 3, с. 162.

[7] Там же, рис. 7, *12, 13*.

[8] *Мошинская В. И.* Современное состояние вопроса о южном влиянии на древние культуры севера Западной Сибири – Тр. Омского ун-та, вып. II, 1978.

Что же касается Молдавии, то еще в 1949 г. Г. Д. Смирнов писал о штампах для нанесения орнамента на посуду. Он разделил все штампы на два типа: 1) для оттиска псевдоверевочного и зубчатого рисунка, 2) глиняные и костяные штампы для оттиска различного рисунка из кружков, звездочек и ямочек[9]. Штампы эти происходят с городища Большая Сахарна. Они так и не были опубликованы.

Больше повезло штампам для нанесения зубчатого орнамента. О. Н. Мельниковской при разведках на поселении у с. Цахнауцы был найден глиняный зубчатый штамп в виде головы лошади[10]. А. И. Ме-

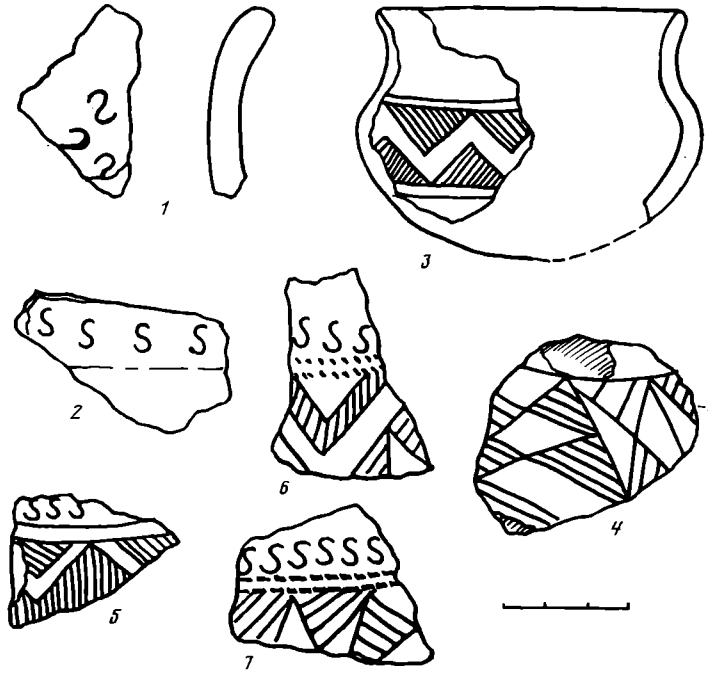


Рис. 2. Варианты орнаментов на сосудах с гетского городища Рудь

люковой на поселении у с. Солончены обнаружены и публиковались костяной и глиняный зубчатые штампы[11]. Ею же упоминаются, но не публикуются костяные и глиняные орудия для нанесения узора в виде зубчиков, буквы S и кружков, которые встречаются на каждом из поселений VIII—VII вв. до н. э.[12] Таким образом, из-за стечения обстоятельств глиняный штамп из окрестностей с. Рудь является первым публикуемым.

Среди керамического материала, найденного на том же памятнике, что и штамп, ближе всего (по характеру глиняной массы и примесей)[13] к нему стоит обломок ручки лощеного оранжевато-коричневого черпачка. Ручка высокая с отростком-упором.

Обычно именно черпачки украшались штампованным орнаментом, хотя иногда он присутствует и на сосудах других форм (см. рис. 2).

Геометрическим орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников в сочетании с оттисками эсовидного и гребенчатого или зубчатого

[9] *Смирнов Г. Д.* Скифское городище и селище «Большая Сахарна».– КСИИМК, XXVI, 1949, с. 93—97.

[10] *Мельниковская О. Н.* Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы.– КСИА АН СССР, № 56, 1954, с. 74, рис. 36, *2*.

[11] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья.– МИА, № 64, 1958, с. 82, рис. 27, *5*; с. 83, рис. 28, *5*.

[12] *Мелюкова А. И.* Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии.– МИА ЮЗ СССР и РНР, 1960, с. 143.

[13] Исследование теста керамики и теста глиняного штампа проведено Э. В. Сайко в лаборатории ИА АН СССР.

штампа, украшены фрагменты сосудов с городища Рудь. Эти фрагменты принадлежат тонкостенным лощеным черпачкам (рис. 2, *3—7*) и горшку со слабоотогнутым венчиком и короткой шейкой (рис. 2, *1*).

Ближе всего по форме, тесту и манере нанесения орнамента фрагменты с городища Рудь стоят к керамике с поселения у с. Солончены [14]. И хотя орнаментацию сосудов этой культуры А. Вульпе, исследователь памятников типа Басараби, сближает с орнаментацией сосудов типа басараби [15], ни форма одноручных чарок с вогнутым дном, ни способ нанесения эсовидного орнамента не представляются идентичными по отношению к сосудам из Солончен и Сахарны.

Как ни парадоксально на первый взгляд, это сопоставление по способу орнаментации сосудов с одной ручкой оттисками эсовидного штампа, наносимых в разном положении и наклоне, оказывается наиболее похожим на способ орнаментации сосудов в далеких от Молдавии областях крито-микенской культуры [16].

Может быть, в пользу этой догадки говорит наблюдение Е. Ф. Покровской, в свое время связавшей глиняный жертвенник из раскопок у с. Жаботин, украшенный по периметру эсовидным волнообразным орнаментом, с подобными сооружениями культур Средиземноморья [17]. Сравнительно недавно ту же точку зрения поддержала М. Чичикова, специально исследовавшая глиняные жертвенники из Севтополиса (в Болгарии) [18], посвященные великим самофракийским богам.

И эсовидная линия, и заштрихованный треугольник известны с глубокой древности. Однако их появление на лощеных черпаках в Молдавии является датирующим признаком и относится, вероятнее всего, к VII—VI вв. до н. э.

---

[14] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени..., с. 78, рис. 24, *14*.

[15] *Vulpe A.* Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien (die Basarabi-Kultur).— Dacia, IX, 1965, Abb. 1, *1*, *2*, *5*; *Петреску-Дымбовица М.* К вопросу о гальштатской культуре в Молдове.— МИА ЮЗ СССР и РНР, 1960, с. 162.

[16] *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950, с. 126, рис. 17, *7*, фото 46, *2*; с. 130, рис. 18, *3*, фото 53.

[17] *Покровская Е. Ф.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин.— КСИА АН УССР, № 12, 1962, с. 75, рис. 2, с. 81.

[18] *Чичикова М.* Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии.— Studia Thracica, I. София, 1975, с. 192.

Г. Ю. ИВАКИН, В. Г. ПУЦКО

ИМПОСТНАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗ КИЕВСКИХ НАХОДОК

Во время раскопок Киевской археологической экспедицией в 1973—1974 гг. в Киеве под Замковой горой на месте строительства нового Житнего рынка удалось расчистить западную стену и юго-западный столб, а затем центральную часть сооружения с двумя столбами и фрагментами северной и южной стен; алтарная часть осталась под проезжей частью Житнеторжской улицы. Это был трехнефный, почти квадратный в плане (21×22 *м* без апсиды) храм, с толщиной стен 2—2,1 *м*. Апсиды боковых нефов были прямоугольные. Материал, использованный при строительстве храма,— разновременный, вторичного использования. В составе этого строительного материала преобладает древнерусский, представленный плинфой, известковым раствором с добавлением цемянки, бутовым камнем, обломками шифера, обтесанными блоками серо-зеленого песчаника. Петрографический анализ показал, что цемяночные растворы и плинфа имеют аналогии среди строительных материалов Десятинной церкви.

Наблюдения над архитектурой постройки и строительными материалами позволили отнести храм к XVI—XVII вв. По сообщению посла австрийского императора Рудольфа II Эриха Лясоты, посетившего Киев в мае 1594 г., на Подоле почти все церкви были деревянными, кроме одной, находившейся на площади [1]. Это хорошо известная Успенская церковь, стоявшая в районе современной Красной площади. На рубеже XVI—XVII вв. на Украине усиливается католическая экспансия, особенно активизировавшаяся после принятия Брестской унии в 1596 г. В это время становится обычным явлением строительство католических костелов. В Киеве доминиканцы, а затем бернардинцы и иезуиты захватывают городские земли и возводят на них костелы, а также доминиканский монастырь. В 1604 г. католический епископ получил от польского короля Сигизмунда III значительную часть Подола, подчинявшуюся с тех пор лишь юрисдикции самого епископа. Это привело к образованию своеобразного города в городе под названием Бискупщина. В это время была ликвидирована православная митрополия, а монастыри и многие киевские храмы были захвачены униатами. Материал развалин древнерусских церквей использовали при строительстве костелов. Разрушение памятников древнерусского зодчества не было случайным и носило ярко выраженный политический характер.

В Киеве в первой половине XVII в., по свидетельству Г. Боплана, католики имели четыре храма: кафедральный, доминиканский на рынке, бернардинский под горой и иезуитский между бернардинами и Днепром [2]. Последние два сооружения были деревянными и сгорели во время пожара 1651 г. Костел доминиканского монастыря и католический кафедральный собор были каменными, и именно одному из этих сооружений принадлежат открытые фундаменты. Николаевский доминиканский монастырь построен около 1610 г. при епископе Криштофе Казимирском (1599—1618) из материала, добытого из руин Борисоглебского храма-мавзолея в Вышгороде. В конце XVII в. он был обращен в православный Петропавловский монастырь, местонахождение которого хорошо известно. Католический кафедральный собор, разрушенный после Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., локализовали различно [3]. По свидетельству главного проповедника доминиканского монастыря Петра Розвидовского, он был построен около 1640 г. на средства Стефана Аксака [4]. На его строительство пошли строительные материалы Мономаховой церкви в Борисполе и (теперь можем добавить) Десятинной церкви. К указанному П. Розвидовским времени, очевидно, были закончены лишь основные строительные работы, о чем можно судить по замечанию посетившего Киев в 1653 г. Павла Алеппского, отметившего, что эта новая изящная церковь не доведена до конца [5]. Строительство католического костела, вероятно, было начато в 1630—1632 гг.

В числе материалов, повторно использованных при строительстве католического кафедрального костела и доставленных с руин Десятинной церкви, уникальной находкой явилась половина мраморной капители, обнаруженная в юго-восточном опорном столбе (рис. 1). Она состояла из

[1] Дневник Эриха Лясоты из Стеблева.– В кн. Мемуары, относящиеся к истории Южной России. (Перевод К. Мельника, под ред. В. Антоновича, вып. 1. Киев). 1890, с. 158.

[2] *Боплан Г.* Описание Украины.– В кн. Мемуары..., вып. 2. Киев, 1896, с. 299.

[3] *Закревский Н.* Описание Киева, т. I. М., 1868, с. 449; *Петров Н. И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, с. 204; *его же.* Новооткрытый альбом видов и рисунков достопримечательностей Киева.– Труды Киевской духовной академии, 1905, № 7, с. 38; *Шероцкий К. В.* Киев (путеводитель). Киев, 1917, с. 187; *Асеев Ю. С.* Древний Киев. М., 1956, с. 95.

[4] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, ч. II. Киев, 1874, с. 103.

[5] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса, вып II. М., 1896, с. 76.

Рис. 1. Фрагмент капители в забутовке пилона католического кафедрального собора в Киеве

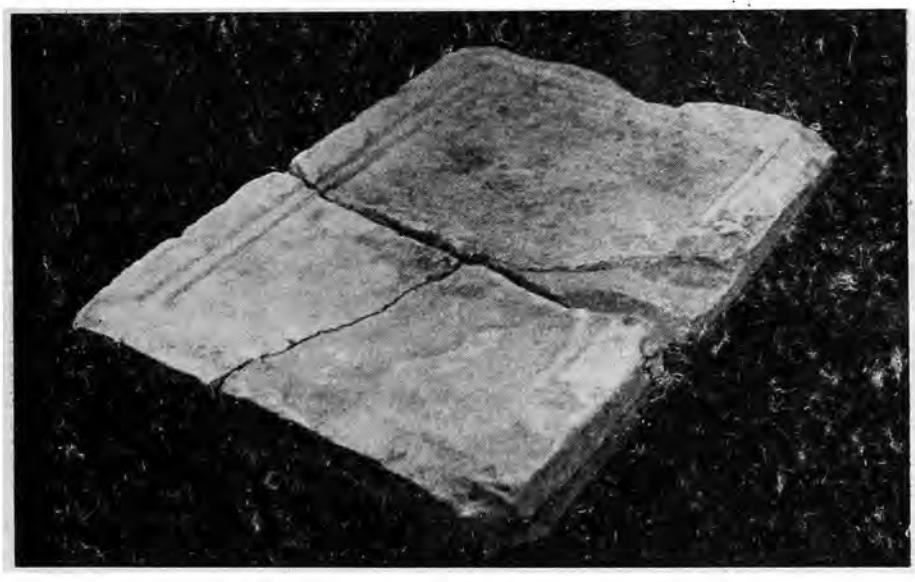


Рис. 2. Капитель из Десятинной церкви (сверху)

двух фрагментов, вмурованных в противоположные углы столба (юго-восточный и северо-западный). После натурного сопоставления со сходным фрагментом капители в лапидарии Софии Киевской оказалось, что оба они являются частями одной импостной капители ионического ордера (рис. 2—5). Фрагмент капители, ныне хранящийся в лапидарии, был найден возле Десятинной церкви в 1948 г. Эта капитель выполнена из белого с синеватыми прожилками проконесского мрамора. Своими размерами она значительно превосходит капители Софийского собора, а также Михайловского Златоверхого монастыря. Высота капители 37 *см*. Верхняя горизонтальная плоскость представляет прямоугольник размером 100×74 *см* и профилирована по периметру двуступенчатой полочкой. Узкие торцовые плоскости скошены под углом 45° и обработаны более грубо, с заметными следами резца. Во всю высоту обеих плоскостей вырезан рельефный крест размером 27×22 *см*, с резко расширяющимися конца-

Рис. 3. Капитель из Десятинной церкви (постельная часть)

ми (рис. 4, 5). Нижняя (постельная) часть капители представляет квадрат размером 46×46 *см* с орнаментальным рельефом на ее боковых плоскостях с мотивом упрощенного типа волют с ионикой между ними, приходящимся под крестами. В центре постельной части находится отверстие, куда был вставлен и запаян металлический штырь для крепления капители к стволу колонны. Судя по размерам постельной части капители, диаметр колонны в верхней ее части должен был равняться примерно 46 *см*.

Хотя эта капитель и принадлежала к числу резных мраморов, использованных в декоре Десятинной церкви, она связана по происхождению с иным временем и географическим районом. Импостные ионические капители широко применялись в византийской архитектуре уже с V в. В Сирии они получили распространение вместе с новой конструкцией аркады, поскольку незначительная плоскость абаки античной капители была мало приспособлена к новой функции — поддерживать пяту арки. Они использовались там, где пята арки была значительно шире диаметра колонны. Подобные капители неоднократно встречаются в херсонесских базиликах [6]. Напоминает киевская находка также импостную капитель с левобережного цимлянского городища, аналогично украшенную крестом с расширяющимися концами [7].

Для подольской находки в Киеве, составившей единое целое с фрагментом лапидария Софии Киевской, можем указать и довольно близкие аналогии. Подобная импостная капитель, выполненная из мрамора, но несколько меньшая по размерам, происходит из раскопок в Херсонесе в 1890-х годах К. К. Костюшко-Валюжинича (рис. 6) [8]. Ее датируют V—VI вв. По отношению к киевской херсонесская капитель имеет лишь то отличие, что поверхность креста не гладкая, а зернистая. Зато почти идентична капитель, вмонтированная в кладку пилястры южной стены пирга св. Саввы в восточной части афонского монастыря Хиландаря

---

[6] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.– МИА, № 63, 1958, с. 140–146; *Домбровский О. И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей.– Сообщ. Херсонесского музея, вып. III, 1963, с. 76–85.

[7] *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, с. 12.

[8] ГИМ, № 33494. Размер 50×60 *см*. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки, вып. 1. М., 1977, № 117.

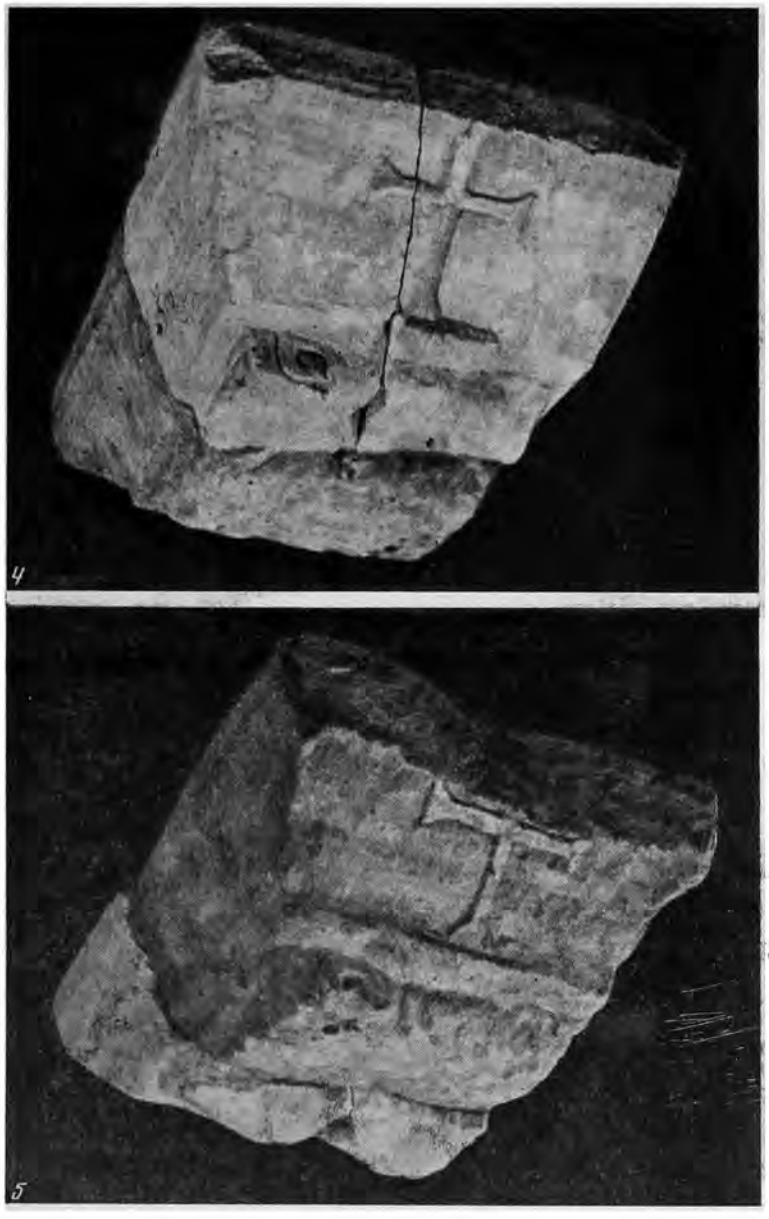


Рис. 4. Капитель из Десятинной церкви (со стороны фрагментов находки на Подоле)

Рис. 5. Капитель из Десятинной церкви (со стороны фрагмента из лапидария Софии Киевской)

(рис. 7) [9]. Аналогичная ионическая импостная капитель, датируемая VI в., украшенная византийским крестом, происходит из Мангалии (Румыния) [10]. Перечень подобных капителей можно продолжить, включив многочисленные находки в городах Средиземноморья, но и так ясно, что изготовление интересующего нас изделия относится ко времени, когда ни о какой постройке грандиозного христианского храма в Киеве не могло быть и речи. По всем типологическим признакам импостная капитель из киевских находок должна быть датирована VI в.— временем, когда широкое храмовое строительство проходит в Херсонесе (рис. 8). Предло-

[9] *Ненадовић С.* Одбрана манастира Хиландара.– Зборник за ликовне уметности, кн. 8. Нови Сад, 1972, с. 105, рис. 2.

[10] Cultura bizantină în România. Bucureşti, 1971, № 36.

Рис. 6. Импостная капитель из раскопок К. К. Костюшко-Валюжинича в Херсонесе

Рис. 7. Импостная капитель в кладке пилястры южной стены пирга св. Саввы в Хиландаре

женную дату подкрепляет и тип креста, характерной чертой которого являются прямые лопасти с резкими расширениями на концах, образующими трапециевидные окончания. Эта форма креста была распространена в ранневизантийский период, до VI в.[11] В более позднее время она понемногу выходит из употребления, уступая место более сложным формам или же существенно изменяя свои пропорции, о чем можно судить по данным византийской нумизматики[12].

Вопрос о происхождении киевских резных мраморов иногда рассматривают как дискуссионный, хотя, как нам представляется, для этого нет оснований. То обстоятельство, что по стилистическим признакам мраморные

---

[11] *Мацулевич Л. А.* Рельеф с цирковыми сценами в Эрмитаже.– Seminarium Kondakovianum, t. II. Praha, 1928, с. 146, 147; *Макаренко М.* Скульптура й різбярство передмонгольских часів.– Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, зб. 1. Київ, 1930, с. 66.

[12] *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I—II. London, 1908.

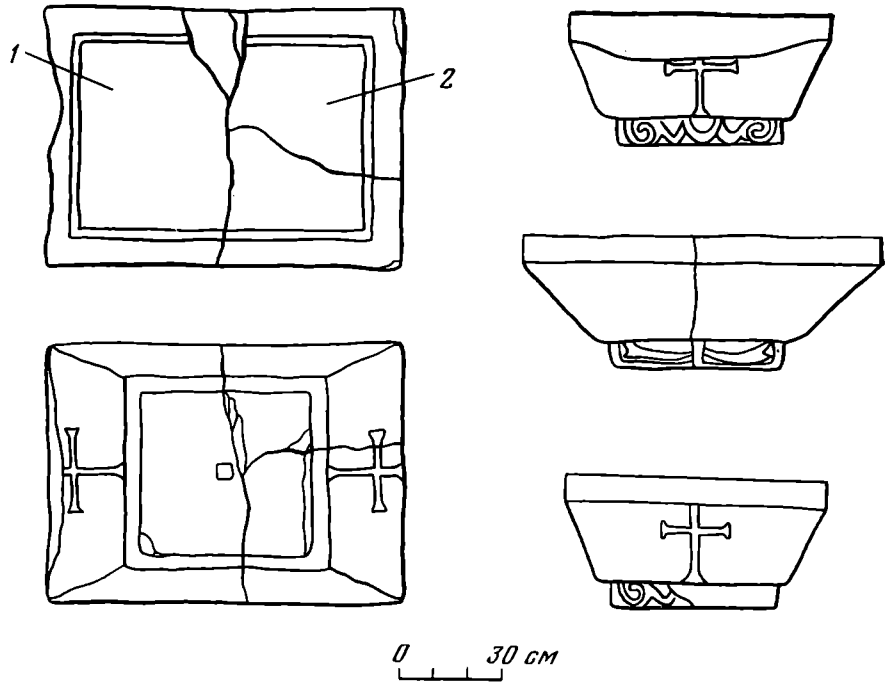


Рис. 8. Импостная капитель из Десятинной церкви (реконструкция)

детали Десятинной церкви и Софии Киевской датируются значительно более ранним временем, чем возведение самих построек, недвусмысленно указывает на повторное использование этих произведений каменной резьбы, и это особенно хорошо иллюстрирует приспособление мраморного рельефа юстиниановского времени для выполнения на оборотной его стороне инкрустации спинки митрополичьего трона [13].

Вопрос о местных киевских подражаниях резным мраморам, привезенным в качестве военной добычи из Херсонеса, пока остается открытым. Обнаруженная при раскопках Десятинной церкви в 1938 г. капитель, выполненная из известняка [14], по своему типу близка мраморной импостной капители из эгинских находок [15], но заметно ей уступает по качеству. Художественная обработка мрамора требовала высокого профессионального мастерства даже в тех случаях, когда изделия просты по своим формам. Хотя капитель из находок 1938 г. выполнена из сравнительно легко обрабатываемого материала, уровень ее исполнения заметно уступает описываемому памятнику. Благодаря такому сопоставлению мы получаем возможность не только оценить искусство обработки проконесского мрамора мастером, изготовившим публикуемую импостную капитель, но и можем видеть первые, еще робкие и неуверенные попытки воспроизведения в камне византийского образца. Отсюда прямая нить тянется к известным киевским рельефам с мифологическими сценами, относящимся к древнейшим памятникам русской каменной скульптуры.

Объем художественного импорта Киева конца X в., частью связанного с херсонесскими трофеями, едва ли мог быть чрезвычайно велик. Вряд ли было велико и количество привезенных мраморов. Но уже то, что Десятинную церковь называли «мраморяной», говорит о декоративной роли этого материала, дошедшего до нас лишь в виде немногих обломков. Именно поэтому каждая новая находка, способная пролить свет на убранство древнейшего русского храма, представляет большой научный интерес.

---

[13] *Пуцко В. Г.* Ранневизантийский рельеф в Софии Киевской.– КСИА АН СССР, № 160, 1979.

[14] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II. М.– Л., 1961, рис. 17.

[15] Alt-Ägina. Bd I., H. 2. Mainz/Rein, 1975, S. 77, Taf. 30, Abb. 165.

В. А. КРИГЕР, Б. Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВ

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У ПОС. РУБЁЖКА И АЛЕБАСТРОВО УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Погребения у пос. Рубёжка Приурального р-на обнаружены на левом берегу р. Рубёжка в 4 *км* юго-западнее поселка близ переправы (I и II «Карашаевские слазы») через речку[1]. У I «Карашаевского слаза» расчищены три погребения, первоначально находившиеся, вероятно, под развеянной насыпью. Погребения 1 и 2 были почти полностью разрушены, по сохранившемуся инвентарю датируются ранним железным веком.

Погребение 3 — позднекочевническое, находилось в 0,3 *м* севернее второго погребения. Могильная яма простая, прямоугольная (рис. 1, *1*) длиной 2,2, шириной 0,95, глубиной 0,95 *м*. Скелет мужчины[2] лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на запад. Череп завален на теменную часть, нижняя челюсть лежала на левой руке у таза. Кисти рук были положены на бедренные кости, ноги перекрещены выше колен. Справа у черепа находилась кость животного и мелкие угольки. Погребенного сопровождал следующий инвентарь. Слева от черепа лежали два фрагмента лепного сосуда с заглаженной поверхностью и остатками орнамента в виде трех небольших круглых углублений-ямок. Обжиг сосуда неравномерный, поверхность светло-коричневая, излом темно-серый (рис. 1, *2*, форма сосуда реконструкции не поддается).

На левом плече лежали железные, сильно корродированные удила без перегиба, с большими круглыми в сечении кольцами (рис. 1, *5*). Здесь же находились обломки железной прямоугольной пряжки с подвижно закрепленным язычком (рис. 1, *4*).

Остальные находки располагались компактной группой слева от скелета рядом с бедренной костью. Это — костяная серединная накладка лука (рис. 1, *7*), бронзовая лировидная пряжка (рис. 1, *6*), остатки железного черешкового ножа (рис. 1, *3*).

Датирующими вещами в данном комплексе являются по существу только удила без перегиба, относящиеся исследователями к XI—XII вв. на территории южнорусских степей[3], и бронзовая пряжка, аналогии которой известны в погребениях IX—X вв. Восточного Казахстана и Алтая, в памятниках сросткинской культуры кимакских племен[4].

Таким образом, погребение у с. Рубёжки мы можем датировать в пределах X—XI вв.

В настоящее время на территории Уральской обл, насчитывается около 20 погребений IX—XI вв., из них всего три — на левобережье р. Урал. Восточные письменные источники помещают в междуречье Урала и Эмбы в это время племена печенегов, огузов и кыпчаков[5].

Пока не представляется возможным определенно отнести каждое погребение к одному из названных племен.

---

[1] О находках костей человека и предметов материальной культуры на дюнах по р. Рубёжка сообщил учитель-краевед средней школы пос. Рубёжка В. А. Безбородников. Отрядом археологической экспедиции Уральского пединститута им. А. С. Пушкина был собран подъемный керамический и кремневый материал и раскопано несколько погребений, разрушающихся ветрами и работами по закреплению песков лесопосадками.

[2] Все антропологические исследования проведены ст. преподавателем Уральского пединститута А. С. Коваленко.

[3] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 20; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.– МИА, 1958, № 62, с. 155, 156.

[4] *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников.– В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, табл. 1, *19*, *41*.

[5] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 43, 47, 56, 67.

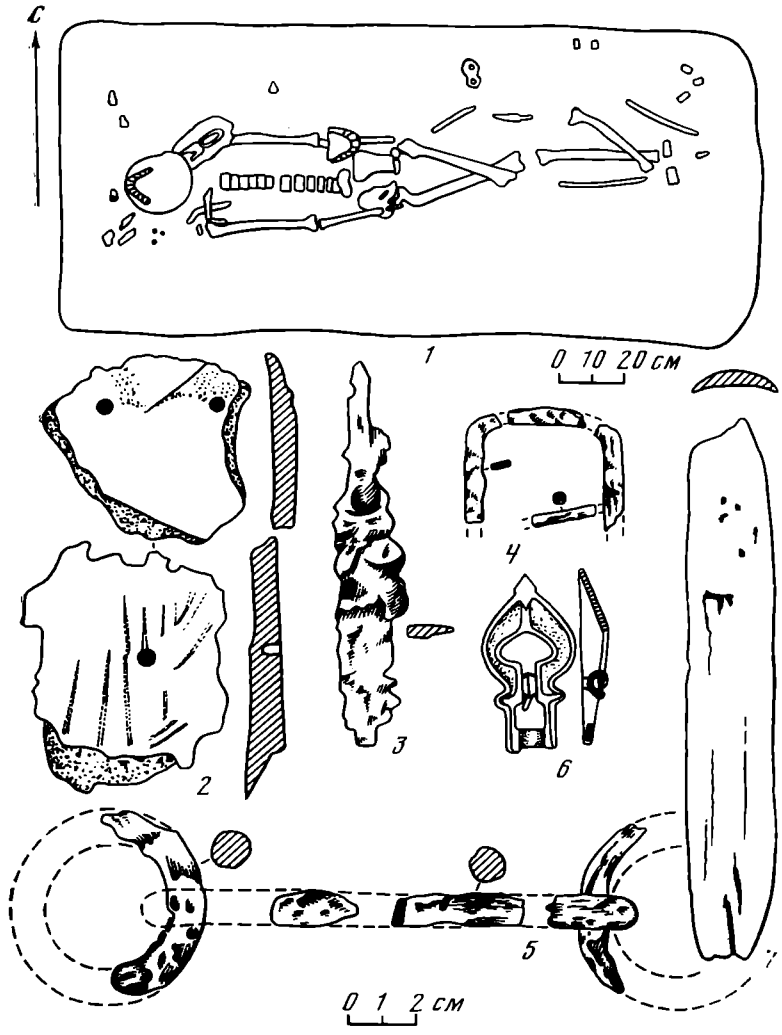


Рис. 1. Погребение у пос. Рубёжка: *1* — план погребения; *2* — фрагменты сосуда; *3* — железный нож; *4* — железная подпружная пряжка; *5* — железные удила; *6* — бронзовая пряжка; *7* — костяная накладка от лука

Могильник II у с. Алебастрово расположен на левом берегу р. Урал на второй надпойменной террасе. Из 19 курганов могильника было раскопано 18 насыпей, т. е. практически он был исследован полностью. Подавляющее большинство погребений датируется эпохой ранних кочевников. Четыре подкурганных погребения (3, 5, 11, 13) — позднекочевнические.

Три из них (3, 5, 11) располагались цепочкой, ориентированной с СЗ на ЮВ среди бессистемно разбросанных курганов раннего железного века. Курган 13 находился северо-восточнее цепочки, в группе из пяти ранних насыпей.

Курган 3 был едва заметен на ровной местности. Его высота 0,45, диаметр 9 *м*. Насыпь кургана состояла из плотной супеси темно-серого цвета с мелкими известняковыми камнями.

В центре кургана на глубине 0,62 *м* обнаружена могила прямоугольной формы (рис. 2, *4*), размером 2,1×0,6×0,91 *м*. Темно-серая засыпь могилы содержала мелкие известняковые камни. На глубине 0,61—0,65 *м* расчищены остатки деревянных плах перекрытия, лежавших поперек ямы (рис. 2, *3*). На плахе в юго-западном конце ямы лежал камень размером 0,17×0,12×0,07 *м*. Перекрытие опиралось на плахи, поставлен-

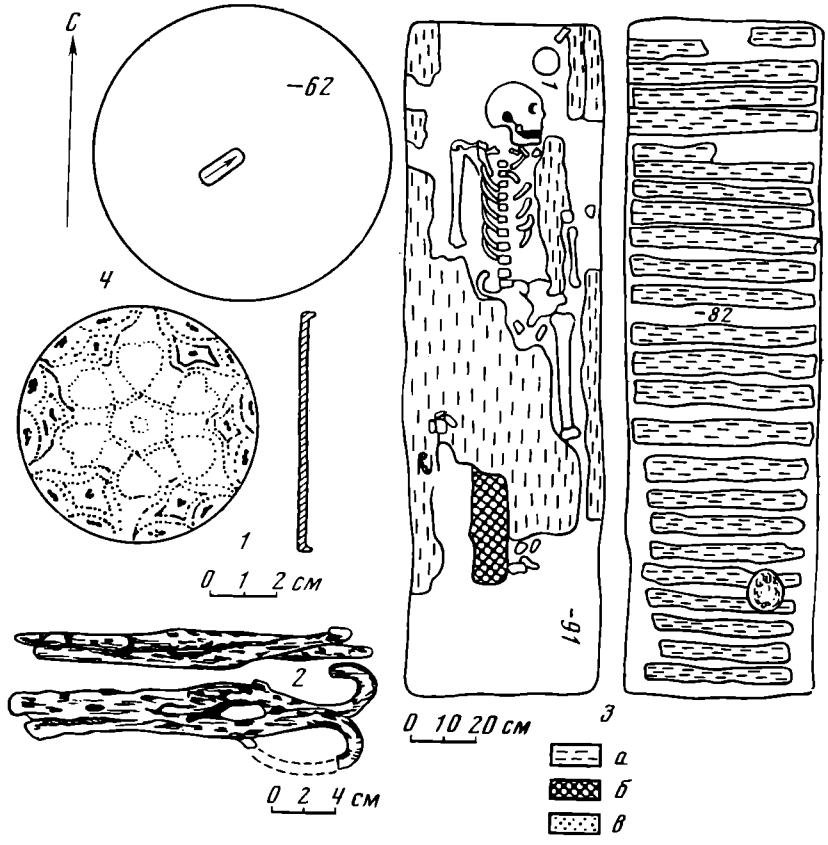


Рис. 2. Курган 3 могильника Алебастрово II: *1* — бронзовое зеркало; *2* — железные ножницы; *3* — план погребения; *4* — план кургана. *а* — дерево; *б* — кожа; *в* — камень

ные на ребро у длинных сторон могилы. Погребение было совершено в гробу, стенки которого сбиты (?) из толстых плах. Судя по остаткам плохо сохранившегося гроба, крышки и дна не было.

Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Череп лежал на левом виске, лицом на юго-восток. Слева за черепом было положено бронзовое зеркало с невысоким (2 *мм*) бортиком по краю и тонким растительным орнаментом в центре (рис. 2, *1*). На правом виске найдена круглая серьга из серебряной проволоки с замкнутыми концами, очень плохой сохранности.

У правого колена на перекрытии обнаружены фрагменты деревянной чаши (диаметр около 0,25 *м*) с невысоким бортиком по краю, рядом — железные шарнирные ножницы в обломках с замкнутыми овальными в плане кольцами (рис. 2, *2*). Курган 5 был окружен неглубоким (0,3—0,4 *м*) ровиком (рис. 3, *4*). Высота насыпи 0,64, диаметр 15 *м*. Под земляной насыпью в центре кургана обнаружена могила, ориентированная длинными сторонами с севера на юг. Размеры ее — 2,2×0,7×1,4 *м*. Вдоль длинных сторон на глубине 0,85 *м* оставлены заплечики шириной 8—10 *см*, на которые опирались поперечные плахи сильно перегнившего перекрытия (рис. 3, *5*). Три плахи были уложены поверх поперечных вдоль ямы.

Погребение совершено в прямоугольном дощатом гробу. К сожалению, реконструировать гроб не представляется возможным из-за плохой сохранности дерева. Однако можно сказать, что он имел дно и крышку из широких продольных досок. Скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на север. Левая рука согнута в локте и отставлена в сторону. Лицевая часть черепа была покрыта парчовой тканью. Остатки

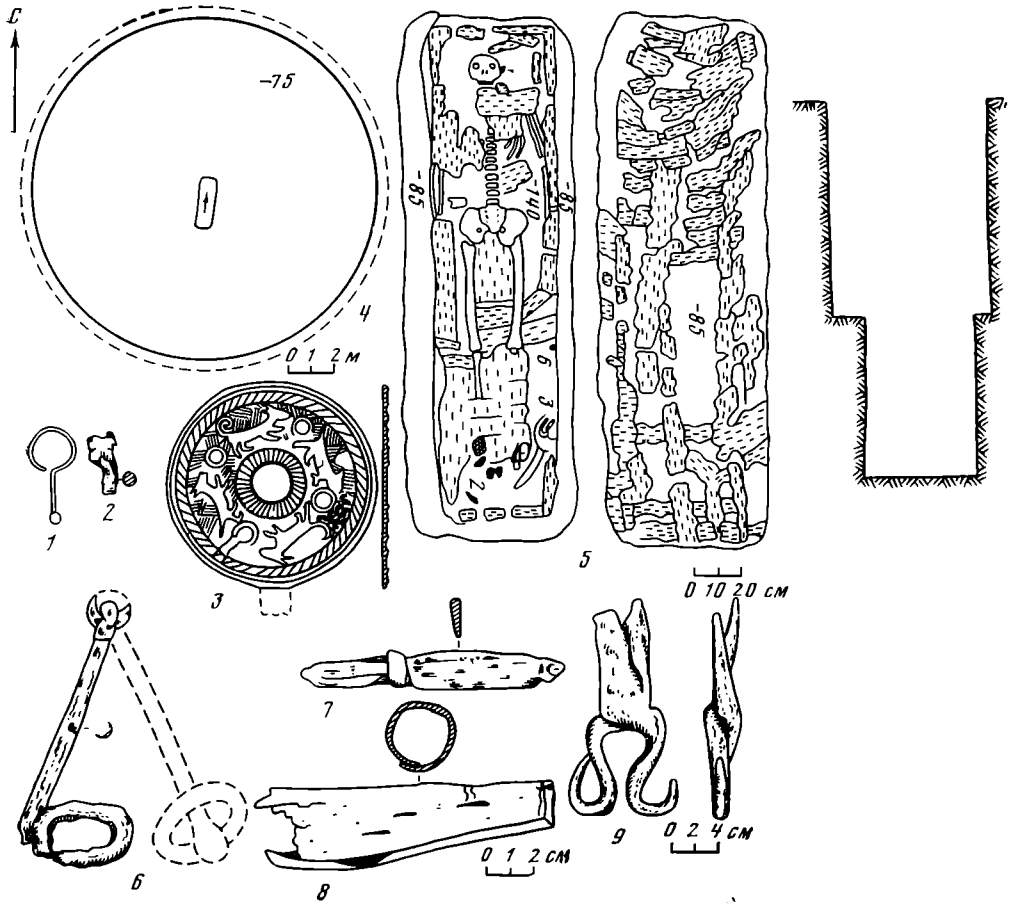


Рис. 3. Курган 5 могильника Алебастрово II: *1* — серьга; *2* — обломок железного предмета; *3* — бронзовое зеркало; *4* — план кургана; *5* — план погребения; *6* — железные удила; *7* — железный нож; *8* — берестяная трубочка; *9* — железные ножницы

ткани сохранились на костях таза и ног, кроме того, у ступней найдены кусочки кожи от сапог. В головах между стенкой могилы и гробом лежала кость барана.

Погребению сопутствовал следующий инвентарь. Слева у черепа бронзовая серьга в виде знака вопроса из круглой в сечении проволоки с напускной крупной жемчужиной на конце (рис. 3, *1*). Здесь же у стенки гроба сшитая берестяная трубочка (чехол для кос, рис. 3, *8*).

В юго-западном углу гроба лежал обломок железного предмета с круглым в сечении черешком, являющийся, очевидно, остатком ножа или шила (рис. 3, *2*).

Между голенью левой ноги и стенкой гроба — обломки железных шарнирных ножниц (рис. 3, *9*), а у левой ступни — железный нож с горбатой спинкой и уступом, отделяющим лезвие от черешка, на который насаживалась деревянная рукоять (рис. 3, *7*). Рядом с ножом обнаружено бронзовое зеркало с бортиком по краю и обломанным ушком для подвешивания (рис. 3, *3*). Зеркало орнаментировано рельефными заштрихованными окружностями по краю и в середине диска. Четыре полусферы разделяют 4 фигурки животных, идущих друг за другом по окружности. Из-за нечеткого изображения определить породу животных очень сложно. Судя по изображению закрученного хвоста у одного из животных, можно предположить, что это собака.

У восточной стенки могилы на уровне левого колена были положены железные удила с крупными кольцами (рис. 3, *6*).

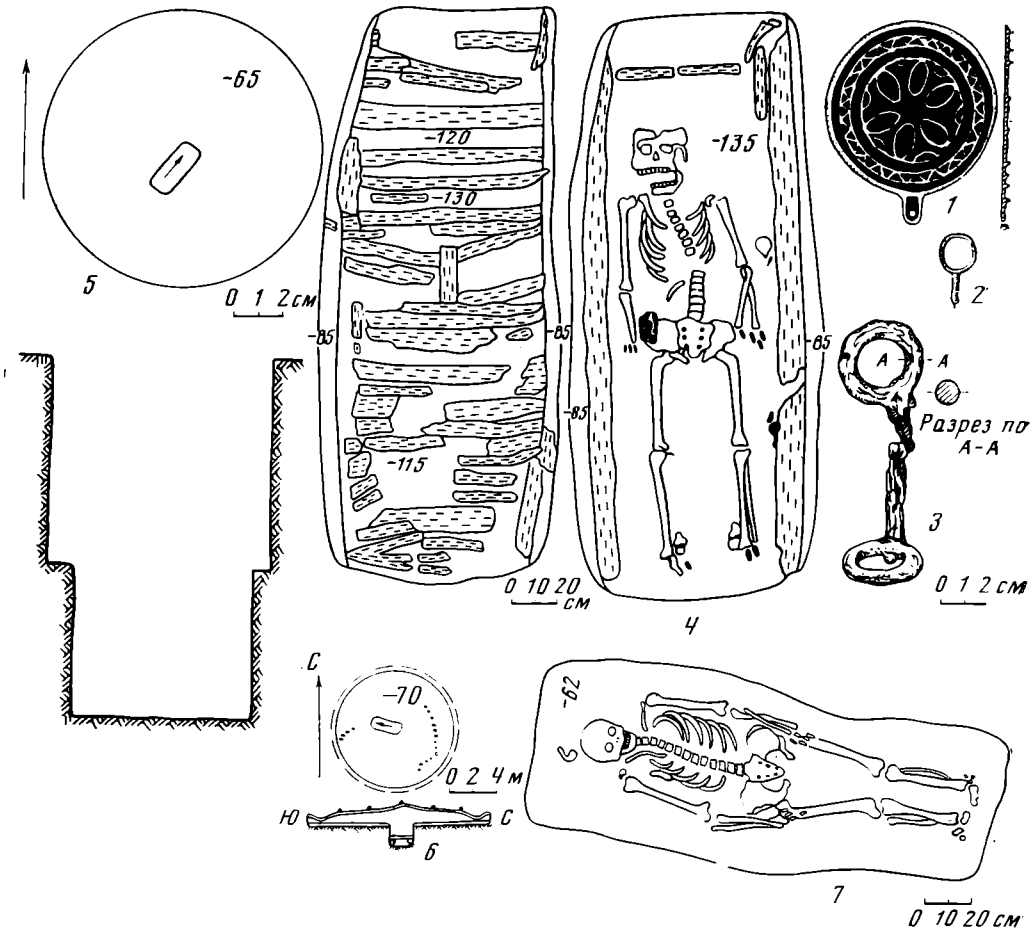


Рис. 4. Курганы 11 и 13 могильника Алебастрово II: *1* — бронзовое зеркало; *2* — серьга; *3* — железные удила; *4* — план погребения; *5* — план кургана 11; *6* — план кургана 13; *7* — план погребения

Курган 11 имел менее расплывчатую по сравнению с другими курганами насыпь. В нем обнаружено одно погребение в центре под насыпью диаметром 12, высотой 0,5 *м* (рис. 4, *5*). Могильная яма прямоугольная, с заплечиками вдоль длинных сторон. Размеры ее — 2,3×1×1,35 *м*. Заплечики шириной 8—10 *см* находятся на глубине 0,85 *м* от древней поверхности. Узкие заплечики не удержали истлевшего перекрытия, сохранилось только несколько фрагментов плах на них (рис. 4, *4*). Перекрытие, обнаруженное на глубине 1,15—1,30 *м*, состояло из поперечных плах и трех плах, положенных вдоль могилы у длинных сторон и посередине.

Под перекрытием обнаружен скелет женщины, лежавшей в гробу вытянуто на спине, головой на северо-восток. Верхняя часть туловища несколько смещена вправо, череп раздавлен. От гроба сохранились две продольные плахи и два куска поперечной плахи. Дно и крышка не выявлены.

Справа у черепа обнаружена бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 4, *2*). Нижний конец стержня обмотан тонкой бронзовой проволокой, бусина крепившаяся на конце, не сохранилась.

У левого локтя погребенной — бронзовое зеркало с ушком (рис. 4, *1*). На зеркале рельефный орнамент из растительных геометрических элементов — треугольников между двумя окружностями и цветка из шести лепестков — в центре.

На правой лопасти таза — берестяная трубочка, вероятно, служившая накосницей. Края свернутой в трубочку бересты были сшиты. Желез-

ные двухсоставные удила находились у северо-восточной стенки близ колена. Одно звено удил несколько длиннее другого (рис. 4, *3*), у ступней обнаружены кусочки кожи от обуви.

Курган 13 имел ровик шириной до 1 и глубиной до 0,3 *м* (рис. 4, *6*). Насыпь представляла собой полусферу диаметром 10 и высотой 0,35 *м*. В насыпи на разной глубине встречались отдельные известняковые камни и щебенка. На глубине 0,7 *м* от нулевой отметки камни небольшого размера образовали полукруг в восточной половине кургана, небольшая цепочка камней продолжала его в западной половине.

Могильная яма расположена в центре кургана и кромлеха. Ориентирована с юго-востока на северо-запад. Ее размеры — 2,5×1,1×0,62 *м* (рис. 4, 7). Деревянное перекрытие лежало на засыпи могилы на глубине 0,4 *м*. На две продольные плахи положены поперечные плахи, под ними закрывала весь костяк широкая (0,3—0,4 *м*) доска. На продольных плахах выдолблены пазы, которые не имели отношения к конструкции перекрытия. Вероятно, для перекрытия были использованы плахи хозяйственного назначения.

Скелет женщины лежал на широкой (0,3 *м*) доске, покрытой органической подстилкой (кошма?), вытянуто на спине, головой на северо-запад — запад. Кисти рук покоились на головках бедренных костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребальный обряд и инвентарь в курганах Алебастрово II отражают близость их хронологическую и этническую [6]. Бронзовые серьги (рис. 3, *1*; 4, *2*) в виде знака вопроса, по мнению С. А. Плетневой и Г. А. Федорова-Давыдова, датируются XIII—XIV вв. и являются характерным предметом половецких (кыпчакских) захоронений [7].

В половецкую эпоху состав погребального инвентаря относительно стандартизируется на всей степной территории Евразии. Одним из распространенных предметов быта у кочевников XV—XIV вв. являются железные шарнирные ножницы с загнутыми в кольцо или полукольцо стержнями (тип II по Г. А. Федорову-Давыдову) [8].

Чрезвычайно характерной чертой для поздних погребений кочевников XIII—XIV вв. является замена захоронения останков коня частями его сбруи (в частности, удилами).

Удила из женских погребений Алебастрово II аналогичны удилам из погребений Ждановского могильника (кург. 5 и 10) в Павлодарском Прииртышье [9]. В Центральном Казахстане такие же удила находятся в погребении первой половины XIV в., датированном монетами [10].

С. А. Плетневой отмечалось, что в погребениях XIII—XIV вв. значительно чаще, чем ранее, находят зеркала, аналогии которым известны в Булгаре [11]. На Булгарском городище обнаружено бронзовое зеркало, по-

---

[6] Аналогичные погребения известны из раскопок на горе Сантас на северной оконечности озера Челкар Уральской обл. См. *Кушаев Г.* Археологические исследования в Западном Казахстане.– АО – 1971. М., 1972, с. 498, 499.

[7] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 176; *ее же.* Древности черных клобуков.– САИ, вып. Е1-19. М., 1973, с. 19; *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч.; см. также: *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.).– В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис. 140, 148; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола.– В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, рис. 2, 7.

[8] *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, табл. 36, *11*, табл. 40, *4*; *Матвеева Г. И., Скарбовенко В. А.* Курганный могильник у с. Гвардейцы. Очерки истории и культуры Поволжья, вып. 3, Куйбышев, 1976, рис. 7, 1; *Арсланова Ф. Х.* Ук. соч., рис. 100, 101.

[9] *Арсланова Ф. Х.* Ук. соч., рис. 47, 51.

[10] *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Ук. соч., рис. 3, *2*.

[11] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 176, 177; см. также *Шнейдштейн Е. В.* Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX–XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар. Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 9.

добное алебастровскому (рис. 3. *3*), но на нем отсутствует изображение животных [12]. В классификации зеркал Г. А. Федорова-Давыдова выделено пять типов с изображением животных, в том числе и собак (типы КI, МI, ОI—ОIII).

Безынвентарное погребение в кургане 13 (рис. 4, *6*, *7*) отнесено к позднекочевническим по аналогии погребального обряда (камни в насыпи, перекрытие, ориентировка и положение костяка). В XV в., как известно, подкурганный способ захоронения исчезает. Отсутствие инвентаря объясняется усилением исламизации кочевников под давлением Золотой Орды, а также увеличением числа обедневших членов общества в результате его феодализации.

---

[12] *Смирнов А. П.* Волжские булгары.– Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, табл. II, рис. 50.

Л. Б. ГМЫРЯ

КУХОННЫЕ ГОРШКИ АНДРЕЙАУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Обломки сероглиняных кухонных горшков являются наиболее массовым и характерным керамическим материалом раннесредневековых городищ и поселений северо-восточного равнинного Дагестана. Несмотря на массовость этих находок, исследователями не была проведена четкая типологическая и хронологическая дифференциация керамики, не выяснено происхождение тех или других форм. Это было связано с тем, что большинство памятников не было достаточно четко стратифицировано. Определенную роль сыграла и кажущаяся однородность керамического материала.

Раскопки последних лет на Андрейаульском городище [1], памятнике с непотревоженными многометровыми культурными напластованиями, выявили огромное количество керамики, разнообразной по форме, способам отделки и орнаментации. Сероглиняные кухонные горшки занимают в этом материале значительное место.

Керамический материал Андрейаульского городища фрагментирован, что усложняет разработку типологии кухонных горшков, и зачастую лишь графическая реконструкция их форм позволяет выяснить их размеры и пропорции. Статистические подсчеты керамики, и в частности кухонных горшков, велись в поле по типам и были затем уточнены и дополнены автором [2].

Разработка типологии и стратиграфии кухонных горшков Андрейаульского городища основана на материалах, полученных из стратиграфического раскопа 3 площадью 96 *м*^{2} (раскопки 1976, 1977 гг.) [3]. Кроме того, были привлечены целые формы горшков из раскопок предыдущих лет (материалы Д. М. Атаева).

Относительная хронология кухонных горшков была выяснена в результате привязки «керамического профиля» к стратиграфии раскопа,

---

[1] *Атаев Д. М.* Отчет о работе археологической экспедиции ИИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3588; *Атаев Д., Абакаров А., Магомедов М., Маммаев М.* Раскопки Андрейаульского городища.– АО – 1967. М., 1968; *Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б.* Работы на Андрейаульском городище.– АО – 1975. М., 1976; *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища.– АО — 1976. М., 1977; *Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б.* Итоги раскопок Андрейаульского городища.– АО – 1977. М., 1978.

[2] Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность М. Г. Магомедову за разрешение использовать неопубликованные материалы его экспедиции.

[3] Раскопки двух лет выявили здесь 20 150 фрагментов кухонных горшков (венчики, стенки, донца, ручки), анализу подверглись 1097 фрагментов крупных обломков (в основном венчиков).

Взаимовстречаемость типов кухонных сосудов в слоях Андрейаульского городища *

	Тип 1						Тип 2		Тип 3		Тип 4		Прочие		Общее колич.
	вид А		вид Б		вид В										
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	
20	1	16,6	–	–	1	16,6	3	50	–	–	1	16,6	–	–	6
40	28	45,1	4	6,4	17	27,4	7	11,3	1	1,6	3	4,8	2	3,2	62
60	28	28,5	5	5,1	36	35,7	18	18,4	4	4,1	5	5,1	2	2,1	98
80	35	40	9	10,2	29	33	5	5,6	–	–	6	6,8	4	4,5	88
100	19	37	3	6	20	40	5	10	–	–	2	4	2	4	51
120	36	40,4	6	6,7	27	30,3	4	4,5	1	1,1	7	7,9	8	9	89
140	19	18,4	11	10,6	36	35	5	4,8	7	6,8	21	20,4	4	3,9	103
160	47	24,6	12	6,3	65	34	22	11,5	3	1,5	36	18,8	6	3,1	191
180	28	23	–	–	37	30,3	6	5	10	8,2	33	27	8	6,5	122
200	18	26,8	2	3,1	19	28,3	4	6	7	10,4	17	25,3	–	–	67
220	19	45,2	3	7,1	4	10	1	2,3	7	16,6	6	14,3	2	4,7	42
240	15	26,8	1	1,8	10	18	1	1,8	8	14,3	16	28,6	5	8	56
260	3	8,3	1	3	2	5,5	1	3	12	33,3	12	33,3	5	13,3	36
280	1	1,7	–	–	–	–	1	1,7	24	42	28	50	3	5	57
300									4	25	9	56,2	3	19	16
320											10				10
340									3						3
Общее колич.	297		57		303		83		91		212		54		1097

* Цифры в крайней левой колонке — глубина в см.

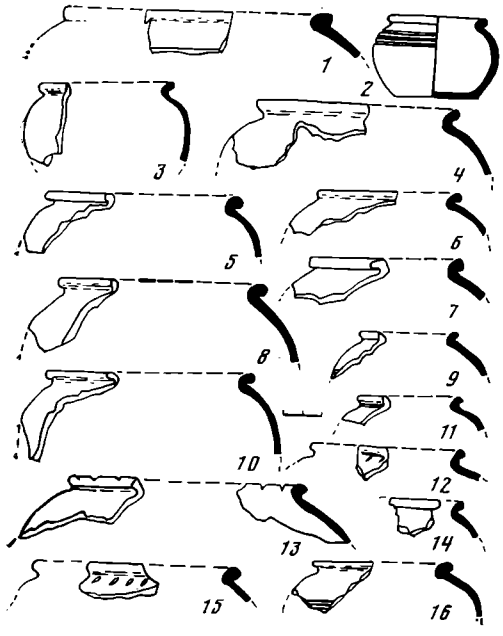


Рис. 1. Андрейаульское городище. Кухонные горшки (тип 1, вид А)

что позволило произвести довольно четкое хронологическое разделение керамического материала. Результаты этой работы отражены в таблице, составленной по слоям, и графиках.

Нами выделены четыре основных типа кухонных горшков: 1 — горшки с загнутым наружу (каплевидным) венчиком; 2 — горшки с желобком для крышки; 3 — горшки с очень высоким, отогнутым наружу венчиком; 4 — горшки с отогнутым наружу пухлым венчиком.

Тип 1. Кухонные горшки шаровидной или яйцевидной формы с отогнутым наружу и загнутым в виде валика венчиком (каплевидный венчик). Поверхность этих горшков в основном серого (всех оттенков) цвета, иногда с желтоватыми пятнами; почти всегда закопчена. Сосуды изнутри и снаружи хорошо заглаживались, черепок в изломе серого цвета, а при недостаточном обжиге — желтоватый. У всех горшков типа 1 тесто грубое, с обязательной добавкой большого количества толченой ракушки, часто проступающей на поверхности сосуда, реже в тесто добавляли песок или битую керамику. Горшки этого типа — круговые, украшались в широкой части тулова рядами резных горизонтальных желобков (рис. 1, *2*, *16*; рис. 2, *2*, *8*; рис. 3, *3*, *5*), иногда ими покрывалось все тулово сосуда. Реже кухонные горшки типа 1 орнаментировались косыми насечками, наносившимися на венчик (рис. 1, *13*) или же непосредственно на тулово сосуда, под венчиком (рис. 1, *12*, *15*; рис. 2, *9*).

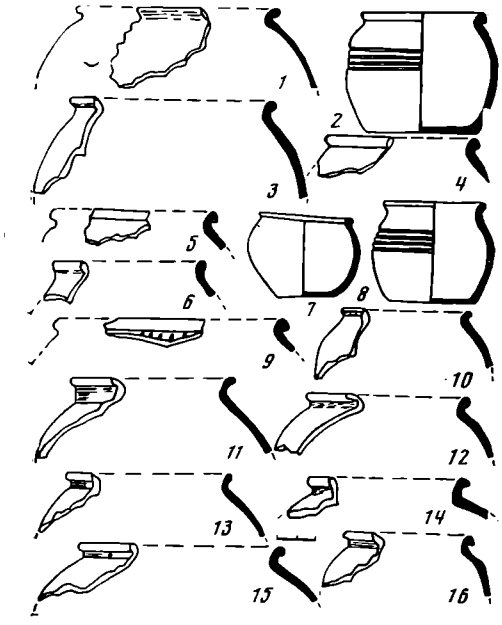


Рис. 2. Андрейаульское городище. Кухонные горшки. *1—10* — тип 1, вид Б; *11—16* — тип 1, вид В

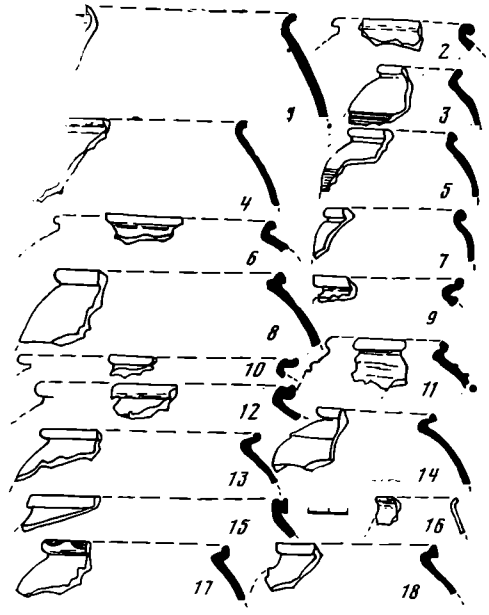


Рис. 3. Андрейаульское городище. Кухонные горшки. *1—7* — тип 1, вид В; *8—18* — тип 2

Некоторые отличия в форме тулова горшков позволяют выделить среди них отдельные виды.

Вид А. Шаровидные горшки без шейки с сильно загнутым наружу каплевидным венчиком, посаженным непосредственно на тулово сосуда (рис. 1, *1—16*). Горшки этого вида сильно профилированы[4] ($d_3 : d_2 = 1,4$), диаметры венчиков различные ($d_1 = 12—28,8$ *см*), встречены и очень маленькие горшочки ($d_1 = 10$ *см*) (рис. 1, *2, 9, 11*). Целый экземпляр горшка вида А позволяет выяснить основные пропорции тулова (рис. 1, *2*). Это приземистый горшок ($H : h_1 = 1,8$) с крутыми плечиками, округлым туловом, переходящим к широкому плоскому дну ($d_4 : d_3 = 0,65$). Диаметр отверстия сосуда почти одинакового размера с диаметром донца ($d_2 : d_4 = 1,06$). В верхней части тулова сосуд украшен тремя рядами горизонтальных желобков.

Вид Б. Горшки этого вида отличаются от вышеописанных слабо выраженными плечиками, но они так же, как и горшки вида А, без шейки, с каплевидным венчиком, посаженным непосредственно на тулово сосуда (рис. 2, *1—10*). Размеры горшков вида Б средние ($d_1 = 12—19$ *см*), но некоторые горшки больших диаметров ($d_1 = 24,8$ *см*), есть и совсем маленькие горшочки ($d_1 = 9,2—10,2$ *см*) (рис. 2, *7, 8*). Наличие трех целых экземпляров горшков этого вида дает представление о форме и основных пропорциях их тулова (рис. 2, *2, 7, 8*). Это приземистые ($H : h_1 = 2$) слабо профилированные горшки ($d_3 : d_2 = 1,3$) со слегка расширяющимся туловом, плавно переходящим к довольно широкому плоскому дну ($d_4 : d_3 = 0,7$). Размеры отверстия сосудов и донцев почти одинаковые ($d_2 : d_4 = 1,04—1,08$). Сосуды украшены рядами горизонтальных желобков, расположенных в верхней части тулова (выше наибольшего расширения). Один из горшков лепной, небрежно выделанный, с асимметричным туловом (рис. 2, *7*).

Вид В. Горшки этого вида такой же формы, как и предыдущие (рис. 2, *11—16*; рис. 3, *1—7*). Главное их отличие — хорошо выраженная шейка, поэтому и венчик приподнят над туловом, а не лежит на нем, что наблюдалось у горшков вида А и Б. Высота шейки различная (от едва намеченной до довольно высокой — 1,6 *см*). Горшки вида В в основном крупные ($d_1 = 17—28$ *см*), часть горшков средней величины ($d_1 = 13—16,5$ *см*), однако встречаются горшки этого вида и с маленьким диаметром венчика ($d_1 = 8,4—10,8$ *см*) (рис. 3, *3, 5*). К сожалению, мы не располагаем целым экземпляром горшка вида А, но пропорции тулова, судя по крупным обломкам, такие же, как у горшков первых двух видов ($d_3 : d_2 = 1,4—1,6$).

Тип 2. Горшки типа 2 шаровидной или яйцевидной формы, с желобком для крышки на внутренней стороне округлого венчика. Желобок образован сильным отгибом наружу (иногда до горизонтального положения) венчика (рис. 3, *8—18*). В основном горшки этого типа крупные ($d_1 = 18—32$ *см*), но встречаются также горшки небольших размеров ($d_1 = 11,2—17,6$ *см*) и совсем маленькие горшочки ($d_1 = 8$ *см*). Все горшки с желобками для крышки (тип 2) сформованы на круге, внешняя поверхность их светло-серого цвета (иногда с желтоватыми пятнами), горшки снаружи часто закопчены. Внешняя и внутренняя поверхность горшков типа 2 хорошо заглаживалась, черепок с вкраплениями толченой ракушки, в изломе серого цвета, реже желтоватый. Очень редко горшки украшались по краю венчика пальцевыми вмятинами (рис. 3, *17*) или же штампом, образованным короткими косыми углублениями. Тулово некоторых горшков украшено очень тонкими рельефными валиками, об-

---

[4] Для обозначения основных промеров горшков вводятся следующие индексы: d_1 – диаметр венчика, d_2 – диаметр отверстия, d_3 – диаметр наибольшего расширения тулова, d_4 – диаметр дна, H – высота сосуда, h_1 – высота наибольшего расширения тулова, h_2 – высота венчика.

разованными из излишков глины во время заглаживания внешней поверхности сосуда (рис. 3, *11, 14*).

Тип 3. Высокий прямой венчик (h_2=1,7—3 *см*), слабо отогнутый наружу ($d_2 : d_1$=0,86—0,97), отличает горшки типа 3 от кухонных горшков других форм (рис. 4, *1—12*). Наблюдается некоторая зависимость высоты венчика от диаметра отверстия сосуда, отношения их сохраняются в определенных пределах ($h_2 : d_2$=0,11—0,16), исключение составляют неко-

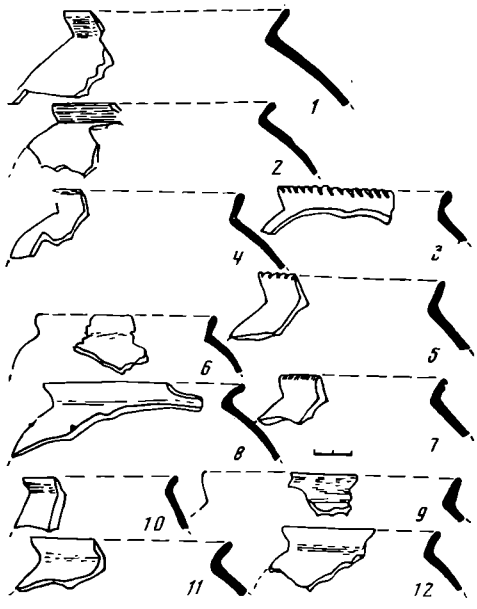


Рис. 4. Андрейаульское городище. Кухонные горшки (тип 3)

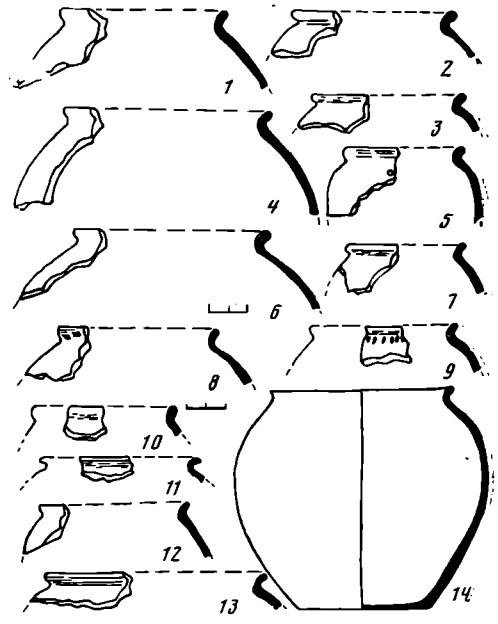


Рис. 5. Андрейаульское городище. Кухонные горшки (тип 4)

торые горшки, у которых эти отношения равны 0,07—0,08. Венчик этих сосудов лепился отдельно, а затем примазывался к тулову (на внутренней поверхности сосуда часто видны следы примазки венчика).

Раскопки не дали целых экземпляров этих сосудов, но, судя по крупным обломкам, это были лепные горшки, слегка подправленные, яйцевидной формы, со слабо профилированным туловом ($d_3 : d_2$=1,4) и крутыми плечиками. Внешняя поверхность горшков с высоким венчиком (тип 3) светло-серая, хорошо заглаженная. Черепок звонкий, в изломе светло-серый, с вкраплениями ракушки, иногда кварца и песка. Некоторые экземпляры снаружи закопчены.

Горшки этого типа редко украшались косыми насечками по краю венчика или косыми вмятинами, выполненными, по-видимому, штампом (рис. 4, *3, 5, 7*).

Тип 4. Слабо профилированные горшки ($d_3 : d_2$=1,4) типа 4 имеют вытянутое, яйцевидной формы тулово ($H : h_1$=1,7), резко переходящее к довольно узкому плоскому дну ($d_4 : d_3$=0,52) (рис. 5, *1—14*). Относительно короткий ($h_2 : d_2$=0,04—0,1) округлый пухлый венчик слабо отогнут наружу ($d_2 : d_1$=0,88—0,98). Серая (иногда буроватая) поверхность горшков небрежно заглажена, она почти всегда закопчена. Тесто очень грубое, слоистое, с обильным включением толченой ракушки. Добавки ракушки в тесте бывают настолько значительными, что выступающие на поверхности фрагменты битой ракушки придают сосуду своеобразный цвет (в крапинку). Сосуды этого типа, вероятно, служили рядовой кухонной посудой, поэтому в очень редких случаях они украшались косыми насечками, наносившимися по краю венчика или на тулово, под венчиком (рис. 5, *9*).

На донцах кухонных горшков хорошо сохраняются следы выделки на гончарном круге [5]. Стратиграфическое расчленение донец лепных и круговых кухонных горшков позволяет говорить о том, что хотя гончарный круг употреблялся во всех периодах жизни города, однако больше всего сосудов (64,6%) стало изготовляться с его помощью лишь на заключительном этапе [6] (рис. 6).

Перейдем к вопросу о стратиграфии различных типов кухонных горшков.

Кухонные горшки с каплевидным венчиком (тип 1, виды А, Б, В) встречены во всех слоях городища, но больше всего их в верхнем и среднем слое (рис. 7, таблица).

Шаровидные горшки (тип 1, вид А) в среднем слое составляют 38,1% от общего количества горшков этого типа, выявленных на раскопе, но наиболее массовое их употребление приходится на заключительный этап бытования городища (в третьем слое их 60,4%). Горшки этого вида были одной из наиболее излюбленных форм кухонной посуды (среди других типов горшков в среднем слое они составляют 25,6%, а в верхнем слое — 33%).

Горшки со слабо выраженными плечиками (тип 1, вид Б), видимо, очень редко употреблялись в хозяйстве жителей Андрейаульского городища (в среднем слое среди других форм они составляют 5,7%, а в верхнем слое — 5,5%).

Горшки с высокой шейкой (тип 1, вид В) так же, как и горшки вида А, наиболее типичны для средних (24%) и особенно верхних слоев городища (34, 6%).

Горшки с желобком для крышки (тип 2) — мало типичная форма для городища (в среднем слое среди других форм они составляют 6%, в верхнем слое их становится больше, но они едва превышают 10%).

Обломки горшков с высоким венчиком (тип 3) встречены во всех слоях городища (рис. 7, таблица), если же сравнить их с числом других типов горшков, то выясняется, что эта форма горшка была одной из употребительных только на раннем этапе бытования городища (30%). Наиболее массовой находкой на городище являются обломки горшков с пухлым слабо отогнутым венчиком (тип 4). Больше всего их найдено в среднем слое городища (49,5%), однако по сравнению с другими типами горшков горшки типа 4 были ведущей формой в нижнем слое городища (45,5%). В среднем слое их количество уменьшается, но они все еще одна из ведущих форм (24%).

В слоях городища встречены обломки и других типов кухонных горшков, однако в силу их незначительного количества выяснение стратиграфии и типологии их мы считаем преждевременным [7].

Стратиграфическое расчленение кухонных горшков выявило довольно четкую картину употребления тех или иных форм в различные периоды жизни городища. Прежде всего выяснилось, что горшки для варки пищи употреблялись на всем протяжении бытования городища, изменялась лишь их форма, а также соотношение типов.

Нижний слой городища (I—III в. н. э.) характеризуется горшками с отогнутым венчиком (тип 3, 4), причем горшки с отогнутым пухлым венчиком (тип 4) являются наиболее стабильной формой кухонной посуды. Горшки этих двух типов почти не имеют себе аналогий на других средневековых памятниках Дагестана и сопредельных областей [8].

---

[5] Анализу подверглись 1015 целых экземпляров и фрагментов донцев.

[6] При вычислении процента сравнивалась взаимовстречаемость лепных и круговых донцев по глубинам (для каждых 20 *см*) и по слоям (для каждого слоя отдельно).

[7] При вычислении процента взаимовстречаемости кухонных горшков в слое (рис. 7, табл. 1) их количество учитывалось.

[8] Горшки типа 4 представлены в основном в материалах Бавтугайского поселения. *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 году.—

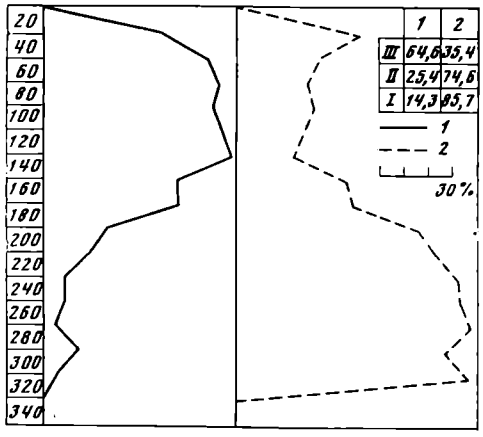


Рис. 6

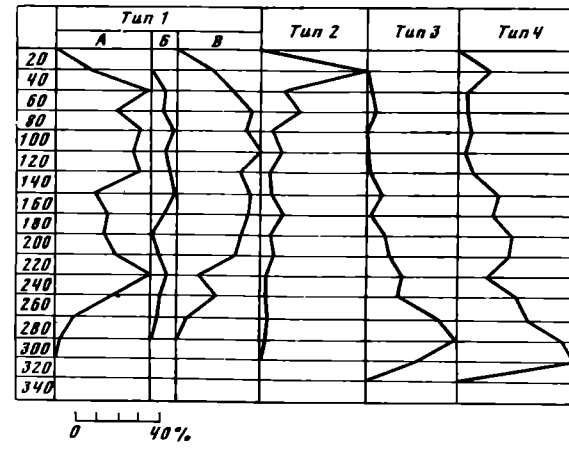


Рис. 7

Рис. 6. Взаимовстречаемость донцев лепных и круговых кухонных горшков в слоях Андрейаульского городища (%). I — нижний слой; II — средний слой; III — верхний слой. Цифры слева — глубина (*см*); *1* — донца круговых горшков; *2* — донца лепных горшков

Рис. 7. Соотношение типов кухонных горшков в слоях Андрейаульского городища (%). Цифры слева — глубина (*см*)

В среднем слое (IV— VI в. н. э.) наряду с известными формами начинают употребляться и новые (тип 1, 2), которые на заключительном этапе (VII—VIII вв. н. э.) становятся ведущей формой, что привело к исчезновению бытовавших ранее типов горшков (тип 3). Интересно отметить, что манера загибать край изделия в виде валика распространилась в третьем периоде и на некоторые типы столовой посуды (миски).

Горшки с каплевидным венчиком (тип 1) [9] и с желобком для крышки (тип 2) [10] — наиболее характерная находка на раннесредневековых памятниках Терско-Сулакского междуречья, встречаются они и среди керамических материалов средневековых городов южного Дагестана [11]. В последующую эпоху эти формы кухонных горшков получают широкое распространение на памятниках салтово-маяцкой культуры [12].

Таким образом, в период бытования Андрейаульского городища с развитием отдельных типов горшков происходила и периодическая их смена. Изменение формы венчика горшка, широкое применение валиков и горизонтальных желобков в качестве орнаментальных элементов может свидетельствовать о хронологической модификации типов, но вполне вероятно, это говорит и о частичной смене населения городища. Последнее более вероятно, так как формы кухонных горшков, бытовавшие во втором и третьем периодах Андрейаульского городища и получившие широкое

Архив ИА АН СССР, р-1, № 1531, табл. 25; 1958 г., р-1, № 1838, рис. 29; *Путинцева Н. Д.* Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 1842а, рис. 7, *1*; 14, *2*; 17, *1*, *7*.

[9] *Пикуль М. И.* Ук. отчет за 1957 г., табл. 24, *1*, *2*; табл. 25; 1958 г., рис. 29; *Путинцева Н. Д.* Ук. отчет за 1959 г., рис. 8, *1*; 10, *9*; 16, *3*; *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1969 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 3937а, рис. 4, 6, 13; 1972 г., р-1, № 4706а, рис. 30, 58, 63, 69, 79; *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.– МАД, 1974, т. 5, с. 148.

[10] *Пикуль М. И.* Ук. отчет за 1957 г., табл. 25; 1958 г., рис. 29; *Магомедов М. Г.* Ук. отчет за 1969 г., рис. 6, 13; 1972 г., рис. 58, 63; *Гадло А. В.* Новые материалы..., рис. 35, *1*, *2*, *6*, *7*.

[11] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Канд. дис. М., 1971.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2065а, рис. 14, *5*, *6*; 15, *1*.

[12] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, рис. 25.

распространение в синхронных памятниках Терско-Сулакского междуречья, совершенно не представлены среди материалов памятников Дагестана предшествующей эпохи.

Не противоречит этому предположению и сложная политическая обстановка, сложившаяся в Дагестане в эпоху раннего средневековья, когда в период с IV по VIII в. н. э. в равнинном Дагестане осели многочисленные сначала гуннские, а затем хазарские племена [13], несомненно оказавшие свое влияние на многие стороны жизни аборигенного населения.

---

[13] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

В. А. БУРОВ

НОВГОРОДСКИЕ АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ XIV—XV ВВ. И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ УСАДЕБ

(по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг. Опыт сопоставления)

В определении социальной принадлежности владельцев раскопанных усадеб древнего Новгорода берестяным грамотам отводится роль важнейшего источника [1]. Но этот источник не единственный. Многочисленные другие археологические находки, в частности актовые печати, заключают в себе не менее емкую информацию о социальной принадлежности владельцев усадеб и могут проверить, дополнить и уточнить выводы, полученные на основании изучения текстов берестяных грамот. Чтобы убедиться в этом, обратимся непосредственно к буллам, найденным на Неревском раскопе (1951—1962 гг.) в слоях XIV—XV вв., на усадьбах перекрестка Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц — см. таблицу [2]. Задача в значительной степени облегчается тем, что новгородские печати получили свою атрибуцию [3], а социальный состав владельцев усадеб XIV—XV вв. этого участка Новгорода известен довольно подробно [4]. Остается лишь сопоставить данные берестяных грамот и сфрагистики.

Буллы владычных наместников. Их найдено 12 экз. 9 из них происходит с усадеб крупных бояр-землевладельцев; пять булл обнаружено на усадьбах Д, И бояр Мишиничей-Онцифоровичей (№ 478,2; 486,5; 486,3; 492,5; 495,3) [5]; две печати — на усадьбе А в слоях 7-го и 5-го ярусов, когда здесь жили какой-то феодал и семья боярина Бориса (№ 537; 515,5); еще две буллы — на дворе К посадника Василия Никитича в слое 4-го яруса (№ 496; 505,2). Такое распределение печатей неслучайно, поскольку печати владычных наместников прикреплялись к документам, фиксировавшим разного рода поземельные сделки [6]. Следовательно, на-

---

[1] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965.

[2] Таблица составлена на основе свода новгородских булл XIII—XV вв. из монографии В. Л. Янина (см. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, с. 156—234) и поквадратного плана Неревского раскопа, приведенного в книге Б. А. Колчина (*Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, с. 8, рис. 2, *А*, *Б*). Кроме того, использовались также чертежи раскопа, хранящиеся в архиве Института археологии АН СССР.

[3] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 2.

[4] *Буров В. А.* Соседи бояр Мишиничей-Онцифоровичей по Холопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV—XV вв.).— СА, 1979, № 3.

[5] Номера печатей приводятся по монографии В. Л. Янина (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1—2).

[6] Там же, т. 2, с. 51—87.

Печати XIV–XV вв. Неревского раскопа 1951–1962 гг.

Усадьба	Ярус	Дендрохронологическая дата	№ печатей	Атрибуция печатей	Кв.
А	7	1382–1396 гг.	537	Булла владычного наместника Саввы	139
	5	1409–1422 гг.	515,5	Анонимная булла новгородского владычного наместника	73
			710,2	«Новгородская печать» Совета господ	166
			736,2	«Печать Великого Новгорода» Совета господ	124
Б	8	1369–1382 гг.	577	Булла владычного круга	274
	5–4	1409–1429 гг.	674	Булла двинского посадника Данилы Матвеевича	1006
	4	1422–1429 гг.	686	Булла Семена Давыдовича	229
			725	«Печать Великого Новгорода» Совета господ	49
В	7	1382–1396 гг.	587	Булла новгородского посадника Василия Федоровича (1384–1392 гг.)	266
	5	1409–1422 гг.	425,2	Булла князя Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.)	323
	4	1422–1429 гг.	426,2	Булла князя Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.)	332
Г	–	–	–	–	–
Д	9	1340–1369 гг.	478,2	Анонимная булла новгородского владычного наместника	667
	7	1382–1396 гг.	486,5	Анонимная булла новгородского владычного наместника	706
	4	1422–1429 гг.	678	Булла двинского посадника Родиона Юрьевича	605
Е	6	1396–1409 гг.	690	Булла Анания Константиновича (новгородского тысяцкого) без обозначения должности	1335
	6–5	1396–1422 гг.	676	Булла двинского посадника Кирилла Дмитриевича	993
	5–4	1409–1429 гг.	715	«Новгородская печать» Совета господ	1004

Продолжение

Усадьба	Ярус	Дендрохронологическая дата	№ печатей	Атрибуция печатей	Кв.
И	10	1313–1340 гг.	440,2	Булла княжеского тиуна Андрея	1589
	9	1340–1369 гг.	464	Булла новгородского архиепископа Моисея (1326–1330 гг., 1352–1359 гг.)	1548
	8–7	1369–1396 гг.	486,3	Анонимная булла новгородского владычного наместника	1568
	6–5	1396–1422 гг.	492,5	Анонимная булла новгородского владычного наместника	1907
	3	1429–1446 гг.	735,3	«Печать Великого Новгорода» Совета господ	1548
	2	1446–1462 гг.	495,3	Анонимная булла новгородского владычного наместника	1923
К	10	1313–1340 гг.	671,1	Булла тысяцкого Кондрата (XIII в.)	1274
	6	1396–1409 гг.	492,4	Анонимная булла новгородского владычного наместника	1306
	5	1409–1422 гг.	486,6	Анонимная булла новгородского владычного наместника	1311
	4	1422–1429 гг.	496 505,2	Анонимная булла новгородского владычного наместника Анонимная булла новгородского владычного наместника	1196 1296
Л	–	–	–	–	–
Выброс	5	1409–1422 гг.	613	Анонимная булла новгородского тысяцкого	91–170
	?	?	574	Булла владычного круга	?
	?	?	735,2	«Печать Великого Новгорода» Совета господ	?
Мостовая	3	1429–1446 гг.	514,1	Анонимная булла новгородского владычного наместника	243

ходка булл данного типа четко указывает на принадлежность двора землевладельцу.

Этот вывод позволяет определить социальную принадлежность хозяев ряда дворов, о которых ничего неизвестно по данным берестяных грамот,— усадьбы Б времени 8-го яруса и усадьбы К времени 6—5-го ярусов. С первого двора происходит печать № 577, со второго — буллы № 486,6 и 492,4. Видимо, двор Б после смерти знатного боярина Есифа Давыдовича (10—9-е ярусы) и до времени, когда здесь жил феодал, занимавший важную должность в республиканском аппарате (7-й ярус), тоже принадлежал землевладельцу, скорее всего потомкам Есифа. То же самое можно сказать и о дворе К в промежутке времени между жительством здесь (7-й ярус) боярина Афанасия Онцифоровича (?) и посадника Василия Никитича (4—3-й ярусы).

Буллы двинских посадников[7] зафиксированы на трех усадьбах (Б, Д. Е). Первая принадлежала феодалам Фоме и Есифу (№ 674), два других двора — Мишиничам-Онцифоровичам (№ 676, 678). Можно предполагать, что находки булл двинских посадников указывают в первую очередь на связь владельцев дворов Б, Д, И с Двиной, где, вероятнее всего, находились их владения. Примечательно, что грамота № 1 из переписки Фомы перечисляет оброк пушниной, а, по сообщению летописи, Лука Варфоломеевич в 1342 г. предпринял поход на Двину и поставил там крепость Орлец[8]. По мнению В. Н. Бернадского, этот факт говорит о том, что Мишиничи были, бесспорно, связаны с северо-восточными волостями[9].

Булла новгородского архиепископа. Найдена в одном экземпляре на дворе И в слое 9-го яруса, где в это время жил поп,— № 464. В. Л. Янин отмечает, что печати новгородских владык употреблялись очень редко и прикреплялись к документам общегосударственного, политического характера и, вероятно, при актах внутрицерковного назначения[10]. В данном случае печать найдена на усадьбе клирика и, очевидно, имела внутрицерковное применение.

Буллы новгородского Совета господ с надписями «Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода» происходят все без исключения с усадеб крупных феодалов-землевладельцев: Онцифоровичей (дворы Е, И — № 715, 735,3), Ивана Борисовича (двор А — № 710,2 и 736,2), Фомы и Есифа (двор Б — № 725). Время их появления — 5-й ярус (1409—1422 гг.). По мнению В. Л. Янина, возникновение данного типа булл в 1410-х годах явилось следствием отвоевания посадником приоритета в смесном суде от княжеского наместника к посаднику и результатом слияния двух институтов, тысяцкого и посадника, в единый высший орган Новгородской республики — Совет господ[11]. Показателен факт находки печатей этого высшего республиканского органа на усадьбах крупнейших феодалов.

Буллы новгородских посадников. Известна всего лишь одна — № 587 Она зафиксирована в слое 7-го яруса усадьбы В Фомы и Есифа. В. Л. Янин пишет, что посадник очень редко скреплял своей буллой документы, по существу являвшиеся государственными актами[12]. Находка печати новгородского посадника характеризует дворовладельца как влиятельное лицо новгородской администрации. Таким и был причастный к судопроизводству Фома.

---

[7] Об атрибуции печатей двинских посадников см. *Буров В. А.* Печати при новгородском Наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в.– СА, 1977, № 1. Приложение.

[8] НПЛ. М.– Л., 1950, с. 355.

[9] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.– Л., 1961, с. 17.

[10] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. 2, с. 86.

[11] Там же, с. 131.

[12] Там же, с. 88.

Княжеские буллы. Найдены в слоях 5-го и 4-го ярусов двора В — № 425,2 и 426,2. Кому принадлежала данная усадьба, остается неясно: ремесленникам или боярам Онцифоровичам. Княжеские печати, датирующиеся первой четвертью XV столетия (1409—1429 гг.), относятся ко времени существования Совета господ, который свел роль княжеской администрации практически на нет [13]. Кто и что в это время еще оставалось подвластно юрисдикции князя — неизвестно. В настоящий момент ни берестяные грамоты, ни материалы сфрагистики не дают ответа на этот вопрос.

Буллы княжеских тиунов. Имеется единственный экземпляр данной печати (№ 440,2), который происходит с двора И, слоя 10-го яруса — времени, когда здесь жил поп. В. Л. Янин отмечает связь великокняжеских тиунов с торговым судом, где представители князя противостояли тысяцким [14]. Значение находки буллы на усадьбе попа неясно.

Буллы тысяцких зафиксированы на усадьбе К в слое 10-го яруса (№ 671,1) и на усадьбе Е в слое 6-го яруса (№ 690). В первом случае печать должна быть отнесена к середине XIII в. Она имеет следы вторичного использования, атрибуция ее предположительна [15], поэтому она в данной статье не рассматривается. Во втором случае печать встречена на дворе феодала Сидора. В. Л. Янин видит в ней личную буллу новгородского тысяцкого Ананьи Константиновича, использовавшуюся им и для официальных документов [16]. Если это верно, то находка буллы тысяцкого на данной усадьбе вполне закономерна. Тысяцкий ведал «торговыми и гостиными» делами [17], а боярин Сидор, по замечанию В. Л. Янина, вел на городском рынке торговлю дорогой рыбой, поступавшей в виде оброка из его вотчин [18]. Таким образом, печати тысяцких — свидетельство причастности дворовладельцев к торговым операциям.

Булла Семена Давыдовича с усадьбы Б Фомы и Есифа (№ 686) осталась не определенной [19].

Приведенный обзор топографии находок печатей Неревского раскопа показывает, что они являются ценным дополнительным источником для социальной характеристики владельцев новгородских усадеб. Неслучайно в распределении ряда булл по дворам нами установлена определенная закономерность. Наиболее отчетливо она проявилась для печатей владычных наместников, двинских посадников, Совета господ. Буллы всех этих административных институтов найдены на дворах бояр-землевладельцев. Это дает основание полагать, что сам факт находки данных печатей в дальнейшем может являться веским аргументом в пользу принадлежности раскопанных усадеб феодалам-землевладельцам. Закономерно, на наш взгляд, также распределение булл новгородских тысяцких, действовавших в сфере торгового суда. Они укажут на причастность дворовладельцев к торговле. К сожалению, материалы Неревского раскопа не позволили до конца решить вопрос о печатях новгородских посадников и архиепископов. Совсем неясно с печатями князей и их тиунов.

Наряду с частными закономерностями прослеживается одна общая — рассмотренные типы печатей новгородских республиканских органов власти найдены, как правило, на дворах весьма состоятельных лиц. Следовательно, их нахождение прямо указывает на принадлежность дворовладельцев к социальным верхам Новгородской республики.

---

[13] Там же, с. 150.
[14] Там же, с. 45.
[15] Там же, с. 112, 113.
[16] Там же.
[17] Там же, с. 97.
[18] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 149.
[19] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. 2, с. 118.

Критика и библиография

В. И. Козенкова. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, вып. В 2—5, М., 1977.

После выхода в свет книги Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» (1960 г.), посвященной в основном кобанской культуре, не прекращается научная полемика о ее специфических чертах. Особенно усиленно обсуждаются вопросы о хронологии и территории культуры, количестве ее локальных вариантов. Труды В. И. Козенковой занимают, пожалуй, одно из самых видных мест в изучении всех этих вопросов. В. И. Козенкова полностью разделяет мнение Е. И. Крупнова о существовании трех локальных вариантов – западного, центрального и восточного – в кобанской культуре. Однако следует отметить, что наиболее осторожная характеристика дана Е. И. Крупновым памятникам восточного варианта, распространенным на территории Чечено-Ингушетии. К этой грозненской группе, как он ее называл, ученый относил небольшое число объектов, отмеченных преобладанием «ярких скифских и савроматских признаков» [1]. Именно этому, восточному варианту кобанской культуры В. И. Козенковой посвящен специальный выпуск САИ (первый из намеченных двух). Предполагается издание и других выпусков, материалы которых должны охватить культуру в целом.

Рецензируемый том, как и планируемые, «позволят, по мнению автора, проверить правоту одних гипотез и несостоятельность других» (с. 10). Как известно, В. Б. Виноградов иначе, чем Е. И. Крупнов и В. И. Козенкова, локализует варианты и отдельные группы внутри кобанской культуры (на территории Чечено-Ингушетии им выделены предкавказский и горный центральнокавказский варианты с группами в соответствующей культуре. Они захватывают соответственно и соседние области Северного Кавказа). Близкое мнение высказано И. М. Чеченовым, которым также локальные варианты и группы рассматриваются с учетом «природно-географических и почвенно-климатических особенностей» всего региона культуры [2]. Вероятно, их взглядам В. И. Козенкова и думает противопоставить свой труд. Представляется, что в таком случае было бы правильнее данный выпуск САИ, как и последующие, называть не по вариантам, что как бы заведомо предвещает правоту автора, а более осторожно — по географическим регионам, примерно так, как это делал Е. И. Крупнов. Подача материала таким образом ничуть не помешала бы автору высказать свое мнение по выделяемым вариантам культуры, а читатель смог бы сам решить, идти ли ему вслед за В. И. Козенковой или придерживаться мнения иных исследователей. Во всяком случае, В. И. Козенковой надо было рассмотреть памятники по зонам – от равнинных до горных, как это делали В. Б. Виноградов и И. М. Чеченов, и уже если удалось бы тогда доказать единообразие материала и его довольно четкую монолитность, то исчезли бы сомнения в существовании особого восточного варианта кобанской культуры. К сожалению, это автором не сделано.

---

[1] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 241.

[2] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 187 сл.; *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.– Археолого-этнографический сборник, вып. I. Нальчик, 1974, с. 14–51.

Таково первое впечатление от книги. Все ее разделы (введение, две главы — «Поселения» и «Могильники», заключение) тесно связаны, поэтому и мои замечания, имеющие частный характер, не всегда могут быть приурочены к определенному разделу свода.

Говоря об ареале восточного варианта культуры, В. И. Козенкова включает в него очень спорные объекты. Таково, прежде всего, местонахождение Хиндой, расположенное близ высокогорной части Дагестана. Здесь были найдены всего два-три обломка керамики, близкие дагестанским материалам. Утверждать их кобанскую принадлежность весьма рискованно.

Зольник у сел. Курчалой (раскопки В. И. Марковина) также включен в разряд кобанских памятников, хотя в нем преобладает керамика, покрытая грубой обмазкой, характерная для каякентско-хорочоевской культуры. Найденная здесь же гладкостенная керамика находит аналогии в материалах Дагестана эпохи бронзы. Однако мерилом для отнесения этого памятника к кобанским объектам явилась не только керамика, но и такие весьма распространенные, отнюдь не эталонные находки, как костяные проколки, пряслица, зубчатые кремневые вкладыши и проч. Но ведь трудно по этим предметам вообще говорить о какой-либо культурной принадлежности памятника: подобные проколки могут быть даже средневековыми, а вкладыши часто встречаются в любом районе Кавказа. Странно и то, что, доказывая кобанскую принадлежность зольника (с. 11, 12), автор противоречит себе. Так, в кратком обзоре памятников говорится, что в Курчалое были найдены лишь «отдельные фрагменты» керамики, характерной для кобанской культуры (с. 53, № 76). Очевидно, эти находки следовало бы рассматривать лишь как реальное указание на связь между племенами кобанской и каякентско-хорочоевской культур, живших по соседству. Однако в тексте свода Курчалой целиком отнесен к кобанским памятникам и даже найденные на нем костные остатки подсчитаны и следуют в виде таблицы в одном ряду с чисто кобанскими объектами (с. 15). Замечания автора, что зольник Курчалоя, пожалуй, относится к памятникам смешанной зоны, не меняет дела, в своде он использован как показательный памятник восточного варианта кобанской культуры. Думаю, что с этим согласиться нельзя.

Среди восточнокобанских древностей IX–VI вв. до н. э. упоминаются В. И. Козенковой «циклопические постройки» в сел. Эгикал, Дошхакле и Хамхи (с. 11, 12). Более осторожно, лишь «предположительно» кобанскими названы они в списке памятников (с. 52, № 54–56). Однако, судя по недавним раскопкам С. Ц. Умарова в Цеча-Ахк (р. Фортанга), наши представления о подобных постройках устарели, их следует относить к средневековью. Кстати замечу, что из огромных каменных глыб построена боевая башня Шула (район сел. Итуж-Кале), циклопические кладки имеются в Макажойской котловине у сел. Орсой, на границе с Дагестаном, известны они и в самом Дагестане (в окрестностях сел. Хунзах).

Полемически звучит высказывание автора о том, что В. И. Марковин был неправ, включая районы сел. Шали и Сержень-Юрт в ареал каякентско-хорочоевской культуры (с. 7). Но ведь это не так. В книге «Дагестан и горная Чечня в древности» данные селения внесены в список изучаемых объектов, так как в них были найдены отдельные предметы культуры. В дальнейшем они интерпретируются только как показатели связей каякентско-хорочоевских и кобанских племен [3].

Среди общих вопросов, затронутых В. И. Козенковой, но достаточно спорных, остановлюсь на одном. Так, не совсем справедливой представляется почти полная синхронизация ею кобанской и каякентско-хорочоевской культур (с. 9). Подобное допускал в определенной степени еще Е. И. Крупнов [4], но тогда широкие работы в Дагестане не проводились. Сейчас такое утверждение звучит уже неубедительно [5]. Да и почему все культуры Северного Кавказа должны развиваться одновременно,

---

[3] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-хорочоевская культура).— МИА, № 122, 1969, с. 103.

[4] *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век Северного Кавказа (опыт датировки памятников материальной культуры).— Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIV, Махачкала, 1965, с. 340; *его же.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 17.

[5] *Котович В. Г.* Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы археологической секции (дополнительный вып.). Тбилиси, 1971, с. 19–21.

как близнецы? Даже восточный вариант самой кобанской культуры представляется сейчас ее более поздней периферией [6].

Раздел «Поселения» в тех частях, которые опираются на хорошо изученные Алхастинское, Бамутское и особенно Сержень-Юртовское поселения, написан очень емко. Читатель получает достаточно яркое и строго научное представление об их планировке, остатках хозяйственных сооружений. Несколько суммарными, повисающими в воздухе кажутся те части раздела, которые посвящены домашним производствам (керамическому, бронзообрабатывающему, костерезному), так как в данном выпуске свода археологические находки не описаны и читатель о них не имеет представления. Подобные зарисовки имеются и в авторском заключении. Их приходится принимать на веру.

Обобщения, сделанные в разделе «Могильники», наиболее спорны. Ясно, что от того, как датируются погребальные памятники, зависит, несомненно, хронологическая шкала местных кобанских древностей, а от привлекаемых объектов – ареал выделяемого варианта культуры и его характеристика. Остановлюсь только на одном привлеченном здесь очень спорном объекте – Зандакском (Дагбашском) могильнике. Он расположен у северной границы Дагестана с Чечней, неподалеку от г. Хасав-Юрт. Этому памятнику крайне «не везет». Селение, возле которого расположен могильник, имеет два названия – Зандак и Дагбаш (второе теперь не употребляется), он исследовался в разные годы М. И. Пикуль и В. И. Марковиным. До сих пор материалы последних раскопок не опубликованы, хотя в литературе ссылки на этот памятник очень часты. Местный некрополь рассматривают иногда как два самостоятельных объекта – Дагбашский и Зандакский могильник (Н. В. Анфимов и даже Е. И. Крупнов), считают, что он расположен в южной части Дагестана – близ Азербайджана (Р. М. Магомедов), его именем намечалось назвать особую культуру (О. М. Давудов) и т. д. Даже сама В. И. Козенкова, судя по указателю памятников, считает, что в Зандаке имеется два некрополя, а не один (с. 54, № 96, 97) [7]. Мне приходилось писать о материалах могильника очень осторожно, как содержащих черты каякентско-хорочоевской и кобанской культур. Я имел в виду прежде всего металлические предметы [8]. И что же? В. И. Козенкова, не отрицая, что Зандакский (Дагбашский) могильник, «в целом относящийся к позднему этапу каякентско-хорочоевской культуры» (с. 19), использует его отнюдь не для характеристики связей между соседствующими племенами, она пользуется им для достаточно широких обобщений, касающихся конструкции могил и даже погребального ритуала. Для этой цели ею привлечены 26 погребений из 64, т. е. все могилы, содержавшие хотя бы отдельные обломки керамики, напоминающей кобанскую. Вне поля зрения автора остались только детские, разрушенные и плохо сохранившиеся захоронения. Иначе говоря, практически использован весь материал могильника. Но если этот материал, как пишет сам автор, «в целом» относится к иной культуре (с. 19), то как быть с обобщенной характеристикой могильных древностей восточнокобанского варианта? Будет ли верна его характеристика? Ведь и сама В. И. Козенкова не отрицает, что каменные ящики (а в Зандаке преобладают они) встречаются в некрополях кобанских племен только в пограничной зоне с инокультурными племенами, тяготеющими к Дагестану, и здесь они появились в процессе «взаимного обогащения чужими признаками» (с. 21). Это значит, что в своде интерпретируются в обобщенном виде и отдельные ритуальные черты, связанные с захоронениями в ящиках и, вполне возможно, не имеющие отношения к племенам кобанской культуры.

Я обратил внимание на Зандакский могильник, но в данном разделе «обобщаются» такие спорные памятники, как погребение «рабыни», открытое в Гойтинском скифо-савроматском кургане. Насколько оно чисто «кобанское» это погребение?

Таким образом, в разделе «Могильники» наряду с бесспорными фактами, которые являются плодом детального изучения многих памятников, вклинились наблю-

---

[6] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977, с. 214.

[7] Кинжал, упоминаемый Б. И. Козенковой, как происходящий из особого могильника, был извлечен из захоронения 2, позже расчищенного мною.

[8] *Марковин В. И.* Ук. соч., с. 62.

дения, возможно, не имеющие отношения к кобанской культуре. Все это произошло из-за того, что в данном выпуске свода поданы итоги исследования, а материал (авторские посылки к выводам) только еще должны быть изданы. Вероятно, следовало вначале издать археологический материал, а затем уже публиковать подобный обобщающий труд. Ведь прежде всего необходимо иметь четкое представление о материалах кобанских памятников Чечено-Ингушетии, особенно о керамических находках. Читателю необходимо знать, что отличает их от дагестанских, в чем эта керамика сходна с классическими кобанскими формами посуды Центрального Кавказа, т. е. иметь полную характеристику местной кобанской керамики как наиболее массового материала. Иной раз возникает мысль, а не права ли была О. А. Артамонова-Полтавцева, говорившая в 1950 г. о существовании в Чечено-Ингушетии особой, совершенно самостоятельной культуры [9]? Конечно, только после детального сравнительного анализа можно было бы делать те широкие выводы, которые нашли уже отражение в данном выпуске свода. Но факт остается фактом, обобщение вышло в свет раньше материалов. Хотелось бы, чтобы во втором выпуске, посвященном восточному варианту кобанской культуры, нашел свое место детальный анализ археологического материала. Вполне возможно, что с выходом второго тома САИ и этот первый, обобщающий выпуск можно будет оценить более полно и положительно.

В. И. Марковин

---

[9] *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.– СА, т. XIV 1950, с. 100.

Volker Bierbrauer. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Biblioteca degli «Studi medievali», VII. Centro Italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1975. S. p. A. Arti Grafiche Panetto e Petrelli — Spoleto; 378 S., 43 Abb., XC Taf.

Проблема остготских древностей Италии – одна из ключевых в изучении археологии Европы эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Занимавшиеся ею крупнейшие археологи-германисты выработали общее представление об этнографических признаках остготских украшений, об их хронологии, о роли античного наследия в развитии искусства остготов, о связях с другими народами Европы. Вероятно, здесь следует напомнить о том, как впервые были выделены древности остготов. Этот народ вступил в пределы Италии в 489 г., окончательно победил соперничавшие с ним варварские группы к 493 г. и основал сильное королевство, просуществовавшее около 60 лет. В середине VI в. оно было уничтожено византийцами, причем часть остготов пала в длительной войне, а уцелевшие бесследно рассеялись среди других народов. Жившие среди местного романского населения остготы не оставили больших кладбищ, а их одиночные могилы или маленькие семейные кладбища пока находили только случайно при земляных работах. Эта фрагментарность археологического наследия остготов разительно контрастирует с обилием рассказывающих о них письменных источников. Уверенно выделить их древности, объединив воедино случайные находки, помогло то, что вскоре после исчезновения остготов Северной Италией овладели в 568 г. новые германские завоеватели – лангобарды, которые селились плотными массами и оставили после себя обширные могильники с богатым набором украшений и оружия. Такие же, но более ранние могильники изучены на всем пути движения лангобардов по Европе – в современных Чехословакии и Венгрии, они находят везде хорошие соответствия в письменных данных.

Лангобарды хоронили мужчин с оружием, а женщин с пальчатыми фибулами на бедрах. Пальчатые фибулы лангобардов чаще имеют овальную ножку, нередко – четырехугольную головку, характерно количество «лучей» – до шести и даже до десяти. При сопоставлении стало очевидно, что остальные варварские древности этой эпохи из Италии не принадлежали лангобардам: это одиночные жен-

ские могилы с большими узорчатыми пряжками широких поясов, с пальчатыми фибулами, имеющими ромбическую ножку, полукруглую головку и от трех до пяти лучей. Совсем неизвестны мужские могилы с оружием, которые принадлежали бы не лангобардам. Поиск аналогий показал, что тождественный комплекс признаков представлен только в тех местах Европы, где, согласно древним авторам, жили готы – в Центральной Испании и в Крыму,– там были раскопаны обширные кладбища готов и этнографические особенности этого народа прослежены на большом материале. Работами Ж. де Бая, А. Гетце, Н. Оберга, Х. Цайса, И. Вернера и других ученых были выделены и систематизированы археологические следы остготского королевства в Италии. Позднее дата подтвердилась находками остготских вещей в хорошо датированных комплексах не только на территории обитания остготов на Аппеннинском полуострове, но и в пределах других древних варварских королевств. Следы предшествовавших остготам германских завоевателей, пробывших в Италии недолго – вестготов Алариха и разноплеменных воинов Одоакра – пока не обнаружены, зато Ф. Бирбрауер выделил слабые следы иноплеменников, служивших, согласно письменным данным, остготскому королю Теодориху.

Несмотря на значительные успехи изучения остготов историками и археологами, еще далеко не весь хранящийся во множестве местных музеев и частных коллекций археологический материал был выявлен и учтен, не привлечены данные, рассеянные в местных архивах, проливающие свет на обстоятельства находок, поэтому много важных вопросов оставалось без ответа. Это и неудивительно. В богатейшей истории Италии остготское королевство было кратковременным эпизодом в калейдоскопической смене варварских вторжений V в. Зато знание остготских древностей первостепенно важно для изучения прошлого тех народов, сложение которых началось в V–VI вв. Была настоятельно нужна полная сводка остготских находок с территории Италии и сопредельных стран. Тем более велика заслуга мюнхенского археолога Ф. Бирбрауера, взявшего на себя эту трудную задачу.

В результате многолетнего изучения музейных коллекций и архивов Италии, ФРГ, Австрии, Англии и Югославии Ф. Бирбрауер скрупулезно, буквально по крупицам, собрал и обработал драгоценные для историка данные, опубликовав их в исчерпывающем каталоге (с. 255–364). Работа над сводом затруднялась крайней фрагментарностью, плохой документированностью и разбросанностью материала. Все вещи воспроизведены на таблицах, подробно описаны, приведены архивные данные об обстоятельствах находки, на крупномасштабных картах обозначены места находок, воссоздано историко-археологическое окружение каждой из них. Приложен перечень остготских фибул, поясных украшений и других предметов, найденных вне Италии и повсюду резко отличающихся своеобразием от местных вещей аналогичного назначения (с. 239–254). На этой прочной основе в книге дана развернутая картина археологического наследия королевства остготов Италии.

Книга начинается с историографии и обзора состояния источников (глава 1). Письменные данные о границах государства остготов, о густоте расселения остготов в самой Италии и об их связях с различными германскими народами рассмотрены в главе 2. Глава 3 посвящена погребальным обычаям остготов, глава 4– реконструкции женского костюма этого народа, глава 5– вещевым находкам (в основном представленным фибулами, пряжками и серьгами). В главах 6 и 7 подведены итоги изучения археологии остготов и сопоставлены с выводами, сделанными в главе 2 по письменным источникам. В написанной совместно с И. Ридерером главе 8 обсуждаются исследования цветного металла 17 пальчатых фибул и 2 пряжек. Главы 9 и 10 содержат списки и каталог.

Поселения остготов пока не представлены среди раскапывавшихся археологами памятников Италии. За 60 лет пребывания в этой стране остготы не оставили больших могильников, а только одиночные захоронения или группы из нескольких могил. Аналогично погребали своих мертвых в V в. варвары Подунавья, среди которых находились тогда и остготы. Ф. Бирбрауер видит в этом социальные причины: раздельное захоронение рядовых готов и знати (с. 61). С рубежа V–VI вв. германские племена (гепиды, готы Испании, франки и др.) перешли к устройству больших кладбищ, но остготов этот процесс не затронул. Многие германские пле-

мена хоронили мужчин с оружием и разнообразным инвентарем. Готские мужчины V–VI вв. погребены не только без оружия, но, за редким исключением, вообще без вещей, их погребения удается связать с готами лишь в том случае, если они входят в состав одного кладбища с датирующими женскими могилами или если на надгробии имеется готское имя. Одиночные безынвентарные и лишенные надписей мужские могилы, случайно найденные при земляных работах, обычно не попадают в поле зрения ученых и не могут быть учтены. Основным источником по археологии остготов оказались немногие женские могилы с инвентарем, преимущественно украшениями. А известно, что именно женский костюм является одним из ярких и устойчивых этнографических признаков. Ф. Бирбрауер отмечает, что из-за малочисленности остготских могил их целенаправленные поиски и раскопки практически невозможны: слишком больших затрат они бы потребовали. Поэтому их обнаружение остается делом случая. Современными археологическими раскопками найден (при исследовании древнеримского здания) и хорошо документирован только один остготский клад из Реджо Эмилии. Кроме того, на маленьком остготском кладбище в Аквасанте, на котором жители случайно вскрыли три могилы с ярким набором женских украшений, археологи доследовали эти испорченные могильные ямы и вскрыли рядом еще четыре погребения без вещей.

Данные о погребальном обряде остготов невелики. Известно, что в Аквасанте погребения совершены в ямах без следов гроба, головой к ССВ. В Павии, Риме и, возможно, Веккиацпапо костяки лежали головой к западу. Ф. Бирбрауер подчеркивает, что уже у разноплеменного варварского населения на Дунае, откуда пришли остготы, ориентировка З–В все более вытесняла в V в. меридиональную, вероятно, под влиянием местного христианского населения. Он предполагает, что у остготов Италии западная ориентировка должна была быть основной, а погребения Аквасанты, обращенные к северо-северо-востоку, составляли исключение. Не случайно в них были ранние вещи, принесенные во время переселения 488 г. с Дуная. Римским влиянием автор книги объясняет появление у остготской знати мраморных саркофагов (Виа Фламиния около Рима) и кирпичных гробов (Равенна, Павия). Их находят вне городских стен, в местах почитания католических мучеников, недалеко от загородных римских кладбищ V–VI вв. (но отдельно от могил местного населения). Ф. Бирбрауер видит в этом влияние городского романского обычая и не исключает, что так погребены знатные готы, перешедшие из арианства в католичество (с. 58).

В книге показывается, что у остготов Италии постепенно видоизменялся и исчезал обычай погребения с вещами. В их могилах уже нет тех предметов, которые прежде считались необходимыми для загробной жизни – сосудов с питьем и едой, гребней и т. д. Таблицы на рис. 7–8 и примечание 20 на с. 65 наглядно показывают, что этот процесс начался уже на Дунае в V в. В Италии знатных остготских женщин погребали в прижизненной одежде только с такими функционально необходимыми принадлежностями, как пара фибул и пояс с пряжкой. Реже встречаются серьги, браслеты, перстни, ожерелья и подвешивавшиеся к поясу туалетные принадлежности или нож. По всей области странствований готов нет остготских могил с оружием. В их мужских могилах в Италии, за редким исключением, нет и металлических принадлежностей одежды, даже таких, как пряжки. Только в богатой могиле из Равенны имелись золотые инкрустированные бляхи роскошного седла, но остальные находки из нее бесследно погибли для науки, не сохранилось даже их перечисления. Ф. Бирбрауер приводит письмо короля Теодериха с осуждением обычая класть в могилы обильные драгоценности. Король приводит чисто практические причины: золото нужно живым, а мертвым подобают украшенные мрамором и колоннами надгробные памятники (с. 53–55).

Главу о реконструкции женского костюма остготов интересно дополняет ранее опубликованная статья того же автора[1]. Речь идет об обычае класть на плечах покойниц парные большие двупластинчатые или пальчатые фибулы, как правило обращенные пружиной вниз, к ногам, и иглою вверх. На остготских фибулах Ита-

---

[1] *Bierbrauer V.* Zu den Vorkommen ostgotischer Bügelfibeln in der Raetia II.– Bayerische Vorgeschichts-Blätter, Jg. 36, H. 1. München, 1971, S. 134–147.

лии не сохранилось остатков тканей, по которым можно было бы узнать, какую одежду они скрепляли. Косвенные данные о назначении парных фибул дает, по мнению Ф. Бирбрауера, тщательно изученное археологами женское погребение эпохи Аттилы в Хохфельдене (восточная Франция). Судя по сохранившейся золотой обшивке ворота и рукавов, покойница была одета в закрытое платье. С его застегиванием явно не связаны лежавшие у плеч двупластинчатые фибулы. Поэтому исследователь полагает, что ими застегивалась верхняя одежда вроде плаща.

Ф. Бирбрауер прослеживает развитие обычая хоронить женщин с парой фибул на плечах. В IV в. он есть в черняховской культуре (в качестве примеров приводятся могилы 107 в Тыргшоре и 11 в Александру Одобеску – в Румынии). В V в. обычай имелся у разных народов, обитавших на Среднем Дунае. Одиночные фибулы на плечах есть также в могилах франкских женщин V в. Начиная со второй половины V в. германцы стали класть фибулы на таз или между бедер покойницы (гепиды, лангобарды, аламанны, тюринги, франки). В VI в. одни готы на всем пространстве их расселения, обитая островками среди чуждого им населения, сохранили старый обычай, выделяясь этим среди других народов. В Испании и Крыму это хорошо документировано многочисленными раскопками. В Италии о том же говорят многократно повторяющиеся при случайных находках комплекты из пары фибул, нередко в сочетании с большой пряжкой от широкого пояса. На территории остготского королевства первой половины VI в. такие погребения и небольшие могильники исследованы при научных раскопках лишь югославскими археологами (как пример в книге приводится из опубликованных материалов находка в Хан Потоци).

Живя в окружении местного населения, готы постепенно утрачивали свою этнографическую специфику. Автор книги прослеживает процесс исчезновения в их погребениях характерного набора из большой пряжки и пары фибул. Особенно наглядно это документируется им при анализе плана вестготского могильника Дуратон в Кастилии, где сплошной площадью вскрыто 293 погребения. Привлекаются материалы Суук-Су в Крыму. Для хронологического расчленения последнего Ф. Бирбрауер использует только различия между находками из северного и южного раскопов Н. И. Репникова. Еще ярче изменение обычаев можно было бы увидеть, разделив погребения на относительно-хронологические периоды по взаимосочетанию разновременных вариантов вещей. Ф. Бирбрауер приходит к интересному выводу, что процесс исчезновения рассматриваемого обычая раньше всего начался в Италии – на поздней фазе существования остготского государства во второй четверти VI в., в Испании – во второй половине VI в., в Суук-Су не ранее 600 г. (с. 81, 83).

Значительное место занимает в книге анализ вещевого материала, принадлежавшего остготам Италии. Орудия труда и керамика неизвестны совсем, вооружение известно очень мало из-за неизученности поселений. Это несколько составленных из пластин шлемов типа Бальденхайм из Италии и других стран. Остготским считается меч из Планига (ФРГ). Обкладки седла в виде двух золотых инкрустированных D-образных рамок найдены в Равенне. Их ближайшая аналогия – обкладки из франкской могилы второй четверти VI в., раскопанной в Крефельде-Геллепе (ФРГ). Из находок на территории СССР с ними можно сопоставить по очертаниям и по наличию широкой орнаментированной каймы сплошные чешуйчатые бляхи седел из Шипова на р. Урал, из Галайты в Чечено-Ингушской АССР и в раскопках А. В. Дмитриева на р. Дюрсо, близ Новороссийска [2]. Если можно судить по одним бляхам (не имея деревянных частей седел), перед нами дальнейшее, более позднее развитие той формы, которая впервые фиксируется в степях в эпоху Аттилы. К мужскому костюму Ф. Бирбрауер предположительно отнес несколько пряжек для узкого пояса.

Основная масса остготских древностей – это украшения женского костюма, прежде всего фибулы и пряжки. В книге учтено 97 рельефных пальчатых фибул остготских типов из Италии (54 экз.) и соседних стран. Большинство из них имеет

---

[2] *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.– СА, 1979. № 4.

узор в виде вьюнка. Среди них Ф. Бирбрауер выделил пять типов по деталям формы и орнамента. 44 фибулы пока не образуют устойчивых типов. Только несколько фибул близки к найденным на Дунае и, вероятно, принесены в Италию во время переселения остготов оттуда в конце V в. Остальные – специфических для италийского периода форм, чуждых другим народам, даже другим группам готов. Исследования Ф. Бирбрауера подтвердили, что фибулы с узором из плетенки относятся к последнему периоду господства остготов в Италии, приблизительно ко второй трети VI г. И. Вернер и Ф. Бирбрауер связывают появление плетенки с влиянием позднеантичного искусства (и можно предположить, с участием в их изготовлении местных романских мастеров).

Среди пряжек из Италии различаются единичные экземпляры, принесенные во время остготского переселения из Подунавья, и основная масса сделанных в Италии (типы Сполето и Крань – оба с парными птичьими головами на пластине, и тип с фигурным вырезом в пластине). К итало-остготским Ф. Бирбрауер относит и известную двуглавую пряжку типа Крань из склепа 163 (1904 г.) в Керчи.

Остготские украшения со сложной перегородчатой инкрустацией по орнаментации, а в ряде случаев и по форме входят в круг средиземноморского позднеантичного ювелирного искусства. Это пряжки, фибулы, серьги. Детальным анализом Ф. Бирбрауер выделил среди них особую небольшую, довольно монолитную группу (фибулы и обкладки из Доманьяно, фибулы из Тестоны, оковки седла из Равенны), отличающуюся от основной массы остготских инкрустаций. Полная аргументация дана им в отдельной статье [3]. Интересно предположение автора книги о том, что серьги с многогранником, характерные для многих комплексов эпохи переселения народов, созданы местным романизированным населением на Среднем Дунае, а не принесены туда варварами, двигавшимися с востока, как считалось ранее. У местного населения на Дунае и в Италии они со сплошными многогранниками, в богатых варварских могилах – с ажурными инкрустированными (с. 164, 165). В пользу такого предположения можно привести дополнительные аргументы. В Восточной Европе постепенного сложения этой формы серег не прослеживается, они впервые появляются здесь в комплексах эпохи переселения народов, часто в сопровождении вещей дунайских типов. Совсем их нет в кочевнических степных находках (Новогригорьевка, Беляус, Березовка и др.). Погребение из Синявки на Нижнем Дону входит в некочевническую группу с большими двупластинчатыми фибулами дунайского типа. В широко известной статье Д. М. Атаева [4] также нет примеров ранее V в. (в основном обсуждаемые им дагестанские образцы следует датировать VII и VIII–X вв.). Могильник Заморское в Южном Приазовье существовал не только в IV в., но погр. 10, 11 и 22 (последнее с такими серьгами) содержат вещи эпохи гуннского владычества [5].

В итоговой части книги заново критически рассмотрены и оценены данные об остготском расселении, используя письменные свидетельства, остготские топонимы, находки надгробий с готскими именами (даются каталоги и карты). Эти данные сопоставлены с археологической картой остготских могил и кладов. Материалы археологии подтверждают мнение историков, основанное на прямом указании Прокопия Кесарийского, что по всей Италии готы концентрировались в больших и стратегически важных городах, а вне городов – преимущественно в Северной Италии. Такое расселение готов Ф. Бирбрауер объясняет тем, что их было слишком мало для равномерного занятия страны. Они сосредоточивались там, где сильнее всего была византийская угроза: в Северной Италии, Неаполе, Кумах. Письменные данные служат фоном и при анализе археологических свидетельств о связях остготов с франками, тюрингами и другими народами.

Тщательно собранное и обработанное Ф. Бирбрауером археологическое наследие остготов Италии позволяет теперь более уверенно судить о культуре этой груп-

---

[3] *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Funde von Domagnano.– Germania, Jg. 51, Halbband 2. Berlin, 1973, S. 499–523.

[4] *Атаев Д. М.* Височные привески с четырнадцатигранником. СА, 1963, № 3, с. 231–235.

[5] *Корпусова В. М.* Сільске населення пізньоантичного Боспору.– Археологія, № 8. Київ, 1973, с. 42, рис. 4, *18*; 12, *1. 6*, *12*, *14*, *16*.

пы готов. Из работ А. Гётце, Н. Оберга, Х. Цайса, Х. Мартинеса Санта-Олалья, И. Вернера, Ф. Бирбрауера и др. хорошо известны многочисленные черты сходства разбросанных среди местного населения Европы готских групп в обычаях (женщины погребались с парой больших фибул на плечах и в широком поясе с пряжкой, сопутствующие им мужчины обычно без вещей и тем более без оружия) и формах украшений (фибул, пряжек, браслетов, серег). Теперь же можно яснее представить и различия. У готов Испании и Южного Крыма были излюбленными большие гладкие двупластинчатые фибулы с рельефными накладками, заимствованные из Среднего Подунавья. Удивительно, что в Италии их почти нет: только одна пара, близкая подунайским, с малодостоверным указанием на «Брешию» и три пары со сплошной перегородчатой инкрустацией («Фано», Десана, Тестона), по форме и декору необычных для других районов. Основная масса итало-остготских фибул – рельефные пальчатые. Некоторые из них очень близки дунайским второй половины V в., но большинство местных вариантов, не нашедших продолжения после разгрома остготов византийцами и прихода лангобардов в середине VI в.

С выходом исчерпывающей публикации итало-остготских фибул стало еще заметнее, что готские керченские и антские днепровские пальчатые фибулы ближе всего не к ним, а к дунайским. Это относится и к большим пряжкам: кроме двух итало-остготских (двуглавой из керченского склепа 163 и прямоугольной из херсонесского склепа 14 раскопок 1914 г.) [6], они разные, а черты сходства объясняются общими дунайскими истоками. Принесенные в V в. из Подунавья образцы были по-разному переработаны мастерами удаленных друг от друга областей. В ремесле варварского населения Крыма особую роль сыграли связи VI в. не с остготами Италии, а с более близкими территориально дунайскими гепидами. Впрочем, и у гепидов имелось много специфических вариантов украшений, не оказавших влияния на художественное творчество их восточных соседей.

Отрывочные данные позволяют предполагать, что в формировании ряда черт искусства Крыма и Среднего Поднепровья имели значение связи не только с лучше изученной культурой обитателей основной части Карпатского бассейна (прежде всего современных Венгрии, Чехословакии и Австрии), но с еще малоизвестной культурой разноплеменного варварского (в том числе готского) населения, осевшего в V в. на территории современных Северной Болгарии, Восточной Румынии и Северной Югославии. Появился слабый след и обратной связи: одна боспорская пальчатая фибула в болгарской Добрудже (Войниково). Упоминаемая в связи с нею пара фибул с территории остготского королевства (Горне Печине в Югославии) действительно ближе к боспорским, чем к западным экземплярам этого варианта, но она все же отличается от настоящих боспорских и, вероятно, сделана не на Боспоре.

Книга Ф. Бирбрауера сыграет большую роль в изучении раннего средневековья Европы, станет настольной у археологов многих стран. Издав эту книгу, Итальянский центр по изучению средневековья сделал ценный вклад в отечественную и международную науку.

А. К. Амброз

---

[6] *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V – первой половины VI г. в Крыму.— КСИА АН СССР, № 158, 1979, рис. 5, *6*; 6.

Urtans V. Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200 g.). Izdevniecība «Zinātne». Rīga, 1977, 283 lpp., 124 att.

Монография В. А. Уртана «Древнейшие клады Латвии (до 1200 г.)» подводит итог почти 180-летнему научному изучению кладов, найденных на территории Латвийской ССР. Сам автор посвятил многие годы разработке данной темы[1]. Впервые этот вид источников подвергся столь обстоятельному и широкому исследованию. Работа, охватывающая значительный хронологический диапазон (с 1300 г. до н. э. до 1200 г. н. э.), состоит из предисловия, шести разделов, каталога, указателей, а также резюме на русском и немецком языках. Издание снабжено 124 иллюстрациями, включающими рисунки и фотографии около 20% находок из числа предметов, рассматриваемых в публикации.

Первый раздел работы посвящен истории изучения кладов, которую В. А. Уртан разделяет на три этапа: до 1917 г., с 1920 г. до 1940 г. и после 1940 г. В разделе показана также динамика накопления источников начиная с конца XVIII в., когда были обнаружены первые научно зарегистрированные клады. Особо отмечен тот факт, что 18 из 19 кладов, найденных после Великой Отечественной войны, обнаружены во время раскопок. Всего из раскопок происходит 20 кладов. В следующем разделе подробно рассматривается состав кладов. Детальный анализ 2250 предметов, относящихся к 169 типам и вариантам, а также 4982 монеты (античных, арабских и западноевропейских) служат основанием для определения социальной и этнической принадлежности кладов, их хронологии и т. д. Раздел, занимающий около 50% исследовательской части текста, построен в виде кратких, но емких очерков, посвященных различным категориям древностей из кладов: украшениям, оружию, конскому снаряжению, орудиям труда земледельцев, скотоводов, ремесленников, частям одежды, бытовым вещам и предметам, связанным с культовыми представлениями, торговому инвентарю. В. А. Уртан не ограничивается изучением древностей только из кладов и всесторонне использует материалы других археологических памятников Латвии, зачастую привлекая еще более широкий круг аналогий. Все это придает очеркам самостоятельное значение.

По своей хронологии клады распределяются следующим образом: к эпохе бронзы (1500–500 гг. до н. э.) относится пять кладов, к раннему железному веку (I–IV вв. н. э.)–10, к среднему железному веку (V–IX вв.)–31, к позднему железному веку (X–XII вв.)–62.

В третьем разделе внимание уделяется причинам зарытия кладов. Причины эти многообразны, тесно переплетаются и, конечно, не всегда могут определены однозначно. В. А. Уртан считает возможным все побудительные причины свести к двум основным, разделяющим клады на две категории: экономические и сакральные или жертвенные.

Наиболее широко во все периоды на территории Латвии были распространены экономические клады, появившиеся или из-за надвигающейся опасности, или в результате накопления имущества, что подтверждается серией конкретных, убедительных примеров. Так, Даугмальский клад (XI в.) был связан с одной из катастроф в жизни городища. В сходной ситуации, по-видимому, появились второй Кивуткалнский (эпоха бронзы), второй Кокнесский (XII в.) и многие другие клады, зарытые в минуту опасности. Напротив, третий Саулекалнский (около 1000 г.), Терветский (около 1200 г.) клады, а также 25 *кг* необработанного янтаря, найденные на поселении Кабелес, связаны с накоплением имущества.

Сакральные или жертвенные клады связаны с религиозными представлениями населения той эпохи. К этой категории отнесены так называемые «болотные клады»:

---

[1] *Urtans V.* Tiras purva depozīts. В сб.: Latvijas PSR Vēstures muzeja Raksti. Rīga, 1962, 83–94 lpp; *idem.* Latvijas *5–9* gs. depozīti.– В сб.: Arheologija un etnogrāfija (в дальнейшем AE), 1964, № 6, 39–74 lpp; *idem.* Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē.– AE, 1968, 8, 65–85 lpp., *idem.* Jauni dati par Navessalas depozīti.– В сб.: Latvijas PSR Zinātnu akadēmijas Vēstis, 1970, № 1, 89–99 lpp; *Уртан В. А.* Древнейшие щиты на территории Латвийской ССР.– СА, 1961, № 1, с. 216–224; *его же.* Латвийские клады (до 1200 года) как исторический источник.– Автореф. канд. дис. М., 1971; *его же.* Клады балтов в V–VIII вв.– В сб.: Проблемы этнической истории балтов (тезисы докладов). Рига, 1977, с. 38–40.

кузнечный инвентарь 1300–1100 гг. до н. э. из Калеи[2], шейная гривна V в. из Пилтене, комплекс вещей IX в., принесенный в жертву богатым куршем в благодарность за удачный исход сражения или избавления от каких-то несчастий (Тираспурве) и т. д. Сакральными же, судя по многим признакам, являются первый Кивуткалнский (эпоха бронзы), оба Кокмуйжских (конец V в.), первый Мукукалнский (около 500 г.) и другие клады.

В четвертом разделе затрагиваются проблемы социальной и этнической принадлежности кладов. Убедительно показано, как на протяжении всего исследуемого периода менялся социальный состав владельцев имущества, сокрытого в земле. Опираясь на состав кладов, преимущественно вещевых, их локализацию, связь с различными археологическими памятниками, автор также пытается разрешить сложные вопросы этнической атрибуции конкретных комплексов. Так, четыре из пяти кладов эпохи бронзы, как считает В. А. Уртан, принадлежали балтам. Комплексы среднего и позднего железного века территориально распределяются следующим образом: в землях куршей найдено 12 кладов, земгалов – 16, селов – 3, латгалов – 38, ливов и эстов – 24. Автор отдает себе отчет в том, что локализация рассматриваемых объектов на территории определенных племен является хотя и важным, но далеко не всегда безусловным признаком для этнической атрибуции кладов, поэтому в разделе много места уделено соответствующему анализу инвентаря.

Интересна попытка определить конкретную стоимость кладов, их так сказать «покупательную способность», для соответствующего времени, на основе сопоставления сведений письменных источников с весовыми и количественными характеристиками некоторых комплексов. Например, за дирхемы Сарайского клада (IX в.) у волжских болгар или в землях славян, по расчетам В. А. Уртана, можно было бы купить 16–18 куньих шкурок или 36 стеклянных бус, а за монеты Навессальского клада (X в.) удалось бы приобрести 75 куньих шкурок или 190 стеклянных бус. За серебро в виде слитков и различных изделий, найденных близ Рийниеки Елгавского р-на (начало XI в.), на Руси можно было бы купить 56 лошадей или 141 корову, или 2246 баранов.

В следующем разделе внимание сосредоточено на соотношении местных и привозных вещей в кладах, а также на некоторых вопросах, связанных с торговлей. Хозяйственная деятельность населения Латвии и особенно потребность в привозном сырье (цветных металлах) с давних пор служила основой для возникновения и активизации широкого обмена с соседними землями. Соответственно формировались традиционные пути сообщения, по которым осуществлялся межплеменной и более широкие контакты. Состав кладов хорошо иллюстрирует подобные процессы.

В раннем железном веке на территорию Латвии начинают поступать античные (преимущественно римские) монеты и вещи. За период со II в. по XI в. зарегистрировано 13 кладов (7 недостоверных) с римскими монетами. Всего в Латвии (в кладах, могильниках, на поселениях и как отдельные находки) обнаружено 487 римских монет из 51 пункта. Больше всего их найдено в юго-западной Латвии и на берегах Даугавы. Важную роль эквивалента в обмене, помимо других продуктов хозяйственной деятельности местного населения, играл янтарь.

Главными артериями, по которым римские вещи и монеты поступали в Прибалтику, были: известный «янтарный путь» и морской путь вокруг Ютландского полуострова. Обе эти трассы, как считает В. А. Уртан, продолжались вдоль Балтийского побережья до рек Неман и Даугава. Известное значение для Прибалтики имел в это время и днепровский путь. Судя по концентрации импортов, древние гавани могли располагаться в устьях рек Даугава, Лиелупе, Вента, Гауя, Салаца. По внутренним коммуникациям импорты поступали в глубь земель. Торговля носила характер натурального обмена.

В среднем железном веке преобладали вещевые клады (лишь около 16% комплексов содержали монеты). По предположению В. А. Уртана, с конца VIII в. на территорию Латвии начинают в небольшом количестве поступать дирхемы. Ранние

---

[2] Другая точка зрения о причинах появления данного клада высказана Я. Граудонисом. См.: *Граудонис Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967, с. 80.

византийские и арабские монеты сосредоточены на побережье Балтийского моря в западной части Латвии, что дает основание предполагать посредничество шведских и готландских торговцев на раннем этапе проникновения в Латвию дирхемов. Древнейшие клады, содержащие арабские монеты, относятся ко второй половине IX в.

Значение торговли возросло в эпоху раннего феодализма. Это сказалось и на кладах. Только 18 из 62 комплексов состоят из местных изделий, в составе остальных – в большем или меньшем количестве представлены импорты. Резко возрастает приток восточного серебра. Всего в Латвии дирхемы зарегистрированы в 60 пунктах, в том числе 2059 монет происходят из 21 клада. Поступление дирхемов фактически прекратилось в XI в. К концу X в. в Латвии появляются западноевропейские монеты. Всего в 20 кладах зафиксировано 2364 западноевропейские монеты. Серебро завозили также в виде слитков. Ранние находки предметов этой категории сосредоточены в западной части Латвии, на берегах рек Вента, Лиелупе и Даугава. Это и некоторые другие факты позволили автору предположить, что, по крайней мере, ранние серебряные слитки поступали при посредничестве готландцев.

Развитие торговых отношений с соседними землями приобретает все большее значение. Территория Латвии служит зоной транзита некоторых видов привозной продукции, поступающей в земли финнов, эстов и других племен. Сохраняются контакты с южными областями. Постепенно активизируются связи со Скандинавией и Русью, причем намечаются локальные регионы, более тесно связанные соответственно с Русью или с Западом, особенно с о. Готланд. В конце X в. выделяется местный профессионал – торговец. Складывается денежно-вещевая система, развиваются коммуникации, причем наряду с участками трансевропейских магистралей огромное значение приобретает система местных путей. Важнейшими артериями были водные пути по рекам Даугава, Айзвиексте, Лиелупе, Гауя, Вента, а также некоторые сухопутные дороги. Заметную роль в активизации торговли сыграло образование крупных торгово-ремесленных и административных центров: Даугмале, Межотне, Кокнесе, Айзкраукле и т. д.

Шестой раздел посвящен вопросам техники изготовления вещей из кладов, а также некоторым проблемам становления ремесленного производства. Отмечено, что вплоть до середины I тысячелетия до н. э. металлические предметы изготовлялись литьем. Уже с эпохи бронзы известна гравировка, с начала I тысячелетия н. э.– пуансонная техника, во второй половине I тысячелетия н. э. появляются изделия с чеканкой, тордировкой, насечкой. В V в. осваивается техника зерни и скани, покрытие предметов пластинками из драгоценных металлов, серебрение и позолота вещей. Получила распространение холодная ковка и ковка с последующим обжигом. С X–XI вв. применялось тиснение специальными штампами или матрицами. Употреблялась техника инкрустации бронзой, серебром и золотом.

На примере целой серии предметов рассмотрены приемы работы местных ювелиров, перечислен их инструментарий. Уделено внимание кузнечному делу, металлургии, обработке дерева и т. д., причем автор не ограничивается исследованием вещей только из кладов, что позволило ему внести существенный вклад в изучение развития ремесел на территории Латвии до 1200 г.

В завершающем разделе, отметив, что конец XII–XIII вв. является началом нового периода в истории кладов, В. А. Уртан дает беглую характеристику кладов XIII–XVII вв.

Подробный каталог, прилагаемый к исследовательской части текста, содержит исчерпывающую информацию о 108 кладах, найденных на территории Латвии.

В заключение остановимся на некоторых замечаниях. С точки зрения В. А. Уртана, поступление незначительного количества дирхемов в Латвию уже в конце VIII в. подтверждается тем, что уже с VII в. здесь встречаются раковины каури (с. 120). Этот аргумент вызывает некоторые возражения. Подавляющее большинство раковин каури найдено в Восточной Латвии, только единичные экземпляры происходят с территории, расположенной западнее реки Даугава, причем находки VII—X вв. в Западной Латвии отсутствуют вовсе (лишь в двух пунктах непосредственно на левом берегу р. Даугава обнаружены раковины каури, относящиеся к данному периоду). Ареал находок убедительно свидетельствует, что в Латвию раковины каури на раннем этапе поступали с северо-востока, через псковские и новгородские

земли[3]. Напротив, ранние арабские монеты (отдельные находки и дирхемы из кладов) сосредоточены в Западной Латвии, особенно на побережье Балтийского моря и Рижского залива, и этот факт В. А. Уртан отмечает неоднократно. Видимо, указанные находки поступили с Запада морскими путями. Таким образом, на раннем этапе раковины каури и дирхемы попадали в Латвию с разных территорий.

Нельзя также признать удачной попытку связать появление в Скандинавии по крайней мере части керамики славянского облика с вывозом из Латвии на запад меда. По мнению автора, подобная керамика служила тарой для меда (с. 101, 102).

Непонятно почему, упомянув многие торгово-ремесленные центры X–XII вв., способствовавшие активизации торговли, автор ограничился более подробным рассмотрением только Даугмале (с. 112, 113), оставив без внимания другие, не менее интересные центры, особенно такие, где наряду с зоной обитания исследованы и некрополи, анализ которых позволил бы детальнее проследить место торгового люда в социальной структуре общества.

Не совсем уместной для данного издания является публикация безусловно интересной самой по себе реконструкции одного из видов Даугмале (рис. 26). Гораздо полезнее была бы сводная карта упомянутых в тексте путей сообщения Латвии, относящихся к разным хронологическим периодам.

В работе встречаются также мелкие неточности. Например, на странице 104 названо 19 достоверных кладов, содержавших 2364 западноевропейские монеты, а в резюме (с. 250, 265) указано, что то же количество монет происходит из 20 кладов.

Несмотря на высказанные замечания, первая свободная публикация древнейших кладов Латвии безусловно является актуальным исследованием, представляющим собой серьезный вклад в изучение истории Прибалтики.

В. П. Петренко

---

[3] *Мугуревич Э.* Находки раковин каури на территории Латвии.– Latvijas PSR ZA Vēstis, 1962, № 7, с. 37–52; *Urtans V.* Latvijas iedzīvotāju sakari... 75, 76 lpp.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Г. Н. ПРОНИН

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

1*) **Проблемы археологии и этнографии.** Л., 1977, 143 с. (ред. М. И. Артамонов, Р. Ф. Итс); 2) **Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР.** Л., 1977, 184 с. (ред. В. В. Мавродин); 3) **Проблемы археологии**, вып. 2. Л., 1978, 244 с. (ред. А. Д. Столяр); 4) **Из истории феодальной России.** Л., 1978, 200 с. (ред. В. А. Ежов)

Издательство Ленинградского государственного университета выпустило подряд четыре сборника, содержащие статьи по ряду дискуссионных вопросов этнической истории Северо-Запада[1]. Статьи отражают тенденцию в рассмотрении проблем, сводящуюся к переосмыслению и пересмотру датировки и этнической атрибуции сопок длинных курганов, жальников. Определенное единство во взглядах авторов неудивительно – большинство статей написано исследователями, заявившими о себе в 70-е годы и непосредственно связанными со славяно-варяжским семинаром кафедры археологии ЛГУ, т. е. являющимися представителями примерно одного поколения и в целом – одной школы.

Наиболее ярко «взгляды славяно-варяжского семинара» изложены в работах Г. С. Лебедева, сформулировавшего программу и основные методические принципы направления исследований. В статье «Начало Верхней Руси по данным археологии» (сб. 2, с. 90–95) Г. С. Лебедев в конспективной форме излагает гипотезу сла-

---

* Нумерация сборников (№ 1, 2, 3, 4) соответствует ссылкам на данные сборники в тексте рецензии.

[1] В сборниках содержатся кроме рассматриваемых в обзоре статей ряд работ, посвященных самым разнообразным проблемам – от палеолита до истории советского общества.

вянской колонизации Северо-Запада. Основные ее положения сводятся к следующим: 1. Сопки и длинные курганы синхронны, датируются от VI–VII до X вв. 2. Сопки подразделяются на три типо-хронологических пласта, соответствующих трем субрегионам. Наиболее ранние памятники располагаются в пределах ловатско-ильменского ареала (пласт I). 3. Ареал сопок пласта I совпадает с ареалом псковской группы длинных курганов и границами распространения западнофинской гидронимии. Обе группы памятников оставлены чудью русских летописей. 4. Переход от пласта к пласту намечает постепенное продвижение сопок на север. Образующуюся негативную врезку заполняют круглые курганы с сожжениями и городища с лепной и круговой керамикой и полуземляночным домостроительством. Этот процесс отражает продвижение на северо-запад славян. 5. На окраинах расселения славян под влиянием последних, а также веси, скандинавов и культуры сопок складывается культура приладожских курганов. 6. Территория распространения древнерусской курганной культуры XI–XIII вв. и соотношение с ней жальников позволяет видеть в последних памятники ославянившейся и христианизированной чуди.

Ограниченный объем статьи не позволил Г. С. Лебедеву аргументировать выдвинутые положения. В изложенном виде гипотеза базируется на двух допущениях. Первое заключается в признании сопок и длинных курганов неславянскими памятниками. Единственным аргументом является совпадение их ареала с ареалом западнофинской гидронимии. Однако не исключено, что совпадение ареалов может оказаться и случайным [2]. Во всяком случае достаточных данных для однозначной этнической атрибуции сопок и длинных курганов пока нет.

Второе допущение: круглые курганы с сожжениями и городища с лепной и круговой керамикой и полуземлянками – славянские памятники. Г. С. Лебедев оговаривает, что славянскими следует считать лишь могильники, состоящие из круглых полусферических насыпей. Вопрос о круглых курганах в одних группах с длинными и об одиночных круглых курганах оставлен открытым. Не останавливаясь подробно на вопросе о возможностях вычленения из общей массы курганов с сожжениями «чистых», возможно славянских могильников, который сам по себе достаточно сложен, заметим, что иллюстрирующие второе допущение немые карты требуют развернутого комментария, без которого невозможна проверка имеющейся в распоряжении автора фактологической базы. Вообще круглые курганы с сожжениями являются наименее исследованными погребальными памятниками Северо-Запада, что отмечает и Г. С. Лебедев (сб. 2, с. 93, 94), и уже только поэтому необходима предельная осторожность при любых попытках их интерпретации. Что касается проблемы полуземляночного домостроительства на городищах, Г. С. Лебедев оперирует в основном материалами собственных раскопок Городца под Лугой (сб. 2, с. 92), в научный оборот не введенными, если не считать их описания в недавней научно-популярной работе Г. С. Лебедева [3]. Судя по плану, опубликованному в статье Н. А. Ефимовой в том же сборнике (сб. 2, с. 99, рис. 1, о статье – ниже), эти постройки лишь отдаленно напоминают классические «славянские» полуземлянки [4].

Таким образом, полагаем, что оба допущения Г. С. Лебедева пока не получили обоснования. Если же не принимать эти допущения, «схема» Г. С. Лебедева может выступить против выводов автора. Это, безусловно, сознает и Г. С. Лебедев, называя предложенную гипотезу расселения славян «лишь рабочим инструментом для дальнейших исследований» (сб. 2, с. 95).

Среди статей в рассматриваемых сборниках имеются еще две работы Г. С. Лебедева, посвященные более подробному анализу отдельных сюжетов «гипотезы славянского расселения». Одна из них (сб. 1, с. 37–46) публикует погребальные памятники, раскопанные в 1971–1972 гг. в Верхнем Полужье: сопка у дер. Репьи, пять насыпей в группе Рапти-Наволок III, насыпь в группе Рапти-Наволок I, одиночный курган в урочище Боровское купалище. Сопка у дер. Репьи содержала три яруса захоронений. Инвентарь нижнего яруса (бляшки-скорлупки, браслеты с расширяю-

---

[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163, 1970, с. 6.

[3] *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 99–129.

[4] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.– САИ, вып. Е, 1–32, 1975.

щимися концами и проч.) датирует погребения третьей четвертью I тысячелетия н. э. Сожжения среднего яруса датированы автором VIII–X вв. Верхний ярус содержал 26 погребений по обряду трупоположения, располагавшихся на южном и западном склонах насыпи и вокруг ее основания. Ярус датирован XI–XIV вв. и, как справедливо отмечает Г. С. Лебедев, «несомненно связан и синхронен с курганно-жальничным могильником, расположенным вокруг сопки» (сб. 1, с. 45). Из этого сделан вывод, что «свой классический облик сопка у дер. Репьи... приобрела в результате... преемственного использования... многими поколениями одного и того же коллектива, оставившего не только сопку, но и курганно-жальничный могильник» (сб. 1, с. 42). Между тем стратиграфия насыпи свидетельствует, что верхний ярус погребений был отделен от среднего стерильной прослойкой погребенного дерна, т. е. между вторым и третьим ярусами существовал хронологический разрыв, и погребения верхнего яруса не обязательно находятся в генетической связи с основными погребениями сопки, а возможно,– вторичны по отношению к ней.

Курган 3 в группе Рапти-Наволок III, датированный X в. по находке кругового сосуда и определяющий, по мнению Г. С. Лебедева, верхнюю дату культуры длинных курганов, может быть отнесен к этой группе погребальных памятников лишь условно, так как конструктивные особенности насыпи очень индивидуальны. Заметим кстати, что изображения сосуда в первой публикации [5] и в рассматриваемой статье (сб. 1, с. 39, рис. 11) различаются между собой и неясно, какому из рисунков следует отдать предпочтение. Некоторые (правда, несущественные) различия имеются также в планах и разрезах кургана.

Любопытно, что погребальный обряд в круглых курганах группы Рапти-Наволок III, включающей длинные курганы, и в группе Рапти-Наволок I, состоящей исключительно из круглых курганов, практически не отличаются друг от друга и сам Г. С. Лебедев не исключает возможность отнесения их к единому кругу погребальных древностей (сб. 1, с. 41).

Вторая статья (сб. 3, с. 152–163, соавтор Е. А. Рябинин) специально посвящена анализу соотношения сопок и жальников. Однако, несмотря на то, что текст сопровождается подробными картами, а анализ комплексов проведен с применением статистических методов, конечный вывод – «в «сопочно-жальничном» регионе предполагается переход от сопок через «каменные круги» и некоторые другие формы погребальных сооружений к жальникам» – остается неубедительным. Обоснованием этого заключения Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин предложили группу памятников переходного типа – так называемые «каменные круги», на которые впервые обратил внимание еще Н. К. Рерих [6], а также памятники типа Юрьевского жальника [7]. Однако «каменные круги», судя по комплексу у дер. Солоницко, синхронны первому типо-хронологическому пласту сопок и отделены от жальничных памятников по меньшей мере тремя столетиями. Что касается Юрьевского жальника, сведения В. С. Передольского представляются недостаточными для «графической реконструкции» комплекса, на основании которой проводится сопоставление памятника с сопками и жальниками.

Остальные статьи, включенные в настоящий обзор, посвящены отдельным аспектам этнической истории Северной Руси. В. Я. Конецкий (сб. 2, с. 83–85) публикует материалы разведок в бассейне р. Мсты. Полученные материалы приводят автора к выводу, что при совпадении ареалов сопок и длинных курганов памятники этих двух групп в пределах одного микрорегиона располагаются чересполосно и топографически обособлены друг от друга, что свидетельствует «о различном происхождении... памятников» (сб. 2, с. 85). Важные наблюдения автора значительно выиграли бы, если бы они были проиллюстрированы картой.

---

[5] *Лебедев Г. С.* Длинные курганы Верхнего Полужья.– КСИА АН СССР, вып. 139, 1974, с. 72.

[6] *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца.– ЗРАО, т. IX, 1899, с. 371. 372.

[7] *Передольский В. С.* Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893, с. 47.

В. П. Петренко (сб. 2, с. 85–90, соавторы Н. Д. Конаков, М. Б. Рогачев) публикует материалы раскопок сопок в урочище Победище близ Старой Ладоги (1970–1973 гг.). Автор датирует памятники X в. и отмечает, что состав насыпей, объединенных в литературе в группу «сопок», неоднороден по погребальному обряду даже в пределах одного некрополя (сб. 2, с. 89, 90).

Погребальные памятники «культуры приладожских курганов» являются в последние годы предметом специального исследования В. А. Назаренко. В статье «Тихвинские курганы» (сб. 2, с. 104–106, соавторы Н. К. Стеценко, В. А. Кольчатов) публикуются результаты раскопок на р. Тихвинке (8 насыпей в трех группах) и на р. Паше (8 насыпей в одной группе). Полученные данные позволили авторам «проследить развитие одного из типов погребальной обрядности приладожских курганов X–XI вв. (погребения с очагами)» и установить, что этот обряд в отдельных уголках Тихвинщины доживает до XII в.

Три статьи В. А. Булкина являются разделами диссертационной работы автора [8]. Две (сб. 1, с. 33–37; сб. 3, с. 163–169) продолжают серию публикаций В. А. Булкина, посвященных реконструкции погребального обряда «больших гнездовских курганов». Основой для реконструкции курганов 16 и 18 послужили дневники С. И. Сергеева, хранящиеся в архиве ЛОИА. Трудоемкую и тщательную работу по извлечению из полевой документации (составленной на достаточно низком уровне) фактов, позволяющих превратить раскопанные памятники в полноценный исторический источник, следует только приветствовать. Обращают на себя внимание новые соображения, приведенные В. А. Булкиным в пользу наблюдения Б. А. Рыбакова [9] о генетической преемственности больших курганов Гнездова и Чернигова. В третьей статье (сб. 2, с. 101–104) В. А. Булкин вновь [10] заостряет внимание на немногочисленных данных, фиксирующих проникновение норманнов в IX в. из Двинского бассейна по р. Каспле к Днепру, и подчеркивает «смешанный характер» наиболее ранних скандинавских комплексов в регионе (Новоселки, Гнездово), свидетельствующий об «отсутствии серьезной изоляции скандинавов» (сб. 2, с. 103).

Три статьи И. В. Дубова также являются разделами диссертационного исследования [11]. В основу двух (сб. 1, с. 46–52; сб. 2, с. 120–123) положена добросовестно сделанная выборка отдельных групп погребений из свода по Ярославскому Поволжью, изданному усилиями сотрудников ГИМ [12]. При этом в датировку некоторых комплексов внесены коррективы. Так, погр. 27 Михайловского могильника И. В. Дубов датирует IX в., присоединяясь к точке зрения Д. А. Авдусина, а не X в., как это считает Н. Г. Недошивина. Третья статья (сб. 3, с. 133–140) посвящена историографии Ярославского Поволжья.

Статья Е. А. Рябинина посвящена истории изучения финно-угорских элементов в курганах Ижорского плато и смежных территорий (сб. 2, с. 113–117). В ней сделана удачная попытка наметить по археологическим данным территорию расселения летописной ижоры. Автор отмечает также трудности выделения древностей води, что «в значительной степени обусловлено слабой изученностью памятников I тысячелетия н. э.» (сб. 2, с. 114).

Совместная статья В. А. Булкина и И. В. Дубова (сб. 4, с. 16–20) посвящена сравнительной характеристике Гнездова и Тимерева и является непосредственным продолжением более ранней статьи В. А. Булкина и Г. С. Лебедева [13]. Авторы фиксируют общие черты в исторических судьбах двух крупных памятников Северной Руси, так и не переросших в средневековые города. Различия между памятниками справедливо «связаны с фазами активности центров», которые были обусловлены «изменением ориентации главных путей сообщения через Восточную Европу» (сб. 4,

---

[8] *Булкин В. А.* Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973.

[9] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.– МИА, № 11, 1949, с. 53.

[10] *Булкин В. А., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и путь из варяг в греки.– Вестн. ЛГУ, № 14. 1975, с. 166–169.

[11] *Дубов И. В.* Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л., 1974.

[12] Сб. Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.

[13] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.– В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11–17.

с. 20). Затухание Балтийско-Волжского пути разделило Тимерево. В то же время в Гнездове, расположенном на скрещении двух торговых путей с асинхронным расцветом функционирования (Двинско-Волжский и «из варяг в греки»), социальный процесс получил большую завершенность.

В. М. Горюнова (сб. 3, с. 140–148) подводит некоторые итоги исследования поселка ремесленников в урочище «Городок» на Ловати, традиционно сопоставляемом с древнейшими Великими Луками. Автор убедительно наметила основные периоды функционирования поселения, показала процесс смены основных направлений хозяйственной деятельности населения, фиксирующий изменение значения поселения для микрорегиона в целом. Удачной схемой (сб. 3, с. 145, рис. 3) показана система внешних связей населения Городка. Справедлив вывод исследователя: «Поселок с момента своего возникновения носит ярко выраженный ремесленный характер: он был основан ремесленниками, а не вырос из рядового общинного поселка» (сб. 3, с. 145). В другой статье (сб. 1, с. 52–57) В. М. Горюнова специально останавливается на двух группах круговой керамики Городка, находящих себе аналогии в материалах синхронных западнославянских поселений. Однако вывод В. М. Горюновой об «исключительности как рассматриваемой керамики, так и всего поселения в целом» для Северной Руси вызывает удивление, так как западнославянские керамические формы являются несвойственными «всей обширной территории Северо-Запада» (сб. 1, с. 55). Круговая керамика западнославянского облика как раз является характернейшей особенностью материальной культуры городов Северной Руси X–XI вв. При этом до сих пор неизвестны сельские поселения с такой керамикой, так что ссылка В. М. Горюновой на отсутствие подобной посуды на Иловецком селище и поселениях, открытых Я. В. Станкевич и С. Н. Орловым, вряд ли подкрепляет вывод автора.

Статья Р. С. Минасяна (сб. 3, с. 148–152) посвящена ножам с волютообразным навершием. Автор предполагает для них ритуальные функции. К сожалению, в статье Р. С. Минасяна не высказано отношение к работе польского исследователя В. Шиманского, опубликованной в 1964 г.[14], тем более что В. Шиманский пришел к аналогичным выводам о функциях предметов. Кроме того, сводка Р. С. Минасяна не полна: неучтены находки ножей на селищах Ревячка, у дер. Городище, в Тайманово и Лукомле.

Публикации Н. А. Ефимовой и Е. Н. Носова посвящены керамическому материалу. Н. А. Ефимова (сб. 2, с. 98–101) вводит в научный оборот одну из групп керамики из раскопок Городца под Лугой. К сожалению, Н. А. Ефимова ограничилась пересказом сведений о памятнике, в основном следуя первой публикации Г. С. Лебедева, а собственно керамике уделила лишь несколько строк. В публикации отсутствуют статистические данные и ничего не сказано о месте керамики из полуземлянок Городца в системе синхронных керамических комплексов Северо-Запада.

Е. Н. Носов (сб. 2, с. 95–98) публикует керамическую коллекцию из сборов М. К. Каргера на Рюриковом городище под Новгородом. Воспроизведенные сосуды и намеченный круг аналогий не оставляют сомнения, что поселение на Рюриковом городище VIII–IX вв. оставлено тем же населением, что и одновременные поселения Приильменья и Поволховья, известные по разведкам и раскопкам С. Н. Орлова и Е. Н. Носова. К этой же группе памятников по керамике относится и Земляное городище Старой Ладоги. Публикация Г. П. Смирновой лепной керамики Новгорода[15], аналогичной керамике Рюрикова городища, позволяет вернуться к вопросу о соотношении этих памятников между собой.

В статьях Н. В. Хвощинской и Ю. М. Лесмана анализируются древнерусские курганы. Н. В. Хвощинская (сб. 2, с. 118–120) публикует материалы раскопок 1973 г. в могильнике у дер. Залахтовье на Гдовщине. Полученные материалы позволили автору датировать залахтовские курганы с грунтовыми трупоположениями XI в.,

---

[14] *Szymanski W.* Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojeńciami zakonczonymi wolutami.– WA, t. XXX, z. 3/4, Warszawa, 1964, s. 221–228.

[15] *Смирнова Г. П.* Лепная керамика Новгорода.– КСИА АН СССР, вып. 146, 1976.

а также подтвердили топографическую обособленность насыпей с грунтовыми трупоположениями в пределах могильника.

Ю. М. Лесман (сб. 2, с. 106–112) анализирует материалы дореволюционных раскопок курганов в поволжских уездах Тверской губ. К сожалению, за пределами ограниченного объема статьи осталась наиболее интересная часть работы – анализ архивных документов, позволяющий судить о «кухне» исследования. Кроме того, требует комментария график на рис. 2 («Полигон частот синхронности верхневолжских курганных комплексов новгородским ярусам»[16]), без которого он остается неясным.

Проблеме контактов скандинавов и аборигенного населения посвящена заметка О. А. Кондратьевой (сб. 2, с. 123–126), в которой рассматривается гребень из раскопок Н. Н. Чернягина в Псковском Кремле. В дополнение к первой публикации[17] О. А. Кондратьева приводит две новые аналогии изображению ладьи и рассматривает, вслед за Л. С. Клейнем, Г. С. Лебедевым и В. А. Назаренко[18], сложное сочетание в декоре гребня финской и скандинавской этнокультурных традиций как свидетельство «многосторонних культурных контактов, зафиксированных произведениями местного ремесла на Северо-Западе» (сб. 2, с. 126). Недостатком заметки являются небрежно выполненные прорисовки как гребня, так и аналогий (изображение ладьи на руническом камне из Спарлеза имеет весьма отдаленное сходство с рисунком, воспроизведенным О. А. Кондратьевой).

Особое место в серии рассматриваемых статей занимает этюд Г. С. Лебедева «Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах» (сб. 4, с. 21–24). Автор справедливо подчеркивает, что «детальная фиксация и высокая степень достоверности этих (этнографических.– *Авт.*) данных обусловлены самим характером мусульманской культуры... Строгое соблюдение ритуализированных норм поведения было критерием «правоверности» мусульманина... Отличия от исламских норм подчеркивались... Столь же внимательно рассматривались сходные с арабскими черты в культуре» (сб. 4, с. 21). Сведéние воедино разбросанных по разным источникам сведений позволило Г. С. Лебедеву прийти к чрезвычайно важному и аргументированному выводу: «Арабские географы ясно представляли и четко различали славян и русов..., поэтому суммарное использование тех и других сведений, а тем более подмена данных о «русах» известиями о «славянах» и наоборот... недопустимы. Речь идет о связанных, но несовпадающих, а по некоторым признакам противостоящих друг другу группах. Все доступные проверке характеристики славян подтверждаются археологическими материалами Восточной Европы. Реалии русов известны в Восточной Европе (исключительно в «дружинных курганах») и в Скандинавии» (сб. 4, с. 24). Этот вывод представляется принципиально важным для понимания исторических процессов, протекавших на Руси в IX–XI вв.

В заключение еще несколько слов. Рассмотренный цикл статей несомненно является заметным вкладом в изучение этнокультурных процессов, протекавших в Северной Руси накануне и в период образования Древнерусского государства. Высказанные замечания ни в коей мере не умаляют общей высокой оценки как опубликованных работ, так и всего направления исследований «славяно-варяжского семинара».

---

[16] По просьбе Ю. М. Лесмана, указавшего на опечатку, вкравшуюся в подпись к рис. 2, приводим в тексте правильное чтение.

[17] *Чернягин Н. Н.* Гребень из Псковского городища.– СА, X, 1948, с. 305–309.

[18] *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения.– В сб.: Исторические связи Скандинавии и России IX–X вв. Л., 1970, с. 226–252.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ – Археографический ежегодник
АПНП – Археологические памятники Нижнего Подонья
АЭС – Археолого-этнографический сборник. Грозный
БГУ – Башкирский государственный университет
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАН – Вестник Академии наук СССР
ВГПИ – Волгоградский гос. педагогический институт
ВИ – Вопросы истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии
ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. (Под ред. С. Н. Валка). М.– Л., 1949
ДБК – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГС – Древности Геродотовой Скифии. СПб., вып. I, 1866; вып. II, 1872
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАН Туркм. ССР – Известия Академии наук Туркменской ССР
ИБАИ – Известия на Български археологически институт
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР
ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИКЗ – Историкокраеведческий музей. Волгоград
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского Географического общества
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928
КД – Каракумские древности. Ашхабад
КНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАД – Материалы по истории Дагестана
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАР – Материалы по археологии России
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ — Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ СССР и РНР – Материалы по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики, Кишинев
МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
НВИК – Нижне-Волжский институт краеведения
НИС – Научно-исследовательский сектор
НС – Нумизматика и эпиграфика
ОДУ – Одеський державний університет им. І. І. Мечникова
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
ПСА – Проблемы скифской археологии
САЭ – Советско-Афганская экспедиция
СГУ – Саратовский гос. университет
СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТКИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТПАЭ – Труды Поволжской археологической экспедиции
Тр. ВУАК – Труды Воронежской ученой архивной комиссии
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ТХАЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ашхабад
Уч. зап. ПГУ – Ученые записки Пермского гос. университета
AAH — Acta Archaelogica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AUSAV — Archeologicky Ustav Slovenskej Akademii Ved. Nitra
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
ASM — Archeologické studijni materiály. Praha
EAZ — Ethnografisch-Archeologische Zeitschrift. Berlin
MittArchInst — Mitteilungen des Archeologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften Budapest
MRT — Magyarország Régészeti Topográfiája
SA —Slovenska archeologija. Nitra
SC — Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
WAr — Wiadomósci Archeologiczne. Warszawa